

ДРУГИЕ
МИРЫ

Ольга Гусейнова

ВЕНЧАННЫЕ ОГНЕМ

Annotation

Три девушки. Три истории любви. И когда прежняя жизнь сгорела, а новую надо заслужить, они пройдут сквозь многое, чтобы обрести шанс на новое будущее. Помогут новым удивительным мирам, при этом оставаясь нежными, но сильными духом. А взамен Высшие пообещают им главное: мечту, свободу и любовь.

- [Ольга Гусейнова](#)
 -
 - [Книга первая](#)
 - [Книга вторая](#)
 - [Книга третья](#)
-

Ольга Гусейнова

Венчанные огнем

© О. Гусейнова, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Книга первая

Второй шанс для Алев

Пролог

– Здесь прекрасная лоджия с видом на парк, и вообще, два балкона – это очень приятный бонус, как вы считаете, Алев? И не забывайте, этот район весьма и весьма хорош по всем характеристикам. Вы молодая, заведете семью, и близко расположенные садики, школы и магазины будут очень важным преимуществом именно этой квартиры.

Настойчивый голос риэлтора Марии доносился до меня будто издалека. Я остановилась возле одного из окон двухкомнатной квартиры, которую собиралась купить, и вглядывалась в озаренную солнцем даль. С десятого этажа легко быть ближе к солнцу и теплу, которого внизу сейчас так не хватало.

– Хорошо, Мария, я вас поняла и согласна подписать предварительный договор...

Я услышала трель телефона, прервалась на полуслове, вытащила его из сумки и замерла, увидев входящий номер. Потом, глубоко вздохнув, ответила:

– Слушаю?

– Алевтина Штерн?

– Да, говорите!

– Вас беспокоит Ирина из «Ищу тебя», мы нашли одну пару, потенциально подходящую под ваш запрос. Вы могли бы подъехать к нам в офис и посмотреть данные?

От долгожданной новости сперло дыхание; нервно потерев висок, я ответила:

– Могу ли я сейчас узнать хотя бы предварительную информацию?

– О, конечно, Алевтина Викторовна, я понимаю ваше нетерпение. Это пара из Восточной Германии. Они живут в Берлине, но именно в то время путешествовали со своим ребенком по России. Попали в автомобильную аварию, и их дочь погибла. Они до сих пор в это не верят: машина сгорела, труп так и не был найден. Все очень похоже на ваш случай, как вы считаете? И еще хочу вам сразу сказать: их фамилия Штерн.

Внутренности словно скрутило в узел. Судорожно сглотнув, я выпалила:

– Я приеду в течение пары часов, в зависимости от пробок. Они знают обо мне и где я живу?

– Да, Алевтина Викторовна! Но, боюсь вас расстроить, предполагаемый отец немного болен, поэтому сами они прилететь не в силах, однако готовы оплатить вашу поездку. Вы согласны?

– Ничего не надо! Я сама в состоянии все оплатить. Для меня главное – узнать, они это или нет. Я слишком долго ждала.

– Я понимаю вас и постараюсь устроить все как можно скорее и тщательно перепроверить.

– Спасибо, Ирина, я буду очень вам благодарна! С сегодняшнего дня я как раз в отпуске и хотела бы успеть все сделать в течение двух недель.

– Хорошо, мы постараемся. До встречи!

Трясущимися руками я убрала телефон в сумку, не в силах поверить, что моя мечта, возможно, осуществилась – я нашла родителей. Сейчас мне двадцать семь лет, и, по приблизительным подсчетам медиков, двенадцать из них не остались в моей памяти. Меня нашли возле сгоревшей машины в одной рубаше до колен; кроме своих имени и фамилии – Алев Штерн – я ничего не помнила, а на безымянных пальцах обеих моих рук красуются яркие черные татуировки колец с языческими знаками. По предположению врачей из спецприемника, мне было тогда двенадцать лет. Социальные службы, после коротких и бесплодных поисков родителей, определили меня в один из московских детских домов. Это время я до сих пор вспоминаю как самое страшное испытание в жизни.

Я очутилась в новом месте, не зная даже языка и ничего о себе не помня. Оно стало моей первой школой на выживание. В мире детской жестокости я превратилась в маленького дикого зверька, но потом именно эта школа не дала мне замкнуться и сойти с ума в борьбе за выживание, заставила начать думать о будущем, а не пытаться вернуть утраченное.

Я настойчиво училась всему, что по какой-то причине забыла. Потом с интересом начала расширять свои знания, причем в самых разных областях жизни. Ведь именно они и невероятное упорство позволили мне поступить в университет сразу по окончании школы, получить от государства свою комнату в коммуналке и затем найти приемлемую работу. Вот уже два года я ведущий экономист в крупной торговой компании и получаю очень приличные деньги. Я научилась готовить, вести домашнее хозяйство, но главное – всегда и везде держать голову прямо, словно свысока взирая на всех.

Я работала как на каторге, чтобы утвердиться в жизни, и надеялась, что все изменится, как только узнаю, кто я. Из-за этой слишком навязчивой идеи я так и не завела друзей и даже любовника. Для меня важнее было найти утраченную семью. Именно к этой заветной мечте я шла всеми доступными средствами и лелеяла ее короткими ночами и загруженными днями.

Иногда скопившееся напряжение грозило сорвать внутреннюю плотину, которую я годами тщательно выстраивала для защиты от окружающих, опасаясь их мнения и даже чтобы окончательно не увериться, что я отпетый трудоголик, живущий бредовой идеей, который не в силах самому себе объяснить, почему все вокруг кажется таким чужим и нереальным. Как будто смотришь старый фильм: вроде и мир тот же, и все не так уж и незнакомо, но не твое. С момента, когда очнулась возле сгоревшей машины, и по сей день я не могу вырваться из этого старого черно-белого кино, потому что чувствую: я здесь чужая. Именно поэтому с таким фанатичным упрямством искала ответы. Кто я? Откуда?

– Извините, Алевтина Викторовна, вы готовы подписать договор на покупку этой квартиры? – голос риэлтора вырвал меня из хаотичных мыслей.

– Прошу прощения, но мне необходимо неделю подумать. – Я посмотрела на нее студеным взором недовольного директора, пресекая даже малейшие возражения. – Непредвиденные обстоятельства вынуждают срочно вылететь в Германию. Сразу по возвращении свяжусь с вами, Мария, и мы закончим дела.

Кивнув ей на прощание, я быстро покинула квартиру, мысленно уже находясь в полете к своим предполагаемым родственникам.

Глава 1

Войдя в аэропорт, я тут же почувствовала себя усталой и оглушенной. Закончив все процедуры по оформлению, уселась в ожидании вылета. Кресло напротив заняла довольно высокая крупная брюнетка с короткими волосами и яркими голубыми глазами, излучающими оптимизм и тепло. Сбоку расположилась группа немцев, гоготавшая словно стая гусей, рассматривая шапки-ушанки военного образца со звездочками. Незнакомка, поглядывая на немцев, тоже улыбалась их забаве. Впервые в жизни я почувствовала какое-то внутреннее родство с посторонним человеком и неожиданно для себя спросила:

– Вы тоже в Берлин?

– Да, к тетке лечу!

Разговор прервался сообщением о начале посадки на наш рейс. Подхватив свою небольшую дорожную сумку, я отправилась к выходу. Вместе с брюнеткой мы прошли на борт к местам в бизнес-классе, оказавшимся по соседству, разложили вещи и уселись рядом в очередном ожидании.

– Вы впервые в Германию?

Я посмотрела на нее и лишь согласно кивнула. Она же, смущенно улыбнувшись, представилась:

– Я тоже! Меня зовут Юлия.

– Алевтина, но вообще предпочитаю имя Алев!

Пока мы знакомились, бортпроводники начали готовиться к взлету. В самый последний момент, перед закрытием дверей в салон бизнес-класса, они вкатили небольшую коляску для перевозки инвалидов, и высокий солидный мужчина помог хрупкой, болезненного вида девушке пересест из коляски в кресло. В тонких синюшных руках она держала небольшой кислородный баллон, к которому с помощью трубки крепилась маска, закрывающая нижнюю часть лица. Оказавшись на сиденье, она быстро окинула всех пассажиров любопытными карими глазами, но пристальное внимание обратила именно на нас. Заметив ответное любопытство, она оттянула маску и начала разговор:

– Привет, меня зовут Елена. Еду на операцию и надеюсь ее благополучно пережить.

Она сказала это с легкой усмешкой, но мы в первую секунду не смогли сдержаться и нахмурились, сочувствуя и сожалея. Быстро взяв себя в руки, улынулись в ответ и по очереди представились.

Моя соседка сообщила, что летит к своей тетке, и задорной усмешкой постаралась сгладить нашу неловкость в первые секунды знакомства. После нее представилась я и почему-то решила рассказать о цели своей поездки – наверное, из-за храбрости Елены и сердечности Юлии. Удивительно, но я впервые в жизни почувствовала, как рядом с ними исчезает привычное чувство одиночества. Наверное, именно это толкнуло на откровенность и подарило надежду на возможную дальнейшую дружбу:

– Привет, меня зовут Алев. Я сирота, уже много лет ищу своих родителей, и немцы, к которым лечу, возможно, окажутся ими. Кроме имени и фамилии ничего о себе не помню!

Юля и Лена посмотрели на меня с сочувствием, но впервые это не задело мою гордость. Лена спонтанно пожала мою ладонь, пытаясь

поделиться пониманием и теплом.

Наша неторопливая беседа на фоне гула двигателей взлетающего самолета неожиданно прервалась.

Все началось с оглушительной тишины, потом раздался странный хлопок, выпали оранжевые кислородные маски, и волосы встали дыбом. Резкий душераздирающий вопль в конце салона заставил меня схватить Лену за руку, а в мою вторую руку вцепилась Юля. Этот крик показался мне предвестником приближающейся смерти. А затем нас накрыл шквал огня, моего старого знакомого, о котором я пятнадцать лет не могла забыть; боль приняла меня в свои объятия, но ненадолго – вслед за ней пришла темнота.

Я очнулась! Не открывала глаза, но знала и словно видела внутренним взором окружающую действительность. Я не ощущала тела и никак не могла понять, каким образом чувствую и вижу, а главное – мыслю! Вокруг все стало серым, а эмоции превратились в муторные и хаотичные. Одиночество усилилось, как и ужас от того, что меня неудержимо куда-то тянуло.

Впереди возникло необычное светлое пятно, а рядом неожиданно появились две серебристые точки. Они так интересно мерцали каким-то волшебным, серебристым, пульсирующим светом, создавая иллюзию живого организма. Но вдруг они подлетели ко мне, и я почувствовала родство. Елена и Юлия. Кажется, это их души, если все происходило по-настоящему, а не являлось плодом моего воображения.

Испугавшись, что они исчезнут, я бросилась к ним; мы неожиданно слились в единое целое и какое-то время медленно парили в серой мути, наблюдая, как то тут, то там возникают другие неприкаянные души, ищущие свое пристанище.

Было тяжело вот так парить, притягиваясь странным светлым пятном, все еще размышляя о жизни, но одновременно ощущая огромную пропасть в душе. Было необычайно горько сознавать, что двадцать семь лет я потратила впустую. Особенно последние пятнадцать, которые превратились в постоянную гонку на выживание. Ничего хорошего, даже ни разу не была на море, только пару раз в лес на корпоратив съездила, и то сидела там на стульчике, стараясь не ударить в грязь лицом. А в итоге лечу тоскливой серой массой незнамо куда и зачем.

Захотелось побиться головой о стенку от ярости и тоски о несбыточном. Захотелось завести семью, друзей, увидеть мир, насладиться мелочами, а главное – любить. И детей. Боже, как же много я не успела и уже потеряла, даже не заметив!

Мои самобичевания прекратила Елена, внезапно начавшая отчаянно вырываться из толпы душ, несущей нас подобно реке. Ее судорожные движения не оставили нас равнодушными, и мы начали активно помогать ей освободиться от невидимых пут, окруживших нас и удерживающих в сером мареве. И вот, когда мы из последних сил дернули, нам удалось освободиться. Буквально мгновение, и серое марево пропало и оставило нас одинокими странниками в черной пустоте.

Серебристыми призраками мы парили, не представляя, что делать дальше и где мы вообще находимся. Но, тем не менее наше единство придавало мужества. Сколько мы так парили, мне неизвестно, но вдруг перед нами появилось скопление огромных ярких точек, быстро увеличивавшееся и превращавшееся в сказочное ожерелье из звезд. Оно манило и звало, и я потянула девушек к нему.

Темнота вокруг нас сгустилась, превратилась в чернильное пятно, причем ощущавшееся живым. Рядом с ним расплылось яркое светлое облако, совершенно не выглядывшее инородным в этой темноте. А затем я услышала разговор. Станный диалог облака и чернильного пятна в пустоте, в ничто и нигде. Интересно, я окончательно сошла с ума?

– Трое? Это странно, но зато как удобно, ты не находишь?

– Сестра, ты уверена, что приняла правильное решение?

– Да, родной, столько моих детей страдает, я должна помочь им исправить свои ошибки.

– Сестра, тогда одна достанется мне. Мои дети уже слишком много заплатили за чужую вину. Если ты правильно выберешь хрустальную слезу, она станет искуплением и милосердием для них.

– Братец, не много ли ты на себя берешь, требуя у меня чего-то?

– Я прошу. Ведь в них и твоя сущность! И ведь это твои детишки неудачно поиграли в проклятье, ты не находишь?

В пустоте появилось третье пятно, тусклого серого цвета, меня будто укутало одеялом, и стало так тепло и уютно. Пятно же нагло влезло в напряженный разговор расплывчатой парочки.

– Брат, сестра, боюсь, вам обоим придется поделиться. Мои потомки вымирают, и скоро некому будет петь мне священные песни, а сила уйдет в пустоту, как и мы. Слишком много мы давали воли детям, осталось мало времени и возможностей все исправить. Нам необходимо объединиться и решить проблему, иначе созданное погибнет, будет нарушен еще один закон мироздания, а главное – ожерелье миров распадется. Мне будет жаль, а вам?

Ответное молчание тяготило мою душу, заключенную в маленькую

серебристую точку. Я с трепетом ожидала окончания их разговора, догадавшись, что, видимо, это какие-то высшие существа, а может, и божества. И надеялась... неизвестно на что. Странно, но мне казалось, что мои новые знакомые чувствовали то же самое.

– Решено, дорогие братья, я согласна с вами. Каждому миру необходимо дать по одной возможности. Одному из трех видов потомков – шанс на выживание.

– Скажи, дитя, чего ты хочешь больше всего? – раздался в моей голове мягкий любопытный голос.

– Жить! Хочу любить и быть в ответ любимой.

Я почувствовала – или услышала? – такие же ответы от своих спутниц. Мы дернулись, осознав, что ответили синхронно. Значит, облако спрашивало нас одновременно? Серое пятно подплыло поближе, и я еще сильнее ощутила исходявшее от него согревающее тепло и вновь удивилась способности чувствовать при полном отсутствии тела.

– Занятные сущности, сестра? Не ошибись с выбором!

– Нам всем придется поделиться, брат, а тебе особенно, ведь твоим мирам нужна двойная помощь.

Серое пятно потемнело и облетело нашу испуганную троицу.

– Кем ты хочешь быть, дитя мое? – опять спросил женский голос.

И снова послышался наш синхронный ответ с легким удивлением от столь странно поставленного вопроса:

– Женщиной!

– Любой?

Мы молчали, не зная, что ответить, но тут я почувствовала, как ответила Юля, не дав нам с Леной ничего осмыслить:

– Какая разница какой, лишь бы молодой и красивой, но главное – счастливой!

Чернильное пятно заволновалось и тоже приблизилось к нам практически вплотную. Юля и я в ужасе шарахнулись в сторону, а вот Елена, наоборот, потянулась к нему за поддержкой и утешением, разъединив этим движением наше трио.

– За счастье надо платить, ты готова, дитя мое?

Не раздумывая, с отчаянной надеждой, не веря в осуществление невозможного, я выкрикнула, а со мной Лена и Юля:

– Да, я готова!

Светлое облако, изменив форму, задумчиво зависло перед нами, а после выдало:

– Да будет так! Дитя мое, мы даруем тебе новую жизнь, и вы сами

приняли ее такой, какая она будет у каждой. Один дар вы поделите между собой. А с общим и одновременно разным проклятием вам придется справляться самим и поодиночке. Это ваша плата за новую жизнь.

Мы шокированно молчали. Серое пятно, все больше темнея, задало вопрос, а я все сильнее чувствовала исходящее от него ласковое тепло.

– Ты решила, кто, кому и как?

– Я решила положиться на судьбу, наши миры сами притянут достойную. А как? Я чувствую прошедших сквозь пламя, и, боюсь, у них нет другого выбора, кроме как снова принять его. Чтобы полностью возродиться в мире живых, им придется с ним обвенчаться.

Голос в голове замолчал, сущности приблизились, и вокруг нас закружился хоровод, превратившийся в скором времени в единое сверкающее кольцо. Серое марево вспыхнуло миллионом искр, и меня поглотила дикая обжигающая боль. Но перед этим я успела услышать слова белого облака и безотчетно поняла – речь идет обо мне, но обращался он к серому пятну:

– Смотри, брат, твоя наследница все же вернулась! Твой мир заждался своего дитя. Для нее нам придется потребовать у огня вернуть тело, которое он недавно у нее забрал. В твой мир вернулась истинно повенчанная огнем, и мне жаль, что ее родителей нам так и не удалось спасти.

Я буквально горела в белом пламени. Нестерпимая боль ушла, словно старый знакомый пес, вцепившийся в ногу, но вдруг признавший хозяйку,лизал ранки от клыков. И теперь меня мягко качало на горячих волнах, омывающих душу, очищавших ее и словно возрождавших из небытия. Слова Высших обрели в моем сознании истинный смысл. Я вернулась! Я чувствовала, что вернулась домой. Правда, где он, я так и не вспомнила.

Глава 2

Медленно, очень медленно я выплывала из рыжевато-серой мути, оставляя в ней остатки старой боли и хаос мыслей. Наконец я смогла полностью прийти в себя, но не торопилась открывать глаза. Вихрь в сознании постепенно улегся, и я смогла, разложив всю информацию по полочкам, провести краткий анализ и систематизацию воспоминаний.

Мне стало жутко, но вместе с тем в теле родилась необычная легкость, а в душе – надежда. Я открыла глаза и увидела низкие розовые облака, которые медленно, словно нехотя, плыли по небу, изредка открывая

непривычное красновато-розовое солнце. Как будто наперекор тяготению и реальности справа от солнца виднелся дивный серо-голубой полукруг огромного спутника этой планеты. Скорее даже он закрывал собой весь небосвод и нависал над этим миром огромной глыбой.

Без сомнений, это был другой мир. В жизни я привыкла опираться на свое рациональное мышление – именно благодаря рассудительности и логичности я смогла выжить и за пятнадцать лет не свихнуться, но последовавшие после авиакатастрофы события напрочь смели всю логику, заставив вновь чувствовать.

Я глубоко вздохнула, с неудовольствием отмечая, что абсолютно голая, а здесь совсем не лето. Кряхтя и постанывая от мелких судорог, уселась. Тело неприятно покалывало, голова кружилась, все болело, но душа и сознание пели дуэтом. Я жива! Мне подарили новую жизнь! Сложно поверить, а уж принять и подавно, но я, удивив саму себя, не только поверила и приняла новую реальность, но и почувствовала себя как никогда свободной. Еще не знаю, что представляет собой этот мир, но я раздвину рамки того старого черно-белого фильма, в котором жила все эти годы на планете Земля.

Внезапно на колени упала ярко-красная, похожая на кровавый ручеек прядь волос. Я замерла, осознав, что мои длинные, густые, шоколадного цвета волосы вдруг стали красными. И хотя их структура и длина остались прежними, столь кардинальное изменение окраски меня поразило. Я тут же задалась вопросом, что еще во мне изменилось: посмотрела на руки-ноги – вроде те же, только кожа стала смуглее, а ногти, скорее, стали похожи на коготки – длиннее и острее. Ерунда, буду считать, что это новый маникюр.

Пятая точка уже заметно подмерзла на прохладной земле, а живот крутило от голода. Непохожее на земное солнце светило в зените, и пока было довольно тепло, но я не сомневалась: с приходом сумерек непременно станет холодно.

Тяжело вздохнув, я встала, и перед глазами тут же замелькали черные голодные мушки. Немного постояла, дожидаясь, когда они исчезнут, обняла себя руками, в природной стыдливости прикрывая округлые, довольно приличных размеров прелести, и осмотрелась, решая, в какую сторону брести, чтобы найти ночлег. И вообще... мне стоило подумать над планом дальнейших действий.

Маленькая, покрытая густой зеленой травой полянка, на которой я очнулась, осталась позади, а впереди виднелся лишь густой, незнакомый и пугающий лес. Но я не унывала, и с каждым пройденным шагом тело наливалось силой и уверенностью. Я дома! Я живу! И хотя страхи и

сомнения все еще терзали меня, но в голове постоянно всплывали последние слова Высших: «Смотри, брат, твоя наследница все же вернулась! Твой мир заждался свое дитя. Для этой девочки нам придется потребовать у огня вернуть ей тело, которое он забрал совсем недавно. В твой мир, брат, вернулась истинная венчанная огнем, мне жаль, что ее родителей нам так и не удалось спасти».

Ко мне снова вернулась идея фикс – узнать, кто я и откуда. А главное – что стало с моими родителями, если их не удалось спасти этим Высшим. Ступая босыми ногами по земле, я иногда шипела от боли, если что-то острое впивалось в ступни, и все еще боялась окончательно поверить в эту новую реальность. Солнце, скользя по небосклону и обещая земле скорое свидание, плавно сместилось. В густом лесу уже начали скапливаться тревожные тени. Очень хотелось пить и есть, но еще больше – найти хоть какую-нибудь одежду.

Вообще, было страшно вновь очутиться неизвестно где, без малейших знаний о мире, как пятнадцать лет назад. Но тогда я была хотя бы в рубаше. Судьба, похоже, вновь проверяет меня на прочность, не давая расслабиться, и в моей жизни еще ни разу не появился хоть один человек или какое-то другое живое существо, которое меня бы искренне любило и заботилось обо мне. За все время, что я помнила, городская живность – от крыс до последнего дворового пса – меня боялась и ненавидела. А люди старались либо использовать, либо заискивающе заглядывать мне в глаза. Пару раз пытающиеся за мной ухаживать мужчины признавались, что мои яркие желто-карие глаза в первый момент вызывают благоговение, но затем таящийся в них холод заставляет отойти подальше.

Наконец мое внимание привлекли два новых звука. Первый был несказанно приятным журчанием бегущей по камешкам воды, от чего я непроизвольно сглотнула, пытаясь смочить сухое горло. А второй – жалостливый, будто щенячий, скулеж существа, явно испытывающего страх и боль, а может, и вовсе умирающего. Вой маленького животного напрочь отключил чувство самосохранения и осторожности. Я рванула на зов погибающего и, выскочив на небольшую поляну, которую рассекал ручеек, увидела жуткое зрелище. Невиданных размеров змееподобное существо коричневого цвета с зачатками шести пар лап пыталось проглотить странного зверя с черной лохматой шерсткой с блестящими серебристыми кончиками волосков, плоской зубастой мордочкой с розовой кнопочкой носа. Яркие голубые глаза с мольбой и ужасом смотрели прямо на меня, а половина его тельца была внутри пасти ужасного гада. Я судорожно бросилась искать взглядом хоть какое-то оружие, хотя что

можно было сделать с таким огромным монстром, не знала.

Но тут я увидела вторую жертву, которую змей, скорее всего, застал врасплох и задушил длинным многометровым хвостом. Судя по размерам уже мертвого животного, в пасти змея действительно находился щенок. И этот пушистый звереныш, упираясь в разверзнутую пасть чудовища, в ужасе пищал, а мощные челюсти проталкивали его внутрь.

В тот момент мой рассудок полностью отключился и оставил мне лишь желание убить эту тварь. Схватив валявшуюся неподалеку палку, я подскочила к змею и, крича во все горло, ударила его по голове. Он только теперь заметил меня и замер, уставившись жуткими, выпуклыми, фасетчатыми глазами, оценивая новую добычу. Я с размаху ткнула палкой и угодила монстру в глаз, для верности еще и повернула ее.

Змей отшатнулся и с влажным противным звуком выплюнул щенка – тот упал мокрой кучкой и больше не шевелился. Чудище, не обратив внимания на торчащую из глаза палку, бросилось на меня. Я успела отскочить всего за долю секунды до того, как на том месте, где я стояла мгновение назад, начали скручиваться огромные кольца. Только успела развернуться, и огромное смертоносное тело вновь метнулось стрелой. Я же лишь выставила руки в бессмысленном защищающем жесте и с ужасом закричала, уже готовясь к скорой смерти.

Но вдруг я почувствовала, как мой ужас будто плеснул кипятком по рукам, а потом волна огня ударила змея по морде. Время словно растянулось, и я поняла, что этот поток исходит от меня. Змей воспламенился и огромной, подергивающейся в агонии тушей свалился на обожженную пламенем землю. Моя ненависть тут же улетучилась, оставив после себя бушующий в крови адреналин, а затем пришло опустошение.

Я впервые убила живое существо, и от этого на душе стало мерзко и противно. Кинув мутный сумасшедший взгляд на страшную картину, заметила в траве щенка, лежащего без движения. Я кинулась к нему, присела, а потом и вовсе опустилась на колени, наклонившись к тщедушному, но, как оказалось, не такому уж и маленькому телу, размером с овчарку. Но, судя по габаритам его, видимо, мамочки, теперь больше напоминавшей искореженную грудку мяса, он подрастет и станет размером с упитанного пони.

Запах паленой шкуры монстра вызвал спазмы в желудке. Я осторожно дотронулась до смятой, испачканной в слизи шерстки щенка и ощутила, как неровно бьется его пульс и мелко дрожит тело. На глаза навернулись слезы отчаянья: одного я убила ради спасения другого, но в итоге не спасла никого. Не убирая руки с умирающего щенка, я улеглась рядом с ним на

бок и, уткнувшись лбом в его шерсть, заплакала. Страх, боль и одиночество, которые я испытывала пятнадцать лет, проявились с новой силой. Сейчас я сравнивала себя с этим маленьким умирающим животным. Оно, как и я, одиноко и беспомощно в этом, как оказалось, жестоком мире, и рядом, кроме меня, никого нет.

В груди, где скапливалась боль, затеплился странный клубок, который постепенно разросся, вскоре тонким горячим ручейком потянулся по руке и, добравшись до ладони, скользнул к щенку. Тот вздрогнул, я испуганно отдернула руку, а ощущения горячей энергии исчезли. Я посмотрела на ладонь, но ничего необычного не обнаружила. Поэтому вновь неуверенно положила руку на бок малыша и сосредоточилась на поиске и формировании внутри новой горячей энергии. Почувствовав ее, очень удивилась и, все еще неуверенная, направила поток на раненого зверька.

На подсознательном уровне я уловила отзыв его тела и, приблизительно представив его повреждения, начала направлять энергию на темные дыры. Перед моими глазами снова появились мушки, а желудок, протестуя, скрутило, и я чуть не отключилась от истощения, но все же у меня получилось! Лохматый зверь, как выяснилось, мужского пола, вздохнул наконец, легко и свободно открыл голубые глазки и уставился на меня, сидевшую рядом скрестив ноги и обняв плечи.

Я вновь заплакала, когда щенок на дрожащих лапах доковылял до матери и, обнюхав, уткнулся ей в бок, поскуливая и завывая. Я поднялась на ноги – малыш, забывшись в своем горе, не отреагировал – и медленно подошла к туше убитого змея. Потыкав его ногой в жесткую скользкую шкуру, направилась к ручью: мне невыносимо хотелось умыться и попить.

Вода подарила временное облегчение: горло перестало саднить, голодный желудок немного успокоился. Я тщательно умылась и, попытавшись освежить и тело, опустила в воду руки, но замерла, изумленно на них уставившись. На пальцах, где раньше были лишь цветные татуировки колец, сейчас обнаружились два массивных перстня, как бы сказали на Земле, старинной работы. На правой руке он был из блестящего желтого металла, похожего на золото, с красным квадратным камнем и ажурной вязью, а на левой – из серебристого металла с черным камнем в форме ромба, окруженным рунами.

Губы снова пересохли от волнения, и я наклонилась над водой.

– Полный абзац! – давно не употребляемое восклицание самовольно вырвалось изо рта, когда я увидела свое отражение.

Вроде ничего не изменилось, но это смотря с какой стороны посмотреть. Янтарные глаза стали еще больше и ярче и теперь соперничали

с солнечным светом. Ярко-красные волосы словно пламенем укрывали плечи, спускались ниже талии; впрочем, их-то я рассмотрела, как очнулась, а вот такого же цвета брови и ресницы – никогда таких не видела – меня поразили и смотрелись хотя и своеобразно, но красиво. Смуглая персиковая кожа идеально бы сочеталась с цветом волос, если бы не несколько тонких полосок сверкавшей на солнце красной чешуи, начинавшихся у подбородка и сбегавших до плеч. Еще несколько таких же дорожек обнаружили на ягодицах, спине и бедрах. И почему я их сразу не заметила?

Ух ты! У меня еще остроухие, но немного плоские ушки появились! Я медленно подняла руки и коснулась их. Потрогала: глаза все же не врут, это действительно мои ушки. Похожи на сказочные эльфийские, правда, не такие большие, а так ну очень напоминали... А вот губы остались прежними – полная верхняя и чуть меньше нижняя. Клыков не появилось, и на том спасибо.

Внутри все мелко вибрировало от напряжения. Я задалась вопросом: если эти Высшие вернули мне прежнее тело, то, что я на самом деле такое, откуда произошедшие изменения? Мелькнула логичная мысль: «Может, я настоящая каким-то образом пряталась в эти самые перстни?» Но пока ответов нет, и получу ли их вообще – неизвестно. Я еще в той серой пустоте себе пообещала, что больше не буду заикливаться на одной идее и начну жить по-новому и полной жизнью. А своим обещаниям я еще ни разу в жизни не изменяла. Успокаивая нервы, я плеснула воды на лицо и повернулась к новому подопечному. Он, уткнувшись в бок мертвой матери, также лежал рядом, тоскливо наблюдая за мной, от чего у меня внутри все перевернулось.

Страхнув воду с рук и лица, решила осмотреть поляну. За одним из деревьев я нашла глубокую яму, или скорее нору – видимо, дом пострадавших пушистиков. Подошла к щенку и, осторожно протянув руку, погладила его по голове, почесала за ушами, успокаивая и делаясь теплом. Затем тяжело поднялась, осознав, какую трудновыполнимую задачу повесила на себя, но бросить все как есть уже не смогла бы. Я взялась за лапы убитой самки и, кряхтя от натуги, потащила ее к норе. Щенок не возмущался, но полз вслед за нами рядом. В конце концов, с горем пополам, я затолкала ее в нору и начала методично закапывать. Утрамбовав землю, нашла неподалеку несколько камней и положила сверху, чтобы другие животные не раскопали своеобразную могилу.

Из последних сил я добралась до ручья и смыла с себя всю грязь. Снова осмотрелась и удивилась скоротечности вечера. Густые сумерки уже опускались на землю – я могла, вытянув руки, собрать их в ладони. Свет

тягучей патокой сползал на землю, и до ночи почти не оставалось времени. Пройдя по округе, я набрала кучу веток и небольших поленьев и сложила их недалеко от могилы. Пришло время проверить мои догадки насчет огня: если ничего не получится, то, скорее всего, замерзну насмерть. Сначала потыкала в дрова пальцами, потом поворошила. Разозлившись – ну надоел этот танец шамана по призыву бога огня, – махнула рукой, выплескивая отчаянье, и вуаля. Гори-гори ясно, чтобы не погасло! Вот теперь я согласна сплясать вокруг этого костра с бубном.

Удовлетворенно осмотрелась в поисках щенка. Он лежал на противоположном крае поляны и с ужасом поглядывал на огонь. Мой желудок громко заурчал, грозя привлечь внимание тех, кто еще не в курсе, что здесь остановилась одна голая ненормальная, но вполне съедобная, скажем так, женщина. Я взглянула на огромную тушу убитого змея. От внезапно возникшей идеи меня снова затошнило, но организм, нуждавшийся в питании, и тоскливый боязливый взгляд звереныша заставили принять решение.

Совсем скоро у меня был готов нанизанный на палочки змеиный шашлык, которого хватило бы и на завтрашний, и на послезавтрашний день. После ужина, когда я, дрожа от холода, снова мылась в ручье, приемыш сидел возле костра и уплетал мясо.

Этот первый в новом мире ужин я никогда не забуду, особенно способ его добычи. Но детский дом и не такому научил. Спали мы прижавшись друг к другу, и только благодаря теплу моего нового мохнатого друга и костру, который я неустанно поддерживала, я не замерзла ночью.

Глава 3

С того страшного места, где погибла мать щенка, мы ушли на следующее утро. Как только рассвело, я подскочила и, трясаясь от холода, быстро позавтракала зажаренным накануне большим куском мяса. Остальное пришлось завернуть в помытый в ручье лист, очень похожий на лопух.

Новость, что я, оказывается, лечить могу, вдобавок к способности вызывать огонь, естественно, порадовала, но от кишечных расстройств меня эта способность вряд ли спасет. Да и вдруг все мои новые таланты – временный дар, который проявился лишь в стрессовой ситуации. Наконец, полностью осознав все случившееся, я прониклась. Надеюсь, не безумием! Но надо было идти дальше. Куда бы я ни бросила взгляд, всюду

простирались непривычные, разноцветные, радующие глаз леса, поэтому «методом тыка» я выбрала путь и направилась, надеюсь, не на поиски таких же недавних приключений. А еще было бы неплохо разжиться хоть какой-нибудь одеждой, потому что сейчас на мне был лишь смешной пояс из травы «а-ля набедренная повязка» для прикрытия стратегически важных мест. Еще когда я завтракала, в голову пришла идея дать кличку приемышу. Решив, что имя Филипп ему очень подходит, я тут же и озвучила его, правда, сократив до Фильки.

Вчера вечером, встретившись с его голубыми глазами, я неожиданно почувствовала отголоски его эмоций. Стало еще страшнее и горестнее, потому что я в полной мере прочувствовала его дикую боль и ужас от потери самого близкого существа. Я убедилась, что действительно погибла его мать. Сначала я опешила от их силы и только через мгновение, вырвавшись из плена его глаз, смогла разделить с ним переживания и осознать: этот щенок может передавать мне с помощью взгляда свои чувства.

Пока я уходила с этой поляны, оставляя недоеденного змея, Филька постоял над своим бывшим домом, где сейчас покоилась его мать, а потом, тряхнув головой, потрусил за мной следом. Я лишь облегченно перевела дыхание. Это был мой первый в жизни друг, и я боялась, что он не захочет самостоятельно уходить из родного места, но, выяснилось дальше, он принял меня в свою семью.

Мы всегда шли только днем, и тогда же пытались охотиться. Иногда получалось удачно, но чаще оставались голодными, однако все равно упорно продвигались дальше. Магия огня уже не раз спасала нам жизнь, особенно по ночам. У Фильки оказался превосходный слух, и в темноте приходилось практически полностью полагаться на него. Как только он чувял опасность, он тревожно заглядывал мне в глаза и делился своим страхом. Тогда я не сомневаясь хватала горящие ветки и вставляла в защитную стойку.

Филька за неделю привык к огню и чувствовал себя очень уверенно, находясь подле него. Или прячась за мной от других хищников. С каждым днем становилось все теплее, и по ночам я уже не боялась замерзнуть насмерть. Меня исправно грел друг, помогал и костер, который я все время поддерживала.

За две недели нашего путешествия мы не встретили ни одного человека. Или кто здесь еще разумный живет?! Зато я хорошо ознакомилась с флорой и фауной чрезвычайно опасного места для женщины, которая за свои двадцать семь лет была в лесу всего два раза. Посему экстремальный

образ жизни, который я вела сейчас, стал настоящей школой выживания. Пару раз, после поедания очередной неизвестной зверушки, меня выворачивало наизнанку так, что я потом сутки отлеживалась, не в силах двигаться дальше.

В итоге, я и в этом вопросе доверилась Фильке: раз ест он, значит, и мне можно. А вот если он фыркнул и укоризненно посмотрел на меня, можно считать: «Фу, кака».

Кроме того, я начала с удовольствием с ним беседовать, рассказывала о своей юности, проблемах и вообще о жизни. А иногда мы вечером сидели возле костра, и он тоскливо смотрел на меня голубыми глазами. Я понимала, что сейчас он во власти тяжелых воспоминаний, и ему плохо. Обнимала его за шею и гладила, делаясь своим теплом и сочувствием. Чего мне самой так не хватало в детстве, я отдавала ему, и неважно, что он животное. Главное – он мой!

Вот так мы стали с Филькой близкими, родными существами. Действительно странной, но крепкой семьей.

За две недели совместного путешествия Филя окреп и подрос, я скинула лишние килограммы (если они и были), нарастила мышцы. Особенно на ногах, которым без обуви доставалось страданий вдвойне.

Однажды утром после нечастого сытного завтрака мы вышли к каменному обрыву. Внизу бежала узкая лента реки, исчезавшей за поворотом. Не придумав ничего более разумного, мы пошли вдоль нее. А когда река, петляя между камнями, пропадала из виду, нам приходилось скакать по сплошному курумнику и рисковать переломать себе ноги. Потом снова показывались щебенка и резкий обрыв. Странными были и место, и река, но не мне об этом говорить с таким-то появлением в этом мире.

Неожиданно нога попала в незамеченную ямку, и я с громким «а-ах» полетела вниз, скользя по обрыву. Но удача снова оказалась на моей стороне: я упала на небольшой уступ, а у скалы виднелся черный обвалившийся зев, который образовывал неглубокую пещеру. Скорее всего, очередной обвал привел к тому, что в земле вскрылась естественная пустота. Так бывает. Какие-то жесткие, острые предметы впивались мне в щеку и под ребра. Приподнявшись на руках, я встряхнула головой и посмотрела, на что это меня угораздило плюхнуться. Как только мне удалось сфокусировать взгляд, воздух содрогнулся от вопля.

Я наглым образом развалилась на трупе. Точнее, на полуистлевших, а теперь еще и раздавленных мною человеческих костях. Бр-р-р! Моментально спохватилась, кинулась в сторону и тяжело прислонилась спиной к стене. В этот момент мимо меня пролетел Филька и рухнул на

многострадальные кости. Взыв от боли, вскочил, оглянулся и, оценив обстановку и обнюхав находку, укоризненно на меня посмотрел.

Похоже, я оказалась не в пещере, а в чьей-то могиле, причем, судя по яме, обрыву и состоянию костей, это было очень старое захоронение – возможно, ему несколько сотен лет. Вон даже деревья-гиганты на обрыве успели пустить корни и прорасти глубже – только они держали этот уступ и не давали ему окончательно сползти в реку. Сглотнув от пережитого страха, я начала внимательно рассматривать останки. Слишком длинные фаланги пальцев и слегка вытянутый кверху и в затылочной части череп вызвали сомнения, что кости принадлежали человеку.

А потом я случайно задела ногой ком земли, и на свет появилась еще одна кость – фаланга с необычным кольцом. Несмотря на время и налипшую грязь, оно блестело и притягивало взгляд. Ну, сорока я – люблю все сверкающее, ничего не поделать. Находка не обман, ну и что она зря тут лежит. Подняла и снова почувствовала какое-то тепло.

Очень странное кольцо. Честно говоря, я отдавала себе отчет, что нельзя вот так трогать, а тем более надевать украшения, принадлежащие мертвецу. Но что до этого моей жадной до ярких штучек женской натуре, особенно с учетом голого зада – надеты на мне два перстня. А тут им в комплект кольцо с большим камнем, правда, блеклым, но вдруг это просто алмаз необработанный.

Надела, ничего необычного не произошло, только еще больше стало тепло, а потом краем глаза увидела, как что-то еще сверкнуло на солнце. Перевела взгляд и обомлела: на валяющемся в трех шагах от меня черепа блестела диадема. Или обруч с таким же блеклым камушком в центральной, чуть выпуклой, части. И кольцо, и головной обруч, похоже, составляли комплект. Красивая сияющая вязь на серебристом металле привлекала внимание и восхищала изысканным исполнением и блеском. А вот блеклый камень будто поглощал свет. Странное сочетание.

Поднявшись, я вслух извинилась перед обладателем сокровища и, чувствуя неловкость, сняла обруч с черепа. В следующее мгновение кости рассыпались прахом. Ветерок подхватил серую пыль и понес к небесам, создавая замысловатые рисунки. В этот момент казалось, что солнце играет со мной, потому что пыль светилась и переливалась, растворяясь в воздухе. Мне бы испугаться или испытать стыд за свои мародерские действия, а я лишь почувствовала облегчение, словно произошло чудо и кто-то сейчас наконец обрел долгожданную свободу. Надеюсь, когда-нибудь я смогу узнать правду.

Вечером, что было ожидаемо, похолодало, и мы с Филькой, как

заведено, прижались друг к другу и грелись у костра. Правда, перед этим потратили несколько часов, выбираясь из каменной ловушки. Я ободрала локти и колени, но все же мы смогли выбраться наружу. Фильке случайно удалось поймать большую глупую птицу, опрометчиво затеявшую брачные танцы перед сородичем, не обращая внимания на окружающие опасности.

Пока дичь запекалась, я вертела в руках обруч, чтобы внимательнее рассмотреть его в свете костра. Новое кольцо свободно снималось и надевалось, в отличие от моих с черным и красным камнем в похожей оправе. Поэтому я, не ожидая подвоха, не удержалась, подошла к ручью и, рассматривая отражение, пристроила на голове обруч. Снова возникли ощущения тепла и странной родственности, немного встряхнувшие и напугавшие меня. Я захотела снять диадему, но не смогла – она как будто вросла в голову, и теперь белый камень сверкал, располагаясь четко посередине лба возле края волос.

– О-о-о, и как я теперь с этой звездой во лбу ходить-то буду? Голая, но зато вся в драгоценностях. Новогодняя елка! В лесу! Хорошенькое дело!

«Месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит», – вспомнилась мне сказка Пушкина. Шлепнув рукой по воде с досады от очередной совершенной глупости, выплеснула негативные эмоции и повернулась к Фильке. Показалось, этот черный, уже нагловатый зверь лежит и, глядя на меня, ухмыляется. Поросенок!

– Ты почему меня не остановил? Родственник называется!

Филипп тут же поднялся и, подбежав ко мне, начал вылизывать лицо шершавым языком.

– Да ладно, я сама знаю, что дура, но так люблю все блестящее и красивое.

Еще раз повертела кольцо, диадему, но снять их так и не удалось; но, опять же, странное дело – диадема села так, что практически не прижимала к голове волосы, и они все тем же пламенным водопадом струились по плечам и спине. Благодаря им я чувствовала себя хоть как-то прикрытой сверху. А вот чтобы прикрыться снизу, до сих пор плела длинные лохматые венки. Прямо лесная нимфа, если бы не красная чешуя, проявляющаяся во время нервного напряжения или испуга.

Глава 4

Впереди мы заметили светлую прогалину и с любопытством на нее вышли. Небольшой пригорок, а над ним высился... змей. Причем тот,

которого я недавно убила, был просто деточкой по сравнению с этим. Жуткое чудовище невероятных размеров. Филька трубно зарычал, припадая к земле, и этот змей нас увидел и ринулся в атаку. В самом начале я пыталась отбиваться палкой, целясь в глаз, потом в ход пошли огненные сгустки. За две с половиной недели я научилась пользоваться огнем, но определять свои резервы пока не могла и теперь не хотела остаться совсем без защиты.

Стараясь, чтобы Филипп все время был позади меня, мы двигались вокруг пригорка, играя с монстром в кошки-мышки. Станный какой-то этот змей, у меня складывалось впечатление, что он вынуждает меня действовать так, как нужно ему. Неужели он разумный?!

Через мгновение причина его поступков прояснилась. В очередной раз отпрыгнув, я споткнулась о Фильку, и мы кубарем покатались по земле и провалились в дыру. Посчитав боками все выбоины и колдобины, я рухнула на земляной пол, а сверху, заставив меня зашипеть от боли, упал Филипп. Зверь за время пути так вырос, что я на нем скоро ездить смогу. Ожидая нападения, мы резко вскочили и начали осматриваться. Мой щенок глухо зарычал, а шерсть встала дыбом. Но стоило и мне оглянуться... Если бы у меня была шерсть, она тоже встала бы дыбом, но вот язык очень даже настоящему прилип к небу.

Мы попали в пещеру Аладдина, не меньше. Всюду стояли деревянные сундуки, покрытые паутиной и пылью, но сломанные или открытые крышки позволяли увидеть несметное богатство. Множество ящиков, сундуков, оружия, но главное – книги. Пещера освещалась двумя светящимися шариками, подвешенными к потолку. А посреди пещеры... мужчина. То, что мужчина, – сомнений не вызывало, вот только кто такой или что он такое, совсем непонятно.

Длинный черный кафтан доходил до середины бедер, если бы они у него были. До талии – почти человек, а ниже – змея. Толстый короткий хвост, свитый кольцом, постукивал кончиком по полу, не поднимая пыли. Вся кожа этого «господина» отливала синим цветом. Он был с меня ростом, с черной короткой шевелюрой на голове и глубоко посаженными темными глазами; нос плоский, а толстые губы не скрывали с обеих сторон парных клыков. Вид у него был солидный, опасный и слишком взрослый. Не старый, но, судя по мудрости и усталости во взгляде, прожил он немало лет.

Я быстро перекинула волосы вперед, чтобы закрыть обнаженную грудь, и, отчаянно смущаясь, выдавила сквозь зубы:

– Здрасьте!

Он молчал и внимательно разглядывал меня с ног до головы, вызывая во мне волну раздражения. Я тоже демонстративно на него смотрела и строго спросила:

– Это ваше творение там ползает?

Странный субъект направился в мою сторону, Филька умолк и прижался к моим ногам, а я при приближении змееподобного почувствовала внутри холод. Он скорее летел, чем полз по-змеиному, и это навело меня на нехорошие подозрения.

– Кто ты, дитя?

– Пришелец из другого мира!

Мое ядовитое замечание не лишило его абсолютного спокойствия, только его брови скользнули вверх. Снова окинув меня взглядом, с любопытством пробормотал:

– Это вряд ли! Полукровка! Да еще какая?! Дракон и эльфийка, как же это их угораздило, да еще и потомство дали... Сколько тебе лет, красавица?

Все его странные высказывания заставили меня напрячься, но и очень сильно заинтересоваться, и только поэтому я ответила честно:

– Двадцать семь! По крайней мере, когда меня нашли, врачи установили мой примерный возраст – двенадцать лет. С тех пор прошло пятнадцать.

– Это невозможно! Проклятие действует, а значит... Ты правда из другого мира! – Он смотрел на меня с удивлением и любопытством. Я прямо-таки чувствовала, как в его голове роятся мысли, и он готовится принять какое-то решение. – Расскажи мне о себе, пожалуйста!

В этот момент Филипп устал жаться к моим ногам и, снова почувствовав себя главным и грозным, бросился на обитателя пещеры. Испугавшись за мужчину, я уже подняла руку в останавливающем жесте и открыла рот, чтобы крикнуть «фу», но следующие события меня потрясли. Филька пролетел сквозь хвостатого, будто слегка его развеяв, а потом, пробежав еще пару метров, резво развернулся и, оскалившись, зарычал. Снова бросок, и все повторилось, а я так и стояла с разинутым ртом. Призрак, вот те на!

– Здравствуйте!

– Мы с вами уже сегодня здоровались, красавица. Как вас зовут? Полностью!

Еще не отойдя от культурного шока (одно дело чешую на себе обнаружить, а другое – настоящего призрака встретить), пробормотала:

– Алев Штерн! Это единственное, что я помнила, когда меня нашли.

Призрак снова задумался, рассматривая меня, а я, все так же затаив

дыхание, оглядывала его. Он подплыл ближе, рычание Фильки усилилось, а у меня изо рта повалил пар.

– Покажи родовые кольца, девочка!

Я протянула руки, но так, чтобы не касаться его.

– Невероятно, но, похоже, всё правда. Пятьсот лет назад, перед самым проклятием, прошел слух: наследник Красных Драконов нашел свою истинную в лице темной эльфийки из рода Черных Штерназия, и они полюбили друг друга. Но сначала случилось проклятие марханов, а потом и глава рода Черных Штерназия проклял свою дочь за любовь к чешуйчатому. Один раз ему даже чуть не удалось убить их обоих, но наследник спас любимую. Через пару лет они пропали, все крылатые их без толку искали. Говорят, некоторые самые сильные драконы умеют открывать порталы в другие миры... Еще поговаривали, что их похитил глава рода эльфийки и держал в заточении, но без доказательств эти слухи затихли. Драконы тогда рвали и метали, но их и так мало, а уж для полномасштабных военных действий... Зато, я думаю, сейчас все в равных условиях.

– А можно узнать, к чему весь этот разговор о событиях пятисотлетней давности?

Он устало и неожиданно сочувствующе посмотрел на меня. Затем заговорил, перепрыгивая с одного на другое, явно переживая и будучи не в силах подобрать нужные слова:

– Пятьсот лет назад, девочка, была украдена главная реликвия марханов, дарующая нам долголетие и хранящая нашу святыню Дом Предков. Она так и называется Сердце Марханов. Аура эльфов в тот день буквально забивала нос, и вопроса, кто это совершил, не возникало. Ее украли светлые в отместку за отобранную у них территорию светлого леса, но он стал принадлежать нам по военному соглашению. Впрочем, это длинная и совсем другая история, и виноваты все, но светлые решили сделать нас главными виновниками.

Как самый молодой и перспективный боевой маг, я был назначен главой отряда, отправленного в погоню за реликвией. Мы долго искали и наконец напали на след. Несмотря на все мои уговоры, совет марханов собрал всех наших магов и наложил на эльфов проклятие. С этого момента, пока Сердце Марханов вновь не засияет на своем ложе в Доме Предков, ни у одного эльфа не будет потомства. Это страшное проклятие забрало много сил у наших магов, которые должны были с годами восстановиться, но они так и не смогли... Прожить настолько долго. Мой возраст тогда, как и у многих моих соратников, перевалил за пару сотен. Сердце Марханов было

украдено, и отныне мой народ живет не больше пятидесяти лет. Ты можешь представить себе это, девочка? Пятьдесят жалких лет! Утрачивая с каждым годом бывшее могущество, силу предков и магию. Мне страшно даже подумать, что стало с соплеменниками за пятьсот лет. Живущие так мало очень быстро теряют память предков.

– Мне жаль вас и ваш народ, но все же не понимаю, какое отношение это имеет ко мне?

– Кольцо с черным камнем на пальце левой руки указывает на принадлежность к роду твоей матери. Кольцо приняло тебя, а значит, родословная истинная. Ты из рода Черных Штерназия. Кольцо с красным камнем – родовая печать Красных драконов, а его чистый цвет говорит о верхней ветви клана. О других украшениях мы поговорим чуть позже. Так вот, оба кольца признали в тебе хозяйку, а это значит, в тебе есть кровь обоих родов и рас. Такую пару я знаю только одну. И несмотря на то, что я нахожусь в этой пещере почти пятьсот лет, проклятье не позволит никому другому произвести на свет потомство. Наверное, твоя мать забеременела потому, что кровь твоего отца была слишком сильна и горяча, а любовь их истинна. Драконы славятся своим огненным темпераментом, особенно красные. Только вот где они провели столько времени и куда исчезли? Могу предположить, что твой отец унес их из этого мира, и, возможно, именно так они смогли произвести на свет потомство. Но вот каким образом ты здесь оказалась, да еще и без защиты отца, мне непонятно?!

Я вспомнила слова Высших, и слезы неожиданно потекли по моим щекам. Неужели это все? Я все-таки никогда не увижу их? Своих родителей!

– Что такое, девочка?

Я устало опустила на земляной пол и рассказала ему свою историю. Все с самого начала, с подробностями и особенно тщательно пересказала разговор с Высшими. Но я никак не ожидала, что призрак печально и вместе с тем облегченно улыбнется:

– Хорошо, и кто я такой, чтобы не подчиниться воле Высших? – Наклонив голову, он внимательно на меня посмотрел, мягко улыбнулся, демонстрируя клыки, и произнес: – Я помогу тебе, а ты мне! Я исполню два твоих желания, самых заветных, а в ответ ты должна исполнить одно мое. Но ты дашь мне клятву и постараешься сделать все возможное, чтобы выполнить мое поручение.

Я утерла слезы, а потом, тщательно обдумав сложившуюся ситуацию, решила:

– Согласна! Но сначала хочу кое-что узнать, а уж потом приму

окончательное решение. И еще было бы удобнее разговаривать, если бы вы наконец мне представились.

Призрак смущенно хмыкнул.

– Я маг Камос Который Идет до Конца!

Я скептически поджала губы, а потом все же уточнила:

– Это что, имя и фамилия или прозвище?

– Нет, Алев! Маги марханов получают истинные имена, которые отражают их сущность. Прежние уже не важны, в памяти нашего народа мы остаемся с последним именем. Лично я все свои дела выполнял до конца, поэтому получил такое имя. Еще пятьсот лет назад оно было известно каждому, а уж другим народам и подавно.

– Как у вас все интересно! Ну да ладно, сейчас мне важно другое. И первый мой вопрос: сможете ли вы узнать и рассказать мне, что случилось с моими родителями. Мне будет легче жить, зная об этом.

– Я не думаю, что здесь ты права, девочка. Некоторые знания приносят лишь больше боли, а не облегчения. А иные вообще могут принести лишь смерть. Ты уверена, что это твое первое самое заветное желание?

– Да! Камос, я должна знать, что с ними стало. Мне это очень важно, чтобы разобраться с прошлым и войти в будущее.

– Хорошо, девочка, это возможно. Но данное желание я смогу выполнить самым последним. – Я внимательно на него посмотрела, но Камос взирал на меня бесстрастной статуей.

– Второе. Мне потребуются знания об этом мире. О моей магии хочу узнать все, ну или как можно больше. И, конечно, языки! Кстати, а как вы меня понимаете, здесь разве говорят на русском?

– Девочка, – он улыбнулся краешком губ, – прежде всего тебе надо учиться быть внимательнее. Я говорю с тобой мысленно и использую твои знания, преобразовывая их под себя. Это забирает много энергии, но оно того стоит. Если ты присмотришься, то заметишь, я еще не открывал рот. Но если мы договоримся, помогу выучить язык как можно быстрее.

– Итак, мои желания – это правда о моих родителях и знания, – кивнула я, все еще взвешивая его предложение, а потом торопливо закончила: – Ну и, если можно, одежды немного, а то неудобно как-то! Но еще я должна знать, что вы потребуете взамен. Каково ваше желание?

Он медленно отплыл, приблизился к одному из светящихся шариков (видимо, магических) и замер возле шкатулки, покрытой латунной обшивкой. Он не касался ее, стоял и смотрел, а потом поднял на меня жгучий черный взгляд, в котором будто светились неизмеримая боль и лишь небольшой лучик надежды.

– Наш отряд нагнал воров – это была шайка молодых эльфов-отщепенцев, но пока мы с ними... хм-м-м... разбирались, к ним на помощь подоспели старшие. Тогда все были на пределе, они еще не знали о проклятии. Мой отряд уничтожили неподалеку отсюда, а я смог укрыть пологом невидимости себя и обоз с драгоценностями и всем, что они украли у нас... Когда эльфы ушли, я устроил на этом месте убежище. Но меня ранили, смертельно, спастись я бы не смог и бросил все силы на последнее... Привязал свою душу к этому месту. Стал хранителем.

Мы забрали Сердце Марханов обратно, но вернуть реликвию в Дом Предков я так и не смог. А я, Камос Идущий до Конца, никогда не бросал начатого дела. Я ждал... долго... Мое желание или поручение, считай как угодно, – чтобы ты завершила начатое мной. Я выполню твои два желания, а ты доставишь Сердце Марханов в Дом Предков и лично устроишь его на Священное ложе. Мой народ вновь обретет долголетие, восстановит былое могущество и не утратит память о предках. Надеюсь, еще не поздно.

Я шокированно слушала, вся моя душа всколыхнулась от сочувствия и надежды. Я впервые оказалась настолько близко к исполнению заветного желания узнать, кто я и откуда, узнать, любил ли меня хоть кто-нибудь. Ради этого я пойду на все.

– Я согласна, Камос! Согласна в обмен на исполнение моих желаний выполнить твоё поручение. Доставить вашу реликвию по назначению и возложить на её законное место. Клянусь тебе, я сделаю для этого все возможное.

Мне показалось, что он облегченно вздохнул, хотя призракам вроде дышать не требуется, но кто их разберет.

– Я принимаю твою клятву, Алев Штерназия! Странное сочетание. Штерназия – это чрезвычайно ядовитое дерево, растущее в землях темных эльфов, и твой род назван в его честь. За коварство, хитрость и их ядовитые стрелы, несущие медленную, мучительную смерть. Алев – это пламя, истинная невеста огня. Похоже, имя тебе дал отец, а мать лишь обозначила возможные способности.

Она была полукровкой – её мать, твоя бабушка, из светлых эльфов, была отдана за главу Черных Штерназия для укрепления мира. Но твоя бабушка, родив лишь один раз, предпочла уйти к богам, чем жить с твоим дедом. Фаотей Черный долго отыгрывался за это на своей дочери, так что я хорошо понимаю, почему она так стремительно и безудержно отдалась твоему отцу, Суорену Красному. Сбежала с ним.

Твой второй дед, если меня не подводит память, – Санренер Красный, глава Красных драконов. А ты на данный момент – его единственная

внука, хотя ему уже несколько тысяч лет. Неплохой, в принципе, крылатый, но дракон – это сущность и образ жизни, так что... Все остальное я смогу рассказать тебе потом. Чтобы узнать их судьбу, мне придется уйти за грань, и обратно вернуться я уже не смогу. Точнее, смогу ненадолго, лишь чтобы отдать тебе долг.

Поэтому давай сначала займемся обучением и твоей подготовкой к длинному опасному путешествию. Я рад, что твой спутник – мархуз. Это невероятная удача, особенно учитывая, что он еще малыш. Теперь он твой с потрохами и станет самым лучшим защитником.

На последнее замечание, несмотря на количество ценной и потрясающей информации, которая на меня тут изливалась, я ответила раздраженно:

– Не с потрохами! Мы теперь семья, и он – мой маленький брат. По крови! По боли! По теплу!

Камос окинул нас с Филькой суровым взглядом, а потом неожиданно смягчился и произнес, заставив и меня расслабленно вздохнуть:

– Тогда я тем более спокоен, клятву ты сдержишь. Верность и преданность слишком дорого ценятся в мире, где о них уже начали забывать. Слава Высшим за такой подарок моему народу. Не будем же терять времени и займемся важными делами. В первую очередь разберемся с одеждой. Я хоть и неживой, но все же мужчина!

Я опустила голову, чувствуя себя смущенно и неловко, но стыдно мне не было. То ли дело в том, что он призрак, то ли в том, что в своем нынешнем положении я абсолютно не виновата.

В итоге мне устроили короткую экскурсию по пещере Камоса-Аладдина. В одном из сундуков обнаружилась одежда. Старинная, пыльная, но благодаря заклинанию Камоса абсолютно не поврежденная временем. По той же причине в пещере все пребывало в идеальной сохранности, в том числе главное ее достояние – книги. Покопавшись в вещах, я смогла себе кое-что подобрать. Но, к сожалению, в связи со строением тела марханов штанов я не обнаружила. Поэтому, найдя небольшой мешочек с ниткой, иглой и еще несколькими бытовыми мелочами, решила пошить их сама.

Таким образом, мы с Филькой поселились в пещере, и я впервые с попадания в этот мир спала спокойно, под защитой уже двух охранников. На следующий день я сшила самые простые штаны, правда, под руководством всезнающего Камоса, и, полностью облачившись в привычную одежду, почувствовала себя почти счастливой.

По просьбе Камоса в залежах богатств я отыскала золотой наруч,

который увеличивает способности к обучению, особенно память и скорость восприятия информации. Благодаря ему Камос мог преподавать в ускоренном темпе. Теперь я либо занималась с ним в пещере, либо, греясь на солнышке, черпала знания из книг: о расах, мироустройстве, фауне и флоре, а главное – учила языки народов, населяющих мир Лайванос.

А тот змей у пещеры, что гонял нас в первый день знакомства с марханом, оказался всего лишь иллюзией, созданной Камосом, чтобы отпугивать пришлых. Затежник!

Камос много рассказывал обо всем, что знал, с подробностями, которые не прочтешь ни в одной из книг, раскрывал особенности рас: их слабые и сильные стороны, культурные отличия, менталитет. Вся информация давалась сжато, зато самая важная. Попутно Камос помогал мне освоиться с магией и чрезвычайно обрадовал сообщением, что она никуда не денется.

Пользоваться магией оказалось так же просто, как дышать, главное – не исчерпать резерв. Как Камос пояснил, огонь мне достался от отца, а мама была целителем – беспрецедентный случай для темных эльфов. Такие у них практически не рождались, и вдруг полукровка с редким даром. Тем ценнее она была для всех, и острее к ней была ненависть Фаотея Штерназия. После давней войны, в которой погибли почти все члены семьи деда Фаотея, из ближайших родственников у меня остались он да дядя Дэной – младший брат моей матери. Дед после смерти жены – светлой эльфийки – женился во второй раз уже на женщине своего клана. Второй их сын, брат Деноя, был убит светлыми в одной из стычек.

Пока слушала рассказ о моих родственниках, я то расстраивалась, то приходила в замешательство от того, насколько жесток этот мир. Ничуть не лучше прежнего.

С родственниками со стороны драконов тоже разобралась. Там остался лишь дед, хотя, как заметил огорченный Камос, за прошедшие пятьсот лет все могло измениться кардинальным образом. Ведь он знает только то, что знал живым.

Вдруг Камос, словно обнюхав меня со всех сторон, сказал:

– Я чувствую твою ауру, определенно ты больше драконица, нежели эльфийка.

– А человек? – спросила я.

– Уж точно не человек, – фыркнул маг, повергнув меня в ступор. Я даже сосредоточиться на учебе потом толком не могла.

– А почему тогда драконья кровь проявилась только пятном на заднице и шее, – не сдавалась я.

– Не волнуйся, придет время, и ты раскроешь свои крылья, – со смехом пояснил маг.

После этого у меня появилась новая мечта и желание как можно больше узнать о драконах.

Как оказалось, их делят на виды по цветам и кланам. Из существующих пяти самая низшая, прожорливая и неразумная каста – это небольшие черные драконы. Они – обычные животные, как на Земле обезьяны.

Зеленые – второй вид – считаются разумными, но глуповатыми, их интересы в основном сосредоточены на пище и размножении. Зеленые крупнее черных, но также не имеют второй ипостаси.

Третий вид – красные драконы. Они чрезвычайно умные, сильные, коварные, имеют и активно используют вторую сущность. Образовывают в силу малочисленности небольшие кланы и роды. Пятьсот лет назад, как с грустью заметил Камос, их было не больше тысячи. В связи с тем, что в семьях красных самки рождались крайне редко, для продолжения рода зачастую использовали зеленых, но образовать полноценную семью с ними были не в силах. Красным драконам было просто необходимо обретение второй, истинной половины для гармонии души. Они вечно находились в поисках настоящей пары.

Серебристые драконы обладали высоким уровнем магии, но были обречены на еще большее одиночество из-за малочисленности. Пятьсот лет назад их оставалось не более сотни.

Вершина драконьего вида – золотые драконы. Но Камос сомневался, что на Лайваносе остался хоть один.

– Мне кажется, они ушли из этого мира. Старики поговаривали, что золотые умеют путешествовать сквозь пространства миров, в то время как остальные разумные драконы способны перемещаться лишь на небольшие расстояния. И из золотых, по слухам, рождаются Высшие, которые потом хранят все миры.

Я загрустила – уж очень жаль одиноких драконов, – но Камос и здесь вставил свои «пять копеек»:

– О-о-о, не волнуйся, Алев. – Он ехидно ухмыльнулся, снова продемонстрировав внушительные клыки, и обнадежил: – Как только сородичи услышат о тебе, замучаешься отбиваться от их заботы и предложений о замужестве. И не забудь, огонь в вашей крови заставляет идти на многое, вопреки здравому смыслу. Это единственная раса, которая ставит превыше всего любовь, без колебаний и раздумий. Ни один дракон не рискнет своей парой, даже если на кону будет стоять судьба всего мира.

А тем более если любимая попросит. Видел я пару раз красных во время их брачных игр, и все самцы в округе жались по стеночкам, стараясь не поднимать взгляд на избранную.

Я ощущала себя словно в сказке. В первое время мне не хватало нижнего белья, но я быстро восполнила этот недостаток в одежде. Обнаружив пару длинных рубашек Камоса, принялась за пошив столь необходимых вещичек.

Прожив здесь неделю, привыкла к Камосу как доброму заботливому дядюшке. Столько всего неожиданного, интересного и волшебного он мне открывал, учил, тренировал, я все время была занята, и на глупые и тревожные мысли времени не было. Он не мог покидать пределы пещеры, но зато видел вокруг нее на многие метры. Меня познакомили с боевыми искусствами и научили выживать в лесу. Как без огня зажечь костер и вообще правильно его сложить. Как охотиться и добывать пропитание. Как распознать и использовать различные травы и корни, чтобы разнообразить пищу.

Время не тянулось, как я раньше считала, а пролетало, и однажды я, с удивлением посчитав зарубки на невысоком широком пне, стоявшем неподалеку от входа, обнаружила, что обитаю здесь уже два месяца. Более того, не хочу уходить отсюда. Совсем. Камос стал моим другом, учителем, наставником, и мне неважно, что он всего лишь призрак. Даже вымахавший мархуз Филька чувствовал себя в этом, по сути, склепе как в родной норе. А когда уставал ждать меня или хотел подурачиться, начинал носиться сквозь Камоса, пытаясь его развеять. Мы же с наставником, видя эти игры, смеялись от души.

Наконец наступило настоящее лето, повсюду стали раздаваться птичьи трели. Я сидела перед входом в пещеру и слушала шепот теплого, насыщенного ароматом цветов и деревьев ветра. Местное светило Дрив спряталось за Суаром – спутником Лайваноса, – подсвечивая его голубую поверхность и пририсовывая пламенеющую ауру. Розоватые до этого облака тут же окрасились в разные цвета, будто нерадивый маляр разлил свои краски, – серый, голубой и красный. Замерев, я в который раз наблюдала за небесной феерией и не могла налюбоваться подобной красотой.

– Красиво! – раздался из темноты уже родной голос.

– Да, невероятно красиво!

– Алев, я больше не вижу повода для отсрочки. Тебе надо перебраться отсюда в город. Пора начать нашу миссию.

– Тебе не жаль со мной расставаться? – тихо спросила я, испытывая грусть.

– Даже слишком, Алев! У меня никогда не было никого ближе вас с Филиппом. Отныне ты навсегда останешься моей единственной ученицей. Но на кону стоит существование моего народа, поэтому медлить более нельзя. Да и тебе пора познакомиться поближе с этим миром. Здесь от него не спрячешься.

– Ты думаешь, я уже готова? – Я тяжело вздохнула, про себя все же признавая его правоту.

– Более чем! Но тебе придется взять с собой несколько книг, чтобы по дороге восполнить пробелы. Ты должна освоиться в этом мире, пока тепло. Найти свой путь и, надеюсь, новых друзей и семью.

Я снова не сдержала тяжелого вздоха. Семью хотелось найти очень сильно, но что это мне принесет, было неизвестно. И если в отношении Красных драконов все было более-менее понятно, то чего ждать от темных эльфов? Я боялась. Боялась исполнения своего последнего желания, с которым должен мне помочь Камос. Как он правильно заметил, иногда лучше не знать, чтобы жить дальше. Но я жила по другому принципу.

– Хорошо, Камос, я готова! Что будем делать дальше?

– Сейчас мы соберем тебя в дорогу. Возьмешь одежду, деньги, драгоценности на первое время, оружие подберем. На всякий случай попрощаемся. И не забудь: я хочу, чтобы потом ты помогла найти это место марханам. Здесь находится слишком много нашего наследия. Пусть все вернется на родину, в Дом Предков. Но главное – Сердце Марханов.

Он проследил за тем, как я спустилась в пещеру, и, обведя взглядом ее содержимое, подплыл к кучке своих костей, прикрытых в углу полотном. Это я закрыла их – жутко было их видеть, хоть и знала, чьи они.

– Сними с правой руки кольцо. Теперь оно твое, я передаю его, потому что ты – мой вестник и моя ученица.

Испытывая трепет и легкий страх, я откинула полотно и нашла кольцо. Протерла о брюки и надела. Теперь у меня на пальцах красовалось их целых четыре, по два на каждой руке. Надеюсь, чтобы их снять, мне не отрубят руки! Но я уже продумала этот пункт и нашла перчатки в закромах Камоса.

– Запомни: покажешь любому магу-мархану и потребуешь встречи с советом. Они сами доставят тебя в Дом Предков и помогут выполнить мою

просьбу. После проклятья, наложенного на эльфов, наша цитадель, которая существует с начала времен и рождения первых марханов, закрыта защитным полем. Сплошное кольцо ловушек, но они проведут тебя сквозь него. Теперь о Сердце... – Камос подплыл к небольшой шкатулке, лежащей на одном из сундуков, и указал на нее пальцем. – В ней хранится наша реликвия. Как только ты наденешь его себе на шею, снять сможешь только на территории проклятого города. Поэтому ни передать, ни отказаться от своей миссии уже не получится. Ты готова?

Я кивнула и с трепетом открыла шкатулку. На темном бархате лежало крупное кольцо, в центре которого располагался ярко-синий камень. Он странно пульсировал, и это ощущалось моим сердцем, а не виделось глазами. Живой, светящийся изнутри и пульсирующий камень – невероятно! Со всех сторон его оплетали небольшие серебристые металлические струны, которые словно выстреливали в разные стороны свои лучи. Самое удивительное, что камень и струны никак не крепились к кольцу, но, подцепив пальцем цепочку, на которой висел артефакт, я в недоумении заметила, что все держится вместе, не распадаясь на отдельные части. Я потрясла, еще опасаясь, что он развалится, но... Камос снова тихо засмеялся.

– Какой же ты еще ребенок, Алев. Это магия богов и всех предков марханов, тысячелетиями накопленная и заключенная сюда. Надевай и ничего не бойся, его сможешь видеть только ты, я наложу иллюзию. Если завтра не обнаружишь меня возле себя, просто знай, что у меня ушло слишком много силы, и на ее восстановление потребуется время. Не переживай за меня, теперь все зависит только от тебя, девочка. Ложись спать.

– Но как же... – я удивилась его приказу, потому что ждала сейчас рассказа о родителях.

– Не бойся, Алев! – Камос печально улыбнулся, останавливая меня, и мягко сказал: – Ложись и засыпай. Правда придет к тебе во сне. И помни, это память предков, твоих предков, вырванная у забвения. Она не лжет и не приукрашивает. И тебе с ней жить дальше!

Я подумала, что наш разговор закончен, но мой учитель продолжил спустя мгновение, когда я надела на шею артефакт:

– И еще, Алев, я не сказал тебе одной очень важной вещи. Не хотел, чтобы ты отвлекалась еще и на это. Диадема на твоей голове – это корона светлых эльфов. А кольцо – их символ власти. Отныне ты повелительница светлых эльфов, и никто из них не смеет тебе перечить. Самое смешное – они не посмеют даже убить тебя, это святотатство. Тот, кого признала

корона, – истинный повелитель, а наказание за его убийство накладывают боги. Поверь, благодушием и милосердием они не отличаются... Мне удивительно, что именно ты нашла эти реликвии спустя две тысячи лет после исчезновения их великого повелителя. Он пропал столь внезапно, что светлые, как указано в хрониках, перевернули каждый уголок Лайваноса, но так и не отыскивали его. А ты нашла, всего лишь упав с обрыва. Все эти Высшие играют в свои игры, а мы – простые смертные – потом разгребаем последствия.

Вот так сюрприз! И сколько еще ждет меня в и так нелегкой и неоднозначной жизни.

– Это не они заигрались, а мы, смертные. Они лишь помогают расхлебывать, то, что вы тут наворотили, – парировала я.

Приподняв брови, учитель усмехнулся, качнул головой и жестом показал на лежанку.

– Никому не показывай эти свои украшения! – настойчиво порекомендовал он, пояснив: – Только если твоей жизни напрямую будут угрожать! Запомни, за эту корону готовы не просто убить, за нее пойдут на все. Эти проклятые богами светлые слишком властолюбивы, чтобы так просто отдать власть какой-то девчонке. Для них ты младенец, будь всегда с ними осторожна. Если случится встретиться на темной дорожке, бери с них клятву верности на крови. Любое твоё кольцо послужит гарантом их клятв. Только в этом случае ты сможешь их не бояться. Но я не уверен!

– Не волнуйтесь, учитель, я буду чрезвычайно осторожной. И до поры никому демонстрировать свои козыри не стану.

Он снова неуверенно, тяжело вздохнул, потом скользнул в сторону, все еще покачивая головой и раздумывая, и добавил, заставив меня напрячься:

– Хроники говорят, владельцы подобных украшений могут чувствовать присутствие своих подданных или соплеменников. Будь внимательна, возможно, это правда, и корона поможет почувствовать приближение проклятых и даст возможность уйти.

Я улеглась на импровизированное ложе, которое мы давно соорудили с Филькой в углу пещеры, и он тут же примостился у меня под боком. Очень скоро, несмотря на напряжение, страх и нервозность, я уснула. А потом пришли они. Невероятные сны-видения!

Смуглый мужчина с яркими желто-карими глазами и пламенной шевелюрой спадающих до талии волос полулежал на тахте, склонившись над прекрасной зеленоглазой женщиной с персиковой кожей. Она была удивительно похожа на меня, только с волосами шоколадного цвета с золотистыми прядками. В ее глазах было столько любви, сколько я никогда

ни у кого не видела, а лицо мужчины светилось такими нежностью и благоговением, которые не описать словами. Эта пара не просто любила друг друга – они дышали друг другом, словно сливаясь в единое целое. У меня защемило сердце от узнавания и боли.

Следующий кадр – и снова эта пара. Стоят возле странно светящейся полосы, которая все расширяется, поражая необыкновенным серебристо-голубым светом. На лице мужчины застыла маска ярости и жажды убийства. Его глаза сверкают уже не янтарным светом любви, а смертельной чернотой. Он бережно закрывает собой хрупкую супругу, похожую на меня так, что становится страшно. Я вижу черные стрелы, летящие в их сторону, и рожденную рукой этого мужественного красавца стену огня, которая преграждает путь летучей смерти. Они шагнули в полосу света и пропали.

Невероятный небосвод, фиолетовые деревья и сиреневое солнце. На фиолетовой траве раскинуто полотно, на котором лежит девочка лет двенадцати с красными волосами и персиковой кожей. Она безмятежно спит в одной исподней рубашке, подложив кулачок под щеку. А рядом с ней сидят в обнимку те же мужчина и женщина. Она с невероятной любовью и нежностью перебирает детские локоны, а лицо мужчины поражает вселенским умиротворением и покоем. Нетрудно заметить, что для счастья у него есть все, и в этой жизни ему больше ничего не надо.

Вдруг появилась жуткая черная воронка, образовавшаяся над столь пасторальной картиной. Девочка просыпается и кричит. Мужчина пытается всеми силами удержать женщину, которую засасывает в воронку, но подобной мощи невозможно сопротивляться. Женщину вырывает из рук мужчины, но он бросается за ней, не раздумывая и не замечая, что девочка, вцепившаяся в его штанину, следует за ним.

Огненное кольцо, в котором находится семья, – пламя костра скрывает их от темных мужчин, похожих на эльфов в моем понимании. Те пытаются рассмотреть, что в кольце, но магия огня не позволяет им этого.

Впереди темных стоит прекрасный эльф с искаженным ненавистью и яростью лицом. Он отдает приказы, но все застыли, не зная, как бороться с огнем. Из кольца вырывается огромный красный дракон, а на его спине сидит женщина с развевающимися каштановыми волосами, она испуганно прижимает к себе девочку и молится всем богам о том, чтобы они спасли хотя бы их дитя. Туча черных отравленных стрел взмывает ввысь, пронзая женщину и дракона. Их одновременный предсмертный вопль сотрясает небеса. Они могли бы спастись, но яд уже начал действовать.

Последний стремительный рывок к небесам – и раздается прощальный

рев дракона. Последние секунды жизни они посвящают спасению их любви, их частички, их единственного дитя.

Семью обнимает пламя, ревет и взмывает ввысь, забирая жизни дракона и черной эльфийки и унося в безопасность их дочь. В другой мир. Лишь в последнее мгновение испуганное дитя слышит крик матери: «Запомни, твое имя – Алев Штерназия, и наша любовь всегда с тобой. Навечно!»

Я проснулась в слезах и еще около часа, не меньше, рыдала и не могла успокоиться. Эхом в голове раздавались слова матери. У меня не получалось прийти в себя, и я решила выйти наружу. Во мне яростно ревел огонь – боль полыхала негасимым пламенем. Как я могла забыть это? Как? Почему я помнила имя, но забыла про их любовь? Неужели огонь выжиг из меня все, просто чтобы я выжила? Спаслась!

Спину немилосердно обожгло, а потом огонь пробежался по всей коже. Я испуганно начала раздеваться, и там, где кожа обнажалась, будто вспыхивали маленькие язычки пламени – блестела красная чешуя. Теперь я стояла обнаженной, а боль и страх стали сильнее разума. Мгновение, и моя боль вырвалась диким ревом драконицы. Крылья наполненными парусами хлопали за спиной, а мощные когти впились в землю, вырывая ее комками. Мозг, казалось, сейчас взорвется от миллионов запахов, а свет преобразился, и непроглядная темнота ночи превратилась в мягкий серый полумрак. Я услышала рычание за спиной и медленно, неуклюже развернулась, волоча по земле длинный хвост. Я стала гораздо крупнее, чем была в человеческом облике – скорее эльфийском, но об этом думать не хотелось: отныне темных я ненавижу. Убийцы моих родителей!

Филька яростно на меня рычал, при этом взгляд его судорожно метался по сторонам. Уф-ф-ф. Я наконец поняла, что произошло и почему он так рычит, ведь Филипп – мой названный братец, хоть и лохматый. А я теперь не я, а чешуйчатая и довольно крупненькая драконица. Не Змей Горыныч, конечно, но его приличная половинка.

Я склонила голову и, посмотрев на Фильку, поймала его взгляд. Секунду спустя его растерянность, страх, одиночество и боль утраты накрыли меня с головой. Мне стало стыдно, и я обогрела зверя своими эмоциями, передала ему свою любовь и извинилась за то, что случилось. Более того, неосознанно попыталась передать ему картинки случившегося со мной. И обомлела, когда он успокоился, удовлетворенно уселся передо мной и, все еще ловя взгляд, передал мне картинку полета птицы. Вот теперь и я села, оттопырив длинный остроконечный хвост. Получается, мы теперь можем передавать друг другу мыслеобразы.

В голове все перемешалось, и навалилась усталость – слишком много переживаний и событий, особенно учитывая превращение в дракона. Если бы не все произошедшее со мной до этого момента и не выворачивающий наизнанку душу сон, я наверняка сошла бы с ума, а так лишь слегка нервничаю. И еще одна загвоздка – как мне снова вернуть себе эльфийский облик.

Я повторяла попытки довольно долго, даже запаниковала, но наконец, когда я улеглась и устало положила большую чешуйчатую морду на лапы, почти задремав, внезапно почувствовала прохладу. Встрепенулась и замерла, обнаружив, что снова лежу совершенно обнаженная на голой земле. Так дело не пойдет! Только заболеть не хватало.

Оделась и снова спустилась в пещеру. Камоса нигде не было, но я ощущала: он еще здесь, но невидим. Потратил все силы на исполнение моего желания.

– Спасибо, учитель! За все спасибо! Вы подарили мне знание, надежду и стимул жить дальше. Я не буду жить мстью, я буду любить. Ведь ради меня они отдали все. И любили тоже, а я забыла. Отныне я никогда не забуду, что любовь – это главное в жизни. Клянусь, выполню ваше поручение. И вас еще больше уважаю за вашу любовь к своему народу.

Затем улеглась и практически сразу уснула. Больше не было тревожных мыслей или страхов. Секреты были раскрыты, и теперь можно с надеждой смотреть в будущее. Я должна жить за нас троих.

Глава 5

Розовый рассвет радовал взгляд. Оглянувшись в последний раз на уже ставшую домом пещеру, я прощально махнула рукой в надежде, что учитель увидит, подпрыгнула, поправляя ремни старого рюкзака Камоса, и отправилась в путь. Эх, только коня не хватает да камня на развилке, зато Филипп носится рядом – его детство еще не закончилось, хоть он и был уже внушительных размеров. Лететь в новом облике я не решилась, потому что не умею – это раз, некогда учиться – это два, а три – не знаю, куда девать Фильку, когда встану на крыло. Кто его ко мне привязывать будет?

Душа непривычно пела, и было легко, несмотря на откровение в прошедшей ночи о смерти родителей. Но я была нужна, меня любили, здесь мой дом, хоть и родилась я не здесь. Похоже, мои родители специально покинули этот мир, чтобы уйти от преследования и нелепой чужой ненависти и получить единственный шанс родить ребенка. Но их

корни остались в этом мире, а значит, и мои тоже здесь. Я радовалась новой жизни, новому другу, новой живущей внутри меня сущности, с которой я решила знакомиться постепенно, не торопясь, ведь я ничего о ней не знала и немного опасалась вновь обернуться.

Мы шли уже целую неделю, и вскоре изредка начали попадаться следы пребывания людей. Например, старая брошенная подкова. Я еще сильно удивлялась, как похожи мой мир и этот и их обитатели. А Камос все время ухмылялся на замечания, когда я в очередной раз сталкивалась с чем-то знакомым в старом замусоленном учебнике.

В первый же вечер перед ужином я вновь попыталась обернуться, предварительно раздевшись, и мне, как ни удивительно, легко удалось сменить облик эльфийки на красную драконицу. Теперь я каждый вечер тренировалась превращаться полностью или частично. Вдруг срочно пригодится драконья лапа, чтобы в случае чего в лоб припечатать...

По вечерам или в обед, ожидая, пока закипит похлебка из дичи и корней, я тоже продолжала учиться. Камос одолжил два томика по магии и травам и разрешил оставить браслет для улучшения памяти, но взял с меня обещание, что верну его, как только окажусь на территории марханов. Старый скупердяй! Но он и так слишком много для меня сделал. Дал одежду, немного золота и драгоценностей. С одной стороны, ровно столько, сколько понадобится, чтобы не голодать и достойно закончить свою миссию, но и столько, чтобы у кого-то появился соблазн ограбить или убить. Хотя Камос тогда в очередной раз заметил, что это вряд ли мне грозит, так как мархуз отпугнет любого. Со мной Филька – ласковый щенок, а если кто-то будет мне угрожать, он станет тому смертельным врагом.

Заметив, что близится вечер, я решила устроиться на ночлег пораньше. Развела маленький неприметный костерок, как учил Камос, и принялась за готовку. Филипп стал совершенно самостоятельным и побежал на охоту; видимо, мать все же научила его каким-то азам, а остальное он осваивал по ходу дела. Довольно часто он делился со мной добычей, а иногда и я с помощью магии или тонких стрел и небольшого лука добывала нам еду. С каждым днем стрельба из лука удавалась все лучше и лучше. Как сказал Камос, память предков дает о себе знать. Это как учиться дышать: надо лишь сделать первый глоток, а остальное тело само знает.

Я уже доедала похлебку, когда почувствовала легкую тревогу, а потом из кустов ко мне выпрыгнул Филька, держа в зубах окровавленную птицу. Положил ее рядом и в напряженной позе уставился в сторону, явно чего-то ожидая. Я быстро собрала вещи в мешок, положила его рядом с собой и

накинула легкий плащ с капюшоном так, чтобы никто не увидел мое головное украшение. За перстни я не переживала – на мне были перчатки.

В этот момент я услышала приглушенный землей топот копыт. Надеюсь, к нам приближались люди. Филька еще больше напрягся и ошетинился, а я, впервые увидев его таким, удивилась: Камос прав оказался, Филька – грозный противник. Вон зубы как у саблезубого тигра с Земли.

На поляну один за другим начали выезжать замученные, усталые, одетые нарядно, но все же изрядно грязные мужчины и женщины. И как тут же отметил мой прагматичный ум, в основном это точно были отпрыски богатых родов. Быстро сосчитав молодых высокомерных, несмотря на плачевный внешний вид, дворян, поразила. Двадцать девять человек. Всего шесть девушек, а остальные – молодые мужчины. Впереди восседал на коне красивый брюнет, лет двадцати пяти, не больше, и пристально разглядывал меня и Фильку.

Вся компания настороженно поглядывала по сторонам, а потом снова останавливала взгляд на мне. Я немного успокоилась – среди них не было ни эльфов, ни светлых, ни темных – и решила снять капюшон, а то они вон и так сильно нервничают из-за того, что не могут рассмотреть, кто перед ними. Не успела сделать и движения, как сидящий на сером коне самый взрослый мужчина, ехавший рядом с красавцем-брюнетом, громко и презрительно обратился ко мне:

– Эй, ты, можешь показать нам дорогу до Илисвурга?

Сначала я опешила от приказного тона, а потом, когда до меня дошла суть вопроса, удивилась. Илисбург – столица уже старого королевства Сбург, куда я, собственно, и держу путь, следуя наставлениям учителя и по его же карте. Но эти олухи едут мне навстречу, то есть в прямо противоположную сторону. Более того, судя по их виду, в дороге они очень давно, а до столицы не меньше полутора недель пути. Как они вообще тут оказались?

Я их снова внимательно окинула взглядом, остановилась на молодом приятном парнишке, державшем за поводья красивую рыжую лошадку, на которой сидела ссутулившаяся бледная усталая девушка лет шестнадцати. Мои разглядывания прервал раздраженный окрик того же крупного русоволосого мужчины:

– Ты глухая? А ну быстро отвечай, если проблем не хочешь.

Я медленно скинула капюшон и подняла на нахала взгляд. Уж я-то знаю, какое впечатление производят мои глаза, похожие на папины, да еще и в комплекте с эльфийской внешностью. И не ошиблась, мужчина

побледнел, снова бросил нервный взгляд по сторонам, а в разговор вступил брюнет:

– Приветствую вас, светлейшая! Приношу свои извинения за неучтивый тон моего телохранителя. Могу ли я узнать ваше имя?

Я продолжала бесстрастно и молча пристально смотреть теперь уже в глаза брюнету, заметив, что от этого он занервничал.

– Я Дайрик Бернази, наследный принц королевства Свург, мы еще раз приносим свои глубочайшие извинения светлейшей и просим оказать нам помощь, указав путь.

Я снова медленно обвела компанию холодным взглядом. Так я у себя на работе девочек из финансового гипнотизировала, чтобы больше работали и меньше болтали. Тут, похоже, тоже сработало, потому что снова заговорил принц, а я все решала, о чем с ними говорить, достойно держа паузу.

– Это моя свита, мы отправились на охоту, но, кажется, слишком увлеклись и заблудились. Пару раз на нас нападали в дороге, и часть отряда погибла. С нами женщины, поэтому...

– Мое имя Алев... Штерн! Вы едете в противоположную сторону от Илисворга, насколько я знаю.

Услышав меня, все удивленно замерли, а Дайрик злобно посмотрел на русоволосого, который как-то весь съежился и посерел. В принципе, мне было бы удобнее продолжить дорогу с ними, а не в одиночестве, да и узнать новости тоже хотелось. Все же за пятьсот лет, что Камос отсутствовал, мир мог сильно измениться, поэтому я решила на авантюру:

– Я смотрю, у вас есть лишние лошади... принц?

Он, почему-то неуверенно посмотрел на нескольких лошадей с пустыми седлами, кивнул.

– Ну что ж, если вы подарите мне одну, я поеду с вами и провожу до города. Я сама в этих местах впервые, но у меня есть карта и верный друг, который не даст сбиться с пути.

Все двадцать девять человек с уважением и страхом посмотрели на моего спутника.

– Вы окажете нам честь, светлейшая, согласившись принять столь скромный подарок и составить нам компанию.

Я промолчала, а принц, ожидавший ответа, немного насупился. Мы с Филей прошли вдоль всадников, пристально рассматривая лошадей. Я только вела себя так уверенно и жестко, а на самом деле я впервые видела этих ездовых животных и не знала даже, как садиться на них. Но ехать

верхом точно будет гораздо быстрее и удобнее.

Подошла к одной из лошадок и уже мысленно решила было выбрать именно ее, но заметила, как привлечший мое внимание парнишка морщится. Я медленно обернулась к нему и, улыбнувшись краешком губ, попросила:

– Я не большой знаток в лошадях, поэтому хочу обратиться за помощью к вам, молодой человек. Как вы считаете, какую лошадь мне выбрать, учитывая, что я крайне неумелый наездник?

Заметила, что снова удивились все, а не только парнишка, но, судя по заалевшим щекам, мое внимание и просьба доставили ему удовольствие. Быстро спрыгнув со своего коня, он подошел к серой невысокой лошадке и, отвязав ее повод от луки другого седла, под недовольным взглядом всадника подвел ее ко мне.

– Вот, эта самая тихая, спокойная и хорошо обученная. Ее кличка Тихоня. Хорошее приобретение, как по деньгам, так и по породе. Она выносливая, добрая и преданная.

– Спасибо...

– Ален Карен! – представился он и жестом показал на девочку, которую я заметила ранее. – А это моя сестра Айлен, наши родители – придворные маги и будут вам очень благодарны за помощь.

– Спасибо, Ален!

Сумерки уже словно облепили серостью, резко превратив день в глубокий вечер. Мужчины начали готовиться к ночлегу, некоторые, нехотя и тревожно вглядываясь в темноту леса, ушли за дровами. Женщины усталой стайкой птиц расположились кружком, поглядывая на меня с любопытством и нескрываемой завистью. И лишь Айлен одиноко сидела в сторонке, боязливо озираясь по сторонам. Я поймала ее тоскливый взгляд на мой костерок и поманила рукой. Ее брат в это время активно помогал собирать хворост, в отличие от многих других, без страха и неуверенности.

Как только Айлен подошла и напряженно взглянула на меня и Фильку, я сказала:

– Предлагаю разделить тепло моего костра, и если не побрезгуешь есть из моего котелка, то и пищу.

Она удивленно посмотрела на протянутый мною котелок и, покраснев, согласилась. Я заметила, что напряженный до этого момента Ален расслабился и продолжил помогать остальным уже более спокойно. Хороший брат и защитник. Остальные не решались подходить ко мне, зато Айлен, с удовольствием уплетавшая пищу и согретая теплом костра, поведала мне их историю.

Как оказалось, толпа городской знати, более ста человек, во главе со своим принцем с гиканьем и шумом отправилась на очередную королевскую охоту. Но в этот раз все с самого начала пошло наперекосяк, и очень скоро компания непостижимым для всех образом заблудилась. Они бродили по старым тропинкам словно кругами, все дальше уходя от города и дворца. Через пару суток из отряда начали пропадать люди. Два раза ночью на них нападали неизвестные существа, которых в темноте никто так и не смог разглядеть. Знать в начале своего путешествия ленилась следить, чтобы слуги поддерживали огонь. Зато теперь первым делом они организовывали большой костер и даже выставляли караул. Но люди все равно продолжали пропадать. И теперь они находились на грани помешательства от страха и непонимания, что вообще происходит и как выбираться домой.

Я заметила, что Айлен оставила в котелке ровно половину еды и поставила его поближе к костру, чтобы не остыло. Когда я готовила, не знала, поймает ли кого-нибудь Филька, и рассчитывала в случае чего его покормить. Но сейчас он догрызал свою добычу, лениво поглядывая по сторонам и отплевываясь от перьев.

К нам неуверенно подошел Ален, словно не зная, как я отреагирую на его присутствие. Я приветливо улыбнулась и жестом пригласила присоединиться:

– Сестра оставила тебе поесть, и если хотите, можете остаться возле нашего костра. Мы с Филиппом будем только рады вашей компании.

– А вы не хотите, светлейшая Алев, присоединиться к нашему костру?

Я обернулась и посмотрела в искрящиеся вызовом и восхищением глаза Дайрика. Раздраженный взгляд, который он бросил на брата с сестрой, подсказал мне: принц недоволен, что я предпочла его обществу другую компанию. Но потакать его самолюбию я смысла не видела.

– Нет, спасибо, принц!

Пока он молча обдумывал мой короткий отказ, Филипп насторожился, бросил на меня короткий взгляд и, получив разрешение жестом, рванул в лес. Я же заволновалась, потому что обычно мой побратим себя так нервно не вел. Все спутники принца проводили стремительно мчащегося черного мархуза, а потом напряженно взглянули на меня, ожидая пояснений. Я одернула серый плащ, перекинула пламенную косу с плеча на спину и присела рядом с Айлен и Аленом, не торопясь с объяснениями.

– Можно задать вам нескромный вопрос, светлейшая Алев?

Я вскинула глаза, посмотрев на принца с легким раздражением. Красивый, только слегка надоедливый и спесивый, хотя, думаю, это

характерная черта всех наделенных властью и деньгами, которая мне откровенно в них и не нравилась. Принц молчал, а я продолжала смотреть на него.

– Я много раз встречал светлых эльфов, но ни разу не видел никого с подобным цветом волос. Они прекрасны, но столь же необычны. К какому роду вы принадлежите?

В учебнике были описаны различия не только во внешности, но и в социально-культурных особенностях темных и светлых эльфов. Светлые в большинстве со смуглой кожей, но светлыми волосами, а темные, наоборот, со слишком светлой кожей и темными волосами. И еще – неправда, что темные живут под землей. Разница лишь в использовании магии.

Темные не гнушаются пользоваться магией крови, а вот светлые используют только природные источники и являются в основном стихийниками. Неподвластен им лишь огонь. Все светлые носят родовые имена: представители высших домов – с приставкой «эс», все остальные – «эр». Темные используют только название рода, и чем серьезнее и опаснее его символ или прототип, тем выше и сильнее род, но доказывать это приходится постоянно. Именно поэтому я с внутренней усмешкой, уверенно глядя в темные глаза принца, произнесла с тщательно скрываемой ненавистью к своей фамилии.

– Алев Штерназия!

Его глаза округлились, и он пытался соотнести мой слишком светлый образ с родовым именем темных. Причем не самых последних в иерархии, но, возможно, самых темных в использовании магии. Пока он и другие, видимо, размышляли о причинах моего нахождения здесь, огромными прыжками примчался мархуз.

Подбежав, Филька задрал голову, ловя мой взгляд. Мы уже неделю тренировались делиться мыслеобразами, и у нас получалось все лучше и полнее. Я присела с ним рядом, утонула в голубизне его глаз и сосредоточилась, чтобы принять информацию. Пыталась снова и снова, но картинка никак не складывалась. Я быстро разворошила свой рюкзак и достала учебник по магии с изображениями различных существ и их описаниями. Судорожно листала страницы под настороженными внимательными взглядами остальных. Несколько мужчин, привлеченных моими нервными действиями, подошли ближе, а я наконец нашла то, что искала, и застыла. Вампиры! Мои глаза метались по незнакомым строчкам, впитывая информацию об этих загадочных жутких существах.

Но времени осталось мало, хоть я и смогла уловить основные положения. Дрив уже почти полностью слился с землей, и лишь Суар да

огонь костров давали освещение. Я продолжала судорожно искать решение возникшей проблемы. Как же избежать подстерегающей опасности?

Это с людьми общаться я обучена великолепно, а вот с вампирами... увольте меня, пожалуйста. Все мои напускные смелость, хладнокровие и безразличие затрещали по швам, но я держалась из последних сил. Рука уже по привычке, появившейся за последнюю неделю, метнулась к груди проверить кулон с артефактом Сердце Марханов. На месте. Я успокоилась: у меня есть важная цель, поэтому надо бороться.

– Что случилось, темнейшая, чем вы так испуганы?

Я слегка поморщилась из-за того, что мой испуг стал достоянием общественности, и начала озвучивать план:

– Мой друг мархуз сообщил, что неподалеку собирается стая вампиров. – Возглас окружающих, и я жестом прошу слушать дальше: – Думаю, чтобы напасть на нас. Более того, как подсказывает Филя, за вами тянется магический след, и именно по нему кровопийцы все время вас преследуют. А еще он показал ваши следы, и, похоже, вы ходили кругами. И еще, скажите, вам кто-нибудь перед дорогой что-то дарил?

Дайрик, пристально слушавший мою речь, замер. Сначала он хотел было возмутиться, но потом явно о чем-то вспомнил. Медленно опустив голову на свои ножны, украшенные драгоценными камнями, он аккуратно отстегнул их и передал мне. Филипп зарычал – чтобы я не протягивала руки, куда не следует, и не лапала что попало. Он подошел сам, обнюхал и, рыкнув, улегся у моих ног, предупреждая дальнейшее движение.

– Что это значит, темнейшая?

Пожав плечами, поделилась своей догадкой:

– Мархузы чуют магию... Любую. Скорее всего, это именно та вещь, за которой путеводной нитью для вампиров тянется оставленный след.

Ропот на поляне усилился, пара женщин заплакала, а русоволосый гигант, который вначале так непочтительно со мной разговаривал, задал закономерный вопрос:

– А кто это может подтвердить, кроме вашего ручного мархуза? Если вы смогли приручить это животное, то кто может поручиться, что и с вампирами вы не сделали то же. Да еще на нас натравили, а для верности и сами решили проконтролировать!

Я этого хама-грубияна даже немного зауважала.

– Никто! И подтверждать или нет, а также поручителей искать я не собираюсь. Это ваши проблемы, у меня своих забот хватает. Вас много, надеюсь, кто-нибудь, да выживет. Во-о-он ваш костер. – Я выразительно подняла подбородок. – Идите к нему, а я одна как-нибудь без вас

переночую. Только советую ножны кинуть в огонь. Это для тех, кому сегодня повезет остаться в живых.

Выслушав мою ехидную отповедь, русоволосый гневно сверлил меня взглядом, но все равно не промолчал:

– Что вы предлагаете?

– Я? Ничего! Я уже все сказала!

Повернулась и наткнулась на Айлен, в глазах которой застыл дикий ужас перед предстоящей ночью. Ален, сидевший рядом с сестрой, судорожно сжимал клинок. Поэтому я, не сомневаясь и не раздумывая, предложила этим двоим:

– Если будете беспрекословно слушаться, оставайтесь рядом со мной. – Они только синхронно кивнули. – Айлен, все время держись позади, но защищай мой тыл. Ален, тебе придется сражаться рядом со мной и следить за происходящим вверху. Как я понимаю, у этих тварей есть крылья. Эх, жаль, я еще не умею летать!

После этого замечания компания смотрела на меня с еще большим изумлением. Затем все начали расходиться, чтобы укрыться под защитой своего костра. Похоже, мне они не очень поверили, но это их жизнь и их решение.

– Ален, Айлен, нам требуется хворост, и как можно больше. Быстро собираем, но как только услышите вой Филиппа – сразу обратно ко мне. Всё, разбежались.

Они вместе со мной начали метаться по подлеску. Я отметила, что остальные тоже не безголовые и занимаются дровами, но для своего костра. Когда мархуз взвыл, предупреждая об опасности, у нас набралась приличная куча хвороста.

Дальше начался ад. Напали они молниеносно, и вторая компания тут же лишилась еще двух человек, после чего некоторые кинулись к нашему костру под защиту темной эльфийки. В освещении двух костров закипел бой, впрочем, напоминавший скорее свалку, а еще точнее – бойню.

Я не выдержала напора вампиров, убрала длинный кинжал в ножны и активировала свою магию, выстроив защитное кольцо огня. Сейчас рядом со мной стояли уже двенадцать человек, в том числе и принц с крепышом. Пришлось пару раз разрывать кольцо и впускать к нам остальных. Браться за оружие у меня не было возможности, и я сражалась с помощью магии.

В один из жутких моментов, когда черные твари с блеклыми лицами и темными провалами вместо глаз смогли зацепить Алена и вытащить за огненную стену, я испугалась до паники, до икоты, но мархуз ангелом спасения ринулся к ним, перепрыгнув через стену огня. Мне удалось

огненными сгустками прогнать самых голодных и ретивых от мальчишки, который кружился волчком и рубил направо и налево, стараясь не подпустить к себе ни одной твари, но его спину и лицо уже заливала кровь, от чего разъяренные монстры нападали все исступленнее.

Филька кинулся в самую гущу, а у меня чуть не остановилось сердце. Ален подкатился к моему огню, и пришлось, снова прилагая усилия и тратя драгоценную энергию, разрывать круг. Айлен бросилась к брату и затащила внутрь. Мой яростный отчаянный крик заставил мархуза разодрать еще парочку тварей и достигнуть круга в два прыжка. Снова вокруг стояла стена сплошного огня, а его пленники защищались, отбивая нападение лишь сверху.

Я почувствовала, что скоро обращусь в драконицу. Слишком сильна во мне магия огня, и пламя свободно гуляет по моим венам. Я противилась этому изо всех сил, потому что неповоротливое тело ящера, возможно, и защитит меня от вампиров, но вот остальным точно придет конец.

Я уже с трудом дышала, исчерпав до доньшка свои силы, и огонь уже еле шевелился, опадая, словно паруса в штиль. И вот тогда сквозь кроны деревьев к нам скользнул розовый луч Дрива. Твари резко отпрянули в стороны и рваными темными теньями поспешили убратся прочь в еще хранимую деревьями черноту уходящей ночи. Я упала там, где стояла, а рядом привалился Филька. Сон накрыл меня покрывалом, и заботиться о безопасности сил больше не было. Одна надежда, что Фильке их хватит, чтобы присмотреть за нами обоими.

Глава 6

Следующий день встретил головной болью и ощущением, что меня вчера переехали, причем не менее двух раз. Дрив уже пробежал по небосводу половину пути, а Суар становился в его свете все ярче. Ноздри щекотал насыщенный аромат еды, готовящейся на костре неподалеку.

Филька встрепнулся и с беспокойством посмотрел на меня. Я же успокаивающе погладила его по черному вихрастому затылку и мысленно отправила на охоту. Ему тоже нелегко пришлось, а он боялся оставить меня беспомощной. Он еще раз внимательно взглянул и потрусил в сторону леса.

– Госпожа Алев, Слава трехликому Асторту, вы пришли в себя! Мы так волновались за вас!

Повернув голову на голос, я увидела бледную от усталости и недосыпа Айлен. Рядом с ней на плаще лежал Ален, и в первый момент я жутко

испугалась – в его лице не было ни кровинки. Проверила свой внутренний резерв, как учил Камос, и, удостоверившись, что заполнился он лишь наполовину, решила. Покачиваясь от усталости, подошла к ним и присела рядом. Следуя наставлениям и учебникам по целительству, проверила повреждения Алена. Ему было откровенно плохо, и скорее всего, самостоятельно он выкарабкаться не сможет, учитывая, что нам еще предстоит долгий путь, и ждать их точно никто не будет. Судя по тоскливому обреченному виду Айлен, она это понимала и была готова остаться рядом с братом, уже зная, чем это для них закончится.

Я осторожно убрала лишнюю одежду, освобождая доступ к телу мальчишки, чтобы сохранить даже крупички своей энергии, и под напряженным, вспыхнувшим надеждой взглядом Айлен приступила к лечению. Оно забирало много сил, на такую потерю я не рассчитывала, но я должна была помочь Алену. Резко оборвав ручеек своей энергии, прошептала:

– Еды нам обоим сейчас же. И мяса побольше.

Мне было все равно, где она ее достанет, но я была уверена – сделает. И оказалась права: серая мышка исчезла и на свет появилась заботливая мать, которая за своих подопечных, не глядя, порвет любого. Я набросилась на еду как акула на беспомощного дайвера. Глотала, не ощущая, что это. Набив живот под завязку и икнув от переедания, я наконец смогла проверить Алена. Теперь он выглядел бледным, а не серым, а, главное, привалившись к сестре, с трудом жевал еду, которую Айлен заботливо засовывала ему в рот. Так, с ними все хорошо будет, но сегодня нам придется остаться здесь.

Я заметила свою Тихоню и других лошадок, привязанных возле одного из кустов и мирно щиплющих травку. Скорее всего, это Айлен о них позаботилась. Хорошая, смышленная девочка. Меня кольнула мысль, что я старше этих ребят не больше чем на десять лет, но после всего пережитого чувствую себя умудренной опытом матроной.

С поляны уже убрали трупы, и огромное, еще дымящееся пепелище в центре нее с ужасающей действительностью подсказало, куда они делись. А от вампиров после восхода солнца ничего не осталось – Дрив обильно собрал свою утреннюю жатву. Но я признавала правильность действий оставшихся в живых.

Возле одного из деревьев сидели сломленные ночными событиями четыре девушки, а по поляне серыми призраками ходили мужчины. Слишком мало мужчин, и я лишь понадеялась, что остальные на охоте. Из ближайших кустов ко мне направился принц, а вслед за ним тенью шел его

телохранитель, барон Вайрек, как выяснилось во время битвы.

– Добрый день, темнейшая! Приносим извинения, что не поверили вам с самого начала... Мы хотели бы предложить вам продолжить путь вместе. Впредь мы без сомнений примем любые ваши советы.

Я медленно попивала ягодный напиток, принесенный Айлен, и думала об их предложении.

– Сколько вас осталось, принц?

– Из двадцати девяти человек всего шестнадцать... При выезде из Илисвурга нас было сто шестнадцать.

Я кивнула и судорожно подсчитывала проблемы и выгоды. Бросив быстрый взгляд на Каренов, поняла: любые выгоды не стоят их жизней.

– Я согласна! Но сегодня я не сдвинусь с места, принц. Мне и этому молодцу нужно набраться сил. Уверена, что и всем вам. Мы организуем лучшую защиту, костер побольше и до вечера поспим. Затем выставим охрану и спать будем по очереди. Сейчас нам необходимо хорошо отдохнуть и поесть.

– Темнейшая, но не лучше ли нам будет покинуть это жуткое место и попытаться уйти от преследования вампиров? Мы уничтожили ножны, и теперь они не смогут нас выследить. – Барон говорил с мрачной уверенностью, и я поняла: сейчас как раз время проверки моего авторитета.

– Мы с Аленом не способны передвигаться, пока не восстановим силы, это во-первых. Во-вторых, наши пульсирующие сердца теперь путеводная нить для вампов. Вчера мы были не готовы к их нападению, сегодня все иначе. В любом случае, мне проще защитить четверых, чем такую толпу, так что решайте сами.

– Мы принимаем ваши условия, Алев Штерназия, и благодарны за помощь. Мы перед вами в большом долгу.

– Я принимаю ваши долговые обязательства, принц Дайрик Бернази. И, когда придет время, напому о них. – Я решила поймать его на слове – кто знает, когда потребуется поддержка.

Он поблел, но слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Особенно учитывая, что я темная эльфийка. Это он еще не в курсе драконьей крови. Принц лишь кивнул и, рывком поднявшись, отошел. Барон же, бросив на меня взгляд, с тщательно скрываемой неприязнью спросил:

– Что нам сейчас делать?

– Как уже сказала, собирать хворост и поленья потолще, а также отведаться и отсыпаться, ночь будет тяжелая.

Я улеглась неподалеку от Алена, и мы проспали до вечера, пока Айлен вместе с другими выжившими готовилась к приему ночных гостей. В эту

ночь вампиры пришли ближе к утру, но мы встретили их во всеоружии.

А едва забрезжил рассвет, мы быстро, но все же плотно позавтракали и резво отправилась в путь, подальше от этого страшного места.

Двое суток сплошной скачки, от которой у меня еще после первого дня образовались кровавые мозоли на теперь отбитом месте. Ален все время пытался объяснить принцип правильной посадки, научить ездить рысью и галопом, но у меня получалось либо мешком с картошкой подпрыгивать в седле, либо полулежать на спине Тихони, кряхтя и постанывая от боли, в то время как Ален вел ее в поводу.

А вечером, буквально падая к ногам лошади, я с трудом приходила в себя под недоумевающими взглядами людей, пораженных моим полнейшим неумением ездить верхом. На скорую руку я залечивала свои раны и готовилась к ночному бдению. Если бы не Филя, на которого можно было положиться в качестве разведчика, я бы, наверное, утопилась, лишь бы больше не терпеть подобные пытки. А ведь Тихоня и правда оказалась тихой, смирной и доброй лошадкой. Она сочувственно косила на меня глазом и побаивалась лишь мархуза, что странно, учитывая мою вторую сущность и стойкую нелюбовь ко мне животных. Только из-за добродушия и смиренности Тихони я героически переносила дневные переходы и училась ездить верхом.

Мне это удалось только через неделю таких пыток. В первую секунду, ощутив, как тело само приняло удобное положение и синхронно с движением лошади гасит толчки, я чуть не завопила от счастья. Только с этого дня, когда, по моим расчетам, до Илисбурга осталось чуть больше трех дней пути, я наконец смогла заняться сбором информации о пятисотлетнем периоде после гибели Камоса.

Впервые за всю поездку ко мне приблизился Дайрик Бернази и отметил мою более уверенную посадку и веселое настроение. Сделав это как бы невзначай, он какое-то время ехал молча, а потом спросил, пытаясь скрыть недоумение и любопытство:

– Скажите, темнейшая Алев, а как получилось, что вы не умеете ездить на лошади, но оказались так далеко от любых поселений?

– Поверьте, Дайрик, жизнь заставит, не так раскорячишься! – Я не сдержала ехидства.

Он вежливо улыбнулся, но все же слегка нахмурился, не получив ответа. Зато я воспользовалась его заминкой, чтобы самой начать задавать вопросы:

– Знаете, принц, – решила польстить, пытаясь расположить к себе Дайрика, – я давно не была среди людей, расскажите, что в мире делается?

Он посмотрел на меня еще подозрительнее и осторожно спросил:

– Э-э-э, какой период вас интересует?

Я мгновение решала, как обойти столь щекотливую тему, а потом безмятежно выпалила:

– А что, разве в мире произошли кардинальные изменения? С нашим долголетием, принц, даже пятьсот лет – не срок. Да и что может такого грандиозного произойти за такой короткий период?

Видимо, его задело мое пренебрежительное отношение ко времени, и он начал вещать, стараясь помочь себе беспорядочной жестикуляцией:

– Как это что? Да за пятьсот лет многое изменилось. Свург объединился с Хараном и удвоил свои границы. Светлые перестали задевать всех и каждого, реже покидают свои земли, и вообще, поговаривают, что их проклинали, и теперь у них не рождаются дети.

Марханы раньше доживали до пятисот, а теперь – не дольше пятидесяти лет. Некогда могущественный народ всего за пять сотен лет потерял практически все, что имел, даже многие территории. Они теперь селятся в основном рядом с людьми и занимаются торговлей.

Драконы в состоянии войны с темными уже больше пятнадцати лет, и конца и края этому не видно. Гномы занимают все более высокие посты в любых прежних союзах и претендуют на лидирующую мировую расу, а ведь еще лет триста назад они были тише воды ниже травы. А сейчас что? Дерут огромные проценты за кредиты и считают, что все у них в кармане... Не-е-ет, темнейшая, вы не правы, мир изменился слишком сильно, чтобы этого не замечать.

Он говорил с горечью, и я поняла: это все затрагивает его лично как будущего правителя.

– Да, принц, вы правы. Действительно, за пятьсот лет можно забыть многое, а уж изменить и подавно. Но жизнь продолжается, и в наших силах что-то исправить, хорошо, если в лучшую сторону. Не забудьте об этом, когда придет ваша очередь менять судьбу мира и распоряжаться множеством жизней.

Он задумчиво посмотрел на меня, а потом – куда-то вдаль, словно не замечая окружающего мира, заглядывая в будущее. Лишь его тихий голос напомнил, что он все еще здесь:

– Это нелегко, но я постараюсь.

Мы ушли от столь сложной темы, потому что оба знали: ей не время, не место, да и решать это не нам. По крайней мере сейчас. Но оставшиеся три дня мы общались уже по-другому: не осторожно и с подозрением, как раньше, а легко и непринужденно.

Еще заходил разговор о злополучной охоте, которая завела их в столь гиблые места. Обсудив случившееся, принц и его спутники решили, что их, скорее всего, намеренно использовали в качестве приманки для вампиров, сделав внушение. Я согласилась с их доводами, отчего они почувствовали облегчение и уверенность.

Мы выехали на очередной пригорок, и оказалось, что мы достигли своей цели – Илисбург раскинулся у нас под ногами. Несмотря на в целом дружеские отношения с принцем, я все же поглубже натянула на голову капюшон, а на предложение Дайрика остановиться во дворце отказалась, настойчиво попросив не придавать огласке мою помощь и не привлекать ко мне лишнего внимания. Более того, я специально серьезно предупредила:

– Вы же не хотите быть должником всего моего темнейшего рода, принц?

Они с бароном слегка побледнели и прониклись пониманием последствий. Но пообещали, что свой долг передо мной не забудут и посетят меня инкогнито, чтобы справиться о моем самочувствии. Я вежливо согласилась, но без особого энтузиазма. Зачем? Они пойдут своей дорогой, я – своей, но не стоило ссориться с наследным принцем, как и обижать его самолюбие. А вот приглашение на обед Алена и Айлен я приняла.

Глава 7

В зеркале мне улыбалась девушка среднего роста с пламенными волосами, золотисто-кариими глазами и смуглой персиковой кожей. Я вновь и вновь рассматривала свое отражение, испытывая в этом занятии удовольствие, потому что очень была похожа на маму, но и в тоже время многое взяла от папы, судя по тому странному сну-видению.

Взгляд скользнул ниже, с удовлетворением отметил и красивое платье, облегающее сверху до талии и спадающее до пола тонкими плиссированными складками. Поверх длинных рукавов на запястьях красовалась пара дорогих браслетов, но не вычурных, а элегантных. Образ дополняло тонкое изящное кольцо с тремя драгоценными желтыми камнями. А Сердце Марханов, скрытое пологом невидимости, покоилось в ложбинке груди.

За неделю, проведенную в Илисбурге, мне преподнесли приличное количество украшений в качестве благодарности за жизнь отпрысков благородных фамилий. Но я все же позволила себе мысленное ехидство –

скорее всего, эти подарки связаны с моим темноэльфийским происхождением. И родовитые родители таким способом откупались от меня, чтобы в будущем не иметь долгов уже перед моим родом. Но лично я была не против, и в гномьем банке на моем счету и в хранилище уже лежала приличная сумма денег и драгоценностей. Куда вошли и те, что мне выдал Камос.

Я почтила темнейшим присутствием два званых ужина и все время старалась не привлекать к себе особого внимания. Родители Алена и Айлен – придворные маги – мне очень понравились, а моя персона вызвала у них сначала замешательство, а потом теплые родственные чувства. Меня приняли в семью Каренов безоговорочно. Они, как и остальные, хотели одарить меня, но я твердо отказалась, пояснив, что их дети тоже в какой-то мере помогли мне. В шутку добавила, что теперь мы останемся навечно друзьями, но маги приняли слова буквально и заволновались по поводу вечности. Мне пришлось пояснить, что я пошутила, чем снова вызвала у них культурный шок. Оказалось, они никогда не слышали, чтобы темные шутили.

Так и пролетела неделя, в течение которой я узнавала новости и сплетни, просиживая в обеденной зоне гостиницы и слушая все, что достигало моих очень чутких ушек. Комфортно устроившись в самом дальнем и темном уголке, попивая сидр или неторопливо поглощая вкусный обед или ужин, я впервые в жизни увидела гномов: могучих, скорее смахивающих на тумбы, широких не только в плечах, без всяких бород на квадратных лицах. У них были короткие, словно по моде Уолл-стрит, стрижки на непропорционально больших головах, массивные золотые печатки на пальцах и темные сюртуки. Как я весело отметила про себя, это такая разновидность деловых костюмов.

На следующий день я заметила оборотней – пару внушительных мужчин, тихо о чем-то беседовавших, позыркивая по сторонам прищуренными глазами. Но мирный разговор длился не долго – собеседники повздорили из-за молоденькой смазливой служанки, которая обслуживала их столик, соблазнительно покачивая бедрами.

Сначала послышался гневный рык, женский крик, брань, и посетители шарахнулись ближе к стенам. Самые предусмотрительные даже успели прихватить с собой кружки с горячительным или тарелки с едой и теперь начали заинтересованно наблюдать за дракой, словно за спортивными соревнованиями.

В стороны полетели куски одежды, потом клочья шерсти и кровь. Победитель, несколько не смущаясь своей голой задницы, подхватил

весело хихикающую служанку, взвалил ее на плечо и покинул помещение под довольный хохот толпы. Как говорится, не хлебом единым...

Через пару минут беспорядок был ликвидирован, а гости как ни в чем не бывало попивали свои напитки, наслаждались горячей похлебкой и жареным мясом. Прошло уже три месяца со дня моего появления на Лайваносе, но я никак не могла привыкнуть ко множеству разнообразных событий, а каждого встреченного «сказочного персонажа» воспринимала с громко бухающим сердцем или отвисшей челюстью. И только люди оставались реальными, привычными и, словно якорь, держали мой рассудок светлым и здравомыслящим. Наверное, моя первая встреча с Камосом все же в гораздо большей степени помогла примириться с этим миром, свыкнуться и принять как данность. Но это не мешало удивляться всему новому!

Еще я обзавелась новым гардеробом, походной сумкой, а главное, обувью. Тихоню оставили мне, за нее Дайрик лично заплатил семье бывшей хозяйки, погибшей на той злополучной охоте. В расследование по этому делу я старательно не лезла и не давала втягивать себя другим. Поэтому, прилично обогатившись, приодевшись и отдохнув, сочла, что у меня больше нет причин оттягивать выполнение миссии, за которую Камос заплатил исполнением моего заветного желания.

Я поправила все складочки на новом зеленом легком платье, накинула плащ и, привычно скрыв свои секреты под капюшоном, направилась к выходу. Филипп потрусил за мной. Его габариты и устрашающих размеров пасть вместе с репутацией мархузов отпугивала всех недоброжелателей. Поэтому по городу я ходила без опаски.

Узкие, но чистые улочки петляли, словно зайцы во время погони, иногда пересекаясь под немыслимыми углами или выводя в самые неожиданные места. Зелень вокруг, выкрашенные дома с черепичными крышами и приветливые лица жителей Илисвурга говорили о процветании и хорошем управлении города.

Я не просто так ходила по улицам, знакомилась с архитектурой и расположением лавок или домов, попутно отмечая проворные хвосты марханов. Я выбрала на тихой улочке лавочку с оружием и разными редкостями в надежде, что там, возможно, еще помнят Камоса. Который Всегда идет до Конца. Наконец, бросив пару быстрых взглядов по сторонам, поднялась на крыльцо и неуверенно толкнула дверь, обитую металлом. Тренькнул колокольчик, и я на мгновение прищурилась, проходя в прохладное помещение. Мархуз на всякий случай остался снаружи.

Довольно большое помещение было по стенам увешано разным

оружием – красивыми кинжалами в ножнах и странными, не виданными мною раньше приспособлениями для убийства. Я осматривалась, проходя между невысокими стеллажами, и иногда мысленно ужасалась, глядя на какой-нибудь из предметов. Страшно даже представить, какие жуткие раны может нанести тот или иной экземпляр.

Чуть слышный шорох и грубоватый голос нарушили тишину и заставили меня вздрогнуть:

– Госпожа что-то желает или заблудилась?

Я медленно обернулась и заметила парня-мархана, который с любопытством смотрел на меня в упор. Разглядев мое лицо, он тут же окаменел – все добродушие вмиг испарилось.

– Светлым не продаем!

– А темным? – Я вопросительно приподняла бровь.

Парень нахмурился, сдвинув густые черные брови и явно испытывая замешательство, потом молча вытащил из нагрудного кармана деревянный свисток и дунул в него. Звук я не услышала – очень интересно... Его синий хвост нервно подрагивал, пока в дальнем углу не послышался шорох. К нам скользил еще один мархан, из-за стеллажей была видна лишь его голова, но через пару мгновений настороженный мужчина появился перед нами полностью. Хорошо сложен... сверху... и чем-то похож на Камоса. Черный длинный камзол без украшений, толстые темные губы, взгляд из-под густых бровей оценивал.

– Светлым не продаем! – голоса похожи – скорее всего, рядом был его сын.

– А темным? – хмыкнула я, повторив вопрос.

Широкие ноздри раздулись и затрепетали. И снова оценивающий взгляд. Потом осторожное:

– Возможно...

Он попытался заглянуть под капюшон. Мне надоело играть с ними в вопрос-ответ, и я медленно сняла перчатку. Вытянула руку в сторону старшего и, показав палец, на котором красовалось кольцо Камоса, прямо спросила:

– Вы знаете, чье это кольцо?

Сначала он лишь покосился на драгоценность, потом, рассмотрев рунную вязь и три витые буквы – знак старого мага-призрака, – нахмурился. Напрягся под непонимающим взглядом сына и выдавил:

– Возможно!

Я его хорошо понимаю. Он считал, что я светлая эльфийка, проклятый враг, да еще с кольцом того, кто должен был вернуть святыню. Уверена,

случившееся сотни лет назад передается у них из поколения в поколение. Как плач по утраченному, чтобы помнили врага.

– Мне нужно встретиться с советом марханов! Лично! И времени на игры у меня нет.

Парень опешил от моей наглости, зато его отец еще больше подобрался и еще раз внимательно окинул меня взглядом:

– Это не в моей компетенции и... мне нужно посоветоваться...

– Я подожду здесь... пока вы советуетесь... Если вы не против?

Он лишь кивнул и уже было направился к выходу, но опомнился:

– Сирина, быстро к Ксиону! Расскажешь все как есть и пригласи его сюда.

– И передай ему привет от того Кто Всегда Идет до Конца, Сирина! – добавила я.

Парнишка, сделав судорожный вздох, быстро заскользил по деревянным доскам лавки к выходу. Над дверью тренькнул звонок, и мы со старшим марханом остались наедине. Он бросил на меня еще один напряженный взгляд и, указав рукой направление, предложил:

– Госпожа, не желаете присесть в более удобном месте?

В этот момент я ощутила в груди странное тепло, будто кто-то изнутри коснулся маленькой ладошкой моего живота. Я растерялась от непонятных чувств, а в следующее мгновение зазвонил колокольчик и, морщась от полутьмы, в лавку зашел эльф. Он еще меня не заметил, а вот моя реакция от мархана не укрылась.

Перед нами был высокий мужчина с белоснежной кожей, темными узкими глазами и длинными волосами чернее самой черной ночи, красиво струящимися по плечам хозяина и ниспадающими до ягодиц. Слово тьма вьется возле его головы и стекает по спине. Острые скулы, тонкие губы, поджатые в ниточку, и угловатый подбородок. Красив до чертиков, чересчур горд, уверен в себе и до невозможности ненавистен... мне. Темный эльф из сна... Убийца моих родителей – Фаотей Черный!

Я побледнела. Натянув поглубже капюшон, пыталась справиться с драконицей, жаждавшей его крови. Но когда эльф прошел чуть дальше вглубь помещения, я смогла дышать спокойнее – сейчас передо мной явно стоял дядя Дэной.

Как сказал Камос, когда мы затрагивали тему моих родственников, Дэной довольно спокоен и сдержан, в отличие от своего отца, и часто сдерживает бешеный темперамент Фаотея. Но знакомиться с дядей я сейчас не хотела, поэтому резко отвернулась, когда он посмотрел в мою сторону. Мархан это всё заметил и скользнул к новому посетителю. Я же

медленно, ощущая внимательный взгляд хозяина лавки, двинулась в указанном направлении. Присесть очень хотелось.

Обычный разговор между торговцем и покупателем закончился довольно скоро, так как мархан вежливо, но отчетливо дал понять темному, что ему здесь не рады, и, как бы оправдывая себя, сообщил важному господину, что достойный его товар в лавке отсутствует.

А я, пока эльф не ушел, рассматривала черное кольцо матери, которое запульсировало у меня на руке. Словно вспоминало знакомых, настраивалось на их волну. Да-а-а, вот и свиделись... Так скоро и именно в этом месте... Неужели и правда боги играют в только им понятную игру?

Темный ушел, рядом появился мархан:

– Родственник?

Я оторвала взгляд от кольца, которое уже успокоилось, и, не видя причин скрывать, кивнула.

– Ну что ж, родню не выбирают – это истина!

Я посмотрела на ухмыляющегося мужчину и тоже непроизвольно усмехнулась:

– Это точно!

Снова тренькнул звонок, и в лавке появились двое: вернулся Сирина, а позади него двигал коротким толстым хвостом старый мархан в синем, украшенном серебристой вышивкой камзоле. Он, спеша за более молодым сородичем, запыхался, но старался сохранить достоинство и солидный вид. Сирина скользнул ближе ко мне и хрипло спросил:

– Госпожа, тот... мархуз за дверью ВАШ?

Я кивнула, и они втроем посмотрели на меня с огромным интересом.

– Я шаман Ксион Радеющий за Правду, госпожа! – Старый мархан немного пожевал толстую сухую губу и, глядя на меня, продолжил: – Глава свода всех марханов Илисвурга.

Мне стало грустно еще больше. За пятьсот лет случилось то, чего так боялся Камос. Маги практически исчезли, и вся раса марханов вымирает, забывает свое прошлое и наследие предков. Вытянув руку, я снова продемонстрировала кольцо Камоса внезапно задрожавшему от переполнявших его чувств Ксиону.

– Откуда оно у вас, госпожа?

– От его владельца, теперь, правда, бывшего!

– Он жив? – Неуверенный, неверящий, но полный надежды голос Ксиона заставил меня тяжело вздохнуть.

– Нет! В прямом понимании этого слова. Маг Камос – мой наставник... учитель. Он просил меня выполнить до конца его миссию.

Вернуть своему народу былую славу и все украденное Светлыми. Он передал мне Сердце Марханов и заставил поклясться, что я лично возложу артефакт на его законное место. От его имени. И как его ученица.

Троица стояла разинув рты: казалось, им не хватает воздуха, и я хорошо их понимала. Когда все связанное с этим артефактом для живущих не более пятидесяти лет марханов превратилось в легенду, покрытую пылью веков, заявляется темная эльфийка и рассказывает нереальную историю. Сложно даже поверить, не то что принять!

– Но позвольте... как давно вы его видели?

Я предвидела подобные вопросы, поэтому кратко описала нашу встречу в лесу. Они пристально меня разглядывали и не слишком верили. Старик снова пожевал губу и спросил:

– Сколько вам лет, госпожа? Как вы там оказались? Одна, без сопровождения...

Я посмотрела на них, решая, стоит ли им много рассказывать.

– Двадцать семь! Все остальное вас не касается!

Шаман хмыкнул, словно уверился в моей лжи, Сириус потускнел, а его отец нахмурился, нечаянно взглянув на дверь, где не так давно скрылся мой родственничек. Он явно над чем-то раздумывал.

– Простите, госпожа, за недоверие, но я уверен, вы не можете не знать... не помнить или не заметить, но проклятие марханов легло на ВСЕХ эльфов, и теперь ваша раса потомства не имеет.

– Господин Ксион, я не светлая эльфийка, хотя, не скрою, в моих жилах течет и их кровь, но лишь на четверть. Я... полукровка. Моя мама – Гленсия Штерназия, а отец... Суорен Красный. Дракон.

Вот теперь на лицах марханов вспыхнули новые чувства. У старика – непередаваемый энтузиазм мага-исследователя, смешанный с восторгом и надеждой на возможную удачу и обретение утраченной реликвии. У отца Сирина отразился шок, а затем он озарился светом удовлетворения. А парнишка теперь глядел на меня просто как на чудо. Но все же Ксион спросил, слегка скрипнув клыками:

– И вы думаете, мы можем вам доверять? Учитывая, что для проклятия марханов цвет вашей расы не важен. Были прокляты все эльфы, но, хвала Высшим, ваши темные сородичи вину за это возложили на светлых...

Как интересно, а я не знала, что и темные под раздачу попали... И Камос тоже не понял масштабов всей трагедии. Я снова вытянула руку и продемонстрировала частичную трансформацию. Когда по смуглой коже пробежали красные чешуйки, растекаясь по руке пламенем, они обомлели. Как и я, потому что за прошедшие с моего первого оборота недели я все

еще не могла привыкнуть и налюбоваться на это чудо. В душе я все еще землянка, человек, хоть и чешуйчатая, и хвостатая, да еще и с острыми ушами...

– Можете! Если нет... Найду других марханов! Я дала клятву Камосу Который Всегда Идет до Конца, что его миссия будет выполнена и его народ обретет утраченное долголетие... хм-м-м, в вашем понимании.

– Уважаемая госпожа, э-э-э, можно ли узнать ваше имя?

– Алев Штерн! Так будет правильнее.

Ксион выразительно зыркнул на хозяев лавки и снова обернулся ко мне:

– Госпожа Алев, не желаете ли отобедать? Выпить чего-нибудь освежающего? Погода нынче солнечная... душная и располагающая посидеть в тиши и прохладе... за разговором.

Отец Сирина резко мотнул головой, и сын юркнул за расписной тканевый полог, а за ним, улыбнувшись мне, поспешил и хозяин. Я же пошла за ними с настороженностью и стараясь даже спиной уловить малейшее проявление недоброжелательности со стороны Ксиона. Но тот суетливо приподнял передо мной полог и прошел следом.

За пологом оказалась жилая часть дома. Несколько полуприкрытых дверей в коридоре, и одна из них вела в большую, светлую, залитую солнцем комнату. Все пространство ее было застелено толстыми пушистыми коврами и завалено подушками, а посередине на коротких кованых ножках стол большой стол, уставленный фруктами и сладостями.

Меня проводили к самым большим подушкам и помогли, поддерживая за локоток, присесть – я буквально утонула в них. А ничего так, удобно! Сирин принес запотевший кувшин и разлил по стоящим на подносе бокалам холодную золотистую жидкость, от которой они тут же запотели, и капельки заскользили по тонким ножкам. Старшие марханы сразу отпили по половине и с довольным видом откинулись на подушки. Их толстые синие хвосты медленно, вальяжно постукивали по полу – эти мужчины явно пришли в хорошее расположение духа.

Откинув капюшон под их пристальными взглядами, я попробовала жидкость; от холода свело зубы, но ее мягкий вкус напомнил лимонад. Очень вкусный! Проследив за мной, Ксион пробормотал, прищурив черные глаза, от чего на синей, на первый взгляд грубой коже появилась сетка морщинок:

– Действительно... Красная драконица! – Его кожа потемнела, став практически фиолетовой, и он, кашлянув в кулак, осторожно спросил: – Что вы хотите от нас, госпожа Алев?

Я поставила бокал на стол, медленно потерла влажные ладони, обдумывая ответ.

– Охрана для сопровождения к Дому Предков и все расходы на это путешествие, естественно, ложатся на вас. Еще мне нужна помощь ваших магов или шаманов... Камос сказал, что цитадель пропускает лишь своих... избранных, а чужаки никогда не смогут пройти сквозь защитный покров.

– Вы правы в своих предположениях. За века, прошедшие со дня проклятья, в тех краях слишком многое изменилось. Растекшаяся сила, смешанная со злостью проклиняющих, породила монстров. Защитный купол укрывает древний город, там живут лишь избранные жрецы, которые служат нашим богам, присматривают за цитаделью и ждут... когда реликвия вернется домой.

Есть только один проход сквозь круги зла, которые теперь опоясывают купол и защищают его от всех, даже от самих марханов. И этот путь известен немногим. Раз в десять лет группа жрецов уходит в закрытый город из Эйнера, небольшого поселения марханов на границе со светлыми. Поэтому сначала нам нужно добраться туда, а уж потом с проводником – к самой цитадели, в которой нас встретят жрецы. Они отведут нас к ложу Сердца.

Пока Ксион уверенно говорил, жестикулируя руками со светлыми ладошками, я отметила про себя, что он как будто еще не верит в случившееся, в меня и даже в то, что сейчас рассказывает. И он это подтвердил, внезапно замолчав и строго посмотрев на меня.

– Я должен на него взглянуть, госпожа! Должен увериться, что это правда! А не розыгрыш светлых...

Я напряглась и села ровно, заставив марханов замереть в ожидании.

– Ксион, вы же знаете, что кольцо мага-мархана убьет любого, кто возьмет его без разрешения владельца? – Шаман неохотно кивнул. – На мне личное кольцо Камоса. Я делаю так, как приказал мой учитель! Я следую своей клятве, а нарушать обещания не привыкла. – Я начала вставать. – Артефакт надежно спрятан, и видеть его могу только я. Если вы отказываетесь мне помочь, я найду марханов, которые больше чтят известного мага и хотят жить долго и счастливо. Прощайте и не поминайте лихом.

Я уже направилась к двери, когда мужчины одновременно поднялись и склонили головы. Правда, не слишком низко, как я отметила с ехидством и уважением.

– Мы чтим память предков, госпожа Алев, и согласны на ваши условия. Свод марханов Илисурга почтет за честь и великую удачу оказать

вам поддержку... Организовать этот поход и сделать все возможное и невозможное, чтобы вы в целости и сохранности дошли до нашей цитадели! И, поверьте, теперь каждый мархан Лайваноса будет на вашей стороне и окажет вам любую помощь.

Я медленно опустилась на подушки, то же самое сделали мои собеседники.

– Ну что ж, раз мы с основными моментами определились, займемся мелочами...

– Не волнуйтесь, госпожа Алев, все это мы возьмем на себя. Нам на это потребуется пара дней, а пока окажите нам честь и примите наше приглашение, согласившись поселиться...

Я усмехнулась и честно ответила, перебив Ксиона:

– Я никуда не исчезну и не сбегу. Я поселилась в заведении «У белого камня», там меня и найдете, когда закончите сборы, но предлагаю встретиться уже за городом, чтобы не привлекать излишнее внимание.

Марханы явно занервничали – ведь им придется сейчас выпустить меня отсюда и, возможно, потерять из виду. А на кону стояло слишком много, и сейчас они усиленно размышляли, как поступить. Ксион вновь изобразил на своем морщинистом синем лице вежливую улыбку – он очень волновался и, не считая нужным это от меня скрывать, заговорил с настойчивыми предостерегающими нотками:

– Хорошо, уважаемая Алев, но будьте осторожны, в Илисбурге в последние пару дней видели светлых... Это камень не в ваш прекрасный сад, уважаемая, но в свете последних известий... А причины их появления никому не ясны... Хоть их молодняку и исполнилось по пятьсот лет, но зачастую ведут они себя как парни в период взросления... бешеные и глупые! Они и раньше не отличались умом, а теперь в вынужденной изоляции и вовсе теряют здравый смысл. Старшие, конечно, пытаются их образумить. Новое потомство теперь неизвестно когда родится, вот и стараются уберечь всех.

Я кивнула, выражая свое согласие, и направилась к выходу, прислушиваясь к шороху хвостов марханов по деревянным полам. Возле двери я попрощалась с Сирином, который во время разговора был за стойкой и присматривал за торговым залом, а потом мягко улыбнулась хмурым мужчинам:

– Я темная, я светлая, я драконица, и я маг! Побратим мархуз всегда прикроет мою спину. Я зашла сюда без него, чтобы не настроить вас против себя и не добавлять лишнего напряжения. В любом другом месте он всегда рядом. У вас нет повода беспокоиться, но, если мы покажемся вместе,

внимание к моей персоне увеличится. Вот тогда надо будет переживать и заботиться.

Ксион кивнул, переглянувшись с хозяином лавки, имя которого я так и не узнала.

– Ваши слова разумны, госпожа. Теперь очевидно, почему именно вас Камос выбрал курьером и ученицей.

Я, улыбнувшись, вежливо кивнула и вышла на улицу. С людьми я привыкла общаться лишь по долгу службы... на работе или в соответствующих органах. В остальном же я все время их сторонилась, живя замкнуто и все время к чему-то готовясь. Вот и сейчас я была приветлива, но держала всех на расстоянии: и тех, с кем ехала по лесам и спасалась от вампиров, и новых спутников. Исключительно в силу старой выработавшейся привычки.

Филька, стоило мне очутиться на улице, высунул морду из-за угла и приветливо махнул толстым пушистым хвостом, который я пару дней назад привела в порядок. Теперь в рюкзаке лежала не только моя расческа, но и его. Причем Филька нашел в этом занятии огромное удовольствие. Воздух был насыщен доносящимся из окон домов запахом еды, ароматом цветущих садов и зелени деревьев, вонью помоев (куда ж без них) и лошадей.

Я накинула капюшон, закрепила его магически и направилась к гостинице. В главном марханы были правы: чем меньше я шатаюсь по городу, тем меньше привлекаю внимание. О своей дальнейшей судьбе смогу подумать позже, когда выполню возложенную на меня миссию. Мне больше некуда торопиться и можно просто жить своей жизнью, наслаждаясь каждым мгновением, не упуская никаких мелочей, ведь из них и состоит наша жизнь, и теперь я смогу оценить их прелесть. Да, и пора провести ревизию моего имущества, просто чтобы убедиться, что для дальнего путешествия у нас все есть.

Глава 8

На второй день, перебрав все вещи и уложив их в новый рюкзак, я решила пройтись по городу в последний раз. Чтобы просто ощутить биение его жизни и купить несколько лент для волос – в дороге они точно потребуются. Я заплела тугую косу, зафиксировала на голове капюшон, кликнула Филю, и мы отправились на прогулку по Илисбургу.

Наш выход из гостиницы вызвал у окружающих привычное любопытство, но мы уже научились не обращать на него внимание. Я лишь

краем глаза следила за новыми или подозрительными личностями, но тщательно соблюдала нейтралитет, а грозный вид мархуза отбивал у любителей различных развлечений охоту искать их у меня.

Мы потолкались и поели вкусных пирогов на рынке, где торговец в шоке понаблюдал, как Филя лопаёт их, не прожевывая. Я же, словно довольная мать худосочного дитя, с умилением следила, как пироги исчезают в его бездонном желудке, и выкладывала на прилавок очередную монетку. Потом мы купили ленточек и кожаных ремешков для волос и, нагулявшись, направились обратно в сторону гостиницы.

С удовольствием наблюдая за царящей вокруг чужой суетой, неожиданно почувствовала в груди знакомое тепло. Родственное. Это чувство ненадолго усилилось, а потом смешалось с легкой прохладой, будто морской бриз пробежался по разгоряченной солнцем коже.

Я свернула в нужный переулок, по которому можно было спокойно и быстро добраться до моего временного жилища, и буквально выскочила на поле боя. Хотя, скорее, происходящее выглядело как обычная драка. Пятеро высоких стройных мужчин в коротких плащах и с покрытыми головами отчаянно дрались с одним темным. И им был, как я успела заметить, мой дядя Дэной Штерназия. Похоже, тепло в груди предвещает его появление, но вот что означает прохлада или, точнее, кого?

Тогда я не могла объяснить себе, почему так поступила и кого спасала, выстроив между ними огненную стену. Все шестеро отпрянули, и я отметила, что по белоснежному лицу Дэной течёт кровь – кто-то его задел. Он мягким движением отбросил с лица волосы, от чего мне вновь показалось, что это прирученная ночь вьётся возле его головы и ластится к спине, и затем повернулся ко мне. В первое мгновение его лицо было убийственно холодным, но спустя секунду, которой ему хватило, чтобы меня рассмотреть, бесстрастная маска треснула и распалась, а сквозь нее проступили шок, боль узнавания и странное чувство надежды...

– Это невозможно... Гленсия? Ты жива?

Его зеленые глаза округлились, затем подозрительно прищурились. Целый вихрь эмоций пронёсся по его лицу. Надежда вновь сменилась болью и как будто новой утратой, затем промчались печаль, раскаяние и алчущая надежда...

– Кто ты? Так похожа на... Гленсию!

Я чувствовала, как мои ноздри раздуваются от гнева. На него! На них всех! Мелькнувшие на его лице эмоции подсказали, что он тоже – возможно, косвенно – виновен в смерти моих родителей, хоть и раскаивается в этом. Но терзало меня другое чувство. Я жаждала всё

разузнать, поговорить о них и о том эльфе. Ведь, сколько себя помню, я всегда жила одна и не было рядом ни одного родного, близкого, а сейчас здесь стоял мой дядя. И я ему была явно небезразлична и интересна. Наши гляделки длились всего пару секунд, а попытки пробиться сквозь огненную преграду пятерых нападающих, применявших свою магию, заставили меня усилить заслон. В этот момент снова послышался хрипловатый вопрошающий голос темного:

– Кто ты? Я должен знать!

Он с искренним восхищением взглянул на Филю, который, оцетинившись, глухо рычал, еще не зная, на кого именно нужно обратить ярость. Я уже с усилием держала стену огня, но все же язвительно спросила:

– Неужели не признали родную кровь... дядя Дэной?

Он окаменел, уставившись на меня пустым взглядом. А на самом доньшке этой пустоты плескалась боль, смешанная с радостью и легким недоверием. Это чувства отразились в его словах, когда он словно сам себе попытался пояснить:

– Мне сказали, он убил троих, но я не поверил... Ведь проклятье и... Я не хотел верить, что... он так далеко зашел в своей ненависти... что и Гленсию и... и ее дочь? Ведь мы все прокляты, а он младенца... и ради чего?

– Ну, положим, мне тогда двенадцать было, а сейчас уже двадцать семь, так что на младенца я не тяну, но, поверь, отольются этому козлу мышкины слезки...

– Козлу? Кто это такой? Какие слезки? Девочка...

– Меня зовут Алев Штерназия! Так мне сказала мать, умиравшая вместе с отцом, и знай: девочка умерла вместе с ними. А сейчас уходи. Все же те пятеро сильнее тебя одного, а мои ресурсы не безграничны. Они меня не тронут, а тебя вряд ли оставят в покое. И можешь не благодарить... дядя!

Дэной помрачнел, потом бросил полный ненависти, презрительный взгляд на беснующихся за огненным заслоном светлых и нерешительный – на меня. Его глаза странно сверкнули при виде черного родового кольца на моей руке. Прежде чем скрыться в переулке, он пообещал:

– Мы скоро встретимся, Алев, вторая наследница рода Штерназия, и, поверь, я докажу, как отец был неправ.

Он исчез, а у меня в ушах все звенело: «Отец». Мне сразу захотелось вернуть Дэноя обратно и не вмешиваться – пускай бы его превратили в мишень для кинжалов. Но поздно пить боржоми, когда печень приказала

долго жить.

Я посмотрела на пятерку противников, плотно стоявших вдоль линии огня и пристально следивших за мной. Из-под капюшонов я различала лишь бешеные взгляды недовольных хищников, которые упустили свою добычу. Я мрачно отсалютовала им и вложила в стену огня столько энергии, сколько хватило бы, чтобы по-быстрому удрать отсюда. Свистнула Филиппу и, развернувшись, бросилась за угол. Предупреждающий рык мархуза запоздал всего на мгновение. Я со всего маху влетела в препятствие, которое при ближайшем рассмотрении оказалось мужской грудью. И к тому же словно каменной!

От удара по инерции меня отбросило назад, но стальные руки обхватили мою талию, прижимая к себе. Злобный рев Фильки усилился, но он резко замолчал, стоило одной из поддерживающих меня рук вывести странный пасс и щелкнуть пальцами. Я в крайнем замешательстве увидела, как Филя бешено закрутил глазами, слюна потекла из оскаленного рта и закапала в пыль, а мархуз неподвижно припал к земле в угрожающем движении. Я медленно подняла взгляд на посмевавшегося так обойтись с моим побратимом, попутно успев осмотреть незнакомца с ног до головы.

Незнакомец, одетый в черный костюм: мягкие брюки, заправленные в сапоги, и приталенная куртка из такого же мягкого материала, но с серебряной вышивкой по воротнику-стойке и рукавам. Высокий и поджарый мужчина смотрел на меня черными глазами, сверкающими на смуглом лице с тонкими, презрительно кривящимися в усмешке губами, прямым носом и высокими скулами. Но главной его особенностью были белые, словно осыпанные снегом брови, которые сейчас от удивления немного приподнялись. А еще у него были такие же белоснежные волосы, заплетенные в невероятно сложную длинную косу со множеством веревочек с голубыми камешками. Невероятное видение мужчины неземной красоты с волосами, напоминающими нетронутые снежные вершины под лучами солнца, которые и сверкают, и искрятся бликами. Светлый эльф!

Я от подобной красоты даже рот приоткрыла, отчего незнакомец еще сильнее ухмыльнулся, а сквозящее презрение сменилось на удовлетворение, смешанное с удивлением. Черные омути сверкнули – мужчина тоже мной восхитился. Он поднял руку с тонкой, но крепкой кистью и недоуменно провел пальцем по красным бровям и скуле, неторопливо спустился к губам. Коснулся моей чуть более полной верхней губы, а потом его рука скользнула к моему капюшону и попыталась его снять. Не тут-то было. Теперь пришла моя очередь ухмыляться, потому что

магия отлично держала капюшон, прикрывавший корону, на месте.

– Как тебя зовут, малышка?

От его хрипловатого, шуршащего по моим натянутым нервам голоса волосы на руках встали дыбом, а по спине пробежали мурашки. Все еще не отойдя от прекрасного видения мужской красоты, выпалила:

– Алев! А тебя?

Его белоснежная искрящаяся бровь взметнулась, а голос наполнился легким ехидством. Словно он не поверил в то, что я не знаю, кто он.

– Девочка, из какого ты рода, раз не признала первого наследника светлых и своего будущего повелителя?

Мое восхищение мгновенно поблекло, а наружу выглянули гордость и привычный защитный сарказм:

– Так, с тобой все понятно! Красивый мужчина с кучей комплексов царя зверей и пупа земли, вокруг которого вертится весь мир.

Его лицо вытянулось, а голос стал холодным:

– Прекрасна как Дрив, но язык слишком острый и длинный. Однако эта черта мне в тебе даже понравилась. Надоела покладистость остальных, а в тебе слишком силен огонь – удивительно для нашей расы. Ты станешь великолепной любовницей и украшением моего двора.

Я мгновенно ошетибилась, а злость полыхнула кипятком по рукам. Вырвалась, отпрянула от него и, чуть склонив голову, бросила взгляд по сторонам. Так просто не уйти, тем более Филя продолжает вращать глазами, только уже тоскливо глядя на меня. Я злобно выдавила:

– Освободи моего мархуза.

– Зачем? Он не умеет себя вести. Повышает на меня голос, а я этого очень не люблю, красавица. И тебе это тоже следует усвоить... на будущее, Рыжик.

Я не сдержалась и хмыкнула от его наглости. Однако он, как и остальные, принял меня за светлую. Что ж, это его ошибка и моя удача. И я проворковала в ответ:

– Знаешь, Снежок, я себя очень люблю и твоей любовницей никогда не стану. Еще варианты будут? Ты думай быстрее, а то у меня маловато времени на пустую болтовню.

Пока говорила, судорожно пыталась решить, что делать. Магии в огненной стене надолго не хватит, еще пара минут, и все. Мне в этом городе уже успел встретиться дядя, а теперь еще и первый наследничек светлых. Судя по всему, мне, как всегда, очень сильно везет – проще было самой ложиться и помирать. Какого лешего этот светлый тут шатался, да еще в такое время, когда каждая жизнь у них на счету? Мои хаотичные

мысли прервались хрипловатыми предупреждающими словами наисветлейшего:

– Ты из глухого уголка, девочка? Или с головой не в порядке? Я добрый с тобой только потому, что ты мне понравилась... очень. Уверен, место моей любовницы тебя вполне удовлетворит, как только ты узнаешь меня... поближе и получше. А взять тебя в пару я не могу, совет не одобрит такой мезальянс, как ты, надеюсь, понимаешь. Хотя я был бы не против смешать свою кровь с твоим огнем, Алев!

– То есть я тебе по статусу не подхожу да, красавчик? А в постели схожусь?

– Ну вот, я рад, что ты начала мыслить разумно и оказалась такой догадливой. – Опять у него прозвучали мягкие обволакивающие нотки.

– Освободи Фильку, и, клянусь, сегодня он тебя не тронет.

Он наклонил белоснежную голову набок, отчего коса, побрякивая камушками, свесилась вдоль руки, и внимательно посмотрел на Фильку. А я залюбовалась его косой. Красиво-о-о... Мне, что ли, так же сделать? Уж больно камешки заманчивые.

Наследник щелкнул пальцами, нарисовав пасс, и тело Фильки обмякло. Он тут же яростно зарычал; я поймала взгляд побратима и передала мыслеобраз: «Нельзя нападать сейчас, но потом никто не помешает нам цапнуть его за пятую высокомерную точку». Филипп тут же успокоился и раздвинул пасть в предвкушающей ухмылке. Эльф еще больше нахмурился, проследив за нашими гляделками:

– Ты сливаешься с мархузом сознанием... полностью?

Я безразлично пожала плечами, а сама уже готовилась к быстрому отходу с опасных позиций. Скорее всего, этот мужчина-маг не чета мне и тем пятерым, что скоро будут здесь, а гораздо, гораздо опытней, поэтому на моей стороне лишь хитрость и скорость ног.

– Невероятная удача. Не переживай, парализующее заклинание для мархузов знают немногие, а исполнить его уж точно могут лишь единицы.

Эти сведения меня успокоили – впрочем, именно этого он и добивался, наверное, надумал подсластить горькую пилюлю.

– Назови свой род, огненная моя? Мне странно знакомо твое лицо, но, уверен, раньше я тебя никогда не видел. И вообще огненных... И это меня тревожит. Почему такое сокровище не представили двору? Возможно, если ты эсса, то совет даст добро на наш полноправный союз.

– Знаешь, я жила в таком обществе, где мужчина первым представляется женщине.

Он снова недоверчиво хмыкнул, будто принимал мои слова за игру.

– Я Делиаль Эс Севери. Теперь твоя очередь.

– Ну, моя так моя. Я Алев, просто Алев, и такой высокомерный кусок... хм-м-м... льда мне уж точно не нужен. Прощай, белоснежный, дальше нам не по пути.

Последнее я прокричала, выставив между нами стену огня, причем очень вовремя, а то этот наследник кинул в нас с Филькой свое заклинание – снова хотел заморозить, гад. Но столкновение двух стихий нарушило его планы.

Он застыл натянутой тетивой, а я уже бежала по переулку, едва заметив шарахнувшуюся парочку местных жителей. Но мое ликование было недолгим, потому что из-за угла выскочила знакомая пятерка. Я споткнулась, увидев их, и это чуть не стоило мне свободы. Ногу опалила боль – подвернула. Филька подскочил ко мне, и я прыгнула на него, вцепившись руками и ногами. Летела на нем верхом, в ушах аж ветер завывал. Я умудрилась оглянуться на остановившихся пятерых белоснежных эльфов, шокированно провожавших нас с мархузом.

За день я встретила целых семь эльфов, и среди них один темный, да еще и родственник, а другой – первый наследник светлых. Этот день точно надо запомнить. Исходя из сведений, приведенных в справочнике рас, осталось не так много разумных существ, которых я еще не видела. И все это за столь короткое время, хотя Илисбург считается одним из крупнейших, очень старых городов, а королевство Свург находится на пересечении многих торговых путей. Поэтому оно стремительно развивается и не теряет авторитета в мире Лайванос. Но, как я отметила, оценив свои впечатления, светлые эльфы не для слабых женских нервов.

Если меня не подвели глаза, один из пятерых напавших на моего дядю – родственник Делиаля, слишком они были похожи. Второй спутник тоже смуглокожий и беловолосый, а вот остальные – чернокожие, с золотистыми волосами. Да уж, одно дело читать или слушать рассказы, другое – убедиться воочию.

Под ошеломленными взглядами горожан мы добрались до гостиницы, возле которой я слезла со своего верного «коня» и, ковыляя, направилась к себе. Здесь, к моей огромной радости, был в наличии в каждой комнате туалет и некоторое подобие душа. И хоть эта пародия на наши душевые и была со слабым напором воды и громохочущими трубами, стоять под едва теплыми струями воды, смывая с себя уличную грязь и пот, было до невозможности приятно. Это вам не в ручье плескаться. Даже Филька оценил, правда, когда я пригрозила отправить его спать на улицу.

Вымылась, вышла и начала сушить волосы, но не замедлила свистнуть

коридорного мальчишку. Дала ему пару медяков и попросила отнести в лавку марханов записку, в которой написала: «Слишком много родственников жаждут общения со мной, поэтому спешу откланяться завтра на заре». И попросила принести в номер ужин. Мальчишка восторженно-опасливо посмотрел на моего побратима и, кивнув, побежал исполнять поручение.

Мы уже заканчивали ужинать, когда в дверь робко постучали. Филя, фыркнув, сообщил, что опасности за дверью нет. И действительно, там стоял запыхавшийся паренек и протягивал мне ответ. Я попросила его подождать, вскрыла конверт, запечатанный явно магическим образом.

«Пусть восточный путь будет для вас самым легким и коротким, госпожа. Мы проследим за этим».

Я облегченно выдохнула – значит, мое сопровождение уже готово отправиться. Протянула мальчишке серебряную монетку, при виде которой он просиял.

– Проследи, чтобы к утру моя кобыла Тихоня была оседлана, а на вьючном Сером висели корзина с едой и мешок овса. Только проследи лично, мальчик, и не говори никому. Я люблю своих лошадок, поэтому хорошо о них позаботься. Если все сделаешь, как я прошу, получишь еще одну такую же монетку.

Он усердно закивал и убежал вприпрыжку. Бросив взгляд по сторонам, я закрыла дверь. Проверила, все ли собрано для завтрашнего путешествия, удивилась, насколько вырос в размерах мой рюкзак, и после улеглась спать. Утро вечера мудренее. А сказки никогда не лгут. В этом я убедилась на собственном опыте.

Глава 9

Рассвет едва окрасил небосвод и осветил краешек Суара, но этого вполне хватило, чтобы разбудить сонного мальчишку, прикорнувшего в деннике Тихони и Серого – коня, которого я приобрела для путешествия. Проверив еду и овес, прикрепила на Серого рюкзак, сунула парню серебрушку и под его благодарные слова выехала за ворота гостинцы. Мы мерно ехали по еще спящим улицам Илисурга, и я в который раз восхищенно наблюдала, как красновато-розовые лучи Дрива раздвигают темные сумерки, заставляя их неохотно, плотными занавесями отступать в сторону, прятаться в узких переулках.

Нашу маленькую процессию несколько раз любопытно оглядывали

первые проснувшиеся жители. А возможно, они еще и не ложились, предположила я, посмотрев на помятые бандитские лица. Но никто долго не задерживал на нас взгляд, спеша уйти по своим делам.

Мы проехали через медленно открывшиеся стражами восточные ворота и двинулись по тракту. Интересно, когда я встречу своих новых спутников? Утренняя прохлада заставила меня зябко закутаться в темно-синий плащ, который я недавно купила в одной чудесной лавке. Там же под восторженное воркование владелицы купила и другую одежду: белье, наподобие хлопкового, тонкое и очень приятное к телу, но главное, придававшее привычное ощущение защищенности, и несколько рубашек из такой же ткани.

Путешествия в одном венке из лопухов и с постоянным чувством холода мне никогда не забыть. Наученная еще горьким опытом детского дома, я болезненно относилась к своей одежде. Я ее любила, холила и лелеяла и часто была не в силах расстаться даже с испорченной тряпкой. Но сейчас, пройдя двухнедельный путь с голым задом, получила новый опыт: заикливаться на вещах бессмысленно, надо просто наслаждаться их комфортом. Вот я и ехала, покачиваясь в седле и кутаясь в свой новый, украшенный серебристой вышивкой шерстяной плащ, чувствуя тепло и комфорт, несмотря на раннюю поездку.

Пыль небольшими облачками взлетала из-под копыт моих лошадок. Филя бежал рядом, настороженно посматривая по сторонам голубыми глазами, а я наслаждалась утренней прохладой и песнями птиц, которые уже проснулись и готовились к повседневным делам.

Дорога шла мимо кромки леса и плавно уходила за поворот, после которого Илисбург исчезнет из видимости. Филя наострил уши, предупреждая: скоро мы будем не одни. Мы объехали огромный камень, город пропал из виду, и нам открылось прелюбопытное зрелище: группа сопровождающих. Я насчитала около двадцати мужчин и одну женщину с толстыми черными косами, в которые она вплела яркие ленты и завязала их симпатичными бантиками. Десятеро, включая женщину, были марханами во главе с Ксионом Радеющим за Справедливость. Все они были одеты в похожие черные кафтаны, из-под которых торчали смешные длинные юбки в мелкую складку, и увешаны разнообразным оружием. Наиболее приметным было странное оружие, эдакие миниатюрные русские косы с зачехленными острыми полотнами.

Женщина-марханка была вооружена парой длинных кинжалов и разглядывала меня и Филю с искренним любопытством, разрываясь, похоже, между двумя настолько загадочными существами.

Остальные мужчины, которые были немного выше нас с марханами, если я не ошибаюсь, были гоблинами. На лицах их с толстыми губами и глубоко посаженными темными глазками виднелись такие же, как у марханов, внушительные парные клыки. Только нос большой грушей спускался к верхней сосисочной губе, чуть ли не упираясь в нее прорезьями-ноздриями. Абсолютно лысы и, ко всему прочему, с кожей темно-зеленого цвета. Этот мир прямо-таки поражает буйством красок как растительного, так и живого мира, ну и богатством фантазии сотворившего его.

В длинных мочках гоблинских больших ушей звенели многочисленные золотые колечки. Они стояли тесной группой, словно солдаты на плацу, и внимательно следили за тем, как я подъехала и спешила возле марханов.

Один из гоблинов, передернув широкими плечами, невероятно легкой пританцовывающей походкой направился к нам. Суровое выражение зеленой морды подсказало, что это командир группы наемников.

Как рассказывал Камос, гоблины живут по принципу военной демократии. Главой они выбирают самого сильного, умного и хитрого. И вся их иерархия сводится к небольшим военным звеньям или боевым группам, которые подчиняются высшим чинам, до самого главного правителя. Живут они чуть больше ста лет, семьи создают на всю жизнь, а вот домашний очаг – это временные дома-юрты на небольшом участке земли возле облюбованного города. Наемники-гоблины – одни из самых дорогих и лучших воинов среди разумных существ Лайваноса, и тот факт, что Ксион нанял их для нашего отряда, меня крайне порадовал. Целое звено гоблинов – это ОЧЕНЬ дорогое удовольствие.

Мы с гоблином подошли к Ксиону одновременно. Улыбаясь лишь глазами, я кивком поприветствовала мархана, а Ксион растер свои суховатые руки и произнес, блестя черными очами:

– Мы рады приветствовать вас, госпожа Алев! – Синие морщинки-лучики сильнее углубились, когда он радостно улыбнулся во весь клыкастый рот. – Особенно в столь ранний час. Позвольте представить вам Юмихию, мою внучку. Она будет вам помощницей в этом тяжелом пути. Вы окажете ей честь своим согласием.

Я перевела взгляд на чистое улыбающееся лицо девушки, в котором читалась тревога – вдруг откажу. Девушки-марханки мало отличались от мужчин, лишь выглядели изящнее: черты лица были более тонкими и приятными и клыки поменьше.

Я чуть наклонила голову и с улыбкой произнесла:

– Спасибо, что позаботились о помощнице для меня, уважаемый

Ксион. И мне очень приятно, Юмихия, что именно вы составите мне компанию.

Девушка расслабилась, а Ксион улыбнулся еще шире, повернулся к своему молодому спутнику-мархану и продолжил:

– Позвольте представить вам Юдера Мыслящего Разумно, он второй по силе шаман нашего свода Илисвурга и поможет мне в этом путешествии.

Юмихия бросила короткий взгляд на Юдера, и я заметила, что она им восхищена и явно питает к нему скрываемые глубокие чувства. Я улыбнулась молодому шаману и посмотрела на второго спутника Ксиона.

Им оказался Саут, который отвечал за организацию похода и безопасность всего отряда. Мархан насупленно сверлил меня взглядом из-под хмурых черных бровей, пока его представлял Ксион, и отодвинулся. Оставшихся шестерых спутников шамана представили вскользь, из вежливости. Я все сильнее удивлялась их именам.

Последним из представленных стал зеленый гоблин, который на все эти реверансы взирал молча, с легкой усмешкой. Только его длинный нос слегка подрагивал, наверное, он запоминал всех по запаху.

– А это, уважаемая Алев, командир звена Сиурей. Для столь важного мероприятия мы решили нанять их для сопровождения, – произнес Ксион.

Гоблин кивнул, а я мягко произнесла, обращаясь как бы к обоим:

– Я рада, уважаемый Ксион, что вы нашли и средства, и возможность нанять столь известных своими воинскими заслугами бойцов. Я могу быть спокойна за безопасность нашего похода. Да и за себя лично!

Сиурей приподнял безволосую надбровную дугу, всмотрелся в мое лицо, будто проверял, не иронизирую ли я. Но я ответила ему искренним взглядом, и он снова кивнул. Молча! Ксион же довольно улыбнулся, показав пожелтевшие крупные клыки, и предложил начать наконец наше путешествие. Марханы двинулись в путь, и я наконец обратила внимание на одну существенную деталь – они были без лошадей. С ними была лишь одна повозка, загруженная, скорее всего, продовольствием. Гоблины запрыгнули на низкорослых, но, судя по злобному виду, вполне боевых коней.

Сиурей ехал впереди с двумя товарищами, а рядом с ними толстым хвостом по вытоптанной земле скользил Юдер. Самое удивительное, ни один мархан не отставал от конной группы, и лишь Ксион в силу своего возраста сидел в телеге, придерживая вожжи. Я привязала Серого к задку повозки и ехала на Тихоне рядом с шаманом.

– Да-а-а! Жаль Камоса, жаль всех нас, но я рад, что ту миссию

доверили именно ему. Его не зря нарекли славным именем. Пойти на столь великую жертву и привязать свою душу... отказаться от перерождения... на такое не каждый способен, в этом я уверен.

– А много магов у вас осталось, Ксион?

– Нет! К сожалению, должен признаться вам, Алев, магов не осталось совсем. Чтобы пройти обучение до конца, наших жизней не хватает, есть только шаманы, но их силы слабеют год за годом. И это в такое время...

– А чем это время отличается от других?

– Смута растет. Какая-то всеобщая непонятная смута, Алев. Наш великий Стретер – защитник марханов и покровитель драконов – давно не проявлял к нам своей благосклонности, а ведь мы каждый год молим его об этом в день, когда Суар полные сутки остается один на небосклоне. Поговаривают, светлоликая Алоис – прародительница эльфов – тоже покинула божественные чертоги. И больше не отвечает на молитвы своих детей. Зато Трехликий активно поддерживает людей и гномов, но часто играет в собственные игры.

Гномы сейчас вон как возгордились, полезли из всех щелей своего подземного царства. Люди бесконтрольно плодятся, постоянно интригуют и воюют между собой, а заодно и нас вовлекают в свои конфликты. На этой войне только гоблины выгоду и получают, увеличили стоимость всех услуг, но, слава Стретеру, они еще помнят нас сильной расой и уважают. – Потом тихо добавил, чтобы гоблины не слышали: – Вполне возможно, они тоже играют в свои игры и стараются удержать общее равновесие.

– Я думаю, каждый из нас соблюдает прежде всего свои интересы.

Ксион внимательно посмотрел на меня и спросил:

– А вот меня все же интересует, уважаемая Алев, какие интересы преследуете вы, помогая марханам? Не в обиду вам, конечно, вопрос.

Я лишь хмыкнула на его последнюю быструю оговорку, искренне сочувствуя старому мархану. Ему приходится любезничать со мной, по сути, непонятно с кем только из-за призрачной надежды на возвращение древней реликвии и долголетия. А обещание мое довольно слабо подтверждено лишь чужим перстнем. Доверять мне полностью ему сложно, и обидеть нельзя – вдруг взбрыкну, а он несет ответственность за судьбу своего народа.

– Я честно сказала вам, уважаемый Ксион, что сейчас исполняю клятву, данную Камосу. Он выполнил два моих заветных желания, попросив за это завершить его миссию и вернуть артефакт. Наша сделка была честной, и другие марханы мне ничего не должны. Что бы ни произошло, я сделаю все, что в моих силах, и последняя миссия Всегда

Идущего до Конца будет выполнена. Сердце Марханов воссияет на своем ложе в Доме Предков.

– А можно узнать, какие именно желания он выполнил?

– Он дал мне знание и открыл правду. – Я смерила чересчур любопытного старика предупреждающим взглядом.

Ксион нахмурился, обдумывая мой ответ, а я быстро сменила тему:

– Удивительна ваша скорость передвижения. Почему вы не используете для поездок лошадей?

– Ну почему же, используем. Вот такие повозки... А на лошадях мы не ездим, потому что у нас разный центр тяжести... А поперек как-то не солидно ездить будет, как вы считаете? – Он, ухмыльнувшись, взглянул на меня, я же представила эту картину и тут же согласно кивнула.

– Скажите, сколько примерно добираться до Эйнера?

– Ну, если все пройдет более-менее нормально... три недели. Но сородичи предупредили, что в Астаке сейчас неспокойно и, возможно, там назревает что-то нехорошее. Эти люди такие... кровожадные. Готовы убить за медяк, а в Астаке, по моему глубокому убеждению, слишком часто меняется власть. Может, там место проклятое? За последнюю пару сотен лет там сменилось с десятков царствующих династий. И каждая новая устраивает политический террор и чистку своих рядов, а заодно убирает тех, кто под руку попадет. Марханы там больше не селятся... слишком проблематично. Последняя династия успела перессориться с гномами и насильно изъять их золото. И, как мне кажется, гномы это так просто не оставят...

– Эти уж точно не оставят! – согласилась я, тут же вспомнив сморщенных пижонов-гномов, напоминающих помесь наших блатных воров и финансистов с Уолл-стрит.

Так мы ехали по удобному широкому тракту до самого вечера, остановившись лишь на час пообедать чуть в стороне от дороги. Нам часто встречались груженные обозы, одинокие повозки, всадники и пешие путешественники. В основном пока это были люди, но один раз мы увидели очень хорошо вооруженный отряд гоблинов, который сопровождал пару повозок с гномами, а еще как-то мимо проскакали двое светлых, увидев которых, я понижее опустила голову. Мое нежелание показываться именно перед ними не укрылось от Ксиона.

– Мне доложили, вы вчера слегка повздорили со светлыми, госпожа Алев. Что-то серьезное?

Я сверкнула глазами в сторону шамана, но возмущаться или обижаться за слезку не стала. Они следили за своим наследием, причем так, что даже

Филя ничего не почувствовал.

– Вы хорошие охотники, Ксион...

– Мы не охотились, госпожа, мы присматривали. Если бы ситуация вышла из-под вашего контроля, мы бы вмешались.

– Я понимаю причины... И нет, ничего серьезного, уважаемый Ксион. Обычная история: пришлось помочь родственнику, на которого напали светлые, потом отклонить неприличное предложение и уйти не попрощавшись...

– Мне доложили, что ваш поклонник – первый...

– Это не ваше дело, уважаемый Ксион. Поверьте, я могу справиться со своими проблемами сама. Прожила же я как-то без вашей опеки двадцать семь лет?!

– Эх! Госпожа Алев, вы слишком молоды и иногда...

– Моя молодость, уважаемый Ксион, не была столь праздной и безрассудной, как вам кажется. Каждый мой день, начиная с двенадцати лет, был наполнен заботами о выживании, поэтому мой рассудок не замутнен эмоциональными всплесками, свойственными молодым.

– Прошу прощения, госпожа Алев, я не хотел вас оскорбить. Признаю, вы не вписываетесь в представления, которые у меня сложились об эльфах и их жизненном устройстве, а учитывая вашу вторую сущность... Молодых драконов выпускают из-под опеки родителей и клана лишь спустя сто лет, а вы...

– А я одиночка, Ксион. Жизнь так сложилась. Давайте больше не будем об этом. Относитесь ко мне как к мархану в возрасте двадцати семи лет.

Шаман бросил на меня скептический взгляд, а я спросила:

– А сколько лет Юмихии?

– Шестнадцать исполнилось.

Он улыбнулся, посмотрев на спину внучки, которая бодро скользила по пыльной дороге.

– А Юдеру?

– Как и вам, двадцать семь.

– Он женат, или как у вас семьи создают?

Ксион удивился, а потом осторожно ответил, недоуменно смотря на меня:

– Как у людей, Алев. Вообще, мужчина делает предложение женщине, и если она согласна, наш великий Стретер освящает этот союз. И... нет, он не женат пока.

Понятно, он всерьез подумал, что я заинтересовалась его учеником. Я

чуть не захохотала, но смогла сдержаться и продолжила разговор:

– Я заметила интерес Юхимии к вашему ученику, и, как мне кажется, они прекрасно смотрятся друг с другом.

– Вы уверены?

Я только кивнула, уже сомневаясь, этично ли такое вмешательство в чужую личную жизнь. Но тоска марханки меня задела. Ксион же вновь задумчиво посмотрел на спину своей внучки и перевел взгляд на Юдера, который скользил рядом с Сиуреем. Я удовлетворенно отметила, что глаза старика в какой-то момент вспыхнули хищным азартом – старик принял решение. Похоже, внучке с дедушкой повезло больше, чем ученику с наставником... Не любишь – научим, не хочешь – заставим.

Вечер мы встретили возле костра на лесной поляне неподалеку от тракта. Долгих разговоров не вели. Поужинав, мы с Юхимией отправились спать в телегу, над которой навесили полог, а Филька улегся снаружи, все еще обгладывая мозговую косточку крупного зверя, убитого на охоте.

Глава 10

– Удар! Еще! Выпад! Откат! Вы как улитки, обе!

Мы с Юми, испачканные в грязи, упали на землю и едва могли дышать. Сиурей, нависая над нами, жестко отчитывал:

– Сами напросились, отлынивать не позволю и поблажки вам делать не буду. Быстро встали и повторили серию ударов.

Мы в ужасе подняли на него взгляд, но вскочили и начали заново. Когда неделю назад, на второй день пути, я от нечего делать попросила командира гоблинов научить меня некоторым приемам самообороны, я уж точно не предполагала, что попаду в личный ад, а заодно и Юми прихвачу. Думала, сделаю ей одолжение, а в итоге обе теперь ровно час тихо помираем, отрабатывая удары, падения или приемы контактного боя. Но зато Юдер с большим интересом начал следить за девушкой, и это немного примирило ее с ситуацией и стало стимулом лучше тренироваться. А Филька, гад, ленивой тушкой развалившись неподалеку, догрызал очередной кусок еды, которую ему выдали хозяева. Наверное, в расчете на то, что потом он не захочет пообедать ими. Ел и ухмылялся, глядя на мои мучения! Предатель!

Наконец Сиурей подал знак об окончании тренировки и не оглядываясь пошел по своим делам, а мы как древние старушки поплелись в небольшую пристройку к дому, где располагались бани. Наш отряд

остановился на отдых в Эсуне – небольшом городке, где проживал свод марханов, – и гостил в большом доме главы свода. После непродолжительного разговора с Ксионом взволнованный хозяин тенью скользил за нашим шаманом и с восхищением взирал на меня. Словно я и была ожившим Сердцем Марханов.

Нас всех устроили, помыли, накормили, и теперь, после тренировки, надо снова идти мыться. Но благодаря этим занятиям я с каждым днем чувствовала себя бодрее, увереннее и даже радостнее. Пустота во мне заполнялась, а нутро трепетало от странного предвкушения. Словно пузырьки шампанского лопались в груди, заставляя ждать чуда. Странное ощущение, но оно накапливалось.

Утром, тепло попрощавшись с хозяевами дома, наш маленький отряд двинулся дальше, а провожали нас взгляды, полные надежды и страха разочарования.

Снова передо мной бегущая вдаль утоптанная дорога, а я, уже полностью освоившись, болтаю не только с Ксионом, но и с Юдером, и с Сиуреем. Юмихия скользит рядом и изредка переглядывается с молодым марханом. Я украдкой за ними наблюдаю, радуясь. Раз своей личной жизни нет, хоть на других посмотрю. Я по-прежнему ехала на Тихоне, мерно покачиваясь в седле, Сиурей – на своем Быстром, а оба мархана двигались возле нас, не отставая и не уставая.

– Не считите за грубость, Сиурей, но меня терзает любопытство. – Я посмотрела на гоблина, который добродушно усмехнулся, блеснув клыками. – Почему вы носите в ушах кольца? Я заметила, что у многих их разное количество.

– Это напоминание каждому из нас, сколько раз хозяин колец побывал на грани жизни и смерти и сколько раз обманул смерть. Чем больше колец, тем сильнее и удачливее воин и тем дороже его услуги.

– Как у вас все интересно-о-о... – пропела я, улыбнувшись.

– Ну, не интереснее, чем ваша традиция вплетать в волосы шаури, светлая. Да и цвета высших родов тоже, на мой взгляд, смешные.

Я приоткрыла рот от любопытства и тут же вспомнила голубые камешки в косе Делиаля. Сиурей, заметив мое короткое недоумение, ничего не сказал. Я же постаралась увести разговор в другую сторону.

Чуть позже я подъехала к Ксиону и тихонько выведала у него информацию о шаури. Как он мне пояснил, цветные камешки в кожаных плетениях, которыми украшают волосы светлые эльфы, могут носить только представители высших родов. У них к фамилии прилагается приставка «эс». Все остальные вместо камешков носят приставку «эр».

Только теперь я поняла, почему Делиаль интересовался моим родом и говорил про эссу.

Прошла неделя, а я все еще помнила его черные глаза и брови, словно покрытые инеем.

Снова «живые» сумерки опускались на Лайванос. А наша дружная компания довольно быстро, но без суеты устраивалась на ночлег. Пока марханы готовили нам с Юмихией небольшой походный шатер, мы под внимательным присмотром Сиурея вели тренировочный бой. Как обычно, кто бы сомневался, он вышел из себя от нашей медлительности и неповоротливости. Рыкнув, напал на нас обеих, заставляя защищаться и попросту избивая нас палкой, которую мы использовали вместо холодного оружия.

Юмихия быстро была объявлена убитой, зато меня Сиурей гонял по поляне с азартом и неистовством охотника. В какой-то момент я поняла, что мне очень нравится драться с ним. Мы словно танцевали смертельный танец. Конечно, это были только деревянные палки, но гоблин ощутимо меня своею охаживал, мотивируя к уклонению от ударов и их блокировке.

Дрался он в безрукавке, демонстрируя великолепно сложенное тело, силу, ловкость и внутреннюю страстность натуры. В конце концов ему надоело со мной валандаться, и он одним быстрым ударом выбил мое «оружие», зафиксировал мои руки на груди и прижал к себе. Я задыхалась, а он стоял словно каменный. Прошло мгновение тесного контакта, потом я мысленно тяжело вздохнула: «Эх, жаль, что зеленый и нос грушей, а такой великолепный экземпляр...

Я медленно расслабилась и выскользнула из его «объятий», повернулась к нему лицом и смущенно посмотрела в его черные, глубоко посаженные глаза. В них горел огонь, а на лице играла довольная улыбка.

– Спасибо за показательный бой!

– Спасибо за доставленное удовольствие!

Двусмысленность его ответа заставила меня приподнять брови, а потом я хмыкнула и, не выдержав блеска лукавых глаз, рассмеялась. Через секунду-другую и он стал похрюкивать, выражая свое веселье, я же захохотала еще сильнее. Только уже над собой. Вот что гормоны со мной делают. Уже на зеленого с носом-грушей и большими клыками, к тому же лысого и хрюкающего гоблина заглядываться начала. Кошмар!

Хотя за последующий вечер я с удивлением поняла, что благодаря этому бою и нашему общему веселью, сделала невероятно большой шаг к сближению со всем отрядом. Вокруг костра они расслабились, а гоблины посматривали на меня скорее как на свою. Они по-прежнему молчали, но

больше не чувствовалось холода и настороженности. Сиурей сидел рядом и впервые рассказывал истории о своем народе. Радостные и грустные... Я больше узнала об этом мире, который вроде и был мне родным, но все же пока что чужим и незнакомым. Этот вечер был познавательным и странно умиротворяющим.

Юмихия сидела напротив рядом с Юдером, и они, надеясь, что никто не замечает, искоса друг на друга поглядывали. Молодой шаман словно нечаянно иногда касался своим хвостом кончика ее светло-синего, отчего та все время вздрагивала и замирала. Подкладывал в ее тарелку еды из огромного котла, который марханы везли с собой на телеге. И старался сесть поближе, словно отгораживая от соплеменников. Ей все это очень нравилось, и она, млея, не отстранялась. Ксион же довольно ухмылялся, но тщательно старался не показывать свое удовольствие.

Сиурей, чуть наклонив голову, от чего его смешной нос тоже немного сместился в сторону, заставляя меня зависнуть, спросил:

– Скажи, светлая, как случилось, что ты так многого не знаешь о своих сородичах? Косы плетешь, значит, совершеннолетняя, но красноволосая, а я таких за свои сорок лет среди светлых никогда не видал, хотя часто работал с ними по договору. С марханами путешествуешь, в их доме ночуешь и при этом доверяешь им свою безопасность. Мархуз к тому же у тебя необычный. Эти твари слишком злобные и коварные, встретишь такого – и выживешь, только если удача будет на твоей стороне... А твой ручной, и к тому же вы хорошо друг друга понимаете. Я таких, как ты, еще не встречал. Заметил, что для тебя все равны и одинаково интересны, а мир ты толком не знаешь. С таким любопытством и интересом слушаешь наши истории, задаешь вопросы, ответы на которые не знает только малышня. Странная ты, светлая!

Я сидела не двигаясь и слушала, как он искренне этому удивляется. Рассказывать ему всю правду я не считала нужным, а вот перевести разговор, используя шоковую терапию, в другое русло решила попытаться. И, судя по загоревшимся глазам Ксиона, он тоже с нетерпением ждал моего ответа, надеясь на развлечение. Я решила его не разочаровывать.

– А кто тебе сказал, Сиурей, что я светлая? – Все гоблины с недоумением уставились на меня, а я продолжила: – Я Алев Штарназия, и со светлыми меня связывает лишь четвертинка крови, доставшаяся от бабушки.

Гоблины подобрались, помрачнели и нахмурились. Только Сиурей не пошевелился, лишь, оценивая, вдумчиво смотрел на меня.

– Думаю, это не вся правда, и самое важное ты оставила при себе. Что ж, я понимаю твоё желание не выворачивать передник перед чужими, вытряхивая домашний мусор.

Я ухмыльнулась и с благодарностью за понимание открыто ему улыбнулась. Он тоже «хрюкнул», а его сородичи словно выдохнули. На поляне вновь воцарилось умиротворение.

Утром зарядил мелкий противный дождь, который вражеским диверсантом пробирался под одежду и словно холодными пальцами касался кожи. Плащ свисал с моих плеч сырой тяжелой тряпкой, прилипнув к мокрым бокам Тихони, и к вечеру я уже мелко тряслась от холода. Марханы скользили по размокшей мягкой земле, и я заметила, что к их хвостам стала прилипать грязь. А ведь уже больше недели удивлялась, как они все время находятся на земле, но при этом хвосты всегда остаются чистыми и словно натертыми до блеска. Юми с плащом на голове, который немного раздувался от встречного ветерка, сейчас была похожа на кобру, угрожающе расправившую свой жуткий капюшон и готовую к нападению.

Где-то спереди отряда протяжно свистнули, и мы ускорились, потому что свист означал скорый привал. Серые влажные сумерки и дорога, все время петлявшая между огромными, непонятно откуда взявшимися валунами, не давали возможности увидеть, что таится за очередным поворотом. Но вот перед нами открылась небольшая равнина, а дальше, в предгорьях, можно было различить город гномов, Тизиулик, через который пролегал наш путь.

У дороги стоял довольно большой трактир, двухэтажное здание, а рядом – длинные конюшни. Как я поняла, весь второй этаж занимали съемные комнаты для проезжающих путников. Сейчас, когда Дрив уже спрятался за широкую спину Суара, а тяжелые дождевые облака мешали показываться его голубоватому сиянию, трактир смотрелся мрачной темной машиной.

Мы подъехали и, спешившись, отправились внутрь, а нашими лошадьми занялись марханы Спрат и Рунк. Гоблины своих лошадей всегда устраивали сами из-за их склочного характера и нежелания подпускать к себе чужаков. Этих лошадей даже не воровали. Себе дороже.

В огромном зале трактира, между столбами, которые поддерживали свод, были расставлены столы. Туда-сюда сновало несколько девушек-людей, а заполненный лишь на треть зал вызвал у меня вздох облегчения: нашему отряду хватит места. Из-за стойки к нам вышел слегка полноватый, невысокий, но крепкий мужчина. Выяснив, сколько желающих

остановиться, он очень обрадовался и предложил присесть, пока он распорядится принести нам пищу. Его слова звучали для меня чарующей мелодией.

Я устроилась спиной к огромному открытому камину, в котором вполне можно было зажарить быка, причем целиком. Почувствовала, как из-за жара открытого огня от плаща повалил пар, но снимать капюшон не торопилась. Мы всё ближе подходили к землям светлых, впрочем, как и темных эльфов, и обращать на себя лишнее внимание я не стремилась.

Я вытянула руку и, открывшись магии, поприветствовала огонь в камине. Он вспыхнул ярче и, словно довольный пес, лизнул мои пальцы. Юми округлила глаза, Юдер с Ксионом внимательно за мной наблюдали. Я же направила магию огня на себя и спутников, и мы с ним дружной компанией высушили одежду и теплом согрели замерзшие тела. У некоторых даже выступил пот, но, наверное, просто стало страшновато.

Я поблагодарила огонь, плеснув в него из фляжки Юдера крепкой настойки, от чего он вспыхнул ярче и довольно загудел, устремляясь искрами в дымоход. Столбы и удаленность нашего места от центра зала вряд ли позволили кому-нибудь подсмотреть за моими манипуляциями. Юдер произнес своим бархатным голосом:

– Уже пошла вторая неделя, а я все никак не могу к этому привыкнуть. Такое невероятное единение со стихией... Я стихийник, но ветер едва слушается меня, а вода уходит, не прощаясь.

Слова его были полны горечи, и Юми неосознанно положила синюю когтистую ладонь на его, поддерживая. Он обхватил ее пальцы, сжимая и благодаря, я же уверенно сказала:

– Камос говорил, что для обретения былой силы вашим шаманам не хватает времени ее накопить и приручить. Слишком короткая жизнь – это не твоя неудача или вина, Юдер. Как только Сердце Марханов вернется на свое ложе, все изменится. У тебя будут и время, и силы, чтобы приручить стихии и узнать истинные возможности.

Юдер с такой дикой жадой и надеждой посмотрел мне в глаза, что у меня даже защемило сердце. Все внутри перемешалось, но я твердо знала, чего хочу: чтобы эти синие нелюди жили долго и счастливо, как прежде. И его жажда магии нашла наконец свой живительный источник. Ксион тяжело вздохнул:

– Нам надо обязательно дойти и выполнить миссию. Если не для нас, то ради наших детей.

По его быстрому взгляду я поняла, что он думает о Юми и ее жизни больше, чем о своей. Ведь ему, если у нас ничего не выйдет, явно

оставалось недолго. Хотя даже если все получится, как говорил Камос, то у этого старика все равно не прибавится много дополнительных лет. Может, в лучшем случае доживет до сотни. В этот момент поймала себя на мысли, что слишком быстро привыкла к своему эльфийскому или драконьему долголетию. А ведь недавно думала, что я, как и все люди, прожила четверть жизни, и недолго осталось до старости... Как же быстро все меняется.

Нам принесли долгожданный ужин, и мы накинулись на еду. Гоблины тоже, хоть и сели отдельной группой за соседний длинный стол. Наевшись, я откинулась на спинку лавки, но вместо тепла от камина проникла освежающая прохлада, странно знакомая и словно ластящаяся ко мне. Расслабление и умиротворение испарились, когда предположение реактивным самолетом влетело мне в голову. Филька почувствовал мою тревогу и приподнялся, чтобы заглянуть в мои глаза. Но делиться с ним своим волнением не пришлось. В зал царственной походкой вошел Делиаль, а за ним – целый отряд светлых, в том числе и пятеро эльфов, с которыми мне пришлось помериться магическими силами.

Направившись к столам, они не сразу увидели нас с Филей. Бледный хозяин таверны, усиленно кланяясь, семенит рядом со светлыми. Сиурей, как и Ксион, отметил мою напряженную позу, а все гоблины насторожились, но не делали резких движений и продолжали ужинать. Ксион бросил предупреждающий взгляд на марханов, как раз когда Делиаль вышел из-за деревянного столба и заметил меня.

Он меня сразу узнал, и хищный блеск заиграл в его черных глазах. Рядом с ним возник его, скорее всего, брат, уж очень они были похожи. Но если сравнивать манеру держаться, уверенность в себе, накопленную годами, а возможно, и сотнями лет, взгляд и даже выражение лиц, их разделяла большая разница в возрасте. Как недавно презрительно выразился Ксион, это был эльфийский молодняк. Я поняла, что пятеро «старых знакомых» рядом с Делиалем действительно юноши. Завидев меня, они дружно предвкушающе встrepенулись. Я же смогла внимательнее их рассмотреть. Вероятный родственник Делиаля медленно и мягко протянул, обращаясь к первому наследнику:

– Ну, что я тебе говорил?! Мы ее нашли.

Делиаль молчал, а сам пристально окинул взглядом мою компанию, соседний стол с чинно жующими гоблинами и окружающее пространство. Его спутник между тем продолжил:

– Нашли, и она ответит за все. За то, что связалась с темным, напала на представителей старшей крови и покушалась на наследников трона. И за

отказ тебе, братец, тоже ответит... Хотя, может, она передумает?!

Его двусмысленные намеки меня скорее развеселили, чем обидели. Зато вожделенный взгляд Делиаля, которым он оценил мое тело, напряг сверх меры. Наследник волновал меня как женщину, но наш предыдущий разговор, его открытое пренебрежение и насмешливое превосходство не оставили меня равнодушной... и всепрощающей. Ксион забеспокоился еще сильнее, когда подошедшие воины-эльфы обступили высокородных. Телохранители. Я быстро сосчитала светлых: шестнадцать. Вместе с гоблинами нас двадцать один, и, хотя численно мы превосходим эльфов, я не знала, насколько сильна магия Делиаля. Филя рычал на эльфов, а они уважительно и пристально посматривали на него, и только Делиаль спокойно анализировал ситуацию. Родственничек его продолжал меня подначивать:

– Красавица, как будешь вину искупать? За нападение, нечестивую связь с темным, грубость своему будущему повелителю и... хозяину?

Я медленно поднялась, маршаны встали в ряд со мной. Гоблины всё еще сидели, но по их спинам я поняла: они готовы к нападению. А все из-за такой глупости – уязвленной мужской гордости. Не отпуская взгляда черных глаз наследника, спросила Ксиона:

– Насколько светлые хорошие воины?

– Одни из лучших, госпожа, а здесь личная охрана наследников... и сами наследники, – ответил мне Юдер, задвигая Юми себе за спину.

Ксион презрительно и ехидно добавил, заставив нахмуриться Делиаля и остальных:

– Последние наследники нынешнего Повелителя светлых. Гореть ему в жертвенном огне Стретера.

Выходит, я не ошиблась в своем предположении, это брат Делиаля и второй наследник. Тем более странно: что они тут оба забыли? Я озвучила свою мысль, обратившись к Делиалю:

– Зачем, а точнее, почему вы оба здесь, Снежок?

Он поморщился, бросив гневный взгляд на брата, который сначала смутился, а потом решил, что лучший способ отвлечь от себя угрозу – это напасть:

– Ты ответишь за это неуважение! Ты слишком зарываешься и...

– Может, помолчишь чуток, а? Младшенький! – Ненавижу, когда ко мне относятся с пренебрежением.

– Что ты тут делаешь в компании презренных хвостатых? – Делиаль решил присоединиться к разговору. – Так хотела убежать от меня, что даже на их общество согласилась? Поверь, я не причиню тебе вреда. Быть

моей... фавориткой весьма почетно, и этого добиваются многие красавицы нашего двора. Я прощу все, что ты натворила, если сейчас при всех извинишься и подойдешь ко мне. Добровольно!

Я судорожно решала, как избежать неприятностей, а в голове билась только одна мысль, но, боже, как же не хотелось открывать такую карту... Сейчас.

– А если нет, то что?

– Тогда я подойду сам, и, поверь, никакие препятствия не спасут тебя от моего недовольства и наказания.

Его тон был холодным, как и взгляд. Он не хотел драки, но готов был на все. Ради чего?! Сомнительного удовольствия попасть в мою постель?

– Ты так сильно хочешь меня, что готов рискнуть здоровьем?

Холод из глаз не исчез, но губы расползлись в ухмылке:

– Прости, Рыжик, но это уже дело принципа и чести, ну и удовольствия, конечно, тоже. Уверен, ты будешь для меня идеальной любовницей. Хотя в твоей крови гуляет огонь, и это обстоятельство мне тоже чрезвычайно любопытно.

Брат Делиаля терпением, как и умом, не отличался. Он вскинул руку, в которой пылал голубой сгусток, и замахнулся в нашу сторону, воскликнув:

– Довольно болтовни, она должна быть наказана...

Как в замедленной съемке я наблюдала за полетом голубого шарика. Взгляд Делиаля потемнел от ярости, но перехватить шарик он уже не успевал. Зато Юдер, вскинув руки, выставил свой заслон и отразил чужое заклинание. Шар, срикошетив, волной смел стоящий рядом длинный стол и с грохотом опрокинул лавки. Гоблины в мгновение оказались рядом с нами, выставив оружие. А телохранители светлых заслонили собой высокородных, однако не мешали им использовать магию.

Ждать дальнейшего развития ситуации я не стала. Осталась последняя попытка прекратить стычку, пока она не переросла в нечто большее. Одним движением скинула плащ, оставшись в плотных штанах, заправленных в ботинки, и синей рубаше до колен, подпоясанной красивым ремешком. Две красные косы лежали на груди. Я выставила руку с белым камнем и, толком не представляя, правильно ли делаю, выкрикнула:

– Я, Алев, Повелительница светлых, властью, данной мне священной короной и Высшими, приказываю остановиться!

Мои спутники замерли так же внезапно, как и светлые. Делиаль дернулся, будто кто-то невидимый ударил его по лицу. Остальные эльфы потрясенно вытаращились на меня. Сжав кулаки, Делиаль прохрипел:

– Откуда у тебя эти реликвии? Где Сиаларель?

– Он передал мне их лично, а затем, блеснув в небесах прахом, исчез. Но корона, как и перстень, приняли меня безоговорочно, так что, бывший первый наследник, ты в полете. А тебе, младшенький, оскорбления в мой адрес я так просто не прощу. Теперь все на колени!

Телохранители упали молча, высокородные щенки – с постными лицами, но Делиаль продолжал стоять, хотя я заметила, как ему с трудом удается противостоять магическому приказу диадемы. Я подошла к нему.

– Ну что ж, бывший первый, ты можешь постоять.

Эльф скрипнул зубами, но тут же расслабился и, завораживая блеском черных глаз, произнес:

– Ну что ж... Повелительница... Теперь для нашего законного союза нет никаких преград.

– Полагаешь? – Я усмехнулась от подобной наглости. – Мне кажется, теперь ты недостойн. Вот подумываю о твоём отце...

– Поверь, он весьма счастлив в браке с моей матерью! – Глаза наследника ещё сильнее похолодели.

– Хм-м, даже ради короны не согласится?

Делиаль на секунду замешкался, а потом уверенно произнес:

– Даже ради нее. Скорее ради моей матери он от короны бы отказался!

Я задумчиво постучала по губе коготочком и, с любопытством подметив, что Делиаль пробежался по моим губам горячим взглядом, произнесла:

– Ну что ж, я рада, что на свете ещё остались настоящие мужчины и любовь.

– Если позволишь... – Делиаль провел пальцами по моей косе и продолжил, соблазняя: – Я докажу тебе, что не только мой отец – настоящий мужчина. Наш брак будет выгоден не только мне, но и тебе.

– Нет, Делиаль! Мы с тобой живем по разным принципам. И мужчина мне нужен другой.

– Какой другой? И чем же тебе не подходят мои принципы? Ведь ты меня совершенно не знаешь!

– Я хочу, чтобы мой мужчина был таким: пришел, увидел, полюбил. А ты живешь по-другому: пришел, увидел, отымел, и совесть тебя отнюдь не мучает...

Сзади раздался знакомый «хрюк» Сиурея, отчего лицо Делиаля потемнело ещё больше.

– Чего ты хочешь, девочка? Ты думаешь, пришла, надела корону, и ты главная? Поверь мне, легко не будет!

– Не волнуйся ты так за меня. Лучше о себе побеспокойся или вот о

братике своем...

Он весь помертвел, а голос наполнился неприкрытой угрозой:

– Ты не посмеешь...

– Посмею! Очень даже. И это некоторым образом послужит мне гарантией... вашего послушания.

Делиаль окаменел и яростно произнес:

– Он молодой еще... Самый молодой среди эльфов... Последний из рожденных.

– Э-э-э, нет, поверь, не последний и не самый молодой!

Позади снова раздался «хрюк», разбавленный ехидными смешками марханов. А потом и Ксион язвительно вклинился в нашу перепалку:

– Я счастлив, что на старости лет увидел эту картину. О, Великий Стретер, благодарю тебя за это зрелище. Кучка светлых на коленях, а первый наследник проклятого Повелителя просит за своего глупого брата... И кого? Темную эльфийку с короной светлых на голове. Девчонку двадцати семи лет от роду, которая еще потаскает вас за светлейшие косы. За все, что вы натворили, и за ваше высокомерие и презрение к остальным...

Все светлые обалдело выдохнули. Черные глаза под инеем совершенно заледенели.

– Это невозможно... проклятье равно для всех эльфов...

Я трансформировала руку в лапу, миниатюрную лапу драконицы, и снисходительно похлопала Делиаля по щеке, заставив его отшатнуться:

– Все возможно, Снежок! В этом мире возможно все!

– Кто ты такая? Откуда? – прохрипел он.

А я мысленно махнула рукой на все тайны и ответила, насмешливо глядя на него:

– Я, Алев Штерназия, полукровка темной и дракона. Их брак был освящен богами и... мной. Мне немного помогли вернуться из другого мира... и послали сюда... Высшие. Причем основательно послали и надолго... А все из-за вас и ваших дурацких игр. Знаешь, бывший первый наследник, я очень устала, и мои спутники тоже, а дорога у нас длинная. А дел по горло. Тебя как зовут? – Я повернулась к младшенькому эльфу.

Он отпрянул в сторону, все еще стоя на коленях, а потом, смирившись, ответил:

– Мансель Эс Севери... Повелительница!

– О-о-о, приятно знать, что тебя все же мозгами не обделили. Так вот, Мансель, сейчас ты добровольно принесешь мне клятву верности на крови и вступишь в наши сплоченные ряды. Я так решила.

Мансель побледнел и испуганно взглянул на брата, который жестко спросил:

– Зачем тебе это надо? Я понимаю клятву... но зачем ты потащишь его с собой?

– Буду учить его терпению и вежливости, Делиаль. Ну и плюс он будет решать некоторые вопросы... Хм-м-м, связанные с вашими сородичами, если встретим их по пути. Поэтому в ваших интересах предупредить своих, чтобы нам не мешали.

Все светлые взирали на меня с яростью. Поэтому я добавила:

– Меня Высшие... послали. Теперь вот проблемой вашей рождаемости занимаюсь и долголетием марханов, поэтому в ваших интересах помочь с этим... хм-м-м, вашей Повелительнице!

Снова послышался хриплый голос Делиаля:

– Это правда? Или ты так остришь?

– Какие уж тут остроты? – серьезно возразила я. – Разве с этим шутят? Нет, я заинтересована в решении столь жизненно важной проблемы. Как-никак я наполовину эльф!

В таверне было тихо, все посетители жались к стенам, хозяин в сторонке заламывал руки и, скорее всего, подсчитывал убытки от предстоящей драки. Помня наставления Камоса, остановила свой выбор на кольце с красным камнем драконов. Протянула руку и выразительно посмотрела на младшенького. Тот снова глянул на Делиаля, но старший резко кивнул, давая разрешение и словно принимая для себя лично важное решение. Младший из-за пояса вытащил кинжал и полоснул себя по пальцу, заставив меня поморщиться. Я оттопырила палец с красным камнем, а Мансель накапал на камень своей крови, говоря при этом:

– Клянусь кровью хранить верность Алев Штерназия как ее подданный. Клянусь защищать ее жизнь и честь...

– Не забудь сказать, что обманывать не будешь и говорить только правду.

Он тяжело на меня посмотрел и добавил:

– Клянусь говорить только правду Алев Штерназия и не обманывать. Клянусь своей кровью.

Камень вспыхнул изнутри кроваво-красным светом, потом словно выпитал в себя кровь Манселя и потух. Мансель, еще не веря в случившееся, глухо прокомментировал:

– Клятва принята!

– Я поеду с вами!

Я перевела взгляд на Делиаля. Пожала плечами, а потом так же твердо

отказала:

– Нет! Мне хватит в нашей компании и одного брата, второй мне ни к чему.

Даже не заметила, как он оказался рядом со мной, откинул стул, заморозил Филю и, впившись стальными пальцами в мои предплечья, хрипло прошипел:

– Девочка, я разменял второе тысячелетие и не позволю даже такому красивому ребенку, как ты, указывать мне, а тем более хамить. Твоя корона – фикция, реальную власть надо заслужить, а главное – удержать, а ты пока не доросла. Поэтому подумай об этом на досуге, а еще лучше – прими правильное решение и согласишься на наш брачный союз. Поверь, так будет лучше и мне, и тебе.

Я вырвалась из его хватки, одновременно с этим подняв руку, останавливая яростное желание с обеих сторон начать драку. Говорила я тихо, но очень убедительно, чтобы меня можно было понять и прочувствовать мою злость.

– Жизнь покажет, Делиаль, кто заслуживает эту корону. Я пока не решила, оставить ее себе или отдать другому. Но, если ты еще раз дотронешься до меня без разрешения, я приложу все усилия, чтобы ты об этом горько пожалел.

– И что же ты сделаешь, Рыжик? Топнешь ножкой или надуешь губки? Эта корона гарантирует лишь временное послушание и твою безопасность только от светлых. Она тебя приняла, но это не гарантирует, что ты сможешь долго быть нашей Повелительницей.

– О-о-о, зато я могу очень хорошо подумать, кому ее передать... Добровольно, иначе вы за нее друг другу глотки перегрызете. А учитывая, что с рождаемостью у вас проблемы, то... последствия можешь додумать сам, Снежок.

– Ты не сделаешь этого! – Инеевые брови нахмурились.

– Почему нет? Или ты думаешь, что своей красотой сразил меня наповал?

– Я не слепой и заметил твою реакцию, девочка. – Тонкие ноздри трепетали, раздуваясь от ярости. – И если ты будешь хорошо себя вести, то получишь меня целиком в свои загребушие лапки. Навечно!

Я хмыкнула и склонила голову набок, рассматривая его. А ведь прав, гад, он слишком красивый, но, отступив на шаг, я устало ответила:

– Я жду не тебя, Делиаль. Я жду того, кто полюбит меня, и ни одна корона мира не будет ему важна или сравнима со мной. Кто всегда будет рядом. Кто не сможет жить, если меня не станет. Для кого я – все, что ему

надо от жизни.

Передо мной возникло родное лицо отца с красными волосами и желтыми глазами, в которых светилась бесконечная нежность и любовь, когда он любовался моей мамой.

– Я дала себе обет и на меньшее не соглашусь.

– Девочка, любовь надо заслужить, она не дается так просто.

Услышав его самоуверенное замечание, ответила жестче:

– Значит, ты никогда не любил, и я уж точно не твоя. И служить тебе я не буду.

– Как ты правильно заметила, жизнь покажет, но я добиваюсь всего, чего захочу.

Он протянул руку и вновь погладил мою пламенную косу длинными смуглыми пальцами. Я перехватила его ладонь. Ощутила шероховатости на пальцах и ладонях – похоже, он серьезно относится к боевой подготовке, если у него мозоли от оружия не проходят, несмотря на прекрасную регенерацию. Сильный, красивый, умный... Может, стоит подумать, прежде чем окончательно отказывать. Уверена, такие на дорогах не валяются! Но мой ответ вылетел, опередив разумные мысли:

– Смотри, состаришься, потом никому не нужен будешь!

Развернулась и отошла к своим спутникам, которые с величайшей настороженностью следили за нами. Улыбнулась, успокаивая Ксиона, и, повернув голову вполоборота, сказала:

– Делиаль, не мешай мне, это и в ваших интересах. Особенно в ваших... Мансель, можешь попрощаться с товарищами, поступаешь в распоряжение к командиру звена моих телохранителей Сиурею.

Юдер тихо сказал:

– Наши комнаты в правом крыле готовы.

– Повелительница! Я прошу принять меня в вашу команду и готов принести вам клятву.

Я повернулась к эльфам. На меня уверенно смотрел один из шагнувших вперед телохранителей, но тем не менее стоявший позади первого наследника. Соблюдает этикет даже в подобной ситуации... Делиаль даже бровью не повел и молча следил за мной. И именно это подсказало или, точнее, дало ответ на вопрос, но все же я спросила:

– Зачем?

Не глядя на первого наследника, мужчина шагнул в мою сторону и опустил на одно колено:

– Я, Харель Эр Таре, личный телохранитель младшего наследника нашего Повелителя. Мой кровный долг – хранить его жизнь. Я...

– Хорошо, Харель! Мне достаточно клятвы, что ты не причинишь мне и моим спутникам вред, пока путешествуешь с нами, и не предашь.

Мы молча повторили кровавую процедуру, и я, подмигнув Сиурею, сказала:

– Командир, у тебя еще один ученик!

Сиурей быстро оценил Хареля и, качнув головой, спокойно сказал:

– Боюсь, мне самому есть чему поучиться у этого светлого...

Я уважительно взглянула на эльфа, потом на Делиаля, который теперь расслабленно наблюдал за нами. Как только я согласилась взять с собой Хареля, он заметно успокоился и смотрел снисходительно и как собственник. А я едва слышно хмыкнула. Похоже, этот будет присматривать за нами обоими. Я уже шагнула было к лестнице, ведущей наверх, но меня на мгновение задержало пожелание Делиаля:

– Береги себя, Алев! Для меня!

Я обернулась. Высокий, красивый, с утонченным благородным лицом, белоснежными волосами, искрящимися от свечей, и горящие обещанием черные глаза. Обещанием скорой встречи, но вот вопрос – хочу ли я ее?

Глава 11

Наш дальнейший путь пролегал через холмы, изрядно утомлявшие своим однообразием и рельефом. Поэтому, когда я спешила, у меня было ощущение, что меня качает вниз-вверх, вверх-вниз. Внутри постепенно скапливалось напряжение из-за того, что я нахожусь в такой большой компании, не спускавшей с меня глаз. Филя носился по округе, но, стоило мне крикнуть, он словно призрак оказывался рядом. Из-за этого два светлых эльфа, которые теперь все время держались за моей спиной, молчаливо и опасно сверлили меня взглядом.

За последние три дня я убедилась в ответственном подходе Сиурея к его образовательным обязанностям. Особенно удивило, с каким рвением он учил младшего наследника светлых терпению и уважительному отношению. Однажды, заметив наши с Юми насмешки над упражняющимся Манселем, он заставил нас тоже включиться в тренировочный процесс, чем заслужил наши колющие взгляды вместе с мысленной руганью. Но неожиданно совместные занятия сплотили нас с высокородным эльфом. Светлый тоже обучал стрельбе из лука всех желающих, но чаще всего – меня.

Въехав на очередной холм, мы с удивлением и радостью увидели

небольшой городишко, от которого, словно лучи солнца, разбегалось множество дорог. Окруженный внушительной каменной стеной, он являлся хорошо защищенной крепостью.

– Это Тизиулик, город гномов! Многие считают, и, я думаю, не без основания, что под ним начинаются подземные тоннели, ведущие в горы. Это перевалочный пункт для перевозки ценностей. Тизиулик очень хорошо охраняется, но зато он чрезвычайно спокойный и безопасный. Гномы превратили его в нейтральную зону для любых рас. Мы можем отдохнуть здесь пару дней, если вы устали, Алев! – Ксион вопросительно посмотрел на меня.

– Я лишь курьер, уважаемый Ксион. Как вы решите, так мы и сделаем. Это ваш отряд, и вы здесь главный!

Он удовлетворенно кивнул, снова бросил взгляд на лежащий между холмами город, потом оглянулся на отряд и сказал:

– Я думаю, здесь мы только переночуем. Нет смысла привлекать внимание, которое и так уже слишком сконцентрировалось вокруг нас. Впрочем, настолько разношерстная компания все равно вызовет повышенный интерес.

Я нахмурилась, чувствуя легкую вину, но захотела оправдаться:

– Вы сами знаете, в случившемся, по большому счету, моей вины нет! Я не позволю убивать родственника. Несмотря ни на что! А светлые... Мансель нам пригодится в дороге до Эйнера, а как только ваши границы останутся позади, мы пойдем своей дорогой, а они – своей.

– Я понимаю ваши мотивы, Алев, просто пятьсот лет ненависти любви к светлым не прибавляют...

– Не просто, Ксион, они за свою глупость тоже жестоко наказаны! Как только мы закончим с миссией, вам надо будет налаживать с ними отношения.

– Алев... Пока об этом рано говорить!

– А когда будет своевременно?

– Жизнь покажет, давайте сначала сделаем что должны.

Я устало пожала плечами и примирительно предложила:

– Давайте! Есть хочется и помыться. За три дня ни одной маломальской лужи.

– В Тизиулике есть подземные источники. Именно поэтому гномы построили здесь свой город. И поэтому он еще более неприступен. Вода внутри, тоннели имеются, и еду всегда можно подвезти. Как и напасть на врага со спины...

Мы подъезжали к городу, и я слушала истории неудачных попыток

захвата Тизиулика разными расами. Но вот последняя фраза Ксиона заставила меня вздрогнуть.

– Только одной расе это удалось, причем попытались они лишь ради интереса... Красным драконам. С тех пор этим крылатым разрешено посещать город в любое время и пользоваться бесплатно всем, чем захотят. Хотя на практике это касается пропитания и отдыха в тавернах. И представляю, как радуются гномы тому, что огненных тварей мало... – В этот момент Ксион, видимо, вспомнил, что я наполовину красный дракон, и, запнувшись, смутился и потемнел до черноты. Скрипнув клыками, пробормотал: – Простите, Алев! Иногда я забываюсь и... Вы не похожи ни одну из двух рас: ни эльфийка, ни дракон – совсем другая. И даже ближе к нам, поэтому я скорее думаю о вас как о молоденькой марханке, а не как о драконе или эльфе.

Я хмыкнула, пожала его сухую синюю руку и мягко сказала:

– Не волнуйтесь, Ксион. Я еще сама не определилась, кто я такая.

В раскрытые ворота города мы въезжали уже в сумерках, под пристальным вниманием гномов в кожаных колетах и с внушительным арсеналом. Заплатив пошлину, Ксион по совету одного из стражей повел наш отряд вглубь города, к большой таверне, где должно было хватить места на всех нас. Улицы сужались к центру, закруглясь каменным лабиринтом. Цоканье копыт лошадей по каменной мостовой далеко разносилось, а шуршание хвостов марханов превратилось в странный напевный шепот. Капюшон я уже давно сняла – моя тайна уже была раскрыта и прятать корону не имело смысла, а постоянно ходить в капюшоне жарковато. Таверна, к которой мы подъехали, оказалась похожа на перевернутый глиняный горшок с узким горлышком сверху и зияла маленькими круглыми, словно иллюминаторы, окошками.

Уже по привычному распорядку часть гоблинов и марханов двинулась со мной внутрь таверны, а другая занялась лошадьми. Харель принял коня Мансея и увел его вслед за остальными, а эльф словно приклеенный пошел за мной. Войдя в зал, похожий на сотни у подобных таверн, мы окунулись в умиротворяющий мир звуков и запахов, который обещал горячую похлебку и уютную комнату с кроватью и ванной.

Сиурей шел рядом и следил за каждым присутствующим, обратившим на нас внимание. Ксион с Юдером общались со старым сморщенным гномом, хозяином, который яростно размахивал руками и брызгал слюной, – сцепились явно из-за цены. Такой своей выгоды никогда не упустит. Наконец консенсус был достигнут, гном расплылся в гостеприимной улыбке и бросился отдавать приказы многочисленным

служкам. Похоже, здесь работали дети и внуки хозяина таверны – общие черты, как говорится, были налицо. Наша компания заняла целый угол огромного зала, и для нас быстро начали накрывать столы. Вскоре к нам присоединилась и вторая часть отряда.

За нами с Филей следили с особенным интересом, а он, чувствуя восхищение, вышагивал величественной походкой царя зверей, похлопывая мохнатым хвостом по бокам. Мы с побратимом как обычно сели с краю, с любопытством оглядываясь.

Мансель расположился напротив меня, изящным плавным движением откинул за спину длинную косу, украшенную веревочкой-шаури с короткими ремешками и голубыми камешками на концах. Как я выяснила, голубой – родовой цвет Эс Севери. Когда мы встретились взглядом, его высокий лоб пересекла тонкая хмурая морщинка. Я рассматривала эльфа с нескрываемым интересом.

Он был очень похож на брата и, по его словам, на отца. Ему чуть больше пятисот лет, но выглядит он двадцатилетним юношей, да и глаза сверкают как у мальчишки. Диссонанс возраста и юношеской непосредственности удивлял меня и заставлял призадуматься. Хотя я могу это понять! Ведь он последний из рожденных, наверняка с ним носились как с писаной торбой. Вон даже родной брат помчался за «мальчишкой», который вырвался наконец из-под опеки старших, решив побаламутить с группой товарищей. А в итоге нарвались на темного, которого решили немного проучить, но темный оказался из рода Черных Штерназия, да в довесок и я вмешалась.

Самое смешное, что я еще пару дней назад поняла из разглагольствований Манселя – зря тогда вмешалась в драку. Потому как скорее спасла жизнь им, а не своему дядюшке. Зато приобрела кучу неприятностей и лишний раз убедилась в правильности поговорки: не делай добра, когда тебя не просят, – не получишь зла. Но, глубже поразмыслив над чередой случайностей и неприятностей, которые меня преследуют, я была готова согласиться с мнением Камоса, что это Высшие играют в свои игры.

Нам наконец подали еду, когда я внезапно ощутила, как меня словно кто-то коснулся, обдав жарким дыханием огня. Это чувство заставило осторожно обернуться и внимательно осмотреть зал из-под полуопущенных ресниц. Вот группа оборотней методично работает ложками и никем не интересуется. Гномы-обозники ведут за длинным столом неспешный разговор за кружкой горячительного. Пара гоблинов недалеко, не обращая ни на кого внимания, тоже ужинают. Несколько

человек что-то тихо, но яростно обсуждают, тыкая пальцами и ножами в расстеленную между кружками бумагу и изредка позыркивая по сторонам.

Я вновь перевела взгляд и наконец наткнулась на хищно блеснувшие ярко-золотые глаза, принадлежавшие кому-то за небольшим столом в противоположном углу. Я вздрогнула и, замерев, провалилась в их опасную глубину, но не могла разглядеть их владельца.

Сердце, совершив невероятный скачок, ускорило бег, а я с трудом прикрыла веки, чтобы освободиться из плена. Прислушалась к бешеному стуку сердца и вновь посмотрела на обладателя невероятных глаз. И испытала настоящий шок. В одиночестве за столом сидел старик-человек, сгорбленный и потрепанный жизнью. Меня буквально захлестнули разочарование и досада за свою непонятную реакцию, но, когда я снова посмотрела в его золотые глаза, опять задохнулась от потрясения. По рукам и спине пробежала толпа мурашек.

Я абстрагировалась и постаралась внимательнее его рассмотреть. Странное противоречивое впечатление от сломанного жизнью старика и диких, невероятно опасных глаз выбивало из колеи. А еще отметила, что он тоже следит за мной, не отрываясь, ловя взгляд, но бурлившие в его глазах эмоции не отражались на лице, испещренном морщинами. словно глаза жили сами по себе, отдельно от тела. Эта мысль заставила меня повернуться к Юдеру, чтобы попросить его магически взглянуть на этого старика и выяснить, может, это личина-иллюзия, – но меня отвлекли. Причем самым радикальным образом.

В зал вошли двое высоких мужчин, которые будто припечатывали шаги по каменным плитам пола, оба с огненно-рыжими волосами, правда, не такими красными, как у меня. Смуглая кожа, выдающиеся носы и пухлые, высокомерно искривленные губы, крепкие тела, облаченные в обтягивающие плотные штаны и черные свободные рубашки, застегнутые на пару пуговиц, длинные мускулистые ноги, разворот плеч – все в них просто кричало о мужественности и повышенном тестостероне. Скорее всего, братья – уж очень были похожими, даже двигались синхронно.

Они шли по проходу между столами, подыскивая подходящее место, настолько уверенные в себе, что я убедилась: здесь они не видят ни одного реального противника. Прошли мимо стола наших гоблинов, скользнув по ним оценивающими взглядами. Двинулись дальше, и вдруг я заметила, как они насторожились, взглянув на заинтересовавшего меня старика. словно заметили угрозу. Кивнули старику медленно, уважительно и через пару шагов оказались возле стола, за которым сидели все марханы, двое светлых эльфов и я.

Филя почувствовал в них врагов, и его глухое рычание заставило меня тоже встревожиться. Так агрессивно он еще ни на кого не реагировал. Хотя, как только мы вошли в эту таверну, он нервно бил хвостом, а я расслабилась и не следила за побратимом, и только сейчас до меня дошло, что на самом деле он нервничал, а не красовался. Сильно нервничал.

Заметив меня, они будто наткнулись на стену, остановились, пристально вглядываясь и жадно вдыхая воздух. Какие странные глаза рубинового цвета с вытянутым змеиным зрачком... Понимание полыхнуло заревом пожара, я выпрямилась и нервно уставилась на них. Драконы! Красные!

Филя рычал все громче, Мансель обернулся и, заметив этих двоих и резко вздохнув, встал. За ним медленно, без резких движений поднялся Харель, и словно волна побежала за столом – так же напряженно, не спеша вставали мои спутники. Я же молча сидела под их острыми восхищенными взглядами. Так на меня никто не смотрел. Люди взирали в восхищении, но одновременно завидовали, ненавидели и опасались. Гоблины же, скорее, с любопытством, но тепло и по-дружески. Мансель с Харелем – словно я неразорвавшаяся бомба с короной на голове, хоть они и оценили красоту на словах. Марханы интересовались мной лишь как носителем их реликвии. Один только Делиаль смотрел очарованно как на женщину, но с расчетливо-холодным любопытством коллекционера. А эти красные вытаращились голодным жадным взглядом, словно я последний глоток воды, которой жизненно важно заполучить. Я внутренне, не кожей, а именно изнутри почувствовала, как нагревается помещение таверны.

Передернула плечами, один из них весь подобрался и сделал ко мне небольшой шаг, вызвав тем самым еще более громкое рычание Фили. Но мужчину это нисколько не напугало.

– Крррррасавица, из какого ты клана? – поинтересовался он раскатистым мощным басом.

Я молчала, не зная, стоит ли представляться еще и им. Уже и так половина жителей и рас Лайваноса знает, кто я и как меня зовут. С другой стороны, с красным дедулей я все равно хотела познакомиться, да и помощь его может потребоваться. Так почему бы и не назваться?

– Мой отец назвал меня Алев! А его звали Суорен Красный!

Мужчины напряглись еще сильнее, но, не сделав при этом и шагу, словно подались ко мне всем телом. Быстро взглянули на мои руки без перчаток и, заметив перстень с красным пылающим камнем, рвано вздохнули. А потом очень ласково, но все же напоминая загоняющих свою добычу борзых, сказали почти в унисон:

– Повелитель до сих пор ищет вас, Алев! Он не поверил проклятому богам темному, что погибли трое. Вы должны пойти с нами... к нему! Там вы будете в полной безопасности.

Температура в таверне увеличилась, и это ощутила не только я, но и драконы, Ксион с Юдером и светлые эльфы. Они осторожно начали осматриваться в поиске источника магического возмущения такой силы. Зато рыжие сразу поняли, кто испускает этот яростный жар, и обернулись к старику, который продолжал, наблюдая за нами, сидеть за столом в расслабленной позе, но вот глаза его пылали расплавленным золотом.

Драконы вздрогнули, неуверенно посмотрели на меня, потом снова на старика и кивнули. Я так и не поняла кому конкретно, мне или старику, но они, попрощавшись со мной одним взглядом, ретировались. Правда, судя по всему, оставили они меня в покое ненадолго. Я задумалась о произошедшем, отвлеклась всего на пару секунд, но, когда подняла глаза, старик уже исчез. Странно, очень!

Глава 12

Уже второй день, как мы покинули Тизиулик, мне казалось, что чей-то взгляд сверлит мой затылок. Я время от времени следила за небом – вдруг это те красные драконы. Но их крылья ни разу не блеснули над нами красной чешуей. Мансель нервничал и окольными путями пытался выяснить мои планы, особенно по поводу красующейся у меня на голове короны наисветлейших. Я же в ответ только хмыкала, переглядываясь с усмехающимся Ксионом.

Сумерки медленно стекали к земле по крупу Тихони. А мы, обогнув очередной холм, вышли к еще одной таверне. Только на этот раз она выглядела непрезентабельно, конюшня и вовсе покосилась. И я, и мои спутники все сильнее хмурились от вида неказистого ночлега, но это все равно лучше, чем привал под открытым небом. Мы завели лошадей под кровлю и, заплатив паре потрепанных жизнью мрачных мужчин за их кормежку и постой, отправились в дом.

В плохо проветриваемом зале, где смешались разные запахи человеческого пота и давно не мытого тела, кислого забродившего вина и пережаренного масла, наш отряд сразу привлек внимание посетителей. Особенно стал популярен Филя, который шел рядом со мной, вновь яростно молотя хвостом по своим крутым мохнатым бокам. А я пока никакой опасности не ощущала.

Заказав ужин и комнаты, мы тихо разговаривали в ожидании еды. На вопросы спутников я отвечала рассеянно и невпопад, присматриваясь к публике в поиске причины волнения Фили. Ему раньше нашего заказа принесли миску с сырым мясом, и он увлекся едой, но шерсть на загривке так и стояла дыбом, а розовый нос недовольно морщился.

Отхлебнув горячего напитка, я скривилась от пустого вкуса и горечи. Словно дрова заварили.

Скользила рассеянным взглядом от лица к лицу и ничего подозрительного или примечательного не находила. Но тут я заметила долговязого парня в платке, натянутом до середины лица. На нем была поношенная одежда селянина, а имел он невзрачный вид скромного молодого наемного работника, и только одно заставило меня обратить на него внимание – непередаваемо голодный, горячий взгляд неестественно золотых блестящих глаз, которые абсолютно не вязались с его простецким видом. Словно весь облик – личина, а глаза настоящие. У меня мелькнула мысль повернуться к Юдеру, который в это момент ухаживал за смущенной Юми, и попросить проверить мое предположение. К сожалению, я сама не могу распознать иллюзию, нет у меня такой способности. Но опять я не смогла вырваться из золотого плена и утопала в омуте, погружаясь все глубже и глубже, забывая обо всем и дыша, наверное, через раз.

Воздух между нами заискрился от напряжения, которое, похоже, никто не заметил, как и не почувствовал запах нагретой солнцем полыни и луговых трав. Я не знаю, есть ли похожие на Лайваносе, но я слышала именно этот аромат, который, казалось, окутал меня всю, отгородив от смердящей таверны.

Наконец вздохнула полной грудью, захлебываясь свежестью и приятным запахом, но продолжала смотреть не отрываясь, вытянувшись в струнку и не шевелясь. Я почувствовала зов... Чужая душа тянулась к моей и как будто большими, теплыми, заботливыми руками ласкала ее, приручала, звала за собой.

– Алев... Повелительница, с вами все в порядке?

Встревоженный голос Мансея и его рука на моем плече вырвали меня из золотого плена. Я сглотнула вязкую слюну и прохрипела, приходя в себя:

– Да! Да! Со мной все в порядке. Просто задумалась.

Я заморгала, а когда посмотрела в сторону загадочного парня, его там уже не было. Когда зов пропал, я неожиданно почувствовала пустоту. И снова холод и дикое одиночество заполнили сердце, несмотря на огонь, гуляющий по моим венам, находящимся вокруг людей и даже друзей. Фили положил мне на колени лохматую голову и заглянул небесными глазами в

мои. Я с удовольствием нырнула в них, с головой уходя в его эмоции и чувства. Он испытывал неуверенность, волнение от чувства непонятной ему опасности, но, главное, глубокую привязанность и любовь ко мне. Я передала ему свою поддержку, «я всегда с тобой, и вместе мы справимся».

– Это невероятно, у вас настолько полное слияние с мархузом. Огромная редкость...

Мансель с искренним восхищением смотрел на нас, Харель хмыкнул, улыбнувшись глазами, а я веско заметила, строго глядя на высокородного эльфа:

– Важно научиться уважать окружающих. Относись к другим так, как хочешь, чтобы они относились к тебе, и тогда народ к тебе потянется... И животные тоже!

Харель тихо усмехнулся, а принц насупился, недовольный моим выпадом.

Позже, в комнате, я долго ворочалась, и только теплый мохнатый бок Филя помог заснуть, но и там меня преследовали золотистые глаза.

Утро встретило дождем, совсем этим не порадовав, ведь нам теперь целый день предстояло месить грязь на тракте. Вдохновляло только, что мы все ближе к нашей цели. Впереди нас ждал еще один большой город королевства Харвуг – Астак, потом мы пересечем горы и наконец попадем в Эйнере, расположенный у Древних лесов, простирающихся на многие тысячи километров, как рассказывал Ксион. Я все гадала, за каким лешим светлых понесло так далеко от родного дома, да еще и угораздило стащить чужие сокровища.

Холмы закончились неожиданно, через пару дней после того, как мы покинули ту убогую таверну. Впереди лежала равнина, испещренная огромными камнями из известняка, а на горизонте, примерно в сутках пути, виднелись высоченные горы, украшенные белыми шапками. Посреди равнины возвышался Астак, окруженный древней каменной стеной, в которой местами виднелись сколы от осад, уже покрытые пылью времен.

Мы ехали рядом с Ксионом, с неодобрением провожавшим взглядом обозы и отдельные повозки с жителями, которые с мрачными лицами уезжали из города. На пару брошенных нами вопросов ни один из возниц не ответил, лишь опускали голову или вовсе отворачивались в сторону. Мои спутники мрачнели с каждым пройденным километром.

– Что-то не так, Ксион? – озаботилась я.

– Все не так, хотя чего еще можно ожидать от Астака!

– В каком смысле?

– За последние двести лет здесь поменялось шесть правящих

династий! Постоянные перевороты, поиски заговорщиков, восстания... Ощущение, что тут место плохое. Проклятое! наших здесь тоже нет... Если бы не закончившаяся провизия и фураж для лошадей, я бы повел отряд, не заходя в город. Здесь даже в селах все подозрительные, недружелюбные... – Ксион посмотрел на меня и эльфов и закончил: – Но больше всего беспокоюсь, что здесь не любят эльфов любого цвета! Предыдущий правитель снюхался с ними и в итоге залил кровью всю площадь. Полностью вырезал семью своего соперника и всех его сподвижников. Эту казнь-расправу еще долго будут помнить, тогда даже младенцев умертвили прилюдно. Обычно-то тишком, а тут напоказ...

Меня передернуло, а Мансель небрежно пожал плечами, оправдываясь:

– Так никто же из наших не предполагал, что он уже давно с головой не дружит и темной магией увлекается... Чересчур. В тот раз темные постарались в пику нам. А в итоге мы остались крайними, а эти черноволосые снова сухими из воды вышли.

Ксион укоризненно покачал головой: неважно кто, темные или светлые – все единым миром мазаны, а Харель посоветовал:

– Повелительница, Младший Наследник, нам лучше надеть капюшоны и не светить ушами...

Я хмыкнула, услышав привычный земной сленг, но поспешила выполнить его указание. Мы молча под пристальным присмотром городской стражи проехали через арочные ворота, цокая по деревянному настилу. А потом, глухо ступая по утоптанной глиняной дороге, петляющей по узким улицам вдоль мрачных серых домов, направились к ближайшей крупной гостинице. До Илисбурга этому городу очень далеко, и на душевую в комнате я уже не рассчитывала!

Место для ночлега мы отыскивали быстро, но, как только заселились, Ксион отвел меня в сторону и тихо сказал:

– Госпожа Алев, нам нельзя расслабляться, поэтому прошу вас остаться здесь со светлыми, а мы займемся провизией и фуражом. Мне очень не нравится царящая здесь атмосфера, да и во всем городе дела, похоже, не лучше...

– Понимаю ваше беспокойство, Ксион, и полностью с вами согласна. У нас и так, хм-м, на каждой остановке сплошные встречи и приключения, уж лучше давайте облегчим дальнейший путь.

Ксион удовлетворенно кивнул, прощаясь. С ним ушли четверо марханов, а отряд гоблинов заселился вокруг нас.

Я уже успела помыться в тесной лохани с еле теплой водой, постирать

одежду и высушить ее своим огнем. Тщательно расчесала волосы, заплела их в одну косу и уложила бубликом на макушке. Походные штаны и рубаху сменила на платье-тунику синего цвета с вышивкой и разрезами, в которых виднелись коричневые штаны из замши. Я еще ни разу не встречала такого потрясающего качества тончайшей кожи, из которой они были. А уставшие ноги наслаждались удобными туфлями-мокасинами. Благодаря им я даже по комнате передвигалась бесшумно, ощущая себя босой. Эти две вещи я случайно купила в лавке в Тизиулике, но решила надеть только сейчас, и даже мелочи подняли настроение и притупили сосущее в груди чувство тревоги.

Филипп с трудом согласился помыть лапы в мутноватой воде, а потом потрусил к нашей кровати, недовольно сопя и всем своим видом показывая, что он голоден. Я потрепала его мягкий черный мех, помяла бока, от чего он блаженно размяк и заурчал как кот, но потом резко наострил уши и вернул себе грозный вид.

Раздался стук, и послышался голос Ксиона, который позвал меня к ужину, но попросил оставить Филю в комнате. Соблюдая меры предосторожности, я натянула легкий черный плащ и накинула капюшон. Открыла дверь и увидела мрачного старого шамана. Он молча окинул меня взглядом, развернулся и пополз к обеденному залу. В этот раз Ксион специально добился для всех комнат на первом этаже. Я бесшумно следовала за ним, рассматривая спину, обтянутую длинным темно-зеленым сюртуком.

– Держитесь все время позади меня, госпожа! И не поднимайте голову. Для вашего побратима Юдер закажет еду отдельно, вы покормите его чуть позже.

– Вы все приобрели для нашего дальнейшего пути?

– Да! Слава Стретеру! Но цены здесь баснословные и вообще...

В этот момент мы зашли в гудящий как осиный улей зал, и шаман замолчал и, лавируя, направился к нашему отряду. Вся компания была в сборе и ожидала нас, заняв несколько столов. Пока я шла, чувствовала спиной пристальный сверлящий взгляд, но как только села, неприятное чувство пропало. Мы быстро поужинали, Ксион быстро прошептал что-то на ухо Тарку, тот коротко кивнул и уполз к выходу.

– Что происходит, Ксион?

Ой, не нравится мне все это.

– В городе снова зреет заговор, все чрезвычайно напряжены, словно в ожидании бури. Не сегодня-завтра нарыв лопнет, и тогда не поздоровится всем. Особенно чужакам... коса восстания не пощадит никого, пройдет

по многим шеям. Ох, не вовремя мы здесь оказались, чувствуют мои старые кости.

Снова чей-то пристальный взгляд заставил меня искать неведомого наблюдателя. Но я натыкалась только на злых, мрачных, а иногда и откровенно ненавидящих существ, впервые видевших нас, и которым мы не успели причинить вред. И это пугало до дрожи.

Почему-то я обратила внимание на широкую спину невысокого коренастого мужичка в холщовой куртке с капюшоном, который, почувствовав мой взгляд, медленно обернулся. Я увидела среднего возраста гнома, а потом уже привычно утонула в золоте его глаз. Незримая нить, протянувшаяся между нами раньше, пульсировала и утолщалась, зов усилился, и моя душа затрепыхалась пойманной птичкой. Меня отчаянно потянуло к нему, сосущая пустота внутри усилилась до болезненного ощущения, желания ее заполнить. Очень! Я даже прикрыла слегка глаза, потому что в уголках от чувства одиночества и тоски появились слезинки. Золото наполнилось теплом и нежностью, которые даже на расстоянии согрели и утешили, словно кто-то ласково погладил мое сердце. Если такое вообще возможно ощутить...

Я пришла в себя от резкого крика – в зал ворвались люди в форме королевской стражи. Они отчаянно отбивались от нападавших, одетых кто во что горазд. Только красные повязки на плечах указывали на восставших. На мгновение возникшая в зале тишина взорвалась воплями: «Долой Касиеров! Да здравствует династия Ронисов! Всех предателей на виселицу! Долой прихлебателей Светлых! Смерть ушастым нелюдям!»

– Ну вот и все!

Я оторопело посмотрела на Ксиона, который выпалил эту фразу слегка испуганно и бросил вопрошающий взгляд на Сиурея.

– Быстро уходим через задний ход, пока они заняты.

Его хриплый голос и потемневшая до черноты кожа подсказали, как он сосредоточен. Мансель глубже надвинул на голову капюшон, схватил меня под локоть и потащил вслед за Юдером и напуганной Юми, а Харель, двигаясь практически незаметно, все время старался быть между принцем и любой возможной опасностью. По уже знакомому коридору мы пробежали мимо наших комнат, но я успела схватить свой рюкзак и свистнуть Филе.

Мы буквально выскочили в выбитую гоблинами заднюю дверь. Тарк, как оказалось, уже выводил наших лошадей, а Замун и Ох яростно отражали атаки красноповязочников. Пара гоблинов присоединилась к защитникам, остальные вскочили в седла. Моего Серого впрягли в тройку,

чтобы ускорить движение телеги. Не хватало только бубенцов – стало бы похоже на русскую тройку. Раздался громкий клич, и за нами вывалилась толпа, которая, завидев прикрывавшего наш отход Манселя с упавшим капюшоном и луком в руках, победно взвыла.

Отряд ринулся по узким улицам к ближайшим воротам. Я лишь краем глаза заметила странную размытую тень, мелькнувшую над нами, но смотреть наверх времени не было. Мы убегали. Филя черным призраком неся рядом, казалось, не касаясь земли. Юми болталась у меня поперек седла – это Юдер ее закинул, когда она замешкалась.

Повозка гроыхала, распугивая встречных и заставляя их с проклятиями вжиматься в стены. Кто-то, завидев толпу с красными повязками на руках, с криками убегал, спасаясь, но нашлись те, кто с азартом присоединялись к охоте. Впереди вскрикнули пара гоблинов и Спрат, которых достали стрелами из соседнего переулочка. Светлые выставили между нами и стенами воздушную защиту, образовав своеобразный коридор. Оказывается, они тоже неплохие маги, и мне в Илсбурге действительно повезло. Или высшие тогда постарались...

Ксион с Корином подхватили Спрата, затащили его в телегу и, хлестая лошадей, покатали дальше. Вот и ворота, но перепуганные воплями стражники начали опускать решетку, не понимая, откуда исходит угроза, и, конечно, первой их реакцией было закрыть ворота. Стрелы Хареля и Манселя тонкими иглами впились в стражников, от чего они завалились на огромный блок с цепями. Движение решетки медленно продолжалось, но мы успели проскочить. Толпа, которую захлестнула жажда убийства и насилия, вырвалась за нами. Многие мчались на лошадях королевской стражи, но их потрепанная одежда и красные повязки на руках подсказали, что стало с владельцами животных.

– Реки крови вновь зальют улицы проклятого богами города Астарта! – раздался гневный вопль Сиурея, и я начала верить словам Ксиона.

Мы подстегнули лошадей, но они не успели отдохнуть от долгого перехода, и скоро нам придется вступить в бой. Судя по отчаянным лицам моих спутников, они это тоже осознавали. Мансель перекинул на спину мешающую ему белоснежную косу, Харель поправил лук, Сиурей одной рукой теребил многочисленные золотые кольца в ушах и поджимал губы. С городских стен в нас полетели стрелы, словно гончие, рванувшие в смертельный путь за добычей. В этот момент небо разорвал яростный рев. Задрав головы, мы обомлели.

Из-за шпиля самой высокой башни Астарта показался золотой дракон, который то взмывал вверх, махнув мощными крыльями, то немного

спускался. Суар, озаренный ярко-красной короной уходящего за горизонт Дрива, освещал путь этому чудовищу, которое снова заревело так, что у меня заложило уши. Дракон завис над городской стеной, полыхнул по ней пламенем и взмахнул остроконечным хвостом, украшенным гребнем, убегавшим к самой макушке.

Стрелы на мгновение зависли и, так и не долетев до цели, стали падать, иногда задевая наших преследователей. Крики и стоны умирающих огласили округу, стена пылала огнем, а мы уносились все дальше. Вслед нам ревел золотой дракон, круживший над городом и испускавший пламя ярости.

Невероятное и страшное зрелище – сегодня я впервые вживую увидела дракона, причем золотого. Интересно, он двуипостасный? Внутри от пережитого все горело и дрожало, но пока обдумать увиденное было нереально. Наш отряд уносился под защиту гор, подальше от Астарта. Через некоторое время отряду пришлось остановиться, потому что Спрату стало совсем худо, а раненые гоблины, хоть и держались в седлах, выглядели от кровопотери скорее серыми.

Я пересела в телегу, Юми вновь заскользила рядом с Юдером и держалась за его руку уже не таясь, а Тихоню Харель привязал к луке своей лошади. Мои спутники очень удивились, когда узнали, что я целительница. Марханы и гоблины благоговели, а светлые смотрели более уважительно. Тяжелораненых оказалось трое, и, вылечив всех, я судорожно жевала что-то съестное, чтобы восполнить энергию, привалившись к стенке телеги. Утомленный Спрат заснул, а гоблины почти позеленели и пересели на лошадей.

Только глубокой ночью, когда Суар решил больше не тратить свой свет на недостойных и уйти на покой, мы на скорую руку разбили лагерь на пару предрассветных часов и отключились кто где упал. В эту ночь во сне меня согревал свет золотых глаз, исчезнувших с первыми лучами Дрива. Утром, во время завтрака, ко мне подошел один из исцеленных гоблинов, уважительно кивнул, приветствуя, и неуверенно спросил:

– Госпожа, не будете ли вы так благодушны разрешить мне начертать ваше имя на новом кольце в знак удачи... для защиты на будущее?

Я удивилась, пожала плечами и согласилась. А потом с искренним удовольствием наблюдала, как гоблин вытащил из-за пазухи мешочек, а из него – золотое колечко. Он взял деревянную палочку и, расщепив ее с одной стороны, вставил в щель кольцо. Подержал его некоторое время в пламени костра, а потом вынул и быстро выдавил на нем имя. Затем опустил в свою кружку с водой и залпом выпил закипевшую воду, даже не

поморщившись. Жуть! Быстро выплюнул кольцо и, проведя им по лысой зеленой голове и под грушевидным носом, вдел в одну из дырок в ухе. Надо же, заранее сделал...

Юдер, который до этого зорко следил за тем, чтобы Юми побольше ела, подкладывая ей из своей тарелки кусочки мяса, прервал мое оцепенение.

– Занятный обычай! Но по опыту знаю: во всем есть свой смысл.

Я лишь кивнула, бросив в последний раз взгляд на довольного гоблина, которого теперь обступили товарищи и поздравляли с прибавлением удачи. Сиурей стоял в сторонке, но, к моему удивлению, и он смотрел на подчиненного довольно, словно тот только что нашел для своего отряда кучу золота. Действительно занятно...

Мой рассеянный взгляд случайно поймал выражение лица Ксиона, искоса наблюдающего за внучкой и любимым учеником. Было заметно, что он уже мысленно благословил этот союз и удовлетворенно потирает ладони. А может, уже и правнуков качает на руках... Эта приятная мысль заставила меня улыбнуться, что не ускользнуло от внимания старого шамана. Он, поняв, что я догадалась, потемнел от смущения.

– Я рада за них! – сказала ему шепотом.

Ксион расслабился и, заглянув мне в глаза, тоже тихо пробормотал:

– Эта миссия – для них, чтобы мои внуки и правнуки жили долго и счастливо, а мой народ помнил о прошлых своих заслугах. Мы вырождаемся и слабеем...

– В наших силах все исправить, просто нам надо дойти!

– И мы дойдем! Сами боги нам в этом помогают. Хвала Стретеру!

– А остальным... Высшим?

– Марханы чтят только Великого Стретера, и он отвечает на наши молитвы. Хотя остальных мы тоже никогда не обижаем и не хулим, в отличие от все тех же светлых!

– Понятно-о-о...

– Пора, Дрив уже высоко, и время наше не безгранично.

Ксион, кряхтя, поднялся, и я тоже. Все же дальняя дорога выматывает даже не физически, а морально.

Посмотрела в сторону, куда лежал наш путь. Перед нами высились горы, упираясь снежными вершинами в розоватое небо, а низко нависшие облака, ярко расцвеченные Суаром и Дривом, цеплялись за пики. Ксион сказал, они называются Драконьи горы – уголья крылатых. За ними земли, ранее принадлежавшие марханам, а теперь эльфам, но ушастые в последнее время слишком потеснили своих хвостатых соседей.

Мы уже двое суток шли по редколесью, все выше забираясь в горы. Мне все время казалось, что за нами следят, но никаких реальных признаков этого я не нашла, да и остальные вели себя спокойно и расслабленно. Однако постоянно спиной и затылком ощущала чей-то пристальный голодный взгляд, от которого мороз пробирал по коже.

Деревья, похожие на русские елки, с короткими, толстыми стволами и тонкими голубоватыми листочками вместо иголок, обхватывали корнями глинистую каменистую почву. Дрив в Драконьих горах был нечастым гостем и окрашивал своим розовым светом лишь их вершины. Зато Суар с неизменной красной короной и голубовато-серебристым ликом занимал все небесное пространство и, казалось, наваливался на нас своей массой. Больше трех месяцев прошло с тех пор, как я появилась в этом мире, а к виду Суара привыкнуть никак не могу. И не важно, что я пережила, где нахожусь и кем являюсь. Все равно вид небосвода и двух космических тел над головой был столь непривычным, что казался кадром из какого-нибудь фантастического фильма. Сумерки в горах наступали так же резко, тьмой стекая с горных вершин и укрывая землю словно одеялом.

– Ненавижу горы! Здесь всегда промозгло и... неудобно. И все время кажется, что за мной наблюдают чьи-то глаза.

Мансель, едущий рядом со мной, поежился, бросив бдительный взгляд в небо, а потом медленно оглядел огромные валуны и деревца вокруг нас. Харель, который шел впереди, обернулся, внимательно на меня посмотрел и осторожно произнес, по привычке откинув за спину серебристую косу и открыв мне практически черное лицо и тонкий профиль:

– Вы тоже это чувствуете?

Я лишь кивнула.

– Может это кто из ваших, хм-м-м, родственников-драконов?

Я пожала плечами и, не подумав, ляпнула:

– Да я понятия не имею. Я их никогда не видела вживую, золотой дракон, который спас нас, был первым... – В этот момент я захлопнула рот, но было уже поздно. Мансель подозрительно уставился на меня.

– Вы полукровка... дракон, но никогда их не видели? А...

– Я это обсуждать не хочу, Мансель. Так жизнь сложилась, но что-то мне подсказывает, скоро я наверстаю упущенное и познакомлюсь с ними. Главное – успеть до этого закончить свои дела...

– Госпожа, впереди речка, и мы можем остановиться возле нее.

Юдер молчал, ожидая решения. Они за время путешествия уже хорошо изучили и приняли к сведению мои привычки, в том числе страсть к купанию. Поэтому я с удовольствием согласилась.

Впереди показалась веселая горная речушка с пенными барашками на больших валунах, которые ей пришлось огибать, неся свои воды в долину. Еще большее удивление и радость охватили меня, когда я заметила, как несколько рыб, похожих на нашу форельку, выпрыгивали из воды.

– Слава Стретеру, его милость к нам бесконечна. А то я уже устала жевать вяленое или жареное мясо и кашу. А сегодня вечером у нас будет рыбка. – Юми, мечтательно сообщив о своем желании, остановилась на берегу ручья и, опустив в воду кончик синего хвоста, лениво гоняла волны.

Юдер подполз к ней, и со смешком и внутренней радостью я заметила, как сплелись в воде их хвосты. Юдер взял ладошку Юми в свою и, погладив пальцем ее тонкое синее запястье, проворковал:

– Сегодня, милая, я порадую тебя вкусной рыбкой.

– А меня? Я тоже люблю рыбку! – игриво спросила я, передразнивая его голос.

– Ну, для вас порыбачим мы с Харелем, моя Повелительница!

Мансель материализовался рядом, слишком близко, как мне показалось, прижимаясь к моей спине. Я даже неосознанно передернулась, что от него не укрылось. Он приподнял брови и ухмыльнулся, но не обиженно, а понимающе. Тихо пробормотал, чтобы слышала только я:

– Мне понятна ваша реакция, Повелительница. Мой брат, похоже, забрал твое сердце себе. И я одобряю твою верность.

Я повернула к нему голову и насмешливо парировала:

– Да ты что? Спешу тебя огорчить, но твой брат мне неинтересен. Я не мазохистка, и играть в жертву всю оставшуюся вечность меня не тянет. Да и староват он... Я, наверное, подожду, вдруг ты поумнееешь, когда подрастешь... – Харель не выдержал и хмыкнул, безуспешно пытаясь скрыть смех, а я закончила, стрельнув из-под ресниц взглядом: – Или вот на Хареля клюну... Он, по крайней мере, настоящий мужчина, без всяких оговорок.

Эльф, округлив глаза, недоуменно уставился на меня, а Мансель побледнел и выдавил:

– Повелительница, Харель, конечно, настоящий воин и достойный светлый, но он эр, и совет никогда не одобрит вашего союза. Пока на тебе корона светлых!

Харель внимательно посмотрел на Манселя – похоже, его удивило, что младший принц так высоко его оценил. Я же, хоть и понимала, что меня

понесло и это неправильно, остановиться уже не могла:

– Мансель, я ваша Повелительница! Истинная и выбранная самой древней реликвией светлых. Как ты думаешь, будет ли меня волновать, что там скажет ваш совет, если я решу выбрать себе мужа?! А насчет эра и эса... Харель, какой цвет шаури тебе нравится?

Ой, и что же я творю-то.

Эльф нахмурил свои серебристые брови и тихо ответил:

– Повелительница! Шаури носят только эсы, все остальные не имеют своих цветов.

Я мысленно махнула рукой. А почему бы и нет... Гулять так гулять! Воздух тут пьянит, что ли?

– И все-таки, какой цвет тебе нравится?

Харель еще больше нахмурился, а Мансель все темнел лицом и буравил меня взглядом.

– Лиловый, Повелительница!

– На этот цвет кто-нибудь еще из высокородных эсов имеет право? – Я на всякий случай решила удостовериться.

Харель только покачал головой, но в его глазах разгорелся такой пожар, что меня буквально распирало от веселья и желания сделать что-нибудь из ряда вон выходящее. И, похоже, он смог это разглядеть, впрочем, как и Мансель. Принц неуверенно смотрел то на меня, то на телохранителя, который застыл напротив натянутой тетивой.

– Это невозможно... То, что ты задумала, просто невозможно... Больше трех тысяч лет в совет не входили новые члены. Еще один цвет шаури может появиться, только если истинный Правитель изберет достойного... – Он замолчал, взглянул на мою корону и, выдохнув, закончил: – Проведет обряд наречения. Только тогда родовой цвет воссияет над очагом достойного клана.

– И что, это так сложно? Провести обряд?

Мансель уже хватал ртом воздух, словно рыба, вытащенная из воды, зато Харель осторожно произнес, как сапер над миной:

– Вы как Повелительница наградите своей кровью мой родовой перстень и наречете его Лиловым Домом. Но перед этим лично вплетете в мои волосы шаури. Если наречение пройдет успешно, кольцо окрасится в свой родовой цвет, как и полотно-герб над очагом моего клана. Тогда все узнают, что истинная Повелительница Светлых вернулась в этот мир, а мой род навечно станет высокородным. Будет признан богиней Алоис!

– Тогда Беартиль по закону светлых станет моей нареченной! – Мансель очнулся и с нажимом посмотрел на Хареля, а я, удивленно, – на

него.

– Ты это о чем, младшенький?

Харель смотрел в сторону гор.

– Моя сестра Беартиль и наш второй наследник любят друг друга, но совет не дал добро на их брак. Это мезальянс!

У меня словно крылья выросли. Значит, это действительно судьба! Любовь – это святое!

– Ну так что? Где новое шаури брать будем?

Эльфы пристально на меня взглянули, все еще не веря, что я действительно хочу это проверить. Марханы и гоблины, прислушивающиеся к нашему разговору и стоявшие полукругом вокруг нас, тоже смотрели на меня, приоткрыв рты. А я вспомнила одно маленькое обстоятельство, быстро подошла к Серому и сняла с него свой рюкзак. Даже Тихоня, смирно державшаяся рядом с мерином, удивленно покосилась на меня.

Я судорожно порылась в рюкзаке и, отыскав нужное, с радостным криком вытащила мешочек. Развязав его, осторожно достала длинную тесьму с привязанными к ней белесыми камешками, похожую на украшение Делиаля. Это я купила ему в пику, а камешки выбрала под цвет короны и кольца. Бережно распутала кожаную тесьму и повернулась к спутникам.

Вот теперь они наконец поверили в реальность моих намерений. Харель посерел от волнения, Мансель смотрел на меня с лихорадочно горящими глазами. Ксион осторожно спросил, обращаясь ко мне:

– Алев, ты уверена, что это не помешает нам... Что магия светлых не навредит тебе?

Замерев, я повернулась к Манселю и спросила, глядя ему в глаза:

– Это безопасно для меня?

– Да! Вам это не навредит.

– А это не приведет меня к каким-либо обязательствам по отношению к Харелю, его клану или еще чему-нибудь?

– Нет, Повелительница! Это... Лишь ваша добрая воля и огромная милость к роду Эр Таре.

Повернувшись к Ксиону, пожала плечами и попросила Хареля:

– Ты такой высокий... Придется тебе встать на колени, чтобы я смогла заплести косу и вставить шаури.

Харель буквально рухнул передо мной, а я поморщилась, представив каково его коленям.

– Пока заплетаю, ничего говорить не надо?

– Нет, просто представьте, что это шаури... живое и лиловое и что он весь окутан им...

– А ты откуда знаешь?

Мансель помялся, а затем смущенно ответил:

– Папа рассказывал, он присутствовал на подобной церемонии. Великий Сиаларель своей милостью облагодетельствовал род Красных и рассказал тогда об этом моему отцу. Папа также спрашивал Повелителя...

Я улыбнулась и начала расплетать серебристые косы Хареля.

– Мансель, тут работы непочатый край. Позаботься пока об ужине и ночлеге.

В итоге у меня ушло не меньше часа на плетение косы с «живым» шаури, как я себе это представляла. Потом Харель поднялся, словно под гипнозом, а я, сморщившись, уколола палец и накапала немного крови на темный тусклый камень в кольце Эр Таре. А затем, опасаясь, что может ничего не получится, громко и торжественно произнесла:

– Нарекаю Эр Таре высокородным Лиловым Домом Эс Таре! С сегодняшнего дня, и да будет так вечно! – немного пафоса не повредит.

Ого, как они все остолбенело следили за нами с Харелем! Мгновение ничего не происходило, и эльф так и стоял с вытянутой рукой и окаменевшим лицом. Затем я почувствовала, как потеплели мои корона и перстень, затем кровь, шипя, медленно впиталась в кольцо, и камень засиял чистым, искрящимся лиловым цветом. Искорки разбежались от него сначала по тыльной стороне его ладони, потом распространились по всему телу, добрались до серебристой косы и словно голодные набросились на белесые камешки, окрашивая их в лиловый цвет. Последний камешек в шаури вспыхнул и погас, и тишину нарушил восторженный вздох, а потом взорвал счастливый вопль Манселя.

– Беартиль моя! Отныне только моя! И никто не смеет мне в этом помешать!

Кто о чем, нет чтобы сначала поздравить верного телохранителя. Все-таки младшенький он еще.

«Отныне Эс Таре» вновь медленно опустился передо мной на колени:

– Лиловый дом Эс Таре никогда не забудет вашей милости и всегда будет на вашей стороне, Повелительница.

Он взял мою ладонь в сильные черные руки и поцеловал ее, невольно вызвав этим в моем теле дрожь. Похоже, с целомудрием я затянула... Эльф так же медленно поднялся, отряхнул колени и добавил уже наставительным тоном, как ни в чем не бывало:

– Но советую такими милостями больше не разбрасываться! И не

одаривать кого ни попадя!

Я в ступоре посмотрела на него, а потом во весь голос расхохоталась, утирая текущие слезы. Вслед за мной засмеялись все остальные. Лишь Ксион, Сиурей и Харель укоризненно качали головами, глядя, как мы дружно покатываемся со смеху. Всклипывая, я похвалила:

– Знаете, Харель, с вами я не прогадала! Вы в полной мере достойны своего шаури! И рада, что именно я это разглядела!

Мансель успокоился и пожал плечами:

– Дело в том, что только истинный Повелитель, кого приняла Пресветлая Алоис, имеет право возвысить род и подарить шаури! А Сиаларель исчез более двух тысяч лет назад, и до сих пор неизвестно почему. Мой отец занял его место лишь спустя три сотни лет из-за возникших раздоров за Светлый Трон и межродовых войн. Он один смог всех объединить, прекратить войну и привести наш народ к миру, но возвысить чей-то род может только истинный... Повелитель!

Я посуровела, полностью осознав, какое на меня свалилось обязательство! Править сама я точно не буду, да и не в силах, как правильно заметил Делиаль, сохранить и удержать этот пресловутый трон, а вот подобрать короне истинного правителя могу попробовать. Пусть только Высшие подскажут, а еще лучше – покажут пальцем, чтобы нечаянно не ошиблась!

– Может, поужинаем? А? – спросила я, прервав откровения принца, чтобы окончательно не испортить себе настроение непрошеным грузом ответственности. Мне бы с текущей миссией разобраться.

Сиурей дернул своим носом-грушей и недовольно рассматривал нашу компанию. В конце концов все дружно занялись ночлегом и ужином. Пока мы с огромным удовольствием ели рыбу, я выяснила, что в этих горах, несмотря на прожорливых драконов, водится много вкусной живности, особенно в реках.

Мои летающие сородичи тщательно выбрали место для проживания и оберегают его от остальных существ. Здесь не селятся люди и другие расы, они лишь быстро проходят по узкой тропе, пересекающей ущелье и вьющейся между гор. В условленном месте оставляют пошлину за проезд по их территории, причем никто на границе с проверкой не стоит. Но если драконы заметят обоз или путника, а в условленном месте не будет положенной платы, на милосердие лучше не рассчитывать, поэтому все просто платят, и всё. В этих горах никогда не грабят и не убивают, разве что сами драконы наказывают обидчиков, потому что за любое преступление на их землях крылатые могут заживо содрать шкуру, а потом вывесить ее

на границе в назидание остальным.

Мне рассказывали эти истории, а потом, вдруг вспоминая, кто я такая, на мгновение замолкали и бросали задумчивые взгляды. А я по крупичкам собирала информацию о своих возможных родичах. Я еще не определилась с тем, как жить после выполнения миссии. Не знала, что буду делать, куда пойду и вообще. И это меня беспокоило! Еще как! Мне до отвращения надоела неопределенность, в которой я прожила последние пятнадцать лет и все-таки продолжаю жить сейчас, даже попав в другой мир или, как оказалось, вернувшись на родину моих родителей.

Кто я? Темная эльфийка, ненавидящая своего деда, который погубил мое детство и убил родителей из-за ненависти к своей почившей жене? Красная драконица, которая может только обрастать чешуей, не просто не умеет летать, но и боится этого до ужаса? Неудачница, женщина-человек, которая хочет жить в тепле любимых рук? Тепле, которого в сознательной жизни никогда не испытывала. Как же много у меня вопросов, мешающих спокойно жить и уверенно смотреть в будущее!

Я протянула руку к огню и наблюдала с восхищением и любовью, как пламя, словно живое, скользнуло к ладони, впиталось в кожу, разбежалось по венам, согревая изнутри и даря так необходимое телу и душе тепло.

А ночью мне снова снились золотые глаза, которые не отпускали, не давая отвернуться. Пару раз я просыпалась от ощущения, что моей щеки касается большая горячая ладонь, а потом нежно скользит, зарываясь в пламя моих волос. Я проснулась от этого второй раз, резко открыв глаза, но меня ослепил огонь костра. А когда зрение привыкло, я заметила, как чернота качнулась за порогом света, там, где начиналось царство ночи. Сердце грохотало как сумасшедшее; я села, погладила горящую щеку, все еще чувствуя чужое прикосновение. Неужели это был всего лишь сон и мое богатое воображение?

Филя пошевелился, видимо, тревожился, но сон его был столь крепок, что не дал проснуться. Странно! Я погладила побратима, зарываясь в его мех, и сразу почувствовала, как он успокоился. Тихоня с Серым стояли рядом с лошадьми гоблинов и светлых. Шевелили ушами и спали, склонив головы и иногда переступая с ноги на ногу. Тишина нарушалась лишь стрекотом насекомых и треском поленьев в костре, возле которого спиной ко мне сидел гoblin Осиил. Он не спал и ворошил головешки, потом подложил еще, и костер, взметнув искры, осветил все вокруг всплеском голодного огня.

Я снова закрыла глаза, устало кутаясь в одеяло и укладывая голову на рюкзак. Сон вернулся неохотно, прокравшись сквозь тяжелые мысли и

тревогу.

Глава 14

Лучи Дрива все никак не могли разогнать серость, и неприятное утро грозило превратиться в пасмурный день. Завтрак закончился, и маршань быстро сворачивали лагерь, который впервые за столько дней путешествия был спокойным и даже уютным. Все без суеты, но довольно споро собирали вещи и готовились сесть в седла.

Внезапно Филя зарычал, вставая передо мной. У меня по коже побежали искры, и каждый маг в нашем отряде явно почувствовал сильное магическое возмущение. В пяти метрах от нас пространство разрежала кривая полоса. Она быстро расширилась, превратившись в широкий проход, из которого стремительно вышли девять человек. Они держали руки открытыми ладонями в нашу сторону, показывая, что безоружные, но мои спутники, все как один, шагнули назад, стараясь не делать резких движений. Харель встал перед нами с Манселем, прикрывая. А я рассматривала прибывших до тех пор, пока из этой странной дыры не показался десятый и последний. Разрыв пространства тут же исчез.

Я рассмотрела его внимательнее, и у меня тут же сперло дыхание. Он сразу меня узнал и направился ко мне, а я почувствовала, как горячая слеза скатилась из уголка глаза, пробежала по щеке и упала вниз.

Очень высокий, с короткими пламенеющими волосами, тонким носом с горбинкой и пухлыми губами. И уже знакомые, родные и любимые глаза янтарного цвета. Мои глаза!

Я не выдержала и глухо спросила, не веря глазам:

– Папа? Папа, это ты?

Мужчина словно споткнулся, замерев на мгновение, и, не отрываясь, смотрел на меня невероятно теплым взглядом. В них полыхнуло удовлетворение, неизмеримое счастье и... благодарность. Он ускорил шаг и через секунду встал рядом, коротко, полыхнув огнем, посмотрел на Хареля, и тот шагнул в сторону, заодно отодвигаясь от меня и Манселя. Теперь мы стояли лицом к лицу в окружении настороженных мужчин и спрятавшейся за спину Юдера Юмхии.

А я смотрела в, казалось бы, такое знакомое лицо, но уже неосознанно качнула головой, признавая свою ошибку. Этот мужчина явно старше моего отца, не внешностью, а мудростью и опытом, отражавшимися в его глазах. Очень усталых. Пара скорбных морщинок разбегалась от крыльев носа, а

уголки рта смотрели вниз: он точно не привык улыбаться. Черты его лица чуть более тонкие, чем у моего отца, и даже, можно сказать, более благородные. Я осознала, кто передо мной, а он это заметил. Тепло во взгляде не исчезло, но к нему прибавилась невыразимая нежность. Он так жадно изучал мое лицо, что у меня самой защемило в груди. Трудно было назвать его дедушкой, но, как по-другому, не знала. Выдохнула полувопрос-полуответ:

– Дедушка... Санренер?

Он немного расслабился, потом медленно прикоснулся к моим волосам на виске, провел по щеке. Погладил и вдохнул мой запах, прикрыв глаза.

– Для тебя – именно так! Моя девочка! – Он чуть склонил голову, по-прежнему пристально изучая мои черты. – Ты похожа на них... особенно на моего сына. Моя плоть и кровь! Я все же нашел тебя, как поклялся сыну на месте их гибели! Больше не отпущу!

Последние слова были сказаны таким жестким, бескомпромиссным тоном, что заставили меня на шаг отступить, и было видно, что ему стало больно.

– Прости, дедушка, но мне надо закончить одно дело, прежде чем влиться в свою крылатую семью.

– Мы поговорим об этом дома!

– Дедушка, послушай...

– Нет, разговора на эту тему быть не может. Я потерял всех, кого любил, больше подобного не повторится.

– Тогда прости меня... – Я подняла руку, жестом призывая выслушать. – Я с тобой никуда не пойду. Меня вернули в этот мир с определенной целью. В этом я уверена. Мне даровали знание и возможность здесь выжить, а за это взяли клятву спасти других. Ты любил и поймешь, о чем я говорю. Ты потерял сына, а Камос-маг, которому я поклялась выполнить его последнее желание, может потерять весь свой народ, если я его обману и не сдержу обещания. Я предаю сама себя, а не только его, дедушка. Ты бы смог предать друга и учителя, исполнившего заветную мечту? Того, кто помог обрести смысл жизни?

Он посверлил меня янтарными глазами, наверняка борясь с собой. Потом выдавил:

– Хорошо! Я понимаю тебя...

– Алев! Так меня называл отец, Суорен Красный!

Санренер потемнел – в нем снова вспыхнули боль и тоска:

– Перед тем как они покинули этот мир, он спросил: как бы я назвал

свою дочь, если бы она у меня была? Я сказал: Алев! Я не знал, что он где-то взял артефакт перемещения по мирам... Он все хотел решать сам... мальчишка! Я бы все сделал для него, а он не доверился, поторопился... Мой мальчик... Ему тогда исполнилось всего пятьсот лет, вся жизнь была впереди, а он встретил ее... твою мать. Совсем девочку, ей было чуть больше сотни, но такая одинокая и несчастная. Ты похожа на нее лишь немного, внешне. А характером – в моего сына. Они пару раз появлялись на Лайваносе, твоя мать хотела наладить отношения с семьей, но в первый раз их не смогли поймать, а во второй... Мне доложили, что она хотела переговорить с дядей... Дэном. Их схватили и продержали столетие в подвале. Отец измывался над собственной дочерью на глазах моего сына, пытая его таким образом. Чудовищная пытка! Тогда мы чудом спасли их, и я впервые познакомился с ней.

Твои родители прожили с нами несколько лет, а потом ее обманом выманили, сказали, что Дэной умирает, и ему требуются ее способности целителя... Тогда они использовали последнюю возможность артефакта и навсегда ушли в другой мир. Но этот проклятый эльф нашел среди своих Черного колдуна, который уже давно продал душу Тьме, и создал портал. Родовым перстнем Фаотей вытащил твою мать обратно на Лайванос, а заодно и тебя с моим сыном, как мне потом сообщили. Я не знал, верить этому или нет! Про тебя никто не знал, мне сказали позже, что был ребенок. Их ребенок! Их ждали... И они в тот раз не смогли уйти... живыми. Только тебя спасли!

Он помолчал, собираясь с силами; я стояла и тихо плакала.

– Мы нашли и заставили ответить за смерть моего сына практически всех, кто в этом участвовал. Роду Штерназия повезло, что Фаотей... Что Дэной давно принял бразды правления кланом, а тот помешавшийся Темный заставил пойти на убийство красного дракона только тех, кто был обязан ему кровью. Твой дядя не знал о последнем покушении и убийстве! Это спасло ему жизнь, но его отец... эта Темная тварь так хорошо спряталась, что мы ищем его уже пятнадцать лет, и пока безрезультатно! Но у меня впереди целая вечность, и его чучело скоро украсит мое гнездо...

Он снова замолчал, шагнул ко мне и, нависая всем телом, снова коснулся ладонью моей щеки. Потом хриплым голосом произнес:

– Дай мне возможность помочь тебе, защитить!

Я медленно коснулась рукой его ладони, крепче прижимая к своей щеке.

– Посмотри, как нас много. Каждый мархан отдаст за меня жизнь. Эти гоблины – мои друзья, не только наемники. А светлые связаны со мной

клятвой верности, да и я теперь Повелительница светлых... – Я улыбнулась, заметив, как взметнулись брови дедушки. – Мы должны снять со светлых проклятье и вернуть марханам долголетие. В Лайванос должно вернуться равновесие. Сами Высшие мне в этом помогают...

– Что вы должны сделать?

Суровый голос Санренера был обращен скорее к Ксиону, отчаянно решавшему, как поступить, если мне не удастся договориться с родственником. И, глядя на его хмурое синее лицо и до скрежета сжатые клыки, чувствую, он готов сражаться за меня даже с драконами!

– Добраться до Дома Предков в Закрытом городе, который проклят до тех пор, пока туда не вернется Сердце Марханов, – поспешила ответить я за шамана.

Санренер подумал мгновение, потом ответил:

– Ну что ж, несколько пространственных прыжков, и мы на месте, если вы знаете дорогу. Поможем сократить ваш путь.

Ксион нахмурился сильнее, но очень осторожно предупредил:

– Если доставите до Эйнера, будем благодарны! А дальше нас смогут провести лишь наши жрецы. Путь скрыт от всех и ведом только им. Проклятье оказалось столь мощным и непредсказуемым, что накрыло куполом весь город – туда не пройти чужакам. А за куполом... там, хм-м-м, немного опасно, если сойти с тропы. Или ошибиться с выбором переноса... Но жрецы проведут безопасной дорогой.

– Тогда я не могу...

Я поймала взгляд деда, уже намеревавшегося отказать в исполнении моего задания.

– Я никогда не предам! И твоего согласия мне не требуется!

– Тебе двадцать семь лет, девочка. В этом возрасте у нас только впервые из гнезда вылетают...

– В двенадцать лет я оказалась в другом мире. В одной рубашке, не зная языка, жизни... и, самое ужасное, не помня о прошлом! Совсем! Я выжила, дедушка, выжила в очень суровых условиях. Чуть меньше четырех месяцев назад я погибла в том мире. Но по воле богов мне вернули жизнь и тело, чтобы я вернулась сюда... Дали второй шанс! Но память все же не вернули, огонь выжег ее полностью тогда, в первый раз. Маг-мархан научил меня тому, что я знаю о жизни здесь. Рискнул всем, но частично вернул мне память о родителях. И я теперь знаю, что меня кто-то любил... – От накала эмоций голос надорвался. Нет, нельзя плакать! – А взамен попросил дать шанс на жизнь его народу. И я поклялась! Я выросла как человек, дед, и в двадцать семь готова ко всему, не стоит думать обо

мне как о ребенке. Я вернусь к тебе как только отдам долги!

– Алев, я предлагаю компромисс... ты поживешь со мной месяц, а потом доставлю вас, куда смогу, и сам отправлюсь с вами. С тобой! Лишними и обузой мы точно не будем!

Я колебалась, потому что видела; этот... крылатый дедушка со змеиными глазами пойдет на все, чтобы уберечь меня... Так, как он считает правильным. И нужно найти решение, но какое?

Обернулась к Ксиону, который стоял как соляной столб. Глянула на остальных – они готовы к любому исходу. Светлые нарочито расслаблены, но это еще хуже – у Хареля, вон, веко дрожало от тщательно сдерживаемых эмоций...

– Пообещай, что вернешь меня к ним через неделю! И если я попрошу, поможешь с переносом в Эйнере, мы должны будем наверстать упущенное время. Путь и так слишком затянулся.

Напряженные плечи дракона расслабились, будто он получил больше, чем рассчитывал, а я мысленно дала себе оплеуху. Видимо, плохо просчитала его шаги...

– Обещаю! Вернуть через неделю и помочь всем, чем смогу... тебе! – Он чуть повернул голову к остальным. – Пока нас не будет, можете идти к выходу с наших территорий... Бесплатно, так уж и быть.

Хмыкнув на замечание дедули, я подошла к Ксиону и, уверенно глядя ему в глаза, сказала:

– Я вернусь, обещаю, вернусь через неделю, и мы постараемся как можно быстрее выполнить миссию. Все же лучше пару дней отдохнуть, а потом прыгнуть до самого Эйнере, чем идти по Лайваносу и нарываться на неприятности. Только не волнуйтесь и по-настоящему отдохните. Я обещаю вернуться через неделю, не позже! – последнее я повторила больше для деда.

Ксион усилием воли разжал кулаки на вытянутых по швам руках, а потом положил ладонь мне на плечо и глухо ответил:

– Я все слышал... и понял! Я понимаю, девочка, и твое желание, и его... Пообщаться и узнать друг друга. Твое слово... Мне его достаточно. Встретимся на той стороне, я верю тебе, Алев... Красная!

Я не сдержалась и крепко обняла его, потом кивнула и помахала рукой остальным. Свистнув Фильку и подхватив свои вещи с Тихони, направилась к Санренеру. Он перехватил рюкзак, одарил внимательным взглядом Ксиона и, взяв меня за руку, отошел немного в сторону. Один из драконов нарисовал пасс рукой, второй – еще один, и открылся портал, в который по очереди вошли драконы. Причем я – с закрытыми глазами и

пиная под зад упиравшегося мархуза. Ох, чувствую, Филя мне еще припомнит этот свой страх.

Глава 15

Мы оказались в большой долине с ярко-зеленым, расстилающимся повсюду мягким ковром травы. словно большая чаша в окружении гор, которые многочисленными скалистыми уступами уходили ввысь. И в этих стенах, вернее, в расположенных в них пещерах жили драконы. Горы пестрели тропинками, пологими кривоватыми ступенями, площадками, на которых тоже виднелась трава. Даже речушка имелась! Но главное – это драконы, которые разглядывали нас, сидя на ступенях возле своих пещер, или летая над нами, или, как уже знакомые рыжие близнецы из таверны, с ухмыляющимися физиономиями стоя поодаль.

– Здесь живут все красные драконы?

Я посмотрела на Санренера, который только крепче сжал мою ладонь, отвечая:

– Нет! Эта долина принадлежит моему клану... нашему. Но другие кланы тоже владеют подобными долинами, которые разбросаны по всей территории Драконьих гор. И, к моему величайшему сожалению, кланов не так много, как раньше. Всего двадцать один, и наш – самый многочисленный.

Филя продолжал рычать и наваливаться всем своим немалым весом на мои ноги.

– Моего побратима не тронут? Ему здесь можно ходить везде... безопасно?

Дед внимательно посмотрел на мархуза и, улыбаясь, сказал:

– Покажи ему, что мы все – одна семья! И он теперь тоже. – Нисколько не опасаясь оскаленных клыков мархуза, он потрепал его по голове. – Твой друг должен понять, что он здесь свой и мы для него не враги, тогда никаких проблем не возникнет.

Я присела рядом с Филей и, заглянув ему в глаза, передала сказанное Санренером. Филя успокоился, но его настороженность не исчезла. Хотя теперь он принял привычный независимый вид и сел, помахивая хвостом и вывалив язык. Дед усмехнулся и, снова потрепав его за ушами, похвалил:

– Хорошего друга ты себе нашла. Расскажешь, каким образом?

– Я все что хочешь расскажу, но и тебя завалю вопросами!

Дедушка-дракон нежно посмотрел на меня, приобнял за плечи и

прижал к себе. Довольно вздохнул и тихо сказал:

– Я счастлив, Алев, что сын подарил мне тебя! Я расскажу обо всем, что знаю или что ты захочешь узнать!

Всей душой я почувствовала, как меня переполняет счастье. Вот она, моя семья! Я нужна им, и меня любят просто так, за то, что я есть. Обвела взглядом долину, а потом начала краснеть, смущаясь все сильнее. Вокруг нас собиралась группа, нет, даже толпа мужчин. Не менее сотни, если точнее, и каждый производил сейчас впечатление голодного дракона, учуявшего тучную бесхозную корову. Бр-р-р! Они буквально ели меня глазами. Отличались они друг от друга как небо и земля, хоть и все были рыжие, правда, разных оттенков. Я попала в царство ярких, красивых красных драконов!

От такого внимания становилось жутко не по себе, и я все сильнее прижималась к дедушке. Он это почувствовал, обвел тяжелым взором членов своего клана и произнес речь прямо тут. Коротко и весьма доходчиво!

– Так, это моя внучка Алев! Кто дотронется без разрешения... ее или моего, останется без хвоста и крыльев!

Драконы прониклись, но расходиться не спешили, только проход нам организовали к узкой дорожке, ведущей наверх к одной из пещер. Пока мы туда шли, я поняла: уж лучше научиться летать, чем таскаться так каждый день.

На одной из площадок нас накрыла огромная тень, я вздрогнула и задрала голову – над нами пролетели двое огрызающихся друг на друга зеленых драконов. Один из них, завидев нас, последний раз рыкнул на своего соперника, камнем упал вниз и спланировал на площадку над нашими головами. Я занервничала, потому что помнила классификацию драконов из учебника. У этих магии нет, они полумразумные, непостоянные и вечно голодные! Меж тем владеец зеленой морды с ехидными желтыми глазами, высунувшись из-за выступа, ждал, пока мы доберемся до него.

– Э-э-э, а как правильно к тебе обращаться... Санренер или дедушка? Или есть еще имя, которого я не знаю?

– Нет, родная моя. Других нет... для тебя. Мне будет очень приятно, если ты будешь называть меня дедом, это полностью отражает наше родство, да и просто приятно...

– Тогда, дед, а что это за зеленая морда, которая нас рассматривает с таким голодным интересом? Я думала, вы отдельно живете... Ну, каждый со своим цветом...

Он собрался, а потом, уже вытаскивая меня на площадку с зеленым

драконом, сообщил:

– Познакомься, это твой дядя Заак! И это мое, а теперь и твое гнездо.

У меня отвалилась челюсть от шока, а Филя презрительно фыркнул, скользнув мимо нас в пещеру, с намерением обследовать будущую жилплощадь, как кот в новое жилье.

– Э-э-э, а в каком смысле дядя? Это твой сын? Зеленый?

Обсуждаемый дракон, смешно ковыляя на коротких, но весьма внушительных лапах, пополз в нашу сторону. Я вжалась спиной в грудь деда, а тот строго произнес, обращаясь к зеленому:

– Она моя! Семья! Трогать нельзя! Иметь нельзя! Хвост отгрызу тебе!

После того как мой статус обозначили такими категоричными рублеными фразами, стало не по себе. Зеленый приблизил ко мне свою огромную, размером с Филю морду и посмотрел словно избалованный ребенок, который, может, и понимает, что говорят, но ему важны лишь собственные желания, а остальное он проигнорирует как несущественное и неважное. Из ноздрей вырвался немного вонючий пар, а потом он прижал свой нос к моему паху, вдыхая мой запах.

Я взвизгнула, а Санренер со всего маху двинул зеленому в лоб, от чего желтые змеиные глазки слегка окосели. Но удар возымел должный эффект, и эта наглая морда... моего дяди убралась подальше, обиженно сопя, а длинный, весьма жесткий хвост чуть не смел нас.

– Да какого... хрена тут вообще происходит?!

Мой вопль заставил деда поморщиться. Он подхватил меня под локоток и потащил в гнездо. Пещера была разделена на две части, судя по всему, для двух существ драконов. Одна – голая внутренняя часть горы, испещренная зазубринами от когтей (ну да, прилетел и обернулся, как в прихожей разделся), а вторая – богатая и красивая, застеленная коврами, подушками и покрывалами, напоминала восточный дворец... Вот как раз в эту жилую человеческую половину меня и привели. Санренер помог удобнее устроиться на подушках и нарисовал над столом магический знак. Поверхность завалило едой и напитками – полный восторг. О-о-о, уважаю поесть!

– А я так тоже могу... еду создавать?

– Можешь! Но я не создал ее, переместил. У нас в предгорьях есть деревни и таверны, и мы заключаем договоры с владельцами и в любое время забираем готовые блюда. Их обязанность – проследить, чтобы в положенном месте всегда была вкусная еда...

Хорошо устроились крылатые!

Затем он присел рядом и, внимательно посмотрев на меня, активно

жующую фрукт и не забывавшую поделиться едой с побратимом, произнес:

– Заак из одного помета с твоим отцом! В наших кланах с каждым годом рождается все меньше самок, большей частью они предсказуемо становятся зелеными...

– Но почему зелеными?

– Потому, девочка, что своих самок нам не хватает, а мы... Мы огненные, Алев, и огонь не зря гуляет в нашей крови. Нам жизненно необходимо любить и быть любимыми, ради этого мы готовы умереть. Слишком долго живем, малышка, и со временем желание обзавестись потомством становится непреодолимым искушением, острой потребностью. Настолько сильной, что мы идем на... Мы берем во временную пару зеленых самок. Но они, как ты видишь, обладают лишь зачатками разума, и у них нет такого понятия как семья. Родственная память настолько коротка, что знают лишь о родителях... И спариваются даже со своими кровными родственниками. Главное, что их интересует, – это еда и секс. Впрочем, как и многих других...

В семьях красных рождается только один ребенок-дракон за раз, да и то этого чуда приходится ждать слишком долго... Самки зеленых могут принести помет из двух-трех, но лишь один из них, возможно, будет красным и двуипостасным. Мы не можем определить, почему так происходит. Нам приходится зорко следить за своей непостоянной зеленой подругой, пока она выносит наше потомство, чтобы не скинула плод или, родив, не бросила на произвол судьбы... Яйца зеленые не высидивают, а складывают их в общем гнезде, а потом подкармливают всем скопом вылупившееся потомство. Поэтому многие из зеленых драконов даже не знают, кто их истинные родители! А мы точно знаем и помним о них. От нашего союза с зелеными чаще всего рождается один младенец, а иногда – одно или два яйца. Ребенок изначально рождается с двумя сущностями, а те, кто в яйцах... только зеленые и... такие, как есть. Но они и наши дети, какие бы они ни были, и мы их любим. Может, не так сильно и всепоглощающе, как красных, но все же... Мы их растим, а потом они иногда прилетают туда, откуда сделали в небо первый прыжок... И Заак тоже.

Я ошарашено молчала.

– Значит, моя бабушка... зеленая???

Санренер кивнул, скорбно поджав губы.

– Понятно-о-о...

Мы еще долго разговаривали, а потом меня, словно ребенка, погнали спать. Дед сидел возле моей кушетки, заваленной подушками, в которых я

соорудила себе «гнездо» и почувствовала, что так гораздо приятнее спать, и гладил меня по голове. Нежно, ласково.

– Спи, моя девочка! Завтра будет новый день, и мы будем учить тебя летать! В моем гнезде устроим праздник – первая самка вылетит из этого гнезда. Моя внучка!

Я приподнялась и чмокнула его в щеку, а потом, укутавшись в одеяло, сонно пробормотала:

– Спасибо, дед, что нашел меня! Я дома и счастлива!

Он молчал очень долго, тяжело дыша, а потом моей макушки коснулись его горячие губы и тихий шепот нарушил тишину:

– Спасибо Стретеру, что ты есть!

Третий день моих полетов и четвертый – пребывания в драконьей долине закончился неудачно. Для меня! На следующий день после появления в долине мне устроили торжественный вылет из гнезда... Так сказать!

На самом деле полдня меня учили оборачиваться, создавая магический кармашек для одежды, чтобы каждый раз не оставаться голой, а главное, не отвлекаться на переодевание. В первый раз, когда лифчик весьма странным образом обвил мощную шею и чуть меня не задушил, дед чуть не помер от страха. А потом – смеха! Но попытки обучением продолжил. В итоге первый полет свершился лишь к вечеру. Внизу зажгли костры, и красный драконий народ столпился внизу, только семечек не хватало для традиционной картины сельского гулянья, а сверху парили несколько зеленых, которые то дрались, то без смущения совокуплялись практически над нашими головами и, видимо, не сомневаясь, что всем это тоже интересно.

Столпившиеся вокруг мужчины и даже несколько женщин, одетых в легкие летящие рубахи чуть ниже колена и широкие шаровары веселых расцветок, посмеивались над моим смущением от вида над головами.

Затем дед еще раз проинструктировал меня о правилах полета и дал отмашку. Сам же сразу обернулся огромным красным драконом. У меня при виде него захватило дух от красоты и величия, и я даже в ладоши захлопала от восторга. Филя осторожно присел возле стены, хмуро наблюдая, я же повисла на мощной чешуйчатой шее своего деда. Он явно чувствовал себя счастливым. Его большая, немного вытянутая к пасти голова боднула меня в плечо, подталкивая к краю пещеры. Роговой нарост

вдоль позвоночника топорщился кое-где от острых шипов, а длинный и заостренный хвост на конце был словно кинжал. Янтарные глаза светились удовлетворением, когда я наконец обернулась и выползла наружу под общий восторженный вздох мужчин. О-о-о, я даже поверила, что я красotka...

Затем расправила крылья, как учил дед, и сделала глубокий вдох. Взмахнула крыльями, оторвалась от уступа, на мгновение зависла над пропастью и... ухнула вниз, охая, ойкая и визжа, покатила, считая каждую ступень и вызывая к Высшим. Хоть бы не сломать конечности! Так продолжалось несколько секунд, но тут меня подхватили мощные лапы, и в буквальном смысле начали ощупывать, ворочая из стороны в сторону и проверяя на наличие возможных повреждений. Как куклу, ей-богу! Забота дедушки выходила за рамки, но, спасибо, спас от позора и не дал раздавить толпу внизу.

Я думала, что мои мучения на этом закончатся, но не тут-то было. С переменным успехом экзекуция продолжилась дальше... К утру я была не красной, а скорее синей драконицей от синяков и ушибов, грязная как свинарка, но зато я парила над долиной и кричала о нелегкой победе. А вместе со мной и сто двадцать драконов моего клана! Горы, казалось, содрогнулись от их победного клича!

Правда, гневный вопль моего дела заглушил всех, когда какой-то глупый и чересчур наглый зеленый попытался пристроиться ко мне сзади. В результате наглецу попало по самое некуда, а его родителю, который не следил за любвеобильным чадом, сделали последнее китайское предупреждение с занесением в личное дело. Ну, это я такие выводы сделала, заметив, как и сынок, и его родитель быстро пришли в себя и каждый полетел по своим делам.

Я нечаянно потерялась в горах. Хотела спрятаться от деда и пошутить над ним, но оказалась одна. Летала я уже более-менее неплохо, если ни с кем не сравнивать... Поэтому потихоньку планировала, поглядывая, нет ли где своих. Внизу я увидела озеро, которое приковало к себе мой взгляд прозрачной голубой водой. Хочу! Я приземлилась, обернулась и растерла уставшие плечи ладонями. Исккупаться сейчас – самое то. Разделась до нижнего белья и вошла в воду. Божественно!

И только я расслабилась, как что-то рядом со мной плюхнулось, обдав меня немаленькой волной. Отплевываясь, я выскочила на берег и охнула, пригнувшись от страха. Из воды всплыла зеленая драконья самка, судя по тонкой морде и небольшим габаритам. Я быстро натянула одежду и обсушилась огнем. И очень вовремя, потому что над нами пронеслась

огромная тень, и затем рядом приземлился красный дракон. Буквально через секунду передо мной стоял симпатичный мужчина с шевелюрой морковного цвета. Быстро оценив меня, очень вежливо кивнул:

– Приветствую, Алев Красная! Я Раневельс Рыжий. Моя... самка не навредила вам?

Я отрицательно качнула головой и резко отвернулась, потому что зеленая, разъяренно пыхтя, выползла на берег.

– Вы ее обидели?

– Нет! – Он недоуменно посмотрел на меня. Потом, видимо, что-то вспомнив, пояснил: – Она злится, потому что я ее привязал к себе, и она не может сбежать.

– Зачем? Их же много! Зачем принуждать именно эту?

Раневельс поморщился, словно лимон съел, потом тяжело вздохнул и признался:

– Это моя последняя попытка... У меня уже двое сыновей, и оба зеленые. От этой самки. Так получилось, что она вновь понесла от меня, а потом попыталась сбежать. Пришлось магически привязать к себе, а то она подкинет яйца в общее гнездо, а там с трудом можно найти свое...

Я вновь поразились этим обычаем. Если нет избранной, то они хотят детей, чтобы любить их! Тушите свет, сушите весла, ну и жизнь у этих драконов... А несчастный между тем продолжил:

– Она опять испытывает раздражение и слабость. В этот раз – гораздо раньше, чем в прошлый, и выглядит слабее, чем обычно...

Я внимательно осмотрела самку, которая лежала на боку, раздраженно похлопывая по земле хвостом, и было хорошо видно, что она физически слаба. Я тут же озвучила пришедшую мысль:

– Вы сможете ее контролировать, чтобы она мне не навредила? Я целительница и могу помочь.

Его глаза радостно вспыхнули. Недолго думая, он обернулся в дракона морковного цвета. Мощной головой прижал шею самки к земле, а лапами обнял сзади, сдерживая ее движения и хвост. Удовлетворенно кивнув, я подошла к ней и приступила к работе.

Отключившись от всего, нырнула в магию с головой. Поплыла по ее венам, сливаясь с органами, и тут натолкнулась на чудо. Два зародыша – девочки – явно испытывают дикое магическое голодание. Обе тянули из матери все силы, но та была энергетически почти опустошена. Чувствовалось, что обоим необходима подпитка для правильного формирования и развития. Одна, почуяв рядом мою энергию, голодно накинулась, а вторая слабо ко мне потянулась. Странно, что именно от нее

исходила какая-то волна, что-то такое теплое, нежное, родное... Я усилила поток энергии в ее сторону, а еще заметила, что если первая более-менее борется с голодом, то эта девочка начала формировать вокруг себя словно защитный купол... Скорлупу! Скрючиваясь в ней и замирая в развитии. Получив от меня подпитку, она распрямилась и будто засияла. Мне показалось, что они даже увеличились в размерах. Высосали из меня все, что смогли, наполнив себя, а я почувствовала, что этого им для правильного развития хватит.

Я пришла в себя, лежа на чьей-то широкой груди. Открыв глаза, увидела нависшее надо мной испуганное лицо Санренера. Сильно же я его напугала. Чуть повернув голову, заметила зеленую драконицу, блаженно жующую окровавленную тушу какого-то крупного животного. Ее уже ничего не волновало...

Раневельс сидел рядом с нами на корточках и с тревогой посматривал на меня.

– Вашим девочкам для развития не хватало энергии, вот они и тянули ее из матери, а она слаба. – Дракон плюхнулся на землю, в шоке глядя на меня. – Ага! Поздравляю, у вас две девочки. Если я не ошибаюсь, то зелеными они становятся, потому что им не хватает жизненной энергии или магии на определенном этапе формирования. Более сильному хватает тех крох, что они наскребают от матери, а кто послабее, начинает формировать вокруг защитную скорлупу и... становится зеленым, утрачивая вторую сущность. На ее развитие им не хватает сил.

– Ты уверена в этом? – напряженно спросил Санренер, прижимая меня сильнее.

– Ну да! Первая страдала от голода, но все же развивалась, а вторая уже начала формировать яйцо, но, как только я поделилась с ней силами, она словно выросла в размерах и расцвела... Не знаю, как объяснить, что видела, но это похоже на чудо!

Раневельс прижал ладонь ко лбу и прохрипел:

– Ты хочешь сказать, у меня две девочки... и обе красные? Будут!

– Ага! Но, думаю, надо их хотя бы еще раз подкормить, чтобы регресса не было...

Он как сумасшедший уставился на меня.

– А я могу? Подкормить... Или кто-то из мужчин?

Я неуверенно покачала головой и поделилась своими сомнениями:

– Простите, но не уверена, что это может сделать любой. Целитель уж точно может. Наверное, любой! Хотя... Я просто не знаю, Раневельс! Надо проверять, смотреть, наблюдать.

– А ты? Ты сможешь помочь моим девочкам? Подкормить их хотя бы еще раз?

Только я открыла рот, чтобы согласиться, как раздался жесткий голос деда:

– Может, но что она с этого будет иметь? Она и так подарила тебе уникальную возможность получить сразу двух красных самок, Раневельс!

Морковный глянул на деда яростным взглядом, с теплом посмотрел на меня, а потом глухо спросил:

– Ну и что ты хочешь, Повелитель? За помощь твоей внучки?

– По достижении ими совершеннолетия одна из них уйдет в мой клан, если среди моих отыщется ее истинный! Без выкупа!

Рыжий задохнулся от наглости предложения, но тут зеленая самка громко срыгнула, явно переев мяса, и это вернуло его к насущной проблеме. Он мгновение подумал, потом ответил:

– Согласен, но твоя внучка поможет еще пятерым нашим самкам выносить красное потомство...

– Двум!

– Четверым!

– Трем!

– Хорошо, мы согласны!

Я зло глянула на родного дедулю, который меня так беззастенчиво использует, а тот пожал плечами и прокомментировал свой жест «доброй воли»:

– Ты моя внучка, это и твой клан тоже! И вообще, пора бы и тебе задуматься над брачными играми и начать присматривать себе пару!

Вот теперь и я начала задыхаться от гнева. Слезла с колен Раневельса и, наверное, только чтобы последнее слово непременно осталось за мной, выдавила:

– А я его уже нашла!

Санренер встрепенулся. Раневельс подался вперед, любопытно прислушиваясь.

– И кто же он? Я не заметил, чтобы кто-то из моих драконов приглянулся тебе. Ты всех держишь на расстоянии. Или ты так хорошо умеешь скрывать свои мысли и чувства... Хм-м-м, хотя этого я как раз в тебе и не увидел...

Как же меня это задело!

– А он и не из наших! Я вообще не знаю, кто он и как его зовут. Да этот паразит даже личность свою под иллюзией прячет. Но могу сказать точно: у него самые потрясающие золотые глаза!

– О-о-о, я тут как раз только сегодня видел одного обладателя золотых глаз... Все летал тут, высматривал что-то. Караулил...

Раневельс задумчиво уставился на Санренера, и тот, похоже, понял скрытый смысл слов морковного. А вот я – нет! Дед вернулся в этот мир из своих мыслей и заискивающе спросил:

– А может, устроим сегодня праздник? Я тебя со всеми своими драконами познакомлю. Ты сможешь поболтать с ними... пофлиртовать, вдруг кто приглянется...

Ядовитый «гхм» Раневельса прервал уговоры деда на самом интересном месте. А я не менее резко заявила:

– Дед, ты забыл, что обещал? – Он нахмурился, а я продолжила: – Через три дня я отправлюсь дальше, мне надо закончить дело, а потом устроим праздник и многое другое. Уважаемый Раневельс, я посмотрю вашу... даму послезавтра, а остальных – когда вернусь из поездки.

Оба сильно посмурили, но, увидев мою непреклонность, спорить дальше не стали. Раневельс, спросив разрешения у деда навестить послезавтра нашу долину, пошел заниматься своей самкой, а мы, обернувшись, полетели домой. И лишь перед самым сном я поделилась с дедом своими ощущениями от еще не рожденной девочки:

– Знаешь, дед, было такое странное ощущение родства... может, эта самка какая-то родственница наша... моя?

Он задумчиво смотрел на огонь в камине, а потом его глаза сверкнули от пришедшей мысли:

– Нет, в ней нет и толики нашей крови. Она чужая нам. Но ты, как моя ближайшая родственница, можешь ощущать родственные нам... души. Или, точнее, одну... которая будет... которая, возможно, является моей половиной. Избранной! – По-моему, он сам еще не понял, что сказал. Слишком ошарашенный у него стал вид.

Молчание воцарилось в пещере, каждый из нас размышлял о своем.

– Неужели ты правда думаешь, что я могла почувствовать твою избранную?

– Не знаю, девочка! Но я очень внимательно присмотрю за этой малышкой. К сожалению, об этом я смогу точно узнать лишь в период ее полового созревания, но ты должна помочь мне... Указать на ту самочку, к которой ощущаешь родственные чувства. Мне нужна хоть какая-нибудь определенность.

– Дед, ты представляешь, что я буду чувствовать, если тебя в итоге постигнет разочарование...

– О-о-о, родная, не переживай об этом. В моей жизни так мало повода

для радости, а это ожидание и... событие только украсит ее новыми ощущениями.

Я скептически посмотрела на него, но спорить не стала. Вполне возможно, он прав. Лучше призрачная надежда на будущее счастье, чем полная безнадега впереди.

– Тогда, наверное, последние три дня мы к ним полетаем, чтобы поддержать наших подопечных. Твоя девочка очень слабенькая, и ей необходимо усиленное питание.

– А ты считаешь, этого хватит, чтобы полностью закончить процесс формирования и обретения второй сущности? – заволновался дед.

– Уверена! Мы напитаем их до краешков, обеим надолго хватит.

Когда я уже засыпала, услышала его тихий шепот над головой и робкое касание губами макушки:

– Благодарю тебя, Стретер, за эту девочку! И позаботься там... о моем сыне!

Глава 16

– Скажите моему дедушке, что я буду ждать его на озере!

Импозантный рыжий дракон заинтересованно сверкнул в мою сторону зелеными глазами, но, заметив мое бесстрастное лицо, сбавил обороты флирта и с улыбкой кивнул. Клан Раневельса кроме оттенка волос отличался от нашего лишь меньшим количеством особей да более страстными взглядами, которые сопровождали меня с момента, как я прилетела сюда утром для лечения зеленой самки. Столпотворение, возникшее с нашим появлением в долине их рода, быстро прекратилось, стоило деду гневно рыкнуть и высказать угрозу, которую он ранее озвучивал нашим клановцам.

Как только я закончила с самкой Раневельса, он тут же взял меня в оборот и притащил к самке другого дракона его клана. Правда, на этот раз чуда не произошло – в утробе зеленой оказался один плод мужского пола, который самостоятельно успешно развивался в красного дракона. О чем я и сообщила, вызвав бурную радость у его будущего отца и умиление остальных.

Потом была еще одна самка, но у нее будет трое зеленых малышей, и я им помочь уже не в силах, а вот последняя на сегодня зеленая драконица, которая отличалась малыми размерами, но весьма скверным нравом, нас порадовала. Она вынашивала девочку, но даже ей одной в утробе матери

сил на правильное развитие и трансформацию явно не хватало. Плод начал обрастать скорлупой. Пришлось приложить много усилий, чтобы помочь ей пройти этот сложный этап и достаточно напитать энергией.

Дракон, державший свою зеленую самку, пока я ей занималась, обернулся в невысокого, угрюмого рыжего мужчину. Его мрачный безнадежный взгляд меня беспокоил – страшно видеть живое существо, которое потеряло всякую надежду. Раневельс застыл рядом, с тревогой проводив тут же удравшую зеленую. А я все еще определяла свое отношение.

Эти интересные мужчины, умные, необычные и к тому же драконы... Как они могли идти на связь с животными... использовать этих зеленых самок, чтобы получать потомство? Мне было сложно это понять и принять. Но я видела на их лицах счастье и благоговение, с которым они воспринимали новость о скором рождении своих разумных, красных детей. И это производило сильное впечатление. Жить тысячелетиями и не иметь возможности любить, заботиться о ком-то, а ведь это заложено в них природой...

Сейчас же я смотрела на этого отчаявшегося получить ребенка мужчину и обрадовала:

– Поздравляю! У вас будет девочка... Красная. Она слабенькая, но самое трудное мы сейчас преодолели, и моей энергии ей хватит надолго.

Раневельс в восторженном ступоре пробормотал:

– Это невероятно. Целых три самки красных прибавится в нашем клане...

Одинокая слеза скатилась по лицу второго мужчины, он молчал, но пустота во взгляде стремительно сменялась радостью. Медленно он повернулся в сторону своей самки, жадно заглатывающей куски мяса, отрываемые от туши животного. Потом потрясенно обернулся ко мне.

– Это правда? Девочка – красная? – прохрипел он.

Я кивнула, внутренне сковываясь от странной реакции. Санренер же разрешил мое недоумение:

– Вот видишь, Карр, твой первый опыт отцовства, и сразу настолько удачный! А ты все нас ругал за слабости и связи с зелеными...

Этот самый Карр тяжело посмотрел на моего деда и заметил:

– Это только благодаря твоей внучке, Санренер, я стану настоящим, полноценным отцом, а не буду плодить животных и страдать, зная это и... Небо, я так сильно устал от одиночества за пять тысяч лет, поэтому решился, но...

Он бережно взял мою ладонь, заставив насторожиться.

– Я благодарен тебе и никогда не забуду о помощи. Хвала Стретеру, он наконец вспомнил о своих детях и послал нам новую хранильницу.

Санренер и Раневельс пристально посмотрели на меня, словно заново увидев. Дед медленно протянул, со значением глядя на меня:

– А ведь ты прав, мой друг. Как никогда прав! Раневельс, нам нужно кое-что обсудить. Карр, прикажи накормить мою внучку, пока я немного занят.

Вот так я и осталась без постоянного надзора деда и, быстро пообедав, по-тихому юркнула на свободу. Уж очень хотелось побыть одной в тишине.

Подо мной расстился горный массив с редкими зелеными островками. Вершины устремлялись вверх, красуясь снежными шапками, а на их сверкающей белизне отражались голубовато-розовые тени облаков.

Я летела, размахивая большими красными крыльями, и наслаждалась не только полетом, но и кристально чистым, прохладным горным воздухом, который порывами ветра касался моей сверкающей в лучах Дрива чешуи. Я упивалась и своим обликом огромного красного дракона. Никак не могла поверить, что это все же я.

Неожиданно меня окатила волна странного напряжения и томления, а потом я заметила, что моя тень внизу значительно увеличилась. Ну просто очень значительно! Медленно задрала свою драконью морду и в шоке уставилась в наглые, самоуверенные, золотые глаза дракона такого же оттенка. Он был раза в два больше меня и, конечно, гораздо более уверен в своих силах.

Мои зрачки, наверное, из узких щелок превратились в суповые тарелки. Я ошеломленно замерла, затормозила и в конце концов зависла на месте. Золотой, описав дугу, подлетел вплотную, чуть не снеся меня мощным потоком воздуха, и, так же как и я, замер. Мы парили и смотрели друг на друга, медленно помахивая крыльями и поджав лапы. Золотой и пламенный драконы. Любопытно бы посмотреть на это со стороны, но сейчас это касалось меня лично, и я откровенно запаниковала.

Золотой склонил огромную, украшенную шипами и многочисленными роговыми наростами клыкастую морду, рассматривая меня. Если не ошибаюсь, это был тот самый дракон, который спас нас в Астаке, а если ошибаюсь, значит, развелось тут этих золотых, как зеленых...

Громко сглотнула и начала медленно двигаться назад, но летун из меня аховый, поэтому чуть не кувыркнулась вниз. Золотой резко дернулся ко мне, и его мощные лапы с когтями, словно изогнутые ятаганы, схватили меня, не причинив боли. Он держал меня, подвесив перед своей мордой. Заинтересованно обнюхал, его грудь ходила ходуном, пока я лихорадочно

соображала, с какой целью он столь тщательно заполняет легкие моим ароматом, не съесть же хочет. Затрепыхалась в его лапах, пытаясь вывернуться из захвата, однако меня сжали сильнее, сминая крылья, но опять-таки не причиняя боли. Длинный шершавый язык – метра два, не меньше (интересно, как долго он его отращивал), – скользнул по моим ушным щелям и прошелся до самых крыльев. Золотые глаза в буквальном смысле закатились от удовольствия. Все понятно... Зарычав, я начала вырываться, но эта наглая морда без усилий спеленал меня в мои же крылья. Рывком, выправив свое тело в нужное положение, полетел... совсем не туда, куда мне было нужно.

Вот тут я уже откровенно запаниковала. К счастью, я заметила пару зеленых самцов и уже планировала побег, пока они будут меня делить с золотым. Но мои надежды не оправдались, потому что, как только эти твари нас заметили, судорожно заметались, столкнулись, а потом быстро сменили направление. Я даже обмякла от разочарования и раздражения на этих безмозглых трусов.

Внизу показалась большая зеленая площадка, к которой мы устремились. Очень скоро дракон приземлился, осторожно положил меня на травяной ковер и отполз чуть в сторону. Оборачиваться не спешил – застыл рядом и пристально изучал. Словно старался впитать образ навеки... Его золотой хвост мелко дрожал, похоже, от едва сдерживаемых эмоций. Впечатляющее зрелище: дракон весь словно облит чистейшим сверкающим золотом, и каждая чешуйка кажется начищенной до блеска. Но важнее всего – от него во все стороны фонило сильнейшей магией, не чета моей. Да и кто я – мелкая красная ящерица, а он – огромный золотой дракон. Вот так и рождаются комплексы неполноценности.

Это сверкающее чудо легко преодолело пару шагов пространства, подаренного в первые мгновения, чтобы я могла выпутаться из крыльев и твердо встать на лапы. Уткнулся носом в мою морду, высунул язык и снова лизнул меня в нос, в глаз, в подобие уха... Я отшатнулась, но, странное дело, испытала невероятно приятное ощущение от прохладной влажной шершавости этого языка на моей шкуре. Внутри все затрепетало.

Чем дальше я отступала, приподнимаясь на задние лапы, тем ближе оказывался золотой. Очень скоро мы стояли на лапах, тесно прижимаясь друг к другу и поддерживая себя в вертикальном положении легкими трепыханиями крыльев. Из-за его мощи и роста я начала задыхаться от страха – слишком мелкая и слабая, чтобы суметь удержать его на расстоянии. Да еще как раз перед моими глазами маячила его мощная грудь, защищенная огромными костяными щитами-наростами. Сплошное

орудие смерти!

Крыло мягко прошло по моей спине, лаская, поглаживая, успокаивая. Золотые глаза гипнотизировали, заглядывали в душу, не давая отвернуться... Он громко фыркнул небольшим язычком пламени, стоило мне упереться в его грудь лапами и от раздражения и страха вонзить в нее когти. Точнее, я попыталась, но чуть не испортила свой драконий маникюр о его стальную непробиваемую чешую. Даже царапины не оставила...

Снова ласкающий язык на моей шее, а потом он начал медленно поворачивать меня спиной к себе, тяжело, яростно дыша, будто уже не мог себя сдерживать, и это напугало меня еще больше. Когда таких размеров дракон не может себя контролировать – это страшно.

Он уже практически забрался на меня, когда я невероятно удачным хуком задних лап сбросила его с себя и, визжа от страха, по-пластунски рванула навстречу свободе. Точно ящерица! Я даже услышала, как клацнули его зубы возле моего хвоста, но вовремя поджала его и полетела вниз, рванув с обрыва. Дикий рев только добавил мне сил для ускорения и второго дыхания, и третьего, и четвертого. Думаю, дедушка мною гордился бы... так быстро я еще никогда не летала.

Тень снова мелькнула надо мной, заставив задохнуться от страха и еще чего-то странного, загадочного... Я в ужасе поняла, что теперь захотела, чтобы он меня догнал... Словно я курица, бегущая от петуха и специально замедляющая свой бег, а то вдруг не сможет или устанет... Судорожно закрутила головой, но нигде его не увидела. И ощущение взгляда золотых глаз преследовало меня все время, пока я рыскала по округе в поисках злополучного озера.

Зато там меня уже поджидал дедушка. Причем разгневанный и одновременно напуганный моим отсутствием. С лету нырнула в озеро, чтобы смыть с себя аромат золотого и избежать лишних вопросов. Я просто боялась на них отвечать, да и не знала, что именно рассказывать. Несмотря ни на что дед, как только я вылезла из воды и обернулась, все равно подозрительно принялся, но не задал ни одного вопроса.

– Предлагаю пообедать!

– Дома, дед?

– Нет, в предгорьях. Я покажу тебе таверну, откуда мы забираем еду.

Я тут же успокоилась и, соглашаясь, радостно кивнула. А еще меня посетила странная мысль, что смерть на Земле и новое рождение на Лайваносе изменили меня. Ушла вечная настороженность и отношение ко всему как у стариков. Душа помолодела и требовала веселья и даже самых мелких и незначительных радостей. Вот даже от той самой еды, за которой

мы сейчас летим. А еще за эту неполную неделю я заметила, что драконы живут, как могут, но полной жизнью. Используют любой повод для радости и праздника. Умеют восхищаться не богатством, а самой жизнью.

Мы одновременно обернулись, как только наши лапы коснулись поверхности. В эту приличного вида и размеров таверну я заходила весьма уверенно. С большим чувством гордости, ведь рядом идет самый великолепный мужчина из тех, кого я встречала в жизни, – мой обожаемый дед. Он взял меня за руку, когда заметил незнакомых людей, похожих на наемников, но его тревога оказалась напрасной. Когда люди замечали Санренера, они быстро уходили с нашего пути, опасаясь даже поднять взгляд. Впрочем, так же поступали и все встреченные нами нелюди. Они усиленно нас не замечали и от этих стараний даже потели.

Гном, хозяин таверны, заведев Санренера, выкатился из-за стойки и ринулся в нашу сторону, широко улыбаясь и поддерживая спасательный круг, которым служила внушительная жировая прослойка на его талии. И с явным любопытством посматривая в мою сторону.

– Приветствую вас, крылатый Повелитель! И...

– Моя внучка, Алев Красная!

Гном пораженно остановился, а потом, окинув меня уважительным внимательным взглядом, пробормотал:

– Поздравляю, Повелитель! Ваша внучка – вылитая вы! Я так понимаю, вас можно поздравить с первым вылетом из гнезда?! – гном окольными путями пытался выяснить, как получилось, что обо мне никто не слышал.

– Можно сказать и так, Вейрик! Нам как всегда, но в двойном размере и за мой любимый стол! – усмехнувшись, ответил Санренер.

Гном поклонился дракону и суетливо кинулся выполнять заказ, а мы неспешно прошли к столу, стоявшему сбоку от огромного камина. Я отметила присутствие нескольких драконов, которые, заведев нас, вставали и кланялись Санренеру; мне же доставались голодные горячие взгляды самцов, страдающих спермотоксикозом. Даже возникло ощущение, что они касаются меня ими физически, оставляя на коже горячие пятна. Бр-р-р!

Мы уселись, и нам тут же начали приносить в больших количествах еду в разных тарелочках. Все пережитое сегодня заставило сначала проглатывать пищу, не глядя и практически не ощущая вкуса.

– Разве Карр тебя не покормил, родная?

– Кормил.

Удивленный голос дед заставил прожевать очередной кусок и, проглотив его, ответить:

– Но у меня, как оказалось, нервы ни к черту, и разные, хм... неприятности вызывают стресс. А когда я нервничаю, становлюсь голодная.

– И какие неприятности с тобой произошли, Алев? Я обязан знать! – зарычал дед.

– Я впервые вижу, чтобы ты рычал на женщину, Санренер! Чем же она тебе не угодила?

Гнев моментально испарился, когда он заметил обратившегося к нему мужчину, который улыбался, при этом явно испытывая недовольство. А я пропала для окружающих, стоило посмотреть на него. Причем снизу вверх пропутешествовав по его телу.

На нем были высокие тяжелые ботинки на шнуровке, в которые заправлены облегающие штаны из черной плотной ткани, но даже сквозь нее я видела, как перекачиваются развитые мышцы длинных ног. Узкие бедра и талия, переходящая в накачанный торс, который обтягивала черная рубашка без единого украшения. Поверх нее – расстегнутая куртка до середины бедра. А потом я замерла и опять потерялась в золотых глазах, раскосых, вытянутых к вискам. Он тоже смотрел только на меня, игнорируя остальное. На миг показалось, что, едва мы встретились взглядами, пламя камина вспыхнуло миллионом золотых искр, осыпавших нас двоих, и медленно угасло.

Я погружалась в чарующую золотую глубину, теряя связь с реальностью, а сердце стучало с немыслимой скоростью. Дышала я урывками, а кулаки сжимались, впиваясь в ладони ногтями. И его запах почему-то показался странно знакомым – меня вновь окутал свежий аромат луговых цветов, немного отвлекая от дурманящего мускуса.

Я отметила, что с каждым разом все с большим трудом могу оторваться от этих глаз. С усилием вынырнула из золотых озер, делая глубокий судорожный вдох.

– Что с тобой, Алев?

Я рассеянно посмотрела на Санренера, который выглядел встревоженно, загадочно, со странно тоскливым взглядом, и это привело меня в чувство.

– Э-э-э, ничего! Все нормально, просто задумалась...

Вот сейчас я наконец смогла в полной мере оценить внешность незнакомца. Голова его была покрыта черным платком, похожим на арафатки бедуинов на Земле. Он скрывал волосы, оставляя открытыми лишь мочки ушей, и плавно спускался под подбородком несколькими черными складками на шею, часть груди и спину. В ухе блестело тонкое

золотое кольцо с ярким желтым камнем, явно предназначенное не для уха, а для пальца. Светлые брови, чуть приподнятые в усмешке, знакомые притягательные золотые глаза, в которые я теперь боялась заглядывать. Римский нос и чуть впалые щеки с четко очерченными скулами, квадратный подбородок с едва заметной светлой щетиной на смуглой коже. А еще – тонкие циничные губы с, наверное, намертво приклеенной холодной усмешкой, с которой он взирал на мир. В этот раз глаза точно подходили его лицу, о чем я, не подумав, сообщила:

– Похоже, в этот раз лицо настоящее! – Его улыбка стала шире и открыла белоснежные крупные зубы. Зато Санренер уже недоуменно уставился на меня. Поэтому я добавила: – Да это так, мысли вслух.

Золотые глаза сверлили меня напряженным взглядом, а еще я заметила, как глубоко он дышит. Мужчина проигнорировал недовольство деда, присел рядом со мной на лавку, откинулся на спинку и положил на нее руку, касаясь при этом моих волос. Он занял собой все свободное пространство и, как мне показалось, специально устроился слишком близко ко мне. Санренер угрожающе посмотрел на него. Я сидела не двигаясь, лишь чувствуя жар от тела незнакомца, и этот жар, словно диверсант, проникал в мое тело, рождая самые странные и неожиданные желания.

Дед яростно прорычал:

– Алев – моя внучка, и даже ты, Скайшер, не смеешь к ней прикасаться, пока либо я, либо она не позволим тебе.

Это его «и даже ты» весьма меня заинтриговало. А еще я мысленно произнесла имя мужчины: Скайшер! На языке драконов оно означает «избранный», хотя чаще всего употребляли «последний». Неужели он дракон?

У всех встреченных мною драконов глаза были похожи на змеиные с тонким серпом зрачка. И только я, как полукровка, была с обычными, в смысле эльфийскими, но мои спутники отмечали, что при сильном волнении или перед тем, как обернуться, они становятся драконьими. Может, он тоже полукровка? Хотя, как пояснял Санренер, полукровки могут быть только от союза эльфов и драконов, другие расы с нами не сочетаются, и именно поэтому красные спариваются с зелеными. Эльфа к этому так просто силой не принудишь. И опять же, именно по этой причине я настолько уникальна. Полукровка. Моя мать – одна из очень немногих эльфиек, которые пошли на подобный союз. Можно было подумать, что Скайшер – светлый эльф из-за смуглой кожи, но я не видела цвета его волос, а брови вполне могли выгореть на солнце... Загадочный тип...

И он, услышав заявление деда, странным образом успокоился и

расслабился. Быстро, словно злость из него испарилась. Он незаметно для деда коснулся пальцами основания моей шеи, от чего по всему телу у меня дрожь побежала. Пальцы помассировали седьмой позвонок, а потом прошлись будто когтем, не царапая и не причиняя боль, но ощутимо воспаляя. У-у-у-у, гад!

– Ну что ж, я рад поздравить... нас... с появлением у тебя внучки!

От его слов у меня, наверное, глаза снова превратились в блюдца, зато у деда – полыхнули пламенем. Санренер продолжил яростными рублеными фразами, словно вколачивая их в него:

– Моя Алев свободна, но под моим крылом, Скайшер. Я потерял Суорена, ее не отдам никому.

– Как ты правильно отметил, Санренер, она свободна в своем выборе... А мой выбор уже сделан! – жестко заявил Скайшер нечто понятное только им двоим.

– Ты хочешь сказать, что... – удивился и хрипло выдавил дед. Впился взглядом в мужчину, который вновь разозлился.

– Да! Поэтому никому не позволю встать у меня на пути, Санренер. Даже тебе! Думаю, ты понимаешь меня, мой друг.

– А может, вы включите меня в свой междусобойчик?! А то я чувствую себя лишней.

Оба повернулись ко мне. Санренер смотрел на меня по-новому и с каким-то смирением. Очень необычно для него, насколько я поняла за последние несколько дней нашего общения. Зато золотые глаза вспыхнули удовлетворением и еще каким-то неведомым чувством, которое я пока не смогла распознать. Затем дед осторожно произнес, снова обращаясь к Скайшеру:

– Алев – хранительница красных, она помогла нескольким нашим самкам... зеленым, чтобы те в будущем произвели на свет полноценных двупостасных. И скоро целых три девочки появятся на свет красными!

Тот пробежался взглядом по моим губам, шее и спустился на грудь, прикрытую длинной голубой рубахой с небольшим вырезом, заставив меня вспыхнуть. Затем хриловато ответил деду:

– Я учту это... в будущем!

– Скажи, ты дракон? – я вклинилась в разговор.

Скайшер двусмысленно ухмыльнулся, прижался ко мне горячим бедром, а его пальцы погладили ямочку у меня под затылком. Р-р-р, меня все же проняло, даже дыхание участилось. Он же наклонился чуть ближе ко мне, от чего черные складки платка на шее сместились вбок, и вкрадчиво спросил:

– Ты хочешь, чтобы я был драконом? Так понравился?

Я фыркнула, передернув плечами и сбрасывая его руку, он же чуть потемнел лицом и прищурился. А мне дико захотелось стащить эту тряпку с его головы, чтобы увидеть его без, по моему мнению, ненужного предмета одежды. А главное, узнать, какого цвета его волосы! А дед продолжил разговор:

– Я надеюсь, ты понимаешь, насколько важно для моего народа...

– Я сказал, что учту это! – холодно, словно льдина, ответил он.

– Очень надеюсь!

Я впервые видела, как золото превращается в лед, но именно так сейчас выглядели глаза Скайшера, пока он смотрел на моего деда. Я занервничала и решила: пора уходить, пока тут, чего доброго, драка не вспыхнула.

– Дед, нам пора! У меня остался всего день на все про все...

– Куда-то собралась, сладенькая?

Этот наглый тип так востропел, словно к прыжку приготовился, и всем своим внушительным авторитетом и массой давил, заставляя отодвигаться к краю лавки. Дед устало, но уверенно ответил:

– Я должен вернуть Алев в ее отряд послезавтра...

И вот зачем он его предупредил?

– Дед, я не думаю, что этот чужак...

– Они отправляются в древний город марханов, чтобы вернуть этим синюшным долголетие, а ушастым – возможность заводить потомство.

Я встала и разъяренно изучала деда, выложившего все мои секреты непонятно кому. Но Санренер сейчас обращал внимание лишь на этого загадочного мужчину, а он, в свою очередь, – на меня. И хоть он сейчас сидел, а я стояла, все равно ощущала, что он смотрит сверху вниз...

– Хм-м-м, тогда понятно, откуда такой набор компаньонов...

Я еще сильнее нахмурилась, чувствуя себя утопающей в загадках и намеках. Понятия не имею, о чем эти двое разговаривают. Дед продолжил:

– Я отправлюсь со своими драконами, чтобы...

– Я сам отправлюсь, Санренер. Мне по пути! А ты... Со своими драконами... – двусмысленно замолчав, он предложил нам самим додумывать окончание его фразы.

А я уже бесилась, поэтому настойчиво и мрачно спросила:

– Так ты дракон или нет?

Он снова насмешливо прищурился и ответил бархатным заигрывающим голосом, от которого мурашки разбежались по всему моему телу:

– А ты хочешь, чтобы я был драконом?
– Ты уходишь от ответа!
– А почему это тебе так важно знать, сладкая моя?
– Не твоя! Понял?! Мне важно знать, что ты собой представляешь, чтобы знать, чего от тебя ожидать в будущем!

Первые два высказывания он проигнорировал, зато на последнее утверждение заметил:

– От меня можно многое ожидать, сладенькая! Особенно тебе!
– Интересно, почему именно мне?
– Жизнь покажет, Алев!
– Мы можем идти? Или вы еще что-то не обсудили? – зло спросила я в попытке закончить уже допекший разговор.

Санренер многозначительно посмотрел на этого самоуверенного типа и кивнул. Я обошла лавку со стороны деда, но не удержалась и повернулась к Скайшеру:

– Прощай!
– До встречи, сладкая моя! До скорой встречи!
– Надежда умирает последней, разве ты не слышал подобного? Мне сомнительные личности в отряде не нужны.

Скайшер поднялся одним угрожающим движением и, опираясь большими ладонями, навис над столешницей. На мгновение показалось, что он зарычит от ярости, но он лишь гневно прищурился и выдал ледяным тоном:

– Я пойду с тобой, или...
– Или что? – насмешливо хмыкнула. – Я свободна, Скайшер, и сама выбираю себе спутников.

Его голос потеплел, но холод из глаз не ушел, как и поза не стала менее напряженной.

– Мне понравилось, как ты произносишь мое имя, Алев!

В нашу перепалку вмешался Санренер:

– Алев, или Скайшер идет с тобой, или ты остаешься в гнезде!

Скайшер, гад желтоглазый, чуть не засмеялся, заметив, что я потеряла дар речи от заявления. Спорить не стала, коротко кивнула и нервной походкой направилась на выход, не оборачиваясь на этих двоих... один из которых – мой дед.

В гнездо мы летели молча, думая каждый о своем, но ночью, уже засыпая, я спросила:

– Деда, а почему ты требуешь именно его присутствия рядом со мной?

Последовало долгое тяжелое молчание, а потом он все же ответил:

– Выбор уже сделан за нас, девочка моя! Его не изменить, но, поверь, лучшего спутника и телохранителя тебе не найти. Скайшер убережет тебя от любых опасностей. И равных ему на Лайваносе вряд ли можно найти!

Я удивилась такой характеристике для несносного мужлана, не выдержала и пробормотала:

– Ага, а кто меня от него защитит?

– Не думай о нем плохо, родная, со временем ты изменишь свое мнение. Поверь, я знаю, о чем говорю. Недостойного я бы не подпустил к своей внучке. Несмотря на последствия.

Вот так, гадая о возможных последствиях, я и заснула, зарывшись в подушки и свернувшись клубком. Филя сопел рядом – он обиделся на меня за то, что уделяю ему мало времени и не беру с собой. Но я боялась брать его в драконьи лапы и взлетать вместе. Я сама еще летаю криво, а с ним... Береженного бог бережет, а в нашем случае – Стретер!

Глава 17

Утром мы с дедом опять слетали к Раневельсу и подкормили самок и их нерожденных детенышей. Я отметила, что Санренер особенно выделяет самку своего друга и все время выпрашивает о ее самочувствии. Более того, по дороге мы поохотились и притащили в их клан знатную добычу – огромного горного козла! И эту еще теплую животину мой дедуля самолично преподнес зеленой, вызвав недоумение у морковных. Мы же ничего объяснять не стали.

Когда я вернулась домой, то, зайдя издалека, попросила деда научить меня открывать порталы, якобы на всякий, самый безвыходный опасный случай. И дед купился на мою преданную умоляющую моську. Полдня я ломала пальцы, пытаясь выучить очень простое, как сказал дед, движение, а когда у меня, наконец, получилось, с победоносным видом заверещала от счастья и бросилась его обнимать. Вечером уже собрала вещи и завалилась спать, с нежностью поцеловав его в щеку.

Но как только послышалось его ровное дыхание, я осторожно выкарабкалась из подушек и, растолкав разжиревшего от спокойной жизни мархуза и прихватив рюкзак, выбралась из пещеры. Суар ярко освещал округу, а его красная корона окрашивала невероятно загадочным цветом белоснежные шапки горных вершин. Мы с Филей быстро спустились по дорожке, пару раз я шипела, спотыкаясь и кляня слишком крутую тропинку. После нарисовала в воздухе выученный знак, открыв портал на знакомую

поляну. Со страхом – все-таки впервые пространство раздвинула – скользнула в пролом, светящийся голубым светом, и вышла возле того самого ручья. К сожалению, как сказал дед, портал можно открывать только в то место, которое знаешь и видел лично, поэтому я и переместилась сюда. Но Филя легко отыщет следы моих спутников, и очень скоро мы их настигнем. Пора нам попробовать полетать вместе. Идти в компании Скайшера я не хотела, он вызывал у меня слишком неоднозначные чувства, и я не могла позволить ему так близко к себе подобраться. Или к моей душе! Да и, если честно, боялась его!

– Далеко собралась, сладкая моя? – от этого хриповатого голоса я вздрогнула, резко развернулась и уставилась в скрытое темнотой лицо Скайшера. Вот вспомни черта... Филя глухо заворчал, но впервые, удивительное дело, сидел смирно и не вмешивался.

- Далеко! И нам не по пути!
- Хочешь вернуться в гнездо?
- Ты не посмеешь!

Ответом были лишь сверкнувшие золотые всполохи. А я поразилась, как смогла разглядеть их в этой темноте.

- Проверишь? – прозвучало через несколько секунд нашего молчания.
- Послушай, что тебе от меня надо?
- Слишком много и в тоже время ничего!
- Мне надоели твои загадки, Скайшер...
- Ум-м-м, мне нравится, как ты злишься, а уж как ты произносишь мое имя – еще больше, сладкая!
- Я не сладкая и...
- Позволь об этом судить самому...
- А если не позволю?

Он оказался слишком близко, и я заметила, как насмешливо приподнялась его бровь, и мой вопрос остался без ответа.

- Ну и фиг с тобой! Иди куда хочешь... – обреченно буркнула я.
- Только с тобой, единственная моя!

Я раздражено фыркнула, но препираться с ним устала. Зато, вспомнив кое-что, хитро усмехнулась:

- Хм, сладенький ты мой... У нас с Филей есть крылья, а вот как ты...
- Ты уже мечтаешь попробовать меня на вкус, это радует... но предлагаю сделать все побыстрее с помощью портала. В этом я хорошо разбираюсь и знаю, где твои спутники. Да и до Эйнера могу помочь вам добраться...

Услышав первое заявление, я смутилась, но потом отвлеклась и

оценила преимущества присутствия этого Скайшера. В ожидании уставилась на него. Он же открыл портал и, подхватив меня под локоть, шагнул внутрь, не забыв свистнуть мархузу и проследить, чтобы мы вошли в проем вместе.

С той стороны нас встретил вооруженный ряд мужчин и испуганное лицо Юмихии, выглядывающей из-за спины Юдера. Как только нас с Филей узнали, все оружие опустили и облегченно и счастливо выдохнули и заулыбались. Даже морщинистое лицо Ксиона, освещенное костром, разгладилось. Подозрительно осмотрев Скайшера, он подполз ко мне, а я, выдрав локоть из хватки нахала, подошла к старому шаману и обняла его.

Неожиданно почувствовала разливающееся вокруг меня напряжение и, отстранившись от Ксиона, огляделась. Подошедшие ко мне светлые, да и остальные спутники резко замерли, настороженно рассматривая моего спутника. Я тоже оглянулась. Мужчина стоял, широко раздувая ноздри и сверля всех золотыми глазами, губы его усиленно изображали насмешливую ухмылку, но по мощному магическому возмущению я поняла, что он едва сдерживается. Только почему? А еще пришла одна запоздалая мысль, заставив похолодеть, но ее я оставила на потом. Надо разрядить обстановку, и я хмуро пояснила:

– Дедушка навязал мне этого телохранителя, ничего не поделаешь – Скайшер пойдет с нами до конца!

Ксион молчал и внимательно смотрел на мужчину. Зато Юдер не сдержался и выпалил:

– Госпожа, он не сможет пройти сквозь границу...

– Ну, это мы проверим на месте, хвостатый!

– А ты, крылатый, слишком самоуверенный...

Скайшер скептически поджал тонкие губы и приподнял в недоумении брови, заставив Юдера осечься. Наверное, Юдер разобрал бы его по кусочкам, чтобы проверить на крылатость, впрочем, как и я. Мы с ним синхронно пробормотали, но я мысленно, а он вслух:

– Порталы могут открывать только драконы... это всем известно.

Скайшер непринужденно прошел к костру, присел на один из пней, расставив мощные ноги в стороны и уперев подбородок на внушительный кулак, усмехнулся и цинично заявил:

– Тебе виднее, наверное...

Юдер потемнел лицом, а я вновь осталась без ответа. Харель подошел ко мне под сразу заледеневшим взглядом Скайшера и, не прикасаясь, спросил:

– Все прошло хорошо, Повелительница?

Ага, вот тут мне очень интересно было увидеть, как недоуменно взметнулись брови златоглазого, когда он услышал мой титул. И свое удивление Скайшер тут же озвучил в свойственной ему манере:

– Сладкая моя, неужели я что-то пропустил... Ты настоящая Повелительница Светлых? Я-то думал, эту корону ты просто для красоты нацепила...

Я смутилась от его хриповатого «сладкая моя», но не смогла удержать усмешку. Прикусив губу, чтобы не сказать какую-нибудь гадость в ответ, так же наиграно заметила:

– Да, сладенький, ты слишком много пропустил. Я – Повелительница Светлых, а не только внучка Повелителя Красных Драконов. И уж точно украшать себя не стремлюсь!

Мансель нахмурился, вспомнив встречу с Санренером недельной давности. Харель бесстрастно смотрел на огонь, а Ксион, приблизившись ко мне, настойчиво произнес:

– Госпоже надо отдохнуть! Завтра мы выдвигаемся, наша миссия не ждет.

Скайшер стряхнул с брючины жука, нагло взбравшегося по ней.

– Шаман, на этот счет можешь не волноваться! Завтра утром ты будешь с отрядом в Эйнере, так что можешь не торопиться.

– Скажи, кто ты, чтобы мы не волновались и не торопились. А, главное, ответь, почему ты здесь? – мирно и уважительно попросил Ксион, подползая ближе к нему.

– Шаман, ты так стар, и в тоже время для меня ты даже не младенец – лишь мгновение жизни. Ты будешь знать ровно столько, сколько я сочту нужным сообщить. Сейчас мне с тобой по пути и, поверь, тебе бы только радоваться этому, а ты нервничаешь... Но чтобы исключить лишние вопросы, просто знай – я ее хранитель. И надеюсь, это запомнит каждый из вас.

Сиурей тоже подошел ближе, и свет костра заиграл на его гладкой зеленой коже.

– Я хранитель этого отряда, и мне не нравится, когда один из элементов плохо вписывается в общую картину. Это значит, что он может ее разрушить в самый сложный и опасный момент...

– Тебе придется либо смириться с этим, либо нет. Что решил?

Скайшер продолжил расслабленно сидеть на пне и насмешливо наблюдать, как хмурились и злились окружающие. Убедившись, что мои старые товарищи, похоже, уже всем скопом готовы навалиться на этого нахала и затоптать, решила – пора вмешаться. И защитить, но, скорее, свой

отряд от Скайшера, чем его от моих спутников. В этом я твердо была уверена и нутром чувствовала.

– Уважаемые! Это мой телохранитель, одобренный дедушкой, и лучше нам всем успокоиться и подружиться, чтобы в коллективе проблем не возникало. Мой дед плохого не посоветует, а он сказал, что Скайшер – лучший телохранитель, и я ему верю. Давайте уже укладываться, а то завтра нас ждет трудный день.

Я не стала смотреть, что они там дальше будут делать. Подхватила рюкзак и направилась к Тихоне с Серым, здороваться. Накормила их лакомством, поглаживая холки. Сначала они испуганно фыркнули и запрядали ушами, затем по моей спине прошла горячая волна, смешанная с дрожью. Скайшер приблизился вплотную, навис надо мной, заставляя чувствовать его слишком сильную ауру и мужское начало. Огромная шершавая ладонь легла поверх моей, лежащей на холке Серого. Вторая рука обвила мою талию, слегка прижимая к себе.

– Это твой конь? – прозвучало над моим ухом, дрожь усилилась, и ноги стали ватными.

У меня пропал голос, поэтому я только кивнула.

– Ну что же, значит, завтра я поеду на нем! – Я задохнулась от его наглости, а он лишь крепче прижал к себе, не давая отстраниться или вырваться.

– Ты... Ты наглый, самоуверенный... – прошипела я.

– И красивый? Желанный?

– Противный! И отвратительный мужлан!

– Значит, я поеду на твоей лошади... Вместе с тобой! Бежать рядом с Филей как-то не солидно.

– А где твоя? Ты еще возле ручья был без коня! Как ты там очутился так вовремя? – Его золотые глаза впивались в мои, навязывая свою силу и право повелевать, а я застыла. – Ты следил за мной? Но как?

Потом прищурилась, развернулась и с силой уперлась в его грудь руками, чтобы оттолкнуть.

– Ты дракон, Скайшер! По-другому это не объяснить! Убери от меня свои лапы и держись подальше.

– Моя пламенная девочка... Сильные маги способны открывать порталы, как и драконы... Просто люди это не афишируют! Среди темных и светлых эльфов тоже есть парочка с такими способностями, и я даже знаком с одним из них...

Он замолчал. Я же, шлепнув его по груди, раздраженно заметила:

– Ты не похож на эльфа...

– Ну, ты тоже не особо похожа...

– Знаешь, Скайшер, ты первый в жизни мужчина, который меня настолько раздражает, что все время хочется прибить.

– Надо же с чего-то начинать... И мне приятно, что хоть в чем-то я у тебя первый.

Я разозлилась до чертиков.

– На что ты намекаешь?

Он молча стоял, и лишь короткий взгляд в сторону светлых эльфов, подсказал направление мыслей этого несносного мужчины.

– А теперь послушай, не то дракон, не то эльф, а может тролль недоделанный. В этом отряде нет ни одного претендующего на мое тело и душу! – Я вырвалась из его объятий и яростно процедила: – И вообще, в мою постель попадет один-единственный, тот, кого я буду любить до гробовой доски. А ты, – захотелось послать его лесом, но я закончила по-другому, шипя как рассерженная кошка, – бери Серого! И больше не прикасайся ко мне.

– Так чиста?

– Нет, просто максималистка. Хочу все и разом, а главное, сама готова платить тем же, – буркнула в ответ на его притворное удивление.

Он смотрел на меня с бесстрастной миной, в то время как палантин на его шее и груди медленно, красиво шевелился от прохладного ветра. Зараза!

Устраивались мы недолго, но Скайшер улегся максимально близко ко мне, криво усмехнувшись, когда Филя привычно потоптался на пледе и привалился боком к моей спине.

– Может, лучше я тебя ночью согрею, маленькая? Ведь как-то не солидно Повелительнице спать в обнимку с мархузом. Твой народ подумает... решит, что, кроме мархуза, никто не польстился?

Я заскрипела зубами и парировала:

– Не волнуйся, сладенький, у меня среди светлых уже и жених имеется... первый наследник, поэтому вряд ли кто-то усомнится в моей привлекательности.

Золото полыхнуло яростью и чем-то еще, мне пока неизвестным. Он приподнял голову и, приподнявшись на локте, прошипел:

– Не думаю, что эти отношения долго продлятся... Эльфы такие непостоянные, а еще такие уязвимые...

Я всмотрелась во всполохи огня в его глазах, и осторожно спросила:

– Угрожаешь?

– Нет! Просто констатирую факты!

– Скажи, это ты нас спас в Астаке? – Он молчал, я гневно продолжила: – Уверена, что это ты! Ты точно был в той таверне, а твоя наглость вполне в духе того хама... золотого дракона, который пытался забрать у меня без спроса самое ценное... облизывал меня, бе-е-е, своим длиннющим противным языком и...

– И он так запал тебе в душу, что никак не можешь о нем забыть!

Я задохнулась от его слов, резко опустила голову на рюкзак и закрыла глаза, отгораживаясь от этого огня, который, казалось, проникал в душу и пугал до дрожи. Тем, что, если я доверюсь ему, растворюсь окончательно, и потом, сгорев дотла, останусь... А с чем останусь? Ну, уж точно не одна, ведь теперь у меня есть надежный и обожаемый дед. Утешившись, что мне больше не грозит одиночество в чужом мире, уснула.

Всю ночь во сне видела золотые глаза, ощущала мужской мускусный аромат, явно не Фили, а еще ласковую горячую ладонь, отгонявшую все мои ночные страхи и дарившую покой и умиротворение. Но все равно выспаться я так и не смогла, а когда проснулась, оказалось, что лежу одна, даже Фильки нет. Через несколько минут они появились: мохнатый предатель, довольно трусивший рядом со Скайшером, и этот... о-о-о, этот фантастический мужчина в расстегнутой рубашке, в вырезе которой виднелась грудь, и, как показалось вначале, отливавшей золотом. Поймав мой подозрительный взгляд, он резко запахнул рубашку, улыбнувшись при этом так откровенно искушающе, что подозрительные мысли, да и вообще все, вылетели из головы.

– Та-ак, похоже, молодая кровь играет, да, малышка? И хочется, наконец, вкусить запретного плода?

– Ты о чем, недотролль? Плохо спалось, а теперь всякая чушь в голову лезет?

– Ну что ты, сладкая моя? Эта ночь была для меня одной из самых прекрасных. – И, заметив мои приподнятые в недоумении брови, закончил: – Ведь я спал с тобой!

Я покачала головой и, поджав губы, собралась идти к ручью поплескаться, но обернулась, чтобы оставить этот раунд за собой:

– Спать рядом не значит вместе.

На Филю глянула так, что он сразу понял – я обиделась на него. Скользнул ко мне и, виляя хвостом, положил внушительные лапы мне на плечи. Хм-м-м, да он уже выше меня! Лизнув щеку, заглянул в мои глаза и одарил такой любовью и преданностью, что мое настроение тут же улучшилось. Я чмокнула его в розовый нос и, как только он опустился на землю, мы направились к ручью. И все это под пристальным взглядом

Глава 18

Завтракал отряд в беспокойной тишине, все поглядывали на Скайшера, а тот совершенно невозмутимо ел кашу. Несмотря на мои гримасы, помог сесть в седло, а сам, нарисовав в воздухе знак, открыл портал. Дождавшись, пока в портал зайдет последний из нашей компании, взял под уздцы Тихоню и прошел вместе со мной и Филей. Мы оказались на зеленом пригорке возле рощи деревьев, удивительно похожих на наши дубы. А впереди, в низине, лежал город.

С виду небольшой, но так органично вписавшийся в окружающий ландшафт и буквально вросший в землю, что сразу стало понятно – город очень древний. Драконьи горы остались на западе далеко позади в легкой туманной дымке. Зато сейчас, когда горы и леса не закрывали вид, Дрив с Суаром предстали перед нами во всей своей красе. Суар буквально нависал своей серебристо-голубой массой над Эйнере, грозя рухнуть на него целиком, по крайней мере, у меня создалось такое впечатление. А Дрив заливал все окружающее пространство красновато-розовым светом, искажая истинный цвет предметов и даже их теней. По розоватому небу плыли пушистые, низкие облака. Раскинувшийся перед нами пейзаж производил впечатление крайне мирное.

Марханы, выстроившись в ряд, низко поклонились своему последнему древнейшему городу, где когда-то царствовали их предки и до сих пор чтители их традиции. Ксион тайком стер синей суховатой ладонью слезу, побеговшую из уголка черного глаза. Юдер весь вытянулся в струнку. Прижавшись к его спине и положив голову на плечо, замерла Юмихия, тоже тоскливо глядя вдаль. Спрат повернулся ко мне, в его глазах застыла боль.

– Госпожа Алев, если вы сможете... закончите миссию Камоса. Который Всегда Идет до Конца и поможет нашему народу, я присягну вам на верность.

Я заметила, что уже каждый стоящий рядом мархан готов дать подобное обещание, поэтому поспешила с ответом:

– Спрат, это не моя заслуга! Я лишь курьер. Мой учитель подарил знания, помог обрести смысл жизни и исполнил заветную мечту. Я всего-навсего отдаю долг, а вот он отдал за свой народ даже душу. Вы должны чтить его имя и помнить его заслуги!

Спрат кивнул, вновь устремляя свой взор на Эйнера. Скайшер стоял молча, а потом, не спрашивая, подхватил меня на руки, на миг прижал к себе и, глубоко вдохнув запах моих волос, вновь усадил в седло Тихони. Ксион чуть улыбнулся, опустив лицо вниз. Скорее всего, ночью он кое-что обдумал, так как с утра стал гораздо более благосклонным к Скайшеру, что не укрылось и от остальных. А так как Ксион имеет непререкаемый авторитет среди марханов и даже гоблинов Илисвурга, остальные тоже немного успокоились и, кажется, приняли этого циника в свое общество. Осталась, конечно, легкая напряженность, но, скорее, из-за общения Скайшера со мной, нежели как проявление недоверия лично к нему.

Опять же, утреннее поведение Фили тоже сыграло в пользу Скайшера. И лишь светлые по-прежнему смотрели на него холодно, с неприязнью и опаской. Хотя, наверное, если я пришла к выводу, что Скайшер все же дракон, то эти двое ушастых, гораздо старше и опытнее, больше моего разбираются в этом вопросе. А значит, подозревают его в том, что дракон может умыкнуть у них новоявленную Повелительницу!

Ударила каблуками по бокам кобылы, все еще не в силах избавиться от ощущения его сильных рук, и мы двинулись в сторону города. Наш отряд быстро выстроился в уже привычном порядке, лишь Мансель теперь ехал позади нас, недовольно сопя и посматривая в спину Скайшера, который восседал на Сером словно государь. Он действительно великолепно держался в седле. Непринужденно и с большим достоинством. А я засмотрелась на его большие смуглые руки, державшие поводья. В свете Дрива на них сверкали тонкие золотистые волоски, еще больше оттенявшие темную кожу, и завораживая мой взгляд. Я неосознанно представила, как эти сильные золотистые руки пройдутся по моему телу, коснутся рук, груди, ног...

Судорожно вздохнула, ощущая родившуюся во мне жаркую волну, омывавшую изнутри все тело. Еще не отойдя от пережитого смущения и волнения, наконец, оторвала взгляд от вдруг напрягшихся привлекательных рук и подняла взгляд на лицо Скайшера, и едва не задохнулась. Его ноздри трепетали, а глаза горели золотым огнем, даже лицо в обрамлении черного палантина словно окаменело. Он с трудом удерживал контроль над собой, и это было очевидно даже при моей неопытности.

Жар смущения залил мое лицо, лошади продолжали движение, а мы смотрели друг на друга. Вдруг что-то мелькнуло на его лице. Мне показалось, что я слышу звук рвущихся канатов – с таким трудом он отвернулся. Я, прищурившись, посмотрела, куда он уставился.

Навстречу двигалась группа марханов. Скоро мы сблизимся

настолько, что теперь они пристально разглядывали отряд, особенно меня с мархузом. Ксион подполз ко мне и негромко сообщил:

– Это нас встречают, госпожа, не стоит волноваться.

Я сначала пожала плечами, а потом удивленно спросила:

– А как они о нас узнали? Ну, что мы именно сегодня утром появимся?

Ксион замялся, зато Скайшер хохотнул и ответил вместо него, заставив мархана смутиться и пожалеть об этом:

– Оказывается, доверие к тебе, сладкая моя, все же ограниченное! Раз наш шаман скрывает секреты своего хвостатого народа. Они, пламенная моя, могут общаться через естественные источники воды. Вчера вечером он в отражении ручья пообщался с главой свода Эйнере и сообщил о нашем прибытии сегодня утром.

Я перевела взгляд со Скайшера, цинично и слегка презрительно смотревшего на шамана, на Ксиона. Старый мархан сильно смутился и прикусил клыком нижнюю губу, не зная, как выпутаться из неловкой ситуации. А Скайшер продолжил:

– Сколько веков живу, а все остается по-прежнему. Глупые игры, пустячные мелочные дразги, бессмысленные войны, и даже в такой серьезной ситуации попытка скрыть, утаить сущую ерунду.

– А ты, Скайшер, весь такой открытый как на ладони?! Секретов не имеешь, игры не ведешь...

– Девочка моя, поверь, я как никогда серьезен и с тобой не играю. А если и умалчиваю о чем-то, то лишь чтобы не усложнять и так непростые обстоятельства. А этот мархан тайком...

– Я прошу прощения, Алев! Это старая привычка, которая въелась в кровь, от нее сложно отвыкнуть. Не думай, что я нарочно...

– Я все понимаю, Ксион, и не обижаюсь. У каждого есть свои маленькие и не очень тайны, и эта поездка не повод, чтобы выворачивать наизнанку душу друг перед другом да секретами делиться, доказывая дружеские отношения. – Прервала я расстроенного мархана, который чувствовал себя не в своей тарелке от попыток объясниться.

Пожала плечами и ускорила лошадь, проскользнув мимо Скайшера, непонятно удовлетворенного: то ли он рад, что я приняла новость о секретах спокойно, без лишних истерик и обид, то ли что смог на какой-то момент посеять сомнения в наши сплоченные ряды... Но его замечание о прожитых веках засело в памяти. Полуторатысячетный возраст Делиаля я приняла с удивлением, но не более. К пятисотлетнему Манселю отношусь скорее как с младшему избалованному брату, а Хареля воспринимаю как солидного дядьку. А вот возраст Скайшера задел, и очень, а еще я

почувствовала неуверенность. Возраст – это опыт, знания, сила и уверенность. Мне их очень не хватало, я чувствовала себя рядом с златоглазым глупым капризным ребенком, а теперь и вовсе... Он, таким образом, оказался на ступеньку выше, старше меня и... Я внутренне сделала шаг назад, мне теперь сложно будет ему хамить, а другой защиты от эмоций, которые он у меня вызывает, я не знала.

К нам подползли незнакомые марханы, чинно поклонились, и самый старший из них, судя по поведению, выдвинулся вперед. Одернул длинный черный, сильно расклешенный к низу, камзол с серебристой вышивкой по краям и обратился ко мне:

– Приветствуем вас, досточтимая госпожа, на земле Эйнере. Я главный шаман свода Эйнере, мое имя – Заус Который Всегда Впереди. Мы счастливы услужить той, что несет на себе столь большое обязательство и ответственность! Вы можете уже здесь попрощаться со своими спутниками, мы организуем не только охрану, но и достойный эскорт до конечной цели вашего путешествия.

С недоумением выслушав речь напыщенного мархана, я посмотрела на Ксиона и остальных и заметила, что они не ждали подобной встречи, да и такого предложения. Марханы потемнели от гнева, гоблины яростно задержали носами, Мансель с Харелем поглаживали рукоятки мечей в ножнах, и только Скайшер вновь язвительно хохотнул:

– Понятно! Знаешь, шаман, твоя маленькая оплошность не идет ни в какое сравнение с интригами этих зажавшихся снобов. Они твоими руками решили загрести себе всю славу спасителей хвостатых, а этот собрался, скорее всего, и возвеличить свой подвиг... на века. Клянусь Стретером, таких хитрецов еще поискать надо.

Ксион прищурился, глядя на помрачневшего Зауса, который, тем не менее, выжидающе смотрел на меня. Я пожала плечами, повернулась к шаману и, наклонившись, спросила:

– А что, Ксион, нам обязательно спрашивать разрешения, чтобы зайти в город? И так ли необходима помощь... его? Может, мы как-нибудь сами разберемся и найдем жрецов...

Ксион расслабился, лица других скривились в ехидных усмешках, когда они увидели еще больше нахмурившихся встречающих. Наш шаман, медленно растягивая слова, ответил:

– Нет, Алев, их разрешение нам не требуется, как и помощь. А жрецы нас сами найдут в гостинице, я предупредил их о нашем прибытии.

– Я в тебе не ошибся, шаман, и в кои-то веки это меня радует, – негромко произнес Скайшер.

Мы синхронно тронули бока лошадей, посылая их рысью в сторону города и объезжая застывшую делегацию. Заус, быстро сориентировавшись, стремительно скользнул к Ксиону и пристроился рядом. Чувствовалось, что главный шаман очень досадует на себя за ошибку и просчет.

– Уважаемый Ксион, я наслышан, насколько вы радуете за правду и готов принести извинения за... неправильную позицию, но уверен, что мы должны действовать сообща, учитывая важность грядущего события...

– Чего вы хотите, Заус?

– Я и мои марханы отправимся с вами к пределам...

– А зачем нам лишние? – спросил насмешливо Юдер, который скользил с другой стороны от Ксиона. Судя по скрежету клыков Зауса, тому явно не понравился тон.

– Ты... – он начал было шипеть что-то ядовитое, но был остановлен Ксионом.

– Он один из самых сильных шаманов последнего поколения марханов, Заус, так что будь с ним повежливее. Он не отличается терпеливостью и скоро получит новое имя – Разящий Бич Марханов.

Заус ненадолго прикусил язык, но, рассчитывая на внимание Ксиона, все же продолжил:

– Вы же понимаете, насколько это серьезная... жизненно необходимая миссия для всех нас. Лишняя помощь вам не помешает.

– Я сформировал отряд и организовал путешествие. – Ксион впервые улыбнулся мерзкой, пакостной ухмылкой. – Но с некоторых пор за состав отряда отвечает уважаемый Скайшер, и он решает, кто достоин, или кому позволено находиться рядом с досточтимой Алев.

Заус, раздувая плоский нос, спросил, уже обращаясь ко всем сразу:

– И на каком основании...

Надоело мне слушать этого напыщенного мархана, и так уже искренне порадовалась, что судьба свела меня вначале с Ксионом, а уж потом – с Заусом, поэтому жестко заявила:

– Потому что так решил мой дед – Санренер Красный, Повелитель Красных драконов, и я поддерживаю его мнение на сей счет.

Про корону светлых промолчала, с ней пока все так зыбко и не точно... Да и межрасовая ненависть мне сейчас ни к чему. А про родство с драконами скрывать нечего. Это теперь моя гордость, моя семья. Харель, смерив меня понимающим взглядом, одобряюще улыбнулся. Мансель следил за всем с большим любопытством, чисто ребенок в цирке. Остальные тоже выглядели довольно. А Скайшер слегка наклонился,

схватил мою ладонь и, поднеся ее к лицу, лизнул в запястье. От этого влажного места разбежались горячие волны и электрические искры, а от хриповатого голоса волосы по всему моему телу встали дыбом.

– Я рад, что ты, наконец, проявила ко мне благосклонность и приняла верное решение... Практически приблизила к своему телу...

Едва стерпела, чтобы не ерничать, но Заус, следящий за нами хитрыми черными глазками, сам того не ведая, помог мне сдержаться. Поэтому, приложив усилия, без комментариев выдернула руку из захвата этого циника и нахала. Скайшер, с делано печальным взглядом выпустив мою ладонь, повернулся к Заусу и уже жестко и безапелляционно припечатал:

– Состав отряда менять не будем! И вы слишком задержали нас... Уважаемый.

Хлопнул по крупу Тихони ладонью, переводя ее в галоп, а сам пристроился рядом на Сером. Остальные поторопились за нами, даже Юмихия похлестывала лошадей, ускоряясь и с гиканьем стараясь обогнать нас, заставила повозку греметь колесами. Мне стало легко и весело, и я неожиданно для себя поискала золотой взгляд Скайшера.

А посмотреть было на что. В отличие от меня, все же неловко подпрыгивающей в седле, он словно парил, едва придерживая поводья. И как только он поймал мой восхищенный взгляд, вновь вспыхнуло золотое пламя, нежданно подарив мне радость. Я смутилась, а через секунду уже довольно и широко улыбалась ему, от чего мужчина странно просветлел, даже брови вспыхнули золотом, а тонкие губы дрогнули не в привычной циничной усмешке, а в теплой щемяще-трогательной улыбке, потрясшей меня до глубины души. Клянусь Высшими, с этим мужчиной я ни в чем не уверена. Заставила себя отвернуться и уставиться на приближающуюся крепостную стену города с воротами в виде огромной арки, украшенными коваными прутьями.

Добравшись до них, решила подождать остальных, но Скайшер, подмигнув Юмихии, чему мы обе удивились, сказал:

– Я знаю здесь одно неплохое место, поэтому поехали туда, нас догонят.

– Но дедушка и Юдер...

– Нас догонят!

В конце концов, мы обе смирились с его настойчивостью и направили лошадей за ним. Филя трусил рядом с Тихоней, которая так привыкла к присутствию мархуза, что не пугалась даже завываний диких животных в лесах. С Филей она чувствовала себя защищенной и иногда добродушно косилась на него черными глазами.

Ехали мы медленно и рассматривали город. Ни я, ни Юми здесь не бывали, хотя, как смущенно призналась девушка, она, кроме Илисбурга, нигде не была. Ее и в этот раз взяли только из-за меня, чтобы соблюсти возможные приличия. Дедушка Ксион слишком боялся за единственную внучку.

Город был идеально чистый, с низкими, необычной формы домами. Словно в землю вонзали глиняные заготовки, а потом поворачивали их вокруг своей оси, превращая в нечто, напоминающее песочные часы с крышами, похожими на грибные шляпки. Как пояснила Юми, это традиционная старинная архитектура марханов. Первые этажи занимают гостевые или лавки, а вторые – жилые помещения, и с первого на второй ведет витиеватая пологая дорожка без ступеней – хвостатым марханам проще скользить по ней, чем преодолевать лестницу.

Разноцветные палисадники были разбиты возле каждой калитки, низкие мостки перекинуты через неглубокие канавы-арыки, по которым с веселым журчанием текла вода, смешиваясь с нечистотами. Но не было ни запаха, ни чувства омерзения от вида этих грязных ручейков. Как поясняла Юми, это специальная система очистки, и вода непрерывно циркулирует. В результате город чистый, а свежий воздух постоянно смешивается с ароматами выпечки и цветов. Мимо скользили местные жители, окидывая меня презрительными взглядами, и я не сразу осознала причину столь нелестного внимания – внешне я была светлой эльфийкой, вот они и выказывают мне «доброжелательность» и «гостеприимство».

Настроение немного испортилось, а уж когда мы добрались до нужной таверны и зашли в зал, оно совсем упало.

– Светлых не обслуживаем! – голос хозяина за стойкой сочился пренебрежением и злостью.

На лицо Скайшера вновь вернулось циничное выражение, глаза сверкнули, и он пружинящим шагом направился к стойке. Разношерстная компания, сидящая в зале, с любопытством наблюдала за происходящим, и настороженно – за мархузом, который пристально следил за всеми. Мы с Юми так и стояли возле двери, рассматривая людей, гномов, марханов и... темных эльфов. Увидев их, я вздрогнула от неприязни.

Тем временем, Скайшер, ухватив за воротник сопротивляющегося довольно крупного и плотного хозяина, практически вытащил его из-за стойки, а потом что-то очень тихо прошептал, явно угрожающе. В следующее мгновение мархан побледнел до голубого цвета и закивал, соглашаясь с, похоже, очень убедительными доводами Скайшера. Тот медленно и брезгливо разжал кулак, практически отбросил от себя

испуганного хозяина и направился к нам.

Я смотрела во все глаза, как он словно плавно скользил с грацией красивого крупного хищника. За ним следовал хозяин, нервно подрагивая хвостом:

– Приношу свои извинения, уважаемая! Моя скромная таверна к вашим услугам, постараюсь сделать все, чтобы вам было здесь уютно и комфортно. Вам и вашим друзьям.

На последнем слове он коротко взглянул на Юми и подобострастно – на Скайшера. В это же мгновение в зал ввалились наши спутники. Первыми зашли гоблины и быстро рассредоточились по залу, успев неодобрительно посмотреть на нас. Затем Юдер, который тут же взволнованно прижал к себе Юми, а потом и пара, видимо, все еще спорящих шаманов. Заус заметил хозяина таверны, приосанился и приказал, настойчиво стараясь добиться нашего одобрения и придать себе больше веса.

– Диркус, нашим гостям требуются самые лучшие апартаменты и самая вкусная еда. И не мешкай, ты еще будешь внукам рассказывать об этом знаменательном дне, когда в твоей таверне останавливалась рожденная огнем.

Услышав этот эпитет, я вздрогнула и вспомнила разговор с Высшими. Зато Скайшер, стоявший рядом, придвинулся вплотную и тихо пояснил:

– Так марханы в старину называли драконов...
– Скайшер, ты дракон? – повторила я в очередной раз.
– А ты хочешь, чтобы я был драконом? – Прозвучал завораживающий шепот, а рука ласково опустилась на мою талию.

Ну сколько можно разговаривать намеками? Недовольно выскользнула и прошипела:

– Почему ты не можешь сказать правду? Зачем эти игры?
– Сладкая моя, уверен, что если бы я был драконом, то ты бы меня держала на расстоянии, способном охладить любой пыл... Хотя никто не гарантирует, что эльфа или других ты бы тоже не послала в длительное приключение. Поэтому сейчас я для тебя просто Скайшер, твой хранитель.

Выразительно закатила глаза, а потом почувствовала вокруг тишину. Все смотрели на меня и Скайшера, откровенно ожидая продолжения нашего разговора. А я от злости и испытанного ранее унижения мрачно произнесла:

– Здесь меня отказались обслужить, так что пойдемте искать другое место, где меня не захотят с ходу выкинуть за дверь как последнее ничтожество.

Хозяин был готов упасть в обморок. То ли Заус обрисовал ему всю ситуацию, то ли испугался угроз Скайшера, то ли расстроился, что внукам нечего будет рассказывать. Он буквально прохрипел, приближаясь ко мне:

– Госпожа, я приношу свои глубочайшие извинения за высказанные по глупости слова... Клянусь, в моей таверне вам предоставят все самое лучшее...

Я уже раскаялась в своей излишней резкости, вызванной не столько хамством хозяина таверны, сколько загадками золотоглазого нахала, и махнула рукой.

– Да ладно, чего уж там... Кто старое помянет, тому глаз вон. – Тут мархан снова стал голубым, испуганно взглянул на Скайшера, а я решила заканчивать с приветствиями. – Спасибо за гостеприимство, надеюсь, моего мархуза здесь покормят...

Филя вывалил розовый язык, громко сглотнул и плотоядно уставился на бедного хозяина, который отпрянул назад, все еще пытаясь сохранить лицо и не потерять столько клиентов. Заус помрачнел – похоже, прибавил к своим просчетам прокол с таверной. Скайшер схватил меня за руку и потащил к столам. Все облегченно вздохнули, а я почувствовала себя тираном и деспотом с манией величия. Так, надо быть проще, и марханы ко мне потянутся...

После обеда, хорошего, надо сказать, мы оставили вещи в таверне и направились в местный храмовый комплекс, посвященный всем богам. Как пояснила Юми, которая в очередной раз заняла комнату со мной, в Эйнере чтят всех богов, но поклоняются только одному. Просто остальных стараются тоже не обижать, ведь все знают, злой бог даже чужака наказать может...

Большая часть марханов и гоблинов разбрелась по своим делам, а со мной и Скайшером пошли Ксион с Юдером, Юми, Сиурей, ну и, конечно, Заус... Куда ж без него. Он не воспринимал (или не хотел воспринимать) вежливые советы идти по своим делам. А невежливые просто игнорировал, старательно переводя разговор на что-нибудь другое и обращаясь исключительно ко мне и Скайшеру, что бесило остальных спутников. Скайшер лишь усмехался, а я не знала, как сгладить общее недовольство. А потом плюнула на все и решила плыть по течению, пусть марханы сами между собой разбираются!

В одном из переулков случился небольшой переполох. Наши сопровождающие так увлеклись спорами за место возле досточтимой Алев, которая будет возлагать Священное Сердце на его ложе, что забыли о нас с юной марханой. И лишь Скайшер пристально следил за нами.

И вдруг мы сначала услышали доносящиеся из-за угла испуганные крики и гневные вопли, а прямо на нас выскочили лошади, запряженные в груженную ящиками телегу. Судя по дальнейшим разбирательствам, они перевозили ценности одного из банков, и понесли. Гномы в деловых костюмах, размахивая портфельчиками, бежали за ними с громкими ругательствами и предупреждали прохожих криками об опасности. Это оказалось настолько неожиданно, что мы с Юми на мгновение ошелопились, а потом поняли, что нам не уйти и даже моя магия огня не поможет.

Мелькнула огромная тень, перед нами выросла спина Скайшера, который вытянул ладони вперед и выкрикнул пару слов. Все замерло, будто время остановилось. Только мы с Юми прижались друг к другу. Девушка плакала навзрыд, уткнувшись мне в плечо и обвинив синим хвостом мои ноги. Скайшер недолго стоял в той же позе. Потом медленно повернулся, а я непроизвольно вздрогнула.

Его глаза пылали золотом и теперь стали типичными для любого представителя драконьего племени. Жуткие змеиные глаза, в которых сверкали ярость и страх. Смуглое лицо в обрамлении черной арафатки побледнело и осунулось, словно он сейчас пережил невероятное потрясение. Черты лица заострились и стали хищными, излучающими животную опасность, а, что поразительнее, по подбородку зазмеилась золотая полоска чешуи.

Скайшер резко шагнул вперед, подавляя своей мощной, тяжелой аурой, потом раздраженно взглянул на рыдающую Юми, которая совсем сникла от его вида. Подойдя вплотную, он прижался к моей спине, наклонился, обхватил мою голову лапцей, сминая волосы, и уткнулся мне носом в висок. Черная ткань палантина накрыла плечо, а яркий чувственный аромат окутал меня, отчего я бессознательно глубоко вздохнула. Потом его длинный язык скользнул по моей коже, лаская скулу и очерчивая контур лица. Я задохнулась сначала от невероятного облегчения, что жива, потом от мысли, что он меня сейчас не прибьет от злости. А потом эта ласка напомнила об инциденте, произошедшем совсем недавно, и я, ткнув его локтем в бок, обличающе зашипела:

– Так это ты тот обнаглевший дракон, который обслонявил меня недавно и хотел...

Мужчина насторожился, придерживая меня при этом, чтобы не вырвалась, и выдал хриплым голосом:

– Я рад, что та встреча не оставила тебя равнодушной и...

– Да я... да ты... я вообще... – В кои-то веки мне не хватало слов!

– О-о-о, настолько равнодушной... Ну что ж, я могу гордиться собой и лелеять...

– Свое эго ты можешь лелеять и ничего больше... – Наконец-то сумев найти слова, выпалила я. – Ты меня тогда до чертиков напугал!

– Значит мы в расчете, сладкая моя, потому что ты меня до этих самых чертиков напугала сейчас.

Юми, пока мы препирались, отклеилась от меня и теперь с любопытством наблюдала за нами. Я же уже практически лежала на сгибе локтя Скайшера, пока он держал мой затылок, но, странное дело, вырываться сил не было, впрочем, как и желания. Пережитый страх забрал все силы. Черты лица золотоглазого смягчились, исчезли проблески чешуи и вертикальный зрачок, а потом он задумчиво спросил, разглядывая меня из-под полуопущенных век и золотистых ресниц:

– Почему ты отталкиваешь меня, Алев? Я не нравлюсь тебе?

Я смутилась от такого пристального золотого взгляда, а потом тихо ответила:

– Находясь между жизнью и смертью, я плакала о том, что так и не познала любви, и сама никого не любила. Когда меня вернули сюда... И когда я узнала о судьбе своих родителей... Я поклялась себе, что моя жизнь будет наполнена любовью, моей и того, кого я себе выберу. Ну, или того, кто выберет меня... Короче, это не важно. Важна любовь. Наверное, я многого хочу или вообще желаю запредельного, но свяжу свою жизнь только с тем, кого буду любить, и кто также сильно будет любить меня.

– Девочка, что ты знаешь о драконах?

Я замялась, но ответила честно. Мне вообще не хотелось врать этому мужчине даже в мелочах.

– Очень мало, к сожалению, но я наверстаю потерянные годы, как только закончу с этой миссией.

Золотые брови приподнялись чуть выше, но, похоже, этот дракон многое обо мне выяснил.

– Любовь дракона принадлежит его избранной с момента, как он ее почует...

– В каком смысле почует?

– Это сложно объяснить, просто все во мне, хм-м-м, в самце настраивается на свою избранную. Образуется незримая связь, и разорвать ее уже ничто не в силах. С каждым мгновением, проведенным вместе, она усиливается настолько, что, утратив ее или разорвав, дракон умирает. Потому что сразу погибает душа.

Я слушала его с замиранием сердца, припомнив тоску деда и их

весьма загадочный разговор, а потом не выдержала:

– А самка как чувствует?

Скайшер тяжело вздохнул, а потом медленно провел пальцами по моему лицу.

– Природа, Огонек, просто так своими ресурсами не разбрасывается. Самки – это основа продления рода, гарантия выживаемости вида... Избранная самка сама выбирает и отвечает сердцем на зов души самца. Отвечает или нет, мы не знаем... Поэтому нам приходится крутиться, чтобы заставить... Хм-м-м, увлечь ее настолько, чтобы она ответила любовью и связала свою линию жизни с нашей.

Слово «заставить» не ускользнуло от моего внимания, поэтому я ехидно заметила:

– А ты скорее относишься именно к тем, кто заставляет и охмуряет своими достоинствами, а не увлекает или ухаживает...

– Алев, а можно уже их всех разморозить? – прервал меня неожиданно раздавшийся голосок Юми.

Я оглянулась, а она тоскливо рассматривала все еще замерших сопровождающих, прохожих и тройку лошадей. Скайшер выпустил меня из объятий, томительно медленно провел ладонью по затылку, шее и спине, от чего меня вновь бросило в жар и смущение, а потом довольный вновь вернул своему лицу обычное отстраненно-циничное выражение и принялся за дело. Он приказал нам отойти, а сам забрался в повозку, намотал поводья на руку и снял заклинание.

Все в мгновение пришло в движение, лошади, всхрапнув, понеслись было дальше, но Скайшер яростно рыкнул и дернул поводья, от чего напуганные животные словно на стену налетели. Поднялись на дыбы, жалобно, испуганно заржали, а потом встали как вкопанные, мелко трясясь всем телом. Как раз в этот момент подбежала пара гномов в дорогих деловых костюмах и еще пяток – в костюмчиках попроще. Они сразу перехватили лошадок под уздцы и начали громко извиняться и благодарить моего дракона.

Как только пришла в голову мысль о «моем» драконе, я так же, как лошади, словно на стенку наткнулась.

– Что-то случилось? – испуганно спросила Юми.

Я же нахмурилась и ответила, быстро топая в сторону бледно-синих от испуга марханов, которые прониклись случившимся и возможными неприятными последствиями.

– Просто всякая дрянь в голову лезет!

– Это не про меня ли, единственная моя?

– Скайшер... – Я запнулась, смутилась, а потом произнесла: – Благодарю тебя за наше спасение, если бы не ты, нам бы пришлось худо.

Он слегка помрачнел и бесстрастно ответил:

– Не стоит, это моя работа... как предполагается.

Я недоуменно посмотрела на него, золотые глаза не пылали, они были пустыми и безразличными, а у меня в душе шевельнулась странное чувство потери. Утраты того огня. И «сладкая моя» он тоже не добавил...

Марханы обступили нас и наперебой стали благодарить Скайшера и расспрашивать о нашем самочувствии. Юдер совершил беспрецедентный для любого мархана поступок – подхватил Юми на руки и прижал к себе. А ведь этот народ весьма щепетилен в проявлении чувств при свидетелях, но сейчас Юдер слишком сильно испугался за нее. Вон, как его трясет. Ксион тоже удивил всех, приобняв их обоих, затем удрученно и подавленно обратился ко мне:

– Простите нас, Алев, мы не справились со своей задачей, и ваша безопасность... Вы могли пострадать...

– Все обошлось, и давайте уже не будем об этом.

Ксион облегченно кивнул, Заус тоже перевел дух, и мы продолжили свой путь. Юми сейчас скользила, держа Юдера за руку. А я с тоской смотрела на их соединенные руки. Зато Мансель с Харелем выглядели загадочно задумчивыми. Они, хоть и заметно испугались из-за случившегося, но все же, как мне кажется, не сильно. Вполне возможно, что, например, Манселью просто выгодна моя смерть, ведь корону и он может надеть. А что касается потомства и проклятия, то жизнь эльфов така-а-а-я длинная... Всякое может произойти.

Глава 19

Из-за поворота показался невероятного вида комплекс зданий, между которыми чередовались песчаные площадки с петляющими полосками травы. При ближайшем рассмотрении я сразу провела аналогию с японскими садиками бонсай. Здания – такие же «скрученные» посередине с крышами-шляпками, на которых высились столбики, сплошь увешанные колокольчиками, издававших на ветру мелодичный перезвон. А так как этих домов-грибов было множество, то и звон стоял довольно громкий. Невысокая ограда позволяла все хорошо разглядеть, и мы, кто с любопытством, кто с благоговением, наконец, подошли к арке-входу, странно низкой, всего в половину роста любого мархана. Я недоуменно

установилась на это сооружение и только собралась идти дальше, как Ксион остановил меня.

Он скользнул в стоявшую рядом странную каменную ванну с бортиками не выше колена и, приподняв подол камзола, покрутил там хвостом, омывая его водой. После сразу вылез на зеленую дорожку травы. Я удивилась, заметив множество монеток, разбросанных по песку. Как только Ксион оказался на траве, он повернулся и тихо сказал:

– Сними обувь, омой ноги и ступай только по траве. Трава снимет напряжение и откроет путь истинным мыслям.

А я подумала, как хорошо, что сейчас лето. Разувшись и ополоснув ноги, тоже ступила на травяную дорожку с мягким упругим покровом и теплом, которым она поделилась с моими ногами. Похоже, это действительно живое и святое место, намоленное тысячами, а может и миллионами марханов. К тому же сюда, как говорила Юми, ходят и представители других народов, раз есть святилища всех богов Лайваноса.

Через арку мы проходили, согнувшись в три погибели, особенно Скайшер. Но он проделал это с такой грацией и элегантностью, что я даже засмотрелась на него, что снова не укрылось от внимания мужчины. Стоило ему поймать мой заинтересованный взгляд, как его глаза вспыхнули удовлетворением, и в них вновь родилось золотое пламя. По спине прошла возбужденная дрожь понимания: надо сейчас решать – давать ситуации развитие или предпринимать решительные шаги к отступлению. Хотя, понаблюдав за Скайшером в течение даже небольшого времени, я осознала, что уже ничего не решаю.

Мои мысли прервались при виде идущего навстречу... наверное, жреца-мархана. В отличие от остальных, он был практически полностью обнажен, лишь узкая «набедренная» повязка немного прикрывала тело. На груди с хорошо развитыми мышцами красовался круглый желтый кулон на толстой цепи. Черные жесткие волосы до пояса были стянуты несколькими металлическими зажимами, а в глазах не заметно кротости, смирения и всепрощения, как пристало монаху или священнослужителю. Они говорили об остром уме, силе и готовности в любой момент вступить в смертельную схватку.

Воин-жрец не спеша приблизился и пристально оглядел нас, на мгновение остановившись на Скайшере, а потом замерев на мне. Очень темным, не предвещающим ничего хорошего взором мазнул по светлым. Он не произнес никаких приветствий, просто скользнул чуть ближе ко мне и спросил мрачным холодным голосом:

– Почему мы должны тебе верить, рожденная огнем?

Я удивилась, что он сразу опознал мою принадлежность, а потом пожала плечами, раздумывая над ответом. Сейчас очень важно все сделать правильно. Мужчина напротив – не торговец, не шаман, а жрец, которого годами готовили к служению и защите их главной святыни. Он поджал тонкие губы, от чего острые клыки блеснули в лучах Дрива, затем спросил:

– Как выглядит Сердце Марханов?

– Ну, очень похоже на твой кулон, мархан!

Меня задело пренебрежительное обращение на «ты», поэтому я ответила в том же духе, но стоило мне замолчать, как его взгляд и поза изменились. Глаза в момент осветились внутренним светом – их чернота стала полупрозрачной, лицо потемнело, а тело напряглось, словно для прыжка.

– Где оно?

Я склонила голову, рассматривая его, и произнесла, отметив едва уловимое смещение ко мне Скайшера:

– В надежном месте. Его положит на свое ложе Камос Который Всегда идет до Конца. Хоть и моими руками. Это мое перед ним обязательство, как ученицы, и мой долг.

– Город окружен куполом, в котором магия не действует, как ты собираешься его добывать...

– О, не волнуйся за него. В этом месте всегда подействует моя личная магия, ей внешние ресурсы не нужны...

– Ты не понимаешь, крылатая, там вообще не действует магия.

– Я точно знаю, как только туда попаду, Сердце окажется у меня в руках! – Посмотреть бы на себя со стороны, чешуя не проступила от постоянных споров со всеми?

Видимо он уловил мою нарастающую злость и уступил:

– Как знаешь! Тебя проведем, остальные останутся здесь!

– Мы три недели вели ее сюда и тоже заслуживаем этого чуда! – Ксион аж подпрыгнул от негодования.

Жрец прищурился, посмотрел на Юми, Юдера и сказал, как отрубил:

– Ты пойдешь, шаман, но твои дети – нет! Потом поймешь, почему! Остальных не возьмем, потому что далеко они не пройдут, а возвращать и оберегать их будет некому.

– Это наша Повелительница, и мы однозначно идем с ней.

Жрец презрительно слегка приподнял уголки губ:

– Вас грань не пропустит, и вы это хорошо знаете...

Эльфы умолкли, с трудом пережевывая насмешку, но продолжили недобро изучать жреца. Что же замышляет младшенький? Ох и не нравится

мне это!

А еще я испугалась перспективы остаться одной. Без своих спутников. Сделала шаг и, оказавшись вплотную к Скайшеру, твердо заявила:

– Скайшер пойдет со мной и это не подлежит обсуждению! Он мой...

– Я уверен, этот мархан и не думал, что ты пойдешь без меня. – Перебил немного насмешливый и предупреждающий голос дракона.

Жрец прищурился и произнес, заставив меня смутиться и раздраженно поджать губы:

– Хм, я понимаю, что это было бы невозможно... связь уже видна невооруженным глазом. Да, ты пойдешь с нами, прости за невнимание.

Отрицать его слова я не стала, несмотря на удивление моих спутников. Если я сейчас начну отнекиваться от нашей мифической связи, то еще, чего доброго, пойду в компании одного Ксиона и незнакомых жрецов. Нет уж – мне страшно... И надо быть честной хотя бы с собой... Я хочу, чтобы он пошел со мной.

Между тем, наглющий Скайшер прилип ко мне основательно, положив лапищу на талию и притягивая все ближе, прожигая своим теплом и рождая во мне что-то необычное. Я заглянула ему в лицо – ехидства или превосходства нет. Лишь бесстрастная маска, но глаза светятся теплом и... нежностью. Так непривычно, но приятно. А, главное, почему так сердце защемило?

Дракон неохотно оторвал взгляд и вновь посмотрел на полуголого мархана, который оценивающе наблюдал за нами. Как только Скайшер заговорил ледяным бесстрастным голосом, даже меня пробрало, хотя вроде и угрозы прямой не было, но похоже, он, долго тренировался такому мертвому и пустому тону, от которого мурашки по коже бегают.

– Невнимание прощу на первый раз, а потом тебе, жрец, придется всегда и везде учитывать мое мнение, прежде чем выдвигать свои условия! И принимать любые решения в отношении нас тоже. Надеюсь, мы друг друга хорошо понимаем?

Жрец прищурился так, что остались видны только тонкие щелочки. Он, видимо, обдумывал дальнейшие действия и слова. Потом, наконец, все для себя решил и согласно кивнул. Я спиной почувствовала, как все облегченно выдохнули, я же только слегка пожала плечами. Но хорошо, что хорошо кончается! Поэтому спросила:

– Когда мы выдвигаемся?

Мархан осторожно ответил:

– Планируется завтра утром...

Последовало молчание Скайшера и нейтральный вопрос жреца,

больше адресованный ко мне:

– Вы хотите что-то узнать?

– Нет, просто погулять здесь хотела и посмотреть все. Очень красиво и любопытно устроен...

– Это общая обитель для богов. Поэтому к нам приходит всякий, кто нуждается в помощи, защите или наставлении. Вы можете спокойно гулять, где захотите.

Снова послышался вкрадчивый прохладный голос Скайшера:

– Как далеко мы сможем пройти порталом?

Жрец нахмурился, а потом немного устало ответил:

– Вы сами все увидите. Боюсь разочаровать вас, но почти весь путь мы пройдем сами. Там искажено пространство, и грань приближается к Эйнере с каждым столетием все ближе... Территория тьмы наступает. Хм, ваш огонь, крылатый, пригодится нам гораздо больше, чем ваша магия.

От этих слов все посмурнели, и я в том числе, ведь мне туда идти...

Жрец удалился, оставив нас размышлять о дальнейшем. Ксион тихо убеждал расстроенного ученика не падать духом и лучше присматривать за невестой. Юми тоже распереживалась, но скорее из солидарности с любимым и страха за дедушку, но, услышав про невесту, смутилась и опустила черные глаза. Юдер же в этот момент взял себя в руки и, подхватив ее ладонь, попросил старого шамана:

– Прошу, учитель, перед вашим отбытием засвидетельствовать обряд единения, раз уж мы в священном храме. Думаю, жрецы нам не откажут, учитывая ваше завтрашнее путешествие...

Юми потемнела от волнения, Ксион тоже и скользнул к теперь уже фактически родственнику и крепко его обнял со словами:

– Я горжусь тобой, мальчик мой! И с радостью отдам самое дорогое, что у меня осталось от всей семьи.

Мне Юми еще в самом начале пути рассказала трагическую историю гибели ее отца и матери от рук грабителей, и сейчас я растроганно наблюдала. Над ухом раздался тяжелый вздох, заставивший меня вздрогнуть. Затем прошелестел мягкий, обволакивающий сердце и душу голос Скайшера:

– Жаль, эти слова произносит не твой дед Санренер. Это сделало бы меня самым счастливым мужчиной на свете.

Приятно, если бы не послышавшаяся насмешка, которая опять заставила меня принять боевую стойку и отбросить сентиментальное настроение.

– Ты просто шут!

– И что это за зверь такой? – недоуменно спросил он.

– А это тот, кто народ постоянно смешит!

– Поверь, девочка, я меньше всего похожу на шута! Я ласковый и веселый только пока ты рядом, остальные же никогда не решатся назвать меня таковым.

– Потому что не отвечаешь за последствия?

– Нет, сладкая моя, за них я отвечаю всегда. Просто именно эти самые последствия тем, кто посмеет так меня назвать, вряд ли понравятся, если конечно они не самоубийцы...

– Ты у нас такой грозный и опасный, да?

– Не нарывайся, девочка...

– А что ты мне сделаешь? Покусаешь?

– Зацелую, Огонек! А может, и кусну пару раз... Легонько, уверен, тебе понравится.

– Ну уж нет, скорее я тебя сама покусая, если ты меня как в прошлый раз вылизывать будешь...

– Ум-м-м, девочка, похоже, прошлый раз оказал на тебя неизгладимое впечатление... А знаешь, покусай! – Он принял такой довольный вид, что я обреченно закатила глаза.

– О боги, ты неисправим. Все играешь в крутого мачо?

– Мачо?

– Ну, это те, кто настолько крут, что круче только яйца...

– Ну, радость моя, я не против, если ты лично проверишь крепость моих яиц.

– Пошляк, ко всему прочему! – выпалила я, отшатнувшись тянущего ко мне загибающие руки Скайшера.

– К красоте, уму и сексуальности...

– Нет, наглости и повышенному самомнению.

Нашу перепалку прервали Мансель с Харелем. Они подошли ко мне, бросив при этом осторожный взгляд на дракона, который сразу стал серьезным, буравя их злыми змеиными глазами. Теперь он от меня такие занимательные зрачки не прятал. Мансель начал первым, а Харель следил за выражением моего лица.

– Повелительница... – Ехидный смешок дракона. – Мы пойдем с вами, но сможем добраться только до границы со светлыми землями. Там мы покинем вас. – Я улыбнулась и согласно кивнула. Слова сейчас были излишни. Снова настороженно глянув на Скайшера, Мансель спросил: – Мы до завтра вам еще нужны?

Я удивилась вопросу, но отрицательно помотала головой, а эльфы, как

мне показалось, с тщательно скрываемым облегчением кивнули и ретировались со святой территории. Уж точно не грехи замаливать пошли или наставления искать, судя по четкому направлению к выходу и прямым напряженным спинам. Вот интересно, куда они так торопятся?

Скайшер отвлек меня от тревожных мыслей, подхватив под локоть, и повел в сторону зданий. О каждом боге или алтаре он рассказывал так красочно и интересно, что я, открыв рот, ловила каждое его слово. Мне никогда не рассказывали сказок или, точнее, я не помню, рассказывали ли мне их родители, а сейчас этот мужчина выполнил план по сказкам на годы вперед. В какой-то момент я сама взяла его за руку, и мы так и переходили от одного места к другому. Потом вышли в город, не обращая внимания на Сиурея и Филю, которые следовали за нами и охраняли мою скромную персону. И просто гуляли по улицам с забавными зданиями. Поглазели на ярмарку, поели сладких пирогов с ягодной начинкой, накормили Филю под насмешливые взгляды гоблина, который наблюдал за нами с загадочным выражением на зеленом лице.

Меня не смущали любопытные прохожие, я слушала тягучий хрипловатый голос и растворялась в нем. Забыла обо всем, кроме него и золотых глаз. Внезапно закралась мысль, что он меня приворожил, но решила быть с собой честной. Просто он мужчина с большой буквы.

Глава 20

Утро наступило слишком быстро, я совсем не выспалась, потому что мы поздно вернулись в гостиницу. Быстро перекусив, я пошла спать и, пока поднималась на второй этаж, спиной чувствовала горячий голодный взгляд Скайшера.

Сейчас же я уселась в кровати, пытаюсь проснуться, а рядом ворчал мархуз. Огляделась – Юми, скорее всего, в этой комнате не ночевала. Ах, ну да, вспомнила! Обряд! Она наверняка с Юдером. Но, заметив на второй кровати слишком большой отпечаток тела, озадачилась. Миниатюрной марханке он точно принадлежать не мог, а вот тот факт, что мой мархуз не пикнул и не рыкнул за всю ночь, подсказал, откуда ноги растут у этого отпечатка.

– Р-р-р, Скайшер, гад ползучий!

Быстро привела себя в порядок, слава богам, здесь, как и в Илисбурге, имелось нечто, похожее на душевую и унитаз, оделась, собрала свои пожитки и спустилась в столовую. Там меня уже ждал наглец в компании

Сиурея и Ксиона. Поздоровавшись с последними, села рядом со Скайшером и прошипела:

– Тайком пробрался ко мне...

– А ты правда думаешь, что я позволю своей избранной спать за стенкой вне моего поля зрения? Ты можешь играть и дальше в независимость, но о твоей безопасности я буду заботиться так, как считаю нужным.

Я задохнулась от твердости и незыблемости убеждения, что я его избранная, а так же от последовавшего «можешь играть.... И буквально выплюнула:

– Я прожила без тебя двадцать семь лет – и ничего, жива, как видишь. И в этом мире очутилась голая и босая посреди леса... – Перевела дыхание – а вот нечего меня постоянно опекать как малое дитя! И продолжила: – Не думай, что этот мир ласково встретил меня, и со змеем пришлось справиться, и с вампирами, в пути уже три недели и...

– И две недели я постоянно слежу за вами, начиная с секунды, как увидел тебя в Тизиулике.

А я умолкла, глядя на его потемневшее лицо и глаза, запывавшие расплавленным золотом.

– Значит, я не страдаю паранойей, и это твой взгляд все время ощущала?

– Хвала чистому небу, моя малышка не страдает головой...

Прищурившись, задумчиво на него посмотрела. Нам принесли еду, и все отвлеклись от столь трудного разговора. Но я заметила, как Ксион очень внимательно рассматривал столешницу, а Сиурей – окружающих, из чего сделала вывод, что напряжение между нами еще витает, и присутствующие не хотят провоцировать дракона на необдуманные поступки.

Я уже заканчивала завтракать, когда какое-то смутное чувство мазнуло по сердцу холодком. Без резких движений осмотрелась и увидела на парочку темных. Двое белокожих мужчин с темными длинными волосами сидели за самым дальним от нас столом, уставившись на меня. Они находились слишком далеко, чтобы точно определить, какие чувства их одолевали, но внезапно появившийся внутренний дискомфорт подсказал – ничего хорошего у них для меня не было. Я передернулась, и тут же услышала тихий вопрос:

– Что случилось?

Я только качнула головой, постаралась побыстрее завершить завтрак и отправиться в дорогу. С отрядом гоблинов мы прощались коротко, но мне было до боли жаль с ними расставаться, и они это отметили и оценили.

Каждый поклонился, прежде чем уйти. Юдера я обняла, как и Юми, которой подарила на свадьбу одно из украшений, преподнесенных мне в Илисвурге благодарными родителями тех, кому я помогла выйти из проклятого леса. А Мансель и Харель, подозрительно спокойные и довольные, отправились с нами.

Рельеф местности постепенно выравнивался, и все чаще стали появляться островки низкорослого леса. Филя бежал впереди, с радостной мордой встречая очередные признаки деревьев – ему явно надоели городские пейзажи. Впереди скользили жрецы, правда, теперь они были одеты в холщовые простые рубахи, подпоясанные толстыми ремнями, на которых крепилась куча колюще-режущего оружия, а за плечами у них болтались полупустые рюкзаки. Похоже, эти жрецы очень непритязательные ребята, в отличие от меня, обожающей комфорт и упорно нежелающей бросать хоть часть своих вещей на произвол судьбы. Детдомовские годы сказываются... В итоге, часть моей поклажи с легкостью тащил на себе Филя, а другая была приторочена к седлу Тихони.

Ксион ехал впереди и оживленно беседовал с одним из десяти жрецов, которые нас сопровождали. А светлые замыкали отряд и, как мне показалось, их словно вычеркнули из нашей чертовой дюжины. Марханы даже двигались так, чтобы между мной и светлыми все время находился кто-то из них. Яркие довольные всполохи золотых глаз подсказали мне, что дракон их весьма в этом поддерживает.

- Я думаю, надо остановиться, чтобы ты пообедала.
- Я ела пару часов назад. Ты меня на убой откармливаешь?
- Нет, просто вижу, как ты выматываешься и хочу...
- Скай, я знаю тебя меньше недели, а ты уже ведешь себя как тиран!
- Ты не права, малышка!
- Хорошо, две.
- Гораздо дольше. – Его голос прозвучал странно отстраненно.
- О чем ты говоришь? Мы встретились в Тизиулике и...
- Души драконов после смерти возрождаются вновь драконами, и никем иным.
- Даже полукровки?
- Чтобы родиться драконом, надо принять его душу, а не только его сущность.

– Я не совсем понимаю, к чему ты ведешь.

– Я не веду, я говорю прямо. Избранная не появляется из ниоткуда, единственная моя. Наши души навечно связаны, и каждый раз возрождаясь в новом теле, мы просто ждем друг друга в очередной жизни. Зачастую ждать приходится очень, очень долго...

– А как же зеленые и тем более черные драконы?

Скайшер потемнел, всматриваясь вдаль.

– Знаешь, почему не все твои соплеменники одобряют связи с зелеными самками? – Я отрицательно помотала головой, а он продолжил: – Черные бездушны, а у зеленых лишь ее кусочек, но они истинные животные. Лишь те драконы, которые обретают вторую сущность, имеют полноценную душу. Те, кто не сумел, не выдержал и оброс скорлупой в утробе матери, теряют и душу. Она идет на второй виток ожидания достойнейшего и сильнейшего. А остальным приходится ждать возвращения своей половинки, ждать и надеяться на невероятную удачу и счастье обретения, новую встречу...

Мне в глаза заглянули два золотых скорбных омуты, и хрипловатый голос пояснил:

– Я ждал тебя пять тысяч лет, любимая, так долго, что уже потерял счет времени и связь с реальностью. – Потом он резко отвернулся и безэмоционально продолжил: – Вот поэтому твои красные соплеменники и делятся на два лагеря: одни готовы закрыть на это глаза, другие не могут смириться и пойти на связь с животным, у кого лишь частичка души – ее пародия.

– А вы... золотые... бывает, что и вы с зелеными... хм-м-м, ну это...

– Тупое спаривание возможно, когда припечет, конечно, а дети у нас рождаются только от полноценных драконов. Ты думаешь, почему золотых осталось так мало?

– Мало? Я думала ты один.

Скайшер усмехнулся и, подведя Серого вплотную к Тихоне, тихо сказал, при этом запуская свою пятерню мне в волосы и обхватывая затылок:

– Нас немного, по моим последним данным драконов десять осталось, но тебя я им представлю только после единения и спаривания. А еще лучше, когда ты понесешь от меня... Во второй раз!

«Хорошенькое дело – без меня, меня женили», – чуть не рявкнула я, но захлебнулась собственным негодованием. Затрудняюсь сказать какой вид у меня стал, но его физиономия довольно засветилась с наиграно недоуменным поднятием бровей в стиле: «Что это с вами, мадам?»

Я освободилась из его рук, но со страхом поняла, что делаю это неохотно, лишь бы досадить. Даже отвечать на его наглое заявление не стала, все равно проиграю. Но потом все же не удержалась:

– А ты не рассыплешься от старости... В свои-то пять тысяч лет потомством обзаводиться?

– Я же тебе уже предлагал проверить на крепость, как всего меня, так и мои яй...

– О, все-все, поняла, продолжать не стоит.

Я поджала губы от очередной насмешки, чувствуя, как мое лицо заливают краска стыда и смущения. Не знаю, чего больше... Эх, это в прошлой жизни среди людей я была самостоятельной, даже солидной и самодостаточной дамочкой, а здесь, действительно, избалованная девочка среди умудренных жизненным опытом мужчин и Юми в качестве няньки.

Еще час езды в полнейшем молчании – и каждый из нас заметил, как Дрив поцеловал Лайванос и сливается с Суаром, рисуя ему привычную красную корону. Жрец по имени Дезей, который встречал нас в обители, объявил привал возле узкого стремительного ручья на небольшой полянке. После вчерашних долгих прогулок и пути, который мы сегодня преодолели, ноги гудели, поэтому на землю я опускалась медленно, морщась от неприятных ощущений.

Мою талию обхватили большие сильные ладони, и я повисла на руках Скайшера, хватаясь за его плечи. Он прижал меня к себе, в очередной раз глубоко вдыхая мой запах, и это уже не пугало и не раздражало. Мои ладони скользнули по черному палантину, покрывавшего его голову, и немного натянули тонкую ткань, складками свисающую на груди и спине.

– Зачем ты его носишь?

Скайшер не торопился выпускать меня из объятий, так и прижимая к себе. Вглядевшись в мои глаза, медленно, неохотно ответил:

– Лишнее внимание мне ни к чему, родная! Если только твое, но не окружающих...

– Сними его! Для меня! – Я кокетливо поджала губки и с улыбкой посмотрела на мужчину.

– Сниму, когда примешь меня как избранного. – Ровный тон Скайшера слегка задел – моей игры он не принял и на предложение не откликнулся.

– Ты под ним такой страшный или такой красивый? – Мое подначивание тоже не подействовало, он только пожал мощными плечами, от чего мои руки приподнялись вслед за ними, а я ощутила игру стальных мускулов.

– Узнаешь в любом случае, но когда я сказал, и никак иначе.

– Любишь всегда быть наверху?

– Ну что ты... под тебя готов лечь хоть сейчас! – Я вновь вспыхнула от его двусмысленного замечания, ей-богу, как невинный ребенок, а не бизнес-леди, что одним взглядом мужчин и женщин ставила на место.

А он, заметив это, еще крепче прижал к себе и, наклонившись, провел носом по моему виску, потом медленно, со вкусом прошелся языком от подбородка до виска, а заодно и по моему эльфийскому уху.

Внутри все затрепетало от возбуждения и неуверенности в себе. Слишком сильный и своевольный, он однозначно привык все контролировать. И меня в том числе. А я не готова отдать контроль над моей жизнью кому-то другому и не знаю, смогу ли когда-нибудь. Я привыкла всегда и во всем полагаться только на себя, а с этим мужчиной так не получится. Резко посмотрела на него и заметила выражение невыразимого удовольствия, которое он не успел стереть или спрятать от меня. Как и тот золотой дракон, он так же закатил глаза и пребывал в нирване, держа меня в объятиях и уткнувшись в мое ухо носом. Хм-м-м, потрясающе...

Двинула Скайшера локтем в ребра, разом вернув его в этот бранный мир, а затем высвободилась. Снова последовал недовольный яростный взгляд, как будто любимую игрушку отобрала. Я уже готова была повернуться и пойти заняться приготовлением ко сну, как он остановил меня:

– Поедим и потом летаем!

– В каком смысле «летаем»? – Я недоуменно уставилась на него.

– А что, ты уже так хорошо летаешь, и учиться больше не надо? Сможешь поднять мархуза? Или кого-то из спутников и при этом не убиться сама? – Отметив мое отрицательное покачивание головой, он закончил: – Значит, будешь учиться, мой маленький колющий дракончик! Это поможет в будущем, возможно, не столько тебе, сколько твоим спутникам.

С этим не поспоришь, но летать сегодня...

– Скай, у меня после вчерашнего все болит. Можно, я завтра начну?

Дракон быстро шагнул ко мне, вновь прижимаясь всем телом и захватывая мои локти, а потом тихо, так, чтобы слышала только я, произнес:

– Мне дико нравится, как ты сократила мое имя. До тебя этого не делал никто! Только ты, это имя только для тебя, избранная! За это я отсрочу тренировку на сутки, но завтра – без отговорок.

Мы молча стояли, выпивая друг друга взглядом, а я удивлялась, как он

это делает? Быстро и полностью забирает мою душу себе? От этой мысли даже страшно стало. Он тут же нахмурился, свел золотистые брови к тонкой переносице и яростно раздувал крылья носа. Тонкие губы подергивались, пока он выдавливал из себя:

– Ты боишься? Меня? Ты никогда не должна меня бояться, я ни за что не причиню тебе вред и не сделаю больно!

Мотнула головой, пряча страх, и все же честно ответила:

– Я себя испугалась, дракон, не тебя!

У меня сложилось ощущение, что сильно натянутая струна внутри него резко ослабла, потому что он скользнул по моей руке вверх, глядя ладонью.

– Все готово! Может, вы все же отвлечетесь и поужинаете...

Скайшер посмотрел на Ксиона, светлых и жрецов, которые, как оказалось, с большим удовольствием наблюдали за нами. Причем Харель одобрительно хмыкнул, а вот Мансель явно переживает за своего братца, так он помрачнел. Скайшер подвел меня к костру и, усадив на бревнышко, обратился к Ксиону:

– Мне нужно ненадолго отлучиться. Ты отвечаешь за ее безопасность головой, шаман, и не только своей, но и всей своей пополнившейся семьи... Ты меня понял?

Ксион побледнел, вернее, поглубел и лишь кивнул. Скайшер же, взглянув на остальных, быстро ушел в подлесок. Уже через пару мгновений с той стороны я почувствовала всплеск магии, затем услышала шум крыльев и треск ломаемых веток. Огромная тень пронеслась так быстро, что я не успела за ней проследить.

Странное дело, когда он улетел, я сразу почувствовала себя неуютно и одиноко. Дезей поднес мне тарелку с едой и чашку с горячим напитком, заставив удивиться их проворности в приготовлении пищи... Или мы так долго с драконом «прощупывали» друг друга? Едва закончила есть, как жрец обратился ко мне, при этом остальные наострили ушки, особенно светлые.

– Расскажите, госпожа, как вы познакомились с магом Камосом?

Я помялась, потом бросила короткий взгляд на Манселя и Хареля и ответила:

– Простите, но я вам потом расскажу, а сейчас я очень устала и хотела бы отдохнуть.

Светлые нахмурились, откровенно гадая, что я от них утаила, марханы поняли мое нежелание говорить прямо сейчас и без суеты приготовили лагерь для ночевки. Теперь я лежала на коврике, укрывшись небольшим

походным одеялом, а остальные расположились вокруг меня. Весьма надежная защита, тем более Филя, вернувшийся сытым с охоты, как обычно, устроился рядом, прикрывая мою спину от ночного холода.

Кто-то своим неожиданным появлением разворошил мои сны и спутал их. Сквозь сон услышала треск поленьев в костре и разливающееся вокруг напряжение, а потом меня прижали лицом к горячей груди. Желание вырваться из неожиданного захвата, совсем распрощавшись со сном, испарилось, когда знакомый и странно родной запах укутал словно одеялом. Я расслабилась в теплых руках. Погружаясь в новый сон, поерзала, устраиваясь поудобнее на широкой груди, отчего под своим ухом услышала довольный рокот, и эти уже необходимые мне руки только крепче прижали к пышущему жаром телу. Телу Скайшера!

Глава 21

Я проснулась, резко открыв глаза и прислушавшись к своему бьющемуся сердцу. Прохлада наступающего утра, проникшая под одежду, заставила быстро прийти в себя. Я села и, оглядевшись, заметила, что лагерь уже проснулся, только мархуз дрыхнет, зарывшись в мое одеяло, и безмятежно сопит оттуда, иногда подергивая лапами.

Кивком поздоровавшись со всеми, я с неудовольствием отметила отсутствие своего дракона. С неудовольствием, потому что вдовесок испытала разочарование и холод. Всю ночь он обогревал меня лучше всякой грелки и, по ощущению, покинул меня недавно.

Я вытряхнула из рюкзака туалетные принадлежности и в сырой дымке подкрадывающегося рассвета отправилась умыться и приводить себя в порядок. Заплетая косы, я заметила серый просвет между деревьями и решила пройтись и окончательно избавиться не столько от сна, сколько от грез об одном слишком привлекательном драконе.

Положив ладонь на шершавый ствол дерева, подняла взор от земли и восхищенно выдохнула. Впереди была небольшая полянка, усыпанная яркими просыпающимися цветами. Задрала голову и едва не вскрикнула от восторга. Еще серое небо было покрыто пылинками звезд, а Дрив медленно заступал на свою вахту, отнимая красную корону у Суара и возвращая ему первоначальный голубовато-розовый цвет.

Легкий ветерок трепал мои выбившиеся из кос волосы и ветки деревьев. Все вокруг просыпалось навстречу новому дню. Ночной сумрак живым покрывалом словно осязаемо опускался, а сверху на него наступал

яркий прозрачный свет Дрива. Завороженная этой красотой, протянула ладони и словно прозрачную розоватую патоку собирала рассвет под шелест ветра, разносящего аромат распускающихся цветов.

Я отрешилась от всего, наблюдая, как пробуждается Лайванос, но краешком сознания все же уловила приближение Скайшера. Я не почувствовала его запах или звук шагов, просто в какой-то момент моя душа подсказала, он здесь и стоит сзади. Мгновение – и мужские ладони лодочкой подхватили мои, а его тело прижалось к спине. Подбородок лег на мою макушку, и мы какое-то время стояли вот так, наслаждаясь друг другом и началом утра.

Последние капли рассвета соскользнули с моих ладоней, я уже хотела разорвать наш контакт и опустить руки, но мужчина не дал мне этого сделать. Приложив небольшое усилие, сграбастал мои ладошки и, накрыв их своими, скрестил руки и прижал еще сильнее, словно спеленав собою. Чувствуя, как нечто твердое все сильнее упирается мне в поясницу, увеличиваясь в размерах, хрипло прошептала:

– Нам пора возвращаться!

– Да! Но не хочу... не могу выпустить тебя!

Не смогла удержаться и спросила, не двигаясь:

– Где ты вчера был?

Казалось бы, еще больше и ближе невозможно прикинуться, но после моего вопроса он расслабился и, буквально обтекая меня со всех сторон, произнес:

– Я рад, что без меня тебе уже неуютно, значит, наша связь усиливается. Огонек мой, я, хм-м-м, золотой, и привязка идет полным ходом. Мне необходимо сбросить напряжение, иначе ты станешь моей без твоего согласия. – Он почувствовал, как я насторожилась, поэтому, зарывшись в мои волосы на макушке, игриво поводит носом и продолжил: – Не волнуйся, Алев, мне помогает охота. Пока! За этим и покинул тебя ненадолго. И еда свежая, и пар выпустил... Но советую быстрее привыкать ко мне и, вообще, к мысли, что я твой избранный...

Я вырвалась из его рук и, пыхтя слово ежик, двинула в лагерь.

– Не в ту сторону идешь, любимая...

– Не смей меня так называть! Ты явно не знаком с истинным значением этого слова.

– А ты знакома, чтобы судить?!

Я резко развернулась и зло уставилась на него. Скайшер стоял, расставив ноги и сложив руки на груди. Ветер шевелил на его голове черный палантин. Потрясающее зрелище – он сейчас походил на ангела

мести или что-то необъяснимое, страшное и опасное, но я была абсолютно уверена – мне его бояться не следует.

– Я видела, как горят глаза дракона, когда он смотрит на свою избранную, как светится его лицо...

– Но ты точно не знаешь, как твой отец добился твоей матери.

Я застыла, услышав его мрачный комментарий. Как он, вообще, догадался, что сейчас я говорила о родителях...

– Девочка, ты росла не в этом мире и только начинаешь жить... Драконы не люди и даже не эльфы, они не умеют и не будут действовать, как другие. Мы живем по иным законам, а они очень далеки от общепринятых. И любовь у нас другая. Да, возможно, она эгоистичная и немного деспотичная... Просто я теперь не могу даже представить свою жизнь без тебя. Твой аромат – это мой воздух, твое тело – это живительные лучи Дрива, без которого вся жизнь на Лайваносе прекратит существование, ты... ты – моя необходимость... нужда... Ты теперь моя жизнь, Алев, и этого уже не изменить! Никому! Любой из нас, драконов, сделает все возможное, чтобы обрести и присвоить свою избранную. Похитит, спрячет, отвоюет, убьет за нее любого, независимо от последствий... Мы не люди, Алев. Мы – драконы! И живем по своим законам! Я принял во внимание твое происхождение и образ жизни, не давлению на тебя. Не заявил свое право сразу, как встретил, а слежу и... защищаю от других, даю возможность привыкнуть ко мне, принять добровольно. Не хочу сломать, а пытаюсь завоевать тебя, но, поверь, я знаю, что такое любовь. Знаю, что значит быть одержимым любовью и своей женщиной, что значит найти, наконец, свою избранную.

– Ты не давишь?! Да ты танком напролом прешь и все время насмехаешься...

Скайшеррезко рванул ко мне и обнял, большой рукой притянув мою голову к груди, поглаживая и успокаивая, затем хрипло прошептал:

– Я пытался тебя зацепить хоть таким способом, заинтересовать, а ты холодная, недоступная и всех держишь на расстоянии. А мне необходимо было заставить тебя реагировать на меня любым путем. Прости, если обидел. Мой самый сладкий светлый сон, моя сказка, в которую я уже перестал верить... А что такое танк?

– Огромная, тяжелая, металлическая машина. Под него попадешь – живым не останешься!

– Алев, когда ты попадешь под меня, поверь, я сделаю все возможное, чтобы ты почувствовала себя живой как никогда...

– Клянусь звездами, ты самый большой пошляк, которых я встречала!

– Нет, просто это пока слишком занимает голову и не дает спокойно мыслить и... жить. Хочу тебя, Алев, так сильно, что болит все тело.

– Может подлечить? Так я... – ехидно пробурчала, пытаясь вытащить голову из черных складок палантина.

Мой сарказм и ехидство утонули в смущении и горячей лавине стыда и... желания, когда он перехватил мою ладонь и приложил ее к своему паху. Накрыл и, удерживая своей, прижал, заставляя прочувствовать все его самые твердые намерения и горячее желание подлечиться. Бугор под моей ладонью неожиданно дернулся, потом еще раз, и Скайшер сдавленно застонал, прижимая своей рукой мою и начиная ими двигать вверх-вниз. Другая рука зарылась в мои волосы на затылке и приподняла голову, заставляя смотреть в его затуманенные страстью глаза, а потом он склонился надо мной и начал усиленно вылизывать мое лицо, подбираясь к губам. Рука уже довольно сильно двигала мою ладонь по его... бугру. А я так и стояла, как дура, в нерешительности, сгорая от ответного желания. Наконец, его губы добрались до моих и накрыли, выпивая мой вздох.

Он смял мои губы, прикусил более полную верхнюю, тут же зализал, а потом его язык ворвался в рот и хозяином прошелся по небу, зубам, обвинил мой язык и погладил его. Я застонала, вставая на цыпочки и принимая ближе, наши руки двигались в унисон, без всякого давления со стороны Скайшера – я уже сама хотела доставить ему удовольствие. Я горела – пламя, оглушая, стремительно понеслось по моей крови, стонала в голос, принимая свое полное поражение и отдаваясь его рукам.

Он неожиданно резко отскочил, глаза его горели безумным пламенем, кожа золотилась, а брови сверкали чистейшим золотом. Он окинул меня жутким, жадным, голодным взглядом, и буквально через мгновение немного в стороне от меня выросла машина. Золотой дракон ракетой устремился в небо, с огромной силой оттолкнувшись от земли, чтобы не задеть меня. А я застыла одинокой фигуркой, неудовлетворенно обнимая свое трепещущее, жаждущее его страсти тело. Зар-р-р-раза!

Рассветное небо огласил жуткий, трубный, драконий рев и, судя по интонациям, недовольный. Хотя это меня примирило с его бегством, а я поняла, зачем он так поступил сейчас. Похоже, опять контроль потерял и побоялся меня отпугнуть...

Руки скользнули вдоль тела, и, хотя я еще дрожала от волнения, испытанных эмоций и от неудовлетворенного сексуального возбуждения, моя счастливая моська задралась вверх, и, уверена, в глазах появилось удовольствие. Ведь мой дракон прав, к такой страсти надо постепенно готовиться, а то убьет ненароком от интенсивности счастья-то...

Развернулась и, чуть ли не насвистывая, пошла в сторону лагеря. И вдруг меня осенило – возможно, с трудом, шаг за шагом и не так быстро, как ему хотелось бы, но я иду к нему. Прокладываю дорожку от своего сердца к сердцу Скайшера.

К лагерю вышла для себя неожиданно и сразу заметила, как весь отряд внимательно уставился на меня. Мансель совсем смурной от мрачных подозрений, Харель слишком уж бесстрастный, зато все марханы глазели с большим любопытством и оценивающе. Дезей же, медленно скользнув ко мне, глубоко вдохнул, а потом с легкой безобидной насмешкой произнес:

– Я впервые наблюдаю за брачными играми драконов. Очень интересное зрелище. У тебя мудрый мужчина и сильный, раз смог остановиться на таком этапе. Хотя вашу связь он очень упрочил, значит, ты тоже не против.

– От вашего всевидящего ока, я смотрю, ничего не укроется... – Мой саркастический тон прорезался скорее из-за смущения и слишком пристального внимания.

– Я не всевидящий, – поспешил продолжить Дезей, – но я шаман и вижу, что еще немного, и ты потеряешь свою свободу.

– А что есть истинная свобода, Дезей? Разве вы ее где-нибудь встречали? Даже духи не свободны, что уж говорить про живых.

– Ты не истинная драконица, Алев, они совершенно другие. Хотя я и нечасто встречал их на своем пути, но они другие. Более сильные, более отстраненные, и, как это ни странно звучит про ваше племя, более холодные. В твоей же крови буквально кипит огонь, и от этого ты слабее их. Я вижу, твой дракон лишь за это утро привязал тебя сильнее, чем большинство могут неделями брачных танцев. Он любым касанием, словом и делом связывает тебя, лишает свободы, опутывает собой и забирает право выбора. Рождает зависимость... от него. Он вплетает свою ауру в твою, и я вижу, что до полного слияния осталось совсем чуть-чуть, затем ты растворись в нем и его огне. Ваш огонь объединяется как пожары в лесах, и ничто не сможет его потушить, кроме высшей силы. Ты потеряешь себя, Алев, если полностью отдашь себя золотому.

Я молчала, с опаской слушая жреца, потом сбросила это наваждение и тихо ответила:

– А вполне возможно, Дезей, я не потеряю себя, а обрету что-то новое и прекрасное... Любовь, быть может...

Сглотнула, увлажняя сухое от волнения горло, и закончила более уверенно, почувствовав, как в ладонь ткнулся носом Филя, решивший меня морально поддержать.

– Я не верю ни во что, Дезей, кроме одного... Я верю, что любовь побеждает все: пространство, время и любые невзгоды. Она соединяет навеки, и даже когда окружает тьма, дарит необходимый лучик света, чтобы найти путь или помочь справиться с болью и одиночеством. Я верю в любовь, потому что мои родители показали мне ее и умерли за нее. Дезей, если я откажусь от любви и потеряю веру в нее, тогда предам своих близких, которые отдали за меня свою жизнь.

– Ты любишь, Алев?

– Я иду к этому, Дезей, и очень близка.

– Я благодарен и уважаю искренность, но, ответь, ты сможешь закончить начатое? Пойдешь до конца, даже если золотой позовет за собой? Сможешь сказать да, если он скажет тебе нет, потому что дальше идти опасно для жизни?

– Значит, весь этот разговор – лишь прелюдия к главному вопросу, Дезей? Смогу ли я дойти до конца, невзирая ни на что?

– Драконица, завтра ты увидишь, почему сегодня я веду этот разговор. Поймешь! Мой народ вымирает и утрачивает все с каждым прожитым годом, это проклятье высасывает из нас все силы. Грань расширяется и приближается, впитывая все новые земли. И марханов, и светлых, а возможно, и любые другие... Территория Тьмы уже слишком подобралась к Эйнере, за последние полсотни лет недвижимость в городе подешевела в два раза, и никто не селится здесь вновь, лишь покидают давно обжитые земли. Все боятся!

Мы пять сотен лет ждем обратно свою реликвию, ищем ее по всему свету... Безрезультатно. Светлые не приносят потомства, но они живут долго, у них есть время ждать, у нас – нет. Последний оплот государства марханов Эйнере скоро поглотит Тьма, и мы утратим последнее, что имеем. И тут появляешься ты... Никто, кроме грабителей, не знает, как выглядит наша реликвия, никто из чужаков не видел Сердце Марханов ни разу, но ты знаешь, как оно выглядит. Из-за своего возраста и того, что ты полукровка темной и дракона, возможно, к грабителям отношения не имеешь, но корона светлых на голове заставляет нас нервничать и сомневаться... А уж золотой, установивший с тобой связь, совсем ни в какие разумные рамки не вписывается. Прости, госпожа, ты или одна сплошная проблема, или загадочный уникум, но я надеюсь, что ты – невероятная удача или прощение, посланное нам Высшими. Для всех!

Снова мои глаза напоминали суповые тарелки, и я толком не понимала, то ли меня сейчас похвалили, то ли опустили ниже плинтуса... И теперь мне спасибо говорить или послать подальше...

– Так как, рожденная огнем, пойдешь ли ты до конца?

Только открыла рот, чтобы закончить столь важный разговор, но почувствовала присутствие Скайшера, моя душа потянулась к его за теплом, и я это отчетливо осознала. Вслед за этим над нами блеснула золотая молния, которая, подняв тучу пыли и листьев и заставив всех зажмуриться от ветра, приземлилась в виде потрясающего в своей красоте и мощи золотого дракона. Уже через секунду к нам размашисто и твердо шел Скайшер, а у меня перехватило дыхание от его вида. Я уже даже к этому чертову черному палантину привыкла, но его грация хищника, мощь и внутренняя сила, которая, казалось, выплескивается через край, перевешивала любые внешние достоинства. Ур-р-р, мой дракон!

Он поймал мой янтарный взгляд своим золотым. Добрался до меня и, не заморачиваясь разрешениями или приличиями, прилип к моей спине, обхватил руками и с шумом зарылся в волосы на макушке. При этом еще умудрившись отодвинуть недовольно ворчащего мархуза. Я же, вспомнив его утренние пояснения о причине ночной вылазки, с притворно невинным видом поинтересовалась:

– Как охота прошла?

Шумный вдох и хриплый голос возле уха:

– Боюсь тебя напугать, но скоро ни одна охота не спасет, надо заканчивать с этим твоим мероприятием.

Я напряглась, марханы поголубели, учитывая наш еще так и неоконченный разговор, а светлые застыли памятниками. Комедия Гоголя «Ревизор», действие пятое, немая сцена в лучших традициях. Золотой еще сильнее сжал меня, словно защищая от всех, а потом я заметила, как по очереди замирают марханы. Мне не было видно, что творится позади, но, похоже, дракон обводил каждого золотым сканирующим взглядом...

– Ну и что вы тут решили, пока меня не было?

Его ледяной тон даже меня до костей пробрал, что уж говорить об остальных. Но жрецы – молодцы, они лишь слегка вздрогнули, остальные сделали шаг назад. Я же – ой-ой-ой, глупая, – решила невовремя пошутить:

– Решили, ты плохо на меня влияешь, свободой завлекали, но не поддалась я им... – Послышался глухой яростный рокот в груди, и стальные руки стиснули так, что весь воздух из груди вышибли. Мысленно отвечаю себе подзатыльник и из последних сил сиплю, вцепившись когтями в его руку, отвлекая внимание от совсем бледно-голубых марханов и посеревших светлых: – Да пошутила я, ты мне сейчас ребра ломаешь, дракон спятивший...

Скайшер ослабил хватку и произнес:

– Плохая шутка, любимая... для твоих спутников. Если они тебе еще нужны, больше так не шути.

Затем прошелся языком по моему уху и скуле, вновь начиная дрожать всем телом, а заодно и я туда же. А после этой, наверное, уже любимой процедуры он вновь жестко заговорил:

– Я сказал пора заканчивать с этим делом, имея в виду, что в наших общих интересах поторопиться к конечной цели нашего путешествия. – Последовала небольшая заминка, которая, тем не менее, позволила всем марханам облегченно выдохнуть, и презрительное окончание: – Моей избранной важно закончить ее дело и отдать долги учителю. Я помогу, чтобы ее душа была спокойна, а сердце счастливо. Пока мой интерес совпадает с вашим.

После этого мы занялись сборами и завтраком, но не только Дезей заметил изменения в наших отношениях с драконом. Теперь этот тиран постоянно отирался возле меня, касаясь, трогая и притягивая к себе хоть на мгновение. Сначала я дергалась, а потом даже привыкла. Поехали мы рядом и разговаривали обо всем. Выяснила, что его родители – оба золотых – погибли жутким образом. Мать поймали люди и растерзали на части, пока отец караулил их детеныша Скайшера, давая своей самке время поохотиться. Но ее смерть он прочувствовал, и сам погиб от тоски, с трудом дождавшись, пока его сын совершит свой первый вылет из гнезда. После этого я оказалась сидящей на коленях Скайшера, вторым седоком на бедняге Сером. Поплакала о его родителях и одиноком детстве, уткнувшись ему в грудь, а потом поняла, какое охраняемое будущее ждет меня... Да тут, похоже, речь идет даже не о свободе, а о разрешении на любой шаг в сторону. И ожидает меня...

– А кстати, что меня ожидает? – произнесла я вслух.

– В каком смысле, любимая?

– Ну, что будет после проклятого города?

– Я покажу тебе наше гнездо!

– А оно далеко от дедушкиного? – озаботилась я.

– Порталом всего один шаг!

– Понятно... значит без портала за тридевять земель...

– Любимая, я не очень жалую соседей... И гостей тоже!

– Мой дед не гость... он – мой дед! И имеет право летать к нам без приглашения! – Уж лучше сразу решить все остро стоящие вопросы.

Сначала Скайшер нахмурился, готовясь возразить, а потом расплылся в довольной хищной ухмылке. Змей!

– К нам в гости... Конечно, может летать! Сладкая моя, я счастлив, что

ты уже ассоциируешь себя с нами!

– Помнится, ты обещал деду еще кое-что, – припомнила я, уточнив: – Ну, мне же нужно наблюдать за самками красных.

– Я учту это, как обещал.

Прикусила нижнюю губу от легкого раздражения на себя... Ну, никакой самостоятельности, уверенности и твердости. Этот гад все время поступает, как ему вздумается и верховодит.

– Я еще ничего не решила, Скай...

– Хорошо, мы обсудим желание Санренера чуть позже.

– Я не об этом, и ты прекрасно меня понял!

Глаза вспыхнули гневом, который, впрочем, тут же растаял, когда он заглянул в мои неуверенные.

– Не бойся, Огонек, я сделаю тебя счастливой! Я рожден для этого и приложу все усилия.

– Тогда просто не дави на меня, дай хотя бы привыкнуть...

Золотистая кожа потемнела, а взгляд потускнел, но дракон лишь согласно кивнул. До вечера он поддерживал со мной разговор о других расах и смешных случаях из его долгой жизни, а я мотала все на ус и от души хохотала над самыми забавными историями. Во время таких моментов он весь словно светился, а у меня щемило сердце.

С наступлением сумерек он соскользнул на землю и уже привычно подошел, чтобы подхватить меня, пока я слезала с Тихони и потискать своими лапищами. После сытного ужина Сайшер встал, поднял меня и приказным тоном выдал:

– Сейчас полеты!

Наши спутники разом вскочили, забыв об ужине. Я их хорошо понимала, летать они не умеют, и если золотой решит умыкнуть меня потихому, вряд ли кто ему помешает и, уж тем более, догонят.

– А вы расслабьтесь, если бы я решил ее забрать, тайным побегом бы точно не озадачивался!

Скайшер больше не произнес ни слова и, надо отметить, что даже брошенные презрительно слова успокоили народ, и все кроме Манселя тут же занялись своими делами. Светлый так ненавидяще сверлил спину дракона, что у меня по спине даже пробежалась волна дрожи. Я догнала дракона у кромки прогалины, возле которой начинался лес. Он неожиданно подхватил меня на руки и пошел дальше, раздвигая локтями ветки.

– Я, когда подлетал, заметил неподалеку полянку, так что место для оборота и взлета у тебя будет свободное. Не хочу, чтобы ты поранилась ненароком.

Я уютно устроилась у него на руках и обнимала за шею. И пока Скайшер шел, я рассматривала его лицо. Благо и эльфы, и драконы неплохо видят в сумерках. На первый взгляд чересчур суровое и жесткое лицо, и лишь яркие золотые глаза оживляли его. Но стоило ему взглянуть на меня, как резкие черты смягчались и оживали, дыша удовольствием и теплом, и даже когда он злился или насмехался надо мной, бесстрастная маска исчезала.

Я не удержалась и положила ладонь ему на щеку, чтобы просто ощутить под своей рукой его кожу со светлой щетиной. Вспомнились слова жреца о зависимости. Я нахмурилась от того, что действительно сейчас ощутила не просто желание дотронуться, а именно потребность в этом прикосновении. Испытывая тревогу, спросила хрипловатым от волнения голосом:

– Если все случится, как ты хочешь и планируешь, что будет дальше? С нами?

Придерживая одной рукой, Скайшер осторожно спустил меня вдоль своего тела, а другой – накрыл мою ладонь, так и лежащую на его щеке. Согрел горячим взглядом и слегка передвинул ладонь. Она сначала нежно коснулась его губы, вызвав во мне трепет, затем он лизнул ее языком, прикусил и снова лизнул. Томление разливалось по всему телу, и я не спешила отрывать руку, скорее, как привязанная медленно тянулась к нему. Пламенная коса скользнула по сгибу руки и упала ему на грудь, а я положила голову ему на плечо. Голос Скайшера был скованным от сдерживаемых эмоций и звучал глухо из-под моей ладони, потому что он так и не отнял ее от лица.

– Тогда хотя бы в этой жизни, я буду счастлив... мы будем счастливы! Всегда и везде будем вместе. У нас будет семья, дети... Светлое счастливое будущее.

– У тебя и без меня было будущее.

– Нет, любимая, без тебя у меня было лишь бессмысленное существование, а сейчас начинается жизнь. Всю свою жизнь драконы готовятся к встрече с избранной. Ждут и готовятся, и лишь надеются, что судьба подарит им жизнь с любимой. Огонь в наших жилах выжигает все живое, пока не обретет пару и не успокоится, направив свое тепло на созидание, на формирование новой жизни, и только ты можешь успокоить мой огонь, сделать меня живым, Алев.

– Да, но чем я буду заниматься? Не все же время в твоём гнезде сидеть...

– Ну, можешь и к деду в гости летать... изредка... раз в год, думаю,

достаточно. – Что-то озорное мелькнуло в его глазах, или мне показалось.

– Ты шутишь?

– Нет, любимая, просто мое терпение не безгранично, и один раз в год я еще смогу пережить похотливые взгляды на тебя других драконов, а чаще – вряд ли.

Ну и как это понимать?

– А если я захочу открыть, например, свое дело в каком-нибудь городе?

Лицо дракона потемнело, глаза сощурились, а по мышцам словно пробежалась волна. И какая же мысль ему пришла в голову?

– Ну, хочешь, значит откроем. Я не против, если твоя деятельность не помешает нашей семье, – не то успокоил, не то бдительность притупил.

– Вот что-то мне подсказывает, ей помешает любая моя деятельность... вне гнезда.

Мой ироничный тон не остался незамеченным, но Скай лишь пожал плечами и отвернул свою наглую тиранскую физиономию.

– Мы пришли, любимая!

Меня с неохотой отстранили, при этом его рука опять скользнула по моим ягодицам, слегка помяв их. Раздался тяжелый неудовлетворенный вздох, затем последовало серьезное:

– Запомни, малышка, делай как я показываю и не переживай, сегодня своей тебя делать не буду, так что расслабься.

Я с подозрением покосилась на Ская, но он, как ни в чем не бывало, развернулся и отошел чуть дальше. Миг, и передо мной пускает огненные пузыри из больших носовых щелей золотой дракон. Прежде чем оборачиваться, я с опаской подошла ближе, чувствуя себя неуверенно перед этим огромным существом, но уж очень хотелось потрогать великолепное сверкающее чудо природы. Стоило мне приблизиться, чудовище вытянуло длиннющий язык и лизнуло так, что хоть выжимай рубашку. Шлепнула его по морде, а потом погладила по яркой, сияющей даже в сумерках чешуе. Хм-м-м, она только на вид гладкая, а на ощупь весьма шершавая.

– Если у меня такая же шершавая чешуя, то для меня загадка, как ты в прошлый раз свой язык до дыр не стер, вылизывая?

Резкое покашливание и громкое насмешливое фырканье, от чего язычки пламени вырвались из его ноздрей. Я даже отскочила на пару шагов с воплем.

– Эй, поосторожней! Тебе жена прожаренная нужна что ли?

Длинный остроконечный хвост стремительно метнулся ко мне, обвивая от ступней до талии, а затем этот наглый дракон снова начал меня

облизывать, довольно закатив глаза.

– Скай, я сейчас разозлюсь, и тогда твоему языку не поздоровится.

Последовал раздраженный взгляд дракона, а потом его язык и хвост неохотно и медленно освободили меня. Еще раз потрогав его великолепную чешую, отошла от него подальше и обернулась. Пока настраивала зрение и привыкала к новым размерам, топчась на месте, ко мне скользнула туша золотого. И снова излюбленная драконья ласка и флиртующее рокошующее воркование. Прямо как брачные игры голубей, когда самцы распускают оперение и воркуют, танцуя перед самками. Даже хрюкнула огнем от смеха, привлекая внимание Ская, который отвлекся от моей шеи и пару секунд рассматривал собственническим взглядом. Затем продемонстрировал стремительность и ловкость в управлении столь крупным телом, не то, что я, неуклюжая и неповоротливая, даже будучи в два раза меньше его. Он снова оказался позади меня, как и в тот злополучный раз и навис надо мной, заглядывая в морду сверху.

Испугавшись, прижалась к земле, пытаюсь подтянуть хвост и прикрыть им все самое важное. Снова послышался насмешливый рык, а затем он накрыл мои крылья своими и попытался их поворачивать в разные стороны. Я, наконец, поняла смысл его действий и, приободрившись, встала, полностью расправила крылья и позволила начать обучение. Не меньше получаса он показывал различные маневры с крыльями, потом с хвостом, прыжки, чтобы лучше и правильнее оттолкнуться от земли. Все показывал без суеты, нервов и раздражения. И я даже растрогалась, на миг представив, что он также будет учить наших детей. На этой эмоциональной волне повернулась и сама лизнула его в золотую крупногабаритную морду с набором кинжалов для разделывания добычи во рту.

Он замер всего на мгновение, затем ответил, неуверенно сплетаясь со мной длинным языком. А я прислушивалась к ощущениям от вкуса его языка и чешуи. Интересно, а какая на вкус его человеческая кожа? Обвив меня крыльями, он всем телом начал неистово тереться о мое и, как в прошлый раз, потеряв контроль, стал забираться на меня сверху... Гад!

Змеей выскользнула из-под него и, с силой оттолкнувшись, взмыла в небо, он – за мной, стало очевидно, что мне с ним не тягаться. Наши возможности и скорости – это «Ока» в сравнении с «Порше», и уж я точно не «Порше». Вот так и укрепляются комплексы...

Но, похоже, прохладный воздух вернул ему разум, потому что он лишь скользнул надо мной тенью и, едва коснувшись брюхом спины, так и летел сверху. Мы ловили воздушные потоки, парили и купались в них. Взлетали свечкой вверх и пикировали вниз. Зависали над лесом, иногда соединяя

лапы и глядя друг другу в глаза, впитывали образы друг друга, запоминая навечно.

Играли в догонялки, и вот, застыв в один из таких моментов, я смотрела на Скайшера, замершего на фоне окрашенного красной короной Суара, предупреждающего о наступлении ночи, и почувствовала, как перехватило дыхание.

Всем своим существом почувствовала, как моя душа, трепеща, рванула навстречу душе золотого, а может это я... Он ощутил такой же необъяснимый порыв, потому что мы едва не столкнулись, и он обхватил меня мощными лапами и прижал к себе, спеленав в мои собственные крылья. Так и висели в небе на фоне меркнувшего Суара и уходящего Дрива. Скай медленно кружил вокруг своей оси и, казалось, убаюкивает меня или успокаивает себя.

На поляну мы прилетели умиротворенные и еще больше сблизившиеся духовно. Как только мы обернулись, он взял мое лицо в ладони и поцеловал, кажется, каждый его сантиметр и только потом на мгновение соприкоснулся с губами. Я потянулась к нему, вставая на цыпочки, но он с тяжелым вздохом отстранился.

– Я не смогу остановиться, любимая... больше не смогу. Надо немного потерпеть, всего лишь еще немного потерпеть... – Последнее он говорил, скорее убеждая себя, чем меня, я же уткнулась лбом ему в грудь, а потом крепко обняла. – Люблю тебя, девочка моя! Невыносимо люблю...

Снова подняла к нему лицо, а Скайшер обнял крепче и зарылся в мои растрепанные на макушке волосы, тяжело дыша и пытаясь успокоиться. В лагерь мы вернулись под мрачными взглядами. Они смогли заснуть только после нашего возвращения. А мне было хорошо от того, что мой дракон рядом и одновременно стыдно за попорченные нервы моих спутников. В сон я провалилась сразу, как только ворчавший Филя приник к одному боку, а дракон – к другому, крепко прижимая к себе.

Глава 22

– Да что же это такое? – прозвучало в полной тишине мое сдавленное восклицание.

Мы стояли на обрыве и мрачно взирали вниз на узкую стремительную реку – последний оплот света перед тьмой. Сразу за рекой начинался густой дремучий лес, который уже в паре километров от берега резко менялся. Если возле него росли обычные темно-зеленые деревья со

светлыми шершавыми стволами, то затем, без всякого перехода, начиналась Тьма. Словно кто-то большой взял кисточку и провел большую черную полосу.

– Это то место, которое нам придется преодолеть, госпожа! Еще не передумали?

Вновь тревожно разглядывала пораженное проклятьем пространство леса. Искореженные стволы невероятных причудливых форм, потемневшие коричневые кроны – создавалось впечатление, что деревьям больно. Я не заметила там ни одного движения. Но, как меня предупредили, пока мы сегодня сюда ехали, это обманчивая и весьма опасная для жизни иллюзия. Там есть животные, переродившиеся и ставшие агрессивными под действием Тьмы, они нападают на любого, кто встретится им на пути. Нам придется идти по узкой тропе, которая защищена магией многих поколений марханов-паломников, последние пятьсот лет посещавших святой город. Однако на ней мы будем избавлены только от пагубного влияния Тьмы на наш разум, но, увы, не от зверей, и это весьма беспокоило.

– Нет, Дезей, я не передумала, не имею права. Так что давайте спускаться.

Мархан окинул меня взглядом, в котором смешались одобрение и благодарность, и первым скользнул вниз по неширокой, хорошо утоптанной, пологой тропинке. Крутая тропа петляла, словно ее протаптывал скрывающийся от погони заяц, и Тихоне с Серым было довольно сложно идти, а мне – ехать, все время отклонившись назад, чтобы не сползти вместе с седлом на холку. Я осторожно спешила и, взяв лошадь под уздцы, пошла пешком. Сразу за мной шел Скай с Серым, за ним – Ксион и остальные марханы. Мансель с Харелем замыкали нашу цепочку.

Когда мы вышли к реке, я со ужасом посмотрела на стремительный поток, несущий свои воды в долину Эйнере. Вблизи река выглядела еще более опасной. Через нее был перекинут деревянный мост, подвешенный на переплетенных между собой канатах, которые держались на мощных каменных столбах, вбитых в землю. Сглотнув горькую от страха слюну, сделала над собой усилие, чтобы успокоиться.

Бросила неуверенный взгляд на шаткий мост, потом неосознанно на дракона, и он, тут же шагнув ко мне, обхватил за талию и прижал к себе. Я выдохнула, принимая его объятия и защиту, но тут же услышала мягкий голос Дезея:

– Наш мост будет дальше, там. – Он показал в сторону излучины реки. – За поворотом.

– А чем тебя мост эльфов не устраивает, жрец? Или брезгуешь? – голос Манселя был переполнен ядом.

– Все равно придется идти к излучине, наш путь начинается оттуда, так что не вижу смысла торопиться перейти на ту сторону. – Жрец ответил спокойно, лишь в его черных глазах под кустистыми бровями полыхнули ненависть и презрение.

– А я вижу! Мы пойдем вдоль обрыва, и нас запросто может накрыть сорвавшимися камнями, и небо вон мутное и тяжелое от кучевых облаков... А наш мост гораздо крепче, чем ваш. К тому же, он полностью веревочный, как мы лошадей переведем?

Последний аргумент раздраженного Манселя оказался важнее, и мы направились к эльфийскому мосту. Скай по-прежнему шел рядом, держа одной рукой мою ладонь, а второй – Серого. Я так же вела Тихоню, но у моста остановилась, испытывая непреодолимый страх перед водной стихией.

– Светлый, на тебе наши лошади! – резкий, беспрекословный тон дракона заставил обернуться и посмотреть, зачем передавать кому-то мою лошадь. Но в этот момент меня подхватили на руки, и голос Ская воркующе произнес у меня над ухом:

– Закрой глазки, мечта моя легкокрылая, а еще лучше поцелуй меня... куда-нибудь...

– Нашел место миловаться, – ответила я беззлобно, но глаза закрыла и даже уткнулась ему в грудь лицом. Видеть я не видела, но хорошо слышала рев воды под нами и все сильнее цеплялась за своего дракона.

– Ты помнишь, я сказал, что люблю тебя?

– Угу!

– А ты меня?

– Угу!

– Я счастлив, девочка моя! Что ты, наконец, осознала свои чувства.

Я забыла про реку, про страх, опешив от такой наглости и того, что меня так беспардонно провели.

Стукнула по широкой груди, но лишь отбила себе ладонь и досадливо прошипела:

– Ты наглый, самоуверенный...

– Но ты, как выяснилось, меня все же любишь?! Да и пришли мы уже...

Я покрутила головой и отметила, что мы действительно на другой стороне, поэтому заскользила змейкой вниз, но он тут же прижал меня к себе, и я ощутила это самое свидетельство любви в полной мере и опять

покраснела.

– Ты не ответила на мой вопрос...

– А ты не спрашивал, ты, как обычно, утверждал, и так во всем...

– Хорошо, спрашиваю, ты меня любишь?

В золотых глазах проскользнула тревога и... тоска. И я сдалась именно из-за глубины его чувств, поэтому потянулась к его уху и выдохнула:

– Еще нет, но, кажется, очень близка к этому!

Хитрый блеск стер все чувства, на которые я клюнула, и в этот момент показалось, будто он сознательно показал мне то, что я хотела увидеть... Гад чешуйчатый!

– Значит, я двигаюсь в правильном направлении... Младшенький, дырку у меня на спине протрешь своим злобным взглядом, не прекратишь – покусая. И, думаю, в отличие от вашей Повелительницы, тебе это вряд ли понравится.

Сначала меня сбил с толку этот резкий переход от заигрывающего к ледяному, угрожающему тону, а последнее двусмысленное замечание разозлило, но потом я не выдержала и рассмеялась, повиснув на шее дракона. Потому что выпускать меня из своих рук он явно был не намерен. Марханы ехидно оскалились, насмешливо поглядывая на Манселя. Однако Харель стоял невозмутимым изваянием и почему-то смотрел по сторонам, как будто выискивая что-то.

Наконец, меня усадили в седло Тихони, и мы дружно продолжили путь. Но стоило нам добраться до излучины, как мои подозрения насчет наследника с телохранителем подтвердились. Нас встречали и, как я поняла чуть раньше, мы все еще находились на территории светлых, но возле второго моста начнутся земли марханов.

Нас поджидали не меньше сотни светлых и, судя по их виду, настоящих воинов. Они перекрывали нам путь и были без лошадей. Трое впереди, а остальные – охрана, но все с шаури, значит, из высокородных домов. Мансель с Харелем спешили, и если первый с многозначительной усмешкой посмотрел на нас с драконом и быстро пошел им навстречу, то Харель задержался, чтобы тихо сказать:

– Моя кровь ваша, Повелительница, а честь принадлежит старшему Эс Севери. Но я в вашем распоряжении, только прикажите.

Я мотнула головой, отпуская его, он резко, коротко кивнул и, подойдя к своим, низко склонился. Видимо, самый главный светлый, оценив Хареля, что-то тихо ему сказал и жестом отпустил. Он гордо выпрямился и отошел немного дальше, присоединившись к остальным, тоже внимательно изучавшим его новое лиловое шаури. Высокородная тройца направилась в

нашу сторону, а марханы окружили плотным кольцом нас с драконом, от чего последний, весело хохотнув, помог мне спешиться с лошади, натянул пониже свой палантин и с любопытством продолжил следить за светлыми.

Я же во все глаза рассматривала приближающихся. Один из них выглядел типичным светлым: серебристые волосы, заплетенные в косу с зеленым шаури, смуглая кожа и надменные черты лица. Вторым оказался Делиаль с мрачным черным прищуром, гневно сжимающий кулаки, поглядывая на дракона. Эх, и красивый же этот первый наследник, даже сейчас на мгновение перехватило дыхание от его красоты, но лишь с эстетической точки зрения, как женщину он меня уже не интересовал. Поэтому вернула ему бесстрастный и такой же надменный взгляд вместе с презрительной улыбкой. А вот первым шел высокий мужчина с косой до земли с голубым шаури. Черты лица были знакомы, и я сразу догадалась – передо мной Повелитель Светлых, теперь уже, получается, бывший – отец Делиаля и Мансея Тасель Эс Севери. И отец, и сын были одеты в черные походные костюмы с голубой вышивкой и обуты в голубые высокие сапоги. Пижоны!

Тасель долго осматривал нашу компанию, а потом, игнорируя нас с драконом, обратился к Дезею.

– Это правда, что она может снять ваше проклятие?

Дезей, раздувая ноздри от едва сдерживаемой ярости, произнес, цедя слова:

– Правда! Возможно!

Тасель проглотил «возможно» слегка поморщившись. Затем повернулся ко мне, и в его взгляде я увидела внушительную властность. Делиалю еще расти и расти до своего папаши, а обо мне и говорить нечего, но я задрала подбородок и стерла с лица все эмоции. Экс-повелитель пристально посмотрел на меня, уделив особенное внимание кольцу и короне и, как мне показалось, даже вздрогнул.

– Что ты намерена с ней делать, девочка?

Я промолчала, продолжив держать паузу и холодно смотреть ему в глаза. Это как со зверем, опустишь взгляд первым – сразу проиграл.

– Послушай девочка, Делиаль рассказал о вашей встрече... и первой, и второй, я сделал выводы и согласен с ним. Совет тоже не будет против вашей законной связи, но корону ты передашь ему.

Вот тут моя выдержка затрещала по швам. Выходит, он мне сейчас таким незамысловатым образом предложил замуж за своего сына выйти... Одолжение сделал. Я откровенно нагло рассмеялась, продолжая с издевкой на него смотреть, и он это оценил. Лицо вон как застыло, а я

почувствовала, как рядом напрягся мой дракон. Этот светлый быстро и доступно прояснил всю ситуацию, даже дальнейшую мою жизнь скорректировал, направив в нужном направлении, отбрасывая все наносное и неправильное. На свой взгляд! Сделал то, чего долго пришлось бы добиваться Скайшеру. Я с очаровательной улыбкой посмотрела на бывшего повелителя, утерев слезы от смеха, и произнесла:

– Уважаемый, а ты вообще кто такой, чтобы со своей Повелительницей так разговаривать? – Все эльфы опешили, причем охрана больше всех. А я продолжила. – Взрослый дядька, вроде, а подошел, не поздоровался сначала с дамой, а потом с мужчинами. Делаешь странные двусмысленные предложения, да еще условия ставишь... Нехорошо это... не человечес... Хм-м-м, неправильно, в общем. Или тебе шаури на голову давит, так не проблема, спроси у Хареля... Я его как одеть могу, так и снять... Какой из тебя повелитель-то будет с такой-то фамилией... Эр Севери. Теперь понятно, в кого у вас дети такие невоспитанные и хамоватые.

– Послушай, девочка, корона это...

– Да! Твой старшенький мне уже рассказал.

Тасель изменился. Вот только что стоял, со снисходительной физиономией взирая на меня сверху вниз, а сейчас вытянулся, выражение лица иное, как будто с равным встретился.

– Прости... Мои дети ввели меня в заблуждение... Можем говорить на равных?

Я спрятала презрение и молча, заинтересованно уставилась на него.

– Что ты намерена с ней делать? Действительно хочешь править? Думаешь, справишься?

– До нашей встречи, Тасель пока еще Эс Севери, я честно хотела ее вернуть... Возможно, вам. Но знакомство с очередным членом твоего семейства показывает, какая это была бы опрометчивость с моей стороны. Так что всерьез подумываю открыть конкурс, дабы найти претендента, достойного такой чести.

Тасель побледнел. Умные черные глаза вцепились в мое лицо, он сделал еще один шаг вперед, отчего дракон насторожился сильнее, но продолжал изображать статую. Затем светлый тихо произнес:

– В тебе течет часть нашей высокородной крови. Иначе корона тебя бы не признала. Мне потребовались три сотни лет, чтобы объединить кланы после исчезновения Сиалареля, погибли сотни светлых. С тех пор прошло много лет, но недостаточно, чтобы восстановить нашу численность, а сейчас... Сейчас мы не можем иметь потомство, и даже если ты снимешь

проклятье, на то, чтобы вырастить достойную смену, уйдут столетия. Если ты сделаешь, что задумала... Это будет катастрофа, мы слишком трепетно относимся к внешним атрибутам власти, девочка. Для драконов нет ничего важнее любви, как я слышал, а для эльфа нет ничего важнее власти!

– В каком смысле вашей высокородной крови?

Тасель нахмурился, ведь его прервали, да к тому же из-за мелочи. Но для меня это было важно, и ему не понять.

– Моя троюродная кузина была отдана твоему деду в жены для укрепления мира между темными и светлыми, в то время между нами существовали некоторые проблемы.

Я ехидно посмотрела на Делиаля, который тяжело сверлил меня и словно поливал ненавистью Скайшера, и показательно возмутилась:

– Так ты, можно сказать, мой брат? А тебя совесть не беспокоила, когда угрожал мне? Жениться пытался?

Тасель разозлился.

– Девочка...

– Алев Красная! И никак иначе!

– Алев Красная, неужели все, что я тебе сейчас сообщил, менее важно, чем твои обиды, и...

– Ну что вы, какие обиды между родственниками, как свои дела закончу, так и подумаю над вашими словами, а пока мне некогда. И вообще, вдруг захочу войти в историю Светлых как Повелительница, которая спасла расу эльфов от вымирания... и от войны. Как думаете, ваши сородичи это учтут?

Тасель промолчал, все так же стоя с идеально прямой спиной, он явно не привык прогибаться, не будет этого делать и впредь. Зато выступил Делиаль. Он вышел из-за спины отца и, не обратив на его тихое, протестующее «Делиаль!», подошел ко мне. Еще чуть-чуть, и все вокруг заискрит, ведь его источник за моей спиной готов выпустить свой огонь. Но Делиаль магическому предупреждению не внял:

– Алев, я же сказал, ты получишь меня навечно, если согласишься на наши условия!

– Делиаль, а я тебе еще раньше ответила, ты меня не интересуешь. Я уже сделала свой выбор. И вообще, белый не мой цвет, другое дело – золотой...

– Ты изменишь свое мнение, стоит мне только...

– Это я сейчас изменю свое решение в отношении вас, если ты дотронешься до моей избранной хоть пальцем! – злой, угрожающий рык позади меня заставил вздрогнуть.

Делиаль не среагировал, продолжил стоять рядом и прожигать меня взглядом, раздумывая, что сказать. Зато Тасель холодно спросил, обращаясь к дракону:

– Назови себя!

Злое фырканье, мимолетное движение, которое я почувствовала спиной, и шелест ткани, а затем напряженный выдох Таселя:

– Клянусь Светлой Алоис, Скайшер! Давно не слышал о тебе!

– Думаю, ты был только рад... – от голоса Ская мороз побежал по коже. Я даже зябко передернула плечами.

– Не скрою! Ты изрядно попортил мне нервы в свое время. – Тасель взглянул на меня с сильнейшим волнением. Затем снова посмотрел на дракона. – Зачем корона тебе, Скайшер, или твоей избранной? Уверен, в ближайшее время вы будете слишком заняты... чтобы развлекаться за счет светлых.

Взбешенный Делиаль прошипел:

– Отец, о чем ты вообще говоришь с этим чешуйчатым? Он отобрал у тебя корону, а у меня хочет забрать мою женщину...

– Заткнись, щенок! – резкий окрик отца заставил первого наследника побелеть. Затем Тасель перевел взгляд мне за спину, а я все не решалась повернуться. – Прости его, Скайшер, он еще глуп, хоть его юность давно прошла. Но золотых уже давно не видели...

Молчание дракона и снова вкрадчивый голос Таселя:

– Корона...

– Моя избранная любит блестящие побрякушки, поэтому пока она ей не надоест, пусть играет. И еще, Тасель, ты плохо воспитываешь своих детей. Я постараюсь учесть твои ошибки, когда займусь воспитанием своих.

Тасель побледнел и, сжав челюсти до хруста, молча смотрел, а я, тем временем, уже хотела было повернуться. По недавнему шелесту ткани я предположила, что Скай, наконец, снял черный палантин, и очень хотела взглянуть, но тоже чуть не закрипела зубами, услышав то, что он сказал в мою поддержку.

– Алев Красная... – осторожный, вкрадчивый голос Таселя прервало гневное и яростное шипение сына.

Делиаль сделал резкий шаг ко мне и протянул руку с явным намерением вырвать из рук Скайшера. В следующее мгновение перед моим носом скользнула рука дракона, и он резко распрямил пальцы, выталкивая из ладони голубой сгусток, который в оглушительной тишине ударился в грудь Делиаля и отбросил его метров на десять, не меньше, в сторону

обрыва у реки. Эльф потратил мгновение на то, чтобы вскочить, но этого мгновения Скаю хватило, чтобы задвинуть меня за спину Ксиона и нарисовать перед нами прозрачную упругую стену.

Я в нее даже пальцем потыкала, но она не поддалась, оттолкнув руку обратно. Забавно! Зато теперь я увидела Скаю со спины и восторженно выдохнула – посмотреть было на что. Невероятно яркие, золотые, блестящие как чешуя волосы забраны в толстенную косу, которая даже завязанная под затылком длиной до пояса. А вот если бы он ее развязал... расплел... Непременно надо попросить! Но теперь понятно, зачем ему куртка и палантин.

Делиаль с перекошенным лицом бросил заклинанием в дракона, но серое марево буквально стекло по защитному куполу. Так они и кидали друг в друга различные заклинания, проверяя на прочность, но если дракон попросту развлекался, выматывая своего противника, то эльф выкладывался по полной, с явным намерением его убить.

– Делиаль! Опомнись! Он просто играет с тобой. – Гневный отчаянный крик Таселя не смог остановить поединок.

– Он забрал себе все! Я не позволю ему этого, в отличие от тебя...

– Не будь глупцом, он гораздо сильнее... Нас!

– А мне плевать, отец, за свое я буду драться до последнего!

– Значит, ты умрешь, светлый! – Прервал их перепалку Скайшер. – Потому что твоего здесь нет и никогда не было! Женщина моя, корона – ее небольшая прихоть, которую я, в отличие от тебя, могу ей позволить.

– Скайшер, позволь мне... – Тасель пытался вмешаться, но не в поединок, а в разговор.

– Глупость, Тасель, должна быть наказуема, а твой сынок полностью исчерпал мое терпение.

В этот раз, передернув плечами, он щелкнул двумя пальцами, и Делиаль снова оказался распластанным на краю обрыва. Он тяжело дышал, а вновь созданный им голубой шарик походил, скорее, на искорку. Похоже, резерв у него ограниченный. Черные глаза блеснули злобой и бешенством. Дракон подошел к эльфу уверенной грациозной походкой зверя на охоте, но в этот момент, отбросив белоснежную косу назад, Делиаль, чуть пригнувшись, рванул к Скаю и ударил его по лицу, заставив отступить на шаг. Все замерли, а в тишине раздался радостный голос дракона:

– Благодарю тебя, Стретер, этого мне как раз и не хватало для полного счастья. Ты мне так удружил...

Через секунду началась потасовка, точнее, Делиаля использовали в качестве груши, а Скайшер отрабатывал на нем удары, хотя и ему иной раз

знатно прилетало от эльфа.

Я стояла бледная и напуганная. Правда, за кого больше переживала – непонятно, так как стало очевидно, что Скай сильнее во всех смыслах и намного. И сейчас просто выпускает пар, избивая соперника, но ведь всякое может быть. А главное, с самого начала поединка я начала испытывать боль. Она все накапливалась и накапливалась с каждым новым заклинанием, попавшим в эльфа, с каждым ударом, который ему доставался. Когда она усилилась, я подняла взгляд на Таселя. Было заметно, ему тоже больно, не знаю, от злых ли слов сына и его поведения или от того, что он боялся за его жизнь. Скорее всего, и то, и другое. Повелитель посмотрел на меня и бросился в мою сторону, но остановился, заметив выставленное оружие марханов и клубящиеся вокруг нас защитные заклинания. Потом печально, с сожалением произнес:

– Вот цена за право носить эту корону, так что хорошенько подумай, девочка, прежде чем окончательно принимать какое-либо решение.

Отпустив мой страдающий взгляд, он повернулся к продолжающим драться светлomu и дракону. Я по-прежнему наблюдала только спину дракона, прижав руки к животу, так там все разрывалось от боли. Делиаль лежал навзничь, его голова висела над стремительным потоком реки. Дракон прижимал его к земле, сапогом упираясь в грудь, и наматывал белоснежную косу на кулак с явным намерением ее отрезать. Как пояснил Камос, для многих магов волосы священны, потому что накапливают силу. Именно по этой причине представители многих рас, обладающие магией, предпочитают носить длинные волосы и лишаются их в крайнем случае.

Вся эта ситуация вызывала ужас, даже кошмар и ощущение полной и неотвратимой беды, а еще вины за содеянное. Виновата! Во всем виновата! И хоть светлые виновны не меньше, но я задирала их специально, в угоду своему уязвленному самолюбию, лелея гордыню, а сейчас мой любимый убивает разумное существо. И хоть этот разумный сам напал и хотел убить, вон даже свои не вмешиваются, признавая поединок честным, но все же это неправильно. Так не должно быть, и я виновата...

– Скайшер, остановись!

Жесткий голос Таселя заставил дракона оглянуться и ответить с сарказмом:

– Я соперников в живых не оставляю, сам знаешь, а уж напавшим на меня первыми вообще милосердия ждать не следует, и ты об этом тоже хорошо знаешь, Тасель!

– Послушай, Скайшер, твоя избранная страдает из-за тебя!

Вот после этих слов я и смогла увидеть своего дракона как есть. Я уже

сидела, сжавшись в комочек и едва сдерживалась, чтобы не застонать в голос. Но не могла отвести взгляд от Скайшера, который на мгновение замер, повернувшись ко мне, но еще удерживая ногой Делиаля и натягивая его косу. Все те же утонченные черты лица, но кожа от эмоций золотится, брови и ресницы сверкают чистейшим золотом, как и волосы, обрамляющие благородное лицо, на котором сейчас ярко отражается его звериная сущность. Глаза, полыхающие гневом, расчерчивает тонкий серп зрачка, но когда он меня увидел и рассмотрел отголоски испытываемой боли, как тут же гнев сменил ничем не прикрытый страх. Странно видеть столь сильный ужас в глазах этого мужчины, которого откровенно боится сам Светлый Повелитель и опасается даже мой дедушка. Рывок, и он медленно опускается передо мной на колени. Хриплый голос дрожит от с трудом сдерживаемых переживаний:

– Что случилось, малышка? Ты так испугалась?

Мотнула головой, а потом, всхлипнув и с трудом распрямившись, приникла к нему, вжимаясь в него и повиснув на мощной надежной шее.

– Мне больно...

Тасель чуть приблизился, а я краем глаза заметила, как Мансель кинулся на помощь брату, который хрипел и отплевывался от крови, пытаясь встать. Повелитель весело заметил:

– Носитель короны в ответе за всех своих подданных, золотой! Она слишком молода и неопытна, и приняла на себя весь откат испытанных Делиалем ощущений. Ведь он к ней сейчас так близко. Все что ты, хм-м-м, подарил моему сыну, досталось и твоей избранной! Подумай, нужна ли ей такая игрушка.

Мой всхлип, прервавший Таселя, вызвал яростный вопль Скайшера. Он бережно прижал меня к себе, поднимая на руки и, словно пряча от всех, отошел в сторону реки и шепотом произнес странные слова на незнакомом мне языке. Пространство прорезала тонкая щель, которая начала расширяться. Скай направился к ней, но нас нагнал встревоженный голос Дезея:

– Дракон, ты не можешь забрать ее сейчас...

Мне уже полегчало, и я с тревогой посмотрела на Ская, без слов умоляя. Крылья носа затрепетали от ярости, но он, не оглядываясь, громко произнес:

– Мне нужны сутки, ждите на рассвете. А вас, светлые, завтра здесь быть не должно. Если застану тут, поверьте, я найду способ избавиться от вас безболезненно для своей женщины!

Сразу после этого со мной на руках он шагнул в голубое марево

портала.

Глава 23

– Почему драконы постоянно не передвигаются порталами? – поинтересовалась я, еще не видя окружающего пространства, потому что я все еще приходила в себя. Боль резко отступила, и мне стало легче дышать. Остался лишь страх почувствовать новый приступ. Дракона все еще трясло от случившегося, и голос, раздавшийся над моим ухом, был слишком взволнованным:

– Портал – это разрыв временной и пространственной материи. Чем больше разрывов, тем больше нестабильность и магнитное возмущение. Могут начаться землетрясения, оползни, цунами...

– Все-все, я поняла общую мысль. Теперь, открывая портал, буду в ужасе думать, а не разбужу ли я какой-нибудь вулкан или еще что-нибудь подобное.

– Не бойся, любимая, твои порталы слабенькие, их на вулкан не хватит, а вот на малюсенький гейзер – может быть...

– Я смотрю, ты пришел в себя, раз опять надо мной насмехаться начал...

– Нет, любимая, это все еще нервное.

Наклонив голову, потерся щекой о мою макушку, глубоко вдохнул и еще крепче прижал к себе, постепенно успокаиваясь.

– Ты сильно за меня испугался, да?

Скайшер быстро куда-то шагал, но я так и не отняла лица от вкусно пахнущего моим мужчиной местечка между шеей и плечом. Гулкий звук, похоже, мы в пещере, а потом вновь слышались мягкие приглушенные шаги. Запах горящих дров в камине и восковых свечей заставили отстраниться от него и оглянуться.

Пещера гораздо больше, чем у моего дедушки, но так же поделенная на две части для первой и второй ипостаси. Во второй все выдержано в красно-коричневых тонах и, в принципе, мне очень понравилась. Толстые ковры, разбросанные всюду подушки, сваленные, как попало, в углу сундуки, из которых едва не высыпаются несметные богатства. Моему удивлению не было предела, даже дыхание перехватывало. Огромный камин, в котором пылал огонь, судя по отголоскам, магического происхождения, как и пламя свечей. Скайшер зашел за красивую портьеру с золотой вышивкой.

Шелест тяжелой ткани – и мои щеки затопило смущение, потому что это была спальня. С огромной кроватью на едва заметных, низеньких ножках-лапах. Толстый матрас и черное атласное покрывало с множеством красных подушек заставили меня недоуменно приподнять брови и спросить, тщательно скрывая ревность:

– Надо же, а ты любитель яркого и комфортного? И много здесь, хм-м-м, самок или женщин побывало?

– Нет, Алев. Здесь не было ни одной женщины. Иногда заглядывают мои друзья, но не более того. Все только для тебя, избранная! Но я рад, что ты ревнуешь. Значит, любишь?!

В упор на меня посмотрели напряженные золотые глаза, и вопрос, кажется, висит между нами. А я скрывать не стала. Кивнула удрученно и добавила:

– Люблю! И ревнивая! Поэтому заранее предупреждаю, если увижу...

– Не увидишь! Никогда! Избранная может быть только одна, никакая другая не сможет сравниться или занять ее место даже на время.

Задрала подбородок, с любопытством вглядываясь в него, и тихо спросила:

– Зачем мы здесь? Сейчас!

Дракон осторожно положил меня на кровать, снял свою куртку, отбросив подальше, потом сапоги, рубашку под моим взглядом уже просто сорвал одним движением, заставив задохнуться от великолепия его тела. Рельефное, сильное... Брюки полетели вслед куртке, и я чуть не поперхнулась от увиденного.

– Нет, ну нельзя же так сразу пугать, я же все-таки девственница...

Медленно, не отрывая горящего взгляда, он скользнул по атласной поверхности покрывала ко мне, с неожиданно мурлыкающими нотками в голосе спросил:

– А что, я такой страшный?

Я дернулась, смутилась и начала отодвигаться от него. Все же он дракон, который постоянно теряет рядом со мной контроль, а я боялась первой боли. И вообще, может, все время будет больно, вон он какой большой. Везде! Наверное, все страхи отразились у меня на лице, потому что Скайшер вкрадчиво успокоил:

– Не бойся, Алев! Я буду очень нежен в первый раз.

В панике выкрикнула первое, что пришло в голову:

– Так ты меня только за этим сюда притащил? Там, может, землетрясение где-нибудь, а ты только потрах...

Стремительный рывок, и я лежу под ним. Большие ладони аккуратно,

но очень быстро освободили меня от рубашек и верхней, и нижней, а потом под мой визг и брыкание стащили легинсы. А ведь еще утром думала, что их надеть или снять только с мылом можно. Оказывается, просто опыт требуется... Драконий!

На моих трусах его взгляд задержался, но лишь на мгновение, и они тоже полетели в компанию к штанам.

– Ты... ты... Да ты...

– Да-да, знаю, я твой любимый и самый желанный, и сейчас тебе это докажу.

Вытянулся вдоль меня всем крупным телом, которое в мерцающем свете огня камина слегка золотилось и переливалось литыми мускулами, словно бронзовая отполированная статуя Геракла. Потянулся ко мне, скользя по телу широкой, немного шершавой ладонью и с томным видом кота смотрел, как под его рукой трепещет мое тело. А я наблюдала за его лицом, на котором отражалась непередаваемая гамма чувств – от дикого неконтролируемого желания и восторга до невыразимой нежности.

Он прикасался ко мне как будто сейчас нашел для себя новую необозримую вселенную: каждый кусочек моего тела, даже самая маленькая клеточка – все приводило его в восторг, вызывая жажду обладания. Он выглядел первооткрывателем земли обетованной! Накрыл мои немного пересохшие от волнения губы своими и быстро пробежался по ним языком, скользнул им внутрь и сплелся с моим. Его губы вновь завладели моими в нескончаемых поцелуях, и так продолжалось, пока я в восторге не застонала.

Язык и губы изучали мое лицо, не пропуская ничего, а ладонь добралась до упругих холмиков и принялась выписывать круги и ласкать. В его здоровую лапу грудь полностью поместилась, поэтому он приподнялся и положил ладони на обе, а когда он поцеловал их розовую вершинку, и она оказалась в его влажных и горячих губах, я выгнулась от удовольствия.

– Алев... любимая... такая красивая... – срывающимся голосом бормотал Скайшер, и я чувствовала его слова на своей шее, на своей груди. Он говорил, как я желанна, как я его возбуждаю, как приятно на вкус моя кожа...

Я уже не испытывала стыда или смущения, огонь бежал по моей крови и гудел от накала страсти. Мои руки скользнули по сильно развитым мышцам плеч, пробежались по рельефной спине, напряженной от его попытки сдерживаться, торсу, еще более крепкому, чем я себе представляла, с четко очерченными стальными мускулами, с редкой порослью светлых волос на груди. Мне тут же захотелось прикоснуться к ней своей

обнаженной грудью, захотелось осыпать поцелуями его всего – и не для того, чтобы доставить ему удовольствие, а для собственного удовольствия, – так чертовски он возбуждал меня, такая невероятная в нем чувствовалась мужественность.

Снова наши губы встретились, а он лег на меня и начал усиленно тереться. Я чувствовала бедрами силу и величину его вожделения, но страх перед ним уже прошел, уступив место желанию и напряжению внизу живота. В немой мольбе я приподняла бедра кверху. Я хочу... я хочу... я хочу... Обхватила его талию, придвигаясь все ближе. Его руки пощипывали, мяти и ласкали грудь, спустились к ягодицам и подняли их выше к нему. Скайшер одобрительно зарычал и скользнул внутрь меня. Ощувив давление его твердой плоти, я прерывисто выдохнула. На мгновение замерла в ожидании боли, ведь это мой первый раз, а он слишком крупный... большой... Медленно проникает внутрь. Но боли нет, и я на мгновение замираю под Скайшером и хрипло удивленно спрашиваю:

– Скай, а почему мне не больно?

Он с трудом сдерживает свой напор, задумываясь над моим вопросом, дальше следует короткий смешок и резкий толчок внутри меня вместо ответа. Но я кричу от наслаждения, а он довольно бормочет:

– Ты не человек, любимая! У драконов, да и у эльфиек тоже, таких, как у людей, глупостей не бывает. Наша кровь слишком ценна, чтобы проливать ее еще и таким способом. Но мы слишком много болтаем, значит, я плохо тобой занимаюсь.

После этого мной занялись основательно. Меня буквально доводили до изнеможения, раз за разом, вновь и вновь. Наслаждение накрывало, как цунами, и голос сорвался еще на втором оргазме. Меня всю вылизали, где можно и где нельзя, поворачивая из стороны в сторону, словно любимую игрушку. За эту ночь Скайшер узнал мое тело лучше меня самой. Он пробовал его на вкус как сладкое мороженое или лучший и редкий деликатес, смаковал, возвращался к полюбившимся местам и при этом выглядел до безумия счастливым и довольным.

Зверь! Он мой голодный зверь, и к утру я в этом уверилась. Пару раз, восстановив свои силы, убирала ссадины и синяки, появившиеся с непривычки, а гудящим мышцам ног помогла с помощью своей целительной магии, но так же не может продолжаться вечно.

Я задремала, утомленная драконьей любовью, но меня снова разбудили, проведя языком вдоль позвоночника и прикасаясь мощным горячим телом к моему. Свой немалый вес он удерживал на локтях и словно мартовский кот терся об меня. Я заскулила и рванула с воплем к

выходу.

– Да ты очумел что ли? Ты меня уже замучил!

Меня поймали за ступню, и я свалилась на кровать, так и не добравшись до ее края, а потом этот озабоченный дракон с соблазнительной улыбкой начал подтягивать меня к себе. А я непонятно зачем завопила:

– Спасите! Помогите! Пожар!

Мгновение ступора, а потом мой золотой дракон захохотал. Да и я вместе с ним. Он стремительно поднялся и, подхватив меня, обнаженным пошел на выход. Я вся сжалась в недоумении и даже легком страхе, что он там еще выкинет. А то вдруг меня... Мы пересекли драконью часть пещеры и вышли навстречу ветру.

У входа располагалась небольшая зеленая площадка, а за ним сразу обрыв. Он ступил на площадку, и я, изображая ящерицу, мгновенно вцепилась в дракона всеми конечностями, обвивая талию ногами, а шею – руками. Он хрипловато хохотнул, перемещая свои ладони на мои ягодицы, удобно подхватывая и тиская. От его рук мне стало жарко. Я бросила любопытный взгляд вниз и опешила от удивления и восторга.

Голая стена горной породы, увенчанная этой зеленой площадкой и нашим гнездом, опиралась на большую, окруженную со всех сторон скалами долину. На некоторых имелись такие же площадки с пещерами, но мне показалось, что они нежилые, или здесь крайне редко кто-то бывает. И сейчас над долиной занимался розовый рассвет. Дрив тяжело и медленно поднимался над нами, озаряя все вокруг красноватым светом, а Суар серебристо-голубым подсвечивал до блеска отполированные стихиями вершины и, отражаясь в них, рассыпал множество лучей, пересекающих пространство долины. Я как будто на феерическое шоу попала, а не в долину золотых драконов.

Поддерживая меня одной рукой, другой Скайшер вытащил столь любопытное для меня кольцо из мочки уха и хрипловато произнес, протягивая мне:

– Надень его! Это символ моей любви к тебе! Мой родовой перстень любому скажет, кому ты принадлежишь!

Я неуверенно взяла массивное кольцо с крупным золотисто-желтым камнем внутри и надела на свободный от других украшений палец. Что-то на мгновение вспыхнуло, и мой палец буквально облепил его перстень, словно печать поставили: собственность Скайшера Золотого! Но, самое удивительное, камень засиял, заискрился, а у меня в груди разлилось новое теплое чувство. Странное ощущение принадлежности... что я не одна, и

неважно, где я буду находиться, я теперь никогда не буду одинока.

Руки Скайшера очень умело приподняли меня за бедра и помогли встретить его... твердую уверенность в себе. Я задохнулась от вновь рожденного удовольствия, когда он наполнил меня собой до конца.

Я просто повисла на нем, не отрываясь от разливающегося по долине рассвета, положив подбородок ему на плечо. Скайшер же начал танец страсти, то приподнимая меня, то резко опуская, входя еще глубже, сильнее, резче, заставляя вбирать его в себя до отказа и стонать в голос. Я зубами вцепилась в его плечо, но по-прежнему не отрывала взгляда от рассвета, а мужчина, почувствовав мои зубы, удовлетворенно зарычал, усиливая напор.

С трудом сдерживая огонь внутри себя, поняла, что такого, как сейчас между нами, еще не было. Бешеный стук моего сердца сливается с мощным и ритмичным гулом моего дракона. Во мне рождалось что-то новое, бескрайнее и настолько глубоко заложенное, что оно вырывалось наружу, причиняя легкую, но приятную боль.

– Посмотри мне в глаза, избранная!

Затуманенными страстью и наслаждением глазами смогла оторваться от рассвета и взглянуть прямо в золотое пламя души Скайшера. Он совсем недавно пояснял, почему даже под иллюзией они всегда остаются золотыми. Потому что душу спрятать невозможно!

Вот и сейчас души, глядящие друг на друга нашими глазами, неожиданно слились. Я утонула в своих чувствах и в его глазах как в омутах. Выплыть одной было невозможно, поэтому я, не отрываясь, смотрела, ощущая, как нарастает наш обоюдный взрыв. Мы выпивали друг друга до дна, одновременно заполняя собой. Это невозможно объяснить, но я поняла – мы действительно становимся едиными. Накал достиг такого уровня, что наши огненные стихии вырвались из-под контроля, вступив в схватку друг с другом, а потом слились и перемешались. Мы оба закричали, взмывая на вершину наслаждения, хватаясь друг за друга и сплетаясь еще теснее, становясь одним целым.

Огонь Скайшера, казалось, приласкав мой, медленно, неохотно вернулся к хозяину, а мой снова наполнил меня. Чувственный торнадо понемногу успокаивался, и Скай упал на колени, продолжая прижимать меня к себе, потом медленно улегся в траву на спину, а я, окруженная его руками, распласталась на нем сверху, так и не разъединив наши тела.

Довольный, искрящийся счастьем Скайшер прошептал, похоже, не в силах говорить громче:

– С добрым утром, любимая! Теперь ты моя жена и половинка перед

богами и всем миром.

– Слава богу, здесь никого нет...

– Ну не знаю, я не следил...

– Ты что, хочешь сказать, пока мы тут занимались любовью, нас кто-нибудь мог видеть?

– Ну, умный дракон быстро убрался бы отсюда, а глупый – вряд ли бы успел кому-нибудь об этом рассказать.

Успокоившись, я потерлась о его плечо, жадно вдыхая волнующий запах моего разгоряченного дракона! Теперь уже навсегда.

– А что это значило... Ну то, что сейчас между нами произошло?

Он прижал к себе еще сильнее, уткнувшись носом мне в макушку, и уже оттуда проговорил:

– Это было единение, любимая! Мы соединили свои линии жизни и судьбы. А еще упрочили нашу связь, и в следующей жизни мне будет легче найти тебя, а ты быстрее примешь меня и признаешь... Но очень рассчитываю на то, что в этой мы еще долго проживем вместе!

Погладила его лицо, приподнимаясь над ним, а он резко перевернул меня, осторожно уложил на траву и навис сверху, вглядываясь в мои черты. И его лицо светилось тем самым чувством, которое я видела на лице своего отца. Невероятную, непоколебимую, безграничную любовь. А я – то единственное, что делает его жизнь полноценной.

Мне больше не нужны были слова, когда я все это рассмотрела на его лице, в золотых глазах, в душе, но он произнес, и впервые в его голосе были трепет и незащищенность:

– Я люблю тебя, Алев! Больше всего на свете люблю только тебя! Моя Алев! Все в тебе! Твою кожу словно из лепестков цветов, запах, ласкающий мой слух голос... Все в тебе!

Я приподняла руки и взяла в ладони его лицо, слегка раздвинув выбившиеся из длиннющей косы золотые пряди, которые в лучах Дрива ярко сверкали, и так же тихо ответила:

– Я люблю тебя, Скайшер, ты все, что мне надо от жизни... Хотя детей от тебя тоже надо! – Ответом мне была счастливая ухмылка победителя и собственника, а я продолжила, поглаживая его скулы, глаза, губы: – Так сильно люблю, что сама умру, если тебя потеряю, и очень надеюсь, мы проживем долго и счастливо.

На последнем слове ехидство все же прорвалось в голос, а мой любимый дракон, похоже, уже вновь возбудился и принялся за это, как оказалось, тяжелое дело. А на мою попытку высказать вежливые претензии:

– Да ты, маньячина сексуальная, меня до смерти затрах... – с удовольствием закрыл мой рот поцелуем.

Глава 24

Снова разрыв в пространстве, и мы вышли к нашим заждавшимся, взволнованным спутникам. Сначала Скайшер с самодовольной, наглой мордой дракона, иначе не назовешь, быстро и внимательно осмотрел окружающих, не пропустив ни одной мелочи, которая может угрожать его женщине, а следом – я. Причем, тяжело вздыхая и устало передвигая ноги. Хотя за последние сутки уже два раза воспользовалась собственной магией лечения, чтобы убрать с тела следы страсти чересчур любвеобильного дракона. Ощущение, что я не любовью сутки занималась, а пахала на колхозном поле, окучивая или выкапывая пару гектар картошки. Да я даже ела урывками, можно сказать, не отрываясь от процесса, хм-м-м, единения, как назвал его этот ненасытный крылатый.

В результате, когда возле марханов мой нос учуял запах свежей горячей похлебки, желудок скорбно пожаловался на свою тяжелую судьбу. Застывшие и осматривающие нас жрецы, услышав этот голодный рев, сначала недоуменно подняли кустистые брови, а потом дружно расплылись в таких насмешливых понимающих улыбках, что я покраснела и решила... короче, потом решу, сейчас есть очень хочется.

Скайшер взял меня за локоть и, виновато заглядывая в глаза, пробормотал:

– Прости, любимая, ты бы сказала, что голодна и тогда я...

– Теперь понимаю, почему у вас самок так мало... – Я сглотнула и насмешливо, с притворно обреченными нотками в голосе выдала: – они либо от голодудохнут, либо их залюбят до смерти.

Он побледнел, нахмурился и тихо извинился:

– Прости, что плохо справился со своими обязанностями. Это была моя первая и последняя ошибка по уходу за тобой.

– По какому уходу? – опешила я, недоуменно уставилась на него и возмутилась: – Я тебе дитя неразумное? Или вещь или...

– Ты самое ценное, что у меня есть, а я допустил халатность, просчет, упивался своими желаниями и чувствами, не подумав прежде о тебе и твоих потребностях. Ты великодушна и необидчива, но я сам себя виню. Больше таких ошибок не повторится, обещаю, любимая!

Его извинения прервал гневный обиженный рык мархуза, который,

припав к земле, крался к дракону с явным намерением попробовать того на вкус. Я испугалась, одновременно испытывая стыд, ведь я бросила Филью на целые сутки, пусть и не одного. Тут же забыла про еду и, присев на корточки, протянула руки к Фильке и попросила:

– Филь, а Филь, прости меня, пожалуйста. Мы не специально, так получилось, больше такого не случится. Чесслово!

Филья замер, вслушиваясь в мои слова, но все равно злобно зыркал на Скайшера, пока тот, коротко на меня посмотрев, махнул рукой и высказался, обращаясь к мархузу:

– Хорошо, обещаю! Ты с нами всегда и всюду! Прости! – Мархуз оттаял и, согласно фыркнув дракону, рванул ко мне обниматься, разом прощая все прегрешения. И тут же последовало предупреждение Ская: – Но мне никто не помешает найти ему подружку, чтобы он не болтался все время у меня под ногами.

Его слова вызвали у мархуза заинтересованность, хитрое выражение появилось на плоской клыкастой морде, а у меня – невольную теплую улыбку. Потрепав мархуза за ушами и чмокнув его в нос, приподнялась на цыпочки и шепнула в ухо своему любимому дракону:

– Я люблю тебя... Несмотря на то, что голодная, как стая зеленых дракониц.

Меня сгребли в охапку и понесли к общему костру с вожделенным котлом с едой. Ксион предложил тарелку и мне, и теперь уже моему мужу, и пока я усердно работала ложкой под насмешливыми взглядами, марханы рассказали, как уходили недовольные нашим исчезновением светлые.

Завтрак закончился, когда я, наконец, определила, что в меня больше не влезет ни грамма. С таким удовлетворением выдохнула, отставляя тарелку с ложкой, что марханы не выдержали и, рассмеявшись, начали подтрунивать над драконом, который все это время с умилением и любовью смотрел на меня, лишь ковыряясь в своей тарелке.

– Да! Бурная свадьба, наверное, была...

– А уж первая брачная ночь побила все рекорды, небось...

– Вон как уработал бедняжку...

– Слышал я, что драконы чересчур темпераментные, но не знал, что настолько...

– Вон что любовь с женщиной делает...

И так еще штук десять различных высказываний, от которых я краснела, а Скайшер, как ни странно, лишь расплывался в самодовольной ухмылке и по-собственнически накрывал мою талию ладонью. А я не жаловалась и не вырывалась, признала для себя, что теперь без этого

дракона и ни туды и ни сюды! Я просто не смогу жить без него, поэтому буду принимать таким, какой есть. Да и на сытый желудок, что ни говори, все их, в сущности, незлые поддразнивания воспринимались благодушно.

– Утро наступило и причин откладывать наш путь больше нет, – категорично прервал Дезей наш балаган.

Все посмурнели, затушили костер, споро собрали лагерь и уже через несколько минут были готовы к походу. Дезей скользнул к Скаю и сказал:

– Идти следом за нами, с тропы не сходите, если что-то надо, сначала скажите любому из жрецов. Даже если это ближайшие кустики, все равно, только с разрешения любого из нас. – Повернулся к Ксиону и тоже твердо предупредил. – И тебя, шаман, это тоже касается. Наша магия за гранью не действует, более того, стоит активировать свои силы или приоткрыть резервы, как Тьма высосет все до капельки, она очень голодная.

Потом, не решившись посмотреть нам в глаза, добавил:

– Вы должны четко соблюдать мои инструкции, потому что те, кто сходит с тропы или теряется во тьме... Они сходят с ума, утрачивают разум и сливаются с Тьмой. Метаморфозы происходят внутри живых... и мертвых тоже. Они перерождаются в само зло и хотят только одного – убивать.

– Похоже, ты испробовал это на себе, жрец?! – Скай пристально посмотрел в глаза Дезея.

– Еще хвост не отрастил... – Дезей передернул плечами и неохотно продолжил: – После первого похода сюда со старшим братом, его так и не нашли, а меня, слава Стретеру, отыскали вовремя, я не больше пары часов там пробыл, но впечатлений набрался на всю жизнь.

Таким образом, дальнейший путь начался с грустных мыслей, но шли мы весьма бодро или ползли, короче, у кого как выходило.

До обеда двигались по обычному лесу, но вскоре добрались до грани. В непосредственной близости искореженные деревья с мертвой коричневой листвой, пожухлая чахлая трава и нереальная пугающая тишина производили еще более зловещее впечатление. Меж деревьев клубилась серая, едва прозрачная муть, а в ней чудились жуткие тени. Я не трус, но я боюсь, и стыдиться мне нечего. Перед тем как Тихоня ступила за черту, я резко обернулась и без смущения попросила:

– Скай, я хочу с тобой... на Сером!

Он без разговоров и насмешек подъехал и, молча подхватив меня на руки, пересадил к себе на колени, прижимая крепче. Он даже расслабился сразу, да и мрачное каменное выражение ушло с его лица.

– Я рад, что ты ищешь защиты в моих руках! Алев, мечта моя

легкокрылая, никому в обиду тебя не дам, успокойся и не бойся.

Обвила его шею руками и, вдохнув такой волнующий аромат своего мужчины, тихо, провокационно ответила:

– А может это лишь повод, чтобы оказаться к тебе поближе?!

Он склонил голову, отчего не забранные в косу золотые пряди пологом свесились перед моим лицом, закрывая тоскливую серость этого проклятого места.

– Любимая, тебе не нужен повод, чтобы прижаться ко мне лишний раз. Я полностью к твоим услугам, круглые сутки, только пожелай или мигни...

– Я думаю, скоро ты решишь, будто у меня нервный тик, если все время буду тебе подмигивать, что мне необходимы твоё тепло и руки.

Скай на мгновение замер, а потом буквально обтек меня со всех сторон, лицом потерся о мою макушку, накрыл мои ладони, лежащие на луке седла, своими большими руками. И едва слышно урчал как большой кот. Так мы и ехали дальше вместе, ластясь друг к другу, смешивая свой запах.

Ночь прошла в напряжении, Скай запретил Фильке убегать, причем наверняка сделал и магическое внушение-запрет, а в ответ на мой тревожный взгляд коротко ответил:

– Для надежности, не хочу, чтобы его внезапная потеря принесла тебе боль и страдания... И не переживай, для него это безопасно.

А я с умилением и дополнительным восторгом посмотрела в любимые золотые глаза, хозяин которых так заботился обо мне и моем побратиме. В итоге мы спали втроем и оба моих мужчин оберегали меня с двух сторон.

В относительной безопасности мы ехали три дня, хоть и довольно часто слышали в зловещей серой мути жуткие крики, странные стоны и тяжелые вздохи, от которых лично у меня волосы вставали дыбом. Но пока ни одна издающая их тварь не вышла за границы марева и не показалась нам.

Дрив и Суар не были видны, лишь серая мгла, сменявшаяся непроглядной теменью, подсказывала, какое сейчас время суток, давая возможность считать дни, проведенные в дороге. Четвертый день серебрящаяся в магическом зрении, петляющая между деревьев тропа, притупляла внимание, и приходилось прилагать усилия, чтобы не расслабляться.

– Дезей, а как долго нам еще добираться до города?

В этот момент тропа завернула за очередной пригорок с искривленными деревьями и я, к своему удивлению, заметила, что это не пригорок, а руины большого дома, наполовину погруженного в землю,

заросшего бурьяном и уже глубоко пустившими корни деревьями. То тут, то там я замечала и другие дома-пригорки, яснее ясного – мы идем по некогда крупному городу. Грустное зрелище запустения. Вновь захотелось на колени к дракону, но сдержалась – и так слишком большую зависимость приобрела.

– Если все пройдет нормально, то к вечеру седьмого дня будем возле купола...

Я поняла, с чем связано внезапное молчание – жрец еще не знал, смогу ли я и Скайшер пройти сквозь защитный купол марханов, оберегающий таинственный проклятый город и, соответственно, пронести в него артефакт, которого он так долго ждет.

– Это бывший город, я правильно понимаю, Дезей?

– Да! Это Эйрсварк, еще двести лет назад, как пишут хроники, он реально существовал, но Тьма поглотила и его. Для нее и река не будет преградой...

Он замолчал, тяжело вздохнув, – за рекой на пути Тьмы стоит Эйнере, последний город марханов.

Новый поворот тропы, и из-за большого здания мы вышли, скорее всего, на бывшую городскую площадь. Тропа делила ее ровно пополам, и мы продолжали идти, пока Филька не остановился и не зарычал – глухо, остервенело, с нотками отчаяния. Он испугался, соответственно и я тоже. Весь отряд насторожился и только дракон направил Серого ко мне поближе.

В этот момент из-за угла здания показалось нечто трудноописуемое. Станный огромный ком из крупных и мелких камней от разрушенных зданий. Кое-где из него торчали ветки или целые мшистые кочки, которые перемежались инструментами для земледелия. Сначала оно вызвало у меня лишь недоумение. Но когда оно подобралось поближе, я судорожно сглотнула и в ужасе уставилась на шкуру мертвого животного и остальные составляющие этой мерзкой махины, очень похожие на человеческие кости, торчавшие между ветками и комьями земли. Рядом со мной потрясенно выдохнул Дезей, темнея. Он сразу высвободил из-за ремня оба меча и принял боевую стойку.

– Земляные големы! Тьма все сильнее, раз способна создавать такое...

Он прервался, потому что неподалеку прямо из земли вырос второй голем, подгребая под себя лапами-наростами землю, камни и все остальное. Первый также начал меняться, становясь похожим на огромный колобок с руками и ногами. Бр-р-р, я уже ныла от потрясения, когда из дома, который мы недавно обошли, создался еще один голем. Он вырвался

из плена старого здания, позади него рушились остатки остова, летели комья земли и чахлого кустарника.

Скайшер вытянул вперед руку и знакомым движением резко распрямил пальцы в попытке послать в этих чудищ заклинание, но послал лишь пшик с маленькой искоркой. Это его весьма озадачило, он даже с недоумением посмотрел на свою руку, а потом, стряхнув оцепенение, так же как и Дезей, вытащил пару клинков из ножен на поясе. При этом мрачно повернулся ко мне и строго приказал:

– Из-за моей спины не высовываться, куда я, туда и ты, Алев!

Я только кивнула, испуганно сглотив, а Дезей предупредил:

– С тропы не сходить ни в коем случае, что бы ни происходило! Надо попытаться прорваться вперед...

Ксион, тяжело вздохнув, распрямил плечи и так же приготовил к бою свои мечи. Но големы оказались коварны, потому как один из них подобрался вплотную к тропе и, вытянув вперед выросты-лапы, пошел нам навстречу. Резкий хруст веток и шум с другой стороны заставили меня обернуться и замереть, прикусывая кулак и не давая себе закричать – на нас шел четвертый. И размеров его конечностей хватит, чтобы до нас дотянуться. Он будто слышал мои мысли и буквально через мгновение подцепил одного из жрецов и выкинул своим собратям.

Марханы распределились по тропе для контроля всех четырех големов, и я второй раз увидела, как они сражаются. Действительно великие воины, без сожаления и страха начавшие танец со смертью. Змеиная пластичность, броски, гибкость и скольжение помогали им уходить от загибающих лап врагов. Они старались отвлечь монстров, давая возможность Скаю увести меня вперед, но их попытки оказывались бесплодными. Твари, одержимые жаждой убийства, перли напролом, и только границы тропы их пока сдерживали. Уже трое марханов дрались за ее пределами, и по их искаженным лицам было заметно, что они сдерживают натиск не только големов, но и отравляющих сознание голосов.

Скайшер пошел в атаку, как только один из големов протянул ко мне лапы. Я от его стремительности и мощи даже замерла на мгновение, задыхнувшись от восхищения. Он был просто бесподобен и с развивающимися золотыми волосами и крутящимися клинками напоминал бога войны. Самое страшное, что все усилия моих защитников были напрасными, так как отсеченные части падали на землю, но на их месте вырастала новая, а отрубленный фрагмент снизу вливался в их тело.

Все наши действия были временны – как только силы истощатся, нам

придет конец. Либо раздавят, либо разорвут на сотню маленьких кусочков, либо серая мгла за тропой поглотит и запутает сознание, превратив в еще более кошмарное существо, чем эти големы. Первый мархан, оказавшийся за гранью тропы, еще дрался, но уже весь голубой от усилий, видимо, голоса внутри становились все сильнее. Двое пока держались, и по ним не скажешь, что у них какие-либо проблемы с сознанием.

Я пострадала за невнимательность, меня подцепили за волосы корявой веткой и под мои жуткие вопли выволокли за тропу. От силы удара, с которым меня приложили об землю, вышибло воздух, и я замолчала, но тут же ощутила, как серая мгла буквально заползает мне в голову, путая мысли и чувства. Но это не помешало мне услышать дикий рев Скайшера, избранную которого так неприлично и без спросу бросили на землю, оттащав за косы. Мой золотой смерч сам выскочил за границу и, вертясь волчком, встал между мной и големами. Куски чудовищ полетели в разные стороны, а клинки в его руках можно было различить лишь по бликам на лезвиях.

Но все бессмысленно. Эти уроды слишком быстро восстанавливались, а нам на это времени не давали. Все марханы и мархуз тоже сошли с тропы, окружая меня. «Все это лишь временно!» – билась в голове паническая мысль. Первый мархан уже раздавлен каменной стопой голема, и на наших глазах его тело поглощалось этой тварью, страшным кровавым пятном выделялось на ее поверхности. Двое других были ранены, но бились наравне со всеми. Филя, как заведенный, молча кидался на каменные исполинские ноги.

Скайшер, проводив взглядом в очередной раз отсеченный им кусок голема, прищурился от какой-то пришедшей ему мысли, потому что отскочил в сторону и через мгновение обернулся золотым драконом. Ветер его крыльев разогнал серую мглу, когда он невысоко взлетел, потом спикировал, подхватил одно из чудовищ и, подняв его вверх, окатил своим пламенем такой силы, что на землю серым дождем осыпались труха, зола и опаленные до черноты камни. Мгновение подождал, но голем не восстановился, и Скайшер, словно коршун, бросился к другому, подхватил на лету, расправился с ним, как и с первым. А затем и с остальными двумя, пока едва дышащие от усталости марханы тащили меня под защиту тропы. А следом брел мархуз с вываленным языком. Я хотела было тоже обернуться в драконицу и помочь Скайшеру, но Ксион гневно шикнул, чтобы не мешала. И я покорно пошла за ними. Запахло паленым мясом – последний голем, убивший одного из жрецов и вобравший его в себя, осыпался на землю. От погибшего мархана не осталось ничего, кроме золы.

Рядом пробормотал Дезей:

– Хвала Стретеру, после смерти Жеар послужит на благо своей земле... даже таким способом.

Внутри меня все застыло от пережитого и этой жуткой смерти. Филя привалился к моей ноге, его бока ходили ходуном, словно работали кузнечные меха. А я, не отрываясь, смотрела на золотого дракона, который поднялся ввысь и, оглядевшись, снова спустился на тропу. Через мгновение его сильные руки обхватили меня, а я почувствовала себя совсем жалкой, слабой и никчемной. Ведь помочь я не смогла никому, даже себе, и защитить не смогла ни себя, ни других. Стояла тут тупым изваянием и вопила, как резаная.

– Не думай о плохом, любимая! Все обошлось...

– Я не смогла помочь, стояла и тряслась от ужаса, а сколько гонору вначале было... Думала, могу сама со всем справиться, – в отчаянии всхлипнула я.

– Девочка, я готовился к этому всю жизнь, тренировался, изучал и уже два раза шел этой тропой, но всегда все по-новому, а в этот раз... Тьма крепчает. Чем больше она высасывает сил из моего народа, тем сильнее становится. Хвала Высшим, они послали нам тебя и твоего избранного, – вмешался Дезей, успокаивая и прекращая мои самоистязания.

Я снова всхлипнула, а когда оглянулась кругом и поняла, что Тихони и Серого на тропе тоже нет, совсем расклеилась. И впервые за все это время, уткнувшись в куртку Ская, заплакала у него на груди, причем не тихо, а навзрыд. Мне не жаль своих вещей, я болела сердцем за полюбившихся лошадей. И за того мархана, горсткой пепла оставшегося здесь навсегда.

– Там сверху было что-нибудь примечательное? – тихо обратился к Скаю Дезей.

– Нет, только серая муть среди деревьев.

Все еще пытаюсь успокоиться под заботливыми ладонями Ская, нежно ласкающими мои плечи и спину, я услышала тихий шорох мархановских хвостов – наши спутники отползали, оставляя нас наедине. Правда, на пару минут – на большее не решились.

Дальнейший путь до вечера прошел в молчании и тревожных мыслях. Я старалась шагать бодро, но держала за руку мужа и жалась к нему. Или, скорее, это он вцепился в мою руку мертвой хваткой. Хотел нести на руках, но я отказалась, должна же быть у меня хоть капелька гордости. Но мой дракон, получив категоричный отказ, нахмурился и, как мне показалось, расстроился. Ночью дежурили по трое, и мархуз был полноценным сторожем, причем, как я заметила, его чутью теперь доверяли больше, чем

своему.

Я спала, крепко прижавшись к груди мужа, и даже устало и отстраненно немного порадовалась, что мой небольшой рюкзак был закреплен на мархузе. Просто он сорвал его с себя припадении, ремни оторвались, но нести его можно было без труда. Основную часть везла Тихоня, но хоть небольшая смена белья и необходимые мелочи сохранились.

Каждый раз, засыпая, я слышала на грани яви и сна тихий шепот, говоривший о любви, обещавший, что все будет хорошо. Верила безоговорочно и, когда просыпалась, первым делом тянулась к его губам и шептала о своей любви к нему. Благодаря этому настроение Ская существенно улучшалось. Его желание, кстати, тоже, но он терпел, хоть напряжение и все больше накапливалось и ощущалось уже всеми, заставляя нервничать и отступать от меня чуть дальше.

Но эта тропа не место для подобных игр. Хотя я и сама уже была не против – так велик был соблазн прикоснуться к его гладкой золотистой коже, вновь почувствовать себя наполненной им и ощутить, как гудит огонь в крови, пока мы слиты воедино. Он – моя зависимость, и с каждым днем это ощущается все острее.

Последние три дня пути прошли в напряжении и мелких стычках со всякими тварями, но чаще всего они проходили, как говорят на Земле, в штатном режиме, и много времени на нее не требовалось. А утром восьмого дня, если можно так назвать осточертевшее серое марево, мы подошли к куполу. И он выглядел именно так. Купол!

Мне казалось, окружающая нас серая мгла, которая змеилась между деревьями и заставляла все живое сходить с ума и пожирать все вокруг, рождается самым куполом. По крайней мере, такая мысль пришла, когда я увидела клубящееся серое нечто с размытыми контурами, которое, словно живое, выгнулось и передвигалось, переливалось, дышало. А может так и есть? Я не выдержала и прокомментировала:

– Жуткая жуть! И как вы дальше проходите?

Один из жрецов, стоявший рядом с куполом просто скользнул чуть ближе и, протянув руку, окунул ее в эту все время движущуюся серость.

– Так, может, и остальных без проблем пропускает?!

Марханы помрачнели, Скайшер встал за моей спиной, уже привычно обхватывая за плечи и кладя подбородок на макушку.

– Многие чужаки пытались пройти, но купол впитывал их без остатка.

– А я? Как я пройду? – мой испуганный писк даже саму себя заставил поморщиться.

– Если артефакт на тебе, ты свободно пройдешь! – ответил Дезей.

Я успокоилась, но следующая мысль вновь повергла в панику:

– А мои... А Скайшер и Филя как же?

Марханы потемнели то ли от нервов, то ли от смущения, но Дезей продолжил:

– Мархуз сможет пройти, если на нем поедет кто-нибудь из нас, а твой дракон... вы едины, и я думаю, ты признаешь это?

Я кивнула, почувствовав, как после моего кивка стальное тело за спиной расслабилось и уже знакомо обтекло мое, словно вращаясь в мою спину. А Дезей между тем продолжил, чуть приподняв в добродушной ухмылке уголки губ.

– Значит, если артефакт на тебе истинный, твоему мужу тоже ничего не угрожает. Он понесет тебя так же, как я поеду на мархузе, согласна? Идем дальше?

Они все пристально, но уже в тревожном ожидании уставились на меня. Еще бы, столько потрачено сил и времени, погиб их друг, а они сейчас стоят и ждут моего решения. А главное, моих действий, ведь если я пройду, значит, артефакт – настоящий, и их жизнь изменится навсегда, и долголетие вернется, а если не пройду или не пойду, значит, все очередной обман, и все напрасно...

Я смотрела на переливающуюся серую голодную махину, высившуюся передо мной и до дрожи в коленках боялась сделать решающий шаг. Осталось совсем чуть-чуть, но вдруг учитель Камос ошибся и дал мне не тот артефакт... А вдруг этот купол тоже с ума сошел? И таких «а вдруг» было слишком много. По застывшему позади меня телу дракона, я поняла, что он почувствовал мои страхи и сомнения, и уже был практически готов наплевать на марханов и забрать меня отсюда. Чего уж проще – расправил крылья и вперед – к свободе, к уютной, уже такой родной пещере в Золотой долине... Но остается огромное но и его невозможно отринуть. Долги надо всегда платить, с какими бы опасностями и невзгодами не пришлось столкнуться. Во всяком случае, для себя я так полагала.

Присела на корточки перед Филей и, посмотрев ему в глаза, пояснила, что он должен сделать. Получив эмоциональную волну согласия, встала и, приподнявшись на цыпочки, впиалась поцелуем в губы своего дракона... вдруг, в последний раз. Выразила этим поцелуем всю нежность и любовь, которую испытываю к нему, но, почувствовав, как моему мужу начало сносить крышу от желания, оторвалась.

– Люблю тебя больше всего на свете, Скай! – Золото в его глазах полыхнуло пламенем, а руки крепче обхватили меня, а я тихо

прошептала: – Ты мне веришь?

Он мрачно усмехнулся и поднял меня на руки, прижимая к себе как ребенка, и, снова не удержавшись, лизнул вдоль щеки и виска.

– Всегда и во всем, любимая!

– Тогда пошли, закончим, наконец, это дело!

Я вцепилась в воротник его куртки, удобнее устраиваясь в его руках и укладывая голову на его надежное плечо. Сжала заветный артефакт в попытке успокоиться, и тут моего уха коснулись губы склонившегося надо мной Ская, который прошептал:

– Не бойся, он настоящий! Да и преграду эту я сам вполне пройду. Нашу шкуру ни одна зараза не берет, не то что это жалкое заклятье.

Каков хитрец! У меня чуть истерика не началась, можно сказать, на казнь собиралась, а этот пройдоха... И уже перед тем, как мы шагнули в марево, я прошипела:

– А ты откуда знаешь, что он настоящий?

Мой дракон закатил глаза в притворном раздражении и уже весело ответил:

– Да я когда молодой был, сокровищами увлекался... Ну вот и услышал про этот артефакт, пробрался в пещеру к этому самому ложу, ну и... – я даже задохнулась от его слов, провел, опять провел. А он, заметив мое шокированное лицо, поспешил успокоить: – Я не решился обречь целый народ на вымирание и в последний момент передумал его брать.

– Воровать, ты хотел сказать...

– Одолжить на время...

Вот так, под милые драконьи откровения мы прошли сквозь барьер. Я не почувствовала ничего, так потрясла эта история, но стоило очутиться по другую сторону, как все вылетело у меня из головы.

Глава 25

Древний город был погружен в сумрак и тишину. Темные, покрытые многовековой пылью стены уже знакомых домов-грибов с круглыми оконцами, в которые давно не заглядывали лучи светила Лайваноса. Мостовая из булыжников не блестела, натертая тысячами синих толстых хвостов, наверное, позабыв уже, как скользит по ней чешуя. Город упирался в одинокую гору, рядом с которой словно грибы росли многочисленные холмы. Как рассказывал Камос, Город Предков расположен у подножья гор, в которых издревле жили черные драконы, и

местные жители часто их отгоняли камнями из пращи от домашней скотины или посевов.

Рядом с нами проявились остальные марханы, но теперь их облик и лица поменялись. Ушли тревога, страх и неуверенная надежда, которую так легко могло сменить отчаянье и злость на судьбу-обманщицу. Нет, теперь рядом со мной стояли счастливые марханы, светящиеся безумным восторгом и благоговением. Смотрели-то они на меня, но благоговели явно не передо мной, они словно прощупывали мое тело на руках дракона. Поедали сантиметр за сантиметром, неистово ища древнюю реликвию – их гарантию нового будущего. Один из них не выдержал и выдохнул:

– Значит это все-таки правда? Драконица и Повелительница Светлых несет наше Сердце на себе... Вернула его домой!

А мой дракон тем временем хмурился все сильнее, оглядывая ополоумевших от счастья марханов, а меня даже Ксион, не отстающий от своих товарищей, пугал. А тут мы еще заметили вначале медленно, а потом все быстрее ползущих к нам других марханов. Предыдущая смена, завидев нас, собралась довольно быстро, и тоже уставилась на нас со Скаем. Как только новенькие впечатлились сообщением и устремились ко мне с явным намерением хотя бы коснуться носительницы реликвии, дракон не выдержал и гневно, предупреждая рыкнул:

– Моя! Кто тронет – съем!

Угрозой они прониклись, правда, я не выдержала и недоверчиво посмотрела на муженька. Он резко повернулся и пошел в сторону горы, а наш мархуз засеменил рядом. Потом Скайшеру, видимо, вспомнилось о его якобы незнании места нахождения ложа для артефакта, он остановился и посмотрел через плечо на скользящих за нами марханов.

– Ну, показывайте, куда идти. Чем быстрее положим на место, тем меньше у меня будет желания...

– Любимый... – мой предупреждающий возглас был попыткой остановить дальнейшие высказывания дракона. А то вдруг сейчас скажет, что хочет, хм-м-м, одолжить этот синий камешек на время.

Скай хохотнул, прочитав эти предположения на моем лице, перехватил поудобнее и снова повернулся к подозрительным марханам. Похоже, хвостатые заподозрили что-то неладное, но молчком выстроились в цепочку с нами посередине и попыли к горе.

К моему сожалению, ничего торжественного, удивительного или слишком загадочного в церемонии возложения не было. Мы долго поднимались в гору, потом прошли по тоннелю в ее каменное нутро и оказались в святилище. В центре стоял каменный постамент высотой мне

по грудь, с ямкой наверху.

Артефакт нагревался по мере приближения к горе, а когда оказался рядом с ложем, словно ожил и едва ощутимо запульсировал. Все остановились позади меня, а я сняла цепочку и отстегнула камень от общего кольца, потом, как сказал учитель, положила его в лунку. Мгновение ничего не происходило, а потом Сердце Марханов приподнялось и зависло в воздухе, синий камень запульсировал уже видимо для глаз, а не только моим сердцем. Он испускал мягкий свет, который растекался вокруг, даря тепло и умиротворение. Серебристые полосы зазмеились по нему. И если в самом начале мне казалось, что их всего несколько штук, то теперь я не видела им конца и края, с такой скоростью они перемещались, словно множество змеиных тел... тысячи змеиных тел. Изредка эти пульсирующие полосы устремлялись к металлическому кругу, в который был заключен камень. Вот оно – непостижимое и загадочное... И такое прекрасное!

Я чувствовала, что меня переполняют светлые и радостные чувства тепла и любви, а еще трепет перед невероятным чудом. Повернувшись к остальным и замерла, наслаждаясь их видом, отражавшим те же эмоции. Ксион порастил меня разгладившимся, сразу помолодевшим лицом и слезами в умных черных глазах. Я же громко произнесла:

– Твоя миссия закончена, Великий Камос Который Всегда Идет до Конца! Твоя воля исполнена, а мой долг выполнен, учитель!

Все марханов под моим ошарашенным и слегка недоуменным взглядом Ская свернулись на полу клубками и, накрыв свои черные головы ладонями, произнесли:

– Народ марханов никогда не забудет твое великое деяние, Алев Красная! Народ марханов никогда не забудет твое великое деяние, Скайшер Золотой! Народ марханов будет вечно чтить память Великого Камоса Который Всегда Идет до Конца!

Мы с мужем впечатлились необычайно, так и пошли вниз в город потрясенные. А затем увидели, что купол исчез, Дрив в зените, а Суар, напоминая о себе, скользит своими лучами по древним стенам. И вообще, похоже, на радостях предполагалась попойка. Впрочем, мы со Скаем были только «за», особенно койка-месту, судя по горящим, словно масляные лампы, глазам моего любвеобильного дракона.

Скайшер выдержал ровно час праздничного, но довольно скудного обеда, с ехидным выражением наблюдая, как наклюкиваются марханов, охмелевшие от пока еще не до конца осознанного счастья. Затем проверил, съела ли я все, что мне навалили в тарелку. И неважно, поместилось оно

или нет, если что, помог бы утрамбовать. Он действительно ошибок в отношении своей женщины дважды не совершает.

После меня бесцеремонно вытащили из-за стола и отнесли в выделенные нашей семье комнаты. Две, потому что Филю Скай выдворил в соседнюю, чтобы не мешал соблазнению. Дракон чуть ли не бегом рванул к постели и лихорадочно начал избавлять меня от одежды. Я же, все еще помня, что другой у меня нет, предложила:

– А давай я сама, а ты пока свою снимешь. Так будет быстрее... – Он с сомнением посмотрел на меня, но моя хитрость вкупе с проникновенным взглядом, подействовали.

Свою одежду он буквально содрал, а когда я догола разделась, он, дрожа, накрыл мое тело, сминая грудь, стараясь коснуться буквально каждой частички. Поедая меня глазами и, куда ж без этого, вылизывая тоже. Прелюдия долго не продлилась, терпение у моего дракона оказалось на исходе, и, стоило мне в голос застонать, когда его губы обхватили вершинку груди, как оно сорвалось вниз, утащив за собой и его выдержку, и благоразумие.

Он одним махом ворвался в меня с таким сладострастным воем, перемежающимся с рыком, что я невольно восхитилась... собой. Неужели я могу довести его до такого за минуту. Потом горделивая мысль утонула в уже собственном вопле, когда мой драконище усилил натиск, сжимая мои ягодицы и впиваясь в губы. Укусил до крови, тут же зализал и вздрогнул от явного взрыва наслаждения, когда я в ответ тоже укусила его до крови, смешивая ее с моей. Это была дикая звериная безудержная страсть в чистом виде.

К утру мы со Скаем прошли, наверное, всю азбуку распутства. И ни один мархан не осмелился помешать нам, а ведь мы совершенно не сдерживали крики счастья. Меня научили стольким способам любви, и если кто-то рассказал мне хотя бы о части из них до встречи с моим драконом, я бы сочла его ненормальным. Но стыда я больше не испытывала, как и стеснения. Казалось, не существовало ничего, что не нравилось бы Скаю, или что он не желал бы делать. Он оказался на редкость терпелив и ко всему подходил с такой основательностью, что я в конце почувствовала себя так, будто меня разобрали на части и собрали заново.

Я любила и отдавалась ей без остатка, и так же, как Скайшер, поняла, почему ему так нравится вкус моей кожи. Я сама полночи пробовала на вкус своего мужчину, долго и обстоятельно. Причем он иногда даже терпеливо лежал, закатывая от удовольствия глаза. Такой забавный... ну

кто бы мог подумать...

Усталая и удовлетворенная, я уснула, свернувшись калачиком у мужа под боком, и открыла глаза, когда в окно пробивался уже далеко не утренний свет. Я почувствовала, как Скай рядом зевает, ежась и потягиваясь, словно большой кот. Все казалось слишком чудесным, чтобы быть правдой: и тяжелое тело рядом моего личного дракона, и легкая саднящая боль, и приятная ломота во всем теле, как напоминание о ночи любви. И рука, покоившаяся на моем голом бедре. Моя миссия, наконец, завершена, ведь, что ни говори, а жить с чувством невыполненного долга... короче, испытала я огромное облегчение.

Только на следующий день мы вновь выползли поесть и пообщаться с нашими хозяевами по весьма важному поводу. Как только наш обед подошел к концу, я рассказала жрецам и шаману, что Камос просил вернуть в город предков и все награбленное богатство, и дракон предложил воспользоваться его услугами и пройти порталом.

В альтруизме Скайшера подозревать никто не стал, все тут же благодарно на меня взглянули, поняв, что золотой помогает потому, что ему хочется, наконец, полностью избавиться от обязательств свою избранную. Запрягли пару подвод и приготовились к столь значимой для меня и марханов встрече с теперь уже легендарным магом.

Когда мы вышли на знакомой, будто родной мне поляне перед схроном, в груди защемило от печали и ощущения, словно я вернулась домой. Мы с Филей побежали в сторону спрятанного от посторонних входа в пещеру и даже не обратили внимания на гневный рык дракона, который поспешил за нами. Мы скатились по ступеням, и Филипп побежал дальше, чтобы вновь, как в недавние времена, развеивать призрачную фигуру Камоса, а я остановилась на пороге, с облегчением и счастьем взирая на учителя. Он мягко улыбался мне в приглушенном свете магических светильников, а я чувствовала, как и по моему лицу расползается довольная улыбка, а сердце бухает от радости.

– Привет! Я счастлива, что ты еще здесь, учитель. Я переживала, что ты...

– Не думай о плохом, девочка моя. Душа бессмертна!

Я почувствовала за спиной Скайшера, обхватившего меня руками. Мархуз вильнул хвостом и, вывалив язык, улегся рядом с призраком, который с удивлением и уважением рассматривал моего дракона.

– Поздравляю, Алев, ты встретила золотого. И благодарю за то, что и мне подарила встречу с ожившей легендой Лайваноса.

Камос подплыл ближе и, протянув призрачную руку, как будто

дотронулся до золотой пряди Скайшера, который при этом даже не вздрогнул, но волосы его покрылись инеем. Мне показалось, Камос стал еще более прозрачным, все же то, что ему пришлось сделать, чтобы я могла узнать правду о родителях, забрало у него много сил. Ведь раньше он был почти неотличим от живого, а сейчас – настоящий призрак. Печаль наполнила мое сердце, и муж это понял, потому что неожиданно глубоко вздохнул и дунул горячим огненным драконьим дыханием в сторону призрака. Я испугалась, но вздрогнувший вместе со мной учитель вновь стал прежним, словно обрел плоть. Он поднял благодарный взгляд на Скайшера, который вновь прижал меня к себе.

– Благодарю за живое тепло, которым ты наполнил меня хотя бы на время, я так давно не чувствовал его, что забыл, как это – быть живым.

Скай чуть приподнял бровь и ответил:

– Это благодарность за помощь моей любимой, когда она в этом больше всего нуждалась.

Камос печально хмыкнул и пояснил:

– Моя душа свободна, золотой, это значит, что свои обязательства передо мной она выполнила и полностью расплатилась за все, что я для нее сделал. Я лишь надеялся, она заглянет ко мне перед уходом...

– Я счастлива, учитель, что успела повидать вас перед расставанием.

Скай наклонился, потерся носом о мою макушку, с удовольствием глубоко вдохнул мой запах, а потом успокаивающе произнес своим хриплым, словно далекий раскат грома голосом:

– Не переживай, ты скоро встретишься с ним. Я уверен, мы дождемся его перерождения и навестим.

– Но как... Как мы узнаем друг друга? – синхронно спросили мы с учителем.

Дракон хохотнул и с доводящей меня до умопомрачения дьявольски сексуальной улыбкой ответил:

– Ну, любимая, в отличие от этих марханов, я не столь доверчив и стараюсь из своих ошибок извлекать уроки. Так вот, перед выходом из пещеры, где хранится этот прелюбопытнейший артефакт, я наложил... хм-м-м, защиту. Как только из нее вышел последний мархан, она сработала.

Мы с Камосом одновременно выкрикнули:

– Но зачем?

– И что она из себя представляет?

Скай довольно лизнул меня в щеку, затем в ухо и ответил сначала мне, потом Камосу:

– Насчет «зачем», Алев, просто я тебя изучил довольно неплохо и, как

мне кажется, ты теперь этих марханов всю жизнь оберегать будешь. А тот артефакт так ненадежно спрятан... Я позаботился, чтобы у тебя было меньше поводов волноваться за этих хвостатых и отвлекаться от нашей семьи. – Камос ухмыльнулся, зато я скрипнула зубами от раздражения, но довольный дракон продолжил, глядя на Камоса: – Я заблокировал вход в пещеру, и теперь туда может войти лишь один мархан, вновь рожденный Камос Который Всегда Идет до Конца. Моя сигналка сработает, и мы точно узнаем, что твой учитель, сладкая, вновь на Лайваносе.

Мое раздражение смело волной счастья, восторга и благодарности мужу:

– Спасибо, любимый! За все спасибо!

Я обвила его талию руками и, уткнувшись в грудь, потерлась об обнаженный участок кожи в распахнутой рубашке. Потом поцеловала, не смогла удержаться и лизнула, потом еще раз и чуть не забыла, где нахожусь, но покашливание Камоса окатило словно ведром воды, выдергивая из нахлынувшего чувственного дурмана. Стыд опалил щеки, и я, не оборачиваясь, лишь прошептала:

– Простите... Забылась.

– Ты бы почаще так забывалась... А то все время решаем чужие проблемы, а о себе даже подумать некогда. – Раздраженное ворчание мужа помогло прийти в себя и быстро прогнать смущение и стыд.

– Судя по тем двум дням, когда вы своими заботами друг о друге никому спать не давали, – раздались за нашими спинами ехидные слова Ксиона, – о себе вы точно не забываете.

Скай ухмыльнулся и, пропуская мархана вперед, так же ответил:

– Шаман, ты мне просто завидуешь, ведь твое тело уже забыло, что такое любовная лихорадка единения, а после пробуждения артефакта снова вспомнило. – Ксион потемнел от смущения, а мы с Камосом с любопытством уставились на него. Шаман не знал, куда девать глаза, а Скайшер добил его окончательно: – Да ты не переживай, Ксион, за следующие четыреста пятьдесят лет, я уверен, ты не раз еще вспомнишь, что это такое. И вообще, пора бы тебе и свое гнездо вить и заводить новых детенышей. Глядишь, еще своего ученика с внучкой обскачешь в усердии...

Вновь за спиной послышался смех – Дезей протиснулся в пещеру. Он, как в той пещере в проклятом городе, свернулся на полу клубком перед Камосом, а Ксион и еще парочка марханов к нему присоединились.

– Приветствуем тебя, Великий Камос Который Всегда Идет до Конца, твоего деяния не забудет ни один мархан, – торжественно произнес Дезей. А потом уже весело добавил: – К тому же, я полностью согласен с

драконом. Ксион, пора нам подумать о потомстве и возрождении нашего народа и былого могущества марханов.

За разговорами марханы начали переносить сундуки с драгоценностями из пещеры на подводы. Кости Камоса завернули в богато украшенный плащ и тоже унесли – их предадут земле в Городе Предков. Камос, если бы мог, наверное, прослезился бы от счастья. Я коротко рассказала ему, как все прошло, пока марханы таскали богатства. Уже почти все загрузили на подводы, остался лишь последний небольшой ларец, с выносом которого Камос больше не задержится среди живых и уйдет за грань. Он пристально посмотрел на меня и вкрадчиво спросил:

– Алев, ты ничего не забыла вернуть?

О, я, конечно, помнила о нашей договоренности, но жадность коварно засвербела, поэтому я, изобразив святую простоту, выпалила:

– Я же тебе рассказала, что книги потеряны в вашем проклятом лесу, пусть твои сородичи их там сами ищут...

– Алев, я не шучу и давал его тебе только на время...

– Ах, ну да, конечно же! – Скрепя сердце, я с тяжелым вздохом сняла золотой наруч, который ускоряет обучение. Демонстративно сунула его в ларец и как ни в чем не бывало с видом примерной девочки заявила: – Я забыла про него... Нечаянно...

Марханы насмешливо молчали, зато Скай, ехидно растягивая слова, прокомментировал:

– Да-да, мы все так и подумали! Но я счастлив, что ты истинная драконица, и ничто блестящее тебе не чуждо.

Вот тут я не выдержала и расхохоталась, с разбегу запрыгивая на руки к своему дракону, который обнял меня и с невыразимой нежностью заглянул в глаза:

– За это я люблю тебя еще сильнее, моя сладкая!

– О, небо, куда уж сильнее?

– Скоро я тебе это наедине покажу, и не переживай – моя сокровищница не чета этой. Я осыплю тебя драгоценностями, да хоть купайся в них и сверкай почище Дрива.

– Скай, а не пора ли нам в гнездо возвращаться... – Услышав обещание, я загорелась желанием порыться в тех залежах, которые заметила при посещении пещеры Скайшера.

Мы простились с Камосом, причем наша уверенность в скорой встрече странно росла, поэтому прощались мы лишь с легкой светлой печалью. Как только мы покинули подземелье, вынеся последнюю хранившуюся там вещь, как его медленно поглотила земля. Мы постояли пару минут, а затем

Скай создал портал в проклятый город.

Задерживаться там надолго мы не стали. Плотно пообедали, попрощались с нашими спутниками, особенно с Ксионом, и пообещали навещать их почаще. Эх, это они еще не в курсе, что никто в пещеру зайти не сможет, полюбоваться на их главную реликвию. Чувствую, скоро у нас со Скаем долго уши и щеки гореть будут.

Я запретила мужу создавать новый портал, боялась проснувшихся вулканов и землетрясений, поэтому домой мы решили лететь, а мархуза Скай собрался нести в лапах, что мы и сообщили Филе. Он, конечно, энтузиазма не проявил, но, поворчав, умолк, когда дракон на него многозначительно посмотрел. После обещания найти ему подружку, Филя зауважал золотого чуточку сильнее меня. Гад! Молоко на губах только обсохло, а все о том же думает...

Глава 26

Я стремглав улепетывала от Ская под возмущенный, испуганный рык Фили. Похоже, моя вторая ипостась вспомнила, что я еще слишком молодой и гормонально неустойчивый дракон, которому по возрасту положено чудить, играть и совершать различные глупости.

Наверное, поэтому в какой-то момент я решила поиграть в прятки среди розовых облаков, а потом так заигралась, что в очередной раз потерялась. Вынырнула из пушистого низкого облака и спустилась ближе к земле. Я сердцем чувствовала, что мой любимый где-то рядом. Предчувствовала неизбежное наказание, ведь золотой уже явно на взводе, а ему приходится еще и Филю тащить. Мысленно чертыхнувшись и отвесив себе подзатыльник, спустилась еще ниже, зависнув над кронами деревьев, и вдруг заметила внизу всадников. Оглянувшись, я поняла, что нахожусь на границе земель светлых и темных эльфов, а территорию марханов уже покинула. Ну, пока хоть летела в правильном направлении...

Рассмотрела машущих мне руками всадников и с удивлением рассмотрела среди них Мансея и сопровождавшую его пятерку эльфов. Снова осмотрелась, но золотого пока не было видно, хоть я буквально кожей ощущала его ярость и скорое появление. Хм, надо разобраться с этими мальчишками, пока мой благоверный не прилетел. Спустилась вниз и через минуту оказалась рядом со спешившимися эльфами уже без крыльев и чешуи.

Мансель широко улыбнулся, рассматривая меня, особенно корону.

Остальные выглядели слегка напряженно и постоянно поглядывали в небо, видимо, задаваясь вопросом, а где же второй дракон?! Подходить близко я не спешила:

– Привет, младшенький! Каким ветром вас сюда занесло?

– За тобой, Повелительница, и за нашей короной! – криво усмехнулся Мансель.

В следующее мгновение порыв ветра ударил меня в грудь, заваливая наземь, а потом я почувствовала, что меня спеленали воздушные потоки и я не могу двигаться. С ненавистью посмотрела на Манселя и его товарищей, которые медленно обступали меня со всех сторон. Младшенький грациозно присел рядом и мягко убрал упавшие на глаза пламенные прядки.

– Не волнуйся, Алев, вреда тебе никто не причинит, но корона принадлежит моему отцу, а ты – собственность моего брата. Эс Севери от своего так легко не отказываются, это я тебе докажу!

– Так это тебя, неудачник, брат подослал? Сам не смог, на своего братишку понадеялся?

Ладонь Манселя на моей щеке дернулась и сжала волосы на затылке. Вроде не больно, но смотреть я могу только на него.

– Я сам решаю, куда мне идти, и что делать... девочка! Открывай портал!

Я хмыкнула презрительно:

– А ты, мальчик, видимо забыл, что открыть портал можно лишь туда, где хоть однажды побывал?!

Мое презрение должного эффекта не оказало, потому что Мансель кивнул одному из своих товарищей. Тот нарисовал в воздухе очень четкую объемную проекцию, изображающую огромный зал.

– Теперь ты его видела! Открывай портал!

– Ну, для этого вам придется освободить мои руки!

Меня подняли за локти, при этом Мансель зло предупредил: «Не дурить!» и снял путы. Вздохнула, поправила одежду – кожаные легинсы и рубашка уже до нервного зуда достали, но другой пока нет. В груди разлилось тепло, почувствовав которое, я в радостном предвкушении улыбнулась и начала открывать портал. Но, как и предполагала, образовался лишь короткий пшик, а я пояснила это явление окружавшим меня удивленным эльфам:

– Абонент вне зоны действия сети или вообще не доступен... И вообще, кто меня отпустит с вами-то?

– О чем ты говоришь...

Гневный вопль Манселя прервался на полуслове испуганным

вскриком одного из его компаньонов. Я обернулась и с любопытством пару мгновений понаблюдала, как мощные челюсти мархуза клацнули в сантиметре от задницы вскрикнувшего эльфа, который, к его чести, все же увернулся и начал выстраивать между собой и Филей стену из растений. Мархуз упорно пробивался сквозь преграду, и перепуганный парень со всех ног рванул от меня.

Остальные эльфы, включая и самого Манселя, сейчас разбежались по поляне. Золотой торнадо, не издавая ни звука, метелил их одного за другим так яростно, что мне захотелось снова куда-нибудь спрятаться. Придется платить за свои ошибки, как это ни печально. Ведь я могу только представить, что испытал дракон, потеряв меня, учитывая обстоятельства гибели матери и отца. В этот момент я бы сама себя прибила за безмозглость и легкомысленность, но случившегося не исправишь. Драка длилась всего пару минут и, вероятнее всего, имела бы летальный исход для этих светлейших дурней, но неожиданно я почувствовала знакомое тепло в груди, а в следующий момент и светлые, и дракон замерли как по команде.

Скайшер тут же оказался рядом, а на поляну высыпали темные. Примерно двадцать – не меньше, и во главе мой мой кровный должник – дед Фаотей Черный Штерназия. Все они рассредоточились по поляне, наставив на нас луки, а дед молча и презрительно рассматривал нас со Скаем. Его глаза прищурились, вспыхнув ненавистью, как только он заметил, что нас плотным кольцом окружили шестеро светлых вместе с мархузом. Будучи еще недавно врагами, сейчас светлые превратились в союзников и защитников. Они пойдут до конца, хотя оберегали, прежде всего, корону.

Фаотей медленно оглядел меня, заметил корону, а затем процедил:

– Такая же похотливая сучка, как твоя мать и моя жена! И снова ящерица опозорила нашу чистейшую кровь. Но корона смоем этот позор, внука. Я прощу тебе чешуйчатого и не убью. Я даже помыслить не мог о таком подарке богов. Отомстить всем светлым сразу за гибель моего сына, за гибель каждого темного, за потерянные территории, и вообще, мне будет очень приятно, внученька, смотреть на их долгую и мучительную смерть.

Я слушала этот красивый чарующий голос, сочившийся смертельным ядом, смотрела в невероятно красивые и безумные от злости глаза своего деда, и моя злость затухала. Оказывается, я ненавидела безумца, а его можно лишь пожалеть и... пристрелить как бешеного зверя. Заметила, как окаменели светлые эльфы после слов Фаотея. Вот теперь эти товарищи точно задумаются, что я могу сейчас сделать с ними, после их неудавшейся

попытки похищения.

– И что же ты хочешь с ними сделать?

Блеснули белоснежные зубы на его бледном благородном лице. Он склонил голову, отчего каскад живой тьмы перелился на грудь, спускаясь до ступней, а потом он так злобно каркнул, что озноб прошел у меня по спине:

– Я – ничего! А вот ты просто прикажешь им всем сдохнуть! Они сами за нас с тобой все сделают!

Медленно обвела взглядом каждого темного эльфа – спутников моего деда. Как я поняла из слов Санренера, все они служат этому безумцу, поклявшись на крови, и не могут ни в чем отказать. В глазах их пустота, похоже, мой дед выпил всех их чувства за столько-то лет.

– А где твой сын Дэной?

– Он не сын мне больше, и проклят мною навечно, и за это тоже поплатятся светлые! Изменник! Предатель! – Я не ожидала столь бурной реакции на, казалось бы, такой простой вопрос. – Как только я займу трон светлых, раздавлю его как насекомое. Украл мою власть, мой клан, опозорил перед советом...

Я почувствовала, как в усмешке вздрогнуло тело моего мужа, и немного расслабилась. Хвала Стретеру, что хоть один из моих темных родственников разумен и нормален... Честно говоря, в этой ситуации я не знала, как поступить, и даже что говорить дальше, особенно, с учетом накалявшейся атмосферы. Светлые напряженно стояли, выставив ладони, готовые в любой момент активировать защиту. Темные, услышав своего старого главу, хмурились, но здесь они явно по принуждению. И рискуют не только своей жизнью, но и честью, и семьями, ведь мой дед пытается развязать новую войну. И они наверняка все понимают, но пойти против клятвы на крови не в силах.

Посмотрела на Скайшера, который впервые не ответил на мой взгляд, а следил за обстановкой.

– Скажи, что мне делать? – шепнула Скаю.

– Ты готова полностью положиться на меня в решении этого вопроса? Каким бы оно ни было? – вкрадчиво поинтересовался дракон, словно ступал на очень зыбкую почву.

– Согласна, Скай! – Я устало прислонилась к его груди и прошептала: – Мне не справиться сейчас самой, и я с удовольствием приму твою помощь!

Дракон молча, в прения не вступая, громкие речи не двигая и не демонстрируя свою крутизну, выставил вперед руку и, щелкнув пальцами, резко развел их в стороны. Как и в Эйнере, все замерли, и время, кажется,

остановилось. Потом Скай повернулся и резко впился в губы поцелуем, немного жестким и слишком собственническим. Пил мое дыхание, ласкал губы и язычок, снова медленно прошелся по лицу, но стоило мне утратить связь с реальностью и, обхватив его лицо ладонями, потянуться к нему, как он отстранился с легкой дразнящей усмешкой.

– Любимая, вообще-то сейчас не время и не место...

– Ну ладно, драконище... – Я дышала урывками, все еще приходя в себя, но все же пригрозила: – Я тебе отомщу за это дома.

– Ой боюсь-боюсь... – рассмеялся довольный дракон, но тут же посерьезнел. – Я могу убить его сейчас, или у тебя на него другие планы?

Кто такой «он» пояснять не надо, я вздохнула и, стараясь даже не смотреть в ту сторону, тихо ответила:

– Санренер мечтал его найти и лично заставить заплатить за смерть моего отца и матери. Можно ли его позвать?

Мой ненаглядный активировал портал и, обернувшись, быстро произнес:

– Обратись к кольцу. Мысленно позови деда через него.

Я так и сделала, причем так усиленно звала, что буквально через минуту на поляну начали выскакивать красные драконы, тут же принимая боевую стойку и яростно зыркая по сторонам. И впереди всех мой любимый дедушка. Черт, а все же какой он дедушка, если выглядит на тридцать пять максимум и похож на красноволосого бога! Он заметил нас с золотым, затем Фаотея и, оценив обстановку, в том числе парализованных, застывших эльфов, замер, как и остальные драконы из нашего клана, коих я насчитала не меньше десяти. Скай недобро взглянул на драконов, с большим интересом посматривающих на меня, и пробурчал сначала мне:

– Я же сказал позвать лишь Санренера, а не эту глазастую толпу. – Мой удовлетворенный хмык заставил его поджать губы и уже процедить деду. – Это мой подарочек для тебя, Санренер, на мою свадьбу.

Дед плотоядно смотрел на Фаотея и ответил, растягивая слова:

– Вполне может быть, что ты не самый плохой родственник у меня и моей внучки. – Санренер внимательно оглядел нас, вздохнул и сделал вывод: – Обряд единения вы уже прошли. – Скай расплылся в довольной улыбке, не предвещающей ничего хорошего тому, кто оспорит этот факт, и кивнул, притянув меня к себе вплотную.

– Ну, «подарочек» принимаю и весьма благодарен... Очень благодарен и не забуду о нем... И да благословит ваш союз Великий Стретер... скорыми наследниками!

– Практически уверен, что Стретер точно благословит!

Я недоуменно посмотрела на мужа, а он лизнул меня в губы.

– Так, а с этими что делать будем? – кивнул Санренер на Мансея и его сподвижников по глупым выходкам.

Довольное лицо Скайшера тут же скривилось, словно он кислого попробовал, поэтому раздраженно ответил:

– Пока на Алев корона, я не могу их убить, хоть очень хочется. Она чувствует их боль. Забери их с собой на перевоспитание. Уверен, Тасель будет только благодарен, что мы не перегрызли глотку его щенку сразу, а оставили ему жизнь... пока что.

Санренер подошел к нам и, не пытаясь даже забрать меня из рук мужа, просто погладил по щеке.

– Как закончите с делами, залетайте, мы должны провести свадебный обряд и для клана, но пока не торопитесь.

Недоуменно посмотрела на мгновенно ставшее непроницаемым лицо деда, который многозначительно посмотрел на Ская, поэтому задиристо спросила:

– А почему это нам не торопиться?

Дед печально посмотрел на меня, потом, уже направляясь к безумному темному, произнес:

– У нас будут дни скорби по Суорену и Гленсии, их убийца ответит, наконец, за все. Я лично займусь этим...

Спрашивать, как именно, расхотелось, когда я заметила жуткий, горящий смертельной ненавистью взгляд красного дракона. Да-а-а, при их любви к своему потомству смерть Фаотея легкой и быстрой не будет. А мне хочется спать по ночам спокойно и лучше не знать таких подробностей. Никогда.

Муж почувствовал мою боль и, погрузив ладонь в волосы на затылке, привлек к себе, спрятав лицо на груди, поэтому я не видела, как разоружили эльфов, а Скай снял заклинание неподвижности, после чего их увели в портал. Но я слышала проклинающие всех вопли Фаотея, и умоляющие – Мансея и его друзей. Темные смиренно молчали. Я лишь глухо спросила у Ская, уткнувшись в рубашку:

– Что будет с остальными?

Последовало недолгое молчание, а потом мой дракон равнодушно ответил:

– Светлые, если будут умными и научатся хорошо себя вести, возможно, останутся живыми, остальные меня не волнуют. Причина, по которой они здесь оказались, – только в них. Клятва на крови дается в исключительных случаях и является добровольной, они знали, на что шли,

принося ее безумцу, и теперь надо платить по счетам. Больше не думай об этом, Алев! Думай лучше обо мне.

Загребущие руки полезли в вырез моей рубахи, обхватывая грудь и лаская ее вершинку, от чего меня пронзила томительная боль внизу живота, и сильное желание разогнало кровь, застывшую от случившегося. Но тут рядом раздался сиплый «гав», мы оба недоуменно посмотрели вниз и натолкнулись на наглый насмешливый взгляд мархуза. Вывалив язык и подвывая, он помахивал хвостом, сметая листья и мелкие веточки. Рука, дарующая столько удовольствия моему телу, нехотя покинула вырез туники, а вслед раздался раздраженный голос Ская:

– Сейчас с короной скоренько разберемся и еще быстрее найду этому злыдню подружку, чтобы он был занят не меньше меня и интересовался своей личной жизнью, а не нашей. И помоги мне Стретер найти ему самую вредную и недоступную самку.

Морда Фили сразу стала такая заинтересованная, а глаза – заискивающие и преданные, что теперь уже я не выдержала и ухмыльнулась. Впрочем, как и мой дракон, который погрозил Филе длинным пальцем и предупредил:

– Так-то... Не зарывайся!

Глава 27

Ветер ласкал крылья, Дрив уже стремился слиться с Лайваносом, а мы втроем подлетали к центральным землям светлых эльфов, их единственному городу, который является и административной столицей, и средоточием власти и интриг. Рашпель. Родовые поселения располагались гораздо дальше от него, а в самом городе находились представительства высокородных домов, святые места для поклонения Пресветлой Алоис, торговые дома и общие урии, которые представляли интересы сразу нескольких низших родов. В центре Рашпеля находился и дворец Повелителя, над которым сейчас трепетали на ветру два полотнища голубого и молочного цвета.

Мы летели над городом довольно низко и иногда делали круги над чем-нибудь интересным для меня, а снизу за нами зорко следили эльфы, но пока никто не стремился послать в нас какое-нибудь опасное заклинание или стрелу. Слухи распространяются быстро, и большинство светлых уже были в курсе, кто их новая Повелительница.

Заложив вираж, мы сели на приличных размеров площадке,

выложенной мозаикой, перед основным зданием дворцового комплекса. Я магией привела одежду в порядок, а волосы распустила. Теперь они развевались на спине, словно языки пламени, растекаясь по полотну синей туники. Скайшер неплохо здесь ориентировался, видимо, бывал не раз, потому что стоило нам обернуться, он подошел, приказал Филе следовать рядом и начал рассказывать историю постройки дворца.

Мозаичные дорожки с изображениями военных сражений петляли по восхитительным садам, ветви деревьев сплетались над головой, образуя зеленые арки или целые тоннели, и мы, не торопясь, шли к основному зданию. Как выяснилось, в нем никто не проживал, и строение, напоминающее скорее величественную беседку с арочными окнами, использовалось лишь для приемов и заседаний различных советов или комиссий. А вот стоящие рядом здания имели другое предназначение: здесь была своеобразная тюрьма, уходящая под землю, огромный храм Пресветлой Алоис, где проводились все обряды, казармы для воинов личной охраны Повелителя, бальные залы для проведения ежемесячных сборов, обязательных к посещению всей эльфийской знати, ну и собственно жилые апартаменты. В них проживала не только семья Повелителя, но и представители высокородных домов первой десятки, а также советники, жрецы Алоис и куча слуг.

Пока мы шли, возле распахнутых арочных дверей собралась внушительная толпа эльфов, которые пристально меня рассматривали, но с затаенной ненавистью и страхом. Их чувства я читала не только на лицах, но и ощущала с помощью короны. И это сильно тяготило меня и убеждало как можно быстрее избавиться от чужой реликвии, явно принадлежащей мне не по праву.

Скайшер, облаченный в черный палантин, укрывавший его золотую красоту на голове, заметил мое растущее напряжение и злой шепот за нашими спинами, наклонился и ласково шепнул, не забыв еще и лизнуть:

– Потерпи, любимая, сама виновата... Хочешь я их приструню немного?

– Нет, Скай, – я даже испугалась этого предложения, – сейчас быстро избавимся от нее и полетим домой.

Снова лизнул, но уже со вкусом по щеке, а потом быстро коротко поцеловал. Шепот сменил возмущенный ропот, но он тут же стих, словно по мановению волшебной палочки, когда Скайшер резко сорвал палантин. Водопад струящегося золота скользнул по плечам, спине... вниз до лодыжек. Мой муж предстал во всей красе со сверкающим богатством волос, ресниц и бровей, с золотистой кожей и мощью стального тела,

больше не скрывая силу ауры и магии, которые ударили по нервам окружающих нас высокородных эльфов и их телохранителей.

Мы остановились на двух высоких ступенях перед главным входом, и Скай медленно, со значением обвел мрачным золотым взглядом застывших перед нами мужчин и женщин. К неземной красоте эльфов я уже привыкла, красоте эльфиек не завидовала – мужа интересую только я, поэтому переживать об этом не стоит. Я уже познакомилась с силой, долговечностью и верностью драконьей любви. Потом раздался уже пару раз слышанный мною мертвый, ледяной голос Скайшера:

– Есть какие-то вопросы? Предложения? Претензии?

Всеобщее молчание, затем вперед выступил один из мужчин с темно-коричневым шаури в волосах:

– Приветствуем новую Повелительницу... Великую Алев Красную!

Скайшер хмыкнул, я приподняла брови, ожидая продолжения. И оно не замедлило себя ждать.

– Будет ли Повелительница менять членов Совета? Можно ли посоветовать, кого лучше назначить в помощники?

Краем глаза я заметила, как губы мужа расплылись в хищном насмешливом оскале. Эльфы дружно вздрогнули, а самый ретивый даже отступил, но очень ненамного, видимо, жажда власти у него сильнее страха. Вновь чертик внутри меня решил поиграться невовремя, поэтому я брякнула.

– Насчет Совета не знаю, а Повелителя...

О-о-о, у народа даже глаза алчно вспыхнули. Понятно, смена власти в государстве, где правители живут тысячелетиями, проходит крайне редко и подняться по лестнице можно с большим трудом, используя связи и интриги. Все засуетились, ненависть растаяла как прошлогодний снег, зато пышным цветом распустились притворные восхищение, благоговение и преданность. Причем настолько ярко демонстрируемые, что прекрасные глаза светлых рисковали от усердия выпасть.

Услышав шаги нескольких пар ног, мы насторожились. По центру зала, появившись из другого входа, к нам шли несколько эльфов, включая эксповелителя Делиаля и парочки их приближенных. Позади Таселя не шла, а словно парила очень красивая эльфийка, и я догадалась, это, скорее всего, его супруга. Скайшеру надоело стоять в дверях и он, подхватив меня под локоть, направился навстречу этой хмурой делегации. Судя по шороху позади нас, в зал начали просачиваться и остальные властолюбцы. Хвала всем богам, не мне с ними жить. Сейчас я даже посочувствовала и очень хорошо поняла проблемы Таселя.

Мой дракон шествовал по залу как хозяин: с прямой спиной, гордо поднятой головой и поддерживая меня под локоток. Из-за того, что мы шли довольно тесно прижавшись друг к другу, шелк наших волос смешивался в красно-золотые тона. Черные облегающие штаны и рубашка Скайшера контрастировали с золотом и моим пламенем. Я бы с удовольствием понаблюдала, как мы смотримся вдвоем, уверена – зрелище впечатляющее. Стройная девушка с короной в красных волосах (экзотическая внешность даже по меркам этого мира), а рядом крупный, золотоволосый, опасный мужчина, который чересчур трепетно держит ее за локоть и строго поглядывает на окружающих.

Наконец, мы остановились посреди зала и уставились друг на друга: мрачные Эс Севери и вполне довольные жизнью драконы. Женщина, стоявшая немного позади и сбоку от Таселя, быстро осмотрела толпу, следовавшую за нами, вздрогнула, еще раз пробежалась поискала кого-то в толпе, а потом неуверенно положила свою ладонь на руку мужа. Делиаль по другую сторону от отца проделал ту же самую процедуру, и по его яростно затрепетавшим крыльям носа стало понятно, он не только в гневе, но и здорово напуган. Причем не толпой, желающей передела власти, и даже не нашим присутствием здесь, а отсутствием кого-то рядом с нами или в толпе. И уже через мгновение я поняла, кого они искали – своего непутевого сына или брата Манселя.

Тасель тоже это отметил, но с бесстрастной миной глянув нам под ноги и осмотрев Филю, развалившегося на мозаичном полу, безэмоционально спросил:

– Как все прошло?

Скай хмыкнул, выразительно посмотрел на Делиаля, который с неохотой отвел от меня взгляд, а потом ответил:

– Плодитесь и размножайтесь, подданные... Наши! Проклятье мы с вас сняли, можете нас за это не благодарить и ноги не целовать...

Тасель поморщился, Делиаль разозлился, а женщина заволновалась еще сильнее, искоса разглядывая меня.

– Скайшер, я надеялся, что хоть избранная сможет положительно повлиять на твой скверный характер, но, как вижу, я ошибался.

Скай прищурился и мрачно ответил:

– Поверь, Тасель, в этом ты действительно не ошибся. Сам себя не узнаю... Вот кто бы мне еще пару месяцев назад сказал, что я могу пожалеть... и оставить в живых... ненадолго... своего соперника... даже гипотетического, но вот настолько неразумного, что продолжает пялиться на мое. Съел бы на месте! А уж когда другой, еще более тупой, еще и

похитить пытался мое, да, к тому же, и мою избранную, ну тут я съел бы и рассказчика, и самого похитителя... Веришь... Тасель?

Экс-повелитель побледнел, впрочем, как и Делиаль, но женщина пока только догадывалась, о чем идет речь, судорожно сжимая кулаки.

– Где... мой младший сын? – выдохнул Тасель, прочистив горло.

Скай продолжил испытывать эльфа на прочность, не меняя тона и наслаждаясь мучениями своих врагов, вкрадчиво спросил:

– Ты был в курсе, что он хотел предпринять?

Тасель отрицательно мотнул головой, потом замер уже практически статуей и снова процедил вопрос:

– Где мой сын?

Скай обнял меня, наклонил голову, разглядывая троих Эс Севери, и ответил:

– Я его простил, Тасель, но Санренер забрал его с пятерыми помощниками с собой... на день скорби! Наглядно продемонстрирует, что бывает с теми, кто покушается на его родных, близких и вообще на наше племя.

Женщина прикусила кулак, пытаясь не закричать и начала сползать по мужу на пол. Делиаль побледнел, а Тасель покачнулся, удержался на ногах, но не спешил помогать своей жене встать. Странно! Он прохрипел, глядя то на меня, то на Ская:

– Я отдам все, что у меня есть, но прошу простить моего сына и вернуть его домой! Я дам клятву на крови... – А я задалась вопросом, что это все-таки за день скорби, если заставил их прийти в такой неопиcуемый ужас. Наверняка лучше не знать!

– Он пытался меня похитить, но помог, когда на нас напал мой безумный дед Фаотей! – не выдержала я. – И хоть они вшестером и защищали все же не меня, а корону, ведь он решил с ее помощью заставить всех светлых покончить со своей брeнной жизнью, в какой-то степени все-таки нас. Ну, точнее, без колебаний приняли нашу сторону, и этот факт принял во внимание мой муж, когда назначил им наказание. Они какое-то время побудут воспитанниками моего деда Санренера и его драконов, для улучшения морального облика, так сказать. А день скорби пройдет с участием Фаотея – убийцы моих родителей, и Санренер приведет наказание в исполнение... Отдаст долги! Манселя, сами понимаете, просто так отпускать было нельзя, на него слова не действуют, а мой дед умеет и убеждать и обучать. Но мучения и смерть ему точно не грозят...

– Ну вот, все удовольствие испортила, – раздраженно заявил Скай.

Я пихнула его локтем в бок и прошипела:

– Я в ваши мужские игры не играю, а здесь его мама, представь ее чувства.

Посмотрев на своего дракона, еще раз убедилась, что его волнуют и интересуют только мои чувства, остальных даже краем не задевают. Эс Севери немного успокоились, и даже эльфийка смогла встать рядом с мужем, но теперь поела взглядом меня.

К моему недоумению, ей понадобилось очень мало времени, чтобы прийти в себя и тут же начать думать о следующем шаге. Мою слабость они просчитали и будут давить на нее. Тасель облегченно вздохнул и отмер:

– Я благодарен, Алев Красная, что... Этот инцидент вы урегулировали бескровно.

Скай был бы не Скаем, если бы не вставил снисходительно:

– Пока!

Тасель передернул плечами, видимо, бывшая уверенность уже возвращалась, как и гордость и желание всегда и во всем быть первым.

– Ну, тогда перейдем к обсуждению...

– А что, даже присесть не предложите? – снова перебил Скай.

Я уже замучилась играть в этой песочнице и хотелось, в конце концов, подарить кому-нибудь эти опасные игрушки, которые таскаю на голове и пальце, да и с подобными родственниками как можно дольше не видеться. Но тут во мне тоже заговорил дракон, на чувствах которого только что сыграли, поэтому резко произнесла, прерывая мужа:

– Я решила сменить Повелителя!

Эс Севери вновь замолчали, зато народ за спиной забурлил, начали раздаваться громкие шепотки:

– Долой зажавшихся Эс Севери...

– ...ланы должны сами управлять...

– Все решения Совету...

Лицо Таселя темнело все сильнее, Делиаль скрипел зубами, а я отчетливо поняла, что мы попали в серпентарий на грани государственного переворота. Нет, я уже в таком кошмаре участвовала!

– Корону я передам другому... если подскажут как?

Уже знакомый эльф из оппозиции быстро выдвинулся вперед под мрачным взглядом Таселя и вкрадчиво обратился ко мне:

– Повелительница, в этом ничего нет сложного, вы должны смешать на перстне свою кровь и нового претендента, а потом добровольно передать власть и полномочия, после снимите кольцо и передадите его преемнику, затем корону... Я могу вам все наглядно показать...

Он так заискивающе и преданно это произнес, что я только с большим трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться. Лишь хмыкнув, качнула головой и, слегка пожав плечами, поблагодарила:

– Ну что вы, спасибо за помощь, но мы уж как-нибудь породственному разберемся. Не зря же моя бабка была кузиной Эс Севери, так что лучше корону из семьи не выносить.

Скайшер громко загоготал, увидев, как вытягивается лицо добровольца на корону. Тасель едва заметно выдохнул, как и его жена, а Делиаль слегка расслабился.

– Видишь, Тасель, сколько мы тебе подарочков сегодня сделали. Корону подарили, сына вернули... практически, – заявил Скайшер и, хохотнув, добавил: – Должок за тобой будет...

– Процедуру проведем сегодня же... наверное, – вмешалась я. Повелитель опять едва заметно поморщился, но с трудом изобразил на лице улыбку, которая тут же стерлась, стоило мне поставить условие. – Но сразу после того, как напишите отказ от всех земель марханов, которые вам достались за последние пятьсот лет.

– Да ты... – яростное шипение Таселя, наконец вышедшего из себя, прервалось, когда я покрутила перстень с белесым камешком.

В итоге отказ подписали, заодно покопались в закромах эльфийской сокровищницы, потому что мне неожиданно стало жаль расстаться с короной, «я к ней так привыкла», и ее заменили другим украшением. Очень красивым, очень дорогим и очень древним. Как шепнул мой дракон, это тоже артефакт, просто эльфы об этом пока не знают.

После мы все же провели обряд, причем они всей толпой уговаривали меня проколоть палец, чтобы выдавить каплю крови, «мне бо-о-ольно будет»... Потом я все же пожалела беднягу Таселя с его уже в истерике закатывающей глаза женушкой и позволила себя уколоть. Корона теперь на голове законного Повелителя, а нас очень вежливо попросили покинуть территории светлых. А так как уже началась ночь, мы вновь воспользовались порталом, но зато сразу смогли завалиться на родную удобную кровать.

Глава 28

Я проснулась резко, будто меня кто-то толкнул. Открыла глаза и, затаив дыхание, разглядывала расслабленное умиротворенное лицо Ская, который спал, держа меня за руку. Усмехнулась, похоже, он даже во сне

бережет свое самое ценное сокровище, как он мне вчера вкрадчиво заявил, быстро вклиниваясь между ног и заполняя до отказа. Но, оказавшись внутри, приподнял так, чтобы я сидела на нем, тесно прижавшись к его груди и обвивая его талию ногами. В тот момент, когда мы сплелись в единое целое, я чувствовала пульсацию внутри, и тогда он начал медленно долго целовать...

Воспоминание о нашем возвращении в уже родное гнездо (даже название дома гнездом во мне быстро прижилось и не вызывало отторжения) снова разбудило желание, которое растеклось по моим венам, устремляясь к низу живота. Осторожно освободила руку, на мгновение замерев, потому что Скай, лишившись моей руки, тут же недовольно заворчал, передернул плечами, но затих. А я села, продолжая разглядывать спящего мужа. Лучи света не проникали в пещеру так глубоко, но света магических свечей хватало, чтобы хорошенько полюбоваться великолепным обнаженным телом, которое навсегда принадлежит только мне. Мое!

И это мое согревало душу и заставляло сердце быстро биться от счастья. Широкие плечи и спина сплошные стальные мышцы. Мощные, хорошо развитые руки и длинные сильные ноги. Золотистая кожа переливалась в мерцающем свете, а на упругих ягодицах игриво плясали блики... Действительно, бронзовый бог Аполлон.

Протянула руку и медленно, лаская, погладила его ноги, пробежалась по ягодицам, а потом не удержалась и склонилась над ним, лизнув золотистую поясницу. Чуть прикусила бок, зализала укус, а грудью, уже не в силах терпеть, потерлась об него и забралась выше. Потом легла на него и поцеловала шею, зарываясь в водопад золотых волос.

А потом сама не поняла, как очутилась сидящей сверху, глядя в расплавленное золото его глаз. Скай в предвкушении ухмыльнулся и, приподняв, рывком усадил на свою внушительную твердость и гордость. Я прогнулась, со стоном выдыхая его имя, а его большие ладони скользнули по моему животу, лаская, накрыли жаждущую его внимания грудь. Сжал, и мы застонали от наслаждения... Последняя четкая мысль была о том, что я, кажется, освоила прекрасное искусство верховой езды на драконе. Когда мы опустошенные, лежали, прижавшись друг к другу, и отдыхали, легким игривым тоном спросила:

– Мне так понравилось, не боишься растерять свою брутальность и мужественность, если я часто буду сверху?

Скай слишком серьезно посмотрел на меня, а потом, прижав к себе сильнее, ответил, заставив меня задохнуться от любви:

– Единственное, чего я боюсь – это потерять тебя, любимая!

Потом мы еще долго валялись и миловались в нашей большой кровати, даже обедом меня кормили в ней, и это тоже было любовной игрой. Глядя в любимые и любящие меня глаза, я наслаждалась всем, что он давал, и щедро делилась с ним.

В таких «играх» прошел наш слегка запоздавший медовый месяц, и очередным утром меня разбудил голос мужа. Большая ладонь накрыла мой живот, слегка погладив, а потом ласковый шепот известил:

– Я на охоту, любимая! Ты поспи подольше!

Я была согласна, потому что в последнее время не высыпалась. Потянулась, потерлась лицом о мужнино предплечье и зарылась с головой в одеяло под нежный смех Ская. И только спустя, наверное, еще пару часов соизволила встать. Сходила в соседнюю небольшую пещерку, где у нас располагался естественный водный источник, образующий великолепную ванную в экостиле. Мылась и, пока водила намыленной рукой по животу, неожиданно почувствовала странный теплый отклик. В груди все затрепетало от предчувствия, поэтому я осторожно мысленно углубилась в себя, выпуская из рук часть своей целительской силы. Несколько минут я с глупой счастливой улыбкой продолжала сидеть в этой каменной ванне и плакала от радости. Разве может быть сразу столько счастья? Столько счастья мне одной? Как его выдержать и не расплескать, не лишиться? А руками поглаживала пока еще плоский живот, в котором уже росло семя Скайшера, две золотые драконицы – наши дочери. Глубоко вздохнула, представляя, как обрадуется муж... Потом еще раз, представив, как обрадуется дед.

С ним мы смогли встретиться только три дня назад, а весь предыдущий месяц он занимался Фаотеем, которого к моему прилету в долине клана уже не было. На мой осторожный вопрос, где он, никто не ответил, но по жутко довольной гримасе Санренера я поняла, что в живых его уже нет, а остальное меня не интересовало.

Зато Мансель с друзьями, едва завидев меня, кинулись в мою сторону с такой скоростью, что их с трудом успели поймать за шкуру. Они орали, как резаные, умоляя простить и отпустить домой. Заверяли, что все осознали и поняли, и даже про родственные корни напомнили, заставив деда помрачнеть. Я же прониклась их мольбами и упросила отпустить домой. Мои любимые драконы так и поступили... Правда, теперь эльфам придется топать через горы, ну очень далеко, но мой дальний родственничек с товарищами претензий не высказывали, а даже очень сердечно благодарили, торопясь удрать побыстрее. На мое короткое «пока,

возможно, увидимся» передернулись и поторопились попрощаться.

После этого мы посетили Раневельса и его беременную подругу, которой до родов оставалось всего пару месяцев, хорошо, хоть в этом вопросе моя помощь будет не нужна. Зато Санренер привычно тащил к морковным свежатину как подношение зеленой самке, хотя, скорее, своей будущей избранной. Потом под понимающим взглядом Ская суетился вокруг зеленой, все выпрашивая у меня как ее самочувствие и состояние обеих еще не рожденных девочек. Проверив, я его успокоила, но он все равно постоянно следил за самкой, не меньше Раневельса карауля любой ее шаг. Зато теперь Раневельса обхаживает куча перспективных женихов, ведь у него будут две дочери, и лишь на одну претендует Повелитель. Мой Скайшер ходил с мрачной злобной миной, наблюдая за этими брачными плясками, и все время прижимал к себе.

С такими приятными воспоминаниями я выбралась из ванной и оделась в легкое зеленое платье до пола и мягкие кожаные туфли. Осмотрев свою пещеру, решила сама приготовить праздничный ужин мужу. Хоть у нас работала та же система доставки пищи, что и у Санренера, но сейчас мое сердце требовало другого. Уже через пару минут я с расстройства пнула подушку, ведь готовить не на чем и, по сути дела, не из чего. Кухня здесь не предусмотрена... Так, надо исправить это упущение, своим детям я буду готовить сама!

Раздраженная неудавшейся попыткой стать заботливой женой, сначала услышала шум крыльев, правда, почему-то слишком громкий, а потом с недовольством заметила, как песок и пыль с площадки перед гнездом зазмеились внутрь моего дома. У меня тут скоро дети будут ползать... почти скоро, а их папочка такой неаккуратный... Крыльями тут размахался у меня...

– Скай, может, ты чуть потише крыльями махать будешь, а то напылил тут мне, намусорил, кухни у нас тоже нет, а я хотела ужин приготовить праз...

Я злобной фурией выскочила из пещеры, на ходу высказывая наболевшее, и на полуслове замолчала, округлив глаза в блюдца... которых тоже у нас, кстати, нет...

Пятеро мужчин и мой муж стояли в ряд на краю площадки, с искренним восхищением и чувственным голодом рассматривая меня. Все, как на подбор, мужественные, сильные, мускулистые, с широкими плечами, довольно высокого роста, что, как я отметила, характерно для всех драконов, а аура каждого буквально давит на мои слегка расшалившиеся нервы. Трое мужчин с золотистыми волосами и кожей им

под стать были очень похожи, а вот двое других покорили платиновым оттенком волос и более темной кожей, но словно присыпанной инеем. И если к золоту я уже привыкла, то вот серебристые меня впечатлили, заставив в восхищении приоткрыть рот.

И в этот момент произошло следующее: на мой взгляд, самый красивый из золотых прищурился и мурлыкающим глубоким баритоном спросил, делая шаг в мою сторону:

– А она такая же сладкая на вкус, как и на вид?

Он еще не успел договорить, как ко мне метнулся Скайшер с таким злобным рычанием, что я чуть не присела со страху, но его руки вовремя обхватили меня.

– А ты попробуй, проверь, тогда я узнаю насколько вкусный ты сам.

Мужики рефлексировать не стали, а все также с горячим любопытством продолжали рассматривать меня с ног до головы. А я их, причем с удивлением отметила, что искренне считаю своего дракона лучше, красивее, сексуальнее и нужнее всех, а главное – единственным, кого я люблю до безумия... или до беременности! Нагловатый красавчик подошел к нам и, не обращая внимания на насторожившегося Скайшера, представился:

– Хаянер Золотой! Мы друзья вашего избранного, красавица, – дальше он начал представлять остальных, указывая на них рукой: – Рор Золотой, Шаэран Золотой, Глисс Серебряный и Ифрок Серебряный к вашим услугам и к нашему удовольствию всегда и всюду.

– Алев Крас...

– Ты себе свою найди, а потом предлагать будешь везде и всюду...

Поперхнулась от ехидничества Скайшера в ответ на двусмысленное приветствие Хаянера, а потом в голову пришел закономерный вопрос:

– Я так понимаю, вас Скайшер пригласил?

Они многозначительно ухмыльнулись, и этот наглоющий Хаянер ответил:

– Нас не зовут, мы сами прилетаем!

Почувствовала, как мой муж заерзал. И почему у меня такое стойкое ощущение, что он занервничал и смутился. Обернулась, подозрительно уставилась на него и задала очень важный вопрос:

– А откуда они узнали, что я тут появилась?

– А мы пролетали однажды... мимо... А вы тут... – поведал весьма приятный бархатистый голос Ифрока Серебристого.

Я уже поняла, что он хочет сказать дальше, и почему так побронзовел мой муженек, который невинно заглянул мне в глаза, когда я спросила с

явной угрозой для него:

– Это те самые умные... которые мимо пролетают, так что мне еще радоваться надо, что глупых не нашлось, которые поближе подлетели бы... пока мы тут... объединялись, да?

Скайшер прижал меня сильнее и поцеловал, глубоко, по-собственнически, и мое раздражение тут же испарилось, а ноги стали ватными, и вообще, похоже, плевать на зрителей.

– Кхе-кхе...

Поцелуй прекратился, а мне потребовалось еще некоторое время, чтобы прийти в себя, но мне помогли.

– Да-а-а, похоже, она слаще, чем я предполагал, – снова промурлыкал Хаянер.

– Моя! – весело и многозначительно ответил Скай, поглаживая меня. Мужчины уже весело улыбались, и странно – напряжение после этого спало.

– Твоя... Потому что связь слишком сильна между вами, тебя она не переживет! – согласился Хаянер.

После этих слов мне стало не по себе. Я поняла – драконья дружба длится до первой встречи с избранной, если та встала между двумя драконами. И мне очень повезло, что наша любовь со Скайшером не стала предметом распрей между этими прекрасными и сильными мужчинами.

– В гости не зову... В ближайшие пару десятков лет, так что легкого вам ветра, друзья...

От его наглой и ни чем не прикрытой издевки, я вновь испытала стыд, однако, к моему недоумению, драконы своего друга поняли прекрасно, но все-таки решили испытать его нервы на прочность. Каждый протянул мне руку попрощаться.

– Ну что вы, зачем церемонии... – зло прошипел Скай.

Я высвободилась и шагнула к мужчинам с протянутой рукой. Надо хоть мне проявить вежливость. Первым ладонь пожал Хаянер, очень нежно и тщательно контролируя свою силу, при этом весело заглядывая в глаза. А я в момент соприкосновения ощутила невероятное родственное тепло, такое близкое и уже знакомое.

Медленно высвободила свою ладонь и, чуть повернувшись к вскипающему бешенством мужу, заметила:

– Да-а-а, не повезло ему с будущим тестем...

Скай на время прекратил закипать, напоминая при этом чайник, и недоуменно уставился на меня. А я тем временем попрощалась с другими мужчинами. Последним протянул руку загадочный, не столь крупный как

остальные, но с опасными серебристо-серыми глазами Глисс. Он учтиво перехватил мою ладонь, чуть погладив большим пальцем запястье, а я неожиданно для него хихикнула. Причем неожиданно, похоже, для всех, в том числе, и для Ская.

Отошла чуть в сторону и, еще раз оглядев будущих родственников, порадовалась за себя. Вон каких зятьев отхвачу... хм, дед, конечно, будет в бешенстве, его клан опять в пролете, но вряд ли у него будет время интриги плести в ближайшие лет эдак двадцать... Стоп! Именно в этот момент мои предположения переросли в твердую уверенность. Теперь я точно знаю, что скоро родится избранная для моего деда у зеленой самки Раневельса, а у меня появятся два зятя – золотой и серебряный.

– Любимая, ты хорошо себя чувствуешь?

Скай быстро подошел ко мне, вглядываясь в глаза, приобнял легко, а я, рассмеявшись, ответила:

– Лучше никогда себя не чувствовала. Кстати, Хаянера и Глисса пригласи на обед, надо познакомиться поближе с нашими будущими няньками... да и вообще – убедиться, действительно ли нам повезло с зятьями.

Скайшер с волнением всматривался в меня, остальные незаметно окружили нас и тоже напряженно разглядывали. Точно решили, что помешанная... Я же приподнялась на цыпочки и, обхватив лицо Ская ладонями, нежно поцеловала, а потом выдохнула:

– Я утром выяснила, что мы беременны. И у нас будут две девочки.

Мой всегда ехидный, насмешливый и в то же время непоколебимый муж качнулся, но устоял. Потом прижал слишком сильно, но тут же опомнился и ослабил объятия, теперь держа, словно фарфоровую статуэтку.

– Ты уверена? – его хриплый взволнованный голос поразил до глубины души.

– Я же целительница, ты что, забыл? Я теперь хранитель красных драконов, и их потомство контролирую, чтобы скорлупой не покрывалось. Да, я уже проверила своих малышей, они такие сильные... И обе в папочку... золотые. Представляешь?

– Ну, ты, друг, везунчик... Истинная связь, истинная любовь и сразу потомство, и кто – девочки... Я бы умер за это! – пробасил теперь уже Шаэр хрипло, взволнованно.

Лоб мужа покрылся испариной, а голос стал совсем тихим:

– А эти тут причем? – он кивнул головой на бледных Глисса и Хаянера, неожиданно растерявшего всю свою хамовитость и апломб.

– У них аура родственная с нашими дочерьми. Так же как у Санренера

с той девочкой – еще не рожденной дочерью Раневельса. Помнишь, я тебе говорила, что почувствовала эту связь. Они для меня чужаки, и кровь наша не связана, но я сейчас убедилась, что это действительно означает избранность. Глисс связан с одной из наших девочек, а Хаянер – с другой, и я это почувствовала... Надо деду рассказать и подтвердить, а то он все волнуется, но раз я теперь знаю, что связь различна, то...

Хаянер присел на корточки рядом со мной и осторожно, с благоговением положил ладонь мне на живот. Глисс был готов подвинуть друга и сделать то же самое, но им помешал мой муж. Снова рыкнул, подхватил меня на руки и прошипел мужчинам, глядевшим в полном молчании и слегка ошарашено:

– МОЯ! Хм-м... МОИ! – развернулся и быстро потащил свое сокровище в пещеру, а я смотрела, с какой тоской провожали меня Глисс с Хаянером, который так и продолжал сидеть на корточках. Трое других выглядели еще более тоскливо, словно сейчас их безжалостно ограбили, но, извините, меня на всех не хватит. А вообще, надо потренироваться, и вполне возможно я смогу развить этот дар, чтобы определять избранных не только своих родственников.

Шум огромных крыльев – и гости действительно нас покинули. А мы весь день провалялись в постели. Еще Скайшер меня, видимо, решил откормить так, что скоро я в собственное гнездо войти не смогу, но его повышенная заботливость мне понятна. Однако уже к вечеру я рычала на него – отношение ко мне, как к ребенку, раздражало, дело закончилось в постели, где я опять сидела верхом на драконе. Хотя, нечаянно поймав его хитрющий довольный взгляд, поняла, что он в очередной раз провел меня и заставил сделать так, как ему хотелось. Р-р-р, гад!

А утром, как я и предполагала, на нашем «крыльце» лежали две свеженькие тушки.

– Какая прелесть, смотри, Скай, тебе больше нет смысла летать на охоту!

Он внимательно посмотрел в небо, потом на тушки, и его лицо расплылось в такой широкой ухмылке, что я заинтересованно и вопросительно уставилась на него. И он меня не разочаровал:

– Знаешь, мне повезло с женой, с потомством, с родственниками... Охотиться не надо, охранять тоже не надо, и, надо полагать, я в любой момент знаю, где достать самую лучшую няньку для своих дочерей и даже две сразу. Не жизнь, а сплошной праздник, и это все со мной случилось, стоило тебе войти в мою жизнь, любимая!

Я прилипла к нему, обвивая руками шею, и весело спросила:

– Я твоё сокровище?
– Нет! Ты моя жизнь! Ты моё сердце! Ты – всё, что мне надо в жизни!
Я люблю тебя, Алев!

Эпилог

25 лет спустя

Ещё с утра мы прилетели в гости к Санренеру, но его уже который час не было в гнезде. Правда, как мне по секрету сообщил Шаэр Золотой, дед сейчас охмуряет свою Раневею, пока её отец Раневельс на охоте и не может проконтролировать этот процесс. Девушке исполнилось двадцать пять недель назад, и свой первый вылет она совершила, поэтому теперь совершеннолетняя, но от тотального контроля и опеки своего клана не сможет освободиться ещё лет семьдесят... Или пока не пройдет единение с избранным. А единение, судя по поведению и усилиям Санренера, уже не за горами, а может, проходит и прямо сейчас. Он её долго ждал, свою девочку.

Пятнадцать лет лишь издали следил, охотился для них и защищал, пока Раневельс занимался своей маленькой семьёй, заменяя дочерям и маму, и папу. Зеленая самка скрылась, едва успев родить, и все заботы ожидаемо легли на папу-дракона, но его поддерживали все, и мы со Скайшером, в том числе. Кстати, это помогло и мне в будущем правильно и без страха заботиться о своей двойне, но помощь мужа была неоценимой.

Мудрый Санренер присутствовал незримо, опасался, что малышка полюбит его, скорее, как отца, чем как своего избранного мужчину. И только когда она созрела и обрела крылья, он впервые появился перед сестрами. С того момента он превратился в галантного и весьма обольстительного кавалера.

К двадцати трем она призналась моему деду, что любит его и готова стать избранной, ну в смысле пройти то самое единение, но счастью не совсем юного жениха помешал её коварный папаша. Вырвав чуть ли не зубами из глотки друга обещание, что тот не тронет дочь, пока ей не исполнится двадцать пять... хотя бы.

Таким образом, жизнь меня радовала «Санта-Барбарой», которую можно теперь смотреть целую вечность и наслаждаться её перипетиями. В Драконьих горах жизнь неожиданно забила ключом, особенно после того, как я обрела статус хранителя драконов. Увеличилась численность

красных, причем и самки, и самцы начали рождаться в равном количестве. Просто раньше у девочек было меньше шансов нормально развиваться, потому что сил меньше. А с моей магической подпиткой дело пошло веселей, и теперь многие красные папаши воспитывали свое полноценное потомство от зеленых самок.

Не то чтобы все одинокие красные драконы поголовно начали брать себе в пару зеленых для получения потомства, отнюдь. Далеко не для всех приемлема такая связь, но тем, кто решился, я помогала. А еще научилась чувствовать избранных и вне своих родственных связей, и теперь со мной все здоровались за руку и каждый таким образом оставлял мне часть своей ауры, чтобы я могла определить, когда появится их избранная. Хотя это до бешенства доводило моего мужа, ему пришлось смириться с этими рукопожатиями.

Вот и Шаэр дождался своей красной девочки-избранной, я ему неделю назад сообщила, что одна из зеленых самок нашего клана носит его сокровище. И теперь он практически поселился в долине Красного клана, карауля ее, а ждать ему так же как Санренеру – не меньше двадцати пяти лет. Драконы непреклонны.

Неторопливые мысли прервал осязаемый пинок внутри меня, заставив охнуть и положить обе руки на свой сильно выдающийся живот и погладить со словами:

– Тихо, сыночка, тихо, родной! Потерпи чуточку, еще неделька осталась...

На мои руки легли большие ладони мужа, который слегка пошевелился, не меняя положения, и немного подтянул выше, чтобы уткнуться носом мне в шею. Мы вытащили несколько подушек, плед и расположились на площадке перед пещерой деда в ожидании. Тяга Ская ко мне растет с каждым прожитым днем, про года я вообще молчу, и теперь мы всегда и везде вместе. Когда мы вот так сидим рядом, то даже дышим синхронно, и сердца бьются в унисон.

Его ладони погладили мой живот, и сын, почувствовав ауру отца, присмирел, а я вновь расслабилась в объятиях мужа. Второй беременности мы ждали больше двадцати лет, впрочем, как и многие драконы вместе с нами. Они не скрывали своих надежд на повторное чудо и рождение девочек, но муж в этот раз подкачал. Ну, это они заявили, когда я, наконец, выяснила, что беременна вновь, но уже мальчиком. Обозвали Скайшера бракоделом и отстали, правда, уверена, пройдет какое-то время после родов, и они вновь примутся ожидать нашего нового потомства с затаенной надеждой.

Зато Скай счастливо ждет рождения сына, и уже наметил программу его обучения. Как лучше вскрыть чужую сокровищницу, отомстить обидчикам, запугать или обмануть врагов. Я, когда ознакомились с его намерениями, полдня в себя прийти не могла. Хорошо, что воспитанием наших дочерей все же большую часть времени занимаюсь я, впрочем, как и воспитанием своей будущей бабушки. Над этим я никак не могу размышлять без смеха, постоянно подтрунивая над Раневеей и Санренером.

Мое внимание привлек отблеск в небе. Присмотревшись, заметила четыре фигуры: три отливающие золотом и одну – серебром. С облегчением вздохнула и тут же услышала раздраженный ворчливый голос Ская над ухом:

– Ну наконец-то! Я Хаянеру и Глису все крылья пообрываю за такие длительные прогулки. Светлане и Айрес еще не исполнилось двадцати пяти, а эти тролли недоделанные уже их обхаживают и трутся о моих девочек, стоит тем только приземлиться.

– Скай, вспомни, что сам вытворял! Помнится, ты не спрашивал о возрасте, когда на той скале пытался меня обесчестить, ты тогда вообще ни о чем не спрашивал, а сейчас...

– А сейчас это мои дочери, и я не для того их на свет произвел, чтобы эти свои... своими лапами загребущими их трогали... везде! Да меня тошнит от одной мысли, что эти ящерицы будут делать с моими девочками, когда...

– А меня тошнит уже который месяц, после того как ты своими загребущими лапами... а уж что при этом творил... м-м-м, прямо в жар до сих пор бросает и снова хочется, чтобы хоть что-нибудь сделал...

– Р-р-р, Алев, зачем дразнишься, знаешь же, нам нельзя.

– Не переживай, – повернулась к нему и погладила по щеке с горячим обещанием в глазах, – я покажу тебе сегодня небо в звездах, а сама могу и потерпеть пару недель.

Мы целовались с ненасытностью молодоженов, пока не услышали рядом шум крыльев, и ехидный, но очень довольный и счастливый голос деда:

– Вам еще не надоело? Алев, вон как тебя из-за его поцелуев разнесло, а ты все продолжаешь...

Мы оба с веселым любопытством уставились на Санренера, который крепко прижимал к себе Раневею. Девушка словно светилась изнутри и быстро продемонстрировала пальчик с нашим родовым кольцом с большим красным камнем. Значит, обряд единения прошел, и теперь они вместе. Осталось только Раневельса порадовать. Я расцвела от восторга за них,

зато Скай в своей привычной манере ответил деду:

– Ну, я смотрю, скоро и твою избранную так же разнесет, видел бы ты свою довольную физиономию.

Сильный порыв ветра, и по площадке к нам стремительно шли две похожие девушки – Светлана и Айрес. За ними, не отставая ни на шаг, – Хаянер и Глисс, сердито зыркающие по сторонам на окружающих мужчин, которые, стоило появиться над долиной Красных двум золотым драконицам, тут же суетливо поднялись на крыло и стали нарезать над ними круги... Демонстрируя свои стати.

Девушки чмокнули свою подружку – прабабушку Раневею, затем – прадеда Санренера, от чего его и так слишком довольное лицо совсем расплылось от безграничного счастья, а потом дочери подбежали к нам и тоже одарили коротким поцелуем.

– Мам, пап, а можно завтра на охоту с Хаянером и Глиссом слетать?

– Вот что-то мне подсказывает, – заворчал Скай, с мрачным подозрением уставившись на своих друзей, а теперь еще и претендентов на руки и сердца его дочерей, – что они там охотиться будут не на...

– Любимый, а помнишь, что я тебе на вечер обещала?

Нахмуренные брови разъехались в стороны и приподнялись в недоуменном вопросе, а потом, вспомнив о чем речь, Скай скрипнул зубами и проворчал:

– Ладно! Можно! Но если их после этой охоты также как тебя, разнесет, я этим охотникам крылья пообрываю...

– Скайшер...

– Дружище, да как ты можешь такое подумать...

– Папа...

– Любимый...

– Гав-гав...

Услышав последний, насмешливо укоризненный возглас, и мы с мужем посмотрели на уже стареющего Филю, развалившегося неподалеку и лениво теребящего хвост своей подружки, которую ему все же нашел Скайшер лет этак двадцать пять назад. Скай захохотал и ответил:

– Ну если и ты с ними заодно, то мне, наверное, стоит задуматься о своем поведении.

Мужчины быстро накрыли стол прямо на площадке, и мы всей веселой толпой расселись ужинать. Я по-прежнему сидела на коленях Скай, Санренер не отпускал Раневею со своих, а мои девочки расположились каждая подле своего мужчины. Все наше семейство в сборе, и все счастливы. Постоянно подлетал кто-нибудь из друзей-драконов. Дядя Заак

пристроился рядом, высматривая вкусные куски еды на столе и хватая их наглой зеленой мордой. Шаэр присоединился чуть позже, потом снова отправился караулить свою ветреную свекровь, чтобы она его избранную доносила в целости и сохранности...

Дрив уже поцеловал Лайванос, и Суар игриво расцвечивал плывущие облака, а я, сидя на коленях мужа в тепле его рук и в кругу всех своих родных и любимых, просто наслаждалась. Родными лицами и голосами, и этой привычной суетой, которая так дорога и необходима моему сердцу. Я дома, и я среди тех, кого сильно люблю! Все мои мечты сбылись!

Книга вторая

Второй шанс для Елены

Глава 1

За шесть лет, проведенных в больнице, я ко многому успела слишком хорошо привыкнуть. И даже к медперсоналу, который знал меня и подобных пациентов не только в лицо, а словно близких родственников. Несколько раз меня отсюда выписывали в надежде, что, наконец, мое состояние стабилизировалось, и я пойду на поправку. Но уже через пару недель или, в лучшем случае, месяцев, я снова неизменно возвращалась, и возобновлялась борьба за жизнь.

Впервые я попала больницу в шестнадцать, получив осложнения после тяжелого гриппа. Юность плавно перешла в молодость, но на мне это никак не отразилось. За годы болезни я приобрела одно, как однажды отметил мой личный врач, несвойственное столь юному возрасту качество – рациональный подход ко всему, что со мной происходит. Именно благодаря этому я более-менее спокойно относилась к ежедневным медицинским процедурам, осмотрам и манипуляциям. Это было необходимо для моего выживания, значит, я потерплю и сделаю все, как полагается.

Иногда мне казалось, что из-за рациональности я превращаюсь в старушку, но как только эмоциональный всплеск проходил, ко мне неизменно возвращались рассудительность и жесткое осознание жизненно необходимой обязанности выполнять все требования.

Шесть лет сплошной борьбы. И наконец, месяц назад лечащий врач сообщил родителям, что дела мои совсем плохи: необходима пересадка сердца. Для нашей семьи это известие стало последней каплей. Мама рыдала, не переставая, папа утешал нас, как мог, но в конце концов и он ушел в себя. А я лишь молчала и пыталась осмыслить ситуацию.

Чужое сердце?! Как это, что это, каким образом с ним жить дальше? Думать о том, что могу не пережить операцию по пересадке или вообще не дожждаться донора, нельзя. Жить хочется неимоверно, а черные упаднические настроения заранее обрекают на провал. Ведь не зря же говорят, будто мысли материальны. Последний месяц со мной работал

психолог – пытался вывести из странного состояния ступора. Тщетно.

Помог отец. Однажды вечером он пришел в больницу без мамы, и мы душевно поговорили, даже всплакнули. Ему удалось убедить меня, что чужое сердце или даже другое тело не могут изменить мою сущность, так как мое «я» – это душа, а не кусок плоти. Благодаря папиной железной логике, я поверила ему и приняла эту истину.

В юности отец перенес паротит, осложнение – бесплодие. Поэтому я, появившись на свет, стала для родителей бесценным сокровищем. И вот теперь я умираю, а они ничего не могут поделать, несмотря на то, что мы вполне обеспечены, даже богаты. Да уж, за деньги можно купить все, кроме любви и здоровья. В чем я убедилась на собственном опыте. Из-за болезни не успела полюбить, а если операция пройдет неудачно, то и никогда не смогу. А в тайне мечтала...

Родители, взяв меня за руки, смотрели печально, а я переводила взгляд с мамы на папу и обратно, пока не выдержала:

– Что случилось? Говорите прямо, терпеть не могу секретов!

Мама тоскливо глядела в окно, а папа, попытавшись спрятать боль, пожал мою руку и твердо и уверенно произнес:

– Завтра тебя ждут в клинике в Германии. Для тебя нашли идеального донора. Женщина попала в аварию сегодня ночью. Ее мозг поврежден, без аппарата невозможно поддерживать жизнь, да и с ним она тоже долго не протянет. На все про все у нас не более трех суток, потом у нее начнут отказывать внутренние органы. Билеты в бизнес-класс я забронировал, с нами для консультаций полетит твой врач Петр Алексеевич. Не волнуйся, я с ним уже все обсудил, и он считает, что можно лететь обычным рейсом. С администрацией аэропорта тоже договорился, нас пропустят без досмотра и волокиты. В Германии встретят представители клиники, где будет проведена операция. Поэтому скоро, солнышко мое, у тебя, наконец, начнется полноценная жизнь. Ты все сможешь, родная, я в тебя верю.

Я растрогалась и все же расплакалась. Господи, как же мне повезло с родителями! Столько любви и заботы! Не знаю ни одного человека, которого любили бы так сильно и безоговорочно. Ради мамы и папы я пройду через все, ведь они вложили в меня столько сил и неизменно поддерживали целых шесть лет. Долгие годы изнурительных операций, болезненных уколов и сплошных процедур они всегда были рядом. Верили, утешали, развлекали и учили всему, что знали.

Вытерев слезы, я заметила, что и у мамы глаза на мокром месте. Папа напрягся, опасаясь, что я расстроилась. Я постаралась взять себя в руки и криво улыбнулась.

– Мам, пап, это я от радости. Теперь или пан, или пропал, но, честное слово, я устала так жить. Хочется уже определиться с местом пребывания – в этом мире или в ином.

У мамы все-таки потекли слезы, а папа слегка поморщился. Я же почувствовала неладное – все равно какая-то недоговоренность. О чем же они боятся мне сказать?

– Мам, пап, давайте без секретов, что еще случилось? О чем вы дружно молчите? Признавайтесь!

Мама вытерла слезы и вдруг покраснела, отчего-то смутившись. Папа сглотнул и нерешительно произнес, с тревогой поглядывая на меня:

– Мама беременна! Три месяца уже! Оказывается... Представляешь, Лен, она только вчера догадалась.

Последнее он поведал с ироничной улыбкой, наверное, намекая на то, что женщина за сорок должна бы вовремя замечать подобное состояние.

Я вытаращилась на маму, которой, по ее словам, в этом году «стукнуло» сорок три, и папу, в прошлом месяце отпраздновавшего «полтинник». Ого, да они, оказывается, очень даже близки, раз еще и детей делать успевают. Представила, какой они испытали шок, узнав, что судьба подарила им еще один шанс стать родителями. Боженьки мои! Мне уже сейчас страшно за своего будущего братика или сестричку, ведь мама живет только нами, а папа кроме работы и нас больше ничего и никого не видит и не любит. Они просто задавят ребенка своей заботой и любовью. Я счастливо воскликнула:

– У нас будет ребенок?! Господи, какое счастье! Родители, я вас обожаю! Папка, ты вообще супер, молодец! Боже, у нас будет ребенок!

Повторяла и повторяла, и не могла никак насладиться этой потрясающей, счастливой новостью. Внутреннее напряжение отступило, ушла тревога. Если я умру, не справлюсь, они выживут благодаря чуду, которое нам всем подарила судьба. Ребенок, в случае чего, поможет моим самым любимым на свете людям пережить боль расставания.

Родители расслабились и вместе со мной счастливо улыбались. Но тут мне пришла в голову тревожная мысль, которую я тут же озвучила безапелляционным тоном:

– Пап, извини, но я полечу только с врачом. Вы поедете поездом и как раз успеете к результатам. На самолете маме нельзя – это вредно для малыша; а если она без тебя поедет, поседет или заболит от тревоги – это тоже вредно. Сейчас будущий ребенок для нас – самое главное. Мы с Петром Алексеевичем и вдвоем вполне справимся: и подготовимся, и прооперируемся. Я обязательно буду жить, потому что очень хочу увидеть

нашего ребенка. – В душе я понимала, что мои шансы пятьдесят на пятьдесят, но весело продолжала: – Так я буду за вас спокойна. Уф-ф-ф... Вы даже представить не можете, как обрадовали! Мне теперь ничего не страшно, я все смогу. Буду бороться, а о плохом больше и думать не хочу. Спасибо, родные мои!

Они не перебивали и ошарашено смотрели на меня. Потом мама, судорожно всхлипнув и обхватив мои ноги руками, уткнулась лицом в колени и зарыдала. Папа взял мою синюшную сухую ладонь, прижал к шершавой от щетины щеке и прохрипел, с трудом справляясь с эмоциями:

– Ты, Лен, только соберись, настройся на победу, и все получится. Мы будем рядом, когда ты проснешься. Мы всегда будем рядом, что бы ни случилось, доченька. Только потерпи еще чуть-чуть. Мы прорвемся.

Мы просидели вместе еще час, словно прощались надолго. Мне даже почему-то показалось, что навсегда. И я не ошиблась...

Глава 2

Мы с Петром Алексеевичем поднялись на борт самолета последними, нам помогли разместиться, и бортпроводники сразу задраили люки и начали предполетную подготовку. Я с голодным любопытством оглядывалась: хоть какое-то выпало приключение в моей однообразной, скучной жизни. Теперь, в свете последних новостей, еще неизвестно, как скоро появится подобная возможность потолкаться среди людей.

В бизнес-классе всего двенадцать кресел, по два в трех рядах с каждой стороны. Мой врач сел возле окна, а я у прохода и всю использовала возможность с удобством разглядывать остальных пассажиров. Справа от меня, в первом ряду посередине салона сидели две девушки моего возраста. Скорее всего, они успели познакомиться еще в аэропорту, пока ждали рейс, или в очереди на регистрацию. Поймав на себе их любопытные взгляды, я улыбнулась и, сняв с лица кислородную маску, произнесла:

– Привет, меня зовут Елена. Еду на операцию и надеюсь ее благополучно пережить.

Я сказала это с легкой усмешкой. Девочки сразу помрачнели, как это обычно бывает, но быстро взяли себя в руки. Первой весело, задорно улыбнулась высокая голубоглазая брюнетка, сидевшая чуть дальше от меня:

– Привет, меня зовут Юля. Я в гости к тетке лечу. Она недавно замуж

за иностранца вышла.

Шатенка с огромными, раскосыми, невероятной красоты глазами золотисто-коричневого цвета тоже мило улыбнулась.

– Привет, меня зовут Алев. Я сирота, уже много лет ищу своих родителей, и немцы, к которым лечу, возможно, окажутся ими. Кроме имени и фамилии ничего о себе не помню!

Мы с Юлей с интересом и сочувствием посмотрели на эту красотку. Я даже представить себе не могу, каково жить без родителей. Петр Алексеевич на пару минут отвлек меня вопросами о самочувствии, а потом я снова повернулась к девушкам. Мы поболтали еще немного о том, кто и куда потом едет и где остановится, и вдруг уже набравший высоту самолет затих.

Оглушающая, странная тишина резко ударила по барабанным перепонкам, потом раздался щелчок. Все синхронно вздрогнули – выпали оранжевые кислородные маски. Затем самолет сильно тряхнуло, в хвосте кто-то заорал. Я обернулась и увидела несущийся на нас огненный смерч! Непроизвольно схватившись за руки, мы с девочками посмотрели друг на друга, а затем нас накрыли огонь и боль!

Все длилось всего секунду, а может, и меньше.

Темнота, тишина, а я где-то парю. Я попыталась разобраться, где именно, но не получалось и становилось очень тяжело и тоскливо от того, что осознавала – нигде. За что? Почему я? Мы? Ведь так безумно хочется жить! Я же так многого не увидела, не почувствовала, не полюбила!

Неожиданно впереди показалась маленькая светлая точка, и я рванула к ней всем своим существом. Точка расширялась, быстро превращаясь в большое, яркое, но в то же время мутное пятно. Вдруг я почувствовала, что нахожусь здесь не одна. Странное ощущение – тела у меня словно не было, но я чувствовала. Разве возможно это без тела? Мысль появилась и тут же пропала – я заметила в сером мареве сначала одну яркую звездочку, потом другую, и обе потянулись ко мне. Это же Юля и Алев! Они подплыли и будто слились со мной. И я сразу ощутила себя увереннее и спокойнее – теперь мы троим.

Мы куда-то плыли. То тут, то там из тумана суетливо мельтешили похожие на нас звездочки, то появляясь, то пропадая. Нас всех куда-то влекло. Мне становилось все хуже и страшнее, потому что я понимала, куда именно. И всех в одно место!

Я бросилась к этому «звездному» хороводу. Вырвалась из толпы и вдруг почувствовала, что у меня есть поддержка – Юля и Алев. Не понимая, куда меня несет, они все равно помогали мне рвать невидимые

пути, которые сковали поблескивающую толпу, увлекаемую неведомой силой. Последний отчаянный рывок нашей сплоченной троицы, и мы оказались «на свободе», одни в пустоте.

Сколько времени мы парили втроем, я не знаю. Пока в какой-то момент не увидели вдали скопление огромных ярких звезд, напоминавших ожерелье из драгоценных камней на невидимой нити. Приблизившись к нему, мы остановились, замороженные сиянием. Между тем, темнота впереди сгустилась, превратившись в какое-то чернильное пятно, причем, кажется, живое. Рядом с ним расплылось яркое светлое облако. Почему-то такое родное, такое притягательное, что хотелось погрузиться в него, как в мягкую постель. Вся моя сущность засверкала, потянулась к нему, и я услышала разговор. Станный диалог облака и чернильного пятна в пустоте, в ничто и нигде. Кажется, я сошла с ума!

– Трое? Интересно, но зато как удобно, ты не находишь?

– Сестра, ты уверена, что приняла правильное решение?

– Да, родной, столько моих детей страдает. Я должна им помочь исправить свои ошибки.

– Сестра, тогда одна достанется мне. Мои дети уже слишком много заплатили за чужую вину. Если ты правильно выберешь хрустальную слезу, она станет искуплением и милосердием для них.

– Братец, не много ли ты на себя берешь, требуя у меня чего-то.

– Я прошу. Ведь в них и твоя сущность! И ведь это твои детишки неудачно поиграли в проклятье, ты не находишь?

В пустоте всплыло третье пятно – тускло-серого цвета – и вступило в напряженный диалог странной парочки:

– Брат, сестра, боюсь, вам обоим придется поделиться. Мои потомки вымирают, и скоро некому будет петь мне священные песни, а сила уйдет в пустоту, как и мы. Слишком много мы давали воли детям, осталось мало времени и возможностей все исправить. Нам необходимо объединиться и решить проблему, иначе созданное погибнет, будет нарушен еще один закон мироздания, а главное – ожерелье миров распадется. Мне будет жаль, а вам?

Молчание остальных двух пятен тяготило наши души, души трех маленьких серебристых точек, зависших перед тремя высшими в ожидании неизвестно чего, с трепетом вслушивавшихся в разговор.

– Решено, дорогие братья, я согласна с вами. Каждому миру необходимо дать по одной возможности. Одному из трех видов потомков – шанс на выживание.

В моей голове раздался мягкий, любопытный, женский голос:

– Скажи, дитя, чего ты хочешь больше всего?

Я ответила, не задумываясь:

– Жить! Хочу любить и быть любимой. – И почувствовала или услышала такие же ответы своих спутниц, а, может, мы даже ответили синхронно. Неужели женщина-облако спрашивала одновременно всех?

Серое пятно подобралось ближе – я почувствовала холод, исходящий от него и снова удивилась способности чувствовать при полном отсутствии тела, – и спросило:

– Занятные сущности, сестра? Не ошибись с выбором!

– Нам всем придется поделиться, брат, а тебе особенно, ведь твоим мирам нужна двойная помощь.

Серый потемнел и облетел нас троих. Потом снова женский голос спросил:

– Кем ты хочешь быть, дитя мое?

И наш синхронный ответ:

– Женщиной!

– Любой?

Мы молчали, не зная, что сказать. Первой ответила Юля:

– Какая разница, какой, лишь бы молодой и красивой, но главное – счастливой!

Мы с Алев мысленно с ней согласились.

Чернильное пятно заволновалось и тоже приблизилось к нам практически вплотную; но, странное дело, Юля и Алев шарахнулись от него, а мне стало тепло и уютно.

– За счастье надо платить. Ты готова, дитя мое?

Не раздумывая, с отчаянной надеждой я выкрикнула, снова услышав нас троих:

– Да, я готова!

Светлое облако, изменив форму, задумчиво зависло перед нами, а потом торжественно объявило:

– Да будет так! Дитя мое, мы даруем тебе новую жизнь, и вы сами приняли ее такой, какая она будет у каждой. Один дар вы поделите между собой. А с общим и одновременно разным проклятием вам придется справляться самим и поодиночке. Это ваша плата за новую жизнь.

Мы шокировано молчали. Следующий вопрос задал потемневший Серый:

– Ты решила, кто, кому и как?

– Я решила положиться на судьбу, наши миры сами притянут достойную. А как? Я чувствую прошедших сквозь пламя, и, боюсь, у них

нет другого выбора, кроме как снова принять его. Чтобы полностью возродиться в мире живых, им придется с ним обвенчаться. Как только в голове замолчал голос облака, пятна-сущности вплотную приблизились к нам. Вокруг нас закружился хоровод, в скором времени превратившийся в сверкающее кольцо. Серое марево вспыхнуло миллионом искр, а мое сознание поглотила дикая обжигающая боль. Я горела, причем в буквальном смысле в белом племени. И умирала тысячи раз.

Глава 3

Кажется, я снова чувствовала тело, пространство, воздух и понемногу приходила в себя. Лежала с закрытыми глазами и пыталась понять, что со мной, где я, даже кто я. Тело больше не горело, не болело – уже хорошо! Но воспринималось как чужое, хотя с каждой секундой это ощущение исчезало, и вскоре я пошевелила руками и ногами, глубоко вдохнула и с облегчением выдохнула. Тело меня слушается! И, удивительное дело, я практически не ощущаю сердце, вернее, лишь слушаю его ровное биение, как когда-то давным-давно, а ведь за столько лет привыкла постоянно испытывать боль.

Вдохнув, я ощутила запахи цветов, леса, кажется, туалетной воды, причем разной, и, предполагаю, людей. Потому что в этот момент раздались звуки приглушенных голосов. Кто-то разговаривал прямо возле меня. Еще раз глубоко вдохнув, с опаской открыла глаза и, проморгавшись, сфокусировала взгляд.

Ну ничего себе! Большая комната, богато декорированная золотом, лепниной и роскошными тканями, какие бывают только во дворцах! Я лежу, нет, даже возлежу, на кровати поистине королевских размеров, с тяжелым бархатным балдахином, подвязанным золотыми кистями. Боже, это куда меня занесло?!

Дворцовый интерьер – это еще цветочки. Присутствие троих хмурившихся мужчин, которые, стоя возле кровати, напряженно уставились на меня, не поддавалось никакому объяснению, представлению и описанию. Честное слово, лучше бы очередной врачебный консилиум, чем трое красавцев с длинными острыми ушками, да еще в старинных камзолах!

Я тоже оглядывала их в ожидании, убеждая себя, что вижу не дурной сон. Ведь я летела в самолете и вроде как погибла вместе с другими пассажирами. Скиталась по странному ничто и нигде с двумя девушками.

Потом слышала не менее поразительный разговор непонятных пятен-облаков. Лучше бы это был сон, просто очередной кошмарный сон из-за лекарств и болезни.

Увы и ах, не с моим везением!

Кажется, убивать меня остроухие не собираются, но каким-то шестым чувством я поняла – ничего хорошего ждать не стоит. Ну и видок у них! Вот если бы в кино, но сейчас, к сожалению, полный реал, никакой игры, как ни пытайся себя убедить, что сплю, сошла с ума и все такое. Никакого грима, декораций и камеры на заднем плане. Полное ощущение, что все здесь совершенно натурально, естественно, незыблемо, испокон веков и живет своей жизнью. Наслаждайся, Ленка! Если можешь...

А очень высокие стройные мужчины худощавого телосложения молча продолжали смотреть, будто давали возможность прийти в себя в этой фантастической реальности. Стильные «товарищи», ничего не скажешь. В бархатных камзолах до колен, один шикарнее другого, в тонких кожаных штанах, заправленных в полусапожки из хорошего материала – сафьяна, наверное, – с расписанными или расшитыми голенищами. Не разобралась какими.

Слишком высокие мужчины, слишком стройные и слишком высокомерные. От их нереальных прекрасных лиц даже с непривычки сводило скулы и слепило: светлая мраморная кожа; правильный овал; четко очерченные, ярко-малиновые губы; аристократические носы с тонкими ноздрями; огромные, с кошачьим разрезом глаза. А самыми примечательными были большие, плоские, с длинными кончиками, смешно загибающиеся вбок уши. Эльфы! Не совсем стандартной и привычной фэнтезийной наружности, но с другими персонажами не перепутать. И это в XXI веке... А в какой стране? Ага, значит, не все сказки врут, да? Или я все-таки сошла с ума?!

Один из мужчин прямо передо мной был в синем бархатном камзоле с серебристой вышивкой на вороте и манжетах. Незнакомец не двигался, только иногда моргал, закрывая коровьи, в смысле карие влажные, глаза, будто сочувствуя, как больному. Коса у него была шоколадного цвета и длинная, толстая, ниже пояса, сложного плетения. Любой модели, рекламирующей шампунь, на зависть! Интересно, как с такой тяжестью на голове ходит?

Слева от эльфа-шатена стоял золотистый блондин с яркими зелеными глазами насыщенного, травяного оттенка, и взгляд его оставил у меня в душе тревожный осадок. Точно неприятный тип, несмотря на великолепную внешность. Взирает на меня высокомерно, зло, напряженно,

словно я таракан перед забегом. Не оправдаю ожиданий – раздавит, как бесполезное насекомое. Непроизвольно поежилась и посмотрела на третьего.

Этот был серебристый блондин, и он тоже не спешил приветствовать меня радостной улыбкой. Картинно сложив на груди длинные руки, он с едва скрываемым презрением вперился мне в глаза, как только я перевела на него взгляд. Обалдеть, какой радушный прием! Невольно захотелось под кроватью спрятаться, как в детстве.

С трудом сглотнув вязкую слюну, опять обратила внимание на шатена – он на меня хотя бы как на насекомое не смотрит. Огромное ему спасибо! Однако за его сочувствием и печалью явно скрывался жесткий научный ум. И безмерная усталость. За время долгой болезни я отлично научилась читать по лицам, сколько бы ни старались их делать непроницаемыми. Жесты, мимика, взгляды, речевые обороты все равно рано или поздно всех выдавали.

Наконец, кареглазый заговорил на непонятном языке, изобилующем журчащими и свистящими звуками, от которых у меня уши зачесались и зубы заныли. Сначала я тупо на него пялилась, а потом не нашла ничего умнее, чем поджать губы и демонстративно пожать плечами, безмолвно извиняясь. Языковой барьер меня не огорчил, скорее, обнадежил, что я не сошла с ума. Пока! Ну не знаю я эльфийский язык, и что с того. Вот если бы понимала, о чем тут «свистят», тогда точно сказка или дурной сон, или «дурдом», на крайний случай. А так... Попала куда-то, очнулась неизвестно где. Пока есть вопросы, некогда впадать в истерику и панику, а тем более сходить с ума! Сейчас важнее определиться с ситуацией в целом, а потом вдаваться в подробности.

Хмурые «иномирные товарищи», наконец, догадались, что я их абсолютно не понимаю и, повернувшись друг к другу, злобно зашипели, подобно змеям. Причем громче всех был золотоволосый эльф, а шатен скорее оправдывался. Серебристый вставлял едкие замечания, от которых и золотой, и шатен зло скрипели зубами.

Я по-прежнему лежала молча, затаив дыхание и пристально разглядывая спорщиков, старалась осмыслить и разложить ситуацию по полочкам. Как бы ни хотелось, это не сон. Такой злобный, но красивый серпентарий даже в кошмарах не приснится – фантазии не хватит. Поэтому я мучительно, слово за словом, вспоминала разговор с пятнами-облаками. Что я тогда хотела? Жить, любить и быть любимой! Отлично! Живу, вроде, а где принц на белом коне? Дальше вопрос стоял: кем быть? Ответила: женщиной, правда, любой. А это что значит?

У меня засосало под ложечкой – срочно захотелось взглянуть на себя в зеркало. Тут же вспомнила, как Юлька добавила: молодой и красивой, а главное, счастливой. Я, конечно, не против эльфов, но вдруг все-таки нет?! Ведь мы не уточнили, для кого именно быть красивой? Как долго? И когда быть счастливой? И даже молодость – понятие относительное. Трупы молодых женщин тоже могут быть красивыми, только совсем недолго и, вполне возможно, счастливыми от того... что покинули бренный мир.

Я накрутила себя до невозможности и с трудом села, свесив ноги с кровати. Первое, на что обратила внимание – у меня тонкие белые руки без привычной болезненной сухости и синюшности, с длинными изящными пальцами и прекрасными розовыми ноготками. Дальше увидела на себе длинное, в пол, бархатное черное платье с замысловатой вышивкой и цепочкой маленьких пуговичек от горла до подола. В голову пришла глупая для этого момента мысль: «Это шикарное платье расстегивать-застегивать придется долго». Зато, оказывается, я такая же стройная, как и мужчины, которые вдруг замолчали и с любопытством наблюдали за мной.

Я подвинулась к самому краю кровати и неуверенно встала. Последовало легкое головокружение, тошнота, слабость в ногах, но все было терпимо – грохнуться на пол не должна. Качнулась из стороны в сторону, подняла глаза на шатена, получила от него в ответ восхищенный взгляд и облегченно улыбнулась. Потом попыталась, сопоставив, определить свой рост: приблизительно метр семьдесят, не меньше, потому что голову я задрала, а его «длину» под два метра я прикинула, пока лежала в кровати.

Обернувшись к таким же двухметровым блондинам, по-прежнему чем-то недовольным, сама скривилась и мысленно обозвала их сушеными воблами. Может, и еще что-нибудь придумала бы нелестное, но увидела за ними зеркало, от пола до потолка. Пошатываясь, поплелась к нему, чувствуя с каждым шагом, что все больше и больше срастаюсь с телом, привыкаю, как к родному. С трепетом в душе взглянула на отражение – и оцепенела от счастья и зависти к самой себе. Спасибо вам, дорогие мои пятнышки, что не обманули и такой подарочек сделали! Даже дыхание перехватило от восторга!

На меня смотрела высокая, стройная, изящная девушка не старше двадцати лет с округлой высокой грудью и тонкой талией. Королева красоты! По плечам и спине волной разметались пламенного цвета волосы. Огромные глаза, зеленые, как молодая листва, омытая дождем, обрамленные густыми ресницами и бровями с красноватым отливом. Прямой тонкий нос и мягкие, четко очерченные, слегка припухлые губы

ярко-малинового цвета. И уж совсем очаровали выглядывающие из-под красной копны волос небольшие, с острыми кончиками ушки, не то что у этих злющих вобл.

Придирчиво осмотрев новое лицо, я, наконец, облегченно подумала: «Слава богу, с внешним видом никаких неприятных сюрпризов»! Я старалась сродниться с новым образом, настолько сильно отличающимся от прежнего, что, как ни искала, не могла найти ни единой знакомой черточки.

«Я – человек» умерла во взорвавшемся самолете, сейчас на меня смотрит «я – эльфийка».

И все-таки мне с трудом удавалось сдерживаться и не расплакаться от накатившего страха и отчаяния. Первый восторг прошел, уступив место внутренней пустоте и опасению потерять себя. Что теперь со мной будет? Как родители перенесут мою смерть? Оставалось только надеяться, что благодаря маминой беременности им будет легче пережить потерю.

«Пожалуйста, боги, ведь, я точно знаю, вы есть, помогите им в горе! – мысленно взывала к пятнышкам-облачкам, высшим сущностям. – А я сейчас могу только ждать и наблюдать, не в силах ничего изменить. Но сделаю все возможное и невозможное, чтобы не поддаться панике и найти свое место в этом мире! И любовь! Как обещала вам и самой себе».

На ногах я стояла уже твердо, довольно быстро привыкнув и к размерам нового тела, и ощущению себя в пространстве, поэтому более уверенно посмотрела в тревожном ожидании на эльфов. Они глядели на меня, а я на них. Как сказала героиня романа Моэма: «Не делай паузу без нужды, а уж если взяла ее – тяни сколько сможешь!» Вот и я осмелела и, чуть подняв бровь, молчала. Наконец шатен ткнул себя пальцем в грудь:

– Эл Галдор Доанодаэ!

Я повторила и получила в ответ довольный утвердительный кивок.

Он продолжил и, указав на самого злобного блондина, видимо, представил его мне:

– Эл Бельфалас Аундаэ!

Я снова повторила.

Галдор опять кивнул и показал на менее злобного блондина:

– Эл Ваньяр Аундаэ!

Ага, эти красавцы – родственники. По крайней мере, небольшое внешнее сходство имеется. Затем Галдор показал пальцем на меня и произнес:

– Эла Эленаль Аундаэ!

Я непроизвольно отрицательно покачала головой и сказала с нажимом:

– Елена Севастьянова!

Бельфалас, злобно и бешено сверкая глазами, подскочил ко мне и, тыкая пальцем мне в грудь, прошипел:

– Эла Эленаль Аундаэ!

Невольно отшатнувшись, я едва устояла на ногах. Хорошо, хорошо, ладно, я твоя родственница. Понимаю: заняла чужое тело, и тебя это бесит. Но я ведь не виновата. Вера в лучшее будущее сдулась как воздушный шарик. С сочувствием посмотрела ему в глаза, чем, похоже, еще больше разозлила. Пришлось, коротко кивнув, тихо согласиться:

– Эла Эленаль Аундаэ.

С тебя не убудет, Ленка, тем более Елена Севастьянова погибла, а на свет родилась Эленаль. Ну хорошо, хоть имена похожи, не надо долго привыкать. А то и так слишком много навалилось.

Отметив, что я согласилась, считай смирилась, Бельфалас успокоился и, повернувшись к Галдору, сказал что-то резкое, развернулся и, не взглянув на меня, вышел из комнаты. Ваньяр, наблюдавший за нами молча и презрительно скривив губы, тоже последовал за родственником.

А на меня плитой навалились усталость, страх и одиночество, к которым я совсем не привыкла. Испуганно и растерянно повернулась к Галдору. А этот эльф, с виду не старше тридцати лет, посмотрел на меня мудрыми, пронизательными глазами, словно ему было на самом деле гораздо больше. Может, так и есть. От его взгляда я почувствовала себя еще хуже. Он взял меня под локоток, подвел к кровати и, чуть надавив, вынудил сесть. Поднял мой подбородок и показал жестами, что говорить я не должна. Затем, скупно улыбнувшись, тоже удалился. Но, оказалось, ненадолго. Буквально через пару минут он вернулся с красивой эльфийкой – тоненькой, молодой, с золотистой косой до пояса.

Девушка поклонилась мне и застыла, напряженно ожидая чего-то.

– Эла Финвэаль! – представил ее Галдор.

Я послушно кивнула. Эльф, снова довольно улыбнувшись, о чем-то поговорил с девушкой, кивнул мне и вышел. Эла, скептически посмотрев на меня, присела рядом и начала споро расстегивать пуговички на платье или, может, халате. Кто его знает? Я от неожиданности вздрогнула, но потом отрешилась от всего и безучастно смотрела в одну точку, пока меня раздели и затем одели в легкое, похоже, спальное платье.

Переодев меня, Финвэаль – прислуга, наверное, как я обозначила статус эльфийки, – вышла и вскоре вернулась с другой девушкой, которая, не поднимая на меня взгляд, несла большой поднос. Она быстро накрыла на стол, поклонилась и ушла. Финвэаль жестом пригласила меня к столу и, как только я уселась на прямо-таки антикварный стул, тоже присела рядом.

Есть под ее пристальным, но удовлетворенным взглядом, словно у матери, кормившей ребенка, было не очень приятно. Мало того, я даже не ощущала ни вкуса, ни запаха блюда, просто делала что надо и все.

Затем молча вышла из-за стола и легла спать, чувствуя себя совершенно обессиленной после фантастических событий и дичайших потрясений. Я закрыла глаза и через минуту услышала, как тихонько скрипнула дверь – ушла служанка. Наконец-то я осталась одна и, дав себе волю больше не сдерживаться, уткнулась в подушку и зарыдала. От душевной боли за родителей, которых уже никогда не увижу. От обиды на этих нелюдей, которые ненавидят меня неизвестно за что, но от этого не легче. От одиночества, ведь благодаря папе и маме, я к нему совсем не привыкла – они всегда были рядом, поддерживая, окружая любовью и заботой. А еще от неуверенности в себе и страха, потому что я слабая, двадцатитрехлетняя девушка с комплексами, последние шесть лет видевшая мир в основном на экране телевизора.

Будучи уже на грани между сном и явью я неожиданно вспомнила, что несколько часов практически не чувствовала своего сердца. Конечно, я поняла, что теперь здорова, и привычное ощущение боли не должно беспокоить как раньше, но почему-то чувствовала странную пустоту, даже сон сейчас унесся прочь. Вытащив руку из-под одеяла, я нащупала пульс на запястье – и напряженно замерла. Биение было ровное, хорошего наполнения и без каких-либо нарушений.

Немного успокоилась, но именно сейчас до меня наконец дошло, почему мне так тревожно – все, что произошло после того, как я очнулась в неизвестном мире, я воспринимала только душой, а не сердцем. Это душа металась между страхом и отчаянием, восторгом от нового тела и горечью расставания с родителями. Все чувства сегодня рождались в моей душе и совсем не затрагивали сердца, словно его и не было вовсе.

Вот, оказывается, почему столь спокойно и смиренно принимаю новый мир, почему все мои эмоции на фоне невероятных изменений словно приглушены. Не такие яркие, как были в той, другой жизни, которая блекла с каждой прожитой минутой в этом чужом мире. Только думы о маме и папе оставались кровавой раной в душе. Мое новое сердце не умеет чувствовать! Эта новость, в дополнение к душевному раздраю, прибавила еще тревог.

Следующие два месяца моей эльфийской жизни были весьма насыщенными. Две недели с помощью мага Галдора я безвылазно учила эльфийский язык, зубрила диалекты в разных частях нового мира. На отдых отводилось часов пять в сутки с учетом времени на трехразовое питание и посещение туалета. Только занималась – до кровотечения из носа от применения заклинаний, улучшающих процесс обучения.

Через неделю ускоренного курса мы с учителем с трудом начали общаться. И первые его вопросы были о том, кто я и откуда, а главное, какого роду-племени. Кратко поведав свою историю, на всякий случай опустив встречу и разговор с Высшими, выяснила у Галдора, что я – единственная дочь Бельфаласа и племянница не кого-нибудь, а самого повелителя светлых эльфов. С одной стороны, почетно, с другой – хлопотно.

Бывшая хозяйка моего тела была еще той... Впрочем, в любом случае спасибо ей за второй шанс. Не буду поминать ее лихом по земной традиции. В общем, две недели назад Эленаль баловалась запретной магией в надежде отомстить ненавистной сопернице. Проводила, страшно представить, сложный обряд обмена душ, а в итоге, напутав с заклинаниями, нечаянно – думаю, не без помощи высших, – упала внутрь пентаграммы. Ее душу выловить из хаоса не смогли и призвали первую попавшуюся свободную, чтобы тело Эленаль не погибло, став бездушным.

На мои вопросы, почему и зачем они это сделали, Галдор ответил весьма расплывчато. Во-первых, наследница у Бельфаласа одна, во-вторых, если кто-то узнает, чем занималась его дочь, когда погибла ее сущность, то будет запятнана честь великого рода Аундаэ. А Бельфалас лучше позволит перегрызть себе глотку, но подобного не допустит.

Интересно, кто же ему глотку грызть будет? Неужели его братья: родной Иллуин, самый старший Аундаэ, который в Повелителях состоит, и двоюродный Ваньяр? Хотя последний с удовольствием расчистил бы себе путь к трону. А то живут эльфы, как выяснилось, уж больно долго – можно до бесконечности ждать, когда конкуренты на столь выгодное теплое место в Светлом лесу сами уйдут к предкам. Помочь братьям «уйти» Ваньяр с превеликим удовольствием бы взялся. Но честь рода порочить никто из них не посмеет, чтобы не давать повода другим роптать и возмущаться.

Как только эльфийский язык с нечеловеческими, в буквальном смысле, усилиями был мною освоен как родной, а этого Галдор добивался в первую очередь, чтобы никто не заметил подмены, начался второй этап обучения – основы жизненного уклада эльфов. На знакомство с «обществоведением» ушел месяц. Этикет, история, география, а дополнительно меня нагрузили

изучением языков других рас, населяющих Лайвос. Так называется мир, приютивший меня по воле богов.

В течение двух месяцев изматывающей учебы мне не разрешали даже из дворца выходить, чтобы полюбоваться здешними красотами. А было чем: светлый лес не только прекрасен сам по себе, но и почитается эльфами едва ли не наравне с божествами. Глотнуть свежего воздуха позволялось у открытого окна, а высовываться было строго запрещено. Только из комнаты я под присмотром «придворной дамы» – служанки Финвэаль, – могла ходить в другое крыло Дома Аундаэ в лабораторию Галдора, с незапамятных времен служившего старейшему Дому светлых эльфов в качестве мага и целителя. И снова там была учеба. До потемнения в глазах и потери сознания.

В один из таких походов я выяснила, почему вся прислуга провожает меня подозрительными взглядами. В одной из галерей увидела портрет юной Эленаль – мастерски выполненное изображение блондинки с такими же, как у отца, яркими золотистыми волосами. Оказывается, шокировала я всех огненной шевелюрой. На мой вопрос о смене цвета волос Галдор затруднялся ответить и ограничился предположением, что изменение внешности – результат запретной магии и перерождения души.

Я сразу вспомнила, как выразились Высшие, решая, в каком качестве выпустить нас в новый мир – венчанные с огнем! По-видимому, это означает: от огня погибли, в огне и родились. Не совсем понятно, но вполне возможно, что огненными волосы стали именно поэтому – как олицетворение во мне того небесного огня, ведь до аварии я была брюнеткой. А вот остальным домочадцам и представителям рода Аундаэ Галдор дал другое объяснение: якобы из-за неудачного эксперимента. С магией не поспоришь.

Оказывается, любой эльф от рождения обладает задатками магии. Если быть совсем точным, магии земли. Большинство использует ее для общения с природой и в быту. Крайне редко встречаются одаренные другими видами природной силы, в том числе целительской, такие как Галдор и я, как это ни удивительно.

Эльфы из-за особенностей своего организма обладают хорошей регенерацией, но, тем не менее, существует множество способов убить их или безнадежно искалечить. И никакая регенерация не спасет. По крайней мере, отращивать конечности они не умеют, а если кого-то серьезно ранят, то он может запросто умереть от большой потери крови. Именно поэтому любые целители здесь подобны редким бриллиантам и весьма высоко ценятся у всех рас, нелюдей и людей, которые тоже есть на Лайвосе.

Каждый день, вернувшись в свою комнату после занятий, я падала от усталости и забывалась тревожным сном, но не позволяла себе раскисать или капризничать. Честно говоря, на это элементарно не хватало времени. Его не хватало даже на то, чтобы просто поразмышлять над новой жизнью. Скорее всего, это было к лучшему, ведь у меня пока одни вопросы и ни одного полного ответа.

Я была благодарна Галдору, который с остервенением натаскивал меня и вколачивал знания, ведь себя он тоже не жалел. Лично для меня знания и опыт, которыми маг вынужден был делиться, имели жизненно важное значение: после того как новообретенные родственники узнали, что «заблудшая» душа раньше принадлежала человеку, они свели общение на нет. Неизвестно, о чем думает «новый папочка», но каждый раз, когда я сталкивалась с ним или его двоюродным братом в коридорах, мне доставались взгляды, полные презрения и ненависти. К счастью, виделись мы редко.

Я не питала иллюзий на счет светлой «родни» – вряд ли можно хоть как-то изменить ее отношение. Поэтому с еще большим энтузиазмом погружалась в учебу, чтобы лишний раз не думать о причинах такого их поведения, надеясь, что когда-нибудь знания о Лайвесе спасут мне жизнь. Тем более, узнавая об этом мире все больше, я даже радовалась, что стала высокородной эльфийкой, а не какой-нибудь человеческой крестьянкой. Все-таки двадцать три года жила в роскоши и комфорте.

Единственный навык, который я прилично освоила в прошлой жизни, – готовка. Мама всегда сама распоряжалась на кухне, утверждая, что пища, приготовленная с любовью и заботой, гораздо вкуснее и полезнее для ее обожаемых мужа и дочери. Меня она тоже научила готовить, чтобы я в будущем могла позаботиться о желудке любимого мужчины. Мама всегда надеялась на лучшее, веря, что я обязательно поправлюсь и встречу своего единственного.

Каждый раз, когда я думала о родителях, на глаза наворачивались слезы. В огромном дворце среди многочисленной прислуги и так называемой родни, я была как никогда одинока и молилась о маме и папе, чтобы там, на Земле родился ребенок, который станет для них утешением. Конечно, один никогда не заменит другого, но что поделать, если я и себе-то пока ничем не могла помочь, только штудировала учебники. Хоть о хлебе насущном думать не надо.

Из истории Лайвеса следует, что здесь существует несколько разумных рас: эльфы, драконы, люди, оборотни, вампиры, гномы, и множество не слишком разумных, но, тем не менее, многочисленных видов живых

существ. Каждая раса занимает свою территорию в мире, где среди морей и двух океанов простирается один огромный материк, напоминающий восьмерку. Отношения между видами и расами оставляют желать лучшего, как всегда и везде, но войн пока не было. Уже хорошо!

Самые многочисленные народы – гномы и люди. Они без проблем сосуществуют друг с другом, селятся в одних местах и охотно ведут торговые и иные дела. Следующими по количеству жителей – оборотни, которые делятся на разные подвиды, кланы, роды и семьи. Самые распространенные и быстро «размножающиеся» принадлежат семейству кошачьих. Еще есть волчи, у которых в последнее время проблемы с рождаемостью, из-за того, что стало мало женщин и много мужчин, отсюда в кланах распри и стычки между родами.

Вампиры – скрытная раса, облюбовавшая болотистые низины в поймах рек. Они редко появляются в городах из-за всеобщей ненависти к их виду и способу питания. Для этих кровососов нет разницы, чем, а вернее, кем питаться. Представитель любого народа Лайвосо предпочитает не сталкиваться с весьма мрачными, мстительными, зловещими вампирами.

Драконы тоже многочисленны, но у них всегда были проблемы с женщинами. Слишком ветреные драконьи «самки» часто меняют мужчин, которые, встретив свою половину, оказываются уже не в состоянии полюбить другую. Так и мучаются, бедняги, всю жизнь, вытаскивая свою жену то из одной кровати, то из другой. Мне их даже жалко было, пока Галдор не сказал, что эти ящеры не гнушаются воровать женщин других рас и использовать их как личные постельные игрушки!

И вот, наконец, эльфы. Они делятся на два вида: светлые и темные. Темные именуются эльфанами, в переводе означает «темный эльф». Причем, от светлых они отличаются и внешне, и культурно. После лекций Галдора на тему темных я сделала неоднозначные выводы. По мнению учителя, светлые – поголовно утонченные, просвещенные, наделенные божественной красотой и изяществом, а темные – здоровые клыкастые «животные» с мерзким характером и звериными замашками, обладающие светлыми волосами и темно-серой шкурой.

Я слушала Галдора и раскладывала полученную информацию по полочкам. Если эти высокомерные светлые, которые всех остальных считают мусором под ногами, все время интригуют и устраивают заговоры даже друг против друга, а про остальные расы вообще молчу, то тогда темные – надо думать, что-то с чем-то. Даже представить страшно, как они выглядят и как живут. Книжные картинки не в счет. Особенно после того,

как Галдор вскользь заметил, что темные уже давно не покидают своих пределов и прокляты. Ого! Выспрашивать дальше не стала, у меня и так куча вопросов. А в подробности можно и позже углубиться, когда времени больше будет.

В конце обучения я с удивлением узнала, что Эленаль, и соответственно, мне через месяц исполнится тридцать лет. Я стану совершеннолетней женщиной и должна буду пройти обряд посвящения, который покажет, приняла ли меня богиня и защитница светлых Алоис. Тему религии и богов я затронула только сегодня и, узнав о том, что меня ждет, немного занервничала.

Оказывается, Лайвос – языческий мир, где правит многочисленный пантеон богов. Надо же, и я встретила троих! В виде сущностей-пятен. У каждого народа свои боги. Светлые эльфы поклоняются только Алоис, а темные – Черному Тринимаку. Как только я услышала о Черном, вспомнила чернильное пятно и еще больше встревожилась: столько богов, а мне, бедной и несчастной, голову преклонить негде.

А причина вот в чем. В последнее время напряжение, постоянный цинизм, с которым я была вынуждена реагировать на все, используя его как защиту, начали сказываться на мне самой, превращая в бледную, натянутую, словно струна, особу. Этак нервы могут не выдержать. И все-таки мое сердце иногда испытывало неяркие эмоции. Но в основном страх, который заставлял его биться чаще. Так странно, ведь раньше, даже больное, оно трепетало от радости, любви к близким, от счастья и нежности, а теперь скорее не мешало действовать, билось спокойно и рассудительно. И только душа горела, взяв на себя тревоги и печали.

Когда я освоила основные языки и традиции, мне разрешили ходить по дому самостоятельно и пользоваться библиотекой. Финвэаль больше не следила за каждым моим шагом, а Галдор охотно шел навстречу, позволяя заниматься самой. Его можно понять – магический резерв, основательно потраченный на мое обучение, требовал пополнения. Особенно сейчас, когда закончилась теория и пошла практика. Галдор начал тестировать мои магические способности. Его радости не было предела, когда он выяснил, что я обладаю гораздо большим целительским потенциалом, чем моя предшественница, о чем с удовольствием сообщил моему папеньке. В тот день я услышала то, что изменило мою жизнь еще раз.

Я быстро шла по коридору, спеша уединиться в библиотеке и взять интересную книгу – подробный справочник по видам и расам. Еще надеялась найти какое-нибудь пособие по целительству, надо ведь развивать магические способности. Так проходя мимо покоев Бельфаласа,

услышала возбужденного Галдора и отца, как всегда презрительного и недовольного. Про себя я уже спокойно называла его отцом, ведь в этом мире он действительно мой биологический отец, и я уже примирилась.

– Эл Бельфалас, рад сообщить вам, что благодаря обряду она удвоила свой потенциал. Это же потрясающе: у нее неограниченный запас силы. Я впервые с таким сталкиваюсь за три тысячи лет.

– Благодаря этому обряду, как вы выразились, Галдор, я потерял дочь, а взамен получил жалкую человеческую душонку. Если об этом узнают, меня опозорят на весь Светлый лес. Чистокровная аристократка с гнилой человеческой сердцевинкой. Глупая девчонка, как она могла пойти на такое?! Провести темный обряд в моем доме. Ради того, чтобы извести соперницу! Из-за малолетнего идиота Халаваля?!

О, Алоис, что с этими юнцами творит невоздержанность и непроходимая тупость! Если бы за Эленаль не следили, она уже давно опозорила бы меня, променяв честь и гордость на несколько мгновений плотского удовольствия. Никакого достоинства и ответственности у нынешней молодежи! А теперь эта презренная тварь заняла тело моей дочери, и я должен с этим мириться. Ведь в ней течет моя кровь. Кровь правителей Аундаэ!

Я застыла изваянием за дверью и слушала голос, сочившийся ненавистью, злобой и презрением. Ко мне! Следующие его слова чуть не остановили мое и так неторопливое сердце:

– Галдор, я хочу знать, можно ли снова изъять ее душу из тела дочери? Или обменять на другую?

– Нет, высокородный эл! Только добровольно, но и... Нет! Я проверил все свои записи. К тому же, ваша дочь основательно что-то напутала. Никто не посмеет повторить ее обряд, чтобы найти, в чем заключалась роковая ошибка. К сожалению, светлый эл, тело ее теперь навсегда принадлежит человечке, настолько сроднившейся с ним, что вернулась даже магия и приняла ее как равную.

– Остается только убить, да?! – в голосе Бельфаласа послышалась ехидная усмешка, которая выстудила мои внутренности страхом.

– Эл, послушайте меня, за месяц до совершеннолетия этого делать не следует. Пойдут слухи! – необычно жарко возразил Галдор, дав мне возможность вдохнуть свободнее. – Во время посвящения многое может произойти... Есть вероятность, что ее не примет богиня, и у нас будут развязаны руки. Кроме того, есть другая возможность использовать человечку на ваше благо.

– И как вы это предполагаете сделать? – заинтересовался отец.

– Как чрево для ваших внуков, например. Люди такие влюбчивые. Если вы найдете ей мужа с чистокровной родословной, но верного вам, то можно заключить брак и, получив потомство, отправить ее душу туда, откуда она явилась. На кратковременный брак с этой нечистой ради великой цели, я думаю, ваш будущий зять согласится. Главное, чтобы он хорошо сыграл роль влюбленного. Можно даже не посвящать никого в суть дела, а просто подобрать ей нужного мужчину, и внуки наполнят ваш дом. А потом убрать лишнюю помеху из вашей жизни.

Последовало молчание. Видимо, эльфийский папа решал, умереть мне сейчас или размножаться как свиноматке. Если два месяца я старательно не обращала внимания на его негативное отношение к себе, понимая чувства, связанные с потерей дочери, то сейчас в моей душе впервые разливалась ненависть. Он злится из-за того, что я внутри человек, а не из-за того, что заняла место его дочери. И судьбу, которую он мне готовит, я не заслужила, да и никто не заслужил! Я уткнулась лбом в стену, опершись на ладони, и ожидала ответа Бельфаласа.

– Ты прав, Галдор! Как всегда прав! Если она сможет пройти обряд и стать совершеннолетней, я выдам ее замуж. У меня на примете даже жених имеется. Бэор Сарендаэ с чистой кровью, но казна его рода пуста как старый пенёк. Он не задумываясь примет мое предложение. Мне не придется кого-то просвещать о нашем позоре, ведь Эленаль прекрасна как богиня. Если бы не проклятая человеческая сущность, она многого бы добилась. Бэор будет покорен ею, а для кратковременного брака этого достаточно. Все останутся в выигрыше. Подготовь ее к обряду совершеннолетия, чтобы выглядела достойно Аундаэ перед главами всех родов. Я не хочу опозориться.

Дослушав этот приказ верному магу и приговор себе, я сбросила обувь и бесшумно рванула по коридору. Забежав в библиотеку, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, прижимая туфельки к груди и пытаюсь перевести дыхание и успокоить нервы. У меня всего месяц, чтобы придумать, как жить дальше. И главное, где? Не со светлыми – точно.

«Так, Ленка-Эленаль, считай, что пересадка в клинике у высших и реабилитация у высокородных прошли успешно. По-русски говоря, спасибо этому дому, но пора и честь знать».

Глава 5

За неделю до моего эльфийского совершеннолетия, после которого я

гипотетически стану свободной полноправной женщиной, меня познакомили с Росой. Я сидела в библиотеке и штудировала справочник рас и видов, дойдя уже до драконов, когда зашел Ваньяр и, презрительно дернув краешком губ, сообщил, что отец хочет преподнести мне подарок. У меня от удивления взлетели брови, а в душе появились паника и страх. Сюрпризы я с детства не люблю, а уж от своего нового папочки и подавно.

Пока Ваньяр, взяв меня под локоть, вел по коридору, я строила самые мрачные предположения. Затем он неожиданно вывел меня на улицу, впервые, чем безмерно удивил. Оказывается, родовое гнездо Аундаэ, словно вплетенное в окружающий лес, огибает несколько огромных толстых деревьев, тянущихся к бескрайнему синему небу. За время учебы я выяснила, что климат на Лайвесе практически везде субтропический. Видимо, поэтому здесь нет привычной для меня растительности, особенно хвойных деревьев. Повсюду, куда бы я ни посмотрела, зеленые широколиственные гиганты и зеленая сочная трава, пестрящая разноцветными цветами.

Высокие деревья, напоминающие южные платаны, радовали густой листвой. В ветвях носились мелкие животные, иногда гневно попискивая на соседей или устраивая мелкие склоки, порхали яркие красивые птички и бабочки, а в бескрайнем голубом небе величественно плыли облака, соперничая с огромными хищными птицами, зорко высматривающими добычу сквозь густой лиственный покров. Я с наслаждением вдыхала запахи утреннего леса и с любопытством озиралась. Пока Ваньяр не сжал мой локоть и не прошипел:

– Не забывайся, Эленаль! Неужели ты первый раз видишь свой дом и лес? Откуда такое простодушное любопытство?

Каждое его слово, будто ядом, сочилось ехидством и злой иронией, напоминая о том, кто я, где я и как не должна себя вести. Сглотнув горечь, выпрямила спину и, задрав подбородок, устояла прямо перед собой. Заметив его насмешливую ухмылку, отвернулась, про себя твердя, что он не стоит моих слез и нервов.

Мы неторопливо подошли к длинному одноэтажному каменному строению и проследовали в ворота. Как только глаза привыкли к сумраку, царившему в помещении, я замерла, приоткрыв рот и забыв как дышать. Конюшня! Внутри пространство было поделено на три части: справа и слева находились денники, а посередине – широкий чистый проход. Мы шли по нему, и я с восхищением смотрела на волшебные создания, которые с таким же интересом рассматривали меня.

Лошади были все белоснежные, без единого темного пятнышка на

шкуре, с переливающейся серебром гривой и серебристо-серыми, влажными, умными глазами. Пофыркивая, они косили глазом на нас с Ваньяром, а мы двигались дальше. Наконец, у одного из денников Ваньяр остановился рядом с эльфом в рабочей одежде, который подобострастно посмотрел на нас и отвесил поясной поклон. Ваньяр, не обратив на это внимания, открыл денник, подошел к кобыле и похлопал ее по холке.

– Хитаеглир, эл Бельфалас дарит Росу эле Эленаль на совершеннолетие. После болезни она долго плохо чувствовала себя и может не удержаться в седле. Обучи ее заново верховой езде. Эленаль будет приходить сюда на заре каждое утро. Она не должна опозорить честь рода Аундаэ на обряде. Ты все понял?

Дядюшка задал вопрос с таким нажимом, что даже я поняла – если за неделю не научусь ездить на лошади, то не поздоровится не только слуге. Хитаеглир почтительно поклонился, не показав ни толики удивления, почему это вдруг наследница разучилась ездить верхом. Ваньяр снова продемонстрировал нам презрительную усмешку, и, тем не менее, коротко мне поклонившись, быстро удалился.

Мне пришлось снова надеть надменную циничную маску и, подняв подбородок, смотреть на конюха свысока, чтобы, если пойдут какие-то слухи, не наклепать на себя гнев родственников. Тот смутился, заметив, что я поймала его любопытный взгляд, и принялся суетливо седлать Росу. Я очень внимательно следила за его руками, подмечая малейшие детали: в будущем это тоже пригодится. Хитаеглир вывел лошадь из денника и повел ее к выходу, а я на деревянных ногах двинулась следом ни жива ни мертва, покрываясь испариной. А ну как свалюсь с лошади и сломаю шею! Может, родственнички специально подстроили подарок, чтобы от меня избавиться.

Выйдя на улицу, конюх остановил Росу и, повернувшись ко мне, выжидающе замер. В фильмах я видела, как садятся на лошадь, но вот сама этого никогда не делала. Я подошла к Росе и решила с ней сначала познакомиться, подлизаться. Медленно протянула руку к ее морде и, с трудом скрывая дрожь, ласково погладила между глазами, потом нос, холку и все время рассказывала ей о том, какая она красивая. Лошадь одобрительно косила глазом в мою сторону и, перебирая губами, пофыркивала.

После знакомства с белой красавицей, я увидела у Хитаеглира довольную улыбку. Подошла к седлу сбоку и недолго помялась в нерешительности, а потом схватилась за лук,插插插 левую ногу в стремя, оттолкнулась и взлетела в седло, перекинув правую ногу на другую

сторону. Ура, получилось! Усевшись, незаметно перевела дыхание. Слава Богу, моторная память сработала, и она не подвела новую хозяйку. Более того, я отпустила разум и доверилась телу, которое расслабилось и, надеюсь, приняло правильную позу.

Конюх начал давать мне советы, водя Росу по кругу, и уже скоро она перешла на рысь. С горем пополам мне удалось проникнуться ритмом движения лошади. Через час я чувствовала себя старой разбитой клячей, да и выглядела, наверняка, как мокрая мышь. Распорядилась прекратить урок и, перекинув ногу, спрыгнула и чуть не упала. На ногах удержалась благодаря стоявшей рядом умнице Росе, повернулась и, кивнув Хитаеглиру, пошла домой.

После обеда я вернулась в библиотеку читать книгу о травах Лайвосо – пригодится для лечения и чтобы элементарно не отравиться. Как много всего в этом мире, о чем я не знаю! Как же я буду справляться с проблемами в одиночестве?!

Вечером того же дня отец неожиданно передал через прислугу приглашение на ужин. Разодевшись по такому случаю, я оглядывала себя в зеркале, стараясь убедиться, что выгляжу вполне достойно и сообразно этикету, который в меня усердно вдавливал Галдор. С колотящимся от страха сердцем спустилась вниз и прошла в столовую. За обеденным столом я увидела Бельфаласа, Ваньяра, Галдора и еще одного мужчину, который сидел ко мне спиной. Я невольно залюбовалась его черными смоляными волосами, свободной волной стекающими по широкой спине. Бельфалас быстро оценил мой наряд и было видно, что он расслабился. Ваньяр, склонив голову набок, с легким интересом наблюдал за мной и гостем, который обернулся ко мне и плавно встал из-за стола.

Очередной прекрасный эльф с мраморно-светлой кожей, черными, глубоко посаженными огромными глазами, тонким носом с широкими крыльями, и подрагивающими в чуть заметной улыбке малиновыми губами. Мужчина моей мечты! Нет, мечта любой женщины! Я стояла, затаив дыхание, и млела от восторга. Потрясающий воображение образец мужской красоты.

Мечта, заметив интерес к своей персоне, снисходительно улыбнулся и окинул меня чересчур собственническим взглядом, словно кобылу на рынке. Или свиноматку? Пришедшее на ум сравнение окатило меня волной страха и лучше холодной воды привело в порядок разум, вернув на место здравый смысл. Никаких восторгов! Я кривовато улыбнулась самодовольному, уверенному в своей неотразимости гостю. И он теперь взирал на меня с удивлением и любопытством, в отличие от отца, который

сидел весь недовольный. Отвернувшись от жгучего брюнета, я посмотрела на него, ожидая, когда нас представят.

– Познакомься, Эленаль, это твой жених эл Бэор Сарендаэ! После посвящения мы объявим о вашем обручении, да и со свадьбой медлить не будем, – в голосе отца звучало нескрываемое раздражение.

Вместо того чтобы сделать изящный реверанс, я демонстративно удивленно приподняла бровь и открыла было рот, но меня остановил жесткий взгляд отца. Затем он резко опустил на столешницу ладонь и заявил:

– Я все решил, и ты сделаешь, как я сказал! Ты свободна, поужинаешь у себя.

Я отметила удивленный взгляд Бэора, которому не предоставили возможность сказать мне хоть слово вопреки хваленому эльфийскому этикету, и, сжав кулаки от злости, резко развернулась и вышла вон. К себе в комнату я едва ли не бежала, глотая слезы. Снова! За что? Что я им сделала? Ведь я не виновата! Но с ужасом понимала – если бы не подслушала тот злосчастный разговор, то, скорее всего, купилась бы на красивую внешность Бэора, ведь так хотелось почувствовать себя женщиной. Любимой, желанной женщиной, а не инкубатором.

Проклиная все на свете, я металась по комнате, судорожно пытаюсь решить, что делать. Ведь Бельфалас начал осуществлять свои планы, а у меня до сих пор нет никаких идей о том, как жить дальше. Краем глаза заметила тень и остановилась, с испугом рассматривая незнакомку напротив. Вздрогнула, а в следующую секунду поняла, что смотрю в зеркало на собственное отражение: нереально красивая, пламенная девушка с зелеными глазищами в пол-лица, блестящими от слез; ее красные губы горестно поджаты в тонкую линию, подбородок дрожит. Стройная изящная фигурка облачена в синее платье, украшенное серебристой вышивкой. И только синяки под глазами да слишком затравленный взгляд выдают меня, мою человеческую душу.

В отчаянии я закрыла лицо руками и зарыдала еще сильнее, выплескивая все скопившееся внутри. Медленно добрела до горящего камина и опустилась перед ним на корточки, а потом и вовсе уселась на ковер. Отняв руки от лица, пустым взглядом уткнулась в нутро очага, где весело потрескивал огонь.

Пламя то разделялось на несколько язычков, то снова сливалось. От него исходило такое живое и родное тепло, что я бездумно протянула руку, и огонь тоже потянулся ко мне. Неожиданно он ласково коснулся ладони, не обжигая, а наоборот, приятно согревая, и словно просачивался сквозь

кожу. Затем весело тепло побежало вверх по венам к моему измученному сердцу, мерзнущему в одиночестве и пустоте, которую пока нечем заполнить. Огонь наполнил его теплом. Я согрелась и почувствовала себя лучше и увереннее. Неохотно убрав руку от камина, еще недолго наслаждалась новыми ощущениями, затем разделась и легла спать. Силы мне потребуются очень скоро.

Всю следующую неделю я каждый день по часу гуляла с Бэором в лесу, ведя неспешные светские разговоры. Большей частью я внимательно слушала, нежели говорила. Уже в первый день я убедилась, как верна русская поговорка: с лица воду не пить. Спору нет, Бэор – самый красивый мужчина, которого я только видела, но относился ко мне как к красивой, но абсолютно безмозглой игрушке. Разубеждать его совсем не хотелось.

Общество навязанного жениха напрягало и тяготило. Я даже сожалела о бесполезно потраченном времени. Лучше бы провела его в библиотеке или в лаборатории с Галдором, слушая очередную лекцию по целительской магии. Но приходилось ходить на прогулки-свидания и строить женишку глазки, плюс восхищенно заглядывать в рот. Хотя я не раз замечала, что порой он смотрит на меня с каким-то задумчивым интересом. Или ловит мой взгляд черными глазами-омутами, в которых так легко утонуть, если не знать, что таится в их глубине. Его интерес ко мне носил какой-то отстраненно любопытствующий характер.

Впрочем, за время, проведенное в Доме Аундаэ, я отметила, что все окружающие меня эльфы, особенно высокородные, походят на замороженных рыб, с холодной снисходительностью или презрительно наблюдающих за окружающим миром с высоты своего роста.

Пару дней назад в одной из нежилых комнат я нашла небольшой старый мешок, напоминающий военный, времен Великой Отечественной. Я тайком стащила его и спрятала возле конюшни в розовых кустах. На следующий день в него отправилась пара штанов, потом, перед очередной тренировкой, я запихнула туда пару рубашек и несколько нужных мелочей.

Я уже мысленно составила список вещей, необходимых для побега, которые я смогу взять, не привлекая внимания. Только пока не определилась, как, когда и каким образом сбежать из поместья, если не знаю ни дороги, ни конечной точки пути. Тем более, когда вокруг сплошные враги, а времени все меньше и меньше.

Вечером накануне церемонии совершеннолетия светлых эльфов, или посвящения, Галдор несколько часов испытывал мое терпение, до самой последней мелочи описывая, как она будет проходить. Требовал повторить и снова по кругу. Теоретически я была подготовлена так, что от зубов отлетало, но вот волновалась до дрожи в коленях и тряслась как осиновый лист. Казалось, внутренности в узел скручивались.

На рассвете мои волосы уложили в сложную косу и украсили живыми цветами. Нарядили меня в сказочной красоты шелковое платье и плащ из тонкой шерсти, чтобы не мерзла на весеннем ветру, и усадили на Росу. От страха я не смогла сама сесть в седло, и Хитаеглиру пришлось попросту закинуть меня на лошадь под злыми, раздосадованными взглядами Галдора, Ваньяра и Бельфаласа, разряженных по случаю «праздника» как новогодние елки.

Моих мучителей сопровождали пять суровых эльфов-телохранителей. Чуть обогнав Росу, братья Аундаэ и Галдор выдвинулись вперед и, не обращая на меня внимания, о чем-то тихо заговорили. Я же, отметив слегка удивленные лица конного эскорта, высоко задрала подбородок и ехала в одиночестве между сушеными воблами, как про себя называла родню, и воинами, вооруженными до зубов.

Во время этой поездки я убедилась, насколько все-таки я не подготовлена к побегу, раз после пары-тройки часов в седле дрожала от напряжения и, более того, мне казалось, что попу стерла до мяса.

Неожиданно мои мучения прекратились. Мы словно пересекли невидимую границу и выехали на огромную поляну, залитую солнечным светом. В воздухе витали запахи цветов и трав, вокруг порхали тысячи ярких бабочек самых немыслимых расцветок. Это была настолько завораживающая картина, что я забылась и несколько мгновений с восторгом следила за одной из них.

Но почувствовав чей-то пристальный взгляд, я опомнилась и мгновенно натянула обычную маску равнодушия, полагающуюся высокородной эльфийке. Повернула голову и увидела Бэора, восседающего на белоснежном жеребце. Он чуть заметно поморщился, видимо, уловив перемены, подъехал вплотную и, коротко поклонившись моим спутникам, взял мою руку и уже привычно оставил губами на внутренней стороне ладони горячий след. По моей коже побежала волна возбужденных мурашек. Я в который раз смутилась – все еще не привыкну к столь интимному проявлению чувств «на людях», да и не верила в их искренность.

Жених помог спешиться, скользнув руками по спине и бедрам, а

потом, заметив мой яркий румянец, довольно усмехнулся и тихо прошептал на ухо, обдав мою кожу теплым дыханием:

– Скоро, девочка моя, очень скоро ты станешь моей! Полностью!

Я лишь криво усмехнулась и спрятала лицо в складках капюшона на вороте. Размечтался, наивный красавчик! В отличие от тебя, я точно знаю, что полностью твоей никогда не стану – папочка не позволит, да и сама постараюсь ему помочь. Очень постараюсь! На карамельную внешность меня не купишь. Довольно за три месяца насмотрелась и на тебя, и на других эльфов, живущих в поместье моего светлейшего папаши. Не раз сталкивалась с их внутренним миром, который так не соответствовал лощеному внешнему облику. И снова, и снова убеждалась в правоте родной мамы, которая без устали твердила, что настоящая красота живет внутри.

Народу в этом живописном месте собралось много. Видимо, Аундаэ прибыли последними. Надменные эльфийские «дамы и господа» в нарядах, по красоте и разнообразию соперничавшими с крыльями бабочек, горделиво вышагивали по поляне, приветствовали друг друга и беседовали. Прекрасные эльфийки выглядели словно райские птицы: сплошь блондинки разных оттенков, грациозные и изящные, ослепительно улыбавшиеся и одновременно безучастные. Я воспринимала это великосветское пати как сказочную постановку, пришлось даже ущипнуть себя.

Мы подошли к полукруглой площадке, на самом краю которой возвышался огромный каменный выступ с небольшой, отполированной до зеркального блеска чашей. Слева и справа от нее виднелись отпечатки ладоней, оплетенные древними рунами, словно веточками лозы. Я остановилась возле площадки, инстинктивно не переступив невидимую грань.

Здесь собрались представители почти всех светлоэльфийских родов, о чем Галдор сообщил мне на ухо. И все они с недоумением и любопытством посматривали на меня, явно заинтригованные огненным цветом волос. Я встречала их взгляды с надменной улыбкой, демонстрируя таким образом, думаю, не слишком вежливое и учтивое отношение к окружающим. Но, судя по довольному выражению лица Бельфаласа, я все делала правильно.

На край площадки ступил потрясающе красивый эльф, весьма похожий на моего отца, и приветствовал всех коротким усталым кивком. Я сразу догадалась, это Иллуин Аундаэ – Правитель светлых эльфов. Иллуин, как мне накануне рассказывал Галдор, иногда присутствует на церемонии посвящения. И в этот раз он почтил вниманием подданных исключительно из-за меня, родной племянницы.

Иллуин вел под руку высокую эльфийку в светлом длинном балахоне с накинутым на голову капюшоном, почти скрывающем лицо, – жрицу Богини Алоис, – которая служила проводником воли богини в спорных вопросах. Правда, как заметил Галдор, проявления таковой не случалось уже пару тысячелетий.

Ваньяр подтолкнул меня вперед, напоминая, зачем я здесь нахожусь. Под пристальными взглядами эльфийской публики я вышла на площадку вместе с еще одной девушкой и парнем, и неуверенно замерла в ожидании. Мой род самый древний – значит, церемонию открывать мне. Жрица встала напротив нас за камнем-алтарем. На подрагивающих ногах я подошла к камню и опустилась на колени. Положила руки ладонями вверх в выемки возле чаши, уткнулась в нее лбом и ощутила тепло и вибрацию. Страшно-то как! Я начала молиться сначала нашему Богу, а потом, вспомнив, где и в чьем теле нахожусь, – Алоис.

– Помоги! Помоги! Помоги и спаси меня, пожалуйста! – едва слышно шептала я, обращаясь к высшей сущности этого мира, пока из глаз не потекли обжигающе горячие слезы, которые одна за другой покапали в каменное углубление. Я отчаянно просила: – Алоис, не бросай меня, пожалуйста. Ведь ты меня создала и теперь мне вместо матери. Смилуйся, пожалей. Спаси и сохрани меня, Алоис. Прими под свое крыло, умоляю!

Сначала я услышала общее удивленное «о-о-о», потом почувствовала, как нагревается подо лбом камень. Чуть приподняв голову, увидела, что мои руки заволокло белесой дымкой, затем она развеялась, а в ладони лежало большое черно-белое семечко, похожее на подсолнечное. Скосила глаза на жрицу, стоявшую изваянием с удивленно распахнутыми глазами, будто узрела нечто из ряда вон выходящее. Она быстро взяла себя в руки и тихо прошептала:

– Продолжай обряд, девочка.

Я осторожно опустила семечко в ямку-выемку. Через секунду-другую оно раскрылось, из него полез росток, который с невероятной скоростью вырос метра на полтора. На его тонких веточках сначала появились яркие зеленые листики, потом почки, а затем, по мере набухания под шокированные вздохи толпы, из них распустились дивной красоты цветы, зеленые и насыщенно красные. Не веря своим глазам, я восторженно выдохнула и протянула руку к бархатистым лепесткам, на которых играли лучики солнца.

Как только я коснулась красного цветка, он вспорхнул бабочкой и сел на мою ладонь. Затем она словно всосалась в кожу и растворилась без следа. Я неуверенно тронула зеленый цветок – произошло то же самое.

Странно, ведь Галдор ничего подобного не рассказывал. Он говорил только о том, что я получу семечко, из него вырастет стебель с цветком, и по его цвету определяют, какая магия мне присуща. Если вообще что-то вырастет, а то можно остаться и вовсе без семечка.

Удивленно посмотрев на отца, я отметила, каким зловещим светом сверкнули его глаза. Я вздрогнула, по спине побежал холодный пот и плохие предчувствия не заставили себя долго ждать. Галдор наблюдал с маниакальным восхищением исследователя, другие – завистливо и зло. Почему? Что прошло не так? Почему на лицах эльфов отразились такие разные чувства?

Парень и девушка, которые должны были пройти посвящение следом за мной, стояли в тревожном ожидании. Я отошла от камня, уступив место девушке. Богиня подарила ей ярко-коричневый цветок. А молодой эльф вырастил коричневый цветок с зеленоватыми прожилками. Они, понурившись, разочарованно присоединились ко мне. Еще бы, ведь у меня выросли цветы, означающие редкую магию огня и целительства, а у них обычные символы земли, коей обладают все эльфы. Иллуин величественно подошел к нам и коротко поздравил с принятием дара, а меня даже приобнял за плечи и произнес:

– Я рад, что моя племянница привнесла дополнительную силу в род Аундаэ. Надеюсь, в будущем ты только упрочишь наше положение и не опорочишь честь рода. Поздравляю тебя, Эленаль, с совершеннолетием. Кстати, хочу заметить, у меня на тебя большие планы.

Я судорожно сглотнула, остро почувствовав неладное. Бельфалас встал рядом со мной и, положив руку мне на плечо, твердо заявил повелителю:

– Мой Повелитель, у меня, отца Эленаль, свои планы. И один из них – как можно скорее получить внуков. На следующей неделе будет торжественная церемония помолвки Эленаль и представителя одного из старейших родов, эла Бэора Сарендаэ.

Распорядился как крепостной крестьянкой, гад! Повелитель удивленно приподнял брови, а по толпе пронесся изумленный шепот. Но Бельфалас гнул свое:

– Эленаль принадлежит мне, брат, и я решаю ее судьбу. Как отец!

– Ты не прав, сын мой! – раздался голос жрицы. – Она принадлежит мне, и ее судьбу решу я! Перед лицом своих детей я объявляю, что душа Эленаль признана мной, является частью меня и моей истинной дочерью. Ее жизнь и судьба неподвластна вам. – Жрица, окутанная белой дымкой, смотрела в пространство пустыми, как бельма, глазами и вещала жутким, потусторонним голосом. Потом на секунду замолчала и угрожающе

продолжила: – Если ты, сын мой Бельфалас, или твои подопечные причинят ей хоть малейший вред, тебя ждет наказание и возмездие. Таково мое решение!

Как только жрица закончила, туман рассеялся, а она сломанной куклой без сознания рухнула на землю. Эльфы шокированно наблюдали за мной и отцом, который с побелевшим лицом смотрел на жрицу. Затем он словно очнулся и протянул ко мне руки, будто кто-то покусился на его собственность. Мы бы точно услышали от Бельфаласа «мое!», если бы его не остановил Повелитель, обратившийся к подданным:

– Оставьте нас.

Светлые с неохотой, словно их лишили самого сладкого, поспешили выполнить приказ. Один из телохранителей светлейшего Иллуина унес жрицу в лес. Бэор, подхватив меня за локоть, отвел к лошадям, где слуги постелили ковер и положили несколько подушек. Я устроилась на самом краешке и следила за родственниками, которые о чем-то разговаривали с непроницаемыми выражениями – поди догадайся о чем. Ведь по лицу тоже можно читать как по раскрытой книге. Главное уметь это делать, а в том, что эта вечно интригующая толпа хорошо бы справилась, у меня не было сомнений. Но Бэор исправно наблюдал за мной.

Разговор двух высокородных братьев был недолог. Бельфалас заметно напрягся, а потом, словно деревянный Буратино, низко склонился перед Повелителем. Иллуин, секунду помедлив, положил руку ему на плечо и заставил выпрямиться, после чего оба направились к нам. Отец смотрел на меня хмуро – не знаю, радоваться или огорчаться; а взгляд Повелителя неуловимо изменился – появился особый интерес, но в тоже время презрение. Я уловила это и встала, чтобы не смотреть снизу-вверх и ответила дяде тем же взглядом. Он потемнел от злости, но только едва наклонил голову, словно изучал невиданное насекомое. Наконец, скривил в усмешке губы и с едва уловимым удивлением, но отчетливым раздражением обратился ко мне:

– Тебя приняла Светлейшая Алоис, что весьма почетно и не менее интересно, учитывая обстоятельства, о которых сейчас поведал брат. К тому же богиня нарекла тебя своей истинной дочерью – значит, грязное пятно не легло на наш род, и честь не пострадала. Но вопросов осталось слишком много, и послевкусие от этого обряда вызывает у меня горечь. А я очень не люблю испытывать такие неприятные ощущения. Надеюсь, «племянница», ты не разочаруешь нас и оправдаешь возложенное на тебя доверие рода Аундаэ. Не забудь, полученные сегодня вместе с даром права и возможности совершеннолетней аристократки Светлого леса несут еще и

обязательства перед родом и твоим Повелителем.

С каждым его словом у меня в душе тоже разливалась горечь, вызывая тошноту, а страх сжимал сердце. О, Светлейшая Матушка, куда ты меня еще втянула? Неужели Бельфаласа не хватало, что ты еще и правящего дядюшку добавила. Я внутренне сжималась, опускала глаза, голову, чем Иллуин, судя по его удовлетворенному взгляду, остался доволен. Проще говоря, задавил авторитетом.

Потупив глаза и глубоко дыша, я пыталась справиться с тошнотой и отчаянием. Иллуин коротко попрощался, после чего Бельфалас жестом подозвал ретировавшегося на время приватного разговора Бэора.

Жених помог мне сесть в седло и поймал мой взгляд:

– Расскажи мне, что у вас происходит, Эленаль? Я смогу тебе помочь!

Я удивленно уставилась на него, потом только усмехнулась. С радостью клюнула бы на океан нежности и ласки, разливающийся сейчас от него, если бы не знала одной интересной детали. Два дня назад, проходя мимо кабинета отца, я услышала его резкий голос, а через секунду Бэора, торговавшегося за мое приданое, словно на восточном базаре. Еще эльфийский папаша ругал Бэора за то, что тот не очень убедительно ухаживает за мной.

Понятно, почему сердце жениха не слышит меня и не чувствует. Красавчик слишком занят собой, слишком меркантилен, слишком эльф. Но каково же было мое удивление, когда на претензии отца Бэор ответил, что я уже влюблена в него как кошка.

Видимо, что-то не очень лестное мужскому эго отразилось в моих глазах, когда я вспоминала о той черной торговле, так как Бэор неожиданно пристально уставился на меня. «Ну, вот и помучайся для разнообразия!» – я мысленно усмехнулась, отвернулась и направила Росу за отцом и Галдором, которые опять, не обращая ни на кого внимания, о чем-то тихо разговаривали.

Глава 7

Сегодня у меня была первая самостоятельная прогулка. Вернувшись в поместье после посвящения, я практически безвылазно просидела в своей комнате два дня. Штудировала справочник трав Лайвосо, заодно избегая встреч с Бэором и Бельфаласом. И вот когда солнце скрылось за горизонтом и на лес спустилась ночь, я решилась дойти до небольшого озера, мимо которого мы вчера проезжали. Целью моей была отнюдь не романтическая

прогулка, а проверка маршрута.

Из дома я вышла, на удивление, без проблем, на территории поместья тоже никого не встретила, поэтому спокойно оседлала Росу и, вскочив в седло, направилась к озеру. Через полчаса лес расступился, открыв моему взору блестящую водную гладь. Я спешила и подошла к самому краю воды. Не в силах сдержать восхищенный вздох, прижала ладони к груди. Две луны делили озерцо на три части серебристыми полосками света, которые, сливаясь в одну, заканчивались у моих ног. Словно я купалась в их волшебном сиянии!

Полюбовавшись и потрогав воду, оказавшуюся теплой, несмотря на сезон, я решилась. Быстро расстегнула платье, сняла его и вошла в озеро. Теплая ласковая стихия сначала укутала ноги, а потом и всю меня. Я оттолкнулась от твердого дна и поплыла, счастливо улыбаясь, как в детстве. Никогда не купалась ночью. Боже, как это здорово, – только я и лунный свет! Немного страшно и пьяняще радостно. Восхитительно!

Я плавала, пока не устала. А когда вышла на берег, хорошее настроение мигом испарилось: передо мной нарисовался Бэор, зачем-то снявший камзол и расстегнувший на груди длинную рубаху, полы которой легко трепал весенний ветерок. И явно не купаться собрался – голодным взглядом бродил по моему телу, облепленному коротенькой мокрой нижней рубашкой. Он вплотную приблизился ко мне, мягко, ласково коснулся моей щеки, провел пальцами по скулам. Наверняка решил отработать приданое, выслужиться перед «тестем».

Прикрыв глаза и глядя на него сквозь ресницы, я задала провокационный вопрос:

– Бэор, ответь, что означает услышать и почувствовать сердце? И зачем это надо делать?

Жених удивился, но, тем не менее, в его взгляде сверкнул таинственный огонек. Радости? Или расчета?

– А ты не знаешь? Или не помнишь? Или не понимаешь? Каждый светлый рождается с этим знанием. Твое сердце спит, пока не встретит любовь. Тогда оно проснется и наполнится чувствами и эмоциями к единственной или единственному. Услышит любовь и почувствует суженую или суженого. Подарит возможность завести потомство. А до тех пор мы владеем лишь частью себя, эмоционально спим. Не имеем слабостей, а потому мы совершенны! Неужели моя богиня уже услышала свое сердце? Так я весьма рад! Как только ты станешь моей, я подарю тебе все, что захочешь. Я окружу тебя заботой и комфортом. Я не слеп, Эленаль, и заметил не слишком трепетное отношение отца к тебе. Со мной

подобного не будет, прекрасная моя.

Неожиданно его ладонь скользнула с лица к волосам и сильно сжала их в кулак, не давая вырваться или отстраниться от губ, впившихся в мои. Это был не первый мой поцелуй. В школе я ходила на свидания и несколько раз целовалась, но вот так еще никогда. Он горячо сминал мои губы, язык проник внутрь и шарил там, как у себя дома, вызывая странные ощущения в моем теле. Мне понравилось, и через пару мгновений легкого ступора я начала отвечать.

Бэор довольно урчал и напирал еще больше. Но вот когда к поцелую подключилась рука, сжавшая мою грудь, а потом и вторая оторвалась от волос и, спустившись мне на спину, грубо прижала мое тело, заставив в полной мере ощутить его мужское желание и намерение, я испугалась. Уперлась ему в грудь руками, промывчала:

– Нет! – Потом, с трудом отстранив лицо, уже громко и четко потребовала: – Прекрати! Отпусти меня.

Но не тут-то было. Бэор опрокинул меня наземь, навалился, схватил мой подбородок и, глядя на меня черными от страсти глазами, прорычал:

– Ты больше никогда не будешь со мной играть, девочка! С сегодняшней ночи ты принадлежишь только мне одному. Я никому не позволю лишить меня того, что даст брак с тобой. Ты в моей власти и будешь делать то, что я захочу. Добровольно или нет – решать тебе!

Я изо всех сил колотила его кулаками, но он, не обращая внимания на сопротивление, задрал подол моей рубашки и попытался устроиться поудобнее. Я в ужасе уперлась ему в грудь ладонями и завизжала на весь лес. Пыталась скинуть его, но он оказался сильнее, намного сильнее.

Сначала мои ладони потеплели, потом я почувствовала легкое жжение и услышала отборные эльфийские ругательства. В следующий момент Бэор откатился от меня в сторону и, шипя от боли, разглядывал свою голую грудь, на которой алели отпечатки моих ладоней, очень хорошо заметные в серебристом свете двух лун.

Мрачный от боли и злости мужчина посмотрел на меня и прошипел:

– Эленаль, это был первый и последний раз, когда ты посмела пойти против меня! Клянусь тебе! На этот раз я прощаю, потому что понимаю, из-за чего ты испугалась. Я знаю, что стану твоим первым мужчиной и только по этой причине не накажу тебя сейчас за эти отметины. Поднимайся и одевайся, я провожу тебя в поместье – прогулки в одиночестве закончились.

Меня затрясло от злости и страха. Дрожащими руками я нацепила на себя платье; пятась, не выпуская Бэора из поля зрения, подошла к лошади

и, взлетев в седло, резво поскакала домой. На сегодня приключений с меня достаточно. Я слышала позади топот копыт его коня. Старалась выкинуть жениха из головы, но мысли о нем все равно упрямо лезли в голову. Отмотала ситуацию назад и шаг за шагом проиграла ее заново, анализируя свои чувства и поступки.

Бэор Сарендаэ – ослепительно красивый мужчина. Для меня, девушки, находившейся слишком долго в клетке больного тела, а потом три месяца не выходившей даже за пределы поместья, он стал ярким событием. Честно признаться, от него сносит немного крышу. Но вот именно такое рациональное понимание ситуации меня и насторожило. Мне вначале понравилось целоваться, потому что нравился сам мужчина, но потом в душе возникло чувство гадливости. Что я делаю? Зачем? Почему? Просто потому, что больше не с кем ощутить себя женщиной? Кому-то нужной и желанной? Спасибо Алоис, уберегла от непоправимой ошибки. И внутреннему огню, оставившему пламенный привет на груди Бэора, спасибо. Как только вспомнила про отметины и его удивленное болезненное шипение, довольно усмехнулась. Съел, расчетливый ты наш! Герой-любовник!

Я завела Росу в конюшню и, расседлав ее, вернулась в дом. Первым, кого я увидела, был Ваньяр, облокотившийся на лестницу и мерзко ухмыляющийся. Внутри все сжалось от плохих предчувствий, я непроизвольно разгладила платье и, выдохнув, остановилась, глядя на него как кролик на удава. Его довольная ухмылка стала еще шире, подтвердив мои давние подозрения, что ему доставляет особое удовольствие издеваться надо мной и унижать. Дальше еще хуже. Дядя подошел ко мне, жестко схватил за локоть и потащил за собой. Сопrotивляться, чтобы добавить ему радости, я не стала.

Меня привели в кабинет отца, в котором я никогда не была. Сидевший в кресле возле камина Бельфалас молча смотрел на меня и медленно цедил вино. Ваньяр расположился во втором кресле. Мне присесть никто не предложил. Я вздрогнула, когда за спиной сначала раздался щелчок закрывшейся двери, а потом прозвучал бархатный баритон Бэора:

– Она ночью купалась в озере. Я решил, что ей лучше вернуться домой.

Я повернула голову и, сузив глаза, гневно посмотрела на него. С усмешкой заметила, что застегнулся он на все пуговицы. Бэор потемнел лицом, но отвернулся и преданно уставился на моих золотоносных «родственников».

Бельфалас театрально долго сверлил меня взглядом, потом выдал:

– Ну, раз за твою честь я ручаться уже не могу, мы должны поторопиться со свадьбой. Официальную помолвку пропустим, ведь на посвящении я всем объявил об обручении. Ты согласен, эл Сарендаэ?

Бэор довольно кивнул головой и с хищной улыбкой будущего собственника уставился на меня, от чего по спине прошла омерзительно холодная волна мурашек.

Не выдержала и протестующе замотала головой, прошипела Бельфаласу:

– Я никогда не выйду за него замуж, вы меня не заставите!

Он в ту же секунду подлетел ко мне и с бешеной яростью тихо спросил:

– Ты уверена? Или надеешься, что раз тебя Алоис признала истинной дочерью, то стала свободной? Так вот, девочка, ты принадлежишь мне, и я распоряжаюсь тем, как тебе дальше жить.

– Вы забыли, дорогой «отец», что Алоис публично выразила свою волю, именно она отвечает за мою судьбу, и уж тем более она решает, жить мне или умереть!

Ядовитое, но справедливое замечание прервала звонкая мощная оплеуха, от которой я отлетела к стене и шлепнулась на пол. Да так и лежала, уткнувшись носом в ковер, пока звон в ушах не стих. Помогать мне никто не спешил. Сама приподнялась на руках и увидела, что из носа потекла кровь и пачкает великолепный ковер. Пришлось останавливать ее магическим способом. Затем, с усилием сев, я посмотрела на мужчин.

Бэор глядел с сожалением, сжимая кулаки, – он не доволен тем, как со мной поступил отец, но был вынужден сдерживаться. Наверняка боялся, что тот передумает отдавать меня ему в жены. Ваньяр взирал безучастно, будто ничего особенного не произошло. Бельфалас подошел ближе и, чуть наклонившись надо мной, прошипел, от чего Бэор напрягся еще больше:

– Алоис сказала, что я не могу тебя убить, но не сказала, что я не могу выдать тебя замуж. Я могу многое с тобой сделать, не убивая, моя девочка!

Два дня назад родившаяся у меня надежда на спокойную, достойную жизнь канула в лету.

– Через неделю состоится ваша свадьба, потому что я так решил, – объявил ненавистный отец. – Услышу от тебя хоть одно слово против, Эленаль, пожалеешь, что Алоис не разрешила тебя убить. Ты сделаешь, как я хочу. А я хочу законных чистокровных внуков, и в твоих интересах выполнить мое пожелание. Потом станешь свободной как птица... если Бэор позволит! А теперь ступай в свою комнату.

Я с трудом поднялась на ноги и вышла, ни на кого не глядя во

избежание последствий. В коридоре остановилась, привычно прислушиваясь к происходящему за дверью.

Первым нарушил молчание Бэор:

– Эл Бельфалас, я вынужден потребовать от вас объяснений. Мне не понятна ваша внезапная ненависть к дочери и поспешная свадьба. Я беден, но на безропотного мерина вряд ли похож.

– Ты должен дать клятву крови, что правда останется в этой комнате, а если нет, можешь искать другую богатую невесту.

Молчание длилось несколько секунд, потом послышались легкое шуршание и снова голос Бэора:

– Я клянусь кровью рода: все, о чем вы сейчас скажете, не будет разглашено.

Снова тишина, а затем Бельфалас рассказал о моем появлении. Как только он закончил, Бэор удивленно воскликнул:

– Я все равно не понимаю, зачем спешить. Она, несмотря на человеческую душу, признана самой Светлейшей Алоис как истинная дочь. Такого не помнят даже старейшины Леса. Уже этим ваша дочь оказала честь роду, двойной дар только добавляет ей веса, она прекрасней многих женщин Светлого Леса, и все это делает ее бесценной. Такая несущественная подробность, как появление чужой души в теле Эленаль, не сможет нанести ущерб ни вашей репутации, ни родовой чести. И снова я спрашиваю: почему?

– Она забрала тело моей дочери, Сарендаэ! Моей дочери! И мне плевать, что она теперь такое! Моя Эленаль умерла три месяца назад, и я хочу получить хоть какую-нибудь компенсацию. Ее ребенок станет моим наследником и носителем чистой, неоскверненной крови светлых эльфов. А эта дрянь может идти куда захочет, когда выполнит передо мной свой долг. Можешь оставить ее себе, если пожелаешь! Даром терять время и дышать с ней одним воздухом в своем поместье я не намерен, поэтому, если ты еще не передумал, свадьба будет назначена на следующую неделю, а если ты отказываешься – найду другого, более сговорчивого.

Я с холодеющим сердцем вслушивалась, опасаясь быть пойманной слугами или хозяевами, но уйти тоже не могла.

– Я согласен с вашим предложением, высокородный эл! Но меня любопытство, знаете ли, снедает: зачем вам ее дети, ведь вы можете сами произвести на свет наследника? К чему такие сложности?

Бэор немного удивил меня, а раздраженный ответ отца на этот, как мне показалось, закономерный вопрос, шокировал:

– Сарендаэ! Ты, кажется, забыл условие, необходимое для появления

нашего потомства. Любовь женщины должна быть безусловной, а у меня нет сил и желания разыгрывать комедии перед возможной матерью моего наследника. Мать Эленаль унесла с собой мое сердце, не оставив ничего другим. И ждать еще несколько тысяч лет, пока я услышу его снова и заведу своих детей, не хочу. Я удовлетворил твоё праздное любопытство, эл Бэор? Больше вопросов нет? Тогда оставь нас с братом наедине.

Дальше я взлетела по лестнице в свою комнату, словно за мной гнались все Аундаэ, и залезла под одеяло, будто там можно было спрятаться от погони и проблем. Как чувствовала! Через минуту услышала шаги возле двери, накрылась по самое горло и зажмурила глаза. Распахнулась дверь, и в комнату тихо скользнул Бэор, постоял возле кровати, а потом наклонился к самому лицу и, едва касаясь моих губ, прошептал, обдавая теплым дыханием:

– Я никому тебя не отдам, Эленаль! Несмотря ни на что, ты будешь моей столько, сколько я захочу. Со временем ты полюбишь меня, я обещаю.

Потом бесшумно выскользнул за дверь. Я перевела дыхание и, уткнувшись в подушку, зарыдала от бессилия и отчаяния. Боженька, как же мне страшно! И больно!

Глава 8

Финвзаль аккуратно развешивала мое свадебное платье и расправляла на нем невидимые складки. Трепетно касалась нежной ткани и восхищенно трогала драгоценные бусины, украшающие лиф. Произведение искусства нежно-зеленого цвета с замысловатой «растительной» вышивкой сияло в свете свечей, отражающихся в сверкающих гранях нескольких десятков драгоценных камней, окруженных мелкими жемчужинами. Эльфийка настолько искренне, неподдельно восторгалась нарядом, что меня так и подмывало подарить ей его вместе с женихом.

Впрочем, я бы тоже восхищалась платьем, если бы не событие, на которое мне надо было его одеть. Завтра я окончательно потеряю даже видимость свободы, а ведь и пожаловаться некому – Алоис меня больше не слышит, если папаша дошел до рукоприкладства, вот и стану племенной кобылой. На следующее утро после знаменательного разговора ко мне прислали портних, которые в кратчайшие сроки пошили сказочное платье. Прислуга подготовила поместье к свадебному торжеству.

Чтобы предотвратить нежелательные слухи, Бэор рассказывал всем любопытствующим, что уже давно положил на меня глаз, но дожидался

совершеннолетия. Настолько влюблен, что сил ждать больше нет. Наверное, оценив мое, мягко выражаясь, полное равнодушие к этому важнейшему событию в жизни женщины, организаторы все же решили не рассказывать сказку про мою пылкую любовь, а ограничились только Бэором, который с энтузиазмом играл свою роль.

Я же замышляла побег. Откровенно свистнув из библиотеки учебник по начальной магии для целителей и справочник по травам и приготовлению зелий, добавила еще кое-что в заветный, спрятанный возле конюшни мешок. Два раза умыкнула с кухни сушеное мясо и вместе с хлебным караваем тоже унесла туда. Однажды, заметив чей-то подозрительный взгляд, больше во дворе не появлялась, дабы усыпить бдительность недоброжелателей.

И вот я сижу и смотрю на это платье, а свадьба завтра. Единственное, в чем я не отказывала себе, так это плотно поесть, ведь для будущих приключений потребуется уйма сил. Как только Финвзаль закончила и вышла за дверь, пожелав мне доброй ночи, я встала и начала срезать с платья драгоценные камни. Спасибо, отец, хотя бы таким образом ты сможешь мне начать новую жизнь.

Закончив с кропотливой работой, я ссыпала все камешки в мешочек, в котором уже лежала пара золотых, украденных накануне в кабинете Бельфаласа, – больше взять побоялась. Затем быстро переоделась в тонкие, но весьма прочные кожаные штаны, рубашку и скромный камзол. Надела для защиты от ночного холода шерстяной плащ с капюшоном, прикрывающим лицо, прихватила еще пару вещей и вылезла в окно.

В конюшне я оседлала Росу самым старым из найденных седлом, к которому приторочила мешок. А Хитаеглира предварительно усыпила простым заклинанием из учебника. Потихоньку вывела лошадь и поскакала прочь, мне казалось, что Роса летит над землей, не касаясь ее копытами. Мы переплыли на другой берег озера и торопились удрать как можно дальше. Я до жути боялась преследования, поэтому не давала послаблений и отдыха ни себе, ни лошади. Чередую шаг и галоп, мы уносились все дальше, стремясь как можно быстрее пересечь границу Великого Светлого Леса. Прильнув к шее Росы, я старалась ни о чем не думать просто просила ее потерпеть.

Несколько дней я изучала в библиотеке карты на предмет расположения ближайших городов. К моему счастью, до границы Леса была всего пара дней езды верхом. Я очень надеялась, что езды шагом, а не галопом, и у меня получится пересечь ее завтра к обеду, иначе побег закончится позорным возвращением, а что меня тогда ждет, я боялась даже

представить.

После долгой скачки, почувствовав, что Роса начинала спотыкаться, я спешила и дала ей отдохнуть. С трудом передвигая ноги после многочасовой езды, я пошла рядом, уцепившись за повод, и держалась только усилием воли, но позволить себе остановиться не могла.

Да что там говорить, я готова была ползти, лишь бы больше не встречаться со светлыми. Чтоб они все провалились в тартарары, желательнее подалеже от меня. Прошел всего час пешего хода, и у меня начали заплетаться ноги, я споткнулась и собрала коленями пыль. Достала яблоко и отдала Росе, которая с жадностью его схрумкала и начала просяще косить глазом. Дала еще одно, а сама быстро съела кусок хлеба, немного утолив голод.

Потом снова в седло и бешеная скачка. Когда я уже падала с Росы, мы выехали из леса на широкую степную дорогу. Насколько помню, мне надо на восток, поэтому мы поехали вдоль дороги, над которой еще взвивалась пыль, судя по всему, недавно здесь проехал целый обоз. Сменив галоп на шаг, уже не торопясь, мы ехали до ближайшего города.

Остановившись у первого попавшегося колодца, я набрала воды в кожаное ведро и приступила к осуществлению заранее продуманного плана. Сначала перекрасила лошадь с помощью одной волшебной травки в сочный шоколадный цвет. Ее стати, конечно, не скрыть, но белоснежный окрас привлечет к нам много любопытных взглядов. Потом раскатала попону и накрыла ею Росу от гривы до хвоста. Потертое седло и – вуаля! – вполне приличная обычная лошадь. Разницу заметят только знатоки, зато, очень надеюсь, воришки и бандиты с большой дороги хотя бы из-за «средства передвижения» нападать на меня не станут.

Перекусив и дав напиться Росе, я накинула капюшон и спокойно, не привлекая внимания изредка проезжавших мимо нас путников, двинулась дальше. В город заехала вместе со случайным обозом и сразу же отправилась искать ювелира. Мне пришлось зайти в пару лавок и пообщаться с разными мастерами, и только в третьей меня встретил хмурый гном, который, когда я откинула капюшон и протянула пару камешков, скупой улыбнулся и назвал цену. Я уже ее слышала, привычно скривилась и, извинившись, пошла на выход.

Истинную цену этим камням я не знала, но предполагала, что честь рода не позволит Бельфаласу выдавать замуж дочь в чем попало, поэтому и проработала маркетинг. Мне называют цену, я возмущенно кривлю лицо и, забирая камни, пытаюсь уйти. Не торгуются – хорошо, значит, мне в другое место. Но здесь меня остановил насмешливый голос гнома:

– Светлейшая, я удвою цену, но дороже здесь никто не даст. Город слишком маленький, и таких денег, как у меня, ни у кого нет.

Я повернулась и, вытащив половину заранее приготовленных камешков, выложила их на прилавок. Гном удивленно на меня уставился, но промолчал. Наконец кивнул и вышел в соседнюю комнату. Через пару минут он вернулся с увесистым кошельком и протянул его мне:

– Ну что, светлейшая, пересчитывать будете?

Я заглянула внутрь и, прикинув золотое содержимое на глаз, ответила:

– Нет, уважаемый, не хочу оскорблять вас недоверием. Спасибо.

Кажется, с благодарностью перестаралась, потому что гном пришел в замешательство. Эх, светлые зазнайки!

Потом в городе купила овса для Росы и, пока та неторопливо ела, я раздумывала, что делать дальше. С одной стороны, оставшись в городе, сильно рисковала, ведь Светлый Лес слишком близко, а значит и погоня недалеко, но ночевать на улице было страшно. Все же ужас от возможного преследования победил. Как только Роса поела, я купила еды и, не обращая внимания на любопытных окружающих, направилась из города дальше. Пора привыкать к кочевой жизни. Пока не обрету свой дом, так и придется скитаться, все время опасаясь, что меня найдут и вернут Бельфаласу.

Глава 9

Три дня мы с Росой пылили под палящим солнцем и изредка сворачивали в кусты, за пригорок или в лес, заведя или услышав приближающихся путников. Поздняя весна радовала сухой погодой, поэтому мы бодро делали длинные дневные переходы, а потом, спрятавшись среди деревьев или в каком-нибудь тихом, укромном местечке, ночевали. Три ночи я спала в полглаза, все время опасаясь нападения либо животных, либо двуногих. В свете костра читала краденые книги, чтобы отвлечься, а на утро снова выдвигалась в путь. Три дня мне везло – не встретила ни одного своего сородича.

На четвертый день наша дорога свернула в густой лес и криво заплеталась между деревьев, огибая овраги и естественные ложбины, изобилующие мелкими ручейками и неопасной живностью. Хотя именно к ней я относилась с весьма большой осторожностью, так как местные зверюшки, в отличие от растительности, были совершенно мне незнакомы. Ориентировалась только по размеру – сможет «это» меня съесть или нет. Место для ночевки я выбрала, как только попало наиболее удобное.

Разожгла маленький костерок, а потом сложила в котелок крупу и мясо и присела к огню, радуясь теплу и веселому треску веток. Огонь стал моим лучшим другом наравне с красавицей Росой.

Каша бурлила и набухала, восхищая обоняние ароматными запахами, и, наконец, я принялась с наслаждением ужинать. Затем вымыла в небольшом ручейке котелок, налила в него воды и вернулась к костру, намереваясь заварить чаю из трав, о которых успела узнать благодаря Галдору. Повесила котелок над костром и глядела на огонь, поджидая «десерт». Вот уж точно, что на огонь, воду и чужую работу можно смотреть бесконечно.

Неожиданно Роса запрядала ушами и, фыркнув, пододвинулась ко мне. Послышался топот копыт, скрип колес и человеческие голоса – кто-то расположился выше оврага. Через пару минут, когда я собрала свои пожитки, залила отваром костер, закуталась в плащ и, прислушиваясь, уставилась в сумерки, на краю оврага показалась пара мужских голов. Путники быстро осмотрелись и, встретившись со мной взглядом, насторожились. Я тоже судорожно вцепилась в повод Росы и была готова в любой момент вскочить в седло и рвануть прочь. Одна голова исчезла, а через полминуты появился мужчина с густой длинной черной бородой, в которой виднелись седые нити.

– Простите, светлейшая, что нарушили ваш покой и прервали ужин, – поклонился мне хозяин солидной бороды. – Если не побрезгуете, могу предложить вам свой очаг и ночлег в кругу моих родственников и спутников. Мы торговцы из Оверета, едем в Дачарин на ярмарку.

Я тихонько выдохнула: вроде бы ничего условно опасного мужик собой не представляет, эльфов почитает. Нарисовала на лице едва заметную улыбку и коротко кивнула:

– Благодарю вас, уважаемый, с удовольствием приму ваше приглашение.

Взяв Росу под уздцы, я вывела ее из оврага и, обогнув его по дуге, вышла к небольшому обозу, состоящему из четырех повозок. Вокруг них суетились люди: три женщины под присмотром десяти крепких мужчин. Бородач оказался главным. Сначала я даже обрадовалась, что встретила людей, а потом, вспомнив, что сама теперь беглая эльфийка, а люди тоже бывают сродни бешеным зверям, ненадолго настороженно остановилась, ожидая, что будет дальше. Бородач еще раз коротко поклонился и вежливо произнес, с любопытством рассматривая:

– Меня зовут Йорэт из Оверета, светлая эла. Скоро наши хозяйки приготовят ужин, и мы будем рады, если вы окажете честь отужинать с

нами.

– Благодарю вас, уважаемый Йорэт, но я уже поела перед вашим приходом. Хотя с удовольствием выпила бы горячего отвара в компании и послушала рассказы о том, где вы бывали и что видали.

Сразу заметила, что мое предложение людям понравилось, видимо, им льстило, что светлая эльфийка, априори высокомерная, заинтересовалась их обществом. Через час мы сидели возле костра и наблюдали за спорой работой женщин, которые разносили еду, а мне подали горячий ягодный напиток. Грея руки о деревянную кружку, я с интересом слушала Йорэта и его спутников, которые степенно, обстоятельно вели беседу о том, по каким ходили дорогам и где теперь слишком опасно торговать из-за участвовавших нападений нечисти или вампиров. О ценах на товары и просто о людях и нелюдях.

Впервые на Лайвесе я почувствовала себя хорошо и уютно, сидя рядом с бородатыми мужчинами и дородными женщинами, которые жили просто, но в согласии с собой и своей совестью. Уходило в ночь многодневное напряжение и усталость. Рядом с ними я отогревалась душой, чувствуя какое-то внутреннее родство.

– Эла, позвольте сказать вам? За все годы моих странствий первый раз встречаю светлую эльфийку, согласившуюся разделить очаг с простыми людьми. Только не поймите превратно, я вовсе не хочу оскорбить вас, но вы другая и непохожи на светлых. Ваши соплеменники слишком холодные, а вы живая. Радость-то какая!

Я только грустно улыбнулась, не смея ответить на его невысказанный вопрос, и уставилась на огонь.

Нашу беседу по душам прервали женщины, озабоченно кружившие возле одной из повозок, в которой по очереди пропадали. Насколько я поняла, там находится кто-то, не вышедший по неизвестной мне причине к ужину. Беспокойство женщин передалось мужчинам. Один из них, хмурый, молчавший до этого, побледнел и сжал кулаки. Остальные тоже выглядели расстроено.

Йорэт положил тяжелую руку на плечо тому мужчине и печально сказал:

– На все воля богов, Хал! Если им будет угодно, твоя Ризет выживет.

Я похолодела – такая обреченность. Не выдержала неизвестности и спросила:

– Что с ней случилось, уважаемый Йорэт?

– Ризет вчера потеряла ребенка и вот уже сутки медленно истекает кровью и горит в лихорадке.

Недолго раздумывая и прикидывая свои шансы на удачу, я спросила:

– Могу ли я осмотреть ее?

Все мужчины удивленно уставились на меня, а вот у Хала глаза загорелись истовой надеждой на чудо. Даже страшновато стало, ведь я не волшебница и практически ничего не умею, в чем откровенно призналась:

– Я хочу сразу предупредить вас, что только учусь, но могу хотя бы попробовать ей помочь.

– Ничего, светлейшая эла, я буду благодарен вам за любую помощь, даже за самую малую.

Я кивнула и быстро забралась в повозку. Бедняжка лежала на жестком соломенном матрасе и металась в горячке. Хотя женщины и следили за ней, но здесь остро пахло кровью и близкой смертью. Я сняла плащ и, отбросив его в сторону, опустилась перед молодой женщиной на колени. Затем начала руками изучать ее тело, чтобы выяснить проблему, как учил Галдор и как сама читала в учебнике. Жаль, в последние дни у меня совсем не было времени изучать целительство дальше.

Тем не менее, когда слилась с телом больной, я нашла источник боли и начала лечение. Щедро делилась с ней своей силой и вскоре почувствовала, что у меня получилось, и даже заплакала от радости и облегчения. Оперлась на руки, почувствовав головокружение и слабость – для своего первого раза я много отдала и сделала. Ведь до этого пробовала лечить только мелких грызунов, над которыми «колдовал» Галдор.

Зато у моей первой пациентки был умиротворенный вид и спокойное ровное дыхание. Она спала, обессиленная борьбой за жизнь, но теперь, при должном питании и уходе, непременно поправится. Я с трудом вылезла из повозки, волоча за собой плащ и, увидев тревожно устремленных на меня с десятков пар глаз, слабо улыбнулась и сказала мужу спасенной женщины:

– Не волнуйтесь, теперь все будет хорошо, она выживет, только ей сейчас надо чаще и лучше кушать и больше отдыхать. И дети у вас обязательно будут, только дайте ей время оправиться. Она сильная.

Хал упал передо мной на колени и зарыдал, закрыв лицо ладонями. Я присела рядом и погладила по голове, успокаивая, как ребенка.

Затем на меня накатил дикий голод – срочно нужно было восполнить растроченные силы. Посмотрев на Йорэта, со счастливой улыбкой наблюдавшего за нами, попросила поесть. Две женщины, услышав меня, кинулись к огромному котелку. Наполнили тарелку до самых краев и оторвали большой ломоть хлеба. Я даже не заметила, как все съела. И сразу же легла, закутавшись в одеяло и устроившись рядом с Росой. Впервые за последние дни я спала крепко, никого не опасаясь.

Я проснулась на рассвете и, заметив приветливый взгляд мужчины, сторожившего сон своих спутников, ответила ему улыбкой и пошла к ручью умываться. Уже через час лагерь напоминал улей, где каждый четко, без суеты и спешки выполнял отведенную ему работу. Немного подумав, я попросилась у Йорэта к ним в компанию, узнав, что Дачарин находится дальше, на востоке, и им придется проехать через пару городов и несколько деревень.

За неделю нашего совместного путешествия, я, наконец, смогла поверить, что ушла от погони и расслабилась настолько, что каждый встреченный нами путник не вызывал у меня чувства страха и напряжения. Но капюшон я не снимала, справедливо полагая, единственная эльфийка в компании людей может привлечь ненужное внимание не только ко мне, но и к ним. И все же спутники заметили мою повышенную тревожность при встрече с другими странствующими, особенно при приближении групп всадников, но, хвала Светлейшей Алоис, вопросов не задавали.

Я же, пользуясь возможностью ехать под охраной, а не постоянно крутить головой и прислушиваться к окружающим шумам, старательно изучала учебник. Попутно с изучением целительства я заметила, что Йорэт слегка прихрамывает и, предварительно спросив разрешения, вылечила его больное колено. Потом не обошла вниманием остальных людей – им хорошо и мне практика. Надеюсь, смогла хоть чем-то отплатить добрым людям за мои гораздо более спокойные ночи и дни, наполненные познавательными беседами.

За день до приезда в Дачарин, когда мы расположились на привал, и наш обоз встретил каких-то дальних родственников Йорэта, я услышала прелюбопытный разговор. Оказалось, восточные оборотни из семейства волчьих с удовольствием принимают у себя человеческие семьи, особенно те, где есть незамужние женщины, желающие завести семью. И хотя торговцы с большой долей недовольства и ханжества обсуждали это известие, все же отметили, что волки достаточно порядочные нелюди, и на их территориях можно жить, не опасаясь за свою шкуру.

Я молчала и старательно запоминала любые мелочи, практически наметив себе дальнейший план действий. Вспомнила, что эльфы с оборотнями не слишком ладят, считая их животными, и, вероятно, волки не выдадут меня родственникам. А еще я рассчитывала, что оборотни не откажутся принять у себя незамужнюю эльфийку-целительницу. Я загорелась этой идеей, подумав, что нашла наиболее правильное решение и смогу там обрести семью и дом, где меня не будут презирать, а, может быть, даже смогут полюбить.

Ночью я проснулась от диких криков, топота и лязга оружия. Вскочив на ноги, увидела страшную картину, от которой волосы встали дыбом. Мужчины окружали двоих воющих и кидающихся на них полусгнивших мертвецов. Как только кольцо замкнулось, их вилами удерживали на земле и рубили длинными топорами. Мне стало плохо. Я согнулась пополам и выплеснула ужин. Мертвая, но в тоже время живая плоть вопила, стенала, а ее кромсали, пока не порубили в мелкий фарш. Затем, быстренько обложив поленьями, подожгли. И внимательно следили, чтобы все сгорело дотла. Когда все закончилось, рядом со мной присел Хал и, погладив по плечу, с участием спросил:

– Неужели никогда не видела подобное раньше?

Я только покачала головой, устало вытирая рот дрожащей ладонью. Он подал мне флягу с водой.

– Сколько вам лет-то, эла?

Я привалилась к его плечу, трясась от пережитого ужаса, узлом скрутившего внутренности, и, не задумываясь, ответила:

– Тридцать исполнилось, три недели назад!

Его удивление вернуло меня в реальность, и я отстранилась.

– Дак как же вас, малявку такую, из семьи отпустили-то? Ведь для вашего племени вы все равно что младенец.

– Нет, теперь я совершеннолетняя, а некоторым это не по нраву. Мало того, свободная, так еще и живая, – с горечью ответила я, встала и направилась к Йорэту, узнать есть ли раненые, которым нужна моя помощь.

Оказалось, все живы и здоровы, и совсем скоро улеглись спать, выставив предварительно дополнительную охрану. Я же лежала без сна и никак не могла успокоиться. Благодарила Алоис, что рядом со мной в такой момент находились умудренные опытом мужчины, которые расправились с нечистью.

Откуда она берется, Йорэт мне не смог ответить, только сказал, что это какая-то зараза заставляет вставать трупы и жрать кого ни попадя. Вот честной люд и хоронит заново, чтобы их души могли беспрепятственно уходить на покой, а не бродить за своим телом.

Утром я решила проехаться в телеге вместе с Ризетой – плохо спалось и встала никакая. Она обрадовалась моей компании, и пару часов мы провели, мило болтая. Хал и Йорэт ехали рядом и иногда вставляли едкие замечания в разглагольствования Ризет. Мимо нас пронеслись семеро всадников на белоснежных скакунах, при виде которых я побелела и сжалась. Мое беспокойство передалось Халу с Йорэтом. Они тоже напряглись, бородач только кивнул мне, движением глаз призывая

забраться вглубь повозки.

Я послушалась и успела заметить, как один из всадников, рысью проскакавших мимо, неожиданно резко развернул коня и подъехал к моей Росе. Внимательно ее осмотрел. Потом, окинув взглядом компанию и определив главного, подъехал и обратился к Йорэту:

– Ты – обозничий?

Я сжалась под одеялами, услышав голос Бэора, которого из-за капюшона не узнала сразу. Внутри у меня все похолодело от страха и отчаяния.

– Да, светлейший, в этом обозе главный я! Чем могу помочь, светлый эл?

– Откуда у тебя эта кобыла?

– Я купил ее неделю назад у одного паренька, а может девчонки, кто их разберет.

– Где это было, и как выглядел продавец?

– Худенький, зеленоглазый, остальное он прятал под плащом! А было это в Мертонсе, как я уже сказал, с неделю тому назад. И скажу вам, эл, купив лошадь, не прогадал. Паренек тот, наверно, совсем не знает цены.

– Сколько ты хочешь за лошадь, человек? Я куплю ее у тебя.

– Нисколько, эл, потому что продавать не собираюсь. Это была честная сделка, у меня много тому свидетелей. Поэтому забрать ее у меня не выйдет, если, конечно, вам не нужны лишние проблемы, светлейший?!

– Послушай, ты знаешь, чья это лошадь, и у кого ее украли?

– Нет, светлый эл, не знаю и знать не хочу! Мне это неинтересно, я ее купил честно и никому отдавать не собираюсь. Мало ли кто что говорит! Что ж мне теперь всех слушать? Так и по миру пойти недолго.

– Ты пожалеешь об этом, человек!

Резкий топот копыт свидетельствовал, что Бэор уехал, причем весьма недовольно. Я заплакала от облегчения. Пронесло! Как же мне повезло встретиться с людьми. Спасибо, Матушка Алоис, думаю, ты опять постаралась. Мои поддрагивающие плечи обхватили твердые сильные руки и, приподняв голову, я увидела улыбающегося Йорэта. Ризета с тревогой смотрела на меня. Я не выдержала и, прижавшись к бородачу, уткнулась ему в плечо и заплакала еще сильнее, пытаясь сквозь слезы и всхлипы благодарить за спасение, за то, что не выдал. Не продал!

К вечеру мы прибыли в Дачарин, где я попрощалась со спутниками и отдельно с Йорэтом, отсыпав ему немного золота из своих запасов. Он отказывался, но я настояла. Деньги для торговца – это святое! Затем сняла себе номер в хорошей гостинице и заказала ванну и ужин. Час отмокала в воде от двухнедельной грязи, ведь мытье в лесных ручьях не в счет. Одежду отдала постирать прислуге, поужинала и завалилась спать в жесткую, но, тем не менее, чистую кровать. Правда, перед этим перетащила всю остальную мебель к двери. Окна я тоже тщательно закрыла для собственной безопасности.

Проснувшись поздно, за окном, судя по солнцу, уже давно было за полдень. Умывшись, заплела косу и тщательно оделась в свежую чистую одежду. Собрала вещи и, привычно укутавшись в темный плащ, спустилась вниз. В трактире присела в самом дальнем уголке и заказала обед.

Пока я ждала еду, наблюдала за посетителями. Большинство – люди, самые разные, но среди них выделялись двое странных, двигавшихся грациозно, как животные. Вполне возможно, встретила оборотней. Когда один из них начал в ожидании еды нетерпеливо постукивать когтями по столешнице, убедилась, что права.

Несколько гномов громко обсуждали дела, перекрывая общий шум. Но вдруг тут в трактир вошли шестеро мужчин, закутанные в плащи, как я, с накинутыми на головы капюшонами, напоминая огромные тени. Они подошли к стойке и о чем-то договорились с хозяином, выложив пару золотых, вызвав у него довольную улыбку. Затем прошли к одному из свободных столов и расположились за ним. Я расслышала, как человек, сидевший неподалеку от меня, прошепел соседу:

– Опять эти темные сюда пожаловали, все ищут что-то, вынюхивают. В последнее время их почти не видно. У себя, видать, отсиживаются. Ну и слава богам, они подальше – нам спокойнее. Говорят, темные хуже зверей!

Не забывая работать ложкой, я с любопытством присматривалась к интригующей темной шестерке и чуть не подавилась, поймав такой же заинтересованный взгляд серебристо-серых глаз. Самое странное, из-под капюшона были видны только они, а лицо словно укрыто в тени – ничего не разглядеть. Но почему-то от этого чужого взгляда екнуло сердце. Что это?

Остальные темные сидели ко мне либо спиной, либо в пол-оборота, скрытые плащами, и хорошо рассмотреть их не удалось. Да лучше и не надо, а то они тоже могут мной заинтересоваться. Вдруг возникнут вопросы, а как следствие – неприятности, причем у меня. Пообедав, я взяла мешок и, поблагодарив служанку, пошла к выходу, всем телом ощущая на

себе взгляд сероглазого незнакомца. Невольно опустив голову и ссутулившись, я поспешила скрыться как можно быстрее. В конюшне порадовалась, что за уплаченные мною деньги Росу выскоблили и хорошо накормили. И вместе с ней отправилась пополнять запасы для дальнейшего путешествия.

Совершенно случайно в одной из лавок я заметила музыкальный инструмент, похожий на гитару, только немного меньше. Дернув струну, выяснила, что и в звучании они похожи. Я недолго торговалась и в итоге стала счастливой обладательницей вирны, как здесь называют этот инструмент. В качестве бонуса к ней шел чехол. Много места она не занимает и почти ничего не весит, поэтому, прицепив ее к мешку, я направилась дальше.

Когда, наконец, я купила все необходимое и ненавязчиво выяснила дорогу к оборотням, уже наступил вечер. Я крутила головой, пытаюсь определиться, в какой же стороне находится моя гостиница. В очередной раз выбрав неправильное направление, я уже решила было остановиться на ночлег в первой попавшейся, как неожиданно меня схватили за ногу и сорвали с Росы.

Капюшон слетел с головы от удара о землю, и я испуганно смотрела, кто это меня так невежливо ссадил с лошади. Оказалось, что три здоровых мужика, пьяных и жаждущих приключений на энное место. Зло зашипев, я стала отползать от них подальше и судорожно искать кого-нибудь глазами. Как назло, в этом переулке все словно вымерли.

– Ба-а-а... какие девочки ходят без присмотра! Вот свезло, так свезло, робяты! Куколка, рыпаться не будешь – получишь удовольствие, а если вздумаешь кричать, то удовольствие получим только мы.

А отползать было уже некуда – я уперлась в стену спиной. Встала и продолжила свирепо шипеть и щериться, плача в душе. Действительно, как-то все легко у меня выходило: и сбежала, и сюда добралась. А ведь высшие предупреждали, что придется платить: и за жизнь, и за красоту, и за дар, и за будущее счастье, и за любовь – да за все! Похоже, сейчас с меня возьмут оплату оптом.

Самый наглый мерзавец притиснул меня к стенке. Я уперлась ему в грудь руками и сосредоточилась. От злости и страха руки снова нагрелись – мужик, зашипев, отскочил. Но не успела я обрадоваться, как он отвесил мне звонкую оплеуху, схватил обе руки и завернул их за спину, повернув лицом к стене. Я завопила что есть мочи:

– Убивают! Помогите! Пожар!

Но никто не откликнулся. Меня двинули головой об стенку, из носа

потекла кровь и зашумело в ушах, а затем начали стягивать штаны. Я изо всех сил сопротивлялась, дергалась, брыкалась...

Неожиданно меня оставили в покое. Не успели раздеть, но рубашку сзади эти пьяные козлы все-таки разодрали. Руки оказались свободными, я тут же развернулась и замерла, уставившись на пятерых человек в плащах, вставших полукругом и безмолвно наблюдающих, как шестой методично режет длинным тонким кинжалом моих несостоявшихся насильников. Жертвы хрипели, стонали и вскрикивали. Огромные мужчины в черных плащах напоминали ангелов мщения, посланных Высшими. Кошмар!

Из-под капюшона незнакомца, расправлявшегося с насильниками, сверкнули знакомые серые глаза, несмотря на глубокий вечер и сумерки, сгустившиеся почти до ночной темноты. Но я разглядела их яростный стальной блеск. Икнув от страха, я подобрала свой плащ, боком-боком вдоль стены скользнула к Росе и, резво вскочив на нее, бросилась прочь. На мою удачу, знакомая гостиница все-таки оказалась поблизости. Отдав конюху лошадь и наказав ее накормить, я снова замоталась в плащ и зашла внутрь. Как и вчера, заказала себе ванну, только сегодня чтобы смыть страх и ощущение чужих липких лап на теле, и ужин с завтраком в номер.

Глава 11

Три дня и три ночи я скакала, не давая себе больших передышек и поблажек. Мне снова случилось целительство. Буквально на второй день после отъезда из Дачарина ранним утром я наткнулась на разграбленный человеческий обоз. К сожалению, нашла только одного оставшегося в живых – сильно израненного парня. После лечения выяснила, что на них напала бандитская шайка. Забрали двух женщин и лошадей, а мужчин убили. Благодаря мне он точно будет жить.

После того, как мы со спасенным парнем похоронили убитых, я уехала, уверенная, что теперь более-менее здоровый взрослый человек сможет позаботиться о себе. Сама же, имея целью добраться до оборотней, все удалялась от владений светлых эльфов. Чем дальше от них, тем легче становилось на душе.

Но все-таки, все бы ничего, если бы не давящее одиночество. С рождения привыкшая к родительской защите, заботе и любви, я страдала от него и тосковала по дому и близким, по ласковым и надежным рукам. Иногда взывала к Алоис, рассказывала ей какие-нибудь истории или жаловалась на неудобства нынешней жизни. Ответа ни разу не получала,

но все равно, хоть какое-то общение. Даже если говорить приходилось самой с собой. Или с Росой! Кобыла меня понимала уже с полуслова, иногда ехидно кося глазом или пофыркивая. Умница моя, единственная подруга!

Из-за столкновения с зомби и после нападения в Дарчине я практически не спала по ночам, следила за каждой тенью и вздрагивала от любого шороха. Лишь на короткое время забывалась тревожным сном. После того, как встретила разграбленный бандитами обоз, я съехала с большой дороги и, руководствуясь подсказками спасенного парня, направилась в нужную сторону лесом, посчитав, что так будет спокойнее.

Сейчас солнце стояло в зените, и я буквально сползала с Росы под ее размеренный ход, постоянно проваливаясь в беспокойный сон. И тут увидела огромный камень, с которого стекает вода и падает в пруд. Маленький водопад! Восхитилась кристально чистой водой, разглядев даже самые маленькие камешки. Расседлывать Росу я не стала, отпустила ее пощипать травку рядышком на зеленой полянке, а сама, раздевшись до нижней короткой рубашки, пошла купаться.

Вода оказалась на удивление теплой. Вдоволь поплавав, я залезла на камень и села на его нагретую солнцем плоскую верхушку. Лес звенел от звуков насекомых и птиц. Над камнем свесились тонкие ветви с крупными цветами невиданной красоты и тонким ароматом. Несколько из них лежало на камне, медленно увядая. Я подобрала один цветок и поднесла к лицу, наслаждаясь запахом. Распустив мокрые волосы, расчесала их пальцами и прилегла. Теплый камень грел кожу, расслабляя все мышцы. До чего же хорошо! Вытащила из-под себя волосы и, лениво глядя на небо, любовалась его чистотой и голубизной. И не заметила, как уснула.

Меня разбудило чье-то прикосновение. Такое легкое и нежное, что я улыбнулась во сне и щекой потянулась за лаской. Потом встрепенулась и в панике широко распахнула глаза.

Рядом с собой я увидела мужчину с типичными эльфийскими ушами, только темно-серой кожей и светло-серыми волосами, густой волной спускавшимися до талии. Темный эльф! Огромные серые глаза стального оттенка, прямой нос с трепещущими крыльями. Из-под тонких губ торчат небольшие парные клыки, почти незаметные и, в общем-то, даже симпатичные. Высокий и довольно мощный мужчина, усевшись на пятки, пристально скользил взглядом по моей задравшейся рубашке и коротким широким шортикам-панталончикам на шнурке, которые я себе еще в поместье Бельфаласа пошила, не в силах отвыкнуть от привычного нижнего белья. И неожиданно почувствовала, что от этого серого взгляда

сердце забилося чаще, а в груди растеклось томление...

Тем временем мое тело «соображало» быстрее, чем размякшие на отдыхе мозги. Я подогнула ноги и, с силой толкнув мужчину, отправила его в воду. Подорвалась с камня и понеслась по берегу к лошади. Вскочив в седло, на всех парах рванула в лес. На другой стороне пруда заметила еще пятерых, похожих на темного эльфа, что-то крикнувшего мне вслед. Я не оборачивалась, чтобы убедиться, поехали ли они за мной, опасаясь свалиться – слишком плохая наездница. С полчаса мы скакали по лесу, и я, думая, что оторвалась, поехала чуть медленнее. Зря!

В спину что-то ударило с такой силой, что меня вышибло из седла и хорошенько приложило о землю и корни деревьев. Придя в себя, я подняла голову и, оглядев поляну, решила, что у меня дежавю. Причем в утроенном варианте. Вокруг стояли страшные, грязные, небритые мужики и мерзко щерились. Двое разбойников, поймав Росу, потрошили седельную сумку. Они радостно присвистнули, отыскав драгоценности и золото. Я насчитала человек пятнадцать и троих самых безобразных рядом с собой.

Один из них, не тратя времени на разговоры, подошел ко мне и зачем-то попытался ухватить за ногу. Я вскочила и бросилась в лес, намереваясь затеряться среди деревьев. Меня догнали за несколько секунд, схватили за волосы и заставили встать на колени. Мужик, в котором я признала главаря банды, смотрел на меня мутными красноватыми глазами с усмешкой и презрением.

Боже, как же я ненавижу это выражение лица. Откуда такое отношение ко мне у здешних маргиналов? Ведь им-то я ничего не сделала, или осознание, что я слабая и беззащитная, вызывает в этом мире презрение априори? Но ведь я же видела, как Йорэт со спутниками уважительно, по-доброму относились ко мне и к своим женщинам, защищая и заботясь о них. Не может быть, чтобы они были единственными нормальными жителями Лайваса!

Я вцепилась в кулак главаря, которым он крепко сжимал мои еще влажные после купания волосы, и затравленно смотрела на него. Просить пощады не буду – бесполезно. Но как выйти из этой ситуации, я не знала, а страх, паника и отчаяние делали свое черное дело.

– Порадуешь меня, светлая, и я, возможно, оставлю тебя в живых! Начинай, красавица, а то время уходит, скоро вечереть начнет, и уже домой пора бы, – глумился бандит.

Я слушала его, закусив до крови губу, и обреченно молчала. Главарь дернул меня за волосы, видимо пытался вывести из оцепенения, но я только сильнее сжимала руками его кулак и зубами свою губу, чтобы не

завыть от бессилия и отчаяния. Он потянул меня вверх, вынуждая встать на цыпочки и вытянуться вдоль его тела. Потом дернул к своему лицу и, понюхав мои волосы, довольно выдал:

– М-м-м! Какая сладкая девочка!

Потянулся ко мне лицом, а я, забыв про волосы, отпрянула в сторону. В эту секунду мимо что-то «вжикнуло» – и мужик с непередаваемым удивлением начал заваливаться вбок вместе со мной. Рухнув рядом с бандитом, я каким-то шестым чувством определила, что он больше не жилец. С трудом выдернула волосы из его хватки и, поскуливая от ужаса, отползла в сторону.

Поляну наполнил тихий свист и громкие крики. Разбойники падали как подкошенные, получая стрелу в грудь или спину. Через несколько мгновений все смолкло, только иногда раздавались редкие стоны раненых. Прижав колени к груди и обхватив их руками, я монотонно выла, раскачиваясь из стороны в сторону. Дошла до точки, называется. Почти четыре месяца боли, страха, напряжения и отчаяния, смешанного с одиночеством, сделали, наконец, свое черное дело. Я сломалась!

Сидела на земле, укутанная пологом пламенеющих волос, и исподлобья наблюдала, как из-за деревьев вышли «ангелы мщения», снявшие капюшоны, а ко мне медленно подошел темный эльф с серебристыми глазами. Черный плащ, словно преданная собака, вился возле его ног, темная рубашка до середины бедра выглядывала из-под кожаной жилетки, не сходящейся на широкой груди, черные штаны из плотной ткани заправлены в кожаные сапоги до колен. Теперь понятно, почему с такой точностью летали стрелы. Даже я знаю, темные эльфы – лучшие лучники на Лайвесе.

Остановившись в нескольких шагах от меня, эльф повесил за спину лук и колчан. Подошел вплотную, опустил передо мной на колени и положил руки на мощные бедра, прямо как на камне у пруда.

– Если бы ты не сбежала снова, маленькая эла, этого не случилось бы! А сейчас успокойся, все хорошо, больше тебя никто не тронет.

В его взгляде было столько тепла и участия, что я не выдержала, громко всхлипнула и, привстав на колени, прижалась к нему всем телом. Уткнувшись ему в шею, зарыдала, выплескивая пережитый ужас. Его руки сомкнулись у меня за спиной и начали мягко и нежно поглаживать, успокаивая и утешая. Темный ласково гладил меня по голове, по спине, как ребенка, и что-то тихонько шептал.

Наконец я взяла себя в руки и прекратила истерику. Вытерла слезы и огляделась. Еще один темный стоял рядом, но смотрел не на нас, а зорко

вглядывался в окружающий лес. Остальные четверо воинов собирали трупы и умирающих в общую кучу. Хотя стоны, кажется, все-таки прекратились, а значит живых, скорее всего, не осталось. Затем один из собиравших трупы темных присел на корточки, что-то начертил на земле, хлопнул ладонью оземь и отошел.

А дальше... я увидела нечто нереальное и потрясшее меня до основания. Вокруг трупов из земли полезли корни деревьев. Затем, словно гигантские пауки, они оплели их один за другим и утащили под землю. Через несколько минут не осталось ни следа от резни, только земля, поросшая травой. Как и не было ничего!

Я с ногами забралась на колени своего спасителя и по-обезьяньи вцепилась в него руками-ногами. А не то уронит, а меня «живые» корешки утащат. И ведь спокойно так спала на земле и боялась не того, чего нужно было бояться в первую очередь.

– Что случилось, светлая?

Повернула лицо к своему спасителю и прошептала:

– Это что сейчас такое было?

– Нейлин, светлая. Странно, что ты не знаешь, как называется способ захоронения твоих предков!

Взглянув на меня, он удивленно наклонил голову, а серые волосы мягко накрыли мою руку.

– Сколько тебе лет, девочка? Почему ты не знаешь традиций своего народа?

Меня охватило раздражение, я разжала руки и выбралась из объятий мужчины, даривших упоительное чувство безопасности. Эх, а ведь так здорово было сидеть у него на коленях, уткнувшись в шею! Встала, чувствуя себя жалкой и несчастной под их любопытными взглядами: в изгвазданном в траве нижнем белье, с растрепанными волосами. Но гордо задрала подбородок, чтобы посмотреть в глаза тоже вставшему эльфю.

– Месяц назад по эльфийским законам я стала совершеннолетней.

Темные удивленно переглянулись меж собой.

– Как тебя зовут, и почему ты одна?

– Меня зовут Эленаль. Раз я совершеннолетняя, то могу путешествовать одна! Не спрашивая ни у кого разрешения.

Мужчины недоуменно подняли брови, а мой спаситель нахмурился.

– Имя твоего рода я не слышал.

Я промолчала, не опуская взгляд, всем видом давая понять, что говорить не буду. Эльфан еще больше нахмурился, а остальные усмехнулись.

– Почему ты оказалась здесь и куда идешь?

Скрывать ответ на эти вопросы смысла не было, поэтому честно ответила, тем более, в голову неожиданно пришла дельная мысль.

– Я иду к волкам-оборотням! Слышала, они принимают в своих землях людей, надеюсь, и мне не откажут. Знаю, светлые у них не в чести, но, думаю, мне, как целителю, они разрешат поселиться на своей территории и под их защитой. – Перевела дыхание и, собравшись с силами, продолжила: – Я читала, что земли эльфанов и оборотней граничат. Если вы направляетесь домой, можно мне проехать с вами хоть какое-то расстояние? Поближе к оборотням... Если вы не против, конечно?

Чем больше я говорила, тем сильнее округлялись у темных глаза и вытягивались лица. Затем мой спаситель, сощурившись, подозрительно спросил:

– Кто ты такая, Эленаль? И почему ты здесь? Мне нужна только правда, и ты мне ее скажешь!

– Но я же уже ответила, почему, что вам еще надо от меня?

– Девочка, если думаешь, мы поверили в чушь, что ты сейчас наговорила, то ошибаешься. – Сказал стоящий рядом темный с голубыми глазами и единственный, у кого волосы были заплетены, причем не в одну, а в две длиннющие косы.

Он гневно смотрел на меня. Потом быстро сел и, нарисовав закорючку на земле, хлопнул по ней ладонью. У меня от ужаса перехватило дыхание, я обернулась к сероглазому, но он только хмурился. И тут – о, ужас! – по моим ногам поползли корни, оплетая их так крепко, что с места не двинуться.

Я в панике забилась, но как только поняла, что ничего не могу поделать, подняла глаза, заплакала и умоляюще протянула к нему руки. Ступни уже ушли под землю. И тут мой герой быстро присел, начертил на земле знак и прекратил мои мучения. Трясущимися руками я опять вцепилась в его рубашку. Сердце бешено билось от страха, грозя выскочить из груди.

Голубоглазый эльфан опять шагнул ко мне, сверкнул холодным взглядом, вынуждая затравленно жаться к спасителю, и с угрозой повторил:

– Кто ты такая и почему здесь? Одна?

Я устала, слишком устала. И из сильных рук, крепко обнимавших меня за плечи, высвободиться не хотела, а придется. К чему хранить секреты? Мне не стыдно за свое прошлое и поэтому скрывать что-то не стоит. Неохотно отлепившись от горячего мужского тела, отошла на пару шагов. Словно выстраивала между сероглазым эльфаном и собой невидимую

стену для защиты от презрения, которое непременно последует. Затем, уставившись на ближайшее дерево, во второй раз рассказала свою историю, также опустила встречу с «пятнами», твердо уверенная, что не надо о ней никому знать.

Пока рассказывала, словно заново переживала каждый момент, невольно выплескивая боль, скопившуюся в душе, и ожидая, что вот-вот добавится новая. Как только в стальных глазах увижу презрение. Но ощутив, что сердце болит в предчувствии, удивилась. Закончив, я обессиленно опустилась на землю. Черт с ними, с этими загребущими корнями и с шестью здоровыми, клыкастыми, темно-серыми мужиками, у ног которых сижу полуголая и босая. Лягу и навсегда усну.

Молчание длилось несколько мгновений, потом раздался глухой голос голубоглазого:

– Я о подобном никогда не слышал, но от сиятельных светлых выроdkов можно ожидать чего угодно. Если бы встретил твоего так называемого отца, лично бы под деревом схоронил.

Я подняла голову и пораженно всмотрелась в мрачные лица темных. Видимо, отметив мое состояние, мужчина с серебристыми глазами присел рядом на корточки и мягко пояснил:

– Эленаль, эльфаны – другие! В какой-то мере светлые правы: мы ближе к животным, чем к ним, и воспринимаем жизнь по-другому. Для нас неважно, что ты в прошлой жизни была человеком. Главное, что из себя представляешь сейчас. Да любой эльфан презирает светлого гораздо больше, чем самую безмозглую нечисть. Не в обиду тебе будет сказано. Но для любого темного ты – просто эльфийка, женщина. Этим все сказано. Мы никогда не причиним вреда женщине. Любой женщине! И еще, девочка моя, мы уважаем за заслуги, а презираем за поступки! Не за прошлую жизнь. Тем более, ты прошла посвящение и принята самой Алоис.

Я вытерла слезы, катившиеся по щекам, и неуверенно улыбнулась:

– Значит вы согласны, если я поеду с вами туда, куда хочу попасть?

– Это значит, что мы согласны сопровождать тебя туда, куда тебе нужно попасть.

Я не стала придирааться к словам. Помявшись, опустила голову и смущенно, попросила:

– Извините меня, я вас там, на камне, ногами ударила. Просто испугалась. Если можно, отвернитесь, пожалуйста, мне нужно одеться.

Ища свою кобылу, я заметила на лицах мужчин усмешки, но все вежливо отвернулись. Я подошла к лошади, и тут вспомнила: одежду и сапоги забыла у пруда, когда убегала, и у меня осталось лишь то, что

лежало в мешке и сейчас валяется на траве. Вздохнув, подобрала разбросанные бандитами вещи и быстро оделась. С тоской посмотрела на босые ноги. Другой обуви нет, да и плаща тоже...

Рядом вдруг появился голубоглазый эльф и с сочувствующей улыбкой протянул мою одежду и сапоги.

– Эла, вы случайно оставили у воды.

– Спасибо вам, – смущенно прошептав благодарность, я поспешила обуться и сунула остальное в мешок.

Увидела свой сиротливо валяющийся возле корня кошелек с деньгами, опасливо подобрала и быстро вернулась к Росе. Затем подошла сказать, что готова ехать и поняла, что они, пока я металась по поляне, все время наблюдали за мной. Причем просьбу не подглядывать не совсем выполнили эльфы, но неудобно почему-то стало мне.

Я растерянно пожала плечами. А темные подошли ближе и, как ни в чем не бывало, словно никуда не спешат, начали по очереди представляться.

– Ан Кэлэбриан Даэбран, – первым был мужчина, который так неожиданно тронул мое сердце.

Затем назвался строгий голубоглазый эльф:

– Ан Ладрос Саренан.

Дальше дружно поклонились темноглазые братья с волосами темно-серого цвета:

– Ан Вайрэ Аледан.

– Ан Гритнир Аледан.

За ними сероглазый, с белоснежными косами мужчина:

– Ан Даэрон Веран.

Последним был темный с лукавым блеском в болотных глазах и шрамом на щеке:

– Ан Дэнэтор Вайролан.

И как же непринужденно и светски они при этом выглядели, словно на каком-нибудь приеме, а не в глухом лесу, что я невольно склонилась в реверансе:

– Приятно познакомится, темные аны, эла Эленаль Аундаэ.

Все дружно заулыбались. Кликнув лошадей, сели в седла и поехали прочь с этого лесного кладбища.

Через некоторое время я начала клевать носом и вскоре заснула, прижавшись к холке Росы. Потом ощутила, что потеряла опору, испуганно распахнула глаза, ожидая падения, но оказалось, что это Кэлэбриан забрал меня к себе. Усадил на колени и обнял, давая возможность отдохнуть. Чем я

без смущения и сомнений воспользовалась. Несколько суток нормально не спала, а после откровений на поляне и вовсе обессилела. Поэтому была только благодарна за заботу Кэлу, как назвала его про себя. Прижавшись к его груди, удовлетворенно закрыла глаза и тут же заснула под мерный стук его сердца и ход жеребца.

Глава 12

Проснулась я потому, что затекла шея. Потянулась, разминая ноющие мышцы, и замерла, осознав, что сижу на коленях Кэлэбриана. Настороженно посмотрела на него, да так и утонула в расплавленном серебре глаз, в которых, как только мы встретились взглядами, засверкали искры.

– Как ты себя чувствуешь, маленькая эла?

– Вполне сносно, ан Кэлэбриан Даэдран!

– Прощу тебя обращаться ко мне коротко по имени, если это не оскорбит тебя или не будет столь неприятно для светлой элы.

– Хорошо, как скажешь, Кэлэбриан... Кэл! Мне так даже удобнее, а то у тебя имя очень длинное. И нисколько не оскорбительно, наоборот, приятно.

Я весело улыбнулась, глядя в его смеющиеся глаза, которые, не отрываясь, следили за моим лицом, наверняка подмечая отражавшиеся на нем эмоции. В лесу уже сгущались сумерки и растекалась вечерняя прохлада. Я зябко поежилась, и Кэл сразу накрыл меня полами черного плаща, потом покосился на Росу:

– У тебя кобыла гнедая. Если бы не масть, я бы счел ее чистокровной Айренской породы.

– Я боялась привлечь к себе внимание и перекрасила мою верную помощницу Росу. Видишь: у нее шкура местами уже светлее, чем грива. Скоро краска сойдет, и она снова станет белой красавицей. Мне ее перед посвящением подарили, чтобы на церемонии род Аундаэ не опозорила. Сплошной фарс, который не делает никому из них чести, а столько суеты вокруг.

Лучше бы не вспоминала. Снова почувствовала тяжесть не только в душе, но и на сердце. Непривычно.

Кэл взял поводья в одну руку, а второй легонько сжал мою ладонь и прошептал на ухо:

– Не жалей о прошлом, оно тебя многому научило. Не позволяй ему

управлять твоим будущим, а главное – настоящим. Отпусти его и живи сейчас.

От неожиданности я резко дернула головой, чтобы посмотреть на Кэла, а он, не успев отстраниться, скользнул губами по моей щеке и губам. Я покраснела, и он пару мгновений внимательно за мной наблюдал, а потом снова устался перед собой.

Я тоже от нечего делать смотрела по сторонам. Мы ехали в середине отряда на жеребце по кличке Темный, рядом семенила Роса, изредка кося взглядом на нас. Возглавлял наш небольшой отряд Ладрос, за ним следовали братья Аледаны, и замыкали тихонько беседующие Даэрон с Дэнэтором.

– А как долго до ваших земель добираться? – после вынужденного одиночества мне хотелось общения, тем более в такой теплой компании.

– Если не возникнет непредвиденных ситуаций, то около двух недель, но, может, и больше, – поддержал меня Кэл и, предположив второй вопрос, добавил: – После того как доберемся до нашей границы, до оборотней еще неделя. Между людьми и эльфанами пролегает узкая полоска приграничных болотистых низин. Там живут вампиры. Не хотелось бы, конечно, наткнуться на них, но обойти низины и болота нельзя, придется пересекать. Нужно быть очень осторожными. Ты еще не передумала ехать с нами? Не боишься?

Я покачала головой и пожала ладонь Кэлэба:

– Нет, с тобой я ничего не боюсь! – осеклась и смущенно поправилась: – С вами! Всеми! И я хотела бы еще раз сказать вам спасибо, за то, что выручили меня в Дачарине, в переулке и снова спасли здесь. А я не поблагодарила. Унеслась, только ветер в ушах свистел. И на поляне той показала себя не в лучшем свете. Простите меня за неблагодарность и грубость.

– Не волнуйся, мы тебя понимаем и благодарность принимаем. Лучше поздно, чем никогда! Я прав, маленькая?

В его глазах снова искрился смех, и я, широко улыбаясь, не могла оторваться от них. Потом, с трудом опустив взгляд, предложила:

– Я думаю, нам лучше не напрягать Темного двойной ношей. Благодаря тебе я отдохнула и в состоянии пересечь на Росу.

Кэл почему-то помрачнел, вызвав у меня недоумение, но не успел ничего ответить, потому что мы выехали на полянку с узеньким ручейком. Ладрос повернулся в седле и, посмотрев на Кэлэба, сказал:

– Нам лучше остановиться здесь! Вода, да и темнеет уже.

Кэл спешил, потом, обхватив меня за талию, осторожно снял с

Темного и поставил рядом с собой. Медленно разжал руки. Смущенно опустив голову, я отошла к своей лошади.

Пока я тихонько разговаривала с Росой, братья Гритнир и Вайрэ ушли на охоту, остальные принялись устраивать ночлег. Сбегав в кусты, я тоже решила принять участие в общем деле, – собрала травы, чтобы заварить чай. Даже эльфам нужно заботиться о своем здоровье, особенно мне. Ополоснув котелок в ручье, набрала воды и подвесила над весело потрескивающим костром, уже разведенным эльфанами.

Через полчаса вернулись охотники с парой освежеванных тушек животных, напоминающих кроликов, только немного крупнее. Вдаваться в подробности, что это за зверюги, благоразумно не стала. Меньше знаешь, лучше аппетит! Шашлык уже сто лет не ела, точнее, с прошлой жизни, поэтому, увидев свежее мясо, радостно встрепенулась. С восторгом глядя на братьев, поздравила с удачной охотой. Все мужчины тоже заулыбались, отметив мой заинтересованный голодный взгляд.

Пока жарили мясо, я разлила горячий отвар по кружкам и предложила спутникам. Они не спешили пить, дождались, пока я сделаю глоток, и только потом не стали привередничать. Я не обижалась. Действительно, кто я такая для них? Они меня знают всего один день и раз видели до этого.

Присев возле костра, я спросила:

– Аны, почему вы так далеко от дома оказались? На купцов вы не похожи.

Эльфаны нахмурились, словно я задела свежую рану и та снова закровоточила. Ответил Ладрос, бросив короткий взгляд на Кэла:

– В Дачарин нас привели слухи, мол, у тамошнего торговца имеется нужный нам артефакт. Но нас в очередной раз ввели в заблуждение: сокровище оказалось пустышкой.

– Артефакт такой важный или особенный, если ради него пришлось ехать в дальнюю даль вшестером?

Спутники снова переглянулись, Ладрос пожал плечами и ответил, с болью глядя на огонь:

– Это не совсем артефакт, эла Эленаль! Да и тайны-то никакой нет, в конце концов. Сто тридцать лет назад представитель племени вампиров напал и убил одну из наших женщин. А вторую, совсем молоденькую, увел к себе в логово. Старший ее рода обратился за помощью в Высокий Дом. Ту девочку спасли, а род вампира-похитителя уничтожили. Но самый старый из них перед смертью проклял эльфанов. Как только спасательный отряд вернулся домой, сработало проклятье старого колдуна-вампира. – Мужчина перевел дыхание и с горечью продолжил: – Все женщины-

эльфаны, находившиеся в пределах наших земель, уснули. Все до единой! Их пытались будить, но без толку, потом лечили и тоже без результата. За несколько лет мы чего только не перепробовали, однако они, словно мертвые, спят беспробудным сном. Через тридцать лет старая ведунья-гномка, семью которой спас от бандитов один из наших, рассказала, как снять проклятие. И вот уже больше ста лет мы не прекращаем поиски артефакта, способного вернуть наших женщин.

Я сглотнула и, чувствуя, что замерзаю не только внутри, но и снаружи, спросила, пристально вглядываясь в лицо Ладроса:

– И что за артефакт?

– Мы сами не знаем, и гномка тоже не смогла точно ответить. Сказала, что проклятье снимет хрустальная слеза, данная огнем и жизнью, омытая состраданием и милосердием. И, ко всему остальному, еще и подаренная, отданная по воле души. Мы объездили весь свет, перетаскали кучу хрусталя и разных камней; артефактов, хоть какое-то отношение имеющих к хрусталу или слезам, но... – рассказчик убито развел руками.

Печаль разлилась на поляне. Но аппетитные запахи, исходившие от прожаренного мяса, вернули нас к насущному. И уже совсем скоро напряжение спало, и дружно заработали челюсти. Я даже жмурилась от удовольствия, поедая эту вкуснятину, принимая от Кэла новые кусочки, которые он любезно срезал с «кроликов». Мужчины с веселым любопытством наблюдали за мной, а я за ними.

Наевшись до отвала, сходила к ручью. Умылась и, снова набрав в котелок воды, бросила еще одну щепотку травы и поставила на огонь. Мы просидели еще не больше часа и начали укладываться спать. Я хотела, как обычно, лечь рядом с Росой, но эльфаны поступили иначе. Расстелили на земле одеяла и легли в ряд, оставив мне место между Ладросом и Кэлом. Предварительно распределили ночное дежурство, и первым караульным стал Кэл.

Сначала я немного смущалась присутствия рядом мужчин, долго ворочалась с боку на бок, но потом сквозь тревожную дрему почувствовала рядом с собой движение, и знакомое тепло окутало меня с ног до головы. Кэл прижал меня к себе, а я не стала отодвигаться и мгновенно уснула, ощутив покой и умиротворение.

Глава 13

На третий день я начала чувствовать себя в этой компании почти

своей. Больше не вздрагивала по ночам от малейшего шороха и спокойно засыпала рядом с Кэлом. Утром я вставала пораньше, сама готовила всем завтрак, чем в первый раз сильно удивила темных. Но против никто не сказал ни слова. Более того, спутники с удовольствием съели мою кашу и очень тепло благодарили.

Обед у нас был чисто символический, чтобы не тратить впустую дневное время, а вот ужин радовал жареным мясом и нескучными посиделками. В один из таких вечеров я полностью вымылась в ручье рядом с лагерем и, сменив одежду, присела перед костром высушить и расчесать волосы. Заметив замороженные взгляды мужчин, наблюдавших за движением гребня по длинным, мерцающим в свете огня красным волосам, смутилась и потупилась.

Рядом присел Кэл, забрал у меня гребень и, напряженно заглядывая мне в лицо, спросил:

– Эленаль, позволишь ли ты мне расчесать твои волосы и заплести в косу?

Пожав плечами, я окончательно растерялась, потому что мужчины, услышав просьбу Кэла, хитровато ухмыльнулись и с напряжением ожидали ответа.

– Буду тебе очень благодарна, – неожиданно просипела я.

Глаза Кэла хищно блеснули в свете костра, или мне только показалось, зато остальные дружно заулыбались и расслабились. Странные они! Вот чувствуется, не простые они воины, а сродни местным аристократам. Со мной вежливые, любезные, предупредительные. Одеты не как обычные жители, и оружие у них дорогое, и лошади породистые. Жесты, манеры, походка не как у простолюдинов и голову держат высоко. Чувствуется, что привыкли повелевать.

Пока Кэл осторожно распутывал мои волосы, я довольно жмурилась. Эльфаны, хоть и занялись своими делами, но с каким-то ненормальным интересом поглядывали на нас. Не вытерпев, я спросила у Ладроса, сразу определив, кто в этой компании самый старший и опытный:

– Расскажите хоть немного про эльфанов, Ладрос, а то я только до драконов в учебнике дошла. О вас дальше написано, я не успела.

Они удивленно уставились на меня, а Кэл перестал водить гребнем и проворчал:

– Ну и слава Черному Тринимаку, а то я представляю, какую чушь там о нас написали светлые зазнайки!

Я быстро подметила, что, прежде Ладроса, Кэлэбриана слушались все, не задавая вопросов и не перечая, причем он не демонстрировал свой статус

или положение вожака, вел себя сдержанно и вежливо с каждым спутником.

Ладрос, усмехнувшись, начал рассказ, наверняка с молчаливого одобрения Кэла, опять занявшегося моими волосами:

– Ну, с географией ты уже ознакомились, так что эту часть могу пропустить. Эльфанов возглавляет Темный Повелитель и его Высший Дом является правящим. Ступенькой ниже – Верховный Совет, состоящий из представителей пяти Высоких Домов, в которые входят более мелкие или менее родовитые семьи и кланы.

Совершеннолетие у нас наступает в тридцать лет, как у светлых, а посвящение проходит в пещере Тринимака. Большинство из нас владеет магией земли, встречаются огневики и крайне редко – целители. Правда, последняя из них сейчас лежит, скованная проклятьем, не в силах кому-либо помочь. Пока оно не снято, женщины, к великому счастью избежавшие его, все же не могут вернуться домой и живут среди людей под охраной своих семей, но таких мало. Не знаю, что тебе еще рассказать.

Нега испарилась, оставив тревожное любопытство:

– А ваши женщины тоже спят, Ладрос?

Его голубые глаза обожгли меня болью и тоской.

– Моя жена Савери и две дочери лежат в Харписе! – Вспомнив, что я не понимаю где это, Ладрос пояснил, поморщившись: – Его обустроили специально для них. Это подземный дом для спящих женщин, который круглосуточно находится под магической охраной. Все там! В Харписе! Хотя некоторые семьи оставили своих женщин дома, не в силах расстаться.

Я грустно посмотрела на одиноких мужчин, гревшихся возле костра. За всех ответил хмурый Даэрон:

– У каждого из нас там лежат любимые: матери, жены, сестры, невесты. Моя невеста Хириан лежит рядом с моей матерью и матерью моей матери.

Я опешила и в уме сделала несложные вычисления. Сто тридцать лет длится проклятие, а там лежит его невеста. Сколько ему, нет, им лет? Следующая мысль заставила меня зажмуриться от боли и страха, при этом рука самого желанного сердцу мужчины замерла на моем затылке, словно он почувствовал мое состояние. Открыв глаза, я спросила:

– И у вас тоже там невесты... Или жены... У всех?

Гритнир и Вайрэ, качнув головами, коротко ответили:

– Да, мать и бабушка! Мы пока свободны, светлая эла, и, судя по всему, наша свобода продлится еще долго. Как у Дэнэтора и ана Кэлэбриана. Хотя, быть может, ан Кэлэбриан имеет больше шансов расстаться со своей

свободой чуть раньше.

Они хитро взглянули на меня, а я неуверенно обернулась. Кэл тоже пристально смотрел на меня, стальные глаза вглядывались в мои, словно что-то искали в глубине женской души. Он коснулся пальцем моей скулы, потом, словно осмелел, погладил щеку и произнес:

– В Харписе лежат мои сестра и мать. Больше никого любимого и близкого мне там нет!

Я облегченно выдохнула. Оказывается, не дышала, ожидая ответ. В серебристых глазах снова вспыхнул торжествующий хищный блеск – Кэл все понял. Я отвернулась и уставилась в огонь. Дальше краем уха слушала неторопливый разговор братьев и размышляла, почему мое сердце так реагирует на Кэла: то бьется, словно пойманная в силки птица, то замирает и, кажется, больше не потревожит. Сердце проснулось – это несомненно, и с каждым днем, часом в обществе сероглазого эльфа ощущается все сильнее.

Через несколько минут Кэлэбриан сел напротив меня и перекинул красиво заплетенную косу мне на грудь. Я восхищенно и удивленно рассматривала искусно убранные волосы! Мало того, между прядями сверкала тонкая ажурная цепочка, а чтобы она не расплеталась, хвостик был закреплен кожаным шнурком. Вдоволь налюбовавшись искусной работой, я благодарно посмотрела на Кэла:

– Это мне? Подарок?

Он улыбался, согласно кивая, но в его глазах отразилась боль и напряжение. Мне так сильно захотелось убрать их из его глаз, что, встав на колени, я обняла его за шею и прижалась всем телом:

– Спасибо большое! Мне еще ни один мужчина, кроме папы, подарков не дарил, особенно красивых.

Кэл обнял меня, позволяя оценить и величину мускулов, и ширину плеч, и жесткость сильного тренированного тела, и еще – насладиться неповторимым, только ему присущим ароматом. В голову пришла хорошая идея, и я поспешила ее осуществить.

Отстранившись от Кэла, разворошила свой мешок и нашла тонкий плетеный кожаный шнурок, который купила как раз для того, чтобы хоть как-то сдерживать свои волосы. Под заинтересованные мужские взгляды забрала у Кэла гребень и спросила:

– Можно я тебе тоже косу заплету и подарок сделаю? Не такой красивый и дорогой, как твой, но другого у меня пока нет.

Кэл вскинулся и посмотрел на меня с отчаянным голодом. У меня невольно появилась тревожная мысль: может, сказала что-то не то. И взгляд

его тревожил мою женскую суть, радостно откликнувшуюся на этот голод, и внизу живота разгорался пожар, заставляя гореть щеки и даже уши.

Не знаю, что он прочел у меня на лице, но, довольно улыбнувшись, взял мою руку и поцеловал ладонь, в которой я сжимала подарок. Затем сел передо мной, повернувшись спиной, и откинул голову, предоставив в мое распоряжение шикарную шевелюру.

Прикинув немалый объем предстоящих работ, я предложила:

– Может, две заплести?

Гритнир с Ладросом поперхнулись чаем и насмешливо уставились на меня. Кэлэбриан тоже улыбнулся, но с другим выражением лица. Как собственник! Я забеспокоилась не на шутку, даже гребень отложила.

– Маленькая моя! Пока ты только одну заплести можешь, – спокойно, доброжелательно ответил Кэл, возвращая в мои руки гребень. У меня на душе отлегло, но как только я начала расчесывать волосы, он низким бархатым голосом пообещал: – Но, думаю, очень скоро тебе придется плести и вторую. Я постараюсь...

Я опять замерла. Ничего не понимаю! Разыгрывают что ли?

Я расчесывала волосы, пока те не заструились шелковой волной. И не заметила, как вся потерялась в этом увлекательном и приятном занятии.

Завязала кожаный узелок на кончике косы и перекинула ее Кэлу на грудь, довольная собой:

– Вот, принимай работу!

– Великолепна и безупречна, как ты сама, моя единственная!

Сначала я впала ступор, потом загорелись щеки. Даже такому книжному знатоку отношений между мужчинами и женщинами, как я, стало понятно, что за мной, оказывается, ухаживают. Осталось выяснить, насколько серьезны его планы и не хочет ли эльфан просто снять напряжение.

Глава 14

День выдался пасмурным, по небу неслись рваные облака. К вечеру когда мы неожиданно выехали на лесную опушку и увидели большое подворье с крепким двухэтажным домом, начал накрапывать мелкий дождик. Мои спутники, посмотрев на хозяйственные постройки, сделали вывод, что здесь живет деревенский кузнец, значит, неподалеку находится большая деревня. Искать приют в другом месте мы не стали и, подъехав, постучали в ворота.

Встретил нас широкоплечий бородатый человек в серой домотканой рубахе и темных плотных штанах. Руки-лопаты, глаза-буравчики – обычный трудяга. Переговорив с Ладросом, мужик согласился принять нас на постой, но сразу предупредил, что все мы в доме не поместимся, туда могут пустить на ночевку только меня, а аны переночуют на сеновале.

Прежде чем согласиться, Ладрос вопросительно посмотрел на Кэлэбриана, а тот в напряженном раздумье – на меня, зябко кутавшуюся в сырой плащ, и согласно кивнул. Лошадей завели на конюшню, задали им корму и собрались в большой, скудно освещенной масляной лампой и печным пламенем горнице. Зато теплой и сухой! Эльфаны, прежде чем разместиться на лавках за столом, пустили под потолок магический шарик-светлячок.

Невысокая плотная женщина, босая, в крестьянской одежде суетилась возле печи – готовила для нас поздний ужин. Ей помогали девочки лет семи и шестнадцати. Когда старшая помощница подняла лицо и повернулась ко мне, я заметила, почему она не поднимает голову и низко повязала платок. Правую щеку рассек уродливый шрам. Бедняжка, с таким-то «украшением» вряд ли ее замуж возьмут без большого приданого. И так жалко ее стало, до слез. Прикинув все за и против, которых практически не нашлось, решила чуть позже, после ужина, заняться девушкой и постараться убрать шрам.

За ужином мы осторожно отвечали на вопросы хозяев. Я уже плотно поела и мечтала уйти спать, но тут все насторожились, услышав хриплый кашель с печи.

– Не пугайтесь, гости, это мой сынок. Хворый он с рождения, с трудом вот двенадцать годочков у смерти отвоевали, но ему все хуже и хуже дается, – хозяин с теплом и грустью в голосе успокоил нас, а сам подошел к печке и, посмотрев вверх, спросил: – Кирван, может, поешь, сынок?

В ответ – хриплый грудной кашель из-под вороха одеял.

Наверное, совсем дело плохо. Я подошла к хозяину и, положив ладонь на его огромную мозолистую ручищу, попросила:

– Спустите сына вниз, я посмотрю, что можно сделать. Я хоть толком не обученная, но целительница. Возможно, помогу.

Женщина, прижав к груди руки, с надеждой посмотрела на опешившего мужа. Ну да, еще бы, светлая эльфийка решила человеку помочь – это на Лайвесе из области фантастики. Наконец, тот молча кивнул и позвал мальчика. Из-под одеяла высунулся худосочный, синеватобледный паренек на вид лет семи от силы. Как только отец положил его на лавку, я присела рядом и с болью в сердце осмотрела.

Боже мой, как же все это знакомо! Двадцать два года я страдала от похожего недуга. И только технологии моего мира и деньги моей семьи позволяли мне жить. Погладив мальчика по щеке, сквозь слезы прошептала ему, глядя в испуганные и вместе с тем восхищенные глазенки:

– Со мной долгое время было то же самое, а теперь, видишь, вполне здорова. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы ты тоже поправился и в свое время порадовал отца и мать внуками. Только потерпи, милый, может быть больно, но ты уже большой парень и сможешь выдержать.

Откинув одеяло, положила руки на худую узкую грудь и скользнула чистой силой в его тело...

Не знаю, как долго я провозилась с ребенком, но очнулась, склонившись перед лавкой на коленях. Мальчик спал, причем здоровым, крепким сном! Меня же словно паровоз переехал, да еще и видимо пару дней назад, потому что в животе, казалось, разорались голодные кошки, требуя еды.

Сев на пол, я устало оглядела эльфов, напряженно изучавших меня, хозяина и хозяйку, прижавшихся друг к другу, и девочек у них в ногах, беззвучно глотавших слезы. Люди, похоже, боялись отвлечь меня лишним вздохом!

Пожав плечами, я тяжело вздохнула и объявила:

– У него сердце больное было, я исправила. Теперь кормите хорошо и гулять выводите почаще. Ходит пусть сам и подолгу. Только пару недель поосторожнее с ним. Ребенок ко всему привыкать будет, а бегать прямо сейчас захочет. Вот как проснется, так и захочет, а пока нельзя. Надо постепенно. И, хозяйюшка, мне бы опять поесть, а то моему сыночку всю силу отдала.

Попыталась встать, но не смогла: ноги от усталости задрожали. Протянув руку к Кэлу, взглядом попросила помочь. Через мгновение была у него на руках и за столом. Я так вымоталась за день и потратила много сил на ребенка, а еще не научилась контролировать энергетические потоки, которыми пользовалась при лечении.

Говорить, что сама с лавки бы не упала, не стала – мне было приятно сидеть у Кэла на коленях и, облокотившись спиной ему на грудь, тереть серую косу и греться в тепле заботы. А если коса растреплется, будет повод заплести еще раз. Зато мое сердце рядом с ним расцветало, словно цветок после щедрой подкормки и полива.

Хозяйка тем временем стрелой полетела к печи. Достала чугунок и тайком утирала слезы, наполняя плошку еще не остывшей, густой, наваристой похлебкой. Трясущимися руками поставила ее передо мной,

потом принесла хлеб с маслом и медом и кружку теплого молока.

Я даже не заметила, как все съела. Удовлетворенно откинулась на широкую грудь Кэла, оставив в покое манеры эльфийской аристократки до лучших времен, и довольно на всех посмотрела. Эльфаны одобрительно улыбались. Счастливые хозяева сидели возле сына, держа его за руки и поглаживая влажные от пота волосы.

Заметив, что я зеваю и откровенно клую носом, хозяин встал и обратился к Кэлэбриану:

– Аны, для вас приготовлен ночлег на сеновале. Маиса отнесла туда одеяла, не замерзнете. А светлая госпожа будет отдыхать в светелке Маисы, а она с сестрой и Кирваном ляжет здесь, на печи.

Я вдруг испугалась остаться без Кэла, поскольку привыкла уже засыпать в его теплых объятиях, слушая равномерное дыхание, и еще подумала: «Вдруг я темным надоела, возьмут и просто уедут без меня, а я вновь останусь одна». От этих мыслей стало зябко и тревожно, я непроизвольно сжала ладонь Кэлэба. Этот жест не остался незамеченным. Кэл крепче прижал меня к себе, Ладрос слегка нахмурился, зачем-то снова осматривая горницу. Хозяин быстро смекнул, в чем дело, и зачастил, глядя на Кэлэбриана:

– Не волнуйтесь, ан, ваша жена в моем доме будет в полной сохранности. Ради Кирвана мы для вас что угодно сделаем. Нам теперича ни вжисть не расплатиться с таким-то долгом. Просто койка у Маисы небольшая, не поместитесь вы.

Наверное, я покраснела как помидор и только собралась сказать, что хозяева ошибаются насчет нас, меня опередил Кэл:

– Лучше дадим Эленаль как следует выспаться. Завтра нас ждет долгая дорога. Поэтому я составлю компанию своим спутникам на сеновале, но очень рассчитываю, что ей действительно будет здесь удобно и надежно. А мы присмотрим за домом и двором. Сегодня ночью можете спать спокойно!

Вроде и вежливо и ровно сказал, но даже у меня появилось подозрение, что предупредил людей: будут последствия, если вдруг что не так! Удивленно посмотрела на Кэлэбриана, уже хотела укорить его, чтобы не угрожал добропорядочным хозяевам в их же собственном доме, а он с ласковой улыбкой попрощался:

– Спокойной ночи, малышка. Не волнуйся, мы будем рядом. За завтраком встретимся. Если тебя что-то будет беспокоить, приходи к нам.

Заглянув в его серебристые глаза-очи, я привычно утонула в них, затаив дыхание. За неделю совместного путешествия я привязалась к нему, причем такими толстыми канатами и морскими узлами, которые уже не в

силах разорвать или распутать. Это я отчетливо поняла сейчас. Как я попала! Быстро прикрыла глаза, чтобы Кэл не прочел в них все, что я чувствую, и неловко слезла с его колен. Заметила, как он хмурится и пристально смотрит. Но я побоялась снова взглянуть ему в лицо. Быстро кивнула эльфам, повернулась к Маисе и попросила показать место ночевки.

Утро встретило меня сказочным ароматом, поднимающимся с первого этажа – хозяйка пекла. О-о-о, как я обожаю горячие булочки! Спала я, несмотря на усталость, а может, из-за нее, так себе. Ворочалась с боку на бок, вздрагивала, когда снился очередной кошмар. А вот рядом с Кэлом кошмары не мучили!

Быстро оделась и спустилась вниз. Хозяйка возле печи выкладывала румяные булочки на огромное деревянное блюдо. Хорошая женщина, ведь явно для нас старалась. Девочки споро накрывали на стол. Хозяин, сидя за столом, держал на коленях смеющегося Кирвана и щекотал его за бока. Я тихо с улыбкой наблюдала за этой семейной идиллией, пока хозяйка меня не увидела. Бросилась ко мне, упала на колени, схватила руки и начала целовать, неистово шепча слова благодарности за спасение сына.

Я оторопела, не зная, как себя вести дальше, но тут встал хозяин дома. Пересадил ребенка и тоже подошел ко мне. Поклонился в ноги и только открыл рот, наверняка собираясь присоединиться к жене, как я резко отошла в сторону, вырвав свои руки из натруженных, шершавых женских рук.

– Все хорошо, не надо, не надо ничего такого, простого «спасибо» мне будет достаточно, – прошептала я хриплым от смущения голосом. – Если немного еды нам в дорогу соберете, сама вам буду вдвойне благодарна. А всего этого не надо, меня для таких, как Кирван, боги одарили. Это мой долг и плата за дар и за много еще чего. Сама вот тоже не знаю, как расплачиваться. Считайте, вы дали мне возможность хотя бы часть долга вернуть.

Кузнец помог подняться своей плачущей жене и, прижав ее к груди, тоже хриплым от волнения голосом ответил:

– Не все думают, светлейшая эла, что даром делиться надо. Я такую как вы впервые вижу. Другие отказались лечить, потому что столько денег я им заплатить бы ни вжисть не смог. А вы сами взяли, задарма. А ведь эльфийка! Они же людей за разумных не держат. А вы другая! И с темными дружбу водите, и в мужья себе эльфа выбрали. Хоть, говорят, враги вы с ними. Сколько жив, буду богов благодарить за то, что они вас в мой дом привели. И вас, светлейшая, в своих молитвах никогда не забуду! Спасибо

вам, светлейшая! Двери моего дома для вас всегда открыты и стол накрыт.

Я смешалась еще больше и почему-то опять не стала поправлять хозяина, ошибочно решившего, будто я замужем за Кэлом. Невольно остановилась взглядом на улыбавшейся Маисе. Мне очень понравилась эта милая скромная девушка. Я снова посмотрела на ее шрам и вспомнила, что еще вчера хотела с ним сделать. Повернувшись к хозяевам и неуверенно пожала плечами, не зная как остановить поток благодарностей, пошла на шоковую терапию:

– Простите меня, пожалуйста, но у нас мало времени. Сейчас мои спутники придут и все – поедим и в путь. А у нас еще одно незаконченное дело есть. Маиса! Я чувствую вашу благодарность, этого достаточно. Придет время, и вы кому-нибудь поможете бесплатно, не ожидая благодарности и признания ваших заслуг. Просто так!

Взяв Маису за руку, не обращая внимания на ее удивление и изумление родителей, уселась вместе с ней на лавку и занялась шрамом.

Через несколько минут я с чувством выполненного долга уплетала третью булочку с маслом, восстанавливая затраченные силы и жмурясь от удовольствия. К сожалению, полностью убрать шрам не получилось – остался едва заметный белый росчерк. Но я осталась довольна. Что уж говорить о хозяевах и пациентке.

Со двора донесся шум, затем в дверях появились мои спутники. Первым зашел Кэлэбриан, увидел меня, и настороженного взгляда как не бывало. Из его глаз сразу исчез холод и опасная темнота, сменившаяся теплом и нежностью.

– Как спала, моя маленькая светлая эла? – В его тихом голосе звучал подвох.

Вспомнила свои грешные сны с его участием, покраснела и отвернулась. И тут некстати заметила ухмыляющуюся физиономию Ладроса. Нахмурившись, буркнула:

– Хорошо спала, надеюсь, как и ты!

Совсем не ожидала, что Кэлэбриан сядет рядом и, никого не стесняясь, скажет:

– К сожалению, мне спалось плохо! И даже не знаю, в чем причина...

И смотрел на меня... как мужчина на желанную женщину. Я такой взгляд раньше только у отца видела, когда он смотрел на маму. С трудом проглотив кусок, замерла, когда Кэл протянул руку к моему лицу. Вытер пальцем масло с моей губы и отправил к себе в рот. Облизнулся и прошептал, глядя мне в глаза:

– Какая вкусная...

В замешательстве я быстро начала пить из кружки, чтобы спрятаться за ней, и продолжила завтракать.

Глава 15

Дождик, зарядивший вчера, никак не хотел прекращаться, и я зябко поеживалась от сырости. Час назад отказалась пересесть к Кэлу на Темного, чтобы он согрел меня, и предложенный им плащ не взяла – он же не железный и замерзнет. А вот пересаживаться к нему я стеснялась. И вообще, его поведение изменилось за несколько дней. Сначала он вел себя насмешливо предупредительно, все время выказывая заботу, но не особо проявляя чувства. Точнее, я бы сказала, не демонстрировал их мне явно. А вчера в гостях...

Остальные эльфы смеялись, охотно и с удовольствием беседовали со мной обо всем, чем бы я ни интересовалась. И ни разу не пытались ухаживать за мной или делать многозначительные комплименты. Даже не прикасались ко мне. В любом месте рядом со мной незаметно и неизменно появлялся Кэлэбриан и тенью следовал рядом, словно давал время привыкнуть к нему, к его горячему телу и бархатному спокойному голосу.

Еще несколько дней понаблюдав за темной компанией и кое-что услышав, я сделала вывод: пятеро эльфов, скорее всего, охрана Кэлэбриана, а не только друзья или спутники.

Пообедали мы гостинцами, которые нам с собой дали кузнец с женой в благодарность за лечение детей. Да они бы нам всю свою живность отдали на радостях, но Ладрос согласился взять только птицу, похожую на большого жирного гуся, пояснив мне: в такую погоду дичь будет прятаться по норам, и мы можем остаться голодными. Спокойно свернув птице голову, он подвесил ее к седлу и поехал впереди отряда. Я же, сроду не видевшая, как убивают животных, в душевном смятении мысленно ее оплакивала. Шашлык-то я люблю, но вот узреть их смерть перед тем как съесть пришлось впервые. В общем, ехала продрогшая, расстроенная и вся в себе, а завидев впереди тушку убиенного «гуся», едва сдерживала слезы и старалась отвести взгляд. Окружающий пейзаж тоже не радовал, как и встревоженные озабоченные лица моих спутников.

Неожиданно к вечеру небо посветлело, и настроение снова начало улучшаться, а на птицу я уже смотрела как на будущий ужин, а не жертву произвола и насилия. Мужчины, заметив мой повеселевший вид, немного оживились и решили остановиться на ночлег пораньше. Вайрэ занялся

гусем, а остальные готовили навес из больших веток, чтобы ночью мы не промокли под дождем, если опять пойдет.

Даэрон пытался развести костер и недовольно бурчал себе под нос – сырые поленья никак не хотели гореть. Дэнэтор, усмехнувшись, попытался помочь, но костерок сначала вяло занялся, а потом, пахнув дымом, потух. Еще несколько попыток закончились тем же. Я подошла к ним и присела рядом. Протянула руку и попросила помочь свой огонь, и он с удовольствием откликнулся на просьбу.

Через минуту на поляне горел ровный, весело потрескивающий костер. Все удивленно и так пристально меня разглядывали, будто искали, что же еще из виду упустили. Один Кэлэбриан с непонятым выражением лица, прищурившись, смотрел на огонь. Почувствовав себя неловко, неуверенно, попыталась оправдаться:

– Я, наверное, забыла вам сказать: во время посвящения на моем кустике были зеленые и красные цветы. О том, что я целитель, вы уже знаете, а еще я дружу с огнем.

– Ана Эленаль, а есть что-то еще, о чем вы забыли нам сказать? Сейчас самое время! – осведомился Ладрос, ехидно глядя на меня.

Перед тем, как задать вопрос, он бросил короткий взгляд на Кэла, чем удивил меня и насторожил. Словно просил разрешения устроить допрос. Я покачала головой, а потом ответила твердо и уверенно:

– Я все рассказала, а если о чем-то забыла, то просто потому, что не сочла важным или достойным вашего внимания. И вообще, ан Ладрос, я для вас открытая и уже прочитанная книга, а вы для меня только страничка из начатого тома. Не обессудьте, если у меня тоже могут возникнуть к вам претензии. А то все только у вас ко мне!

Ладрос снова усмехнулся, но уже довольно.

– Ана Эленаль, вы можете спрашивать о чем угодно, у нас нет от вас секретов и, судя по всему, не будет!

Этот темный удивил меня своим ответом, но Кэлэбриан почему-то нахмурился. Так-так, «кто-то» не собирается открывать свои секреты. Что-то интересное утаить от меня хочет, чтобы не сбежала раньше времени. Мне показалось именно так, когда они обменивались многозначительными взглядами.

Интриганы, значит. Еще Ладрос уже два раза обращался ко мне как к женщине темных – ана. Положим, ошибся. Ладно, не буду уточнять. Пока размышляла, Вайрэ вернулся с ощипанной и выпотрошенной тушкой. Насадил ее на палку и пристроил над углями. Рядом с ним уселись и остальные. Даэрон принялся приводить в порядок свои белоснежные,

спутавшиеся в дороге волосы. Несколько минут понаблюдав за его мучениями, я неуверенно предложила:

– Если хочешь, я помогу тебе. Давай заплету косу?

Даэрон заметно смутился и сразу отказался:

– Нет, спасибо, у меня уже есть невеста!

И виновато опустил голову.

Взглянув на Ладроса, я заметила, как он мрачно смотрит на Кэлэбриана, а тот, в свою очередь, грозно уставился на понурившегося Даэрона. Как на соперника! Да что же здесь происходит?! Что могло вызвать такую реакцию? Тщательно прокрутив все в голове и сопоставив факты, я опешила. Но задавать вопрос, который так и вертелся на языке, не стала. Для своего же спокойствия прикинулась дурочкой. Обошлась наивным:

– А где сейчас твоя невеста?

– Она проклята, как и остальные. И находится под охраной в Харписе, – Даэрон с болью в голосе ответил, не поворачивая головы, тоскливо глядя перед собой.

Спросила, называется, душу парню разбередила. Ой, это сколько же лет он помолвлен?

– Но ведь вы сказали, что это произошло сто тридцать с лишним лет назад. И ты ее все еще ждешь, любишь?

Даэрон тихо ответил:

– Мое сердце ее услышало и почувствовало!

– А если проклятье не снимется еще лет сто? Почему? – Я недоуменно вскинула брови, до конца не поняв значения этой фразы.

Остальные грустно улыбнулись мне, словно неразумному ребенку, а Ладрос, как обычно, взялся пояснять:

– Эленаль, эльфаны, да и светлые тоже, имеют одну особенность, отличающую их от других рас. Мы любим только одну женщину, пока живы или пока жива она. Если сердце эльфа услышало и почувствовало такую женщину – это навсегда. И пока она жива, другой в его жизни не будет. Ведь сердце слышит и чувствует только ее. Мы с Даэроном будем ждать наших женщин до самой смерти, если нам не удастся снять это проклятье. Забери Тринимак душу того проклятого богами старого вампирюги-колдуна. Если бы можно было, я бы его еще тысячу раз собственными руками на мелкие кусочки разорвал. Он слишком легко умер!

– А эльфаны женятся без любви, как светлые? Например, по расчету?!

– Нет, ана, это для нас противоестественно, ведь брак заключается на

всю жизнь и освящается Темным Тринимаком, а он не приветствует лжи и сурово наказывает за подобный подлог. Мы соблюдаем его законы. Светлейшая Алоис весьма добра к своим детям и спускает им маленькие слабости, а нас Темный Бог воспитывает в строгости, но и бережет. Это он подсказал старой гномке-ведунье, как снять проклятие. По крайней мере, она так сказала. Жаль, от вампиров не уберег! С другой стороны, сами виноваты и мой клан более других, а расплачивается весь мой народ.

Кэлэбриан, строго посмотрев на Ладроса, веско заметил не терпящим возражений тоном:

– Любой на твоём месте поступил бы также! Никто не знал и не понимал, что происходит, пока не стало поздно. Это вина вампиров. Мне жаль только одного, что мы сейчас не в состоянии отомстить. Нас слишком мало. За сто лет оставшиеся вне наших земель женщины произвели на свет всего троих младенцев. Если мы не снимем проклятие ещё пару столетий и хоть один народ позарится на наши земли и объявит войну, нам грозит вымирание...

Его речь, пронизанная болью и тревогой, прервалась, когда он заметил мой сочувствующий взгляд. Понятно, большие сильные серые мачо не любят, когда их жалеют! Поэтому я поторопилась с вопросом:

– А дети? У светлых, как я выяснила, женщина должна любить мужчину и хотеть ребенка, чтобы забеременеть.

Его взгляд мгновенно потеплел. Кэл мягко взял мою руку и прямо посмотрел на меня, смущая. Затем ласково пояснил, видимо, вспомнив, по какой причине я сбежала от светлых:

– Маленькая моя! Наши дети рождаются только в браке, где оба супруга любят и желают детей. Это похоже на светлых, ведь мы один вид, только две разные ветви. Поверь, любой темный почтёт за счастье и честь соединить с тобой свою судьбу, но только если услышит своё сердце, и ни по какой другой причине. В этом ты можешь быть полностью уверена.

Он пристально вглядывался в мои глаза, словно что-то в них искал. Ответы на свои мысленные вопросы, наверное. Потому что в него, когда он забывал держать лицо, изредка всплывала боль и тоска.

– Мясо готово, – объявил Вайрэ, жаривший птицу.

Я тряхнула головой, словно сбрасывая гипнотический взгляд Кэла, и округлилась с разговором о высоких чувствах:

– Хорошо, хотя бы у темных есть понятия о чести и любви. А то было бы страшно жить в мире, где все продается и покупается. – И радостно потерла ладонями в предвкушении ужина: – Может, поедим уже, аны?

Эльфаны клыкасто улыбнулись, а Кэлэбриан отвернулся и уставился

на огонь, явно думая о чем-то невеселом. С трудом удержалась от того, чтобы не протянуть руку и не погладить его по светло-серой голове, успокоить, приласкать и сказать, что его грусть причиняет мне боль.

Проснулась я слишком рано. Посмотрела в сторону Даэрона, который сидел спиной ко мне и ковырял веткой в углях догорающего костра. Пора вставать, сказать, чтобы подложил дров, и самой приготовить завтрак. Но вставать не хотелось, потому что лежала я на груди Кэла и ощущала, как под моей ладонью мерно бьется его сердце. Впервые проснулась таким образом. Обычно либо он прижимал меня к себе, либо я спала, свернувшись калачиком у него под боком. Но вот так – ни разу, слишком близко, слишком интимно.

Пальчиком осторожно провела по его бровям. Потом, едва дыша от восхищения, опасаясь, что меня застукают за столь неприличным занятием, украдкой взглянула на Даэрона. Убедившись, что караульный по-прежнему не обращает на меня внимания, продолжила свои исследования. Коснулась гладких щек и тонких губ, из-под которых торчали клыки. Острые, однако! Сделав глубокий вдох-выдох, чтобы успокоить расшалившееся сердце, начала отстраняться от Кэла, но увидела у него в руке свою косу и обрадовалась: неужели боится, что я сбегу или потеряюсь?!

Счастье нахлынуло волной, смывая сомнения. Аккуратно, чтобы не потревожить Кэла, я освободила косу. Не удержалась от соблазна и уткнулась носом в его ладонь, вдыхая только ему присущий запах, который я запомнила навсегда. Насладившись его ароматом, уже ни о чем не думая, сначала лизнула кисть, где бился пульс, а потом поцеловала пальцы и легонько потерялась о них щекой. И тут наткнулась на насмешливый и понимающий взгляд Даэрона. В предрассветных сумерках он наверняка рассмотрел мое мгновенно загоревшееся лицо. Попалась!

Опустила глаза, совершенно смутившись и не выдержав испытания довольной, мужской, все понимающей ухмылкой и, к своему большому стыду, натолкнулась на горящий желанием серебристый взгляд Кэлэбриана. Судорожно сглотнув, я неловко поднялась и понеслась к ручью, протекающему за ближайшими кустами. Умывшись, с силой потерла полыхающее лицо, пытаясь вернуть мозги на место. Передо мной полыхали его глаза. Было нестерпимо стыдно возвращаться в лагерь. Ударив несколько раз ладонью по воде, я в отчаянии ругала себя:

– Дура! Дура! Ну, какая же дура! Ну кто меня просил?!

– Я! Эленаль, я прошу тебя прикоснуться ко мне. Разреши и мне прикоснуться к тебе. Позволь ухаживать за тобой. Хочу, чтобы ты навсегда стала моей!

Я испуганно обернулась и с замиранием сердца, с трепетом смотрела на Кэлэбриана, приближавшегося ко мне из нарастающих сумерек подобно ночному хищнику. Он опустился на колени рядом со мной и, перехватив мои запястья, мягко привлек к себе. Я запрокинула голову, с опаской посмотрела на него и хрипло спросила, внимательно вглядываясь в потемневшие глаза:

– Зачем? Зачем я тебе нужна, Кэл?

– Ты заставила меня услышать стук моего сердца и почувствовать его. Я так остро чувствую сердце, Эленаль, что мне больно и страшно. Вдруг ты не услышишь его и покинешь меня, когда придет время.

Но во мне словно упрямый бес поселился и требовал выяснить перспективы развития наших отношений. Поэтому я, как всякая женщина в моем старом мире хотевшая определенности, решила все уточнить:

– Ты же сам обещал, что поможешь добраться до оборотней, а потом я пойду своей дорогой, а ты своей.

У него глаза потемнели, и руки на моем теле напряглись, даже стало трудно дышать.

– Нет, девочка моя! Я пообещал привести тебя туда, где тебе нужно быть, а не куда ты хотела. Когда я встретил тебя в третий раз, возле пруда, сразу почувствовал, где твое место. Поверь, оно рядом со мной. Тебе нужно быть только в моем доме. Забудь ты об этих оборотнях. Тебе там вообще делать нечего. Ради такой самки они поубивают друг друга! Эленаль, неужели ты настолько жестока, что позволишь погибнуть целому народу? – Если сначала он говорил жестко и напористо, то дальше – с кривоватой улыбкой. Особенно когда я насупилась и поджала губы.

– Сладкая моя девочка, тебе лучше меня никого не найти и позволь показать мне это. Я докажу, что достоин тебя. В любом случае, я не позволю тебе уйти от меня, Эленаль!

Я гневно сверкнула глазами. Почти две недели видела только его «фасад», а что там у него внутри спрятано, не знаю. Не знаю даже половины того, на что он способен.

Правда, немного успокаивало признание, что его сердце меня слышит и чувствует. Похоже, мое сердце тоже чувствует Кэла. Вот же темная серая зараза, тишком пробрался туда и командует!

Видимо, он что-то заметил, потому что жадно приник к моим губам. Я

так никогда не целовалась. Пожалуй, с Бэором был просто эксперимент, обычное житейское любопытство, а с Кэлом я загорелась. Мои ладони сами по себе зарылись в его волосы, поглаживали затылок. Хотелось сблизиться с ним еще теснее. Я урчала словно голодная кошка, мой язык неистово сплетался с его.

Воздуха не хватало, мое тело все сильнее выгибалось дугой, стремясь слиться в единое целое с Кэлом. Потом раздалось приглушенное рычание, и через секунду я лежала на траве. Он рванул мою одежду на груди и как голодный приник к соску, вызвав у меня гортанный вскрик удовольствия. Его руки и губы делали меня неразумной безвольной куклой, способной только прижимать к себе его голову да трепать волосы.

Но как только мой темный герой отстранился и начал развязывать собственные штаны, я словно очнулась, слегка охлажденная легким ветерком, скользнувшим между нашими разгоряченными телами. В голове щелкнуло: «Ленка, ты чего творишь! Включи мозги. Лес не то место, где ты хотела бы расстаться с невинностью. И вообще, сначала ЗАГС, ну, или что там у темных за обряд».

Я ужом выскользнула из-под мужчины с великолепной, широкой, мускулистой грудью. Посмотрела на живот с «кубиками», его руку, недвусмысленно лежащую на почти развязанном шнурке штанов, висящих на очень внушительном «честном слове». Уф-ф-ф... Впору не краснеть от смущения, а бледнеть от сожаления, что мозги проснулись не вовремя. Не могли подождать еще чуть-чуть, а вдруг бы нам всем понравилось?!

С трудом оторвавшись от едва прикрытого мужского достоинства, посмотрела Кэлу в лицо. Его жадный голодный взгляд был прикован к моей оголившейся груди. Стоп. Я неловко сжала руками концы разорванной рубашки, скрывая наготу, и затравленно посмотрела на него, ожидая чего угодно, любого проявления внутренней сути.

Распаленный мужчина тяжело сел на пятки и с трудом отвел взгляд на деревья. Сиплым, чужим голосом прохрипел, прижимая кулаки к напряженным бедрам:

– Прости, единственная моя! Я поторопился, испугал тебя. – Он замолчал, собираясь с силами, глубоко вдохнул и продолжил, пододвинувшись чуть ближе: – Я знаю, тебе многое пришлось пережить, родная. Прости... Дай мне второй шанс! Я не буду торопиться, маленькая, я подожду! Я умею ждать, поверь мне, Эленаль!

С последним словом Кэл осторожно привлек меня к себе. Обнял, унимая мою дрожь, и зарылся лицом в мои растрепанные волосы. Я не стала терзать ни его, ни себя. Ласково его обняв, с наслаждением уткнулась

ему в шею и глубоко удовлетворенно вдохнула. Только слегка вздрогнула, когда он снова тихо спросил, обдавая мое ухо теплым дыханием и вызывая у меня волну мурашек:

– Сердце мое, ты простила меня? – Я только кивнула, смущенная до крайности. – Ты согласна стать моей? Навсегда?

Чуть помолчав, я уточнила:

– Перед вашим богом? Перед Черным Тринимаком?

– Да, единственная моя! Для меня это очень важно! Важно, чтобы ты на законных основаниях принадлежала мне, и чтобы ни одно живое существо в этом мире не смогло забрать тебя у меня. Наш брачный союз должен быть освящен богами, моя светлейшая эла!

Какое счастье! Я с восторгом посмотрела на него и задала главный вопрос:

– Ты меня любишь, Кэлэбриан?

Он ласково коснулся ладонью моей щеки, заглянул в глаза и серьезно ответил:

– Да, Эленаль, мое сердце отныне принадлежит только тебе. Навсегда! Теперь ты его хозяйка и можешь распоряжаться им по своему усмотрению.

Я верила и не верила своему счастью: неужели это возможно? Чтобы такой великолепный мужчина полюбил меня? Это внешне я прекрасная эльфийка, а внутри-то до сих пор живет обычная, среднестатистическая землянка. Бледная немочь, годами боровшаяся с болезнью, плодившая в себе комплексы, к которым новые родственники только прибавили других. Прекрасное отражение в зеркале вовсе не означает, что я сразу обрела уверенность в себе. Но я буду стараться.

Сильно обняв Кэла за шею, крепко прижалась к нему, всем телом чувствуя, как постепенно уходит из нас напряжение. Еще раз вздохнула и счастливо выдохнула:

– Я согласна, Кэлэбриан, стать твоей женой. – Потом замялась и смущенно пролепетала: – А еще я тогда... ну когда мы... я испугалась не тебя, а себя. Видишь ли, ты будешь первым и... я хотела... точнее, хочу, чтобы это было после заключения брака, в кровати, а не под деревом в лесу. Хотя бы в первый раз. В лесу тоже, конечно, романтично, но...

Закончить не успела, потому что мой эльфан обхватил ладонями мое лицо и снова приник к губам, а через несколько мгновений прошептал:

– Я счастлив, девочка моя! И это счастье подарила ты, родная. Эленаль! Моя Эленаль!

Мой мужчина легко касался губами моих глаз, скул, лба, мы снова целовались и шептали друг другу слова любви.

К нашим спутникам мы вернулись растрепанные, счастливые, но, к сожалению, неудовлетворенные. Раз сама так пожелала – придется потерпеть. Увидев довольных, радостных эльфов, встретивших нас все понимающими улыбками, я опять покраснела как маков цвет. И сразу нырнула за широкую спину Кэлэбриана, пока он говорил, что по прибытии в Варгос, столицу темных, мы сразу пройдем брачный обряд. Эльфы искренне поздравили нас, а я порадовалась, что они даром времени не теряли и сварили кашу. Ну да, кушать хочется всегда!

Глава 16

Чем дальше мы продвигались на восток, тем напряженнее становились мои спутники. Кэл все время держал меня в поле зрения, не расслабляясь ни на секунду. Жители проезжаемых нами селений были настороже и гостеприимством не страдали. Ладрос сказал, что дня через три-четыре мы будем на земле темных, но я прекрасно помнила, что дорога туда лежит через болота вампиров.

Конечно, ехать нам придется дольше из-за такого ахового наездника, как я, но ничего не поделаешь. В седле я держалась теперь несравнимо лучше, постепенно освоившись, но не настолько хорошо и уверенно, как мои темные спутники. Иногда казалось, что даже на ночлег они останавливаются только ради меня, а сами могли бы ехать всю ночь и даже спать в седле.

Вдруг лошади настороженно зафыркали, прядая ушами; всадники обнажили клинки, внимательно и хмуро глядя вокруг. Через пару минут мы выехали на широкую поляну, на которой вечеряли у костра двое мужчин. По их неторопливым грациозным движениям, с которыми они встали при нашем приближении, трепету крыльев носа и хищному блеску глаз, отражающих свет, я догадалась – оборотни. Скорее всего, из кошачьих. Из крупных. Во-он какие здоровенные, уверенные, вальяжные.

Эльфы и оборотни поприветствовали друг друга. Затем Ладрос спросил у котов (как я мысленно их назвала), не будут ли они против, если мы тоже остановимся на этой поляне на ночь. Незнакомцы при этом восхищенно разглядывали меня, кажется, совершенно не слушая собеседника. Забеспокоившись, я подъехала вплотную к Кэлу. Он забрал у меня поводья и успокоил мягкой улыбкой. Ладрос довольно быстро смог договориться с оборотнями о совместной ночевке.

Коты уже поели, а мы начали готовить ужин. Я потихоньку, чтобы не

привлекать внимания, время от времени посматривала на оборотней, спокойно о чем-то беседовавших. Все-таки чисто по-человечески интересно, что собой представляет этот вид разумных.

От обычных людей они отличались отсутствием бороды и усов, а плавностью движений очень напоминали таежных тигров – сильных, но с мягкими лапами, огромных и в тоже время грациозных, гордых, хитрых, умных. Вот бы хоть одним глазком посмотреть ни их вторую ипостась!

Один из оборотней, назвавшийся Кайроном, набрал в роднике воды в котелок и, подвесив его над костром, обратился ко мне:

– Светлейшая, я заметил, у вас с собой есть вирна. Вы играете?

Я смутилась, тем более Кэл недовольно зыркнул на кота, а все остальные с интересом ожидали ответа. Нервно сглотнула и, стараясь уверенно смотреть на чужака, произнесла:

– Да, терр Кайрон, я играю и иногда пою, – и не слишком тонко намекнула, – правда, только для себя.

– Не сочтете за труд, светлая эла, порадуйте и нас. Пожалуйста. Мы так давно не имели счастья слышать звуки музыки, – рычащим басом попросил второй оборотень Мирон, с полосатой длинной шевелюрой и черными ногтями.

Я неуверенно посмотрела на Кэлэбриана. Он склонился ко мне и, легко коснувшись уха губами, от чего кончики моих ушей сразу загорелись, прошептал:

– Я бы тоже хотел послушать. Твой голос – как горный хрустальный ручеек!

Коротко вздохнув, я сходила за вирной. Пока путешествовала одна, иногда тренировалась, перебирая струны, но все равно нервничала. Подумала и начала с песни Андрея Макаревича «Перекресток».

Кажется, я приятно удивила лайвосских жителей песнями моей родины. Им понравилось!

Закончив петь, я поблагодарила и поклонилась.

Мирон кашлянул в кулак и, восхищенно улыбнувшись мне, похвалил:

– Прекрасная, как сама светлейшая Алоис, да с таким интересным и глубоким репертуаром. Я просто в нетерпении услышать, какие еще песни вы знаете.

Мне было лестно слышать слова искреннего признания и ощущать молчаливое одобрение темных, особенно Кэла. Я запела другую. Зрители слушали с огромным интересом. Судя по довольным, умиротворенным лицам, мой концерт пришелся им по душе. Ладрос звенящим от восторга голосом признался:

– Ана Эленаль, в вас с каждым днем открывается все больше и больше талантов. Я счастлив, что могу прикоснуться хотя бы к некоторым.

Я рассмеялась и потянулась к Кэлу, а то он начал сверлить Ладроса пронзительным взглядом. Обняла его за шею и прильнула. Он прижал меня к себе, потерся носом о висок и хрипло шепнул на ухо:

– Моя!

– Только твоя! – тихонько согласилась я.

Две шумные тени внезапно пронеслись над головой. Все вскочили и приготовились отражать нападение. Я трусливо выглядывала из-за спины Кэлэбриана и успокаивала странно зашипевший костер. Через пару минут на поляну вышли двое высоких мужчин в длинных плащах. Они коротко поздоровались со всеми, но очень удивились, увидев Кэла.

– Ан Кэлэбриан Даэдран! – воскликнул один из них. – Как давно мои крылья не пересекали ваших земных путей. Приветствую наследника темных на серых землях.

Кэл напрягся и застыл каменным изваянием. Затем я услышала его мертвецки ледяной голос, с непривычки испугавший до жути:

– И я приветствую тебя, аро Дэруфин Арван, младший наследник!

Новоприбывший дернулся, как от удара, а его спутник кидал на всех гневные взгляды. Зрачки сузились и стали как у змеи. Драконы! Злые драконы! Положив ладони между лопаток Кэлэбриана, я уткнулась носом ему в плечо, потом выглянула из-за него одним глазком. Сразу вспомнила, что драконы воруют женщин и используют их в качестве рабынь для утех в отместку своим ветреным и непутевым самкам.

Дэруфин увидел меня и, пристально осмотрев Кэла, едко заметил:

– О! Я вижу, наследнику эльфанов заплели косу. И сам он тоже научился плести. Ну что ж, рад первым узнать столь радостную и долгожданную для вашего народа новость. Надеюсь, вы позволите разделить с вами костер и ночь, наследник.

Ладрос кривился от каждого драконьего слова, другие тоже не радовались. Я и вовсе продолжала прятаться за широкой спиной Кэла. Не приемлю постельное рабство, тем более сама от него сбежала. Но традиции обязывали эльфанов и котов принять гостей в наш круг. Жаль! Если до этого было тепло, легко и весело, то теперь обстановка стала гнетущей.

Ужинали мы в молчании, думая каждый о своем. Потом Кайрон снова попросил сыграть и спеть. Мирон его поддержал. Дракон Деруфин пристально изучал меня. Даэрон, к моему удивлению, тоже присоединился к просьбам оборотней. Я сдалась. Взяв вирну в руки, перебирала струны и думала, чтобы исполнить. Решила, что веселое, задорное, «земное» будет

кстати, а то все приуныли. Ударил по струнам и запела:

*Мне приснился дом лесной
Под зелёною сосной.
Где, спасаясь от дождя,
Повстречались ты и я...*

Я прихлопывала, оборотни притопывали так, словно вот-вот пустятся в пляс, эльфы посмеивались, зато драконы, внешне спокойные, изучающе рассматривали меня до неприятной дрожи в коленках. Но мне важнее всего было, что Кэл нежно улыбался.

Затем мне вспомнилась песня, которая способна разбудить любое сердце. И я запела, глядя в самые прекрасные в мире глаза:

*Покроется небо пылинками звезд,
И выгнутся ветви упруго.
Тебя я услышу за тысячу верст,
Мы эхо, мы эхо,
Мы долгое эхо друг друга.*

С каждой новой строчкой в глазах моего жениха рождалось нечто большое и незыблемое. Он открыл мне душу и показал свою любовь.

*Мы эхо, мы эхо,
Мы долгое эхо друг друга.*

С трудом вырвавшись из плена глаз Кэла, вернулась в реальность и обернулась к зрителям. Кто-то погрузился в невеселые думы, а некоторые смотрели на меня с тоской. Решила их немного отвлечь и объявила, что спою последнюю на сегодня песню.

*Солнце желтым жарким шаром
Догорело в вышине.
Искры тех лесных пожаров
Снова вспыхнули во мне.*

Я замолчала, совсем выдохшись. Зрители тоже молчали, осторожно глядя на бледного Дэруфина, смотревшего только на огонь. Черт меня дернул глянуть на него, пока пела. Я убрала вирну в чехол и встала, чтобы положить в мешок. Но едва поравнялась с драконами, рука Дэруфина словно кандалы сомкнулась на моем запястье, заставив вздрогнуть и выронить инструмент.

– Такое сокровище может быть только моим, светлая эла! Я, в отличие от других, признаю тебя истинной, душа моя.

Я попыталась вырвать руку, и в ту же секунду дракона смел с бревна серый смерч, в котором через несколько мгновений я узнала Кэлэбриана. Клубок рычащих тел покатился по поляне, а через минуту мой герой сидел на груди Дэруфина, приставив клинок к его шее. Я даже испугаться не успела! Затем раздался холодный, скрежещущий по нервам голос победителя:

– Это сокровище принадлежит мне, младший наследник! Она моя жена! Никто, кроме меня, не смеет к ней прикасаться. Ты понял меня, аро Деруфин Арван, или тебе лучше пояснить? А то вы, ящеры, бываете иногда такими бестолковыми.

Глаза Дэруфина сверкали злобой и ненавистью и сузились до щелок. Он смирился и проскрипел:

– Я понял, ан Кэлэбриан Даэдран. Приношу извинения вам и вашей жене. Прощением мне может служить только ее несравненная красота и чарующий голос, заставший мой разум словно дурманом.

Кэлэбриан вскочил на ноги. В два шага оказался рядом со мной и пристально, с тревогой взгляделся в лицо. Он стоял, не шелохнувшись, будто ожидал моего выговора, а я передернула плечами, словно стряхнув неприятности, оцепенение и страх, решила не раздувать из мухи слона:

– Так душевно сидели. Кто бы мог подумать, что гости окажутся такими невоспитанными, – кажется, голос меня не подвел и звучал спокойно. Потом, скорчив просительную гримаску, тихонько попросила,

всовывая в сжатую в кулак руку Кэла свою ладонь: – Ну их, давай я тебе волосы переплету, а то растрепались. А после ты мне.

Кэл подхватил меня на руки и отнес к месту нашей ночевки, устроенному Даэроном. Вайрэ, подобрав вирну, отнес ее к моим вещам. Остальные, отметив, что конфликт исчерпан, начали неспешно расходиться от костра. Ладрос налил себе горячего чая и, коротко кивнув оборотням, подошел к нам. Я расчесывала струящиеся, блестящие в свете двух лун волосы Кэла, замкнувшегося в себе. Не выдержала общего молчания и восторженно призналась:

– Ты был похож на смертельный вихрь. Нет, ураган! Это было жутко, но удивительно красиво. Твоя другая сторона смертельно опасна и вместе с тем восхитительна. Действительно, пока ты рядом, я в полном порядке и ничего не боюсь.

Эльфаны пораженно замерли. Кэлэбриан, помолчав мгновение, резко повернулся и, схватив меня за талию, рванул к себе и посадил на колени. Ойкнув от неожиданности, я сначала стухнула: а что, если обидела своими словами? Но, встретив его горящий желанием взгляд, вздохнула уже по другому поводу. Как бы моя первая брачная ночь не состоялась прямо здесь и сейчас.

– Я счастлив, что ты так считаешь, а главное, что сказала мне об этом!

Ладрос, чуть качнув головой, со снисходительной усмешкой пояснил мне:

– Ана Эленаль, вы еще слишком молоды и многого не знаете о нашем мире. Ничего, со временем разберетесь. Наши женщины привыкают к своей и мужской звериной натуре с рождения. Поэтому их подобными стычками не удивишь и волноваться не заставишь, а вот с вами, светлейшая, все по-другому. Словно идешь по краю пропасти: лишнее движение или слово – риск. Ваш... суженый весь сон потерял, опасаясь напугать или отвлечь. Ваше признание – лучшее лекарство для него.

Я расслабилась, а Кэл нахмурился, гневным прищуром гипнотизируя разом поникшего Ладроса. Я встала, с трудом высвободившись из рук Кэла, и расположилась на коленях позади него, чтобы продолжить причесывать. Когда французская коса, в которую я сегодня убрала волосы моего темного, была готова, спросила:

– А почему он тебя наследником назвал? Наследником кого?

Кэл замаялся с ответом, заставив меня встревожиться.

– Я единственный наследник своего отца – Повелителя эльфов Кирдана Даэдрана Темного.

Смысл сказанного доходил до моего сознания постепенно. Вот это да!

Принц! Хорошо, что меня воспитывали без лишнего пиетета к сильным мира сего, а то бы точно коса из рук выпала, а так они, лишь слегка дрогнув с моим удивленным «О!», аккуратно завязали шнурок. Я переложила косу ему на грудь и, сложив руки на коленях, задумалась. Решив пока не касаться вопросов наследия, спросила о не менее интересной, показавшейся сейчас более важной вещи:

– Скажи, Кэл, причем тут ваши косы?

Ладрос печально ухмыльнулся, потеряв свои косы, но ответил Кэл:

– Светлые обмениваются брачными браслетами, а эльфы плетут косы. Когда ты заплела мои волосы, то дала всем понять, что имеешь на меня брачные виды, и еще пометила, как свою собственность, – вплела в косу свою вещь... подарок. Когда ты разрешила мне заплести свои – дала согласие на брак со мной, и с того дня являешься моей собственностью и женой. Для всех! Дальше Черный Тринимак освящает союз, и после обряда на запястьях и ушах супругов проявляются брачные метки. Только если брак истинный! В отличие от светлых, наши браки нерасторжимы.

Нервно прикусив губу, я вспомнила «элу» и «ану». Да, Ладрос не ошибался, когда обращался ко мне как женщине эльфов. Что ж, я не против. И заодно уточнила:

– То есть, мы уже женаты?!

– Да, единственная моя, мы уже женаты.

– А две косы что означают?

– Одна означает, что эльф женат, две – счастливый обладатель не только жены, но и потомства. Две косички у лица, как у Даэрона, заплетают, чтобы сообщить всем об официальной помолвке эльфа. Но мы с тобой, слава Черному, проскочили этот период. Надеюсь, ты простишь, что я промолчал об этом, когда мы заплетали косы в первый раз.

Он усадил меня перед собой и принялся переплетать мои волосы. А я расслабилась и растеклась мягким воском под его ласковыми руками, массирующими кожу головы. Мр-р-р! И даже не заметила, как, привалившись к его груди с блаженной улыбкой, заснула, укутанная его теплом, как одеялом.

Глава 17

На следующее утро драконы спешно улетели, а мы с оборотнями отправились в совместный путь. Через несколько часов наша компания вышла на широкую дорогу и вечером, к моему удовольствию, остановилась

в придорожной таверне. Все-таки ночевать под крышей, на кровати, да еще после плотного ужина вымыться с мылом в лохани гораздо приятнее, нежели терпеть неудобства похода в лесу. Спала я вместе с Кэлом, но слишком далеко он не заходил, будучи постоянно настороже в чужом многолюдном месте, да и о нашей договоренности у ручья помнил.

Сразу после завтрака, не дожидаясь спутников, я вышла из таверны и, подняв лицо к солнцу, счастливо зажмурилась, впитывая его тепло, ароматы свежесвеженного хлеба и влажной от росы земли. Из мечтательно-созерцательного состояния меня вывел топот копыт и едкий голос, заставивший похолодеть и в ужасе втянуть голову в плечи:

– Так-так, Эленаль, наконец-то я нашел свою прекрасную невесту-беглянку. И где? На полпути к краю мира!

Бэор плавно спешил с белоснежного жеребца и приблизился ко мне, при этом очень внимательно рассматривая. Видимо искал изменения, которые произошли со мной за полтора месяца после побега из Дома Аундаэ. Испытав минутный страх, я мысленно одернула себя: «Чего я боюсь? Его? Так незачем! Да, я изменилась! Мне помогли в дороге люди и эльфы. Я лучше узнала себя, свою силу и слабости. Пережила столько, сколько и представить не могла. Сейчас я уверена, что могу справиться со многими проблемами: и с Бэором, и со своим папочкой! Теперь я темная ана, а не светлейшая эла, – этим все сказано».

Я распрямила плечи и, задрвав подбородок, недоуменно презрительно выгнула бровь.

– Приветствую вас, эл Бэор! Странно слышать ваши слова насчет невесты. Насколько помню, я согласия не давала ни на помолвку, ни на брак, поэтому мне неприятна ваша бесцеремонность, и еще более претит причина, по которой вы меня искали!

Сработало! Он удивленно поднял брови, но довольно быстро пришел в себя. Усмехнулся и по-новому взглянул на меня, с долей уважения даже.

– Девочка, эль Бельфалас сдерет с тебя прекрасную шкурку, если поймает сам. Он тебя ищет, надеюсь, ты мне веришь! Поэтому лучше поезжай со мной и становись моей женой как можно скорее, чтобы получить покровительство рода Сарендаэ.

– Это невозможно, эл Бэор, и не только потому, что я не люблю вас и презираю, но и потому что я уже замужем.

С каждым моим словом с лица светлого зазнайки испарялось снисходительное выражение, сменяясь яростью и гневом. Он стоял слишком близко ко мне, по-русски – массой давил, но я решила: ни шагу назад.

– Мне все равно, Эленаль, о чем ты сейчас болтаешь. Ты поедешь со мной и станешь моей женой и матерью моих детей. Естественно, как только смогу убедиться, что ты не носишь чужого ублюдка.

Сначала я разозлилась, а потом мне стало жаль Бэора. Посмотрев на него с жалостью и презрением, я ответила:

– К вашему невезению, светлый эл, я не только не буду вашей женой, но и не собиралась никогда, что бы вам там не обещал Бельфалас. Ваш гнев, поиски и старания бессмысленны. Ни вы, ни он не смогли бы заставить меня родить вам наследников.

– Разве ты бесплодна, Эленаль? Успокойся, Галдор сказал, что ты совершенно здорова.

Я досадливо покачала головой и снова возразила:

– Я подарю детей только одному мужчине в этом мире. Все остальное неважно, потому что я слышу и чувствую его своим сердцем. Оно бьется в унисон с его, и этого не изменить уже никому. Я принадлежу своему мужу телом и душой. Мы, как видите, уже заплели косы. Это навсегда.

Наконец-то до него дошел смысл сказанного. Он в бешенстве посмотрел мне через плечо. Я медленно обернулась и увидела мужа, в глазах которого смешались радость и ярость. Да уж, Бэору в случае чего не поздоровится. Тем более за спиной Кэла приготовились к схватке пятеро наших друзей и телохранителей.

Бэор побледнел и с ненавистью выплюнул:

– Вы оба еще пожалеете об этом!

И, резко развернувшись, пошел прочь, взяв коня под уздцы. Шестеро его спутников-эльфов торопливо последовали за ним. Кэлэбриан проводил сумрачным взглядом бывшего соперника, повернулся ко мне и обнял. Поднял мой подбородок и, заглянув в глаза, настойчиво спросил:

– Это правда, любимая? Твое сердце тоже слышит меня? Ты моя навсегда?

У меня глаза защипало от слез. Ласково погладила Кэла по щеке, наслаждаясь теплом и гладкостью кожи, а потом прошептала:

– Да, любимый, правда! Я твоя с потрохами. Навсегда! Представляешь, как долго тебе придется со мной мучиться и терпеть?!

Он еще крепче прижал меня к себе, поднял и, неистово целуя мое лицо, повторял:

– Моя! Только моя! Никому не отдам! Моя!

Нас прервал насмешливый голос Ладроса:

– Давайте выбираться из этого осинового гнезда! У вас теперь вся жизнь впереди, успеете еще насладиться друг другом.

Недовольство первого наследника не произвело на Ладроса впечатления, и он подвел мне оседланную Росу и терпеливо ждал, когда мы оторвемся друг от друга.

Как выяснилось прошлым вечером, воины, сопровождавшие наследника, были не из «простолюдинов». Ладрос возглавляет свой Высокий Дом, а остальные являются наследниками разной очереди в других. В общем, представители пяти темноэльфийских Высоких Домов были рядом со своим будущим повелителем в путешествии и поиске таинственного артефакта, способного снять проклятие.

Кэл посадил меня в седло, вскочил на Темного, и мы пустились в путь. До границы оставалось всего два дня и еще один до столицы темных.

Глава 18

Мы заночевали на границе, с трудом отыскав небольшую сухую полянку в болотистых низинах, сквозь которые пробирались целые сутки. Завтра мы ступим на твердую землю, которая станет моим новым домом. И я ждала этого с радостным трепетом, но не без опаски, несмотря на заверения спутников, что Повелитель и Главы Высоких Домов примут меня без оговорок и осуждения Кэлэбриана.

Я заснула, лениво глядя на костер и чувствуя на лице дыхание Кэла, обнявшего меня сзади и согревавшего своим телом. Я настолько привыкла постоянно чувствовать его заботу, спать вместе с ним, слушая биение его сердца, даже плести косы, что уже не представляла другой жизни.

Проснувшись я, ощутив опасность каким-то шестым чувством и увидев, что Кэла не было рядом. Оказалось, эльфы уже на ногах и подкладывают дрова в костер, увеличивая освещенное пространство. Лошади хрипят и бешено в ужасе вращают глазами, но, накрепко привязанные к деревьям, не могут сбежать.

Я резко вскочила, поправила одежду, подошла к мужчинам и спросила, предполагая самое ужасное:

– Что-то случилось?

В этот момент послышался заунывный вой, продирающий до самых костей, заставляющий кожу покрыться холодным потом.

Кэл толкнул меня на землю и встал в боевую стойку, широко расставив ноги и выхватив длинный клинок и короткий кинжал. Остальные заняли оборонительную позицию вокруг нас. Я подняла глаза и застыла с застревшим в горле криком. Из сырой, болотной темени выступали

невысокие, казалось, бесплотные тени. Темные балахоны клубились вокруг их тел плотным черным туманом – ощущение, что позади них реют крылья. Бледные пятна лиц и белесые патлы, неровными прядями свисающие на плечи и лицо. Черные провалы глаз и красная нитка рта с жуткими иглами вместо клыков. У меня на голове от страха зашевелились волосы, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Сколько же их?!

Никаких разговоров. Молчаливый осмотр будущего обеда – и кошмарные тени со всех сторон ринулись на нас со всех сторон. Они хотели разъединить нас, с кошмарным воем нападали скопом и, хватая одного, откидывали его в сторону. Я скулила, сжавшись в комочек, и беспомощно следила за битвой. Эльфаны крутились смертельными волчками, раскидывая вампиров и рубя им головы. Но кровососов было много, слишком много! Щедро лилась кровь и не только вражеская. Почти все эльфаны были не единожды ранены и истекали кровью, постепенно слабея.

Меня схватили за волосы и потащили из-под ног яростно сражавшегося Кэла. Завизжав, я начала отчаянно брыкаться, хвататься за землю руками и ногами. Меня отпустили, но, к своему ужасу, своими криками я отвлекла внимание Кэла. Это стоило ему очень многого – он получил удар в грудь своим же собственным кинжалом. Больше я ничего не слышала, а видела только полный муки и отчаяния взгляд любимого, понявшего, что больше не в состоянии защитить меня от вампиров. Он медленно опускался на землю, смотрел на меня, не отрываясь, а у меня в груди разгорался пожар.

– Я никому не позволю забрать его у меня! Никому! – зарычала я.

Всплеск силы, и я перестала контролировать свое тело, словно со стороны стала наблюдать за происходящим. Вытянула руки, объятые пламенем, и направила огненную струю, словно из земного огнемета, по злобным упырям.

Вампиры дико завизжали, сгорая заживо. Я довольно ухмылялась, настигнув очередного:

– Вот тебе, тварь, вот тебе, подавись!

Из кучи поджаренных монстров вылез израненный до неузнаваемости Ладрос и вытянул за собой Даэрона. Потом Дэнэтор с облегчением обнаружил, что остался в окружении пылающих бегающих головешек.

Гритнир, стоявший над Вайрэ, лежавшим без сознания, проткнул вампира клинком за мгновение до того, как тот вспыхнул. Мое пламя, накормленное до отвала, радостно пело и желало поиграть еще. Живых врагов не осталось, а оно все равно требовало дать ему пищу. И только

благодаря смертельно уставшим темным воинам, испуганным моим обликом, я смогла вернуть контроль над собой и приказала огню успокоиться. Ворча и сопротивляясь, он снова улегся у меня внутри маленьким огнедышащим дракончиком.

Я упала на землю и мотала головой, приходя в себя. Огляделась и увидела рядом Кэлэбриана с торчащим из груди кинжалом. Подвывая от страха и отчаяния, подползла вплотную, проверила, бьется ли его сердце. Услышав мелкий нитевидный пульс, облегченно вздохнула и решительно взялась за рукоятку. Выдернула нож из груди, откинула его в сторону, приложила руки к ране, из которой маленьким фонтанчиком полилась кровь, и принялась за дело.

Кроме ран любимого меня ничто не интересовало. Я ушла в себя и замерла в таком положении, пока не почувствовала, что ему гораздо лучше. Мой мужчина был без сознания, но живой и вне опасности! Повернувшись к темным, с тревогой наблюдавшим за мной, и прошептала: «Он будет жить»! Эльфаны заметно расслабились. Недолго думая, я на четвереньках подползла к Даэрому, которому проклятые вампирыги практически оторвали руку, и он потерял много крови.

После у меня почти не осталось сил, я посмотрела на других, ощущая, что даже в глаза будто песка насыпали, и прохрипела:

– Кто еще из вас смертельно ранен?

Трое закаленных в боях мужчин смотрели с пониманием и горечью. Они не жаловались, но, увидев Вайрэ, который уже терял сознание, беспомощно привалившись к ногам брата, я попросила:

– Дэнэтор, помогите мне добраться до Вайрэ, хотя бы кровотечение остановлю, а дальше сам справится.

Спорить со мной темные не стали. С трудом поднялись и принесли ко мне друга. Каким-то чудом мне удалось помочь тяжелораненому, а затем я отключилась.

Глава 19

Я никак не могла открыть глаза. Хотелось, как в одном старом советском фильме ужасов, сказать: «Поднимите мне веки!» Но голос меня тоже подвел, выдав жалкий хрип. Тем не менее, этот звук словно запустил вокруг меня движение. Кто-то забегал, кто-то зашевелился.

– Она очнулась! – услышала я радостную новость.

Затем мне в рот полилась вода. Я с наслаждением пила живительную

влагу, мысленно благодаря невидимого спасителя. Через пару минут я все-таки приоткрыла глаза и, вздохнув с облегчением, поняла, что нахожусь в наполненной мягким светом большой комнате, обитой дорогой тканью, и утопала в мягкой перине на кровати поистине царских размеров. Надо мной склонился Кэлэбриан. Я счастливо улыбнулась, испытывая ни с чем несравнимое облегчение! От счастья слезы потекли по моим щекам.

Кэл, мой темный герой, жив и, кажется, вполне здоров. Он ласково касался моего лица ладонью, вытирал слезы и нежно шептал, с любовью глядя в глаза:

– Все хорошо, девочка моя, мы дома. Все живы-здоровы, и ты, наконец-то, пришла в себя. Ты спасла нас, любимая! С виду такая беспомощная малышка, а внутри вон какая пламенная!

Я улыбнулась еще шире и потянулась рукой к щеке моего темного героя.

– Я так сильно тебя люблю! Это из-за твоей боли проснулся тот огонь, любовь моя! – с благоговением шептала я.

Кэл понял, что я хочу сделать, взял мою ослабевшую руку и поднес к своей щеке. Наслаждаясь прикосновением к его горячей гладкой коже, я радостно выдохнула:

– Вы оказались правы, на меня вампирское проклятие не действует! К счастью, а то я боялась уснуть, как остальные, и еще долго не смогла бы посмотреть в твои серебристые глаза!

– Нет, здесь проживают представительницы других рас, и для них проклятие не опасно. Оно действует только на женщин эльфов, – раздался приятный мужской голос, заставивший меня оторваться от любования мужем и повернуть голову.

Возле кровати в креслах сидели Ладрос и мужчина средних лет, поразительно похожий на Кэла. Ой, нет, это Кэл похож на него. Я судорожно сглотнула и прошептала, непроизвольно вцепившись в руку мужа:

– Здравствуйте, эээ...

– Ан Кирдан Даэбран! Отец твоего мужа, а теперь и твой, дочь моя Эленаль!

В голове немедленно раздался тоскливый стон, и засвербела тревожная мысль: «Еще один? Боги, третьего папочку, уже темного эльфа, я просто не переживу!» Тупо кивнула, соглашаясь и не вполне соображая. Отметив мою нерадостную мину, Повелитель и Ладрос расхохотались, а Кэл ласково усмехнулся, осторожно придвинулся ко мне и обнял. Я смущенно уткнулась ему в грудь и снова заснула.

Два дня меня не выпускали из кровати, заявив, что я полностью истощена как магически, так и физически. Кормили по часам, словно младенца. Кэлэбриан практически не отходил от меня, даже сам выносил на балкон подышать свежим воздухом и все время прикасался, словно не веря своему счастью. Повелитель тоже заходил несколько раз и не просто отметить: мы довольно весело проводили вместе время и, помимо прочего, разговаривали о моей жизни.

Кирдан оказался мудрым эльфаном и хорошим собеседником, с которым было интересно говорить о прошлом и настоящем. Прошрое забывалось, таяло, словно туман, оставляя смутные образы и воспоминания. И только образы родителей не меркли – я все еще страдала от разлуки и не могла отпустить. Зато «светлая» полоса моей жизни немало позабавила и впечатлила своим разнообразием и насыщенностью моего-почти-свекра.

Наведывались и мои героические спутники, надо сказать, весьма преобразившиеся по возвращении домой. Эти нарядные темные воины долго топтались в дверях, а потом, опустившись на одно колено, принесли клятву долга, чем немного меня расстроили. Я пыталась им объяснить, что поступила так, потому что люблю Кэла и считаю их своими добрыми друзьями, а поэтому нечего передо мной на колени падать. Клятву они не отменили, насчет дружбы сказали, что для них это большая честь и сплошное удовольствие. Пожелали скорейшего выздоровления и откланялись с чувством выполненного долга.

Через три дня я спросила Кэлэбриана о «процедуре бракосочетания», чем вызвала у него огонь в глазах и желание безотлагательно развернуть деятельность по организации нашей свадьбы.

Управился мой-почти-муж быстро: через три дня я изумленно пялилась на свое свадебное, абсолютно черное платье, украшенное множеством драгоценных камней, и пыталась на этот счет не острить, задавая вопрос прислуге – женщине-человеку: «Сегодня будет свадьба или чьи-то похороны?»

Накануне я прошла по Дворцу Повелителя, волей богов ставшему моим новым домом, и с огромным облегчением убедилась, что это, скорее, несколько больших домов, объединенных в единый архитектурный ансамбль, наполненный светом и воздухом, окруженный пьянящими ароматами цветов и трав, растущих повсюду. Прекрасный дворцовый парк не уступал по красоте Светлому лесу.

Всем оказался хорош новый дом, если бы не одно «но», большое и печальное: вчера, во время моего официального представления Темному

Двору, в тронном зале была лишь одна женщина – я.

Пятеро Глав Высоких Домов, одним из которых является Ладрос и еще четверо могучих эльфанов, с пристальным любопытством изучали меня. Каждый из них лично поблагодарил за помощь и спасение своих наследников, чем ввели меня в еще большее смятение. Но, главное, в их глазах не было презрения, которым меня неизменно поливали светлые сородичи.

Я поняла, что здесь меня уважают и довольно высоко ценят умения и способности, ведь мне очень важно стать не просто красивым приложением к Кэлэбриану, но и найти занятие, которое принесет пользу соплеменникам и удовлетворение себе лично.

Затем мне выказали почтение главы более скромных родов, и так далее. Короче, на представление эльфам ушел весь день. Кэл пообещал, что после свадьбы сводит меня в Харпис и познакомит с матерью и сестрой. Точнее, покажет родных женщин. Жаль, что их не будет на церемонии освящения брака.

Сегодня день моей свадьбы, а я сижу в ванне и трясусь от страха: вдруг что-нибудь пойдет не так? Вдруг Тринимак откажет в своей милости? А вдруг? Столько «вдруг» крутилось в голове, что я никак не решалась надеть свадебное платье. На мое счастье, явилась дородная женщина-человек и, рывком вытащив меня из воды, начала растирать полотенцем, при этом добродушно бурча про «глупых молодых девиц, не верящих в свою удачу», и так далее и тому подобное. Все время, пока меня одевали и украшали волосы цветами, она по-матерински меня наставляла, но, как ни странно, взбодрила и вернула в нормальное состояние.

На площадку перед священной пещерой Черного Тринимака я въехала на опять ставшей белоснежной Росе, вызвав вздох восхищения у толпы мужчин эльфанов, собравшихся здесь в огромном количестве, чтобы засвидетельствовать заключение брака. Кэлэбриан, статный и красивый, одетый в черный длинный бархатный камзол и черные кожаные штаны, ждал меня вместе с отцом и жрецом.

Как только я подъехала, муж-жених подошел ко мне и бережно снял с лошади. Мы стояли, держась друг за друга, не в силах оторвать взгляд. Его серебристые глаза-озера сверкали и искрились затаенным внутренним светом, предназначенным мне одной, и желаниями, пока для меня тайными. Наверное, я выглядела также, а еще взволнованной и немножко испуганной.

Взявшись за руки под щемящие сердце прекрасные звуки свирели, мы вошли в пещеру. Привыкнув к полумраку, я с любопытством осмотрелась:

огромная площадка под высокими сводами, испещренными множеством символов, вырезанных, выжженных и выложенных мозаикой. По стенам тянулись темные ветви незнакомого растения с толстыми кожистыми листьями, которые, подобно корзине без дна, оплели небольшой участок в центре пещеры.

Мы направились туда, ступая по серой золе, поднимая в воздух небольшие плотные облачка пыли. Скоро мы словно в тумане шли, уже по пояс окруженные пыльным облаком. Войдя внутрь «корзины», встали друг напротив друга, а жрец остановился рядом с кинжалом в руке. Стало страшно. О подробностях церемонии рассказать мне никто не удосужился, а спросить сама просто запамятовала.

Звуки музыки становились громче и смешивались с речитативом жреца. А тот, закрыв глаза, словно ушел себя, и только его торжественный голос жил сам по себе и под аккомпанемент свирели возносился под гулкие своды. Площадка у наших ног потемнела, ветви и листья, окружающие нас, стали практически черными. Жрец, не переступая какую-то невидимую границу и продолжая торжественную песнь, протянул руку с кинжалом, а Кэлэбриан взял мою руку и протянул ее жрецу. Я ждала развязки, но ничего не происходило, только песня звучала да возникла в груди странная дрожь.

Неожиданно в воздухе замелькали черные огоньки и завертелись, закрутились вокруг нас, словно звездная пыль. Странно, как они могут сверкать, будучи абсолютно черными?! Очарование момента прервала резкая боль, полоснувшая по руке. Я взвизгнула и хотела ее отдернуть, но не смогла. Оказалось, этот гадский жрец проткнул насквозь наши руки, соединив кинжалом. А ведь так хорошо пел! Кровь из ран текла на черные ветви растения-корзинки, и оно разбухало и наливалось чернотой еще больше. Я как будто отключилась и снова парила там, в ничто и нигде, а в голове раздался голос «черного пятна»:

- Любишь?
- Люблю! Больше жизни люблю!
- Счастлива?
- Да! Благодарю тебя!
- Хочешь остаться с ним навсегда и разделить его судьбу?
- Да! Да! Да! Конечно. Только с ним!
- Хорошо, дитя мое, ты заслужила благословение! И позаботься о моих детях!
- Э-э-э... хорошо, я постараюсь...
- Я знаю, дитя мое! Прими мой свадебный подарок, чтобы больше ничего не отвлекало тебя от этого мира!

Темнота и вязкая серость пропала, а я увидела картину, от которой душа плакала от счастья и облегчения. Я словно зависла и, никем не видимая, наблюдала за происходящим в другом мире. Моем старом мире, о котором я уже многое забыла, но никак не могла отпустить самое главное.

В небольшой, уютной больничной палате женщина кормила грудью младенца, с таинственной счастливой улыбкой наблюдая за его личиком. Рядом с ними в белом халате сидел мужчина и с благоговением и восхищением смотрел на них. Он едва сдерживал слезы счастья.

Постучавшись, в палату вошла женщина-врач и, вежливо поздоровавшись, негромко сказала, с улыбкой глядя на сразу забеспокоившихся родителей:

– Не волнуйтесь, Сергей Васильевич, все хорошо. Несмотря на преждевременные роды, ваш сын Максим Сергеевич абсолютно здоров. Никаких патологий и отклонений. Можно хоть сейчас в армию.

Лицо у отца стало угрюмым, когда тот услышал последнее замечание. Врач улыбнулась, попрощалась и вышла. А я, зависнув под потолком, одновременно с болью и радостью наблюдала за своими родителями и новорожденным братиком. Значит, у нас родился Максимка! Вниманием родителей опять завладел маленький прожорливый мальчик, с жадностью сосавший грудь, и они смотрели на него с трепетом и любовью.

Мама подняла сияющие глаза от сыночка и спросила у папы:

– Сереж, я верю, что Лена, она... она знает, что мы... все равно любим и помним ее?

Папа помолчал, слегка нахмурился и с болью в голосе ответил, ласково погладив маму по плечу:

– Ань, я тоже уверен, что она знает, по крайней мере, чувствую это сейчас. Она знает и теперь будет спокойна. Мы любили, любим и всегда будем любить ее и теперь Максимку. Помнишь, как она была счастлива, узнав о ребенке. Я до сих пор благодарю Бога, что решил тогда ей о нем рассказать. Я рад, что она знает: мы теперь не одни... и мы всегда рядом с ней...

Дальше меня затянула жуткая черная воронка и, подобно волне, выкинула в темноту, из которой я вынырнула, судорожно трепыхаясь. Открыла глаза и через несколько секунд различила склоненное ко мне встревоженное лицо Кэлэбриана. Облегченно вздохнула, отпуская на свободу былое и принимая в сердце и душу любовь и радость. Теперь это точно мой мир. Я обняла мужа за шею, прижалась всем телом, счастливо улыбаясь новому дню. И только потом до меня дошло, что наши ладони уже разъединены, целехонькие, а сама я у мужа на руках. А вокруг

встревоженные Повелитель, Ладрос, главы Домов, жрец...

Кэлэбриан с тревогой посмотрел на меня:

– С тобой все хорошо, любимая?

– М-м-м! Да, вообще-то! Просто боги последние супружеские наставления давали и подарки вручали, поэтому отключилась, наверное, – я вроде бы пошутила, но гости недоуменно уставились на меня.

В этот момент меня цапнули за уши и обожгли запястья. Я вскрикнула и с шипением потеряла уши, а потом удивленно стала рассматривать появившиеся на руках широкие ажурные ярко-черные тату-браслеты, которые довольно быстро светлели, впитываясь в кожу. Уже через минуту от них остался едва видимый бледно-серый след. И то только потому, что у меня кожа очень светлая, в отличие от темноэльфийской.

А вот «тату» на ухе Кэла растаяло практически полностью, можно различить рисунок только если очень хорошо присмотреться. Но, чувствую, на моих белых ушках расписные узоры будут видны очень хорошо. Жуть!

Раздался общий восхищенный вздох. Сотни мужчин, вместе со мной рассматривали растение, которое мы с мужем недавно обильно поливали своей кровью. Оно начало цвести! Огромные чернильно-черные цветы с махровыми лепестками расцветали в корзинке и разбегались по стенам и полу. Скоро вся пещера была похожа на сплошной цветочный ковер и начала благоухать ярким, насыщенным, кружащим голову ароматом.

Как только свидетели божественной воли почувствовали аромат, словно по команде ринулись на выход, подталкивая друг друга. У меня от этого зрелища глаза на лоб вылезли. Недоуменно посмотрев на довольного и чересчур счастливого мужа, я спросила:

– Что это с ними, а? Может нам тоже пора отсюда, пока не поздно?

Кэл горячим взглядом окинул мою фигуру в черном платье и, взяв лицо в ладони, нежно поцеловал. Потом, отстранившись, хриплым голосом, от которого у меня по спине побежали мурашки, проорчал:

– Этот запах-х-х-х-х – сильнейший афродизиак. Чтобы никто и ничто не могло отвлечь новобрачных от главного дела – подарить Тринимаку потомство. Но наши женщины спят, поэтому мужчины удрали, чтобы не мучиться болью в одном месте, не в силах облегчить ее с возлюбленной.

– Ага, понятно-о-о-о!..

Покинув темноэльфийский «дворец бракосочетаний» в одиночестве, мы спешно вернулись домой и, отказавшись от ужина, уединились в покоях первого наследника. Очутившись в кровати, я в нерешительности застыла. Яркое солнце проникало в спальню, ласкало кожу, стирая неуверенность и страх. Кэлэбриан разделся слишком быстро, не скрывая от меня ничего, встал коленями на кровать и подался ко мне. Я с восхищением смотрела на длинную косу, спускающуюся по обнаженной великолепной груди к серым волосам в паху. На мускулистые бедра, большие руки, которые, я знаю точно, могут разить врага, а могут быть ласковыми и нежными. Мой муж был уже готов и глядел на меня сверкающими, голодными от желания глазами.

В каждой клеточке моего тела, которой он коснулся взглядом, разгорался стремительный пожар. Я рывками расстегнула на груди маленькие пуговички и, распустив шнуровку сбоку, стянула платье и осталась в тоненькой короткой сорочке на бретельках тоже черного цвета. Посмотрев на мужа, увидела, от чего же его взгляд полыхнул ярче лесного пожара. Моя грудь, слегка прикрытая черным шелком, высоко и часто вздымалась. Цвет рубашки великолепно сочетался с моей алебастровой кожей.

Горячие руки Кэлэбриана гуляли по моим длинным гладким ногам. Каждое его прикосновение рождало томление и огонь, бегущий по венам. Он медленно гладил меня все выше, лаская каждый кусочек моего тела, затем положил ладони на грудь. Сначала он пальцем аккуратно спустил бретельку, а потом рванул рубашку пополам, оголяя мое тело. Ну и черт с ней, зато глаза моего мужа полыхали расплавленным серебром.

Прикрываться не стала, помня, какое наслаждение могут дарить его губы, и с радостью отдалась его воле. За эту ночь муж перецеловал меня вдоль и поперек, облизал с ног до головы, а любил столько раз, что к утру я уже ничего не соображала. Казалось, я растворилась в нем подобно брачным тату-браслетам. В его темно-серой коже, с выступающими литыми мышцами, шелковых волосах и серебристых глазах-озерах, которые ловили мой взгляд. Я испытывала ни с чем не сравнимое удовольствие раз за разом, и каждый наш полет в страну чувственных наслаждений был не похож на другой.

Кэлэбриан изучал мое тело руками, губами и всей своей кожей, запоминая его и наполняя своим ароматом, словно ставя на мне дополнительную печать, как будто ушей и запястий не хватает. Три дня мы не вылезали из кровати, словно в пьяном угаре, не в силах разъединиться или разлепиться. Только иногда прерывались на сон и короткий перекус.

Спасибо прислуге, не забывавшей нас кормить.

На четвертый день мы вышли из спальни, я – так точно не без помощи магии. Теперь непременно вместе с другими свидетелями буду убегать из той волшебной пещеры, как только увижу цветочки. А то меня любовно-постельная «лихорадка» до изнеможения довела: в последний день двигаться мог только Кэл, а я довольным классическим бревном лежала без сил, принимая его ласки.

С помощью магии я почувствовала, что семя Кэла дало всходы, о чем сразу сказала ему. Как оказалось, поступок был опрометчив. Вырвите мне кто-нибудь за это язык. Муж сопровождал меня повсюду, держа под локоток, словно немощную. Повелитель наблюдал за этим и тайком утирал слезы умиления, посматривая на совершенно плоский живот. Скажите на милость, что он там мог увидеть?! Придворные мужи и прислуга расшаркивались, стороной обходя меня по широкой дуге, чтобы, не дай Черный Тринимак, задеть.

Как в окружении одиноких, практически ничем не занятых, кроме боевых тренировок, мужиков постоянно не помнить о несчастных спящих женщинах? Пока я тут одна, меня заботой и любовью просто задавят. Да еще токсикоз не заставил себя долго ждать, и глаза чуть что на мокром месте.

Короче, я больше скрывалась в наших покоях или живописном парке, примыкавшем к подножию горы, чем расхаживала по дворцу и мозолила всем глаза. Как-то, в одно прекрасное утро, я убедительно попросила Кэла, ходившего за мной озабоченной тенью, ненадолго, ну хотя бы до вечера, оставить меня в покое. А сама, по-русски говоря, до посинения насидевшись в покоях, отправилась исследовать дворец, стараясь никому не попасться.

Проплутав часик по еще неразведанным коридорам, я заметила подозрительную черную арку и лестницу, ведущую вниз. Недолго думая, воровато оглянувшись по сторонам, тем более, опасений не возникало, медленно спустилась на небольшую площадку. Дальше я уперлась в двустворчатые двери, расписанные охранными рунами, с которыми меня знакомил Галдор. Неужели дворцовая сокровищница! Как я ее по сказкам представляла. Как интересно!

На удачу положила ладони на двери и почувствовала легкую вибрацию и тепло. Подналегла и открыла вход в огромную пещеру. Чувствуя себя Али-Бабой, попавшим в пещеру сорока разбойников, ни больше не меньше, вошла внутрь и обомлела, рассмотрев, что за сокровища здесь спрятаны.

Видимо, переход в эту темную, сводчатую, настоящую горную пещеру

к Дворцу Повелителя просто пристроили. Темнота рассеивалась маленькими магическими светлячками, плавающими в воздухе в огромном количестве. Все подземное пространство, конца которому не видно, было заполнено стеклянными гробами. Да сколько же их здесь?! Тысячи и тысячи? Некоторые закреплены вертикально вдоль стен, другие стояли на постаментах, но только таким образом, чтобы можно было в любой момент откинуть крышку.

Я в шоке рассматривала лежащих в них женщин, медленно двигаясь по проходу, пока не вышла в центр огромного зала к двум стеклянным гробам, украшенным золотой росписью. Вокруг них были расположены больше двадцати гробов, образовавших двойное кольцо. Похоже, это жена повелителя и его дочь, а вокруг «спящие красавицы» Высоких Домов. Я постояла рядом с сестрой Кэлэбриана Мильсигран, а затем, увидев возле соседнего гроба, нет, лучше сказать хранилища, супруги Повелителя Иссиль стул, присела.

Грандиозный масштаб проклятия поразил меня, но страха, странным образом, я не испытывала. Неуверенно и осторожно открыла крышку – хотя бы самой убедиться, что эти несчастные эльфийки живые, а не мертвые. И почувствовала легкий аромат, напоминающий жасминовый. Затем коснулась кончиками пальцев серого лица Иссиль и почувствовала ее теплую и нежную кожу. Светло-серые косы лежали на груди, руки сложены на животе. Тонкие красивые руки, наверняка дарившие своим детям и мужу любовь и ласку. Симпатичная жена у правителя, вот только «почивает» в темно-зеленом бархатном платье, украшенном серебристой вышивкой, и красивых черных туфельках. А так с виду обыкновенная спящая женщина. И слово вспомнилось подходящее – стазис.

Неожиданно мое внимание привлек небольшой кулон в виде хрустальной слезы на тонкой изящной цепочке, обвивавшей стройную шею Иссиль. Коснулась его пальчиком и загрустила, тоскливо глядя на вместилище скорби и печали целого народа. Столько судеб разрушено проклятым вампиром. Он погубил не только свой род, но, возможно, и весь народ элфанов. А эти женщины больше ста лет вынуждены витать неизвестно где, пока их мужчины страдают в одиночестве и бессилии.

А я должна за всех отдуваться... Не выдержав, начала выплескивать боль, скопившуюся в груди, жалуясь на токсикоз, чересчур навязчивую заботу и внимание. Из-за которых снова чувствую себя словно в ловушке или больнице. Забыв обо всем на свете, уткнулась в теплое бархатное плечо Иссиль и всплакнула над ее трагической участью. Слезы катились по моим щекам, падали ей на грудь. Ну никак я не могла остановиться, до чего жаль

стало их всех.

Ну почему, почему в этом мире случилась такая беда? Темные достаточно заплатили за свои ошибки. Должно же проклятие когда-нибудь закончиться! А то лежат тут, лежат! Вставать пора, там мужики совсем одни, сами страдают и мне жить спокойно не дают. Горько шмыгнув носом, отстранилась от женщины и заметила, что своими слезами залила ей всю грудь, и платье вон в мокрых темных пятнах. Еще раз всхлипнув, протянула руку и высушила платье, а потом попробовала целительскую силу.

И ничего! Никакого отклика!

Тяжко вздохнув, я вытерла слезы и стряхнула с руки. Ой, снова капельки попали Иссиль на грудь, а одна росинкой осела на кулоне. И вдруг хрустальный кулон-слеза засверкал и заискрился, разбрасывая множество ярких бликов. Дальше еще чуднее: из него начали исходить золотистые искорки и они, словно попав в воздушный поток, уносились вверх. Их становилось больше и больше, а воронка – шире и шире. Вскоре блестящий вихрь охватил все вокруг вместе со мной.

Я заворуженно испуганно смотрела на золотистый ветер, пустившийся гулять по пещере, пока не почувствовала чей-то взгляд. Посмотрела вниз и увидела, что Иссиль открыла свои красивые серебристые глаза, такие же, как у ее сына. Она тяжело вздохнула и сказала:

– Мне жаль, дочь моя, что тебе в моем доме пришлось не очень сладко. Скоро мы все исправим. Я рада, что мой сын, наконец, обрел свое сердце. Было так тяжело год за годом чувствовать их боль и печаль, не в силах помочь, успокоить, разделить их ношу и одиночество. Благодарю тебя, дитя мое, ты наконец-то разбудила меня. Хотя, знаешь, у тебя такие горячие слезы, что если бы я могла, вопила бы от боли. Но пробуждение того стоило. А теперь помоги мне встать, а то я отлежала себе все бока.

Она внимательно посмотрела на меня. Я же зачарованно слушала ее, не в состоянии понять смысл. Но как только она протянула мне руку, я завопила от ужаса и ринулась прочь. Тем временем вокруг поднимались крышки «гробов», придавая мне ускорения, пока я с криком не впечаталась в чью-то грудь. Подняв глаза, я уставилась на Кэлэбриана, испуганно глядевшего на меня, и потеряла сознание.

Как потом выяснилось, в себя я пришла поздно вечером. Открыв глаза, не сразу определила, где нахожусь, но тут надо мной с любовью и нежностью склонился Кэл. Немного успокоившись, я хрипло прошептала:

– Скажи, это был сон с гробами или явь? А то мне кажется, что я сошла с ума. Совсем!

– Нет, любимая, не сон, ты спустилась в Харпис, а защитная магия,

признав тебя как свою, пропустила внутрь. В это до сих пор никто не может поверить, но ты своими горячими слезами сняла проклятье и разбудила женщин. Сейчас здесь такая суматоха творится. Многие живут в нескольких днях пути от Варгоса, и для них сейчас собирают повозки и сопровождение из неженатых эльфов. А то столичные супруги, воссоединившись друг с другом, закрылись по домам и носа не показывают. Чувствую, через год у нас будет большое прибавление.

Всюду разослали гонцов – сообщить радостную весть о снятии проклятия, потому что другим домам нужно забрать своих женщин. Они ослабели и без помощи не справятся. Но все равно, это надо было видеть, когда одну за другой их выносили из Харписа и отдавали семьям. Столько слез, счастья и радости Варгос не видел никогда. И все благодаря тебе, родная моя. Скоро во дворец хлынет толпа желающих выразить тебе искреннюю благодарность и восхищение. Ты теперь героиня – хрустальная слеза эльфов, сердечко мое непоседливое!

Он рассказывал это с легкой насмешливой грустью, будто бы сам до конца не верил. Гладил мое лицо и успокаивал, когда я запаниковала, услышав про благодарность:

– Не бойся, любимая, вместе мы со всем справимся. Это приятные хлопоты.

– Как хорошо! – Я довольно потянулась к нему за поцелуем.

Кэл окинул меня горячим взглядом и быстро, нетерпеливо начал сдирать платье. Едва оно оказалось на полу, прильнул ко мне напряженным телом. Судорожно вздохнув, я погладила его скулы и, приподнявшись, лизнула в губы, затем мы целовались, как в последний раз. Потом большое сильное тело мужа полностью подчинило мое, и вскоре я стонала в голос и сгорала в огне нашей страсти. Наслаждением нас накрыло одновременно – мы словно разлетелись на маленькие, счастливые частицы, чтобы опять слиться в единое целое.

Глава 21

Мы с Мильсигран хохотали до слез, слушая Савери, жену Ладроса, рассказывавшую о том, как ее суровый и хладнокровный муж упал без чувств, увидев ее с дочками. Спустя неделю после снятия проклятия те события воспринимались скорее со смехом, чем со слезами, как в первые дни. Дворец благоухал цветами, присланными мне в подарок благодарными мужьями, отцами и женихами. Если подношения букетов продолжатся и

дальше, дворец ими просто завалят, а нам будет нечем дышать.

Честное слово, лучше бы деньгами благодарили: у нас теперь столько имеется свободной стеклянной тары. Но стоило только один раз сострить на эту тему в присутствии Повелителя и Первого Наследника, как они строго нахмурились, изобразив праведное возмущение. «Ведь это же твой народ, как ты могла такое сказать?!» – читалось в их укоризненных взглядах. Но буквально через пару минут, представив мои слова в материальном эквиваленте, темные рассмеялись, а потом согласились: «Лучше бы деньгами, так для блага эльфанов полезнее». Ага! Ага! Вывернулись!

Наши веселые посиделки с золовкой и Савери прервала служанка, передавшая мне просьбу Повелителя срочно прийти в приемный зал. Я извинилась перед женщинами, так быстро ставшими моими подругами, и с улыбкой, пока никто не видит, припустила к свекру. Скорее всего снова подарки прислали, и надо принять лично. Возле высоких дверей я перевела дух и с улыбкой вошла.

Кроме Кирдана и взбешенного Кэлэбриана, в зале были Главы пяти Высоких Домов. Стерев улыбку с лица, коротко их приветствовала, и, следуя этикету, подошла к Повелителю, с тревогой заглядывая в стальные глаза мужа.

– Вы меня звали, Повелитель?

Но вместо его ответа, неожиданно раздался мерзкий, ненавистный мне голос Бельфаласа:

– Ты ведешь себя непристойно, Эленаль! Хотя другого ожидать не приходится, учитывая все обстоятельства твоего происхождения.

Я похолодела, с застывшим лицом обернулась и увидела эльфийского папочку рядом с креслом, в котором расселся Повелитель светлых Иллуин. О, да тут целая делегация. Еще и Галдор, и четверо других светлых эльфов. Трое знакомых телохранителей. А кто четвертый? Кажется, тоже маг.

Кэлэбриан, услышав Бельфаласа, словно заиндевел и, скрипя зубами от ярости, прошипел:

– Если вы, эл Бельфалас, сейчас же не прекратите – умрете. Никто не смеет оскорблять мою жену.

Мой светлый «отец» вскинулся, чтобы возразить, но его остановил Иллуин. Подняв руку, он пристально посмотрел сначала на меня, потом на Повелителя темных, затем на Первого Наследника и заявил:

– Я не думаю, что моя племянница стоит разногласий между двумя народами, Повелитель Кирдан. Особенно в вашем положении, Темный?

– Я не понимаю о чем вы, светлейший Иллуин, но хочу заметить, что

моя уважаемая невестка стоит гораздо больше, чем вы можете себе представить, Светлый. Они с моим наследником – истинная пара и к тому же скоро порадуют меня внуком.

Я придвинулась к мужу, как всегда спасаясь возле него от невзгод. Мое проснувшееся сердце слишком остро на все реагировало, то взмывая ввысь, то падая в бездну страха.

Как только Иллуин услышал о моей беременности, с сожалением пробежался по мне взглядом и словно потух, потеряв интерес. Он откинулся на спинку кресла и с пониманием посмотрел на Темного Повелителя. Но обратился ко мне:

– Эленаль, я предлагаю тебе вернуться и занять причитающееся по праву рождения место. Ты моя племянница, несмотря ни на что. Более того, должен признать, что с некоторых пор я изменил о тебе мнение. При моем дворе ты сможешь занять весьма достойное место и получить желаемую свободу. Я лично прослежу за этим. Обещаю!

И ведь как убедительно и проникновенно говорил. Темные напряглись, особенно Кэлэбриан, застывший каменным изваянием.

– Я уже заняла причитающееся мне место, светлейший Иллуин, – только я об этом сказала, почувствовала, как муж, наконец, расслабился. Понятно, отчего он бесился – боялся потерять меня, боялся, что светлые уговорят вернуться. И добавила для спокойствия любимого. – Это место рядом с моим мужем, аном Кэлэбрианом Даэдром. Другого мне не надо, и нашему ребенку, которого я ношу под сердцем, тем более. Мой дом и все, что я люблю и хочу, находится здесь.

Потерпев неудачу, Иллуин едва уловимо поморщился, но вот его брат и мой «отец» молчать не привык:

– Ты вернешься со мной, продажная тварь! – Да кто бы сомневался, что его ненависть ко мне границ не имеет и, судя по всему, превратилась в своего рода манию. – А этого темного ублюдка мы вернем после того, как ты его выносишь. В моем доме животным не место. А вы, темные, вообще должны сидеть по домам и не высовываться, не то ваши границы станут для нас слишком размытыми. Вы – грязные животные, темная пародия на эльфов, скоро все передохнете. Своих женщин потеряли, а теперь на чужих рот разеваете. Тело моей дочери вам не достанется, иначе вспомните, что такое война. И что вам останется после? Потомства нет, и не будет! Ни одна эльфийка не согласится разделить вашу судьбу. Скоро один за другим уйдете к своему Черному Богу, даже память о вас исчезнет с лица Лайваса.

Бельфалас омерзительно истерил, брызжа слюной. Иллуин неожиданно округлил глаза, Галдор бледнел и морщился, а остальные

светлые тревожно поглядывали на темных. А темные слушали бред Бельфаласа, не двигаясь, по-прежнему стоя вокруг кресла Кирдана, лишь презрительно приподняв брови.

Заметив, что Темный Повелитель мрачнее тучи, Иллуин поднялся и, повернувшись к брату, произнес:

– Закрой рот, предупреждаю в последний раз. Ты потерял дочь, когда воспитал из нее безмозглую куклу. И вот Алоис дала тебе второй шанс. Шанс упрочить наше положение, усилив магию и обрета истинную, признанную дочь Светлейшей Богини. Ты же все испортил, своими руками уничтожил наш шанс. А теперь обвиняешь в этом других. Я разочарован в тебе до крайности, Бельфалас. Мое решение о своей дальнейшей участи узнаешь дома.

Повелитель светлых эльфов не повышал голос, но от него веяло таким смертельным холодом, что я невольно передернулась. Затем он, резко к нам развернувшись, мгновение помолчал, гневно поджав идеальные губы, и только собрался о чем-то сказать, как в зал ворвалась Мильсигран, за которой вбежали две дочери Ладроса, а за ними чинно вошла Иссиль. Увидев светлых гостей, она недоуменно подняла брови, а потом, видимо, прочувствовав напряжение, царившее здесь, посмотрела на меня, на мужа и вежливо, коротко поклонилась гостям:

– Приветствую вас, светлейший Повелитель, светлые аны, рада видеть вас в наших краях, – затем посмотрела на женщин и строго позвала: – Девочки, мы уходим, ваши отцы сейчас заняты и не могут уделить нам внимания. – Потом она обратилась к остальным: – Повелитель Кирдан, Повелитель Иллуин, уважаемые гости, я забираю с собой Эленаль, вы же понимаете, ей нельзя нервничать, да и перекусить пора, она забыла пообедать.

Подошла к нам и с теплой улыбкой подмигнула сыну, успокаивая его собственнические инстинкты, взяла меня под руку и увела под ошарашенные взгляды светлых. О, я-то и забыла: они же еще не в курсе, что проклятие пало и теперь мы опять будем «плодиться и размножаться» на благо Темной родины и Черного Тринимака.

Через час Повелитель за обедом рассказывал заинтересованным слушателям в лице супруги, дочери и меня, державшей на коленях руку Кэлэбриана, о том, что произошло после нашего ухода из приемного зала. Оказалось, до обидного мало. Бельфалас побледнел и поник, узнав, что я сняла проклятие с эльфанов. Иллуин тоже побледнел, но уже от злости на своего брата за то, что по его милости ему, Повелителю непревзойденных светлых эльфов, помимо прочего, пришлось публично приносить

извинения. Затем он приказал своему магу и Галдору открыть портал, в котором светлые незамедлительно исчезли.

Иссиль с Мильсигран смеялись, слушая рассказ Кирдана, в лицах описывавшего всю картину. А я, обняв Кэла за предплечье, смотрела в любимые серебристые глаза и как всегда утопала в них, чувствуя, какие между нами бурлят страсти. Как меня наполняет безграничная, сводящая с ума от счастья любовь.

Чуть позже, прогуливаясь по дворцовому парку, я с грустью и печалью задумалась о судьбе биологического родителя. Зная натуру эльфанов, скорее всего, скоро узнаю о его безвременной кончине. Потому что подобных оскорблений мои новые сородичи не прощают никому. Хотя Иллуин тоже не подарок и вполне способен опередить темных. Но Бельфалас сам виноват. Каждый выбирает свою дорогу сам!

Эпилог

Двадцать лет спустя

Расписанные рунами высокие своды пещеры Черного Тринимака навевали благоговейный трепет. Я стояла рядом с Первым Наследником, Повелителем и его супругой Иссиль и восхищалась молодой парой в черном одеянии, которая, представ перед Черным Богом, в эту минуту обретала семейное счастье. Кинжал рассек воздух, завершая обряд, и обильно пролилась кровь, орошая растение и отдавая дань нашему Тринимаку. Забывшись, я чуть не пропустила ответственный момент. Резко развернулась и, крепко держа Кэла за руку, ринулась наружу, налево и направо бубня извинения, если мы кого-то нечаянно задевали:

– Извините! Простите! Ой, извините! Да-да, рада видеть, простите...

Почувствовав отголоски волшебного аромата распускающихся цветов, я удвоила скорость. И уже через минуту мы были вне опасного места. Я шумно выдохнула:

– Фу-у-у-ух! Успели-таки! А то я думала, все – снова кровать, потом пузо, а потом постоянное «Мам! Мам! Мам!».

– А я надеялся, что мы не успеем. Я уже соскучился по любовному марафону Тринимака. Он так поднимает настроение.

– Да, конечно, кто бы спорил. Но лично у меня потом отнимаются ноги и растет живот. Я что – свиноматка? Мы уже три раза опоросились, тьфу ты, отрожились. Может, пора отдохнуть? Хотя бы временно. Мы и так

постарались на благо Черного Бога. Ну, скажи, кто еще отличился, как мы?

Кэлэбриан обнял меня за талию и потянулся к губам, потом нежно целовал лицо, разглаживая раздраженные морщинки:

– Ты забыла Даэрона, милая. У него, вообще-то, четверо, а у нас пока только трое.

Я не растерялась:

– Ну уж нет, так нечестно! Они с женой сразу по двое за раз выдают. А я три раза мучилась.

К нам подошли Кириан и Максимиан с шестилетней Ильсиаль под мышкой. Самый старший наш сыночек Максимиан, названный в честь моего земного братишки, в этом году справил двадцатилетие. Второй сын – Кириан – родился годом позже, потому что я про «цветочки» забыла и из пещеры сбежать вовремя не успела. Ильсиаль мы зачали в «плановом порядке» – я немного соскучилась по пеленкам. Но после этого маленького чертенка в юбке я решила притормозить.

С любовью и гордостью глядя на свою семью, греясь в объятиях мужа, тесно прижимающего меня к себе, по-прежнему с трудом переносившего мои отлучки из дома, я подумала: все мои мечты сбылись.

Я любима и люблю. И невероятно, фантастически счастлива!

Книга третья

Второй шанс для Юлии

Пролог

Ветер хлестал в лицо, солнце слепило глаза, сердце рвалось из груди от невероятного, ничем незамутненного счастья полета. Я парила в непередаваемой голубизне неба, яркий летний свет играл на моем оранжевом костюме. Радостная улыбка не сходила с губ: люблю солнце, жить без неба не могу и с ума схожу от ощущения легкости и счастья, которые дарит полет.

Земля неумолимо приближалась. Сделав еще один кульбит и поймав теплый воздушный поток, я дернула кольцо – выпустить парашют такого же оранжевого цвета, как и мой костюм. В этот раз довольно мягко приземлилась на вытоптанное тысячами ног поле спортивного клуба, куда я прихожу хотя бы раз в квартал, чтобы получить новую порцию адреналина от полета. Домой тоже мчалась как на крыльях. Жаль, подобное ощущение не может длиться вечно, а только неделю, в лучшем случае, если не испортит настроение какая-нибудь хамоватая тетка или начальство.

Уже на подъезде к Москве я решила не возвращаться домой, а поехать к своему другу. С Михаилом или Михой мы встречаемся два года; и хотя наши отношения можно охарактеризовать, скорее, как вялотекущие, мы неплохо понимаем друг друга. У нас схожие интересы, вкусы и даже общие друзья. С Михой мы знакомы еще с детского сада, и когда я, наконец, была готова завести отношения со второй половиной человечества и расстаться с невинностью, именно он стал тем мужчиной, которому я смогла доверить это ответственное дело.

Если уж говорить совсем честно, то среди моих знакомых только он оказался достаточно положительным, интересным и все такое прочее, а, главное, на пару сантиметров выше меня. Вообще, женщине роста гораздо выше среднего проблематично жить в мире, где мужики с каждым годом становятся ниже, а женщины – выше. Вот и мне с моими метр восемьдесят приходится взирать с высоты на частенько встречающиеся лысоватые мужские макушки. Как в таких обстоятельствах можно вообще думать об отношениях, а тем более – о сексе? Хотя и говорят, что в постели все

одинакового роста. Подозреваю, именно лысоватые мелкие мужики эту фразу и придумали.

Именно поэтому, встретив вернувшегося из армии Мишку, который добровольно сдался военкомату сразу после окончания университета и честно отдал долг родине, я вцепилась в него руками и ногами. И по фигуре, что любви нет и уже, скорее всего, не будет. Не верю я в нее! Жизнь научила, а профессия доказала.

Закончив геолого-географический факультет технического университета и даже успев поработать по специальности за Уралом – искала полезные ископаемые, – я полностью убедилась, что любви не существует. Работала в двух компаниях на должности инженера, и мужчины там почему-то открывались с не слишком хороших сторон. Ни тебе верности, ни тебе вежливости или хотя бы снисхождения к моему «слабому полу». Одна и та же мысль так и светилась у них в глазах: «Полезла учиться и работать в мужскую сферу – получай по полной и не жалуйся. За что боролась, на то и напоролась».

Три года скитаний на севере, и я с поджатым хвостом вернулась домой. Благодаря знакомым устроилась в компанию, где требовались мои знания и умения, а главное, желание работать. В общем, практически то же самое: в нашей стране женщина может быть успешной, когда работает как лошадь, выглядит как леди и думает как мужик. После этого о большой и чистой даже не мечтала. Встречалась с Мишкой и уже даже пару раз задумывалась о том, что, может, пора согласиться на его давнее предложение руки и сердца и завести семью, наконец.

Вот, например, как моя родная-любимая-обожаемая тетя Вера. Тридцать восемь лет она искала на родине мужчину своей мечты, пока по Интернету, совершенно случайно не познакомилась с немцем Гердом Штольхомцем. Этот «чисто арийский» красавец уже через неделю обивал порог ее затрапезной квартирки в Переделкино и заваливал цветами весь подъезд в надежде не упустить такое сокровище. Которое готовит, убирает, искренне любит и неистово заботится о тех, кого любит. И вот спустя полгода Веруня счастлива замужем и зовет меня в гости в новый дом. От воспоминания о ней на сердце всегда тепло. Несмотря на двенадцатилетнюю разницу в возрасте, мы были самыми близкими подругами на свете.

Подъехав к Мишкиному дому, я, как обычно, задрала голову и нашла его окна на пятом этаже. Свет горит: мой друг дома, вот здорово, ведь он не знает, что я уже в Москве и не ждет. Устрою ему сюрприз – приятный вечер с интимом. Лифт остановился на нужном этаже и, подойдя к двери

квартиры, я неожиданно почувствовала, как тревожно сжимается сердце. С чего бы? Решительно позвонила в звонок и натянула на лицо радостную улыбку.

Но как только свет из квартиры осветил мрачную полутемную площадку подъезда, моя улыбка медленно начала таять. Передо мной стояла хорошо поддатенькая девушка с растрепанной белобрысой макушкой, ростом метр пятьдесят с кепкой и косенько смотрела на меня, цепляясь тоненькой ручкой за дверной косяк.

– Ик! Привет! Ты кто?

Я в недоумении разглядывала этого тощенького цыпленка в Мишкиной футболке и осторожно, чтобы нечаянно не причинить увечья, отодвинула ее в сторону и прошла в квартиру. Из ванной вместе с шумом воды доносился рев, который Мишка искренне считал пением. Внезапно звук прекратился, и через несколько секунд он появился передо мной в полотенце, обмотанном вокруг бедер. Вода скатывалась по его волосатой груди.

Мишка посмотрел на меня удивленными голубыми глазами. Потом его чувства сменились виной, страхом, затем, как ни странно, облегчением. Наше выразительное молчание прервал голос цыпочки, которая по стеночке добралась до Мишки и повисла на нем, обхватив за руку:

– Любимый, а это кто вообще, а? Сестра, да? Ой, точно, вы так похожи!

Я горько усмехнулась, признав ее правоту. Нам с Мишкой часто говорили, что мы очень похожи. Оба высокие голубоглазые брюнеты с одинаковыми вкусами. А вот, как оказалось, они-то у нас все-таки разные. Я сглотнула, прочищая горло, и хрипло спросила зависшего «братца»:

– И давно... Это у вас?

Зрачки в голубых глазах расширились, практически поглотив радужку. Мишка непроизвольно прижал цыпочку к себе, будто в попытке защитить. Тем самым добил меня окончательно, заставив практически задохнуться от несправедливости.

– Месяц. Я люблю ее, Юль! Прости меня, а? Я хотел сразу тебе рассказать, но, как видишь, не успел. Не хотел, чтобы ты узнала о нас вот так. Давай останемся друзьями, у нас же много общего?

Я смотрела на Мишку, с которым «у нас много общего», не в силах поверить, что меня променяли. И на кого? Мы с заменой как небо и земля – абсолютно разные. И самое печальное – именно сейчас вспомнились Мишкины упреки в том, что я слишком независимая, слишком сильная, слишком гордая и частенько смотрю на людей свысока, не прощая

маленьких ошибок и слабостей.

Зато теперь Миха, видимо, нашел именно такую, какую хотел: маленькую, хрупкую, слишком слабую и легко управляемую цыпочку. Но при этом эгоистично не хочет потерять во мне друга, ведь столько раз говорил, что я его надежный луч света в темном царстве. Всегда найду выход из скуки и серости бытия. Вот-вот, пора бы и мне выйти на свет из этого мрачного коридора.

Окинув сладкую парочку презрительным взглядом, я почувствовала, что меня не просто заменили, а предали. Больно и грязно на душе, будто помоями облили. Я гордо подняла подбородок и, круто развернувшись, быстро вышла из этой квартиры, из старой жизни, своей прежней жизни с Мишкой. Уже чужим для меня мужчиной.

Подъезжая к своему дому и паркуясь возле подъезда, я с удивлением поняла: больше всего злюсь даже не на Мишку, а на общую линию моей жизни – она не изменилась. Я средний ребенок в семье, где родилось трое детей. Своего первенца Глеба мама с папой просто боготворили, хотя, по большому счету, было не за что. С горем пополам он занимался мелким бизнесом по принципу купи-продай. Женился и к тридцати двум годам завел двух отпрысков, в которых бабушка и дедушка души не чаяли. Брат до мозга костей прагматичен, мелочен, скуп и, на мой взгляд, еще и страдает снобизмом.

Мое появление на свет двадцать пять лет назад поначалу родителей очень взбудоражило. Я купалась в их любви и обожании, пока мне не исполнилось шесть и они не произвели на старости лет (это я так считаю) младшую сестру Веронику, которая полностью завладела их вниманием и любовью. Я же стала скорее нянькой при младшенькой и довольно слабенькой девочке, а также бесплатной домработницей для немолодых родителей. Свои обиды и боль от их невнимания я прятала глубоко внутри и с радостью занималась сестрой, но та очень скоро заменила меня на подружек, больше подходящих по возрасту и интересам. И я снова осталась одна.

Мне повезло, когда тетка Вера, заехав как-то раз к моей маме и заметив все нюансы нашей семейной жизни, забрала меня жить к себе. С того момента моя жизнь изменилась, наполнилась смыслом, заботой и нерастраченной любовью незамужней и бездетной тетки. Я платила ей тем же. Кроме того, с отличием закончила школу, поступила в университет и научилась быть не серым, никем не замечаемым призраком, а уверенной в себе женщиной, на которую обращают внимание мужчины, и которая всегда и везде может сама позаботиться о себе.

Однако, как сегодня показала жизнь, подобные эмансипированные личности мужчинам не нужны! Вернее, одному, близкому мне нужны, но исключительно как друг. Но ведь и я по-другому не умею. Меня не научили безраздельно доверять и отдавать решение проблем в другие руки. Наоборот, меня учили заботиться о других, защищать своих близких и решать их проблемы. А со своими я разбиралась самостоятельно, бывало, что со страхом и болью. И не только в душе. Так надо, значит, я все смогу. Я сильная, я справлюсь.

Упав на руль, я разрыдалась от одиночества и обиды, выплескивая боль предательства близкого человека. Все! Мне все надоело! Душа требует сочувствия и сострадания. Эта мысль, показавшаяся мне единственным спасением от невзгод, всплыла довольно быстро. Заставив меня, как всегда, выстроить четкий план: сразу после выходных начну оформлять шенген, созвонюсь с Верой и обрадую, что собираюсь к ней в гости, под родное, теплое крылышко, а пока возьму отпуск за свой счет. Ничего страшного, даже если уволят. Сил работать или просто оставаться жить в Москве больше нет! А там посмотрим...

Глава 1

После пограничного контроля я осмотрелась в поиске свободного места. Объявления посадки ждать еще минут сорок и уж лучше устроиться в кресле и вертеть головой. Пара китайцев обсуждала свои дела, немцы, сидящие наискосок от меня, с детским восторгом демонстрировали друг другу военные шапки-ушанки, невольно вызывая у меня насмешливую улыбку. Потом я почувствовала, что сама стала чьим-то объектом внимания и, повернув голову, уставилась на девушку, присевшую напротив.

Очень красивая шатенка с потрясающими желто-карими глазами также от души забавлялась, поглядывая то на немцев, то на меня, предлагая разделить с ней веселье. Ее искренняя, добрая улыбка располагала, и я улыбнулась в ответ.

– Вы тоже в Берлин? – спросила девушка.

– Да, к тетке лечу!

Перекинувшись парой фраз, мы на минутку замолчали, и в этот момент объявили о начале посадки на наш рейс. В самолете девушка села в бизнес-классе рядом со мной, и пока пассажиры проходили дальше по салону, мы с ней переговаривались ни о чем, предварительно представившись друг другу. Оказалось, мою соседку зовут Алевтиной,

коротко и предпочтительнее – Алев.

Прямо перед закрытием люка в салон вкатили небольшую коляску для инвалидов. Высокий солидный мужчина помог хрупкой, болезненного вида девушке с маской на лице и небольшим кислородным баллоном в тонких синюшных руках пересест в кресло. Как только она устроилась, быстро окинула карими любопытными глазами пассажиров и с горящим в них энтузиазмом уставилась на нас, явно надеясь поболтать. Увидев, что мы тоже не против, она представилась:

– Привет, меня зовут Елена. Еду на операцию и надеюсь ее благополучно пережить.

Сказала она это с легкой, располагающей улыбкой, но мы с Алев в первую секунду не смогли сдержаться и нахмурились, сочувствуя и сожалея. Затем быстро взяли себя в руки и, улыбнувшись, по очереди представились. Я постаралась сгладить первые секунды неловкости:

– Привет, меня зовут Юля. Я в гости к тетке лечу. Она недавно замуж за иностранца вышла.

После меня Алев, сверкнув огромными, раскосыми, потрясающей красоты золотисто-коричневыми глазами, произнесла:

– Привет, меня зовут Алев. Я сирота, уже много лет ищу своих родителей, и немцы, к которым лечу, возможно окажутся ими. Кроме имени и фамилии ничего о себе не помню!

Мы с Леной с сочувствием посмотрели на нее. И хотя я не могла похвастаться тем, что моя большая семья меня обожает, но все равно они родные и близкие люди и, что бы ни случилось, я люблю их и всегда приду на помощь, если потребуется. Уверена, они сделают то же самое. Я непроизвольно пожала ладонь Алев, делаясь с ней сочувствием, пониманием и теплом. После того, как Лена коротко пообщалась со своим врачом, интересовавшимся ее самочувствием, мы плавно перевели тему и начали болтать о мелочах. Выяснив, кто где остановится в Берлине, мы на секунду замолчали, а дальше начался кошмар любого пассажира самолета.

Все началось с оглушительной тишины, потом раздался хлопок и выпали оранжевые кислородные маски, от чего на голове волосы встали дыбом. Резкий душераздирающий вопль словно разрезал тишину надвое. Алев схватила Лену за руку, я – Алев, затем нас накрыл шквал огня, который всего на мгновение опалил нестерпимой болью, а затем наступила темнота.

Боль исчезла так же внезапно, как появилась, и забрала с собой тьму. Вместо нее меня окружала сплошная серая муть. Тела не было, только сплошной клубок чувств, страхов и эмоций. И этот клубок, мой клубок,

болтался непонятно где. Меня куда-то тянуло, я почувствовала-увидела других, таких же неприкаянных. Хотя каким образом это можно видеть или чувствовать, не имея тела, лично мне было непонятно, но остальные так сверкали и искрились, словно маленькие серебристые искорки, что я непроизвольно потянулась к ним.

Подплыв поближе, я поняла, что это Алев и Лена, и прижалась к ним в поисках тепла и хоть какой-то надежды. Мы слились в единую искру и поплыли в общем потоке, устремленном к расширяющейся светлой точке, в которую все время вливался кто-то еще, выныривавший из серого ничто.

Я чувствовала непередаваемый ужас от нашего пустого, бессмысленного скольжения и, судя по нарастающему внутри напряжению, мои невольные спутницы чувствовали то же самое. Было обидно, что моя жизнь закончилась вот так. Ничем. Будто я призрак, незаметно появилась и так же незаметно исчезла, ничего не испытав, не изведав, не сделав чего-то действительно полезного и большого, не любя и даже не ненавидя. Я не знала и не испытывала сильных переживаний, а ведь так хотелось, чтобы кто-нибудь любил, холил, лелеял и нуждался именно во мне. Чтобы самой хоть раз в жизни очнуться от серого, безликого сна и почувствовать себя живой.

Лишь прыжки с парашютом дарили кратковременный взрыв чувств и эмоций, но и их хватало ненадолго. И затем душа снова покрывалась словно пылью тоски и одиночества. Боже, как обидно, что все уже закончилось, и нет второго шанса исправить свою жизнь.

Терзания моей души прервала Елена, которая неистово задергалась, борясь с течением и пытаясь вырваться из общего потока. Сначала я поддержала ее просто из чувства солидарности, а потом, сама заразившись стремлением к свободе, начала рвать эти сковывавшие нас всех путы, толкаясь из стороны в сторону, и старалась улететь прочь из тоскливой реки неприкаянных душ. Когда мне показалось, что мы не сможем выскочить, лопнули будто бы последние нити – и мы, как пробка из бутылки шампанского, вылетели наружу и тут же потеряли из виду всеобщий поток. Как неожиданно и вместе с тем страшно внезапно оказаться в полной темноте, хоть она и была странно прозрачной! Мы медленно плыли сквозь нее, слабо озаряя пространство светом своих потерянных душ.

Казалось, это мистическое путешествие будет длиться вечно. Мы скитались среди туманных пятен миров, а ощущение безвременья и одиночества окружало все плотнее. Времени здесь не было, и мы бы вряд ли смогли определить, сколько вот так парили, пока неожиданно не

увидели вдали странное скопление огромных ярких звезд, нанизанных на невидимую нить словно шары. Они выглядели подобно гигантскому блестящему ожерелью. Подплыв к нему поближе, мы застыли, замороженные сиянием, недоступным нашему пониманию, в попытке узнать, что же это такое.

Вдруг темнота вокруг нас сгустилась, превратилась в чернильное пятно, причем четко ощущалось, что оно живое. Рядом с ним расплылось яркое светлое облако. И это облако почему-то в темноте не выглядело инородным. Вся моя сущность засверкала и потянулась к нему. Весьма странные ощущения для меня, очень осторожно относившейся к любым потусторонним существам. И вдруг зазвучали голоса, кажется, разговор этих удивительных пятна и облака.

– Трое? Это странно, но зато как удобно, ты не находишь?

– Сестра, ты уверена, что приняла правильное решение?

– Да, родной, столько моих детей страдает, я должна помочь им исправить свои ошибки.

– Сестра, тогда одна достанется мне. Мои дети уже слишком много заплатили за чужую вину. Если ты правильно выберешь хрустальную слезу, она станет искуплением и милосердием для них.

– Братец, не много ли ты на себя берешь, требуя у меня чего-то?

– Я прошу. Ведь в них и твоя сущность! И ведь это твои детишки неудачно поиграли в проклятье, ты не находишь?

В пустоте всплыло третье пятно – тускло-серого цвета – и вступило в напряженный разговор странной парочки:

– Брат, сестра, боюсь, вам обоим придется поделиться. Мои потомки вымирают, и скоро некому будет петь мне священные песни, а сила уйдет в пустоту, как и мы. Слишком много мы давали воли детям, осталось мало времени и возможностей все исправить. Нам необходимо объединиться и решить проблему, иначе созданное погибнет, будет нарушен еще один закон мироздания, а главное – ожерелье миров распадется. Мне будет жаль, а вам?

Молчание остальных пятен тяготило наши души, души трех маленьких серебристых точек, зависших перед тремя высшими в ожидании неизвестно чего, с трепетом вслушивавшихся в разговор.

– Решено, дорогие братья, я согласна с вами. Каждому миру необходимо дать по одной возможности. Одному из трех видов потомков – шанс на выживание.

В моей голове раздался мягкий, любопытный, женский голос: «Скажи, дитя, чего ты хочешь больше всего?» Я ответила, не задумываясь: «Жить!

Хочу любить и быть в ответ любимой», и почувствовала или услышала такие же ответы своих спутниц, а, может, мы ответили синхронно, в один голос. Неужели женщина-облако спрашивала нас одновременно? Серое пятно подобралось поближе, и я почувствовала тепло, исходящее от него. Снова удивилась способности чувствовать, при полном отсутствии тела.

– Занятные сущности, сестра? Не ошибись с выбором!

– Нам всем придется поделиться, брат, а тебе особенно, ведь твоим мирам нужна двойная помощь.

Серый потемнел и облетел нас троих, испуганно сбившихся в кучу. Потом снова женский голос спросил:

– Кем ты хочешь быть, дитя мое?

И снова наш синхронный ответ:

– Женщиной!

– Любой?

Мы молчали, не зная, что сказать, наверное, нас удивил странный вопрос. Не задумываясь о последствиях, я мысленно брякнула:

– Какая разница, лишь бы молодой и красивой, главное – счастливой!

Чернильное пятно заволновалось и тоже приблизилось к нам практически вплотную. Мы с Алев в ужасе шарахнулись от него в сторону, а вот Елена, наоборот, потянулась к нему за поддержкой и утешением.

– За счастье надо платить, ты готова, дитя мое?

Не раздумывая, с отчаянной надеждой я выкрикнула, снова услышав нас троих:

– Да, я готова!

Светлое облако, изменив форму, задумчиво зависло перед нами, а потом торжественно объявило:

– Да будет так! Дети, мы даруем вам новую жизнь. Вы сами приняли ее таковой. Один дар на всех вы поделите между собой, как и единое проклятие на троих, хотя и выраженное в разных формах. Вам придется с ним справляться самим, независимо друг от друга. Это ваша плата за новую жизнь.

Мы шокировано молчали. Следующий вопрос задал потемневший Серый:

– Ты решила кто, кому и как?

– Я решила положиться на судьбу, наши миры сами притянут достойную. А как? Я чувствую прошедших сквозь пламя, и боюсь, у них нет другого выбора, кроме как снова принять его. Чтобы полностью возродиться в мире живых, им придется с ним обвенчаться.

Как только в моей голове замолчал ее голос, они вплотную

приблизилась к нам и закрутилась в хороводе, в скором времени превратившемся в одно сверкающее кольцо с нами посередине. Серое марево вспыхнуло миллионом искр в нигде, а затем я услышала последнюю реплику белого облака и поняла, что речь идет обо мне и Алев, но обращена она была к серому пятну:

– Похоже, именно эти девочки получают наши с тобой частицы, брат. Надеюсь, они смогут воплотиться заново. Вновь рожденные! Да примут вас ваши миры, дети мои!

Мое сознание поглотила дикая обжигающая боль. Я горела, причем в буквальном смысле, в пламени. И умирала тысячи раз.

Глава 2

Я горела и мучилась от дикой жажды. Хотелось окунуться в воду, холодную-прехолодную, чтобы потушить невыносимый жар, казалось, поглотивший все, что я раньше собой представляла. Все наносное и самое сокровенное горело пресловутым синим пламенем, оставляя лишь пепел несбывшихся надежд и жесточайшую жажду. Неожиданно хаотичный поток чувств и мыслей прервался, поглощенный темнотой.

Мне было нечем дышать. Сделав судорожный вдох, я ощутила, как в легкие хлынул поток воды. Грудь пронзила страшная боль и мысль: мне срочно нужен воздух! Я должна спастись! Сделав мощный рывок на пределе возможностей, мне удалось вытолкнуть тело на поверхность, и, как только лица коснулся порыв ветра, я судорожно выплюнула воду и вдохнула, с трудом проталкивая воздух в легкие. Затем, побарахтавшись, наконец, доплыла до берега и наполовину вылезла на жесткую, но спасительную землю.

Цепляясь руками за жалкие редкие кустики травы, вырывая их с корнями, я не могла надыхаться на редкость чистым, свежим, даже вкусным воздухом. Откашлявшись, чуть не выплюнув при этом свои измученные легкие, я замерла, наслаждаясь покоем и восстанавливая дыхание. Как только мне полегчало, я начала рывками выбираться из воды, а то от холода ног уже практически не чувствовала.

Раз, второй, третий... Мне на спину что-то сильно давило и тянуло назад, поэтому пришлось постараться изо всех сил. Но пока судьба была ко мне благосклонна, несмотря на трагические события. Воспоминание о катастрофе, в которой я могла погибнуть, больно пронзило не только грудь, но и голову, заставив скрючиться на берегу в позе эмбриона и стонать,

заново переживая кошмар. Не знаю, сколько времени прошло, пока я не осознала, что лежу на холодной земле и промозглом ветру. А в лицо светит двойное кровавое солнце, медленно уходящее за горизонт.

«Нет, нет, это все неправда! Не может быть правдой! Я не сумасшедшая! Я просто... Может, просто авария? Или... меня по голове ударили?!» – кажется, я говорила вслух, пытаюсь успокоиться и прогнать жуткие воспоминания о своей гибели и встрече со странными пятнами.

Но результат оказался прямо противоположным, потому что вместо привычного звонкого голоса из моего горла вырвалось мягкое грудное мурлыканье. Как у старого кота Васьки, когда тот благодарил за ласку. А тем временем я затряслась от холода, окончательно замерзнув на ледяном ветру, поэтому решила сначала согреться как-нибудь, а потом подумать, что делать дальше.

С трудом привстав и опершись на руки, я снова замерла, в недоумении рассматривая эти самые руки. Вернее, тупо пялилась на две лапы, покрытые рыжевато-огненной, короткой, плюшевой шерсткой, и пальцы, украшенные когтями, каждый в пару сантиметров длиной. И хотя выглядели странные конечности весьма мило и изящно, но не по-человечески!

Встав, я взглянула вниз, рассматривая остальное, и тихо завывала от ужаса. Начиная с таких же когтистых лап-ног, мягкий плюшевый пушок покрывал все тело, которое, если подумать, от человеческого отличалось только им и лапами (собственно, те же ладони и ступни, только покрытые шерсткой, и с коготками). У талии пушок, становился едва ощутимым и лишь придавал персиковый оттенок красивой, полной груди с красными вершинками-сосками, а выше, в области шеи, исчезал, «оголяя» лицо. Ну, в этом я тоже на ощупь убедилась, когда разглядывая себя в темном небольшом водоеме, из которого только вылезла.

Присев на корточки перед водой, я внимательно рассматривала отражение, не в силах поверить, что оно мое: парные белоснежные клыки и подвижные кошачьи уши с мягкими пушистыми кисточками потрясали воображение! Узкое вытянутое лицо, длинные красные волосы, напоминающие пламя, сквозь которое мне пришлось пройти, чтобы родиться вновь, даже мокрые не утратили яркости и с непривычки тяжелой массой тянули голову назад. Ведь раньше я всегда носила короткую стрижку. Огромные зеленые глаза были почти как у людей, если бы не были настолько большими. Красноватые дуги бровей и длинные густые ресницы. Нос с широкими крыльями, нервно трепещущими от напряжения. Красивые, ярые губы.

Конечно, если смотреть на отражение отстраненно, можно было бы сказать, что это красивая зверюшка. Но смотрела-то я на себя любимую и пыталась сдержать душивший меня истерический смех. Обалдеть! Мой горько мурлыкнувший голос разрезал тишину, как только я вспомнила разговор с «пятнами»:

– За что? Почему я теперь такая?! Это ж надо было, не подумав, ляпнуть, чтобы меня вот этим сделали?

Я еще раз мысленно прокрутила события и, обняв себя руками и сжавшись в комочек, попыталась справиться с реальностью, но все сильнее замерзала. И вскоре поняла: пора действовать. В этот момент по моим ногам скользнуло что-то теплое и пушистое. Сначала я инстинктивно вскрикнула, решив, что это змея. Но рыжих змей с красными кисточками на кончике не бывает, и я в полнейшем ступоре, оттопырив зад и сильно наклонившись, смотрела вниз на очередную «деталь» моего нового, не поддающегося идентификации облика.

Длинная рыжеватая «деталь» с пушистым кончиком нервно трепетала, обвив мою ногу и постукивая кисточкой по коленке. Хвост! У меня появился хвост! Кажется, живущий своей собственной жизнью, потому что я им точно не управляла. Это он сам! Я сглотнула и нервно хихикнула, хотя, нет, скорее тупо мурлыкнула. Отстой!

Я встрепенулась, вышла из оцепенения и выпрямилась. И тут за моей спиной взметнулась тень, напугав меня до визга. Я автоматически прыгнула в сторону, развернулась к возможной опасности лицом и впала в ступор: никого не было. Зато я кое-что почувствовала спиной и увидела краем глаза. Судорожно сглотнув вязкую от страха слюну, раздраженно отцепила от ляжки хвост, мешавший двигаться, повела плечами и неуверенно повернула голову. Опять, не веря своим глазам, подошла к воде и повернулась в пол-оборота, пытаюсь рассмотреть еще одно новшество. Даже два!

И начала икать от потрясения. Моя давняя «мечта идиота» сбылась: теперь у меня есть крылья! Мягкие, гладкие, покрытые огненными перьями! Крылья! Только сейчас они тяжело свисали за спиной полураскрытыми, влажными от воды, поникшими парусами. Я попыталась ощутить их как часть своего тела, как руки и ноги, потренировалась минут пять и вроде научилась ими управлять. Закуталась в них, словно в яркий плащ. Взлететь не решилась, пусть лучше послужат защитой от холода и наготы. Да, Высшие до сих пор, наверное, лопаются от смеха, глядя на меня сверху. Вот удружили!

Согревшись, я, наконец, немного успокоилась и решила заняться

насущными проблемами: одеждой, едой и ночлегом. А то стою непонятно где, голая, босая, голодная, да еще с крыльями и чересчур самостоятельным, неконтролируемым хвостом. И вообще, не мешает выяснить, кто я, куда меня занесло и риторически, что делать.

Занесло меня в странное, закрытое со всех сторон каменными стенами место с небольшим прудом или бассейном. В самом дальнем углу виднелась полуразрушенная статуя женщины. Уже легче – человека. Но как только я сделала несколько шагов в сторону арочного прохода из этого колодцеобразного сооружения, мимо меня что-то пролетело и упало рядом с водоемом. Вслед за этим небольшим круглым предметом, появилось нечто покрупнее и плюхнулось уже рядом со мной. О, боже! Возле меня лежал обезглавленный мужской труп, а рядом с водоемом – его голова. Из обезглавленного тела хлестала кровь. Я тряслась как осенний листок, держа пронзительную ноту: «И-и-и-и-и-и...

Выдохлась я быстро, видимо, множество необъяснимых и чудовищных событий, свалившихся на меня, подобно этому трупу, слегка притупили восприятие. Только так можно объяснить тот факт, что я резко захлопнула рот, щелкнула клыками и, прекратив тем самым визжать, отступила на пару шагов и рванула к выходу. При этом даже не задумавшись о том, что именно оттуда прилетело тело! Просто трупов я боялась гораздо больше, чем живых, а зря!

Как только я выскочила наружу, на меня обрушились жуткий гвалт и грохот: крики сотен людей, вопли раненных и стоны умирающих, звон боевого оружия – от всего этого невообразимого шума меня тут же пробила дрожь до противных мурашек на руках и спине. Дальше я в полной растерянности, изумленно обозревала странную картину, нагрянувшую словно из старого средневекового романа.

Справа от меня до самого горизонта возвышались неприступные скалы и горные вершины. К одной из скал вплотную прижимался замок, окруженный неприступной стеной из серого камня. Каменный мешок, из которого я убежала, с одной стороны примыкал к замку, а с двух других упирался в неприступную гору, уходившую в облака, низко нависающих над землей и грозящих в любой момент разразиться ледяным ливнем. Я же, пройдя под каменной аркой, оказалась на небольшой площадке между пропастью и глухой стеной замка. И именно здесь сейчас творилась жуть жуткая.

Куда же вы меня так бессердечно забросили, зловедные пятна-Высшие? Чтоб вам икалось до скончания веков!

Трое мужчин отбивались от двух неподдающихся описанию чудовищ.

Впрочем, поразили меня и те, и другие. Первые были одеты в длинные, грязные от пота и крови, грубые, серые рубахи, потертые кожаные штаны под помятыми, тусклыми латами и бились мечами и кинжалами – натуральное средневековье. А вторые вообще не поймешь, кто: ужасающая одним своим видом помесь орков из фэнтези и очень лохматых псов.

Новая реальность потрясла меня до глубины души, ужаснула до чертиков, до состояния полнейшего оцепенения. Едва дыша, я пялилась на кошмарный сюр и подсознательно щипала себя за руку, надеясь, что это сон, от которого можно очнуться, и шептала, как молитву, пыталась себя убедить:

– Я нормальная, нормальная, нормальная!..

Но суровая действительность никуда не девалась, хоть в голове произошедшее со мной и не укладывалось, и, вообще, хотелось броситься наземь и биться этой самой головой. Вдруг мозги все-таки встанут на место, окружающий кошмар исчезнет, и я снова окажусь на Земле в родных объятиях Веры. Даже на мягкие стенки дурки согласна, только не здесь и не так, и не сейчас!

– Боженька! Боженька, спаси и сохрани меня, ну пожалуйста!

Причитала я ровно до того момента, когда монстры, поднатужившись, разделили воинов. Очень крупный мужчина и, судя по мельканию двуручного меча, очень сильный, уже в одиночку отбивался от фантастической зверюги, а двое его товарищей, более хлипкие, но не менее отчаянные, пытались сдержать натиск второго чудовища. К сожалению, это им не очень удавалось. Один из воинов, сделав успешный выпад, проткнул полуорка-полупса копьем, но не успел отпрыгнуть – топор смертельно раненного монстра разрезал его надвое. Я задохнулась от ужаса, к горлу подкатила тошнота, и меня тут же вырвало желчью. Еды-то в моем желудке точно не было.

Второй воин, увидев погибшего товарища, с воплем подскочил к умирающей твари и одним движением отсек ему голову. Потом, дикими глазами осмотрев поле битвы, ринулся на подмогу большому мужчине, который отбивался уже из последних сил. Вместе они с трудом сдерживали яростный звериный натиск.

Какой силой обладает это мохнатое «не пойми что», если даже двое опытных, свирепых бойцов, в чем я не сомневаюсь, не могут с ней справиться? С тварью, с кровавой пеной у рта пытающейся разорвать противника? Нижняя половина тела чудовища напоминала собачье, а верхняя, заросшая свалявшейся шерстью, больше подходила для гуманоида со страшной мордой орка, гипертрофированной мускулистой грудью и

лапами, в которых оно очень крепко держало здоровенный топор. Посередине – обмотанная вокруг бедер грязная оборванная тряпка.

Воины ловко увертывались от летающего топора, им даже удалось ранить монстра в лапу, но он успел одному из них проломить доспех на животе и, судя по кровавой дорожке, пропороть кожу. Людям все-таки удалось добить монстра, а после раненный здоровяк рухнул рядом с поверженным врагом как подкошенный, исчерпав все свои силы.

Мне было страшно до последней секунды боя за отчаянно бившихся людей и за себя, ведь я прекрасно понимала, что как только с защитниками замка будет покончено, сама стану следующей жертвой, а деваться из этой каменной ловушки некуда. Страх мутил рассудок, мешая здраво рассуждать, а главное – действовать. Только и оставалось, что стоять на подрагивающих ногах и, глотая слезы, наблюдать за неравным боем.

Как только раненный воин рухнул на землю, к нему подскочил второй и начал резать на доспехе кожаные шнурки, видно, собираясь оказать помощь. Я, наконец, очнулась. Увидела рядом с убитым плащ и, недолго думая, схватила его вместе с лежавшим рядом кинжалом, залитым кровью. Кое-как обмоталась, наподобие греческой тоги, плащом чтобы не мешать крыльям и подвязалась куском старой веревки, валявшимся тут же. Зато не голая. В этот момент меня заметил воин, склонившийся над, кажется, еще живым товарищем, истекающим кровью. Вскочил и направил окровавленный меч на меня.

Я мигом подняла руки вверх, показывая пустые ладони. Медленно подошла к ним и опустилась к раненому. Воин, настороженно оглядывая то меня, то пространство вокруг, присел на корточки рядом.

Познания в медицине у меня были ограничены курсом неотложной помощи в экстренных ситуациях, который нам давали в университете в связи со спецификой профессии. Раздвинув латы и пропитанные кровью лоскуты рубахи, я застонала, поняв, что дело швах – здесь и сейчас этому человеку уже ничем не поможешь. Ранение оказалось слишком тяжелым: открытая полостная рана. По моим щекам потекли слезы. Я разодрала его рубашку, собираясь хотя бы сделать тампон, чтобы не истек кровью.

Изо всех сил взмолилась о чуде: боги, пусть он выживет! Не знаю, о чем я тогда думала, но всем своим существом потянулась к раненому. Так хотелось ему помочь, поделиться своей силой, своей жизнью, наконец. А дальше... не веря своим глазам, наблюдала будто со стороны, как нагрелись мои руки, как их окутало таинственное мягкое сияние, и словно невидимый тоненький ручеек потек к мужчине с перекошенным от боли лицом.

Кажется, этот странный контакт длился несколько секунд. Затем перед

моими глазами замельтешили мушки, опять затошнило, и я убрала руки и изумленно уставилась на грубый красный шрам на месте только что зиявшей смертельной раны. Я переглянулась с сидевшим рядом мужчиной, который не шевелясь наблюдал за мной в благоговейном ступоре. И поняла, что сейчас произошло чудо. Не больше и не меньше! И его сотворила я!

Собственноручно вот этими самыми новообретенными «лапками» у меня получилось его спасти! Вылечить! Сцепив руки на груди, я со слезами облегчения и радости смотрела на свидетеля чудесного исцеления, который так же удивленно и радостно – на меня.

Нас прервал странный гул, как будто начался горный обвал. Мужчина понял все быстрее меня, потому что, выкрикивая, судя по эмоциональной окраске, ругательства, вскочил и ринулся за угол замка, прочь из этого каменного мешка, оставив меня вместе с «пациентом», лежавшим в бессознательном состоянии.

Я бросилась за воином в твердой уверенности, что лучше держаться людей и не сталкиваться лицом к лицу с полуорками, вернее, неслась вприпрыжку, успешно помогая себе крыльями. Неслась, перемахивая метра по два, пока не выскочила за угол...

Бой возле каменного мешка не шел ни в какое сравнение с тем ожившим кошмаром, творившимся сейчас на широком поле перед главными воротами замка. Теперь я поняла, почему воин не остался со своим беспомощным товарищем. Башни замка безмолвно взирали на поле, где бились сотни людей и жутких тварей, которые нескончаемой рекой текли из леса у подножия горного плато.

К счастью, замок был удачно защищен с трех сторон горным массивом, но перед его защитниками встала невыполнимая задача: либо заставить тварей уйти восвояси, либо умереть самим, потому что отступать было некуда. Я ошеломленно рассматривала поле боя и никак не могла поверить в реальность происходящего. Куда я попала? И вообще, за что я так попала?

Перед глазами стремительно менялись герои сражения, победители и побежденные. Рекой лилась кровь и звенела сталь, а я сходила с ума. Так не должно быть! Это неправильно! Я с детства боюсь вида крови, да меня любые раны – и свои, и чужие – повергали в шок. А тут целые реки, отрубленные руки-ноги-головы, искореженные тела, мертвые глаза. И конца-края битве не видно.

Люди несли значительные потери и, рискуя жизнью, уносили раненых с поля боя. Но судьба защитников замка-крепости была практически решена, раз враги уже вынесли главные ворота. Скорее всего, это

последняя попытка отбросить нападающих монстров. Но абсолютно бесполезная, если уж посмотреть вниз внимательнее. Орды тварей страшной, темной, по-звериному рычащей массой перли вперед чуть ли не по головам друг друга, словно опасались, что им не достанется поучаствовать в бойне. Они убивали таких же, как я!

Глаза застила кровавая пелена, в груди рос протест, ненависть, ужас. Последней каплей послужил нечеловеческий хрип, раздавшийся рядом со мной. Повернув голову, я увидела мальчишку, раздавленного огромным камнем.

Руки сразу же опалило пламя, я тяжело взмахнула крыльями, раскрывая их во всю ширь и ловя потоки промозглого холодного воздуха, и взлетела. Потом, выставив вперед объятые пламенем руки, по какому-то наитию усилила энергетический поток, словно кто-то невидимый подсказывал, как это сделать. Казалось, мое пламя питалось болью раненых и погибших людей, моей ненавистью и страхом, даже чужеродной звериной яростью тварей, лавиной прущих в долину. Пусть ярость вернется к ним стократ и выжжет огнем эту черную заразу.

Мое пламя росло и скоро превратилось в сплошную огненную стену, ничем не сдерживаемую огненную стихию, которая погнала тварей прочь... Прочь! Прочь! Прочь! Поганой метлой всех вымету отсюда. Полуорки в страхе рванули обратно, напоминая сплошную серо-бурую воющую массу. Я низко летела над землей и тяжело размахивала огненно-красными крыльями, а люди шарахались от меня в стороны. Мое пламя, как ни странно, медленно огибало людей моих невольных союзников, и с жадным голодным ревом набрасывалось на зазевавшихся врагов, поглощая в мгновение их тела.

Когда я долетела до кромки леса, звериная орда, визжащая от ужаса, сломя шею уносила ноги из этого гиблого, благодаря мне, места. А у меня внутри ширилась пустота, заполняясь дикой болью. Захваченная буйством и красотой стихии, которой я управляла, я не сообразила, что мои возможности не безграничны, да и этот короткий полет забрал у меня слишком много сил. Резко обрубив свой уже совсем тонкий энергетический ручеек, я на мгновение зависла, а потом рухнула на землю, больно приложившись бедром о камень.

К счастью, упала я с небольшой высоты. Взлететь выше я не смогла – слишком была слаба. И, тем не менее, какое ужасное начало новой жизни. Я думала: получу шанс все исправить, научусь любить и быть любимой, жить каждой минутой, радоваться даже самым незначительным, приятным мелочам. А в итоге вокруг только смерть и дым. Чувствуя, что с каждой

секундой ослабеваю все сильнее, я обреченно оперлась на руку и сквозь слезы смотрела на струйку крови, медленно текущую из порезанного бедра; на щедро политое кровью и пеплом поле; на защитников замка, бежавших ко мне; пока, наконец, не уткнулась носом в землю.

Кажется, вокруг меня собралось несколько человек, тревожно переговаривавшихся между собой, зачем-то положили меня на спину, поправили раскинутые крылья, собрать которые я была не в состоянии, как не было сил открыть глаза и попросить о помощи. Как же обидно и неправильно: выжить в пламени, чтобы, возродившись из пепла, опять умереть, отдав весь огонь. Эта горькая мысль была последней, прежде чем меня укутала спасительная темнота, забравшая и жизнь, и боль.

Глава 3

Я уставилась на высокий потолок с мощными темными балками и попыталась вспомнить, где я и как сюда попала, а подняв пушистую и когтистую руку, еще и разобраться, кто я. Тем не менее, странный вид моих конечностей заставил соображать гораздо быстрее. Скоро я восстановила цепочку событий и тяжело, тоскливо вздохнула, признав, что хвост, крылья, когти, воины с мечами, полуорки с топорами и средневековый замок – жестокая реальность и правда моей новой жизни. И с ней придется смириться. Еще раз тяжело вздохнула, потому что, кроме противной слабости, меня мучил нешуточный голод, как будто сто лет не ела.

Перевернулась на другой бок и чуть не подпрыгнула от неожиданности. Сидя на стуле рядом с моей кроватью, свесив голову на грудь, мерно посапывал мужчина в средневековых одеждах. Видимо, мой сон караулит. Ну-ну, спи, сторож. Я решила его не будить и воспользовалась возможностью тщательно осмотреть комнату, которая была украшена гобеленами с изображением драконов, рыцарей и прекрасных дев с цветами, и освещена только свечами, стоящими в паре канделябров.

Я не испытывала страха, словно он напрочь сгорел вместе с полуорками. Лежа на широкой мягкой кровати с раздвинутым балдахином, медленно, спокойно скользила взглядом с предмета на предмет и, наконец, остановилась на круглом столе, заставленном едой, возле которого сидел еще один мужчина в длинном, потрепанном, черном балахоне. Он не спал и, как только почувствовал мой взор, всем телом подался ко мне, тем не менее, не вставая со стула.

Скорее всего, второй сторож просто побоялся напугать меня резкими движениями. Я с интересом рассматривала его высокую фигуру. Из-за безобразного одеяния он казался скорее тощим, чем стройным. Черные с седыми висками волосы были до плеч, а глаза – темными и тревожными с синяками от усталости. Взгляд умудренного опытом пожилого человека не гармонировали с довольно молодым лицом, и мне почему-то стало не по себе от этого несоответствия.

Мужчина нахмурил высокий благородный лоб и еще пристальнее уставился на меня. Медленно поднялся и неторопливо подошел, всем своим видом показывая, что у него добрые намерения. Он встал с другой стороны кровати, видимо не желая тревожить спящего, и мягко, тихо заговорил на непонятном мне языке.

Я минуту-другую слушала его плавную речь, а потом пожала плечами и при помощи мимики и обычных жестов продемонстрировала, что не понимаю, о чем речь. Он помолчал, а потом снова заговорил, но уже, похоже, на другом языке. В результате «переговоров» со мной Балахон перебрал не менее пяти языков с тем же результатом. В конце концов он недовольно и раздраженно поджал губы.

Собравшись с силами, я чуть привстала и с облегчением увидела на себе рубашку из плотной белой ткани, похожей на хлопковую, а может льняную. Не важно. А вот крылья, спину и зад я себе отлежала качественно. Мои новые конечности огненным покрывалом раскинулись по кровати, и на одеяле я заметила пару красных перышек. Еще и линияю!

И тут мне в голову пришла дурная, но заставившая весело усмехнуться ассоциация с нашим старым домашним попугаем. Эта яркая мелкая и крикливая бестия всюду совала свой любопытный клюв. Приходилось охранять свою тарелку с едой и украшения от конкурента, который всюду ронял перья и пух, выдавая тем самым свое участие во всевозможных проделках. Теперь и я, как попугай Кешка, буду всюду оставлять перья; только бы не начала еще и кукарекать. Хотя нет, судя по моим новым «вокальным» данным, я теперь мурлыкаю, как самая обычная гулящая кошка.

На этой безрадостной ноте я тоскливо уставилась на стол с едой, а по комнате пронесся угрожающий рык моего голодного желудка. Балахон с понимающей улыбкой покачал головой, вернулся к столику и с заметным усилием передвинул его к краю кровати. В предвкушении обеда, ой, нет, ужина, темно же, рот наполнился слюной. Я непроизвольно громко сглотнула и, приподняв одеяло, быстро передвинулась поближе к еде. Свесив голые ноги и облегченно расправив помятые крылья, я набросилась

на еду. Ур-р-р, какая вкуснятина «эта ваша заливная рыба»!

Насытилась я довольно быстро, видимо, желудок у «крылатого котеночка» оказался маленький или непривычный к такому количеству еды, а вот глазами я продолжала есть. Страдая от жадности и нервно постукивая когтями по краю столика, а хвостом по одеялу, я с грустью смотрела и пыталась решить, что делать с таким количеством не поместившейся в меня замечательной еды, и как бы мне оставить ее себе. На будущее!

Балахон заметил мои метания и открыто улыбался. Я сконфузилась и едва сдержалась, чтобы смущенно не поковырять пальчиком в царапине на столе, проторенной моими же когтями. На будущее надо быть аккуратнее и чужую мебель беречь: коготки-то ого-го. И снова мое внимание привлек мужчина. Ткнув себя пальцем в грудь, он произнес:

– Хос Кершин Рош!

Затем вопросительным жестом указывал на меня и поднял брови в ожидании ответа.

– Юлия Крымова!

Дальше я начала тыкать в разные предметы и выяснять их названия, чтобы запомнить и, главное, выяснить, как правильно произносить. Ведь если правильно запомнить фонетику, легче учить грамматику. Через полчаса я с изумлением и восторгом поняла, что у меня, слава Богу, просто идеальная память. Теперь надо только учитывать эту свою чудесную особенность и не засорять ее всякой ерундой. И вообще, чудно получилось все-таки: новое тело подарили, а знаний никаких не дали, просто выбросили в какой-то бассейн – и выплывай, как сумеешь. Получилось – прекрасно, а нет – не судьба.

Хоть я и злилась на «пятна», подарившие мне вторую жизнь, но справедливости ради признала, что сделали они невозможное и даже сверх того. Но русскому человеку всегда мало. Даже в халявной бочке меда наш брат все равно найдет чайную ложку дегтя. Так и я не русская, что ли?! Была! Но дух-то остался прежним!

Я встала и заметалась по комнате за Кершином Рошом, и повторяла, повторяла и повторяла новые названия различных предметов, иногда даже пытаясь выяснить у него некоторые прилагательные, активно жестикулируя. Наш урок родного языка методом полного погружения прервал проснувшийся мужчина. Условно сторож или здоров спать, или очень устал, раз с час нашего общения с Кершином преспокойно дрых возле опустевшей кровати.

Мы замерли, глядя на него, и в тот момент, когда горе-сторож сладко зевнул и потянулся, а потом, заметив пустую кровать, вздрогнул, вскочил и

отчаянно закрутил головой. Как только он увидел меня в длинной плотной рубашке, разрезанной на спине для крыльев, успокоился, но сильно побледнел, заглянув мне в глаза, и непроизвольно отступил, с грохотом перевернув стул.

Понятия не имею, отчего это он так испугался, поэтому, не двигаясь и не мигая, подняла руки ладонями к нему и ждала, когда он успокоится. Заметив рядом со мной Кершина Роша, пугливый тип пришел в себя, выдавил вымученную улыбку и представился:

– Римс Вальт!

Он говорил еще что-то, но, увы, моего словарного запаса не хватило, чтобы понять, о чем речь.

– Юлия Крымова, – наконец назвалась я и тут же отметила, что, услышав мурлыкающий голосок, мужик расслабился и поплыл, глядя на меня с радостной улыбкой.

Так у меня, оказывается, дополнительное достоинство имеется, которое по незнанию записала в недостатки. Это хорошо, учту!

Римс Вальт пробыл с нами всего минуту, а потом, помявшись, коротко поклонился и под моим любопытным взглядом быстро вышел. Недоуменно пожав плечами, я повернулась к Кершину и заметила, с каким жадным интересом он наблюдал за мной. Но в нем незаметно было ни похоти ни чего-то неприличного, глаза горели вниманием исследователя, наткнувшегося на необыкновенную, даже уникальную находку.

Вид Кершина снова заставил задуматься, что же я такое, если даже этот несомненно умный человек смотрит на меня, как на птицу Феникс, внезапно восставшую из пепла? Тяжко вздохнув, снова оглядела себя и, убедившись в печальном факте своего незавидного положения, вытерла вспотевшие ладони о рубашку. Ну да, оказалась непонятно где, да еще в одной ночной рубашке. Позорище-то какое! Хоть обратно крыльями прикрывайся.

Умница Кершин сразу понял, в чем дело, и неуверенно шагнул ко мне, осторожно положил ладонь на плечо в успокаивающем жесте. Мягко улыбнувшись, под локоток подвел меня к еще одной двери, прихватив с собой канделябр. Провел в другую комнату, судя по обилию одежды, гардеробную. Снова улыбнулся, заметив, что я в восторге, и отступил на пару шагов, предоставляя возможность самой выбрать одежду.

Я ринулась в самую гущу словно хищная птица, чтобы все внимательнее рассмотреть, погладить и пощупать. Столько красивого «тряпья» не видела никогда. Нет, вспомнила! Видела в исторических фильмах по телевизору, а тут – вживую. Мало того, еще и предлагают что-нибудь выбрать для себя.

Пробежавшись взглядом по рядам платьев, я вспомнила о своей новообретенной особенности и снова приуныла: ну как надеть хоть одно из них, раз у меня за спиной крылья? Самое удивительное, сейчас, когда я уже обвыклась с новой внешностью, поняла, что от крыльев уже никогда не смогу отказаться. Слишком люблю летать, чувствуя всем телом ветер свободы, парить в голубом небосводе. За этот подарок буду вечно благодарить те «пятна», что дали мне вторую жизнь.

Осталась только сущая ерунда – подыскать одежду, которую я смогу надеть. И – о чудо! – нашла платье со шнуровкой не по бокам, а на спине. Тяжелая бархатная ткань сохранит тепло и придаст уверенности в себе. Я повернулась к Кершину и показала глазами на дверь. Как только он выполнил мою молчаливую просьбу, начала переодеваться.

Немного подумав, я решила не снимать рубашку, а надеть платье прямо на нее. Расслабив шнуровку сверху, влезла и потуже завязала бантик на поясе. Ура, оно жестко село на талии и не сползет с полностью обнаженной спины и не будет мешать крыльям. Пока я одевалась, в голову пришла идея моего будущего гардероба. Признаться, платье, да еще бархатное, – совсем не мое, в смысле неудобная и непривычная для меня одежда. Поэтому как только смогу заработать немного денег, придется потратиться что-то практичнее.

Как только мне пришла в голову эта обычная житейская мысль, я задумчиво замерла, пытаюсь осмыслить факт планирования дальнейшей жизни, шагов, которые нужно в первую очередь сделать. А ведь еще вчера... Вчера ли? Надо бы выяснить, сколько я тут провалялась в беспамятстве! Как давно сменила одно тело на другое? Сменила мир! Участвовала в войне и убивала. Убивала! Меня накрыло воспоминаниями, словно приливом, заставив согнуться в три погибели и уткнуться лицом в колени.

Хвост сочувственно обвился вокруг моих ног, крылья укутали плащом, скрыв от мира. Господи, как больно осознавать, что ты убийца, пусть даже не людей, а тех, кто сам с радостью убивал их. Лучше мне все равно не становилось. Такой грех на душу лег и давит пудовой гирей, не давая вздохнуть полной грудью.

Открылась дверь, а в следующее мгновение мне на голову легла большая теплая ладонь и по-родительски ласково погладила. Я подняла взгляд и сквозь слезы посмотрела в темные, умные глаза Кершина, вставшего рядом со мной на колени. В них было столько тепла и понимания, что я не выдержала и прильнула к нему, уткнулась в шею и разрыдалась, выплескивая накопившееся. Он стал гладить меня по

растрепанной макушке, словно заботливый отец обиженную дочь. Так мы просидели пару минут, пока нас не прервали.

Шелестя юбками, рядом с нами присела женщина, вернее, дама лет тридцати с золотым обручем на голове, который был украшен большим красным рубином, и в бархатном платье, подобном моему. Она печально посмотрела на меня большими голубыми глазами, горестно поджав четко очерченные, пухлые губы. Красивая, белокожая и с неожиданно хорошеньким курносым носом. Прекрасные каштановые волосы мягкой волной спускались до талии, придавая ей особый шарм.

Отчего-то мне показалось, что эта красавица давно не улыбалась, но все равно добра и участлива. От нее исходило тепло и симпатия, и мне она сразу и безоговорочно понравилась. Вытерев слезы и шмыгнув носом, я отстранилась от Кершина, который сразу встал на ноги и учтиво склонился перед дамой, подтверждая мою догадку о том, что она очень важная особа. Я тоже встала, хотя кланяться не спешила. Пиететом к высоким должностям я не страдала, уважала только за поступки и заслуги, а не звания.

Что-то я расклеилась, а ведь раньше этим тоже не отличалась. И оправдывают меня в собственных глазах, по крайней мере, две причины: раньше я не убивала и в другое тело не переселялась. В прежней жизни рассчитывала больше на себя. Другие не всегда помогут. Хочешь спать – постели постель, хочешь есть – сначала добудь еду, а потом сама и приготовь. Мне в жизни даром и просто так ничего не доставалось.

Я молча разглядывала даму, оказавшуюся почти на голову ниже меня, – ну хоть что-то осталось неизменным: как была модельного роста, так и осталась. Точно, я не ниже ста восьмидесяти сантиметров. А незнакомка неуверенно, робко смотрела на меня, не решаясь сделать первый шаг. Ага, значит, мы в одной лодке, можно расслабиться. К счастью, Кершин пришел нам обеим на помощь и представил женщине сначала меня, а потом медленно, чтобы я запомнила, произнес:

– Хасин Эливия Пограничная!

Я повторила, и они оба остались довольны. Потом Кершин быстро пояснил Эливии, что я не говорю на известных им языках, чем вызвал у той удивление. Затем она, оглядев мое платье, весело хмыкнула, сложила ручки перед грудью, коротко кивнула и быстро вышла, громко выкрикивая непонятные мне слова.

Кершин недовольно поморщился, наверняка догадавшись, что будет дальше, а я напряглась, оставшись в неизвестности. Впрочем, ненадолго. Через минуту Эливия вернулась вместе с тремя женщинами в чепчиках,

державшими в руках небольшие деревянные ларцы. Одежда на них оказалась гораздо проще, да и держались они за спиной хозяйки (бархат и гордая осанка сомнений не оставляли) и разглядывая меня широко раскрытыми глазами.

Я приветливо улыбнулась служанкам Эливи, чтобы расположить их к себе, но двое почему-то растянулись в обмороке на ковре. Упс-с-с, про клыки забыла! Прикрыв рот, виновато улыбнулась Эливи и третьей женщине, схватившейся за сердце. Извиняясь, слегка развела руками, мол, простите, хозяева дорогие, я не хотела. Эливи звонко рассмеялась, чем полностью разрядила обстановку. Устоявшая на ногах женщина осторожно подошла ко мне.

Тем временем две женщины с более слабыми нервами пришли в себя и начали собирать вывалившееся из ларцов добро: нитки, клубки, ножницы и прочие швейные принадлежности. Поняв, что они собираются шить мне одежду, я едва сдержалась, чтобы вновь не улыбнуться от радости во весь рот. Взглянув в голубые глаза Эливи, смотревшей на меня без опаски, с горячим любопытством, повернулась к Кершину, который стоял позади меня, ехидно наблюдая за нашим знакомством, и указала на него.

Дальше я руками показывала, что хочу мужские штаны и длинную рубашку с поясом, чтобы летать было удобно. Наконец, меня поняли. Самая догадливая и стойкая швея кивнула и вопросительно уставилась на Кершина. Тот смутился и, поклонившись сразу всем, быстро удалился. Швеи под строгим взглядом хозяйки занялись делом. Сначала с меня сняли мерки, потом начались примерки, подгонки и прочая рабочая суeta.

Через час никто из швей не вздрагивал, если я недовольно шипела, когда какая-нибудь мастерица случайно колола меня иголкой или бесцеремонно поворачивала из стороны в сторону. Они весело переговаривались, трогая мои крылья или щекотно касаясь обнаженных рук и ног, покрытых мягонькой шерсткой-пушком. Неужели я стану местной достопримечательностью? А, ладно, главное, что они, весело щебеча, учили меня языку.

Нас прервала девушка, которая, помявшись в дверях, так и не решилась зайти, а только поклонилась Эливи и сказала, что в столовой накрыт обед, а его высочество хасун Таурик II Пограничный ждет нас к столу. Что означает их фамилия, я узнала через пару дней, а сейчас просто повторяла, лишь догадываясь. Перед тем как выйти за дверь, мастерицы поправили на мне платье и недовольно покачали головами, глядя на слишком короткий подол.

Встречая людей в мрачных коридорах старого замка, я с усмешкой

замечала, как они опасливо обходили меня и, тем не менее, почтительно и уважительно кланялись. Приятно, черт побери! Войдя в просторный, освещенный свечами и слабым светом пасмурного весеннего дня, зал-столовую, я чуть не споткнулась, встретившись с карими глазами того самого мужчины, которого встретила в этом мире самым первым. С которым разделила удивление и радость после спасения его товарища. Только сейчас кареглазый воин был в дорогих бархатных одеждах и с таким же обручем на голове, как у Эливии.

А вот тот исцеленный богатырь смотрел на меня с искренним удивлением и восхищением. И глаза у него были голубые-голубые, настолько похожие на глаза Эливии, что я сразу предположила их родство, и с жадностью блуждали по моему телу.

Эливия представила меня сначала своему мужу хасуну Таурику Пограничному, который шагнул вперед, взял мою когтистую лапку в свои руки и поцеловал ее. Непривычно как! Я даже покраснела, хотя, куда уж больше-то.

Затем я познакомилась с гигантом-братом Эливии, которого спасла от смерти, – хосом Гронсом Вейром. Этот, вообще, заграбастав мою лапку в свои ручищи, припал на одно колено и приложился мокрым ртом. Правда, немного опешил, когда хвост неожиданно выскочил у меня из-под юбки, шлепнул его по рукам, а потом и вовсе нервно заплясал по каменному полу, демонстрируя всем мою нервозность и смущение. Я еще больше покраснела и опустила голову, чувствуя себя еще более неловко, чем недавно.

К счастью, умница и настоящая хозяйка Эливия поспешила снять напряжение, пригласив всех к столу. За обедом присутствовал и хос Кершин Рош, который, к моему облегчению, принес с собой листок не то бумаги, не то пергамента и схематично изобразил систему иерархии в замке. А может, и не только в замке. Почти не зная языка, я с трудом находила аналогии в русском. Но Кершин хорошо поработал над схемой и подробно пояснил.

Как я поняла, Таурик и Эливия – владельцы замка, а хасун и хасин – это своеобразное обращение к ним, сопоставимое с королем и королевой. Затем идут принцы-герцоги или хосы: Гронс Вейр – брат Эливии и хос Кершин Рош, он тут, вроде как, магом работает. По крайней мере, умеет делать занятные магические штучки, чем восхитил меня не на шутку. Я же из России, а там к такому пока не привыкли! И неважно, что сама я, похоже, такая же. Римс Вальт тоже хос и, если я правильно поняла, второй советник Таурика.

За обедом, надо сказать простым, вкусным и не отягощенным большим количеством столовых приборов, я постоянно замечала на себе любопытные взгляды не только прислуги, или как здесь обслуживающий персонал называют, но и сотрапезников, от чего нервничала, беспокоилась, но усиленно старалась ничего не показывать. В результате, к концу обеда я чувствовала себя словно выжатый лимон. Еще бы, встать затемно, перезнакомиться с массой народа, поплакать между делом, поучаствовать в уроке кройки и шитья, затем пройти тщательно завуалированный допрос, в котором обе стороны пытались продрагаться сквозь языковой барьер, а потом очень плотно покушать.

И как после такой насыщенной программы не отдохнуть? Это нереально! За время учебы я очень хорошо усвоила главный закон студента: после сытного обеда по закону Архимеда полагается поспать. Зевнув, прикрыла лапкой широко раскрытый рот, снова смутилась, но люди все прекрасно поняли. Кершин предложил проводить меня в покои.

Уже лежа в кровати с широко раскинутыми крыльями, я лениво подумала: жизнь все-таки хорошая штука.

Глава 4

Открыв глаза, я лениво потянулась, обозревая свои новые покои, к моей радости, без балдахина, а то оставаться в королевских, куда меня вначале принесли гостеприимные хозяева, было как-то уж слишком. Немного полежав и обдумав, чем сегодня буду заниматься, решила встать. Все равно, если уж проснулась, больше не засну. В замке я прожила уже четыре дня и постоянно учила язык, осматривала окружающую территорию, знакомилась с местными жителями, которые достаточно скоро привыкли ко мне и относились уже не так настороженно и боязливо. Я приняла кучу благодарностей за спасение людей, потешив самолюбие и тщеславие: знай наших! Но пока никак у меня не получалось определиться с дальнейшей жизнью.

Кершин принес из своей «лаборатории» старинный фолиант и с помощью картинок, изображенных на потертых страничках, учил меня премудростям этого мира, рассказывая населяющих его о народах, животных и растениях.

Я старалась особенно не удивляться, когда он показывал на драконов, гномов, эльфов и еще множество различных видов существ. Сложно понять, каким образом этот небольшой, в сущности, мир, смог вместить

такое разнообразие разумных и не очень. А то, что большая часть из них – животные, мне, как истинной землянке, была хорошо понятно. И вот, практически на последней страничке я увидела изображение мужчины, похожего на меня, а Кершин, мягко улыбаясь, произнес:

– Дрийя! Юлия – дрийя!

Раскрыв рот, я смотрела на картинку и пыталась применить название к себе. Вот, значит, кто я! Дрийя, и я не одна такая. Фу-у-ух, слава тебе, Господи! Только сейчас осознала, что именно меня подспудно мучило. Я боялась, что я единственная такая «красивая» девушка. И пару найти не смогу, а оказалось, еще как найду. Счастливо, облегченно улыбнулась и, взглянув на слегка озадаченного Кершина, довольно проурчала:

– Ага, дрийя!

Явно не поняв причину моей радости, Кершин отложил фолиант, достал доску с грифелем и продолжил учить меня алфавиту. А у меня еще несколько минут стояло перед глазами изображение дрийя: высокого, прекрасно сложенного мужчины в облегающей одежде, скорее всего кожаной, с низко опущенной головой, длинными развевающимися волосами, огромными раскрытыми крыльями и окруженного «молниями», исходящими из его рук – все это впечатляло, зачаровывало и в тоже время заставляло задуматься об опасности встречи с представителем моего нового народа. За окном была ночь, а я поднялась и, оправив задравшуюся рубашку, вышла на балкон, где гулял прохладный, пронизывающий ветер. Забралась на перила и уставилась в темнеющее небо: яркие звезды манят к себе, а две луны щедро заливают таинственным светом лужайку с фонтаном. Трава еще желтая, прошлогодняя, а в неработающем фонтане виднеется немного воды.

Осмотревшись и не заметив наблюдающих, я расправила крылья и начала усиленно ими размахивать. Надо же учиться летать, раз мне волей богов достались крылья! А чтобы пользоваться такой красивой пламенной машиной за спиной, надо иметь железные мышцы. Вот и начала я каждое утро и вечер тренироваться. Утром у меня были пробежки, отжимания и ведра с водой в качестве гирь (поварихи и прачки только радовались). А по вечерам – летные тренировки в саду, пока никто не видит. Я взлетала и старалась медленно опускаться вниз, а не пикировать, как мешок с картошкой.

Помахав крыльями в качестве физподготовки, я решила немного полетать. Недолго думая, ускорила и прыгнула с перил. Секунду я, конечно, продержалась, а потом с визгом и воздушными кульбитами полетела вниз. И со всей дури рухнула в вонючую, застоявшуюся воду

фонтана. Отплевываясь и отфыркиваясь, ругаясь себе под нос, вылезла из него и, тяжело перевалившись через бортик, встала. С меня ручьями стекала вода, а холодный ветер с радостным воем принял меня в свои объятия.

Я встряхнулась, словно дворовый пес, и только собралась незаметно вернуться в комнату, как наткнулась на троих довольно ржущих стражников ночного караула. Повезло этим «коням»: не ожидали, что за мой счет развлекутся, причем до слез, от всей души, и до хлопков по своим ляжкам. Я вжала голову в плечи и, укрывшись мокрыми, поникшими крыльями, ринулась в замок, надеясь не попасться еще кому-нибудь на глаза.

Нет, ну вот какие насмешники. Я им тут всем жизнь спасла, а они надо мной гогочут. Гуси неоципанные! В свою комнату я зашла уже в самом прескверном состоянии духа, по дороге забежав в своеобразную баню-купальню смыть с себя грязь и погреться, а то зуб на зуб не попадал. Это местное «общественное заведение» очень мне пришлось по душе: горячий источник – мойся, сколько хочешь; наверное, еще и для здоровья полезный. А цену комфорту я знаю – бывала в экспедициях.

Спустя месяц я стала в замке своей. Люди ко мне привыкли и совсем перестали обходить. Только иногда дергались, когда я окидывала их взглядом, хотя искренне недоумевала отчего. Ведь в зеркале отражались большие, яркие, красивые глаза. А почему они пугают, не могла понять. Один раз даже рискнула спросить Эливию, но та отделалась, весьма расплывчато объяснив, что они просто очень необычные, чем еще больше озадачила. Тьфу ты, ну побольше, чем у людей, но ведь не змеиные же?!

Язык людей я с горем пополам выучила, спасибо всем помогавшим в этом деле жителям замка, выжившим после нападения бредвишей. Благодаря Кершину, неустанно занимавшемуся моим образованием, я выяснила: мир, в который попала, весьма сложен. Называется Лайдос, на нем два огромных материка, между ними – узкий пролив, соединяющий два океана. Материки тоже различаются, один – светлый, другой – темный, и между ними пролегает незримая магическая граница. Вот иногда через нее и прорываются на светлую сторону темные создания. Те же Бредвиши.

Маленькое горное королевство, жителям которого я помогла, расположено на границе с Темным миром, прямо возле Черного пролива. Когда двое наследников не поделили трон, его и назвали недолго думая – Пограничье. С одной стороны королевства – Черный пролив, с другой – горы, в которых обитает один из драконьих кланов, а за перевалом живут гномы. Неширокую полосу леса, уходящую вглубь светлого материка,

облюбовали эльфы. В общем, вся территория уже давным-давно поделена и переделена на мелкие и крупные человеческие королевства, эльфийские княжества, гномьи когорты и еще уйму различных союзов других существ.

Последний прорыв, свидетелем и героиней которого я стала, был настолько мощный, что с лица Лайдоса было бы стерто не только маленькое Пограничье, но и другие государства, побольше. Зараза в виде плотоядных бредвишей могла бы запросто выкосить половину населения светлого материка. А тут появилась я – вся такая загадочная, полуголая и краснозадая.

Как восхищался Кершин, я своим пламенем, уничтожившим темных, изрядно всколыхнула магический фон Лайдоса. Каждый маг даже на другом конце материка почувствовал это возмущение. Поэтому помимо занятий языками он с неиссякаемым энтузиазмом исследовал мои способности, за что я была искренне ему благодарна. Ведь Кершин, по сути, помогал мне лучше узнать себя.

Когда местный маг рассказал кое-что о дрийя, точнее, пару раз обмолвился, что подобных мне здесь не встречали уже лет пятьсот, если не больше. Мои сородичи как-то резко исчезли из виду и в настоящее время предпочитают не покидать своих земель, расположенных на другом конце Светлого материка. Хотя, может, в соседних странах дрийя и бывают. О своем необычном появлении здесь я упорно молчала, лишь сообщила, что начисто потеряла память и очнулась во время битвы, а Кершин, уважая мое нежелание говорить или действительно поверив сказанному, больше не спрашивал.

Месяц усиленного обучения и почти безвылазного пребывания в замке основательно меня измотал, но дал результат. Летать я с горем пополам научилась, еще не раз искупавшись в вонючем фонтане, говорить на языке людей тоже могла, к своей гордости, почти без акцента. Кершин по-прежнему занимался со мной, заставляя теперь учить еще и другие языки. С королем Тауриком и королевой Эливией мы основательно сдружились, а ее брат Гронс вообще поначалу пытался за мной ухаживать, пока я плотоядно и зловеще ему не улыбнулась, заставив побледнеть и отступить.

О том, что Гронс – заядлый бабник, меня сразу просветили служанки, да и у самой глаза есть. А ситуация с Мишкой нет-нет, да и всплывала в памяти. Хотя старый мир изо дня в день становился все призрачнее и дальше, а воспоминания постепенно стирались, заменяясь новыми событиями и реалиями. Но досада и страх вновь оказаться обманутой, злобным обиженным псом грызли меня изнутри.

Увидев примитивные географические карты Лайдоса, я решила

изучить горный массив Пограничья. Схематично нарисовала территорию королевства, переоделась в брюки и длинную, с двумя разрезами по бокам рубаху-тунику, взяла с собой сшитую специально под крылья меховую жилетку, скрепленную полосками на талии и с завязкой на шее, и отправилась искать Эливию.

За этот месяц мы с ней стали даже подругами, чему я очень радовалась. Тяжело жить в чужом мире без дома и близких. А мне просто сказочно повезло обрести крышу в горном замке, друзей в лице Эливии, Таурика и Кершина и вдобавок неограниченную свободу. Вот и сейчас я предупредила королеву, что отправляюсь погулять вокруг замка, мягко отделалась от ее искренней заботы и, получив предупреждение об опасности, с гиканьем выпорхнула с ближайшего балкона в чистые небесные голубые дали.

Стражники на стенах замка покачали головой, одарив меня за ребячество добродушной усмешкой. К моим выходкам они тоже привыкли, особенно после того, как однажды ночью я забрела на стену и просидела с ними полночи, обучая игре в карты, потом – в шашки, нарды, уголки и еще куче земных развлечений. За несколько дней мы с одним из плотников смастерили пару игральных досок, фишки и шахматные фигуры. И понеслось...

Кости народ забросил напрочь. Теперь ребяташки, сбившись в маленькие стайки, с невиданным прежде азартом играли в наши игры, а их родители только диву давались, впрочем, и сами от детей не отставали. Хотя иногда и поминали меня не слишком добрым словом за то, что их чада теперь отлынивают от работы и скрываются непонятно где, играя непонятно во что. Зато резчики и рисовальщики мгновенно смекнули свою выгоду. Заря азартных игр занималась над Лайдосом.

С трудом размахивая крыльями, несмотря на усиленные тренировки, я летела над ближайшими невысокими горами и с любопытством рассматривала округу. Внимательно изучала местность и делала пометки на карте. Только недавно вспомнила о своем очень полезном геологическом и географическом образовании, поэтому с энтузиазмом принялась за разработку и исполнение созревшего в голове плана по добыче средств к существованию как себе, так и всему королевству.

Войны и прочие напасти вроде прорыва «полуорков» привели к оскудению королевской казны Пограничья. Средств не хватало на самое необходимое, не говоря уже о желаемых. К примеру, одежду мне перешили из гардероба самой королевы, постыдясь использовать дешевые ткани для крылатой героини. И только через месяц я об этом узнала, вот и решилась

на авантюру. Несмотря на страх остаться в горах одной, отправилась на разведку хотя бы ближайших территорий.

Постепенно я забралась довольно высоко. Невольно вспомнилась старая привычка разговаривать сама с собой, и теперь мой мурлыкающий голосок раздавался среди величественных горных вершин, уходивших в синее небо, и отчасти снимал напряжение одинокого полета. Еще раз осмотрев под собой площадку, я собралась приземлиться, чтобы воспользоваться редкими кустиками, а то мочи терпеть уже нет, и одновременно «ворчала»:

– Жаль, я не голубь! Приземляйся тут, штаны снимай, а эти пернатые раз на лету – и все, готово, кого-нибудь внизу осчастливили. И вообще, откуда такая дурацкая примета взялась: если тебя голубь пометит, значит, счастье скоро привалит?!

Дальше еще интереснее. В красках представила, как бы было весело, если бы огромные дриия летали, как голуби, и «осчастливливали» всех внизу. Вот идешь ты, идешь и не знаешь, что скоро тебе повезет, а тут раз – и «огромное счастье» на голову прилетает. Главное, после не умереть от счастья. Ну, это к вопросу о том, почему коровы не летают. С трудом натянула штаны, едва не пополам согнувшись от смеха по поводу собственной же глупости, и выбралась из чахлых кустов.

Но тут в мою дурную голову пришла еще одна мысль, и я уткнулась в ладони лицом, заливаясь слезами от смеха. Представила целую стаю таких дриия, заваливающих город «счастьем». И возникшую впоследствии легенду о целом городе, погибшем от свалившегося на него счастья.

От души поржав над собственным бредом, я продолжила изучать местность. Полетав еще с часок, приземлилась на привлекательной плоской площадке и уселась на край, свесив ноги в пропасть. Внизу расстилалась умиротворяющая картина, навевающая созерцательное настроение.

Пики горных вершин, подсвеченных двойной звездой, выполняющей работу нашего Солнца, тянулись в чистейшие голубые небеса. И звенящая тишина – почему-то даже птиц не видно и не слышно. Только я в этом безмолвии наслаждаюсь красотой мира, тишиной и коротким одиночеством. Ведь в прежней жизни я все время была чем-то занята. То уборкой и походами по магазинам, то работой, то решением проблем сестры и вытаскиванием ее из различных передряг. То Мишка все время пытался сделать из меня ту, которую хотел видеть рядом с собой.

Коллеги по работе тоже требовали соответствовать профессии. Приходилось давать им очень жесткий отпор и всегда быть начеку, ожидая

очередной каверзы. В результате я не выдержала постоянного напряжения и с позором вернулась домой. Всю жизнь была кому-то что-то должна и обязана, только мне никто и ничего (кроме тетки, конечно). Слишком рано я, неуверенная в себе девушка с ранимой душой, стала взрослой и сильной.

Немного отдохнув, я встала, размяла уже порядком затекшую спину и в последний раз оглянулась. И тут мне снова пришла в голову идиотская мысль. А почему нет? Мне больше не хочется сдерживать свою не наигравшуюся в юности натуру, а хочется ощутить себя студенткой во время практики. Поискала глазами мел, не увидела (нет, так нет, обойдусь), решительно подошла к ровной отвесной скале и, применив огненную магию, начала писать. Закончив одну фразу, немного подумала и с ехидным смешком приписала другую. Потом, удовлетворенно улыбнувшись, отошла чуть дальше и прочитала вслух:

– Здесь была Юля! Жизнь – дерьмо, а боги – сволочи!

Но в тот момент, когда я закончила читать вслух последнюю фразу, в лоб довольно больно прилетел маленький камушек. Потирая ушибленное место, злобно прошипела:

– Ой, да ладно, что там неправильно написано-то!

Под каблуком разломился камешек, и я, подвернув ногу, упала, больно приложившись бедром. Вот тут уже страшно стало, и я виновато заголосила:

– Ну ладно, ладно, ну пошутила я! Что, уже пошутить нельзя?!

Доковыляла до скалы и сначала камнем попыталась, а потом своим пламенем затерла не понравившиеся Высшим слова, тем не менее, оставив «Здесь была Юля!» Знай наших! Русских!

Домой я летела, смахивая, скорее всего, на подбитый кукурузник, вихляя из стороны в сторону и неритмично размахивая крыльями.

Глава 5

Как-то вечером королевская чета позвала меня на посиделки в небольшую уютную комнату, приняв тем самым в ближний круг, можно сказать, родной. Мы уютно расположились с местной выпивкой, похожей на вино со специями, на шкуре кудлатого горного барана перед камином и смотрели на огонь. Эливия сидела, опершись на ноги Таурика, а он мягко поглаживал ее рассыпавшиеся по плечам шикарные волосы цвета шоколада. Мы уже почти прикончили приличный глиняный кувшин с горячительным, языки развязались, особенно у нас Эливией, и поэтому

говорили на самые откровенные темы.

С трудом ворочая языком, я скосила пьяненький взгляд на супругов и проблеяла:

– Нет, ну вы мне скажите, почему наследников-то не заводите? Возраст-то подходящий. Ну, я понимаю: опасно, но ведь жизнь вообще опасная штука! А?

Таурик насупился и перестал гладить жену, а Эливия пьяно заплакала, размазывая слезы по щекам и выказывая свою душевную боль:

– Это я виновата, Юлия! Только я! Не могу подарить мужу наследника! Род Пограничных прервется из-за меня! Мы уже столько лет хотим, а все без толку. Только моя вина!

Допив вино, я отставила чарку в сторону и с трудом передвинулась к друзьям. Виновато приобняла плачущую женщину, уговаривая:

– Ну не плачь, Эл! Мы сейчас поглядим, что там и как. Все равно учиться-то надо когда-нибудь!

Эливия, округлив глаза, несколько напряглась, услышав, что я сейчас на ней учиться буду, но не двинулась с места. Я положила руки ей на живот, икнула и постаралась сосредоточиться. Пока сосредотачивалась, чуть не уснула, если бы Таурик не растормошил. Вот стыдоба! Тряхнув головой, я собралась и, наконец, у меня получилось почувствовать ее отклик. От удивления и ощущения происходящего очередного чуда прислушалась к себе. Действовала скорее на интуиции, выискивая темные, неправильные пятна и потоки, пока с недоумением не убрала руки от женщины.

– Не-а, у тебя все нормально, Эл!

Потом, подозрительно посмотрев на Таурика, вцепилась лапкой ему в штанину так, что ткань затрещала и обнажила волосатую мужскую ногу. Не заморачиваясь на порче королевских штанов и тем, что напугала их хозяина, положила лапки ему на живот и ушла в транс. А когда пришла в себя под удивленными взглядами обоих супругов, напряженно наблюдавших за мной, прохрипела в стиле придушенной кошки:

– Это у Таурика проблема, а не у тебя, Эль! Была! Я все исправила, можете идти и размножаться, точнее, плодиться. Ой, ну как хотите, сами разберетесь! А у меня что-то голова совсем не соображает, пойду спать. Спокойной ночи.

Кажется, королевская чета даже не шелохнулась, ошарашенно глядя на меня и не веря своим ушам. А я, цепляясь руками и хвостом за стены и мебель, поплелась к себе в комнату. Как же я раньше-то без хвоста жила? Уму непостижимо! Какая замечательная и полезная пятая конечность, особенно для подвыпивших дрийя.

В следующий раз в горы я смогла отправиться только через день. Как выяснилось с утра после пьянки, дриия, или конкретно я в новой ипостаси, плохо переносят алкоголь, в смысле мучаются потом похмельем. Полдня я маялась, пока Кершин, наконец, не сжалился надо мной и дал выпить какой-то волшебной настойки. Правда потом еще целый час, пока я приходила в себя, воспитывал, мол, нехорошо приличной женщине напиваться до безобразия, что утром крылья не поднять. Даже анекдот вспомнился про пьяную ворону, которая, выйдя из ресторана, взмахнула крыльями, не взлетела и сказала: «А ладно, пойду пешком».

Признавая его правоту, я помалкивала и сопела, уткнувшись в подушку и накрывшись крылом, скрывала, наверное, малиновое от стыда лицо и вздрагивающие от головной боли уши. Да-а, моя попытка выпить в этом мире провалилась, причем точно так же, как на Земле. Потому что пить я и там не умела, и не любила. Ну, вчера просто что-то на нас всех накатило, а чем закончилось...

О! Кстати, чем закончилось?! Вспомнив все, что смогла, я облегченно выдохнула: никакого криминала и танцев на столе. Собственно, только слегка полапала королевскую чету, порвала монарху штаны, послала их размножаться, разбила какую-то вазу по дороге к себе и все вроде!

Снова тишина вокруг и снежные шапки. За спиной виднелась знакомая надпись «Здесь была Юля!». Я болтала ногами над пропастью и делала пометки на карте. Пока ничего новенького и интересного не нашла, но надежды не теряла. Взлетела, покружила и опустилась ниже, изменила курс и решила обследовать другие квадраты.

Пару часов спустя я присмотрела очень хорошую посадочную площадку и приземлилась перекусить. Я уже собирала сумку с остатками еды, когда над головой мелькнула большая тень. Нервно оглянулась, но ничего не увидела, хотя чужое присутствие чувствовала, казалось, всей рыжей, покрывшейся мурашками шкурой. Тень снова мелькнула, заставив меня шарахнуться к стене.

Следом прямо передо мной над пропастью завис, медленно двигая крыльями огромный черный ящер. Точнее, дракон! С мощным чешуйчатым телом-тушей и поджатými когтистыми лапами. Вернее, лапищами, потому что мои лапки с коготками смотрелись на фоне драконьих игрушечными!

Я в страхе ждала неминуемой расправы – что там какой-то

приблудный лесной медведь из баек любого геолога. Кершин говорил, будто драконы – разумные существа, но со своими жизненными правилами и принципами. Какими именно, я пока не в курсе, потому что идея найти в горах хоть что-нибудь, способное принести средства к существованию, занимала уйму времени, отбирая его у книг и занятий. Ведь обидно осознавать себя здоровой великовозрастной дармоедкой. Мало ли, спасла королевство. Это не повод. Не привыкла я получать что-то бесплатно.

Прижавшись к скале, я вытаращилась на диво-дивное, ведь подобного чудовища никогда не видела и, честно говоря, еще совсем недавно и не рассчитывала встретить. Дракон также пристально рассматривал меня, прищулив черные холодные глаза. Наконец, ему, видно, надоело висеть в воздухе и он пару раз взмахнул крыльями, обдув меня волной морозного горного воздуха, плавно опустился на край площадки.

В следующее мгновение после касания лапами поверхности, в мою сторону шел... мужчина в черной кожаной одежде, плотно облегающей высокое, стройное, мускулистое тело. Красоты и мужественности нереальной, такой, что мозг потребовал срочной перезагрузки. Мама дорогая, это где же таких берут? Мужчина тем временем грациозно, словно танцуя, подошел ко мне практически вплотную, повергая в культурный шок.

Дальше и вовсе... обнюхал со всех сторон! Зато в голове сразу все встало на место, особенно когда дракон пророкотал насмешливо и презрительно, сводя на нет былой восторг от его внешнего вида:

– Х-м-м, какая редкая, удивительная встреча! Маленькая дри́йя на нашей территории! Даже не знаю: радоваться или печалиться?!

Я задрала подбородок, но все равно вряд ли этим прибавила себе роста, настолько высоченным оказался крылатый. Тем не менее, копируя его тон, промурлыкала, невольно царапая когтями камень за спиной от страха:

– Хм-м-м, какая встреча! Большой дракон на территории Пограничья! Тоже не знаю – радоваться или печалиться?!

Он гневно прищурился, сверля меня черными, холодными, страшными глазами, которые сразу стали напоминать змеиные. Затем встал еще ближе, заставив чуть ли не уткнуться ему в грудь лицом. Склонился и снова обнюхал, тычась то в макушку, то в шею, противно скользя по коже холодным носом.

Странно, мужчина с такой потрясающей внешностью едва не прижимается ко мне великолепным телом, а у меня только мерзкие ощущения и внутренности закручиваются в тугой узел. Это как смотреть

на смерч: вроде красиво, завораживающе, но смертельно опасно. Все прекрасно понимаешь и спасаешься бегством.

Я уперлась в его каменную грудь руками и рассерженной кошкой прошипела:

– Не люблю, когда меня трогают, а уж когда обнюхивают – и подавно!

Выскользнув из-под драконьей руки, отбежала к краю площадки и развернулась. Смертельно опасный двуипостасный тип стоял, пристально глядя на меня, иронично подняв бровь, но явно не собираясь бросаться вдогонку. Склонил на бок голову с черной короткой шевелюрой и пророкотал, играя бровями и сверкая агатовыми глазами:

– Деточка, я уверен, мы еще встретимся! Обещаю: в следующий раз не буду столь грубым и неласковым.

Я только хмыкнула про себя, не собираясь больше с ним встречаться, взмахнула крыльями и спикировала вниз, потом ненадолго привычно замерла от восторга и, плавно выйдя из пике, полетела домой. На сегодня поиски сокровищ прекращаются, пока сама чьей-нибудь добычей не стала. Другьям и Кершину ничего не рассказала, даже сама себе объяснить не смогла почему.

В следующий раз в горы я полетела только через неделю, потому что в Пограничье пришла какая-то зараза, и мне пришлось лечить кучу народа. Теперь я была настороже, несмотря на умиротворяющую обстановку и горную тишину. Я уже точно знала, какие хищники здесь водятся, и сталкиваться с ними лицом к лицу не очень-то и хотелось. На внешнюю красоту я не падкая, а вот богатство внутреннего мира в драконе искать ни к чему. Интуиция редко меня подводила, а рядом с ним она прямо-таки вопила об опасности. Поэтому душевных щедрот у него, скорее всего, не найдется, а вот приключений на свою пятую точку – непременно.

Обследовав несколько квадратов, часто спускаясь и роаясь в породе и скальных отложениях, я чисто случайно нашла сокровище. Неудачно приземлилась на пологий склон и провалилась в какую-то яму, чуть не переломав крылья, а потом, пока выбиралась, подсвечивая путь пламенем, выяснила, что попала в небольшую пещеру. Я медленно двигалась к выходу и вдруг заметила серебряную жилу – как в учебнике. Я даже зажмурилась, не веря своим глазам. Покопавшись еще, поняла, что это мой новый источник доходов!

Взяла немного породы для тщательного изучения в более подходящей обстановке и вылезла наружу. Вернусь в замок – покажу образцы Кершину и гному Нерину Корсвальсаулину, который при своем мало росте и весе работает кузнецом.

По дороге домой я отмечала все доступные ориентиры, чтобы по ним можно было вернуться обратно. В следующий раз полетим точно с гномом. Надо будет вдвоем осмотреть месторождение и наметить дорогу для разработчиков. Надеюсь, мои крылья выдержат двойной вес.

Новость о том, что я нашла в горах серебро, привнесла суеты и радости в жизнь обитателей замка, особенно хозяевам с их пустой казной. Поэтому нашу с Нерином экспедицию было решено не откладывать. Два раза мы слетали на разведку. Вернее, летела я, а он на мне. Шея и спина потом отваливались, ведь Нерин, хоть и небольшой, но не Малыш, а я уж точно не Карлсон.

Решено было заняться тропой для рабочих, и вот тут мне пришлось попотеть. Прокладывать и искать в труднопроходимых горах дорогу – сложная задача, но мои десять процентов от добычи, выторгованные у Таурика, добавляли мне сил и энтузиазма. В одиночку я там мало чего накопаю, а вот если приложить к делу королевскую руку, то можно получить вполне приличный результат. Я практически закончила составлять топографическую карту местности с разметкой дороги к месторождению, когда у меня вновь произошла встреча с драконом. Надолго запомнившаяся!

Глава 6

Я решила еще раз проверить проблемный участок – переход через одну из многочисленных горных речушек. Прыгала с камня на камень, высматривая более удобный проход, пока не услышала шелест огромных крыльев, перекрывший шум бегущей между камнями воды. Вздвогнув, я чуть не упала с камня, и только мои взметнувшиеся крылья помогли удержаться на ногах. Встав более устойчиво, недовольно обернулась и увидела в нескольких метрах от себя знакомого брюнетистого красавца-дракона. Приземлился на камень и ухмыляется, рассматривая меня.

Чего, спрашивается, не видел? Я в своей обычной летной форме: штаны и туника до голеней, чтобы пограничников мужчин не смущать, и любимая меховая жилетка, ведь, несмотря на приход весны, в горах еще свежо, а временами даже холодно. Раздраженно перекинув на спину косу, я хмуро уставилась на незваного гостя.

А дракон, даже глазом не успела моргнуть, в пару прыжков оказался на одном камне со мной. Раскрыв крылья, я хотела рвануть в небо, но он схватил меня за крыло, выдрав несколько перьев, и заставил рухнуть ему в

ноги со злобным шипением:

– Сссараза чешуйчатая!

Присев на корточки, дракон склонил голову набок, чем сразу напомнил, как рассматривал меня в крылатой ипостаси, навис надо мной, разгладил перья на пострадавшем крыле и коротко извинился:

– Прости, малышка, не хотел делать тебе больно, но ты сама напросилась.

Я скривилась, будто лимон съела. Интересно, этот брюнет хоть сам себе поверил? Я лично – ни грамма. Слишком ехидный взгляд у него.

А чешуйчатая зараза погладил мои крылья, потом большой ладонью коснулся моего плеча, обнаженной шеи. Затем с хриплым стоном медленно скользнул пальцами по моему подбородку, скуле, виску:

– Какая маленькая! Огненная! Я чувствую, как сладок и могуч в тебе огонь, он взывает ко мне. Ждет!

Я дернула головой, сбрасывая странное оцепенение, в котором зависла, почувствовав на своем теле его руки. А дракон, словно тоже сбросил наваждение, моргнул пару раз и вернул себе ехидный тон:

– Что ты здесь делаешь? Вынюхиваешь? Рыщешь, как собака-ищейка?

Сбросив с плеча его руку, я резко встала, лихорадочно соображая, как бы отсюда убраться. Целой и здоровой желательно, а то манеры у этого крылатого типа, как у типичного гопника: заломал крыло и мозг выносит. Но любопытство все же победило страх и злость:

– Ищу горные богатства, что непонятного?! Поделиться не хочешь?! Это территория пограничников, и я имею полное право здесь находиться. А ты?

Он опять усмехнулся и медленно поднялся, снова возвысившись надо мной устрашающей черной глыбой:

– Девочка, мне не нужно чье-либо разрешение. Могу летать, где хочу и делать что хочу! А вот что ты, дрийя, делаешь у людей – это очень интересно! Или проклятие пало, а вам стало нечем заняться, помимо поиска способа избавиться от него?

Я удивленно открыла рот, но в тот момент, как услышала «проклятие», у меня внутри что-то екнуло, заставив сердце биться быстрее, а в голове неосознанно всплыл разговор с Высшими, подарившими мне шанс на жизнь. Черный дракон впился взглядом в мое лицо, наверное, все заметил и скривил губы.

– Ты не знала?!

Погрузившись в разом навалившиеся воспоминания, я, не думая, честно ответила:

– Да, не знала! Я вообще мало знаю о дрийя.

И чуть не прикусила свой длинный язык. Снова настороженно уставилась на дракона, который мягко, вкрадчиво спросил:

– Как тебя зовут, девочка?

Не видя причин скрывать, мурлыкнула:

– Юлия!

Теперь я про себя чихвостила свой новый голос. Нет бы холодным презрительным тоном выразить недовольство и презрение к унизившему мое достоинство и гордость дракону, а вместо этого мое горло выдает призывное «мур-р-р».

Брюнет, услышав ответ, сразу подобрался и подался ко мне. Черты его лица хищно заострились, а по коже пробежала странная волна, меняющая человеческую кожу на драконью чешую. Занимательное и одновременно жуткое зрелище. Он окинул внимательным взглядом окружающие нас камни, а потом хриплым обволакивающим голосом пророкотал:

– Ну а я Арвен Даумхольтсверрсурр!

– Как-как, извини, не успела запомнить?

Даже со своей сверхпамятью не запомнила заковыристую драконью фамилию. Но мой не слишком учтивый вопрос, наоборот, вызвал у него довольную улыбку. Видимо, ожидал нечто подобное, поэтому с торжествующим блеском в глазах повторил:

– Арвен Даумхольтсверрсурр! Я думаю, ты никогда не слышала этого имени. А можно узнать, сколько тебе лет, девочка?

Я тоже огляделась и шагнула в сторону, к самому краю камня, рискуя упасть. Хмуро посмотрев на дракона и попутно решая, как бы отсюда удалиться по-английски, ответила:

– Двадцать пять, Арвен!

Если бы я в тот момент не посмотрела на него, то упустила бы выражение крайнего изумления, которое быстро сменилось весьма загадочным взглядом, скорее всего, не предвещающим лично мне ничего хорошего. Пристально изучающим взглядом.

– Думаю, ты здесь не дольше двух месяцев, я прав?

Я промолчала, но выдала себя – закусила губу, поймав себя на том, что совсем забылась и страх потеряла.

– Угадал! – констатировал чересчур догадливый дракон. – А то возмущение магического фона двухмесячной давности – твоя работа. Я уверен. В тебе слишком много огня, что для дрийя нехарактерно. Я бы сказал, ты уникальна, девочка моя. И впрямь девчонка, но тем приятнее будет приручать тебя.

Я презрительно фыркнула, но он не обратил на это внимания, снова придвинулся на шаг и сразил меня наповал:

– Ай-ай-ай, боги все-таки начали свою игру! И создали милую игрушку, но ничего, я тоже люблю играть в подобные игры.

Прищурившись, я злобно выпалила:

– Я не игрушка, понял? И никогда ею не стану. Ни для тебя, ни для кого-то еще. Ящерица!

Дракон смотрел на меня холодными змеиными глазами и... любовался. Нервно сглотнув, я повела плечами, непроизвольно отстраняясь, сбрасывая этот взгляд. Как бороться с его презрением я знаю, а вот как реагировать на искреннее восхищение – нет.

Он ответил мягко, не обидевшись на «ящерицу»:

– Семьсот лет назад все дрийя были прокляты. Отныне, пока они не найдут способ снять проклятие, больше не смогут приносить потомство. Пока им это не удалось, а ведь на самом деле все так просто и естественно. Знаешь почему, Юлия?

Я отрицательно покачала головой, заморожено слушая.

– Дрийя не умеют чувствовать! Не умеют любить, не умеют нести ответственность за других. Эгоисты до мозга костей. Ничто не способно их исправить, поэтому они умрут. Все вымрут со временем, даже их имя будет предано забвению. Больше никто не вспомнит о них. Ведь прошло всего семьсот лет, а о них уже почти не помнят. Они стали легендой, вымыслом, призрачной дымкой, которая очень скоро развеется на ветру. А ты другая! Юли-и-я-я! Даже имя другое: мягкое, нежное, чувственное – как и вся ты. Моя огненная малышка. Огонь в крови дрийя рождается редко, его не было уже тысячу лет. Они жаждали тебя, малышка, но не получают такое сокровище.

Дракон приблизился ко мне вплотную, прижал к себе и снова вдохнул мой запах. Странно, меня будоражил его огонь, но я никак не реагировала на его носителя. Наверное, реакция на родственную стихию, а не отклик женщины на своего мужчину. Но дергаться не стала – рано еще, да и хотелось задать пару вопросов. Пригодится на будущее.

– Почему ты их ненавидишь, Арвен? Они что-то забрали у тебя?

– Дважды, девочка! Они забрали у меня дважды! – Он скользил руками по моей косе, плечам, голове, заключил мое лицо в ладони и шептал: – Сначала моя сестра ушла из гнезда к правителю дрийя. Потом, когда он предал ее чувства, она не смогла пережить боль и ушла за грань. Прокляла всех дрийя, вложив в проклятие не только силу, но и жизнь, и душу. Теперь, пока оно не снято, сестра не может возродиться. Глупышка, как можно

было верить, что дрийя исправятся. Изменить свою натуру невозможно. Это еще раз доказал их правитель: жалкий, сломленный, он приполз в наш Совет, умоляя простить его и помочь снять проклятие.

Я снова сглотнула, увлажняя пересохшее горло, и хрипло поинтересовалась:

– И что ответил ваш Совет?

Мужчина, пристально смотревший на меня, лишь ухмыльнулся, пугая до судорог в ногах смертельным холодом. И у меня невольно возник вопрос, как можно жить с бушующим внутри огнем, а снаружи быть таким ледяным?

– Он просил даровать ему спасительное пламя, как сказано в проклятии, и Совет не стал отказывать ему в нижайшей просьбе!

Потом, мгновение помолчав, с мрачным удовлетворением вспоминая те давние события, дракон жутко улыбнулся, вызвав у меня в груди страх. А потом каким-то будничным тоном закончил печальное повествование:

– Он быстро сгорел, а жаль! Его прах разметал ветер!

Я невольно затряслась от страха. И Арвен по-своему успокоил меня, как умел или, точнее, как хотел:

– Не бойся, малышка! В гнездах рождается все меньше и меньше самок, скоро и мы отправимся вслед за дрийя. В забвение! Тяжело найти истинную, чтобы создать пару и произвести на свет потомство. А самки дрийя как нельзя лучше подходят драконам. Это необъяснимо, но любая из вас может стать истинной для любого из нас. Единственное, что нас останавливает от создания подобной пары – это ваша полная эмоциональная и духовная ущербность. Невозможно прожить вечность с тем, кто не умеет любить и разделить это чувство. Божественное провидение заключается в том, что только дрийя могут стать нашей парой, а мы – разделить их любовное ложе. Любой другой не сможет удовлетворить тебя, малышка, а ваши мужчины убьют своей страстью самку любого другого вида, кроме дракониц. Юлия, я спасу тебя от холодных соплеменников и подарю любовь, возможно, со временем!

Меня от перспективы подобного «спасения» опять передернуло, но я смогла устоять и просто ждала, что он еще скажет, но дракон тоже молчал, поглаживая мое лицо сильными длинными пальцами с убранными когтями. Я не выдержала и полюбопытствовала:

– А что там за проклятье-то, Арвен? Можно поподробнее? Тем более, хочется узнать, зачем тебе я, ведь, по твоим словам, я получается бесплодная?

– Нет, девочка, не бесплодная! Проклятье коснулось всех, кто был

рожден на тот момент или находился в утробе матерей. С тех пор больше никто не рождался, новым дрийя взяться неоткуда. Вот только с тобой боги намудрили. Но мне же лучше. А проклятие... В нем самом кроется способ избавления. Даирс не стала усложнять жизнь любимому, только хотела отомстить и научить чувствовать, но оплошала, бедняжка.

Да что же он все ходит вокруг да около? Я нетерпеливо спросила:

– Ну и?

Брат несчастной Даирс ушел в себя, помолчал и начал говорить со странным речитативом:

*– Огонь любви растопит стены, твердыни холода и тьмы,
И силе покорится слабость, когда, сгорев дотла,
У правящего Дрийя воспыхает сердце.
Иного нет пути и нет спасенья
Для тех, кто проклят был,
Как только в это пламя окунуться
И добровольно правящим его признать!
И тот, кто в пламени сгорел хоть раз,
Способен будет жизнь другому дать.*

– И этот стишок-загадка сделал бесплодным целый народ? – Я недоуменно, разочарованно уставилась на Арвена, ожидая чего-то убийственного страшного, под стать рассказу.

А он только покачал головой, снисходительно улыбаясь:

– Нет, девочка, это вторая часть проклятия – ключ к избавлению от него или разрушения. Сами проклятия вслух не говорят, если не хотят с жизнью расстаться, как Даирс. Знаешь, Юлия, мне надоело говорить, хочется попробовать тебя на вкус.

Дракон наклонился еще ниже, приподнял мою голову, а я уже на самых носочках стояла и нервно подрагивала хвостом. Как только он впился в мои губы поцелуем, словно мартовский энцефалитный клещ в свою первую после зимы добычу, вызвала в ладони огонь и со всей дури ударила по нему. Арвен отлетел на добрый десяток метров, оставив на моих щеках царапины от своих когтей, и хорошенько приложился о камни. Стремительно развернув крылья, я рванула домой, крикнув напоследок:

– Запомни, дракон, я никогда не буду твоей игрушкой. Ты ничуть не

отличаешься от бесчувственных дрийя. И вообще, веди себя прилично с незнакомыми девушками, – это я уже себе под нос буркнула, уносясь ввысь.

Я летела как ветер, а раздавшийся вслед рев обозленного, разгневанного дракона, подстегнул еще быстрее размахивать крыльями. Скоро надо мной появилась огромная тень, нависая жуткой грозовой тучей. Задрав голову, я увидела черную тушу Арвена-дракона, а через секунду рядом со мной пронесся столп пламени. Уверена, что он специально промахнулся, не хотел поджарить, а просто закрывал выход из ущелья.

А через несколько минут я металась от одной стены к другой, пытаясь избежать огня уже прицельно палившего по мне чешуйчатого гада.

– Сссараза черная! – выдохнула я, в очередной раз уходя от прямого удара, и с жутким воем поджала под себя дымящийся хвост – задел, гад! – Что я тебе сделала, козел? Сам первый начал!

Драконьи догонялки продолжались битый час. Я начала сдавать – устала чертовски, но и Арвен почти выдохся. Еще бы, попробуй, зажги столько огня, да еще и по сторонам смотри, чтобы меня не упустить, крыльями двигай опять-таки! Я гораздо мельче этой летающей махины, как «кукурузник» против «Боинга», и пролетала там, где он не мог меня достать или протиснуться сам. Ему приходилось кружить и искать обходные пути.

Наконец я скользнула в очередную щель – и боком-боком пролезла, а вылетев с другой стороны и не обнаружив преследования, с диким облегчением выдохнула и, едва помахивая крыльями, «поплелась» домой под отчаянный злобный рев потерявшего меня дракона.

Глава 7

До замка я добралась, что называется, на одном крыле и, пролетая над стеной, встревожилась, так как никого там не увидела. Солнце уже садилось за горизонт, и его последние лучи слепили глаза, поэтому я решила, что, скорее всего, не заметила стражников. Влетев в свои покои, кулем свалилась на кровать, как есть, грязная с ног до головы. Потом совесть и врожденная брезгливость заставили достать одно из самых симпатичных платьев, перешитых для меня, – черное с серебристой вышивкой, влезть в мягкие кожаные туфли-тапочки и отправиться в купальни.

Понежилась в теплой воде женской части этого благостного места,

высушила волосы и только начала одеваться, как прибежала запыхавшаяся служанка. Увидев меня, она сперва облегченно выдохнула, а потом, опустив глаза и побледнев, пролепетала:

– Хоса Юлия, хашины ждут вас у себя в кабинете!

Сообщила и сразу унеслась, оставив меня в недоумении, что стало даже как-то тревожно. Но я оптимист по натуре и долго напрягаться не умею и не люблю, посмотрим, что за срочность такая на ночь глядя. Вот только пешком добираться в жилое королевское крыло далековато, а пока спасалась я умудрилась подвернуть ногу. Я ее и свой подпаленный хвостик подлечила, но она же не железная, все равно время нужно, хотя бы до утра. Поэтому шагнула в ближайший арочный проем, ведущий на балкон, и вылетела во двор. Таурик и Эливия уже привыкли к моим визитам через окно.

На подлете я услышала незнакомый, тяжелый мужской голос с рычащими нотками:

– Я еще раз спрашиваю вас, Таурик Пограничный, где тот, кто взбаламутил весь магический фон Лайдоса?

В ответ – королевское молчание и нервная дрожь у меня внутри. Не двигаясь и затаив дыхание, я вслушивалась в происходящее в кабинете. Потом раздался еще один голос, от которого у меня по спине побежали мурашки. Он был неожиданно бархатный и ласкающий слух, словно шепот ветра в кронах деревьев:

– Это дрийя? Послушай, Таурик, ему не причинят вреда. Скажите, где он, и получите все, что пожелаете! Мы же только заберем его домой, где он займет полагающееся ему место. И почет! Возможно!

Это «возможно» уже довело меня сегодня до белого каления! Они что – сговорились? Я решила повисеть за окном, хоть устала и неимоверно, но нужно же узнать, кто к нам пожаловал и с какой целью хочет меня видеть.

– Не он, а она, – раздался твердый, но очень настороженный голос Таурика. Мне стало еще интереснее, кто же его так напугал, что он терпит столь неуважительное к себе обращение. – И она действительно дрийя! Она спасла жизнь мне, моей семье и всему королевству. Я не плачу злом за добро, поэтому ваши предложения бессмысленны. Если она сочтет нужным с вами побеседовать, значит, вы ее увидите, если нет – не обессудьте.

Воцарилась тяжелая тишина, а потом другой мужчина, который до этого рычал, удивленно спросил:

– Самка? Это невозможно! Как может слабая самка быть носителем огня?!

Затем снова раздался другой, затронувший что-то глубоко спрятанное

во мне, шелестящий голос:

– Это уже неважно! Пламя уже родилось! Где она, человек? Запомни: на кону стоит слишком много – ради нее я без угрызений совести уничтожу твой замок и всех, кто здесь находится. Начну с твоей пары. Она испуганно смотрит на тебя в поисках защиты, а ты отказываешь ей в этом, скрывая чужую? Конечно, похвально, что ты настолько благороден, но...

Я не стала слушать дальше. По неприкрытой угрозе в намеренно лишенном эмоций голосе невидимого «гостя» поняла: он сделает все, чем угрожает. Не буду прятаться за спины тех, кто готов умереть за меня. Плавнo скользя к подоконнику, встала на него, а потом, сложив крылья, прыгнула в комнату под изумленные взгляды королевской четы и пяти высоченных личностей.

Один из «пришельцев» стоял впереди, давая понять, кто среди них главный. Широкие и длинные до полу плащи скрывали зловещие фигуры, отчего мне стало еще страшнее, потому что под каждым «плащом» шевелился огромный горб, а глаз и лиц не было видно. Вообще. На миг показалось, их и нет вовсе.

Оберегая поврежденную ногу, я первым делом дохромала до Таурика, повернувшегося ко мне в пол-оборота и выглядевшего виновато. С таким же выражением замерла в кресле Эливия, которая вчера узнала от меня, что беременна, а теперь гадает, выживут ли они с мужем. Я пожала ей руку, мягко улыбнулась краешками губ Таурику и повернулась к таинственным личностям.

Главный медленно откинул свой капюшон и уставился на меня, буравя огромными синими глазами. Ого, таких ярких глаз в природе просто не может быть! И я зачарованно смотрела в эти нереальные глаза, не в силах оторваться. Потом он так же медленно, не разрывая нашего зрительного контакта, перекинул плащ на одну сторону, передернув плечами. Затем собрал его и закрепил плетеным ремешком, оставив висеть вдоль тела свободной волной. А я, наконец, вынырнула из волшебной синевы и смогла осмотреть представителя дрий полностью.

Высоченный мужчина. Я со своими метр восемьдесят и кисточками на ушах ему только до ключиц. Необычной формы черная куртка с поясом на талии и облегающие коричневые штаны из тончайшей кожи подчеркивали мощный торс и мускулистые ноги. Да, ничего не скажешь, впечатляет! За спиной у него яростно топорщились черные крылья, сложенные, но готовые раскрыться в любую секунду.

Лицо обладателя черных крыльев и прекрасных глаз заслуживает отдельного внимания: светлая чистая кожа без щетины; нос с горбинкой,

придающий хищности и так неприветливому выражению; жаль, что в синих глазах, пристально смотревших в мои, виден сплошной холод; тонкие губы плотно сжаты в жесткую линию; упрямый подбородок и высокий умный лоб. Волосы просто на зависть: иссиня-черные, длинные, ничем не скованной волной разметались по спине и плечам. И еще большие, подвижные, остроконечные уши с темными кисточками на концах. Сглотнув слюну, я поняла, что пропала. Передо мной предстала мечта моих девичьих грез, сразившая наповал.

Четверо мужчин за его спиной тоже сняли капюшоны и распахнули плащи. Я вздрогнула и отшатнулась в сторону, потрясенно прошептав:

– О, боже... – Они недоуменно подняли брови и скривились, явно в недоумении, как будто не ожидали такой реакции. Нервно сглотнув, я потрясенно прохрипела: – Они, что, все слепые?

Дрийя, стоявшие плотной стеной за спиной мужчины моей мечты, смотрели на меня огромными пустыми глазами, полностью закрытыми мутными бельмами. Прямо как мертвецы или зомби в фильмах ужасов, а тут – живые люди. Точнее, нелюди! Целых пять мужских особей моего нового вида. Но спокойно смотреть в них... Да меня от одного их вида передернуло от страха и неприязни.

Мой кумир снова завладел моим взглядом и завораживающе мягко, тихо спросил:

– Почему ты так решила?

Поразительный контраст приятного голоса и холодного взгляда! Я не без усилия посмотрела в стену и пожала плечами:

– Так ведь глаза у них белые!

Дрийя, дернув черным крылом, буквально впился в меня глазами и хрипло прошелестел:

– У всех белые?

Я смутилась под его горящим синим пламенем взором, поэтому, не вдаваясь в подробности, кивнула.

– У всех дрийя такие глаза, девочка! – Он разочарованно вздохнул и немного опустил плечи. Голос его отчего-то стал бесцветным, без малейшего проблеска эмоций, словно я разбредила старую рану. – Только в зеркале ты можешь видеть истинный цвет своих глаз, для остальных он скрыт. Зачем кому-то знать, какой магией ты владеешь и заранее раскрывать сильные и слабые стороны? Странно, что ты этого не знаешь! Откуда ты появилась здесь?

Не веря собственным ушам, я повернулась к Эливи и Таурику, которые, затаив дыхание, наблюдали за нами, и хрипло спросила:

– Это правда? У меня такие же белые глаза? Как у них?

Мой голос сорвался на смешной кошачий писк, а когда Таурик и Эль синхронно кивнули, я покачнулась и неосознанно дернула рукой в поисках опоры. К счастью, меня поддержали под локти, а то бы точно свалилась, представив у себя на лице вместо нечеловечески красивых зеленых глаз, которыми гордилась, бельма. Оправившись, я увидела рядом главаря и виновато улыбнулась:

– Простите, я не удержалась на ногах – не каждый день выясняешь, как выглядишь со стороны. Думала, как все, а оказывается...

Прикусила язык, покосившись на «слепых» дрийя, чтобы не сказать «как эти». Неохотно высвободилась из рук голубоглазого «джентльмена» и сделала шаг в сторону супругов, но что-то меня удержало снизу. Удивленно опустив взгляд, почувствовала, как щеки заливает жаром стыда. Оказывается, мой своевольный хвост плевать хотел на доводы разума своей хозяйки и совсем не хотел расставаться с предметом нашего совместного обожания. Совершенно наглым образом он задрал подол платья и обвился вокруг бедра синеглазки!

Ослабив хватку, я медленно, скользящим движением убрала хвост подальше, про себя обзывая его предателем и, не поднимая головы, отошла в сторону, прихрамывая на левую ногу. Но далеко уйти чернокрылый кумир не дал – схватив за локоть, остановил, двумя пальцами поднял лицо, рассматривая более пристально, и с негодованием спросил:

– Кто оставил на твоём лице эти отметины? И почему ты хромаешь?

Махнув рукой и прочищая пересохшее от волнения горло, я беззаботно мурлыкнула:

– Да ерунда, ничего серьезного! Пара царапин, полученных от слишком настойчивого ухажера, а нога... Подвернула, пока сбегала с места неожиданной встречи. Под ноги не смотрела, когда уносилась после горячего прощания. Вот и все.

Он чуть сильнее сжал могучую лапу у меня на предплечье и прорычал:

– Кто это сделал? С кем ты встречалась?

Я немного струхнула от яростного напора дрийя и потому в партизана решила не играть:

– Что же ты так рычишь? Сейчас вспомню, как его зовут. Да и вообще, кто такие фамилии придумывает! Даже с моей памятью сложновато. Арвен Даум-хольт-свер-р-сурр! – Фу-ух, надеюсь, правильно вспомнила. – Хотел меня попробовать на вкус, но не впечатлил и обиделся настолько, что подпалил мне хвост. Я в долгу не осталась. У меня получилось его надуть и скрыться подобру-поздорову. Правда, ему тоже досталось, когда целоваться

полез. Я его хорошенько так предупредила, что не стоит этого делать. Он хоть и плюется огнем, но сам тоже хорошенько поджарился. Наглая паленая ящерица!

Вспомнив, как выглядел после моего залпа шокированный и дымящийся Арвен, в позе звезды пришпиленный к камню, я невольно кровожадно улыбнулась. Но вспомнив, что сейчас не одна, тут же стерла улыбку и невинной овцой посмотрела на синеглазку.

Прищурив потрясающие, волшебной синевы глаза, он слишком внимательно смотрел на меня.

– Ну что ж, отложим ответные действия на потом. Ненадолго. Теперь вернемся к главному вопросу, разговор будет долгий, поэтому присаживайся.

Медленно подвел меня к креслу и усадил практически силой. Эливия при его приближении невольно подалась назад, вжавшись в спинку кресла и хватая мужа за руку. Устроившись поудобнее, я взяла ее трясущуюся ладонь в свою и, слегка пожав, тихонько посочувствовала:

– Как я тебя теперь понимаю!

У них с Тауриком вырвался нервный смешок, но, тем не менее, высочества немного расслабились. В отличие от меня. Пятеро огромных дрийя, занимающих собой практически все свободное пространство и давящих на психику – тяжелое испытание.

Недолго думая, моя ожившая мечта подхватил рукой стоящий возле стены новомодный карточный столик, который я, чуть не надорвавшись, не далее как два дня назад отодвинула туда, чтобы разложить на полу топографические карты, и сел рядом со мной. Черные крылья трепетали, хвост свернулся клубком рядом с моими ногами, отчего моя пятая, весьма своевольная конечность нервно запрыгала. Нам с моим чудесным хвостиком, украшенным красной кисточкой, до одури захотелось прикоснуться к черной лохматой кисточке и молочному плюшу кожи, чтобы ощутить мягкость блестящего меха. Ур-р-р, аж руки чешутся!

Я с трудом оторвалась от заманчивого хвоста и подняла глаза на его хозяина. Он смотрел с интересом, не более того, и меня это задело, зато взяла себя в руки. Задрав подбородок, вопросительно подняла бровь, отпустила ладонь Эливии и сложила руки на коленях. Наши гляделки долго не продолжились, дрийя первым задал вопрос:

– Как тебя зовут, девочка? Откуда ты?

Я давно продумала, кому и что можно говорить, а чего – не стоит, поэтому не видела смысла делать тайну из своего происхождения:

– Меня зовут Юлия Крымова! Я погибла в своем мире, но настолько

хотела жить и так громко и убедительно взывала к богам, что мне подарили второй шанс и поселили в это тело. Я прошла сквозь огонь, чтобы родиться здесь и, видимо, заслужила и тело, и этот мир, и новую жизнь. Так мне сказали! Я очнулась в пруду за замковой стеной, голая, без малейших знаний о том, куда попала, совершенно неподготовленная к жизни здесь, но все равно до глубины души благодарна богам за подарок. Пока приходила в себя и выясняла, кто я такая, оказалась посреди побоища. Помогла людям отбиться от бредвишей, и меня приютили здесь. Выходили, одели, обули, научили языку и рассказали о жизни. Одарили заботой, теплом и уютом своего дома, а главное – дружбой и доверием. Не всем так везет, как мне, за что я вдвойне благодарна.

Все шокировано смотрели на меня, даже Эливия и Таурик с круглыми глазами переваривали историю моего возрождения. Ведь они ее тоже впервые слышали. Если раньше я не желала, чтобы кто-то знал правду, то теперь – наоборот: прежде чем они хоть что-то захотят предпринять, должны все знать.

Молчание длилось несколько долгих секунд, потом его нарушила Эливия – положила ладонь на мою лапку и со слезами на глазах сказала:

– Ты сама просто чудо, Юлия! Спасла всех, делишься последним...

А Таурик, добродушно улыбнувшись, беззлобно пробурчал:

– Да, и берешь только десятую часть добычи!

Эливия бросила на мужа сердитый взгляд, а потом снова благодарный – на меня:

– И за будущего наследника спасибо. Если бы не твое умение исцелять недуги...

Упссс, вот и выдали нечаянно мои магические секреты, но я промолчала. Эливия еще долго пела бы мне серенады, но ее перебил дрийя со шрамом на щеке:

– Значит, наши мольбы все же дошли до высших! – По его голосу я поняла, это тот, кто грозил моим друзьям расправой. – И ошибки вашего рода Черных Властелинов будут сметены вновь рожденным огнем. Вторая часть проклятья, наконец, обретает свой смысл.

Я заметила, что эти слова тяжелым грузом ложатся на плечи моей ночной фантазии, заставляют напрягаться под каменной ношей, даже светлокжее лицо потемнело от одолевавших его эмоций и чувств. Ага, надо думать, представитель именно его семьи был правителем, не оправдавшим ожиданий мстительной драконицы. Как интересно! Значит, синеглазый герой не простой дрийя. Вспомнив разговор с Арвеном, я подняла голову, твердо взглянула в глаза дрийя со шрамом, решившему все

свалить на собрата, и заявила:

– О проклятии, постигшем всех дрийя, мне сегодня стало известно. Немного. Но вы ошибаетесь, как-вас-там! Арвен, брат той, которая вас прокляла, сказал, злилась-то она на одного мужчину, но прокляла всех, потому что вы все виноваты. Слишком ветрены и безответственны.

Он скривился и прорычал, клацая надо мной клыками:

– Да кто он такой, жалкая ящерица, чтобы осуждать дрийя?! На себя бы посмотрел! Покалечил женщину, а удержать не смог.

Я зло, ехидно усмехнулась:

– Потому что женщина была против, ясно!? Категорически против! А еще, к вашему сведению, признание своих ошибок и недостатков – это первый шаг к успеху, а судя по вашим обвинениям, до успеха очень далеко!

Сказала – и внутренне сжалась, ожидая ответных недружественных действий. Но дрийя меня удивил: снова скривился, будто ему клыки сейчас вырывать будут, и виновато глянул на синеглазку, затем под пронизывающим яростным взглядом того опустил голову и отошел. А синеглазка, быстро стерев с лица все эмоции, повернулся ко мне и прошелестел, заглядывая в глаза, будто чего-то ожидая:

– Я Тервишесс из рода Черных Властелинов. – О, ну наконец-то познакомиться решил, как у вежливых людей принято. – Вижу, ты устала, Юлия, поэтому переночуем здесь, а завтра утром мы отправимся на земли дрийя. Ты, возможно, являешься той, кто сможет снять проклятие. И твое «нет», меня не остановит.

Ну, вот и узнала, чего от меня хотят. Я пожала плечами, разгладила черное шерстяное платье на коленях и ответила, улыбаясь ему глазами:

– Я и не собираюсь отказываться. Посмотрю мир и свою новую родину! – А чтобы не слишком радовались, что долго уговаривать не пришлось, нахально добавила: – Почему бы и нет? Особенно за чужой счет. Если все расходы и моя кормежка за вами, я согласна!

Дрийя дружно усмехнулись, опасно блеснув клыками. Тервишесс прищурился, но быстро посмотрел в сторону, словно ушел в себя. Мало того, глаза погасли, как лампочки. А я снова расстроилась: похоже, не нравлюсь ему нисколько. Тервишесс – имя у него странное, однако. Произнесла про себя более приемлемые варианты: «Тери, Терви, нет – Тер». Попробовала Тер на язык и успокоилась. Для такого большого, сурового дрийя подходит. Надеюсь, за время долгого пути, через весь континент, мне удастся завоевать его. Я постараюсь. Использую время и возможности по максимуму.

Утро встретило меня ласковым весенним солнцем, бьющим прямо в глаза, поэтому долго нежиться в кровати я не стала. Заплела две косы на французский манер, с веселой улыбкой пошевелила ушами, потрогала кисточки, разглядывая себя в зеркало. Хоть режь, никак не могу поверить, что другие не видят моих зеленых глаз, больших, красивых. Особенно жаль, что Тервишесс не видит, а как можно выглядеть привлекательной с бельмами, подобными его сопровождающим?

Собрала в дорожный мешок с собой только самое необходимое и положила небольшой мешочек серебра – вдруг пригодится. Не зря же мы с Нерином накопили его, чтобы показать их величествам. Еще вчера вечером, после того как дрийя оставили нас одних в кабинете, я передала хасинам карту и документацию, составленную по ходу дела, пожелала удачи в разработке месторождения. Эливия долго плакала у меня на плече, не желая расставаться. Пришлось успокаивать то ее, то нервничавшего из-за расстроенной супруги Таурика, которому тоже было не по себе, но оттого, что незванные гости остались ночевать в замке.

Полностью собравшись, я окинула взглядом свои штаны из плотной ткани, заправленные в короткие ботинки, красивую рубашку с вышивкой на вороте и рукавах и мою любимую неизменную меховую жилетку. В ней и не жарко, и не холодно – самое то для слабого летуна. Подхватив мешок-рюкзак, я направилась на встречу с судьбой в лице самого потрясающего мужчины, которого когда-либо видела. И неважно, что он не человек, я вот тоже дрийя, главное, что хочу его больше всего на свете.

Во внутреннем дворе я сразу увидела соплеменников, с нетерпением поджидающих меня. Один из них сразу забрал мой рюкзак, я с благодарной улыбкой спросила, обращаясь к почему-то мрачному, словно чем-то расстроенному Тервишессу:

– Ну, и как поедem?

Они дружно уставились на меня, и синеглазый бука процедил:

– Полетим! На крыльях! Есть проблемы с этим?

Я стушевалась и неуверенно покачала головой. Во двор вышли проститься супруги, и я быстро обняла каждого из них, а потом и Кершина, который тоже угрюмо взирал на незванных гостей, словно те отобрали у него любимую игрушку. За спиной зашелестели крылья и поток воздуха, растрепавший мои волосы, известил, что дрийя взлетели. Помахав руками своим гостеприимным друзьям, я взмыла вверх и тут же оказалась в

окружении пяти властителей неба. Они подозрительно косились на меня, и я не выдержала, обратилась к летуну со шрамом:

– Извините, не знаю, как к вам обращаться, что-то не так с моими крыльями? Вы странно на меня смотрите!

Набирая высоту, мы медленно пролетели над замковой стеной и взяли направление в сторону леса. Кажется, Шраму понравилось, что я обратилась с расспросами именно к нему, потому что ответил он, не в пример вчерашнему, вежливо:

– Два тысячелетия назад родился последний огненный дрийя. Самец, как и те, что были до него. Я вообще не помню, были ли когда-нибудь такие самки. А ты – истинный огонь с ярко-пламенными крыльями.

Я изумленно уставилась на него:

– А при чем здесь крылья?

– Только у огненных крылья красные, у остальных – либо серые, либо черные. Ты очень красивая, Юлин-дирь.

Переварив полученную информацию, я опешила от того, как странно прозвучало мое имя.

– Какая я вам Юлин-дирь? Я Юлия! Запомните – Ю-л-и-я, а не какая-то «дирь»! – пробурчала, недовольная изменением моего имени.

– Окончание «дирь» добавляют аристократкам из самых древних родов, претендующих на престол, – важно сообщил дрийя. – Кстати, меня зовут Шервисс, я из рода Серых воинов. Не успел представиться вчера.

Я окинула его внимательным взглядом. И правда серый: серебристые длинные волосы, сероватая кожа, а глаза – белые. Бр-р-р, без содрогания не взглянешь.

– Я не аристократка, а просто Юлия! И уж тем более не претендую на ваш престол, так что зовите меня так. Приятно познакомиться, Шервисс.

Шервисс посмотрел на меня насмешливо, а потом так же на Тервишесса, который, размеренно размахивая огромными черными крыльями, летел рядом и, конечно, слышал наш разговор.

Неожиданно прямо перед нами взметнулась темная масса, через мгновение оказавшаяся крылатыми дрийя. Один, два, ага... в количестве пятнадцати летунов. Они обогнули нас и распределились подобно кортежу. Я уже отошла от одного шока, но тут меня настиг второй: оказалось, что со страху прилипла к груди Тервишесса, обхватив его не только руками-ногами, а еще и хвостом за талию.

Моя крылатая мечта с бесстрастным лицом мерно махал крыльями, удаляясь от замка и не обращая никакого внимания на приставучего пассажира. Я резко расслабила конечности и на пару секунд ушла в

свободное падение под пристальными и тревожными взглядами дрийя. Затем перевернулась, раскрыла крылья и дальше летела молча, словно в гордом одиночестве. Ну это я так воображала, потому что со мной летели двадцать самых бесподобных и опасных экземпляров мужского пола.

Завтрак у меня был давненько, а обед почему-то не начинался. Летим, судя по положению солнца, не менее трех часов. У меня уже ломило спину от усталости, живот завывал на весь небосвод. Какая-то птичка, похожая на небольшого ястреба, услышав очередной вопль моего голодного желудка, задрала голову и, увидев нас, в ужасе курлыкнула и камнем рухнула вниз. Только у самой земли расправила крылья и, выйдя из пике, торопливо скрылась среди деревьев.

Я невольно улыбнулась, но тут же столкнулась с насмешливыми ухмылками летучего эскорта. Раздосадовано отвернулась, глядя куда угодно, только не них. Вот как посмеяться, так они первые, а как голодную девушку покормить, так никого нет. А обещали!

Спустя час я уже из последних сил помахивала ставшими пудовыми крыльями, то снижаясь, то снова поднимаясь, чувствуя, что еще полчасика, и рухну вниз подобно той птичке. Умоляюще посмотрела на Тервишесса, а он, отметив мое плачевное состояние, поднырнул под меня, перехватил и, приказав сложить крылья, буквально завернул в них и прижал к себе. Теперь я летела, как младенец, спеленатый и прижатый к могучей груди родителя. К нам приблизился один из сопровождающих и протянул мне мясной пирог из провизии, которую кухарки собрали нам в дорогу. Жизнь сразу стала веселее!

Умяв половину и почувствовав себя гораздо лучше, я отломила кусочек и поднесла ко рту моего «пилота». Он посмотрел на меня, фыркнул, но, тем не менее, осторожно взял угощение из моих рук, словно неприрученный зверь. Прожевал довольно быстро и, уже не фыркая, схозячил остальное, чуть не обглодав мои пальцы. Отдав ему последний кусочек, я не придумала ничего лучше, как облизать жирные пальцы.

И обмерла: Тервишесс, пристально глядя на меня, обхватил мои пальчики губами, осторожно, чтобы не поранить клыками, облизал их горячим шершавым языком. Ур-р-р, я в экстазе! Потом минут десять наслаждалась ощущением его языка на коже. Да я руку больше пачкать не буду, чтобы больше не мыть! Неуверенно и заискивающе глянула на него снова, а этот гад снова с бесстрастной холодной миной смотрел куда угодно, только не на меня. Ну и ладно, буду рассматривать пейзаж с высоты полета, благо полюбоваться есть чем.

Мы летели «не покладая крыльев» до самого вечера, и только когда

двуликое солнце коснулось горизонта и под нами побежала широкая коричневая дорога с редкими обозами, начали снижаться. Через несколько минут мы приземлились возле большого придорожного трактира. Шла я держась за Тервишесса хвостом: очень устала, ноги затекли, дико хотелось в туалет и спать, а главное – кушать и побольше, побольше.

Едва мы переступили порог, в трактире наступила гулкая тишина, несмотря на то, что мои спутники снова полностью скрылись под плащами. Что говорить обо мне – огненной вороне среди серой стаи, привлекавшей повышенное внимание. Шервисс подошел к стойке и выложил мешочек с деньгами. Хозяин – небольшой коренастый мужчина в возрасте заглянул туда, округлил хитрые черные глазки и восхищенно выдохнул, после чего преданно поглядел на Шервисса. Тот ехидно усмехнулся настолько откровенной реакции и сказал:

– Нам нужен ночлег и ужин! И чтобы духу здесь никого, кроме нас, не было. Ты все понял, человек?

Хозяин со всех ног кинулся выдворять посетителей. Хотя те, кого на ночь глядя выставляли за дверь, не сопротивлялись. Наоборот, они были рады исчезнуть отсюда добровольно, лишь бы не смотреть в наши пустые белесые глаза. Двадцать дрийя и я расположились за скоро опустевшими столами. Пара испуганных служанок трясущимися руками убрали тарелки и накрывая столы по новой. Я оглядела свою летучую компанию и, чувствуя подвох, обратилась к Шервиссу:

– Вы можете мне пояснить, почему люди вас боятся? Ну, я понимаю: глаза жуткие, крылья, но ведь это... не может настолько пугать народ?!

А про себя подумала: «Неужели я настолько быстро привыкла к своей да и к их внешности, что не могу понять причину чужого страха перед ними. Нами!»

– Юли-и-я-я! – он довольно улыбнулся и блеснул белесыми глазами, если так можно выразиться. – Нас боятся заслуженно, это не оскорбительно. Скорее, забавно! Так было всегда, но не до такой степени, словно проклятие дрийя заразно, а мы – ходячая смерть.

– А поподробнее не можете рассказать, Шервисс, пока нам готовят еду? – попросила я. – Раз я одна из вас, то должна узнать, и чем раньше, тем лучше.

Мой неизменный и словоохотливый собеседник кивнул.

– Когда проклятие вступило в силу, сначала не было большого беспокойства. И только спустя несколько десятков лет, когда у дрийя больше не родилось ни одного младенца, началась паника, а потом – поиски решения проблемы. Точнее, Совет думал, как избавиться от

проклятия. Главный виновник этого несчастья – наш предыдущий правитель – нашел, наконец, текст проклятия, попорченный в пылу гнева на брошенную им любовницу. Началось его изучение, вернее, расшифровка второй части, где описывалось, как снять проклятие.

Рассказ звучал бы волшебной сказкой, если бы я не знала, что случившееся с главными героями – правда. Горькая и суровая. А Шервисс, пристально глядя почему-то на Тервишесса, продолжил повествование:

– Совет подошел к решению без затей, буквально исполнив строчки, где говорится, что слабый силе покорится и в пламени сгорит. Наша армия прошла огненной волной по землям людей, гномов и даже эльфов, сжигая все на своем пути. Но это не принесло результата, и наши маги сказали, что призрачный купол проклятья держится над землями дрийя. Дальше мы пытались уйти с наших земель из-под этого купола, но он разбивался на тысячи мелких, преследуя каждого дрийя. Прошло еще столетие, и среди нас началась смута и мелкие раздоры, приводящие к гибели мужчин и даже женщин. Чтобы прекратить беспорядки и попробовать другое решение проблемы, Соурвасс II передал корону своему сыну Терионссу, тоже согласно одной из строчек проклятия. Терионсс решил на крайние меры. Сначала спалил сердце дрийя – Дворец Правителя. А через тридцать лет, отстроив его заново, сгорел сам, чтобы ценой собственной жизни спасти народ. За ним последовала и его пара, мать последнего рожденного младенца. Корона снова перешла Соурвассу II, который правил еще десяток лет, а потом, проклиная дрийя, передал ее своему внуку Тервишессу. Сам бывший правитель бесследно исчез в драконьих горах. Его поиски продолжаются.

Я слушала краткую версию событий и в ярких красках представляла страх, гнев и боль жителей моего нового мира, так или иначе пострадавших от дрийя, отчаяние самих дрийя, прекрасно понимавших, что конец близок. Слушала и поглядывала на Тервишесса. С каждым словом Шервисса он темнел и, кажется, к концу истории ушел в себя. Силы небесные, какой ужас! Я хрипло спросила, глядя на Тервишесса, с трудом сдерживая слезы:

– Ты новый правитель дрийя? Тот самый внук, принявший жуткое наследство? И тебе семьсот лет?

Яростно, хищно раздувая ноздри, он прорычал, обливая холодом и пряча в глазах дикую боль и одиночество:

– Да, я новый правитель дрийя! Тот самый внук проклятого всеми повелителя! Дважды проклятого. О судьбе моего деда ничего неизвестно. И я живу на этом свете уже семьсот один год.

Мысленно присвистнув, я прикинула, сколько это в человеческих

жизнях, потом тяжело вздохнула и неуверенно положила ладонь на его каменное предплечье. Он вздрогнул, но продолжал сверлить меня мертвым взглядом.

– Мне Арвен рассказал эту печальную историю, только с другой стороны. Сказал, что Даирс – проклявшая вас драконица – отдала свою жизнь и душу для воплощения проклятия в жизнь. Но она так сильно любила твоего деда, что сделала решение проблемы довольно легким. Несчастная хотела научить вас чувствовать, любить и быть ответственными за тех, кого вы приручаете. Арвен рассказал, как Соурвасс пришел к ним и умолял помочь его народу избавиться от проклятия. Предложил себя взамен! Не боялся смерти и просил рожденное пламя у драконов. Но слишком обозленные потерей своей самки они сожгли его заживо, а пепел развеяли по ветру, чтобы подвергнуть забвению.

Шервисс привстал и, грозно нависнув над столом, прошипел:

– Да кому ты веришь? Проклятой ящерице, рожденной в одном помете с этой мстительной сукой. Они никогда не говорят правды. Никому!

Я сжалась от страха и снова обвила хвостом ноги Тервишесса. Он встал и, загораживая меня собой, тихо сказал, но будто гвоздь в крышку гроба забил:

– Замолчи! Сядь на место!

Шервисс сел и, тяжело вздохнув, виновато понурился:

– Прости, Юлия, не сдержался. Как всегда подвел буйный темперамент. Но дракону не верь никогда!

Тервишесс тоже уселся и молча сверлил глазами стол, пока я не выдержала:

– Арвен не предполагал, что я сбегу от него, поэтому говорил искренне. Невозможно говорить неправду с такой ненавистью и болью в душе. Он сказал, что Даирс привязала к проклятию свою душу, и пока оно не снято, сама не сможет возродиться. Это его печаль и боль. Вы читаете текст буквально, а Даирс надеялась, что жизнь вас чему-то научит, заставит понять главное. Еще Арвен говорил: вы эгоистичны и не умеете чувствовать, любить. Слишком поверхностны, чтобы заглянуть внутрь себя.

Тервишесс грустно усмехнулся и, посмотрев на меня, произнес:

– Ну что ж, значит, ты поможешь нам понять, раз в тебе столько вселенской мудрости. Я передам тебе корону, как говорится в одной из строчек. Ты – рожденное пламя, тебе и править. С самого рождения я был лишь исполняющим обязанности повелителя. Вот и посмотрю, как ты сама будешь справляться с проклятием.

Я опешила, в ужасе посмотрела на него и неожиданно зашипела:

– Ты ш-ш-шутишь, ч-что ли?

Надо же, от перспективы стать центром ненависти целой расы даже мурчать перестала.

Правитель проклятого народа качнул головой, а в глазах – пустота.

– Нет, малышка, не шучу! Таков приказ Совета! Даже повелитель должен подчиняться Совету старейшин.

Я решительно и яростно прошипела:

– Это не мои игры! Я не буду участвовать в подобных развлечениях! Вам ясно? Вы меня не заставите!

Шервисс удивленно разинул рот, сидящий рядом с ним шатен, к которому он обращался по имени Дивасс, клацнул зубами, а вот Тервишесс, изумленно приподняв бровь, почему-то мягко и понимающе усмехнулся.

Ужин прошел в тяжелом молчании и напряжении.

Глава 9

Мы снова летели подобно стае огромных птиц, шелестом крыльев нарушая царящее вокруг безмолвие. Я уже не представляла свою жизнь без крыльев, без полета. Неужели я когда-то этого не умела? Рожденный ползать, летать не может, вот и я, чтобы научиться, родилась заново. С самого первого дня путешествия, стоило мне почувствовать усталость, я привычно оказывалась в руках своего кумира.

С того памятного разговора Тервишесс почти не общался со мной, перекидывался лишь парой-тройкой дежурных фраз, но меня утешала его забота. Он всегда оказывался рядом, когда был нужен. Во время полета, думая, наверное, что я не чувствую, зарывался носом в мои волосы и прижимал сильными руками. Он не был лишен чувств, просто слишком хорошо скрывал их, опасаясь остаться безоружным.

Я наслаждалась каждым нашим совместным мгновением, любым его прикосновением или коротким взглядом. Любым, лишь бы не равнодушное лицо с пустыми глазами, смотрящими в никуда. Но я, возможно, даже единственная понимала его. Ведь я могу представить его жизнь со стороны. Младенец, рожденный последним после проклятия. Рожденный наследником, он, по сути, не являлся таковым, потому что по прихоти судьбы должен передать трон непонятно кому, чтобы попробовать еще один способ снять проклятие.

Наследник, рожденный в проклятой всеми семье, где раскаявшегося

деда, сломленного гибелью сына, напрасно пожертвовавшего собой, сожгли драконы при попытке вымолить прощение. Мужчина с тяжким бременем ответственности за судьбу всего народа, переживший смерть семьи и в одиночестве несущий тяжесть проклятия. Одиноким, проклинаемый всеми повелитель вымиравшего народа. А мне плевать и на проклятье, и на чужое презрение. Я хочу быть с ним, только с ним.

Еще одна забота: я так измучилась от пристального, навязанного мне внимания со стороны остальных спутников, что рядом с ними уже практически задыхалась. Стоило нам приземлиться, чтобы немного размять ноги или просто сходить в туалет, как вокруг начиналась какая-то игра. Сначала я не понимала, в чем дело, но уже довольно скоро догадалась, что мужчины бойко соперничают за мое внимание.

Они преподносили мне сладости, цветы, горстями предлагали ягоды (когда только успевали собирать?), толклись возле меня при любой возможности, иногда устраивая ссоры, перераставшие в драки. Солидные мужчины, тьфу ты, тысячелетние дрийя превращались в бойцовых петухов. Посмотрел бы кто на эту грозу неба, рвущую друг друга когтями и клыками, выдирающую друг у друга перья...

Через несколько дней у меня создалось стойкое впечатление, что путешествую я со стаей озабоченных крылатых мужиков, от которых надо постоянно уворачиваться и посылать подальше. Притом, что сама не давала никому ни малейшего повода приставать и заигрывать. В конце концов, я уже рычала на них, когда кому-то в очередной раз приспичивало приблизиться ко мне и, распушив хвост, заиграть бровями. А Тервишесс равнодушно наблюдал со стороны, с холодной усмешкой взирая на кобелиный хоровод своих подданных.

Но каждый раз, когда мы приземлялись, вокруг меня снова начинался бедлам. Вот и сегодня, пока я, присев на свой мешок, разминала ноги руками, ко мне подкрался Хорнусс из рода Отчаянных, положил свои огромные ладони на мои бедра и начал медленно их массировать, восторженно глядя мне в лицо. Я оторопела от такой наглости и, скрипнув зубами, прорычала:

– А ну не смей ко мне прикасаться! Убирайся!

Оттолкнув его руки, встала и хотела уже направиться в другое место, но прямо передо мной появился Дивасс. Нарисовался – не сотрешь, попытался взять мою руку и урчащим голосом мартовского кота предложил:

– Юли-и-я-я, давай разомну твои ручки и ножки, ты устала, бедняжка.

Хорнусс, схватив его за плечо, рывком развернул к себе со злобным

рычанием:

– Я первый предложил!

Пока они разбирались, еще двое подбирались ко мне с разных сторон. Не выдержала, нашла взглядом Тервишесса и с мольбой посмотрела на него. Он думал всего секунду, а потом подошел ко мне, положил руку на плечо и негромко сказал:

– Она моя!

На лицах соперников отразилось удивление, раздражение, даже злоба, но никто не возразил, только яростно раздувались крылья носов и ходуном ходили хвосты, отбивая чечетку на бедрах хозяев. Мой рыжий хвостик благодарно оплел молочно-белый с черной кисточкой и ласково погладил его пушистой красной кисточкой. Не сказав ни слова, но, кажется, ничего против не имея, Тер подхватил меня на руки и взмыл в небо, заставив вырваться из моей груди восхищенный вздох. Я одна с такой скоростью взлетать не могу, а он со мной на руках несется как ракета.

Летевший рядом Шервисс изредка бросал на нас задумчивый внимательный взгляд. Я же долго молчать не умею, ведь не зря же даже сама с собой болтать научилась:

– Не могли бы вы объяснить, чем моя скромная персона привлекла столь повышенное внимание мужского пола. У вас женщин не хватает?

Тервишесс промолчал, лишь насмешливо, с горчинкой ухмыльнулся. А вот Шервисс сразу оживился:

– Нет, с самками у нас пока, слава Ганту, все в порядке. Просто ты очень отличаешься от них и вызываешь охотничий азарт. Наши самки очень темпераментные, горячие и весьма любвеобильные. Впрочем, как и мужчины. Кто ж знал, что ты настолько холодная, при таком-то огне в крови?! Да и одеваешься как человеческая старуха!

Я чуть не спикировала, услышав мнение о себе, разозлилась и возмутилась:

– Я не холодная, Шервисс, не распушенная, а постоянная и верная! Я не гонюсь за количеством поклонников, мне нужно качество в одном единственном! Понятно?! – Вдохнула-выдохнула и добавила: – А одеваюсь, как мне удобно! Эту одежду друзья сшили для меня, другой нет. Она моя и нравится мне. Понятно?!

Руки Тервишесса крепче сжались на моем теле, словно одобряя, а Шервисс удивленно ответил:

– Постоянство и верность – положительные качества, но для пары, а ты пока свободная женщина и вольна вести себя, как угодно. Что плохого, познать как можно больше удовольствий, пока на тебя не надели браслеты

Ганту?

Заметив мое вытянутое лицо, живой путеводитель по дрийя пояснил:

– Пока самка не выбрала пару и не озвучила свой выбор, хотя это скорее выбор богов, чем наш, она свободна. И может выбирать или менять партнеров, когда хочет и сколько хочет. Также ведут себя и мужчины. Нас немного больше, поэтому мы должны завоевать внимание и расположение самки. А как еще это лучше сделать, нежели показать кто сильнее и хитрее? Это жизнь, Юлия, и зов природы, против него не пойдешь.

Я только презрительно хмыкнула и заявила:

– Это зов вашей животной половины, но вам же разум боги зачем-то дали. А как же семья, дети, любовь?

Шервисс нахмурился, но продолжил рассказывать:

– Может, ты и права, мы следуем своим инстинктам, иногда не задумываясь о последствиях, особенно в последнее время. Слишком мало осталось сдерживающих факторов. Слишком длинная жизнь и практически никаких стимулов. Но закон никто нарушать не смеет, если только не знает, как его обойти. А он гласит: пара образуется, если пелена пала и самка признает, что видит цвет магии самца. Тогда они становятся парой и обязаны заняться наследниками.

– И что там с браслетами бога? – напомнила я.

– Для сохранения чистоты магии в крови ее носителей на заре становления дрийя появились браслеты Ганту. Во время брачного обряда пара обменивается браслетами, которые гарантируют верность и постоянство партнеров. Именно поэтому самки с каждым годом все меньше и меньше признаются в том, что различают цвет глаз. Кому хочется быть вечно привязанной к одному мужчине, когда вокруг столько других, не менее привлекательных и интересных? Раньше пары создавались ради потомства, а теперь, когда такая возможность утрачена, какой смысл? Только в старейших родах блюдут традиции, чтобы не утратить чистоту и честь рода. Да и то некоторые самцы обязывают самку принять браслеты и хранить им верность, а сами их не надевают, предпочитая иметь больший выбор удовольствий.

Я слушала и обалдевала от такого положения дел. Куда я лечу? В один сплошной бордель?! Но, почувствовав крепкие руки Тервишесса, спросила о заинтересовавшем факте:

– Стоп, я немного не поняла. Пара создается, только если магия совпадает, а по-другому разве никак?

Что мне тогда делать, ведь моя магия точно не совпадает с Тери?

– Нет, Юлия! – успокоил Шервисс. – Магия не совпадает, она находит

родственную, с которой может объединиться, дополнить. При этом она может быть разная. Почему так происходит, не знает никто. Пара может создаться и без магии. Раньше... давно так случалось, когда встречались идеальные половинки, способные разделить чувства друг друга и готовые пожертвовать свободой, только чтобы быть вместе навсегда. В последнее время подобного почти не бывает, а пары создаются под давлением закона о магическом цвете.

Тервишесс начал снижаться, увидев у дороги одинокий трактир. Заселение происходило уже знакомым, проверенным способом. И зачем, спрашивается, столько денег тратить да людей на улицу выгонять? Но читать нотации смысла не было, все равно не поймут. А люди и сами сбегут.

После ужина я поднялась в отведенную мне комнату и с удовольствием вымылась в лохани. Приняла ванну, так сказать. Потом, высушив волосы, переоделась в любимое черное платье. Помаявшись немного и не сумев себя убедить этого не делать, отправилась к Теру, якобы для того, чтобы узнать, сколько нам осталось пути. Никого не встретив в коридоре, с громко бьющимся сердцем подняла руку и долго решалась постучать. Наконец резко пару раз несильно ударила по двери и замерла в ожидании. Тишина. Еще пару раз постучалась, а потом расстроилась: скорее всего, куда-то ушел. Дернула ручку от злости, а дверь открылась, и я, словно Красная Шапочка, зашла в комнату, неуверенно озираясь.

И застыла, увидев в свете огня камина и пары свечей, почти обнаженного Тервишесса, прикрытого только простынкой на бедрах, придерживаемой широкой ладонью. Видимо, только вылез из такой же лохани, как у меня. Мокрые волосы отброшены назад, крылья раскинуты в стороны для просушки, а вода тонкими струйками стекает по груди и висит капельками на могучем, хорошо развитом теле, покрытом коротким светлым пушком.

Я невольно громко сглотнула. Тело воина, а не замшелого повелителя. Маленькие черные горошинки сосков и более темный покров ниже пояса приковывал взгляд, как и оттопыренная мокрая простыня, скрывающая его мужское достоинство.

Но вместо того, чтобы сгорать от стыда, как обычно вели себя люди в королевстве, где я жила, мне захотелось прямо здесь завалить Тера на пол и... Ну, в общем, насладиться его великолепным телом, чтобы погасить пламя, разгоравшееся у меня внутри, но вместо этого я сделала над собой усилие, закрыла глаза и, резко развернувшись, поспешила к выходу. На ощупь открыла дверь, шагнула в проем... и приложила лицом об косяк,

прикусив при этом язык, и взвыла от боли.

– Что случилось, малышка? – забеспокоился за спиной тревожный шелестящий баритон, словно ветер заблудился в ветках деревьев, от чего волосы на моем теле встали торчком, а по коже побежали волны мурашек.

– А... ага, я нечаянно язык прикусила, а так все хорошо! – прошипела я, закрыла за собой дверь и привалилась к ней спиной.

Приоткрыв рот, с силой втянула в себя воздух, пытаясь снять боль. А потом, вспомнив, что сама себе лекарь, хлопнула по лбу и приложила к языку палец. Устранив последствия собственной глупости, я опять закрыла глаза и, прижав ладошки к дико вздымающейся груди, глухо зарычала сквозь зубы:

– Бли-и-и-н! Сколько уже можно вести себя по-идиотски?

– Что случилось, Юлия? Почему ты здесь? – голос Шервисса окатил меня словно ушатом ледяной воды.

Открыв глаза, я со стоном отчаянья уставилась на великолепную четверку – личную охрану повелителя и по совместительству мою главную занозу в заднице. Медленно отлепилась от стены и двинулась к себе в соседнюю комнату, едва сдерживаясь, чтобы позорно не бежать. Скрывшись за дверью, снова привалилась к ней спиной, сползла на пол и, закрыв руками лицо, прошептала:

– Сколько, ну сколько можно-то? Ведь я люблю его, так сильно люблю, а он... А эти... достали уже!

Утро, вдобавок к моему отвратительному настроению, встретило пасмурной погодой. Мне, как нашкодившему ребенку, было стыдно выходить к завтраку и одновременно нестерпимо хотелось увидеть Тервишесса, ставшего моей пищей, моим воздухом, моим наркотиком. Без которого, кажется, я больше не смогу существовать. Если бы я знала, как больно и плохо бывает, когда всего лишь взгляд его временами пустых глаз сильно ранит, выворачивает душу наизнанку, я бы раньше осторожнее мечтала о любви. Наверное. Оказывается, любовь – не только дар, но и боль.

Решившись наконец выйти, я спустилась в трактир и привычно села рядом с Тери; мой хвост-предатель тоже привычно обвился вокруг его ноги и нервно поглаживал ее мохнатым кончиком. А я исподтишка глубоко вдыхала запах моего возлюбленного, от которого пробуждалось все мое тело, каждая клеточка. Пока служанки, на которых мы еще вчера нагнали страху, заложенно накрывали на стол, я скосила глаза на Тера и натолкнулась на его непривычно внимательный, горячий синий взгляд. От неожиданности ляпнула первое, что пришло в голову:

– Интересно, у тебя глаза синие и без пелены, потому что ты повелитель или просто какой-то особенный?

И его глаза торжествующе вспыхнули, загоревшись неистовым пламенем. Тер, мягко коснувшись моей руки, волшебным, ласкающим слух баритоном вкрадчиво спросил:

– Маленькая огненная дрийя видит цвет моих глаз?

Я нейтрально пожала плечами, уже предчувствуя очередную подлянку:

– А вы разве не видите?

Шервисс ошарашено смотрел то на меня, то на Тервишесса, потом усмехнулся и не без ехидства, иронично заявил:

– Поздравляю, повелитель, вы теперь в любом случае не потеряете корону.

Тервишесс напрягся и, скривившись как от горечи, с гневом и презрением проскрипел сквозь зубы:

– А разве меня хоть кто-нибудь может уличить в том, что я держался за нее, мой друг?

Шервисс, услышав «друг», немного побледнел и смущенно опустил голову, бросив извинения:

– Прошу прощения, высокий лорд, я забылся! Уже давно стоило поставить меня на место.

Тервишесс сидел неподвижно, словно каменная статуя, и только глаза искрились бешенством. Я тоже помалкивала, опасаясь, что мое сочувствие или поддержка будут восприняты неправильно. Но от того не легче: тяжело видеть тщательно скрываемую за гневом боль любимого.

Чуть приподняв бровь, Тер перевел на меня немного смягчившийся взгляд. Я смутилась от его пристального внимания. Краска стыда снова залила мое лицо, наверняка, до самых кисточек подергивающихся ушей. Рыжий предатель крепче обвил ногу Тера, словно свою собственную, и усиленно поглаживал кончиком внутреннюю часть бедра. Стоило только ослабить контроль над хвостом, как он начинал исполнять мои самые потаенные желания.

Кажется, мы со своевольной пятой конечностью перешли все границы дозволенного. Пора и честь знать. Кончик моего хвоста замер на полпути, потом медленно, стыдливо раскрутился и сполз на пол, но был пойман хвостом Тервишесса, который накрепко сцепил наши конечности под столом. Я недоверчиво, но с надеждой глянула на Тера, а он в этот момент повернулся к Шервиссу и приказал:

– Ну что ж, предлагаю тебе самому ответить на вопрос о цвете моих глаз. У тебя слишком хорошо получается просвещать нашу будущую

повелительницу!

Я напряглась и собралась снова отказаться от высокой должности, а Шервисс посмотрел на меня и неожиданно по-дружески тепло улыбнулся, да так, что даже у Тервишесса брови удивленно взметнулись вверх. Как быстро и кардинально у них меняется настроение?!

– Юлия, я уже рассказывал, что по закону дрийя, женщина, признавшая, что пелена, скрывающая цвет магии мужчины, пала для нее, – последнее он сказал с нажимом, обозначая, что для других все по-прежнему: «бельма» как были, так и остались, – становится законной парой выбранного ее магией мужчины. Поздравляю тебя с будущими браслетами Ганту! И клянусь самым Ганту: я завидую нашему повелителю и своему другу.

Последние слова он произнес едва слышно, скорее всего, не веря, что остается другом. Я же не спешила радоваться хорошему, казалось бы, известию, наоборот, переживала, что несчастный Тервишесс теперь привязан ко мне навечно волей высших. Без любви, страсти, ведь он так мало обращал на меня внимания, в отличие от других. Не веря собственной удаче, я хрипло выдохнула, все сильнее раздражаясь:

– Но при чем тут глаза и ваша магия?

– Цвет глаз отражает магию, Юлия! Вот основные: синий у носителей магии воздуха, карий – земли, оранжевый – огня, голубой – воды, зеленый – целителей, да еще много разных направлений, и, соответственно, цветов. Вот, например, я управляю молнией и еще некоторыми энергиями, разлитыми вокруг нас, и глаза у меня фиолетовые.

– А если я владею двумя видами магии? – скептически посмотрела на Шервисса. – Тогда как?

Мой просветитель, приподняв уголок губы над клыком, выразил таким образом снисходительность. Ха, я тоже так умею; работая на Севере, среди сплошного тестостерона, чему только не научишься. С зеркальной точностью повторила его мину, пристально глядя в белесые глаза.

– Огненная, владеющая не одной способностью, вдвойне ценна! – продолжил Шервисс, примирительно улыбнувшись мне, как ребенку, и посмотрел на Тервишесса: – Еще раз хочу поздравить тебя, повелитель! Подобная Юлиной разновидность встречается довольно редко. Если Рожденной Огнем удастся снять с нас проклятие, род Черных Властелинов только упрочит свое положение, усилив древнейшую кровь и передав ее своим потомкам.

Я поерзала на лавке, думая, о чем бы еще спросить Шервисса. Но, как назло, когда появляется возможность, все самое необходимое и важное тут

же вылетает из головы. И все же одна мыслишка у меня проскользнула. Нужно непременно выяснить про Тера, ведь только глаза иногда выдают его эмоции, когда он общается со мной, а не жесты и голос, которыми вовсю пользуются остальные дрийя при попытках ухаживать за мной. А как же я? Ведь сама иногда украдкой бросаю на него такие взгляды, что...

– Тервишесс, а ты... ты видишь цвет моих глаз? – спросила и как в омут нырнула.

– Да, они у тебя необычные для огненных – зеленые; я был удивлен, впервые увидев тебя в замке, – прошелестел Тери.

– Выходит, пара видит цвет глаз друг друга, но женщина должна признаться, а мужчина... – начала было развивать мысль, но не успела, потому что Тервишесса отвлекли чем-то важным, а все остальные закончили завтракать и начали дружно собираться в путь.

Посчитав, что еще успею выяснить, тоже встала. В голове крутилась мысль: «Раз он удивился, увидев зеленые глаза у огненной дрийя, да еще с даром целителя, получается, я для них в некотором роде невидаль». Решила, что лучше по этому поводу радоваться, нежели печалиться. Рыжая и зеленоглазая здесь – это как натуральная блондинка с карими глазами на родине.

Не прошло и недели, а я уже вполне комфортно чувствовала себя в компании огромных белоглазых летунов, не боялась с ними спорить и изредка срывать на них плохое настроение, а с некоторых пор – посылать подальше назойливых ухажеров. Чувствовала себя своей в этой не совсем дружной, но сплоченной компании.

Тервишесс общался в основном с Шервиссом и спускал тому нелестные реплики и сарказм, но стоило ему гневно «посмотреть», вернее, повернуть голову в его или чью-то еще сторону, как зарвавшиеся сразу теряли апломб или задиристость. Парой слов или фраз он прекращал драку, спор или отдавал приказ, который никто не осмеливался не выполнить.

Наблюдая за их отношениями, я отметила не выставляемую напоказ жесткую субординацию и дисциплину, хоть мне и показалось вначале, что таковой нет и в помине. Особенно радовало, что как только Тервишесс обозначил мою принадлежность, остальные дрийя стали держаться от меня на расстоянии и только смотрели да поигрывали бровями, вызывая у меня лишь смех. Когда эти крылатые спят зубами к стенке, они такие милые...

Из-за низко нависших облаков мы летели ближе к земле, иногда ныряя в густые, набрякшие от влаги серые перины. С каждым днем я пролетала самостоятельно все более длинные расстояния, уже почти не напрягая спину и пользуясь восходящими потоками. Лучше ориентировалась в пространстве и увереннее вела себя в окружении спутников, не чувствуя себя рыжей беспомощной вороной среди стаи серых и черных лебедей. Общение с себе подобными помогло обрести смысл дальнейшей жизни.

Как только Тери узнал, что я не специально утаивала от него тот факт, что вижу цвет его глаз, как и он моих, сразу изменил его отношение ко мне на более теплое, душевное, на более... И это «более» заставляло биться мое сердце все сильнее. И я тоже, наконец, поняла, из-за чего проклятый правитель холодно относился ко мне: решил, что я намеренно не признавалась о нашем совпадении и по привычке заранее отгородился, опасаясь отказа.

И все равно я не чувствовала, что Тервишесс воспылал ко мне любовью. Зато радовалась теплу во взгляде, когда он смотрел на меня. Подозреваю, что для него это вообще редкое явление. Мне было приятно его искреннее любопытство и неустанная забота. Впрочем, заботился Тер с самого первого дня, не ожидая ничего взамен, просто, в силу благородной натуры. Я трепетала от счастья, ощущая его прикосновения, – не напоказ, а легкие, незаметные, только для нас двоих, – и с удовольствием принимала эти знаки внимания. Вот если бы не его временами отсутствующий холодный взгляд, я бы сказала, трепетные и нежные знаки.

Вообще, моя синеглазая любовь состоит из сплошных противоречий. То он словно кусок айсберга сидит и пялится в небо, то, заметив, что я дрожу от холода, немедленно пересаживается ко мне, накрывает своим плащом и мягко привлекает к большому горячему телу, заставляя трепетать от желания и любви.

Нам не раз приходилось ночевать под открытым небом, но для меня неизменно ставили небольшую палатку, чтобы укрыть от непогоды. Спутники пытались узнать о моем прошлом, но я не хотела делиться воспоминаниями. Чтобы полностью ассимилироваться в этом мире сама доставала их расспросами, иной раз заставляя смеяться до слез. Даже Тервишесс пару раз посмеялся, правда, не размыкая губ.

Особенно все развеселились, когда я вспомнила заявление Арвена о том, что никто меня не сможет удовлетворить, и только дрийя или дракон подойдет физически. Конечно, сразу прямо ставить вопрос не стала, а, помявшись немного и покраснев, спросила о том, насколько совместимы различные расы. А потом, увидев наигранно недоуменные лица с веселыми

морщинками у белесых глаз, обиделась и строго задала конкретный вопрос, уточнив про дрийя и драконов. Собеседники сначала насупились, как всегда происходило при малейшем упоминании недругов-ящериц, но потом, когда до них дошло, хохотали от души, заставив меня краснеть и злиться. Тервишесс тогда с улыбкой обронил загадочную фразу:

– Не волнуйся, Огонек, скоро на собственном примере поймешь, почему мы так мало совместимы с другими расами, кроме драконов. Я лично прослежу за этим и позабочусь.

Шервисс тут же вставил свое слово:

– После этого, высокий лорд, тебе придется сразу надевать на нее браслеты Ганту, чтобы следующим наследником трона точно стал потомок Черных Властелинов.

Глаза Тервишесса, сузившись, гневно полыхнули. Я сперва задохнулась от оскорбления, а потом, яростно посмотрев на Шервисса, ядовито выдавила, опередив уже открывшего рот Тера, чтобы отчитать своего «друга»:

– А ты не слишком беспокоишься о троне? Имеешь на него собственные виды?

Тот, ехидно приподняв бровь, усмехнулся краешком губ, и, по-моему, боязливо покосился на Тери.

– Как второй наследник по старшинству рода, конечно, имею. Виды! Но, убереги меня Ганту, получить трон сейчас. Приношу свои извинения, высокая леди Юлия, за свой несдержанный язык. Я думаю, он будет веской причиной для отказа мне в правах наследника, если такой момент когда-нибудь настанет.

Я опешила и нахмурилась:

– Что-то я совсем не понимаю, зачем в столь дальнюю и, возможно, опасную дорогу отправились сразу двое самых высокопоставленных дрийя. Других не нашли или расстаться друг с другом не смогли?

Теперь меня сверлили две пары яростных взглядов. Шервисс впервые заговорил серьезным тоном, в котором слышались отчаяние и боль:

– Это дело не только государственной важности, но и вопрос выживания целой расы. Нашей расы, огненная дрийя. Нас осталось не так много, и, хотя живем мы очень долго, но не бессмертны. Последний младенец, наш нынешний повелитель, родился семьсот лет назад. С тех пор – ни одного. Как ты думаешь, стоит ли беспокоиться о повелителях, если уже через несколько тысячелетий на Лайдосе не останется ни одного дрийя? Если проклятие не будет снято! И поверь мне, десяток тысячелетий – это не так уж много, как кажется на первый взгляд.

Я грустно кивнула, признавая его правоту. Тервишесс молча смотрел на меня и друга-родственника. Наконец, его глаза потеплели, и мое настроение начало улучшаться. Наш разговор и переглядывания неожиданно прекратились, когда мы вынырнули из очередного облака и заметили внизу странную, на первый взгляд, картину.

Наблюдая с высоты разворачивающиеся на земле действия, я почувствовала себя Гулливером в стране лилипутов. Огромный, бескрайний лес раскинулся под нами, перемежаясь блестящими полосками рек и яркими пятнами полей и пригорков. Весна уже вошла в полную силу, и все вокруг стремительно расцветало яркими красками, призывая маленьких летающих тружеников.

И эту пасторальную, умиротворяющую картину нарушили несколько сотен мохнатых существ, яростно вгрызавшихся в нестройные и уже довольно поредевшие ряды людей. Присмотревшись внимательнее, я узнала нападающих: мои старые, но не добрые знакомые – бредвиши! Как они тут оказались, за сотни, наверное, километров от прорыва непонятно. Ведь по дороге нам только один раз встретилась полностью уничтоженная деревня, где мы так и не смогли выяснить, что произошло с ее жителями и домашним скотом. А тут бредвишей не меньше двух сотен будет!

Мы сделали пару кругов, оценивая обстановку, а затем мои спутники взяли прежнее направление, заставив меня зависнуть в небе с открытым от удивления ртом. Не веря своим глазам, я догнала Тервишесса и, схватив его за хвост, потянула:

– И это все? Вы же ничего не сделали, чтобы помочь тем людям внизу? Их же уничтожат одного за другим! – Увидев, что он совсем не реагирует на мой призыв, испуганно, отчаянно завопила: – Неужели вы оставите их на съедение чудовищам?

Тервишесс слегка поморщился и, снова окинув взглядом поле боя, ответил, медленно цедя слова:

– Это не люди, Юлия! Это эльфы, а у нас с ними военный нейтралитет! Они вряд ли скажут нам спасибо за помощь; скорее всего, решат, что мы хотим воспользоваться ситуацией и добить оставшихся. Они живут так же долго, как и мы, и, думаю, еще не забыли, как мы им уши подпалили пятьсот лет назад.

Я гневно сопела и судорожно решала, что делать. Пролететь мимо, бросив погибать даже неизвестных эльфов, было не в моей натуре. Твердо выдержав напряженный взгляд потемневших глаз, упрямо заявила:

– Я остаюсь, а вы можете лететь дальше. Потом нагоню, если смогу!

Надавила на жалость и, сложив крылья, ласточкой сиганула вниз,

чувствуя, как ветер бьет в лицо. Мой благородный порыв прервали на самом интересном месте. Кое-кто из эльфов, заметив новых участников битвы, начал палить по нам стрелами и магическими шарами, заставив меня увертываться от них. В ту же секунду возле меня возник Тер и, выставив магический воздушный заслон, вырвался вперед.

Остальные дрийя начали быстро снижаться, подобно эскадрилье истребителей, собравшейся бомбить вражеские части, только жуткого звука моторов не хватает, потому что летающие воины скользили бесшумными призраками, выстраиваясь за спиной бредвишей.

Дальше началось избиение младенцев, по-другому не назовешь. Если уж я одна справилась с толпой этих чудовищ, то опытные, более сильные воины управились за несколько минут, при этом, кажется, даже не запыхавшись. Их молнии, смерчи и великое множество других смертоносных приемов рвали врагов на куски, разлетавшиеся на многие метры вокруг. Жуткая картина, но зато я теперь воочию убедилась, почему их настолько боятся на Лайдосе.

Отвернувшись от этого мерзкого зрелища, я с искренним любопытством изучала эльфов, пытаюсь понять, что они в этом месте защищали, не может же быть, что здесь «куликово поле». Не утерпев, снова дернула за хвост Тервишесса, следившего за ходом боя и охранявшего мою бестолковую персону:

– А почему они дальше в лес-то не ушли? Что они тут так яростно защищали?

Гнев моего героя, испугавшегося за меня, сменил холод. Я виновато поежилась: ну да, он же меня предупреждал об отклике эльфов. Но ведь все обошлось? Сощурившись, Тер спокойно, бесстрастно пояснил:

– Если ты внимательнее приглядишься, то заметишь на деревьях многочисленное эльфийское поселение. Им некуда было уходить, а если точнее, то некогда. Они защищали свои семьи, дом, и, поверь, смерть бредвишей для них не означает, что угроза миновала. Длинноухие будут искренне и вполне заслуженно так думать, пока мы рядом. А вообще, можно воспользоваться случаем и остаться на ночлег. Мирный договор, наконец, подписать!

Лед неожиданно растаял – сменился весельем и непривычным озорством. Я не могла оторваться от его смеющихся синих глаз, полыхающих горячими, яркими искорками. Они словно вспыхивали в глубине его души и неудержимым потоком всплывали на поверхность, даря мне надежду.

Мы замороженно висели в небе, медленно помахивая крыльями, лицом

друг к другу, глаза в глаза, как будто остались одни в целом мире. Мне нестерпимо хотелось прикоснуться к его лицу; провести по четко очерченному упрямому подбородку и высоким скулам; зарыться руками в густые черные волосы и крепко прижаться к нему, чтобы почувствовать любимого: каждую мышцу, каждый кусочек великолепного тела, к которому меня тянет как мотылька на огонь. Я ничего не могла с собой поделать – парила в небесах от счастья.

И готова была нырнуть с головой в прорубь отчаяния, когда нас прервал один из крылатых воинов – Щиусс, доложивший, что враг уничтожен, эльфы в изумлении и ждут только нас. Таким образом, я перевела его доклад с языка дрийя, не зря же меня две недели старательно обучали. Хотя язык детей Ганту, как они еще себя называют, давался мне не в пример тяжелее человеческого: более сложные речевые обороты, падежи и словосочетания. Несмотря на то, что «наши победили», я была неприятно удивлена, насколько презрительно и уничижительно Щиусс отозвался об эльфах, на мой взгляд, волшебных и неземных существах.

Мы плавно спустились на большую поляну, служившую полем боя, где нас встретила делегация лесных жителей, от вида которых я пришла в неопишуемый восторг, сродни детскому. Мое мировоззрение и представление о жизни стремительно менялись с каждым днем на Лайдосе: сначала испытала суеверный ужас перед бредвишами; потом дракон ошеломил и поджарил; дальше влюбилась в крылатого мужчину; а теперь с восхищением уставилась на эльфов, которые подозрительно и с тщательно скрываемым страхом наблюдали за нашим приближением.

Они прекрасны! Нереально, сказочно прекрасны! Дрийя отличаются от них мощью, ростом, размахом, мужественностью. Но крылатые воины скорее занимательны и удивительны, на мой женский и, в сущности, человеческий взгляд. А вот эти неземные создания поистине восхитительны, великолепны! Я восторженно смотрела на мужчин с изумительными раскосыми глазами ярких насыщенных цветов; тонкими, благородными чертами лица и фарфорово-светлой кожей, тронутой румянцем. По их стройным телам словно волной стекали шелковистые длинные волосы. Татуировки на тонкой нежной коже жили своей собственной жизнью, блуждая по телу. Одежда, украшенная замысловатой, искусной вышивкой, бусинами и бисером настолько органично сидела на этих лесных обитателях, двигавшихся с грацией танцовщиков балета и державшихся с королевским достоинством, – глаз не оторвать! Впрочем, им, кажется, шло все, даже острые длинные уши. Как, боги, скажите мне, как можно быть настолько совершенными?!

Один из красавчиков щелкнул пальцами, и передо мной из земли вылез тонкий корень, а через несколько мгновений сплелся в изящное кресло, покрытое тонкой зеленой «обивкой» из листиков. Я восхищенно улыбнулась, сложив руки на груди, чем вызвала удивленные, неуверенные улыбки эльфов и снисходительное пофыркивание у своих спутников. Осторожно присела – прямо как в сказке: по моему хотению, по моему велению, вернее, эльфийскому хотению. Погладила зеленые живые подлокотники, едва не захлопав в ладоши, и радостно посмотрела на Тера.

Тервишесс приподнял бровь и улыбался уголком губ, явно стараясь не показывать другим своих эмоций. Но я уже заметила, что толстый ледяной панцирь, сковавший его сердце, начал оттаивать и трескаться, пропуская лучики чувств. Встав рядом, Тер обвил хвостом мою талию, добавив приятных ощущений и удовольствия.

Я благодарно теребила и поглаживала мягкую черную кисточку, с интересом наблюдая за переговорами. Сначала было длинное представление с эльфийской стороны и такое же длинное выражение благодарности, признательности и тому подобные реверансы. Оказалось, мы помогли одному из крупнейших эльфийских княжеств, которое испытывало трудности из-за того, что большая часть молодых воинов отправилась на ежегодные состязания, и это поселение осталось без защитников. Только по этой причине бредвишам удалось близко и незаметно подойти к эльфам и нанести серьезный урон.

Наша помощь пришла очень кстати и оказалась даже жизненно необходима. Лесной народ долго извинялся за то, что неправильно понял наши намерения и обстрелял меня, но у них были веские основания. Они хорошо помнят, как дрийя напали на их поселения несколько веков назад и уничтожили множество жителей.

Мой синеглазый герой извиняться не стал, а сразу перешел к делу: представился повелителем дрийя, Тервишессом из рода Черных Властелинов, заодно и меня представил – как законную пару! И предложил эльфам подписать мирный договор. Эльфы, еще больше удивившись, неожиданно согласились.

Признаться, отношение к нам после знакомства и примирения кардинально не изменилось, но хоть страх из прекрасных раскосых глаз лесных жителей ушел, оставив соперничать там подозрительность и горячее любопытство. Как только мы вошли в царство зелени и цветов, я забыла обо всем на свете, восторгаясь высокими сводами крон, подвесными плетеными мостиками между стволами и симпатичными сказочными домиками, висящими на деревьях. Среди этого великолепия

кружились стайки мелких насекомых и птиц, придававших дополнительное волшебство этому дивному лесу.

Нам выделили несколько домиков. Тервишесс с Шервиссом удалились с двумя эльфами обсудить условия договора и дальнейшего сотрудничества. Местные жители расчищали завалы и помогали пострадавшим сородичам, и я решила тоже поучаствовать. Сначала мое появление среди раненых вызвало недоумение и подозрительность, но как только я, опустившись на колени возле лежащего без сознания покалеченного эльфа, принялась за лечение, протестующий шепоток прекратился, и вокруг воцарилась тишина.

Кершин Рош говорил, что целителей мало, даже среди нелюдей, поэтому мои услуги, похоже, будут оценены по достоинству. Закончив с одним, я взглядом искала другого, но занималась только самыми тяжелыми – с ограниченным запасом энергии на всех меня не хватит. Вот так, двигаясь от одного раненого к другому, я провела много времени. В конце концов, встав после очередного, вырванного из лап смерти эльфа, почувствовала, что зашумело в голове, потемнело в глазах – крыша поехала, грозясь съехать совсем, как говорили на родине.

Я пошатнулась и начала медленно оседать на землю, тщетно пытаюсь устоять. Меня остановили сильные руки, но чужие, не Тервишесса. Поддерживая за талию, меня практически на себе кто-то вынес из полевого лазарета. Только я собралась отстраниться, чтобы облокотиться на стоящее рядом дерево и поблагодарить за помощь, как воздух, наполненный ароматами цветов, разрезал яростный возмущенный рев какого-то животного.

В следующее мгновение эльфа, поддерживавшего меня, снесло в сторону и пришпилило к стволу дерева неведомой силой. Его словно душила невидимая воздушная рука. Кажется, у бедняги глаза из орбит вылезали. Я же, внезапно оказавшись без поддержки, все-таки сползла на землю. Но зато смогла, наконец, определить источник новой угрозы.

Надо мной стоял Тервишесс с перекошенным от ярости лицом, с бешено сверкающими глазами и ходуном ходившими желваками. Он протягивал руку вверх, как будто сжимал невидимый кулак на шее эльфа, который вот-вот станет мертвым. Рев моего дрийя снова разрезал оглушающую тишину леса. Эльфы встали стеной, направив стрелы на меня с Тером. А мои спутники, в боевой готовности подняв руки, образовали вокруг нас защитный купол. Боже, неужели я опять что-то сделала не так?!

– Как ты посмел прикоснуться к моей паре, презренный эльф?! Кто дал тебе право касаться ее?

Я с облегчением выдохнула: видимо, не виновата. На четвереньках подползла к Тервишессу, дернула за ногу и зашипела:

– Отпусти его немедленно, Тервишесс! Если бы не он, я бы упала лицом в землю. Этот эльф всего лишь помог мне добраться до дерева. Я лечила раненых и потратила много сил, поэтому устала. Вот и все. Поверь, на мою честь и тело он не покушался. Кому я вообще нужна?

Бедняга эльф, хрипло дыша, упал на колени, его соплеменники медленно опустили оружие, в шоке наблюдая за нами. Наши тоже сняли магическую защиту и уставились на повелителя, конечно же, удивленные внезапной, явно несвойственной ему вспышкой то ли ревности, то ли еще чего-то в этом духе. Встать я была не в силах, поэтому продолжала сидеть, упираясь лбом в ноги Тервишесса и держась за них хвостом.

Разгневанный повелитель, отстранившись, опустился рядом со мной на землю и глубоко дышал, похоже, пытаясь усмирить внезапно прорезавшийся бешеный темперамент. Затем участливо посмотрел мне в глаза:

– Как ты себя чувствуешь?

Я устало пожала плечами и тихо мурлыкнула:

– Есть хочется, и сил никаких нет! А ты чего разорался? Напугал меня, между прочим!

Он молча встал, взял меня на руки и направился в отведенный нам домик, не обращая внимания на окружающих. Дрийя провожали нас напряженными взглядами, а Шервисс – загадочной и довольной улыбкой.

В комнате, в которую меня принес Тери, росла удобная плетеная мебель, украшенная живыми цветами – чудеса, да и только! Посадив меня за стол, он вышел и скоро вернулся в сопровождении пары прелестных эльфиек, которые несли подносы с едой. Я слишком устала, чтобы по достоинству оценить представительниц лесных красавиц, не принимавших участия в битве, переговорах и тяжелых работах, тем более они скоренько накрыли на стол и удалились, наверняка побаиваясь нас и чувствуя себя неловко.

Я еле сдерживалась, чтобы не наброситься на изысканную пищу подобно голодному зверю, и специально отвлекалась на Тера. Скоро поймала себя на том, что с удовольствием наблюдаю, как он мощными клыками с легкостью разрывает мясо, но не выглядит при этом жутко или неопрятно. Длинными пальцами с темными когтями, резко контрастирующими с молочным мягким пушком на руках, лениво крутил красивую кружку, с приглянувшимся, наверное, узором.

Прожевав последний кусочек, я запила его вином с тонким,

восхитительным вкусом и почувствовала, как напряжение и слабость отступают, сменяясь сытостью и сонливостью. Тер поймал мой признательный, обожающий взгляд, ведь я не скрывала своих чувств, особенно наедине. Несколько мгновений смотрел на меня, и я ловила его взгляд, в котором быстро сменялись разные эмоции. Потом он протянул руку и неожиданно тыльной стороной ласково провел по моей щеке, заставляя сердце биться чаще.

Синие глаза любимого темнели, будто небо в шторм, казалось, в них плясали молнии. Он наклонился ко мне, окутывая запахом морозного зимнего утра, свежим и в тоже время бодрящим. Рыжий хитрец хвост, выскользнув из складок одежды, устремился к своей добыче – черно-белому хвосту – и обвился вокруг нее. Мягко улыбнувшись, Тер медленно склонился к моей шее, громко и глубоко вдохнул мой аромат. Я тоже прильнула к любимому и уже собралась перелезть к нему через мешавший стол, желая только одного: оказаться в объятиях моей сказки наяву, моего кошмара, и в тоже время сладкой мечты.

Внезапно он отстранился, а я обмякла безвольной куклой. Через мгновение, пару раз стукнув в дверь, зашел Шервисс. Зараза серая! Кто тебя звал? Зато мне стало до обидного ясно, что Тери даже в такой момент все держит под контролем – и свои чувства, и свои эмоции, и обстановку в стане бывшего недруга. Все всегда под наблюдением. С одной стороны, похвально, с другой – невольно возникает вопрос: неужели можно испытывать хотя бы десятую часть того, что ощущаю сама, и одновременно прислушиваться к окружающему пространству. Проклятый контроль! Неужели я слишком мало для него значу, раз он даже на секунду не может отключиться?!

Перекинувшись с вошедшим фразами на языке дрийя так быстро, что я и половины не разобрала, Тервишесс, не оглядываясь, вышел за Шервиссом, оставив меня опустошенной и расстроенной. Я с трудом встала из-за стола, шагнула к кровати и плюхнулась на нее. Меняхватило только сбросить ботинки и содрать с себя тунику. Но вместо сна пришли слезы, и я беззвучно изливала в подушку душевную боль от неразделенной любви, пока не забылась.

А через какое-то время сна как не бывало. От усталости, наверное, и на нервах. Но вместо того, чтобы маяться от бессонницы, ворочаясь с боку на бок, и считать овец, я вспоминала события сегодняшнего дня. Мои спутники безмерно удивили, причем все разом. Пока мы путешествовали, они представляли собой разношерстную, то переругивающуюся, то веселящуюся компанию озабоченных спермотоксикозом самцов-

переростков. Даже не скажешь, что некоторым из этих воинов больше тысячи лет. Но как только в поле зрения появлялся хоть один чужак, они становились единой, слаженной, бесстрастной боевой машиной под управлением повелителя.

Вот и сегодня дрийя вели себя словно боги, спустившиеся с Олимпа и представшие перед смертными. Без лишних движений и суеты, они тщательно выстраивали защиту и четко соблюдали боевой порядок. Не мигая, смотрели на эльфов, доводя их белыми глазами до нервного тика, и словно тени следовали за мной и повелителем. Именно поэтому я чувствовала себя в безопасности, где бы ни была. Потому что знала: всегда и везде меня прикроют своим крылом, защитят от опасности, даже если я ее не вижу. Мои мысли текли все медленнее, и вскоре я провалилась в глубокий сон.

Глава 11

Все-таки день был чересчур эмоциональный, потому что я опять подхватила среди ночи с колотящимся сердцем и никак не могла успокоиться. Лежала, пялясь в потолок, пока не надоело. Потянувшись, словно кошка, сладко зевнула, поднялась и выглянула в окно. Вроде все тихо-мирно, глотнула немного замечательного эльфийского вина, оставшегося на столе, и как была, босиком, в длинной рубашке, тонких шерстяных штанах на завязках, выскользнула за дверь этого скромного «бунгало», висящего над землей.

Мягко, неслышно ступая по плетеным подвесным дорожкам, лесенкам, переходам, я медленно брела, наслаждаясь удивительно теплым весенним ветерком, хотя, нет, – летним, ведь оно уже наступило. Мое первое лето новой жизни. Босыми ногами я ощущала шершавые ветки с гладкими, щекочущими пятки листиками. Пару раз я встречала эльфов, охранявших свои владения, и под их удивленными взглядами шла дальше, не забыв мягко улыбнуться.

Почувствовав чье-то присутствие за спиной, я стремительно обернулась и натолкнулась на бесстрастное лицо одного из моих спутников. Незванный телохранитель молча смотрел на меня, пока я, нахмурившись, тихо и очень вежливо не пожелала остаться в покое хоть ненадолго. Мне действительно нужно было уединение и покой, чтобы привести мысли и чувства хотя бы в относительный порядок.

Взмахнув крыльями, я рванула в небо, уносясь прочь от невзгод и

печалей. Я так устала за эти недели от всех, от всего и, главное, измучилась от боли, грызущей душу. Любовь – самое прекрасное и желанное чувство для человека. Конечно, я бывший человек, но, тем не менее, душа-то у меня человеческая. А безответная любовь, оказывается, – самая тяжелая ноша, которую можно только представить, способная отравить кого угодно и превратить либо в жалкого раба, либо в самого ярого, непримиримого врага, жаждущего мести. Я должна постараться ради себя и ради любимого, чтобы со мной подобного не случилось. Либо добьюсь от него ответа, либо отойду в сторону и буду сама справляться с болью и тоской.

Вспомнив о брачных традициях дрийя, я решила ни за что на свете не надевать браслетов Ганту, если мой муж не сделает того же первым. С будущим браком я уже смирилась, но если в нем не будет обоюдной верности, то на такое я не согласна. Ни один закон не заставит меня этого сделать, тем более, у них браслеты – исключительно добровольное решение, по-другому не сработают.

Ночной полет снял напряжение и усталость, подарив бодрость и надежду на лучшее будущее. Ветер ласкал мои крылья и разгоряченное тело; серебристая луна, ярко освещавшая мир таинственным мягким светом, заставляла восхищенно вздыхать от вида раскидистых крон тысячелетних деревьев-великанов. Я заметила впереди небольшую полянку и медленно опустилась на нее, наслаждаясь тонким, нежным ароматом цветов, распустившихся под яркими ночными светилами, призывая уже ночных тружеников.

Сложив крылья, я наслаждалась красотой летней ночи, слушала стрекот насекомых, шорох ветерка, заблудившегося в листве, приглушенные крики ночных птиц и зверей и по-хорошему завидовала эльфам, живущим в этакоей благодати. Волшебство этой ночи помогло поверить в невозможное. Наверное, поэтому я подняла руку к луне, и, как будто баюкая ее в ладони, тихонько попросила, чтобы слышала только она, и никто больше, даже маленькие свидетели насекомые:

– Прошу тебя, сделай так, чтобы он любил меня, любил хотя бы вполовину так же сильно, как я. И тогда я стану самой счастливой женщиной на свете.

– Ты с ней играешь или творишь волшебство, моя маленькая огненная дрийя! – голос, нарушивший мое уединение, напоминал шелест листьев на ветру.

Я вздрогнула и испуганно обернулась. Обнаженный по пояс Тервишесс, стоявший лишь в обтягивающих сильные ноги кожаных штанах и освещенный лунным светом выглядел потрясающе. Громко сглотнув, чем

невольно вызвала удовлетворенную улыбку на лице могучего воина, я жадно смотрела на его великолепно сложенное тело, сжав пальцы от нестерпимого желания прикоснуться к нему. Насладиться его теплом и гладкостью покрытой коротким молочным мехом груди.

Я потеряла покой, влюбившись в этого крылатого мужчину, не человека, но все уже было не важно, потому что он сделал последний шаг и, наконец, выполнил самое заветное желание, нашептанное луне. Ласково коснулся моей щеки, провел по лицу и зарылся в густых длинных волосах, мягко массируя и поглаживая скулы большим пальцем...

И вдруг резко отстранился. На этот раз было заметно, что ему пришлось предпринять усилие. Сделав шаг назад, он раскрыл огромные черные крылья и полетел к лесу. Словно темный ангел! Одиночество навалилось на меня плитой, слезы потекли по щекам: я снова была отвергнута, снова никому не нужна, в очередной раз придется справляться со всем самой. Никогда и никому не было до меня никакого дела, а уж до моих переживаний – и подавно. Грудь раздирали рыдания, боль и тоска. Ночь перестала быть сказочно прекрасной, а мечты рассыпались лунной пылью.

Взмахнув крыльями, я замерла над поляной, собираясь убраться отсюда, но слезы застилали глаза, не давая покинуть место разбитых надежд.

– Почему ты плачешь, малышка?

Вскинув зареванное лицо в сторону чудного голоса, я столкнулась с самыми синими глазами в мире. Тер тревожно смотрел на меня. Он вернулся!

– Из-за тебя! – всхлипнула я. – Ты снова отверг меня!

– Ты плачешь, потому что я отлучился отослать твою охрану подальше, чтобы не мешали?

В мягком шелестящем голосе слышались и удивление, и легкая насмешка. Неужели мое желание наконец-то сбудется?..

– То есть ты... Ну... не улетишь... не уйдешь... не бросишь меня?

Медленно помахивая крыльями, любимый приблизился ко мне, и мы, словно две бабочки, освещенные лунным светом, зависли над прекрасными цветами. Заключив мое лицо в ладони, он прошептал:

– Никогда не уйду! Не брошу! И не улечу от тебя больше! Мой огонек!

И приник к моим губам. Я вцепилась в его широкие плечи руками, обвила хвостом его талию и погрузилась в нежность и сладость поцелуя, паря над поляной. Медленно, не прекращая целоваться, мы опустились на землю, вернее, Тер встал, а я держалась за него руками-ногами-хвостом и

все теснее прижималась, словно, вопреки обещанию, он мог опять исчезнуть.

– Огонечек... – Тер немного отстранил меня под мой возмущенный вопль и рывком содрал мою рубашку.

Снова обнял и прижался губами к моим губам, что-то ласково шепча, притискивая к паху и заставляя гореть в предвкушении. Я таяла в этом чувственном безумии...

Скоро наши штаны отправились к рубашке. Абсолютно обнаженные, мы в каком-то диком приступе страсти, словно жаждавшие путники в пустыне дорвались до воды и пили... пили... не в силах оторваться от живительной влаги. Вцепившись ему в волосы, я ловила губами его губы, целовавшие мое лицо, собирая слезы. Мы сплетались языками, хвостами, я рычала, стонала и всхлипывала – так велико было напряжение, нарастающее в груди, и Тер его тоже чувствовал.

Мы упали в траву, взметнув сотни маленьких сверкающих светлячков. Они повисли над нами, невольно создавая ощущение нереальности, сказочности происходящего: благоухающая тысячами цветов ночь, огромная луна, любимый мужчина, ласкающий меня, и сотни маленьких светящихся свидетелей нашего безумства, нашего единения.

Мои крылья и волосы огненным покрывалом раскинулись по траве, а сверху Тер черным пологом скрыл от остального мира нашидвигающиеся в едином ритме тела. Я горела, кусала его плечо и тут же зализывала рану, когтями царапала кожу у него на спине и сходила с ума от невероятного вожделения, что росло внутри меня вместе с огнем. Он двигался резче, сильнее, быстрее...

А затем произошел взрыв, заставивший нас обоих застыть и с глухим стоном откинуть головы. Я не знаю, что испытывал Тер, я же в первое мгновение почувствовала, что горю. Точнее, будто на меня плеснули жидким огнем, который занялся и побежал по всему телу, даря дикое, ни с чем несравнимое удовольствие. Как когда-то слышала, полный вынос мозга и срывание крыши.

Контроль над своим телом я потеряла, а потом потеряла и контроль над магией – она вырвалась наружу, окутав нас радостно ревушим пламенем. К пламени присоединился ветер, закрутился, словно торнадо, захватывая нас в безумную воронку, и поднял над землей.

Открыв глаза, я будто со стороны наблюдала, все еще переживая чувственное удовольствие, как вокруг нас крутится огненная стихия. Две силы, огонь и ветер, сплетались в танце страсти. Невероятно, мистически и волшебно – только такие мысли пришли в голову, пока я, по-прежнему

крепко, обнимала своего мужчину, чувствуя внутри себя его налитую плоть, прижималась к нему и плакала... Плакала от счастья, удовольствия, ощущения, что уже никогда после этой страстной ночи не смогу быть прежней. Я изменилась, точнее, он меня изменил. Полностью.

Стихии утихли, и мы снова опустились на землю, в небольшой выжженный круг. Я не хотела разжимать руки, только одна мысль об этом приносила боль. Тер отступил с черного пятна и опустился вместе со мной в густую траву. Крепко прижимал к себе и что-то приятное шептал на ухо – тоже не остался равнодушным.

Распластавшись по великолепному мужскому телу, я терлась щекой о персиково-пушистую грудь любимого, покусывала горошинки сосков и почувствовала, как его плоть снова настойчиво упирается мне в бедро. Счастливо заглянула ему в глаза и впервые увидела в их бездонной синеве нежность и обожание, потеснившие холод и бесстрашие. Я блаженствовала, наслаждалась этими непривычными для него чувствами, целуя лицо Тера, глаза, брови, щеки, губы и даже клыки, ничего не обходя вниманием, нашептывая:

– Мой! Только мой! Ты только мой! А я только твоя!

Гладила его тело, восхищаясь скульптурными, четко вылепленными линиями, плюшево-мягкой кожей, перекатывающимися на груди, руках и ногах мускулами. Не чувствуя неловкости, с непреодолимым любопытством изучала каждый сантиметр его тела. А когда дошла до гордо восставшего свидетельства его мужественности, Тер перевернул меня и подмял под себя. Наш второй раз в точности повторил первый, и я вконец сорвала себе горло и до крови искусала губы.

Как мы оказалась в эльфийском гостевом домике, я почти не помню. Проснувшись и почувствовав Тера рядом, я опять убедилась, что моя жизнь, наконец, изменилась к лучшему, и я счастлива, как никто другой и никогда ранее.

Тервишесс лежал на спине, и мои красные крылья, лежащие поверх его черных, резко контрастировали: тьма и пламя – восхитительное сочетание. Я с удовольствием снова заскользила рукой по его молочной коже, умилялась и вдыхала его аромат, а потом, не удержавшись от соблазна, потерлась об него, чтобы как можно больше его запаха осталось на моей коже. Наверное, во мне было столько любви, что мы купались в ней.

Я взяла огромную руку Тера с жуткими, смертельно опасными когтями, и, положив голову ему на плечо, прижалась к ней губами. Целовала каждый палец, каждую подушечку, зарылась в ладонь лицом,

наслаждаясь ее мягкостью и теплом. А потом накрыла ее своей, молясь про себя, чтобы каждое утро начиналось именно так. Рядом с ним и после ночи неземной любви.

Неожиданно по моим щекам потекли слезы, а все потому, что опять испугалась, ведь мои мечты редко сбывались. Его рука напряглась, моя голова съехала вниз – Тер тревожно склонился надо мной, пристально глядя в мое мокрое от слез лицо. В его голосе звучало неприкрытое беспокойство:

– Почему ты плачешь, Огонек?

– Потому что боюсь! Боюсь, что ты снова будешь смотреть на меня холодным взглядом. Боюсь, что эта ночь и это утро никогда не повторятся!

Тервишесс нахмурился, в его глазах мелькнуло удивление и неуверенность. Потом он прошелестел странно хриплым голосом:

– Юлия! Малышка моя! Понимаешь... Представитель моего рода... Нас всех прокляли из-за моего деда. Его несдержанность в отношениях, развлечениях и желаниях привела к разрушительным для дрийя последствиям. Отец сгорел, пытаясь спасти свой народ, а мать, наверное, последняя из дрийя, кто способен был любить, ушла вслед за любимым мужем. Мой народ на грани вымирания, и я в ответе за него. Жизнь научила меня ответственности, умению контролировать себя, свои эмоции и желания. Это очень важно для правителя. Прости меня, если причинил тебе боль. Мне иногда кажется, что я слишком многое уничтожил в себе, забыл, задвинул. Но ты вытаскиваешь из меня наружу столько забытого, нового и незнакомого, что боюсь, сама скоро пожалеешь. Я могу быть слишком большим собственником и отобрать у тебя свободу!

Последнюю фразу он сказал с каким-то угрожающим рыком и снова страстно посмотрел на меня.

А я наоборот успокоилась и обрадовалась, узнав, что из-за меня он меняется. Ласково коснулась его лица, любимого, обожаемого клыкастого лица. Любовь слепа – это точно, ведь я не вижу его недостатков. Потому что для меня он – одно сплошное достоинство.

– Согласна, Тер, согласна, если ты всегда будешь рядом! Я буду рада вытащить из тебя что-то хорошее! – Смущенно улыбнувшись, зарылась лицом у него на груди, обвинив его руками и хвостом.

Он мягко, расслабленно рассмеялся – и резко затих. Нежно разжал мои руки и приподнялся, прикрыв меня одеялом.

Раздался короткий стук, а затем в комнату вошел Шервисс, чтоб ему икалось весь следующий век, и объявил:

– Отряд готов к отлету, ждем только вас.

Тервишесс коротко кивнул. Шервисс отступил в сторону, пропуская двух знакомых девушек-эльфик с корзинами. Красавицы быстро накрыли на стол и ушли, бросив на меня любопытный и даже, как показалось, одобчительно-теплый взгляд.

Шервисс вышел за ними, а мы с Тером сели завтракать. Но прежде я под его горячим, прямым взглядом оделась и умылась в лохани. При этом помянула оставленные на поляне рубаху и штаны. Да черт с ними, какими-то тряпками. В конце концов, это ерундовая, если так можно выразиться, плата за нашу первую ночь любви. Да я готова заплатить чем угодно!

Глава 12

Мы снова летели, только теперь я, кажется, не тяжело размахивала крыльями, а порхала радостной, беззаботной бабочкой. Три ночи подряд были похожи на ту волшебную и даже казались лучше. Тер, уединившись со мной, заставлял гореть в огне любви мое сердце и тело, и я щедро возвращала ему все, что чувствовала в его объятиях. Но утром он снова вел себя сдержанно и немного отстраненно, как будто надевал бесстрастную маску, но я ждала и надеялась, что придет время, и он научится меня любить, а не только желать. Надо только верить и любить самой.

Другие дрийя постоянно наблюдали за нами, иногда раздражая меня до зубовного скрежета. Причем любопытствовали совершенно откровенно, без зазрения совести – такие малые дети с клычищами и когтями. Однако стоило Теру сплести наши хвосты, успокаивая и делясь таким образом теплом, день снова расцветал яркими красками и радовал светом двух звезд. Я все время крутилась возле любимого, стараясь как можно чаще к нему прикоснуться. А что об этом думали другие, меня не волновало.

Ничего не опасаясь на небесных просторах с крылатой компанией, я уносилась ввысь, заигрывая с теплыми воздушными потоками, подобно непоседливому ребенку, то опережала, то отставала от дрийя, вызывая у них улыбки. В один из таких моментов солнце закрыла тень и, подняв голову, я в ужасе уставилась на драконов, летевших косяком. Опустив шипастые головы, они следили за нами. И впереди всех мой знакомый – Арвен!

Вокруг меня резко сомкнулся плотный круг телохранителей, рядом завис Теришесс и захватил в плен мой хвост. Я хотела было сказать, что и так никуда не собираюсь, но не успела. Драконы спикировали к нам и остановились напротив. Честное слово, мы очень напоминали две

конкурирующие группировки футбольных фанатов, только бит и цепей не хватало. Зато когтей предостаточно, особенно драконьих. Дальше началось выяснение отношений.

Драконы злобно прошипели:

– Проклятые!

– Ящерицы! – не остались в долгу дрийя.

Тервишесс, хвостом задвинув меня к себе за спину, прогрохотал подобно торнадо, глядя на Арвена:

– Что вам надо?

– Ты же знаешь, что! Она! Огненная! Я первый ее нашел, значит, она принадлежит мне! Моя! Если не вернешь, мы уничтожим вас!

И выглядели драконы в звериной ипостаси гораздо более сильными и страшными, нежели мои спутники. Мало того, их пятнадцать и все они смотрели на нас, как на свежее мясо. Тервишесс напрягся, сжал хвостом мой с такой силой, что впору было зашипеть от боли, но я сдержалась и просто его подергала, мол, полегче.

– Она дрийя и выбрала меня! Она моя истинная пара, а значит, принадлежит только мне. Запомни это, ящерица! Неужели она тебя настолько хорошо поджарила, что последние мозги сварились?!

Пропустив мимо ушей едкое замечание соперника, Арвен обратился ко мне:

– Вернись ко мне, девочка, ты не пожалеешь! Я прощаю твою глупую выходку.

Я молча мотала головой, слушая вкрадчивый шипящий голос дракона, который сверлил меня черными змеиными глазами, пробирая до дрожи в коленках, а он продолжал настойчиво убеждать:

– Юлия, они не умеют любить! Ты погаснешь в их холодной, никчемной обители порока и разврата. Без пламени обоюдной любви ты погибнешь, как и Даирс, я же чувствую в тебе этот огонек, который стремится разгореться в неистовый пожар. Я дарую тебе такую возможность, девочка, заставлю разгореться. Я буду любить тебя, моя пламенная красавица, и не позволю страдать. Иди ко мне, я сделаю тебя счастливой.

Столь страстная речь от дракона, совсем недавно гонявшего меня в горах, пытаясь превратить в хорошо прожаренный бифштекс, звучала настолько неожиданно, что я невольно замерла от удивления.

Тервишесс, почувствовав мое состояние, сам зашипел не хуже ящерицы:

– Не тебе судить нас, дракон! Вы не знаете нас, а сами ничуть не

лучше, если даже ваши самки ищут любви у проклятых вами дрийя!

Драконы дружно зашипели и заволновались, шумно взмахивая крыльями и выпуская пар. Арвен презрительно хмыкнул и произнес:

– Последний из проклятого рода Черных Властелинов, из-за одного из вас погибла моя сестра, отдав душу Черному богу! Дрийя не место на Лайдосе! – И выдохнул вместе со струей огня: – Я позабочусь о том, чтобы с-с-стереть о вас даже упоминание...

Тер выставил воздушную преграду. Я тоже ответила огнем. Рвануло так, что нас с ним раскидало в разные стороны.

Крылатые соперники гневно посмотрели на меня и практически одновременно высказали:

– Снова играешься с огнем, маленькая дрийя!

– Юлия, никогда не мешай мне выполнять мужские обязанности, твое дело всегда стоять у меня за спиной!

Услышав Арвена, я ехидно улыбнулась, а на любимого посмотрела с обожанием: мой защитник! Затем резко развернулась к черному дракону и быстро заговорила, пытаясь остановить обе стороны:

– Остановись, Арвен! Я сделала свой выбор. Ты не нужен мне. Разве я стою гибели вас и дрийя?

Огромный черный дракон пыхнул дымом, словно усмехнулся, и медленно облетел Тервишесса, кося на меня настороженным змеиным взглядом:

– Это уже не важно, огненная! Мы здесь, и наш спор должен быть решен любым способом. Лично для меня предпочтительнее смерть. Всех дрийя!

Дальше начался ад. Полетели молнии, хлынул дождь, завыл ветер – дрийя успешно отражали драконье пламя. Кое-кто из наших владеющих, наверное, магией земли, за неимением возможности применить ее в воздухе, недолго думая, вцепился в туши драконов и драл их когтями и клыками. Мягко говоря, тошнотворное зрелище для лиц, не достигших зрелого возраста, к коим я себя отнесла, судя по ощущениям.

– Да пойми же ты, наконец, Арвен! – в ужасе заорала я, предприняв настойчивую попытку достучаться до черного чешуйчатого мстителя. Ты слышишь, я люблю его! Люблю больше жизни. Жить без него не могу!

Арвен помрачно выплюнул:

– Тем хуже для него!

А Тервишесс замер, пораженно глядя на меня, и чуть не попал под огненную струю Арвена. К счастью, любимый успел увернуться. Пока дракон разворачивался для новой атаки, вокруг меня образовалась странная

переливающаяся сфера, похожая на огромный мыльный пузырь. Напрасно я штурмовала ее стенки – она мягко откидывала меня обратно в центр. После нескольких неудачных попыток выбраться, я притихла и молча наблюдала за воздушным боем. Если сначала я думала, что моих соплеменников огромные драконы сомнут, словно бульдозер, то теперь убедилась, дрийя нет равных.

Гораздо более крупные по сравнению с ними, драконы оказались менее поворотливыми, медлительнее, она тяжелее маневрировали и разгонялись. Даже их ответное пламя было не столь метким, как им бы того хотелось. Я наблюдала за битвой титанов – по-другому это побоище не назовешь. В стороны летели паленные перья, драконья чешуя, раздавались то мрачные ругательства, то глухой болезненный рык. Мельтешение тел, огонь, вода и ветер смешались вместе с молниями или градом. У меня кружилась голова, подкатывала тошнота. Победа уже практически была у нас в лапах, осталось лишь немного поднажать. Арвен с Тервишессом соревновались в магическом поединке, пытаюсь выяснить, кто сильнее.

Но тут произошло непредвиденное. Эйнисс – самый старший дрийя, – сраженный прямым попаданием по крыльям огненной струи полетел вниз, кувыркаясь. Заметивший его Шервисс отвлекся от своего противника, чтобы перехватить товарища на лету. Оставшийся в одиночестве серебристый дракон, изрядно потрепанный и окровавленный, ринулся к Теру и на подлете выпустил ему в спину огонь. Тер, словно почувствовав опасность, резко развернулся, уходя с траектории пламени, но не успел – ему опалило бок.

Я смотрела на все словно в замедленной съемке. Вот он заваливается на здоровый бок и падает, как сломанный стебель. А рядом нет силы, способной подхватить его, спасти это прекрасное создание природы. Глаза Тера медленно закрываются, в последний миг я успеваю перехватить его взгляд, полный грусти и боли.

Его боль смешивается с моей, усиливая ее и заставляя перелиться через край. Мое пламя вырывается наружу и заполняет сферу, сдерживающую меня и, наконец, разрушает ее. Я стремительно несусь к медленно падающему Теру, а к нему на помощь уже спешит пара наших окровавленных телохранителей, в своей крови или чужой, не знаю, но это уже не важно, потому что они подхватывают его, а я зависаю между ними и драконами.

Во мне горит месть и боль. Его боль и моя слились, а к ним примешался страх. Но боль пересилила, заставила выйти из транса и прохрипеть застывшим, словно мухи в киселе, голосом, от которого у меня

самой зашевелились от страха волосы на загривке:

– Я послана богами, чтобы спасти дрийя! Неужели, ты, Черный Арвен, не хочешь, чтобы дух Даирс, наконец, освободился? – В моем голосе взревело пламя и жажда мести: – Я уничтожу любого, кто посягнет на жизнь моего любимого, каким способом – не важно. Как думаешь, дракон, что боги сделают с мерзавцем, покусившимся на их посланца?! Во мне их кровь и плоть, и не тебе решать, кому сегодня умирать! Проваливай отсюда, пока проклятие не легло и на твой народ!

Я блефовала, не в силах сдерживать свое оголодавшее пламя, жадно гудящее вокруг тела. Оно срочно требовало подпитки, а пока не получит своей жертвы, будет грызть меня изнутри.

К моей невероятной удаче, расчет запугать врага сработал: драконы медленно отступили, нехотя развернулись и отправились восвояси. Они улетали тяжело, а некоторые с большим трудом размахивали крыльями, то и дело заваливались на бок. В этой битве досталось всем, и победителей не было.

Усмирив пламя, я повернулась к своим. Восемнадцать дрийя, включая Шервисса, с удивлением и уважением смотрели на меня, затем склонили головы, признавая мою волю. Хриплым, скрипучим голосом я попросила телохранителей опустить потерявшего сознание Тера на землю. Кого-то винить в случившемся нельзя, все воевали, и Шервисс спасал другого. Но я не могла думать ни о ком, кроме Тера. Сейчас меня заботило только его состояние.

Дрожа я коснулась его груди и заплакала от облегчения, услышав мерный и сильный стук сердца. Весь правый бок был опален едва не до костей. Одежда свисала клочьями вместе с кожей. Я начала лечение, сконцентрировав всю силу...

Казалось, живот прилип к позвоночнику от дикого голода, мушки мелькали в глазах, руки горели. Я была на пределе и держалась только благодаря силе воли и желанию видеть Тера живым и здоровым. Я почти лежала на нем, когда открыла глаза и увидела, что его бок покрылся молодой, тонкой, лысой шкуркой. А надо еще ЭйниССу с обожженными крыльями помочь.

После лечения второго раненого я провалилась в беспамятство.

Не знаю, сколько я там пробыла, но когда медленно открыла глаза, мысленно уже ожидая кучу неприятностей, неожиданно встретила горячий взгляд лучших в мире синих глаз. Тервишесс ласково провел ладонью по моей щеке, шее – медленно, приятно, нежно. Кое-что изменилось, чуть-чуть, но это отразилось в глубине его взгляда: ушли холод и пустота. Он

наполнился теплом, которое мой героический дрийя прятал глубоко в душе.

По моим щекам пробежали слезы, и Тер напрягся, нахмурил черные брови. Чувствуя себя голодной, но до неприличия счастливой я прошептала:

– Я испугалась за тебя! Чуть с ума не сошла! Пожалуйста, будь впредь осторожнее!

Морщинка между бровей Тера разгладилась, он снова нежно коснулся моего лица, ласково прошелестев:

– Хорошо, буду! Я за тебя тоже очень испугался, Юлия, всегда держись позади меня!

Я проказливо улыбнулась, нисколько не веря, что вспомню обещание, если нам, не приведи боги, будет грозить очередная опасность, но кивнула и добавила:

– Хорошо, как скажешь! Тер, дорогой, давай не будем о грустном, а то мне очень кушать хочется!

Лицо любимого озарила, по-другому это чудо не назовешь, мягкая улыбка, преобразившая его в один момент, превратив в озорного мальчишку, каким ему вряд ли довелось побыть.

– Юлия, ты вечно голодная! Но я полностью согласен с тобой. Сейчас мы тебя покормим, маленькая.

И начал отстраняться. А я непроизвольно прижалась к нему всем телом. Тер обнял меня и хрипло спросил:

– Что случилось, маленькая? Чего ты испугалась?

Я шмыгнула носом и честно призналась:

– Ты! Ты меня напугал! Чуть не умер, а я... Я бы без тебя тоже умерла! Боюсь! Я боюсь тебя потерять!

Он зарылся рукой в мои волосы на затылке, потом погладил по спине и, еще крепче прижав к своему стальному телу, прошептал:

– Никогда не потеряешь! Я обещаю! А слово дрийя – закон для него самого! Мой маленький, колючий, упрямый Огонек!

Я знаю, Тер слышал, как я кричала Арвену, что люблю его, но не упоминал.

Затем меня накормили, можно сказать, на убой, после чего я снова улеглась спать на расстеленные плащи. А когда проснулась, уже почувствовала себя отдохнувшей и полной сил. Ночная тишина нарушалась лишь стрекотом насекомых. Тервишесса рядом не было, двое караульных сидели возле костра и тихо беседовали, охраняя покой остальных дрийя. Заметив, что я проснулась, они внимательно уставились на меня. Кивнув им, я встала, чтобы просто размяться, а то все крылья отлежала.

Потянувшись и подвигавшись, я направилась в лес, предварительно бросив выразительный взгляд на караульных, молчаливой тенью следовавших за мной. Не помогло, пришлось раздраженно шипеть, что мне надо уединиться. Те вняли и, не забыв ухмыльнуться, вернулись к костру. Вздохнув с облегчением, я зашла поглубже и сквозь ветки заметила блеск воды, совсем рядом.

Через пару минут я вышла на берег небольшого круглого озера, в котором отражались две луны. Волшебный серебристый свет словно до краев наполнил озерцо, переливаясь и мерцая между берегами. Невероятное зрелище, особенно когда я увидела, как прямо ко мне плывет мой живой и здоровый герой, мощно и красиво рассекая лунное серебро.

Тер встал и начал медленно, не отрывая от меня таинственного темного взгляда, выходить из воды. По его телу стекала вода, оставляя затейливые следы на светлой бархатистой коже, а я наслаждалась открывшимся мне зрелищем и торопливо снимала с себя одежду. Скинула ботинки вместе со штанами под смеющимся, горячим взглядом Тера, который стоял по пояс в воде, ожидая меня, рывком содрала с себя рубашку и шагнула в воду. Она оказалась на удивление теплой.

Я положила ладони ему на грудь и ласково провела по ней. Зажмурившись от удовольствия, изучала Тера руками, потом губами, а потом у него закончилась выдержка: он подхватил меня под ягодицы и прижал к себе, медленно погружаясь в мое лоно. Наши движения сопровождались глухим рычанием, вырывавшимся из его горла, и моими тихими вздохами, словно мы не хотели нарушать лесную тишину.

Зато всплеск магии был таким, что, кажется, от бури чувств, которые мы испытывали, радуясь, что не потеряли друг друга, возле нас нагрелась вода. Тер медленно пошел к берегу, уложил меня на песок и накрыл тяжелым сильным телом...

За секунду до «взрыва» я прохрипела, цепляясь за его плечи:

– Я люблю тебя Тер! Я так сильно люблю тебя, мой бог!

Затем меня поглотила вспышка экстаза, накрывшая с головой и заставившая гореть, взметая искры до небес.

После того, как мы успокоились, и я снова лежала у него на груди в коконе из крыльев, я неуверенно спросила:

– Тер, любимый, скажи, так будет всегда? Нереально хорошо? У нас? А у других?

Он помолчал, а я с упоением слушала, как сильно и ровно бьется его сердце. У моей макушки прошелестел его короткий вздох, а затем раздался волшебный голос, заставивший трепетать мою душу:

– Не знаю как у других, но тебе я обещаю! У нас так будет всегда! Я постараюсь! Я рад, что доставляю тебе столько удовольствия.

Я приподняла лицо и посмотрела в глаза любимого:

– Это не просто удовольствие, Тер, это сравнимо с маленькой смертью и новым рождением. А... тебе... эм-м-м... Нравится быть со мной?

Мой голос звучал неуверенно и он удивился:

– Огонечек, откуда сомнения? Я вместе с тобой умираю и возрождаюсь вновь. И подобное я впервые испытываю только с тобой. И никогда с другими.

Как я представила этих других, так руки непроизвольно сжались вокруг него – уберечь, оградить, присвоить. И бедняга-проказник хвост судорожно пытался обвиться сначала вокруг его талии, затем бедра, – наверное, если бы мог, то плюнул бы от разочарования, что не в силах отхватить столько желанного, – а потом нашел «более сговорчивый» хвост и оплел его, насколько хватило длины. У меня невольно вырвался удовлетворенный вздох, которому вторил мягкий смешок Тера: его хвост тоже пытался обнять меня покрепче.

Спустя какое-то время Тер, почувствовав, что я засыпаю, искупал меня в теплой воде и смыл песок, собранный на берегу. Потом мы быстро обсушились, используя магию огня и ветра, и оделись. В лагерь любимый мужчина нес меня на руках, баюкая словно ребенка, и я заснула под мерный стук его сердца.

Глава 13

По территории дрийя мы летели уже два дня. К полудню третьего среди горных вершин показался огромный город. Изящные с виду, но весьма крепкие каменные дома буквально вырастали из скал. То тут, то там возникали узкие переходы, смертельно опасно нависая над пропастями. Серая горная гряда, поросшая кустарником и деревьями, перемежалась домами, большими и маленькими, сложенными из разноцветного камня, с красными черепичными крышами (какая прелесть!), с окошками, украшенными витражами, с причудливыми тропинками, лестницами и переходами. У домов пестрели яркими цветами клумбы; зеленые лужайки с удобными лавочками радовали глаз, не говоря уже о дворцовом парке с низкорослыми деревьями, аккуратными дорожками и подвесными мостиками. Иногда прямо из скалы бил или фонтан, или многокаскадный водопад, доводя мое воображение до изнеможения. Как такое вообще

возможно?

По сравнению с людьми Приграничья, где я жила, дрийя оказались более продвинутыми. Это сразу заметно, будто бы попал из рыцарского замка, хоть и вполне обжитого в, скажем, Версаль. С той разницей, что весь город с высоты птичьего полета выглядел как сплошной дворцовый парк. Никакого нагромождения жилья и глядящих друг в друга окон, как и высоченных заборов. Видимо, дрийя любят свободу не только в небе, но и на земле. Множество народа ходило по улицам и летало над городом, вот только я не увидела непоседливых ребятишек, которых было полно в замке Таурика.

Я парила рядом с правителем дрийя, медленно, гордо размахивающим крыльями – наверняка давал мне возможность полюбоваться его прекрасной родиной, – и крутила головой. Наше появление вызвало ажиотаж. Они задирали головы, глядя на нас, а некоторые прилетали к нашему отряду, но держались на приличном расстоянии, так или иначе выражая огромное любопытство. В основном их внимание доставалось мне, но в особенности – красным крыльям. Видимо, здесь это действительно редкость. Во всяком случае, среди множества серых, белых, черных, пестрых и даже подобных петушиным, я не увидела ни одних похожих на свои.

Признаться, несмотря на грозное сопровождение, я опасалась новых сородичей. Как они будут относиться ко мне, если не удастся снять проклятие? Да еще после того как собственными глазами увидела, что детей здесь действительно нет, встревожилась: не коснулось ли и меня проклятие, смогу ли я иметь детей, даже если не получится у них? Хоть бы слова Арвена о том, что я новое поколение, не тронутое проклятием, оказались правдой!

Разглядывая женщин дрийя, вспомнила мнение Шервисса о моей манере одеваться. Одежда здешних дамочек, если ее можно назвать таковой, не скрывала, а наоборот откровенно подчеркивала все их многочисленные достоинства. Небольшие яркие лоскутки на груди, притягивавшие мужские взгляды, и длинные воздушные на талии, прикрывавшие лишь стратегическую зону, игриво колыхались при каждом движении этих необыкновенно красивых женщин. Вместо ботинок на их изящных ножках было нечто вроде разноцветных босоножек с яркими тесемочками, ленточками, цветочками, бантиками. Эдакий пляжный минимализм.

Ну ладно женщины, мужчины дрийя в выборе символической одежды тоже не подкачали – поголовно красовались в цветных полупрозрачных

шароварах и, в лучшем случае, жилетках, украшенных бисером. Пожалуй, Арвен прав: это бордель! Сказочно красивый горный бордель. Мой хвост уже привычно метнулся к хвосту Тера, обвил его и притянул поближе. В голове у меня невольно билась только одна мысль: как при таком разнообразии полуголых прелестниц удастся удержать его рядом с собой? С трудом!

Я металась по комнате, яростно шипя, словно ошпаренная кошка, и это сразу после свадьбы, а что будет дальше, боязно даже представить. Свадебный наряд – белоснежная юбка с лифчиком-топиком – мне очень к лицу, отлично сочетались с огненной шевелюрой и персиковой кожей. Но то, насколько хорошо я выглядела на столь важном для моей жизни событии, теперь меня не радовало, было уже не интересно и не волнительно, как еще несколько часов назад.

Сразу по прилету в столицу, город Небесный, Тервишесс объявил о нашей свадьбе. Через три дня после возвращения в замок Черных Властелинов, который теперь будет моим домом, меня нарядили в белую «одежду», правда, предварительно поинтересовавшись, какой цвет свадебного наряда я предпочитаю, но жаль, что не спросили про фасон. И чуть ли не под конвоем членов Совета привели на небольшую площадку в центре городской площади. Мы с Тервишессом, тоже выбравшим белую одежду, стояли друг напротив друга. У меня замирало сердце и останавливалось дыхание при взгляде на жениха, впрочем, как и у многих, многих других женщин, смотревших на него не столько с восхищением, сколько с вожделением.

Главный жрец бога Ганту, которому поклоняются дрийя, порезав наши ладони, сомкнул их вместе. Потом послышалась таинственная песня, и мне казалось, что она не уходит в пространство, а накручивается на наши запястья, рисуя невидимые узоры. И не обманулась: как только жрец закончил петь, я увидела витиеватый синий рисунок на моем запястье и такой же у Тервишесса, только красный, как мои крылья.

Жрец внимательно, с одобрительной улыбкой осмотрел наши запястья, опять соединил ладони и продемонстрировал, что рисунки-тату двигаются, то сливаясь в целое, то снова расходясь, но постоянно дополняя друг друга. Наверняка без магии и божественной воли не обошлось!

Тервишесс, отстранив свою руку, внимательно глядя на меня, сказал:

– Теперь ты навсегда моя, Юлия, и никто не в силах этого изменить! Осталась только одна малость – и пойдем праздновать.

Он посмотрел на жреца, и я увидела у того в руках четыре тонких парных одинаковых браслета с черными рунами. Наверное, это они и есть, те самые браслеты Ганту, гарантирующие супружескую верность. Я неуверенно посмотрела мужа:

– Ты хочешь, чтобы мы их надели?

Тервишесс, заметив мои сомнения, заметно помрачнел:

– Ты обязана их надеть! Таков обычай высоких лордов!

И снова появился бесстрастный холодный взгляд и такой же голос, пробирающий до костей. Посмотрев мужу в глаза, я тихо, но уверенно призналась:

– Я люблю тебя, Тервишесс! И чтобы хранить тебе верность, мне не нужны оковы! А вот в тебе у меня подобной уверенности нет! Я надену их, если ты так желаешь, но только после того, как первым наденешь сам!

Вокруг зароптали. Правитель молча и мрачно смотрел на меня. А у меня все обрывалось внутри. Глядя на него прямо, пыталась скрыть боль за вызовом. Тягостное молчание прервал Тервишесс, хрипло спросив:

– Ты хочешь забрать не только мою корону, но и достоинство, малышка? Стать выше меня? Чтобы я признал тебя главной, высокая леди из рода Черных Властелинов? Нет! Боюсь, тебе придется выполнить свой долг перед народом и надеть браслеты первой!

Боль и обида затопили меня, но гордость помогла выстоять:

– Я, Рожденная Огнем, уже сказала свое слово и не могу его изменить! Ведь ты сам сказал, что слово дрийя – закон для него. Мой закон для меня превыше любого другого, тем более, как понимаю, я его не нарушаю и жду от тебя того же, но ты, похоже, не намерен хранить мне верность, как я тебе?!

Гости и служители Ганту напряженно следили за нами в оглушительной тишине. Проводивший обряд главный жрец в недоумении взирал на нас с браслетами в руках. Ведь брак уже заключен и расторгнуть его нельзя, а новобрачные не обычные дрийя, которым можно приказать прекратить распри и закончить «с миром».

Тервишесс еще несколько мгновений сверлил меня взглядом, в котором нельзя было прочесть ни малейших эмоций, а потом, уже разворачиваясь, заявил, добивая меня окончательно:

– Ну что ж, Юлия, когда примешь правильное решение, сообщишь!

И ушел прочь, оставив меня посреди площади в окружении тысяч дрийя.

На лицах вытаращившихся на меня как на обезьяну в цирке мужчин и женщин, отражались разные чувства. Семеро старейшин смотрели недоуменно и осуждающе. Остальные выдавали целую палитру различных эмоций. Некоторые наверняка думали, стою ли я тех претензий, которые предъявляю, другие открыто восхищались, скорее всего, моей наглостью. Кое-кто смотрел с вожделением – охотничий азарт разыгрался. На лицах женщин отражалось любопытство или зависть, в зависимости от того, чего те сами хотели от жизни.

Я же испытывала лишь боль. Снова предали и бросили...

Рядом со мной возникли Шервисс с Харвиссом, личным телохранителем Тера, который, молча склонившись, тихо сообщил:

– Высокая леди Юлия, правитель приказал доставить вас в ваши личные покои. Пока не примите правильного решения, мне приказано охранять вас и его честь.

И смешно, и горько. Горько оттого, что не проводил сам, а послал Шервисса и охрану, а смешно, потому что боится: вдруг я прямо после брачного обряда пушусь во все тяжкие – отправлюсь ему изменять. До чего мы докатились? Быстро же мы потеряли доверие друг к другу. Распахнув пламенные крылья, я плавно взмыла в небо, а внизу раздался восхищенный вздох толпы, и неторопливо полетела к своим покоям во Дворце Черных Властелинов в полной уверенности, что уходить надо красиво, а не нестись, поджав хвост. Вслед за мной взлетели Шервисс с Харвиссом.

Вечером Тервишесс не пришел, оставив мучиться от неизвестности: где он, с кем и чем занят? Поэтому моя «брачная» ночь прошла в кошмарах и бессоннице. Выключилась я только под утро и проснулась после обеда, чувствуя себя несчастной, разбитой и больной. Две женщины, которых мне определили в качестве личной прислуги, помогли одеться в зеленый костюмчик, пошитый в духе традиционного минимализма – короткий топ, открывающий рыжий животик, и юбка из длинных, до пола, полос, закрепленных на золотистом пояске. Завершили наряд босоножки с ремешками такого же цвета. Как будто я сама не справилась бы – что там сложного? Затем накрыли на стол и удалились.

Уставившись в тарелку, я думала свои мрачные думы, ничего не видела и не слышала. Как снять проклятие – понятия не имела, поэтому, покопавшись в памяти, воспроизвела слова Арвена:

*Огонь любви растопит стены твердыни холода и тьмы,
И силе покорится слабость, когда сгорев дотла,*

*У правящего дрийя восплает сердце.
Иного нет пути и нет спасенья
Для тех, кто проклят был,
Как только в это пламя окунуться
И добровольно правящим его признать!
И тот, кто в пламени сгорел хоть раз,
Способен будет жизнь другому дать.*

Я крутила слова и так и эдак, но никак не могла понять, что зашифровано в предсказании. Почему сотни лет дрийя не могли решить эту задачку? Как я могу им помочь? Сердце сжималось от одиночества и холода. Я же физически не способна долго находиться без любимого. Искала выход из сложившейся ситуации и не видела. Только полная «капитуляция»! Ну что же, придется смириться с неизбежным, как со своеобразным злом или условием для обретения счастья.

Глотнув холодного морса на дорожку, я остановилась перед зеркалом, разглядывая себя. По сравнению с остальными дрийя я невысокая и хрупкая, как подросток. Волосы, заплетенные в сложную косу, пылают наравне с крыльями. Сверкают огромные, зеленые, сумасшедшие от боли и страха глаза. Губы сжаты в тонкую линию, обнажая клыки. Крылья носа яростно раздуваются в попытке обрести уверенность, а руки сжимаются в кулаки.

Повертела рукой с синей брачной тату – знаком принадлежности Тервишессу, – как магнитом притягивающей мое внимание. Вдох-выдох, все, сил больше нет терпеть разлуку.

Я решительно вышла и едва не бегом устремила по длинному коридору в личные покои повелителя и мужа. Два телохранителя, озабоченно посмотрев на меня, следовали по пятам. Наверное, видок у меня был тот еще – зеркало не обманывало. Личная охрана Тервишесса меня не остановила, только подозрительно напряглась, но я не придавала этому значения и зашла внутрь. Комната была наподобие гостиной, а пахло морозным утром – неповторимым ароматом, который я с упоением вдохнула, истосковавшись по любимому.

Из спальни Тера послышался его голос, и я, забрав со стола четыре браслета, видимо оставленных здесь еще вчера, распахнула двери и... замерла на пороге, увидев его у окна, стоявшим ко мне спиной. Он смотрел на извивающуюся на кровати белокурую красотку, «одетую»

исключительно в драгоценности, позвякивающие на запястьях и щиколотках. Увидев меня, женщина не прекратила ласкать себя, лишь презрение мелькнуло на ее лице.

А меня разрывала дикая боль. Да такая, что я не могла ни заорать, ни с места сдвинуться. Тервишесс обернулся, в его глазах читалась ярость и такое же презрение, как у любовницы. Увидев меня, он замер, и презрение быстро сменилось удивлением, но он по-прежнему стоял, не двигаясь. Боль выжигала меня изнутри, заставляя сердце плавиться и истекать кровью. Кажется, всем на свете было слышно, как зашипела кровь и начала испаряться в полыхающем во мне огне. Так больно, что когти впивались в ладони, прорывали кожу, что я чувствовала, как теплая кровь покапала на белоснежный ковер.

Мое тело резко развернулось, словно жило само по себе и не хочет здесь больше находиться. Краем глаза я заметила, как Тер сделал знак рукой в попытке меня остановить или что-то сказать. Но я не желала ничего слушать и побежала прочь. Прочь из этого дворца. На свободу! Я пробежала мимо молчаливой охраны, ставшей свидетелем моего позора. Помчалась дальше по коридору, но, почувствовав, как давят стены, вылетела из окна. Взмахнула крыльями и ушла свечкой в небо. Прочь отсюда, как можно дальше, чтобы не совершать ошибок, чтобы подумать, как жить дальше и пережить горе.

Меня провожали удивленные лица, расплывающиеся перед моими глазами. Слезы лились уже беспрестанно и, подняв руку, чтобы вытереть их, я заметила зажатые в ладони браслеты. Хотела выкинуть, но не смогла разомкнуть пальцы. Ведь браслеты связывают меня с Тервишессом, несмотря ни на что! Я поняла, наконец, тех безумцев, которые любят вопреки всему, отдавая себя в пожизненное рабство добровольно и безвозмездно. Неужели и моя судьба будет похожа на их?

Перелетев за гору, я направилась навстречу двуликому светилу. Как можно ближе, как можно выше, чтобы хоть с кем-нибудь поделиться терзающей меня болью. Разве может быть ее столько в одном существе? Разве можно вытерпеть столько? Но я все смогу, надо только перетерпеть! Пережить! Осмотреться и придумать, как завоевать Тера! Научить его любить. Любить только меня! Надо только постараться.

Наконец я выбилась из сил. Застыв словно свечка, устремленная к солнцу, заорала, выплескивая накопившуюся боль и гнев. Все разом, чтобы не спалили мое существо. Мой дикий рев разнесся в разреженном горном воздухе, множась и разрастаясь эхом, даже показалось, что это крик умирающего существа. Я совсем выдохлась и, сложив крылья, начала

падать вниз, входя в крутое пике. Скалы, камни и редкие деревья неумолимо приближались, а я все падала, падала, падала и не спешила раскрывать крылья.

Я пыталась всплеском адреналина запустить умирающее сердце, но оно лишь выло в предсмертной агонии. Еще чуть-чуть, и ветер сможет наполнить мои крылья, но именно в этот момент я заметила огромную черную тень, метнувшуюся ко мне, а в следующее мгновение меня обхватили сильные крепкие руки. Любимые руки Тера, который, крепко прижав меня, медленно спустился на одну из каменных площадок, освещенных полуденным солнцем.

Так было уже не раз, когда укутанная собственными крыльями, я смотрела на своего героя. Его глаза, наполненные такой же болью и диким страхом, горели синим бешеным огнем. Его голос скорее скрежетал, чем шелестел как раньше:

– Она сама явилась и хотела заинтересовать меня, но я отказал ей еще раньше. Раньше, чем ты пришла. Это была ее последняя попытка, но она провалилась. Я не хочу ее! Я не хочу никого, кроме тебя, Юлия, ты слышишь? Я не притронулся к ней и пальцем. Никогда, слышишь, никогда не делай этого. Не надо! Ведь я люблю только тебя! Ты так крепко засела у меня в голове, в сердце, под кожей, что больше никому и никогда не удастся меня от тебя вылечить. А я и не хочу. Ты научила меня любви, маленькая моя, огненная малышка. Приручила как дикое животное. Я весь твой, с потрохами. Только не умирай, девочка моя. Ты меня сейчас до смерти напугала. Слышишь? Понимаешь? Я согласен на все! На все, ты слышишь меня?! На все, что скажешь или захочешь!

Я потрясенно молчала, не веря собственным ушам, глазам и чувствам. Он сказал правду? Он меня любит! Не увидев ответной реакции, Тер все настойчивее просил:

– Ты хотела, чтобы я первым надел браслеты Ганту. Я согласен, любимая. Даже если ты их не наденешь никогда, согласен. Для тебя и ради тебя, любимая моя девочка!

Он мягко высвободил из моих израненных рук браслеты, провел когтем по собственной ладони и обагрил их в нашей крови. Взял пару и надел на свои запястья. В тот момент, когда Тер защелкнул браслеты, они вспыхнули ярким красным цветом, моим цветом, и я отчетливо ощутила отголосок своей крови в магических артефактах. Мой мужчина коротко вздохнул и снова преданно посмотрел на меня:

– Ты довольна, любимая? Отныне я полностью твой! Безраздельно! Твой! Я люблю тебя!

У меня по щекам снова потекли слезы. Только теперь слезы счастья и радости. Я забрала у Тера вторую пару и защелкнула их на своих запястьях. Навсегда! Они тут же вспыхнули ярким синим огнем. Но я и без них знаю, что принадлежу только одному мужчине! Вскинула на Тера сияющие счастьем и любовью глаза и прошептала, ласково, трепетно касаясь его лица в нежной ласке:

– Я люблю тебя и буду любить всегда!

И услышала в ответ, его твердое, уверенное признание:

– Я люблю тебя и буду любить всегда! Ты главное всего на свете! Твоя любовь для меня важнее всего!

И вдруг над нами вспыхнул купол: словно надули большой мыльный пузырь, а он взял и неожиданно лопнул. Лично мне показалось, что сразу стало легче дышать. Испуганно прикинув к груди любимого, я спросила:

– Что это было?

Тервишесс подхватил меня на руки и с легким счастливым смехом закружил.

– Это проклятие, любимая! Оно пропало! У нас получилось! Нет, у тебя получилось.

Я радостно смеялась, наслаждаясь его горячими руками:

– Нет, любимый, это как раз ты его разрушил!

Заметив его недоуменный взгляд, я процитировала слова второй части проклятия и пояснила свою мысль:

– Арвен сказал, что Даирс любила и хотела, чтобы ее избранник тоже научился любить. Поставил свою любовь выше всех благ и удовольствий. И ты это сделал! Ты признал свою любовь ко мне самой величайшей своей ценностью, тем самым разрушив проклятие дрийя.

– Так просто? Клянусь самым Ганту, я готов полюбить всех самок дрийя и признать эту любовь великой! – раздался ироничный и вместе с тем веселый голос Шервисса.

Мы с Тери обернулись и уставились на него. А я про себя, с радостью, конечно, отметила, что любимый впервые на моей памяти потерял контроль настолько, что не заметил, как к нам подлетели несколько телохранителей во главе с Шервиссом и благоговейно ожидали, когда мы закончим признаваться друг другу в любви. Все, кроме одного темпераментного, нагловатого болтуна! Поэтому такой же веселой ехидцей парировала:

– Ты забыл, дамский угодник, волокита и сердцеед, что проклятие снято и теперь тебе могут предъявить общий счет, причем в наследниках! Ты уж лишний раз подумай, прежде чем делать что-либо во имя «великой»

любви.

Эпилог

Я кормила грудью своего сынульку, поглаживая его огненные волосики и заглядывая в сонно закрывающиеся белесые глазки. Интересно, чей цвет достался ему по наследству? Играя с маленькой, но уже такой крепкой лапкой с небольшими коготочками, я вспоминала последние два года, прошедшие с того знаменательного дня, когда пало проклятие. Было столько восторгов, шума, суеты! А сколько родилось нечаянных, со смешанной магией, незаконных отпрысков у дрийя! За семьсот лет они совсем отвыкли в чем-либо отказывать себе. Вот и результат!

Дальше пошли сплошные дуэли чести, призывы к повелителю помочь женить очередного самца на великовозрастной доченьке, оказавшейся в известном положении. Зато численность дрийя неуклонно росла, как и число законных браков. Повелитель слишком радел за ответственность в жизни, поступках и чувствах, и его подданным волей-неволей приходилось перестраиваться и учиться жить по-новому, или по хорошо забытому старому, сдерживая свои любвеобильные сущности. Но, судя по поведению Шервисса, поголовного исправления ждать еще долго.

Мои мысли прервали родные большие ладони, осторожно скользнувшие по моим обнаженным плечам. Нежно поглаживая, они спустились к груди, у которой кормился маленький будущий повелитель из рода Черных Властелинов. Нынешний же, погладив пальцем нежную щечку сына, прильнул к моей спине. Склонился надо мной и лицом зарылся в волосы, лежавшие на изгибе моей шеи. Затем, слегка прикусив кожу, вызвал волну непередаваемо приятных мурашек, а потом завладел уснувшим ребенком.

Осторожно держа сына, Тер смотрел на него с такой беззаветной любовью и обожанием, что с их силой могла поспорить только его любовь ко мне, жене и матери его первенца. Я абсолютно уверена: меня он любит больше всех на свете и, несмотря на дичайший материнский инстинкт и чувства к своему пока единственному ребенку, понимаю, что так же люблю Тера. Больше всех на свете.

Это странно и в тоже время понятно. Нам двоим! Потому что мы – единое целое и разделить нас нельзя. Зато наша любовь к ребенку превосходит все мыслимые пределы, и, как заявлял Шервисс, ему придется в скором времени лично заняться воспитанием нашего сына, иначе мы

непременно его испортим сумасшедшей опекой, заботой и любовью. А настоящему мужчине нужна дисциплина.

Я неизменно иронично отвечала Шервиссу, что понимаю, почему он не стал настоящим мужчиной. Ведь лично его дисциплине так и не научили. А моему ребенку важнее всего научиться любить и быть любимым, чтобы иметь возможность разделить ее на двоих и подарить жизнь другому.